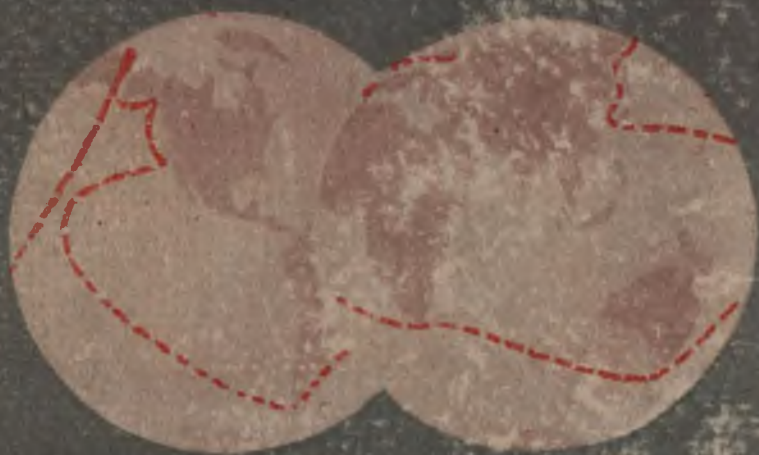
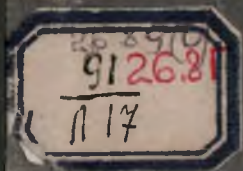

А. П. Лазарев

ПЛАВАНИЕ
ВОКРУГ СВЕТА
ВОЕННОГО ШЛЮБА

„Благонамеренный“

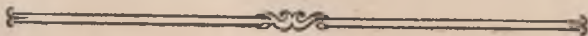
А. П. Лазарев

Записки
ПЛАВАНИИ
военного
шлюпа

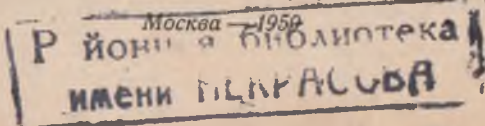
Благонамеренного
в
БЕРИНГОВ ПРОЛИВ
и
ВОКРУГ СВЕТА

для открытий
в 1819, 1820, 1821 и 1822 годах
Веденные гвардейского экипажа
лейтенантом

А. П. Лазаревым

Государственное издательство географической литературы

26 89(0)
117

*Под редакцией,
со вступительной статьей и комментариями
А. И. СОЛОВЬЕВА*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце июня 1819 года на Кронштадтском рейде стояло шесть готовых к отплытию военных кораблей. Все они отправлялись в «дальний вояж», но с разными целями и по разным маршрутам. Двум из них — «Гектору» и «Олимпу» — был предписан сравнительно короткий путь к берегам Англии. Четыре других корабля отправлялись в длительное кругосветное плавание навстречу многим опасностям для решения важных научных проблем.

Флотилию, предназначенную для научных открытий, составляли четыре шлюпа: «Восток», «Мирный», «Открытие» и «Благонамеренный».

Два первых из них под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева входили в «дивизию» (отряд экспедиции), направлявшуюся в высокие широты Антарктики с целью проникнуть как можно ближе к Южному полюсу и окончательно решить вековую загадку о существовании или отсутствии суши у Южного полюса.

Миф о «Южной земле» (*Terra Australis*) возник в незапамятные времена, но никто еще и никогда до начала XIX века не удостоверился собственными глазами в на-

личии этой земли. Наоборот, знаменитый английский мореплаватель XVIII века Джеймс Кук в результате своей неудачной попытки открыть Южную землю с безнадежностью писал, что Антарктиды или не существует совсем, или достичь ее невозможно. «Я обошел океан южного полушария на высоких широтах и совершил это таким образом, что неоспоримо отверг возможность существования материка, который если и может быть обнаружен, то лишь близ полюса, в местах, недоступных для плавания... положен конец дальнейшим поискам южного материка, который на протяжении двух столетий неизменно привлекал внимание некоторых морских держав и был излюбленным предметом рассуждений для географов всех времен».

Кук сделал решительный вывод:

«...я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне»¹.

Как известно, отважные русские моряки экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, преодолев во время плавания крайние опасности и настойчиво стремясь к цели, опровергли мнение Д. Кука и сделали одно из величайших географических открытий всех времен — установили существование обширного материка Антарктиды и обошли его вокруг.

Участники этой экспедиции обогатили географическую науку последней по времени открытия частью света и покрыли себя навеки неувядаемой славой.

Наконец, на рейде Кронштадта стояли расцвеченные флагами шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный». Перед ними была не менее важная для науки и в высшей степени актуальная для России того времени задача — отыскать морской путь от Берингова пролива в Атланти-

¹ Джеймс Кук. Путешествие к Южному полюсу и вокруг света. Гос. изд. географ. литературы, 1948, стр. 33.

ческий океан в обход Северной Америки, т. е. решить проблему Северо-Западного морского пути.

Эта «дивизия» шла под начальством капитана М. Н. Васильева, командовавшего «Открытием», и его заместителя Г. С. Шишмарева, которому был вверен шлюп «Благонамеренный».

О северной экспедиции, продолжавшейся более трех лет, до сего времени известно крайне мало. В отличие от других первых русских кругосветных плаваний о ней не было опубликовано в свое время подробного описания.

Его не составили ни М. Н. Васильев, ни Г. С. Шишмарев.

В течение длительного срока работы экспедиции и сразу по возвращении ее в разных изданиях того времени появлялось немало сообщений об ее успехах и условиях плавания. По прошествии около 30 лет после окончания плавания — в 1849 году — в «Отечественных записках» были опубликованы записки участника экспедиции мичмана Гиллесема (Гильсена). В последующие десятилетия экспедиция упоминается в описаниях кругосветных плаваний, в хронологических сводках мореплаваний, в исторических обзорах морского флота и т. д.¹, но полного, систематического описания экспедиции — от первого до последнего дня — как полагали, никто из

¹ Краткие сообщения об экспедиции Васильева и Шишмарева и описание ее имеются в следующих изданиях: ряд статей в «Северном архиве» (1822 и др.) в «Отечественных записках» (1822 г. «Об успехах Северной экспедиции под командою кап.-лейт. Васильева», в соч. Берха («Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны», — 1823, ч. 1), ст. в «С.-Петербургских ведомостях» (1829), ст. в «Сыне отечества» (1830, 1850), в «Москвитянине», «Месяцослове» (1842), «Журнале Министерства народного просвещения» (1848), соч. А. Маркова «Русские на Восточном океане» (1849), в исследованиях Ивашинцева о русских кругосветных путешествиях (1849—1850, 1872), несколько статей «в Морском сборнике» (1852 и др.), в «Кронштадтском вестнике» (1872), в капитальных исследованиях историка русского флота Ф. Веселаго «Краткая история русского флота» (1895 изд. 1, и 1939 изд. 2, сокр.) и др.

участников плавания не составил. Никто из исследователей истории русских кругосветных плаваний также не взял на себя труд изучить имеющиеся в архивах материалы об этой экспедиции и монографически осветить ее в печати. Поэтому до сего времени считалось, что описания экспедиции М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева не существует.

Ускорить выход в свет данной книги помогло открытие в Смоленском государственном областном архиве рукописи, представляющей подробное описание экспедиции одним из ее участников — лейтенантом Алексеем Петровичем Лазаревым, братом знаменитого мореплавателя, исследователя Антарктики, флотоводца, командовавшего в свое время Черноморским флотом, его преобразователя, создателя известной черноморской «Лазаревской» школы — адмирала Михаила Петровича Лазарева.

«Жизненный путь» рукописи пока неизвестен. Почему она не была в свое время опубликована? Как она оказалась в Смоленском архиве? Ответить на эти вопросы можно лишь предположительно.

Как видно из самой рукописи, лейтенант А. П. Лазарев на протяжении всего плавания изо дня в день вел подробный личный дневник, послуживший ему впоследствии основным материалом для подробного описания плавания экспедиции. Подлинная рукопись А. П. Лазарева прекрасно сохранилась. Это объемистый труд в 325 стр., форматом в лист писчей бумаги, написанной на бумаге с водяными знаками гусяным пером чернилами коричневого цвета и заключенный в твердый кожаный переплет с золотым тиснением заглавия на корешке. Ввиду того что рукопись А. П. Лазарева имеет прямое и непосредственное отношение к истории славного русского военно-морского флота, она передана Центральному государственному архиву Военно-морского флота СССР и ныне там хранится под индексом ЦГАВМФ, ф. 1153, д. 1. Подлинник.

Обнаружение рукописи А. П. Лазарева послужило толчком к тому, чтобы отыскать и систематизировать все имеющиеся документы об этом плавании. Поэтому, кроме «Записок» А. П. Лазарева в книге, предлагаемой вниманию читателя, публикуются в качестве приложений

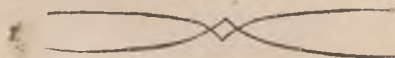
Записки

*о
Плавании
Военного Шлюпа Благонаименнаго
въ
Беринговъ проливъ и вокругъ свѣта
для открытій,
въ 1819, 1820, 1821 и 1822 годахъ,*

*Виднаго Барскаго экипажа Лейте-
нантомъ, князя Его Император-
скаго Величества Рихель-Архютан-
томъ и капитаномъ 2го ранга*

А. П. Лазаревичъ

Часть первая

Титульный лист рукописи А. П. Лазарева

материалы, дополняющие описание А. П. Лазарева и документально освещающие задачи, условия организации и оценку результатов экспедиции современниками.

Копия рукописи, обнаруженной в Смоленском государственном областном архиве Т. Г. Тимохиной, была

передана кафедре истории географии Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова, изучена и предварительно обработана А. И. Соловьевым при ближайшем участии Т. Г. Тимохиной и В. В. Дмитриева. Окончательную подготовку к печати рукописи и всех приложений произвели старшие научные сотрудники Центрального государственного архива Военно-морского флота под руководством начальника архива майора А. А. Самарова. Общая редакция, комментирование текста и вступительная статья выполнены А. И. Соловьевым.

При археографической обработке «Записок» А. П. Лазарева и всех прочих документов, составляющих приложения, текст оригинала передан по современной орфографии с сохранением стиля, а там, где это считалось нужным, и особенностей орфографии того времени. Явные опiski исправлены без всяких оговорок, в тех же случаях, когда непонятный текст исправить не представлялось возможным, он оставлен без изменений, с оговоркой в подстрочном примечании: «так в подлиннике».

Дополненные редакцией части слов и отдельные слова взяты в прямые скобки.

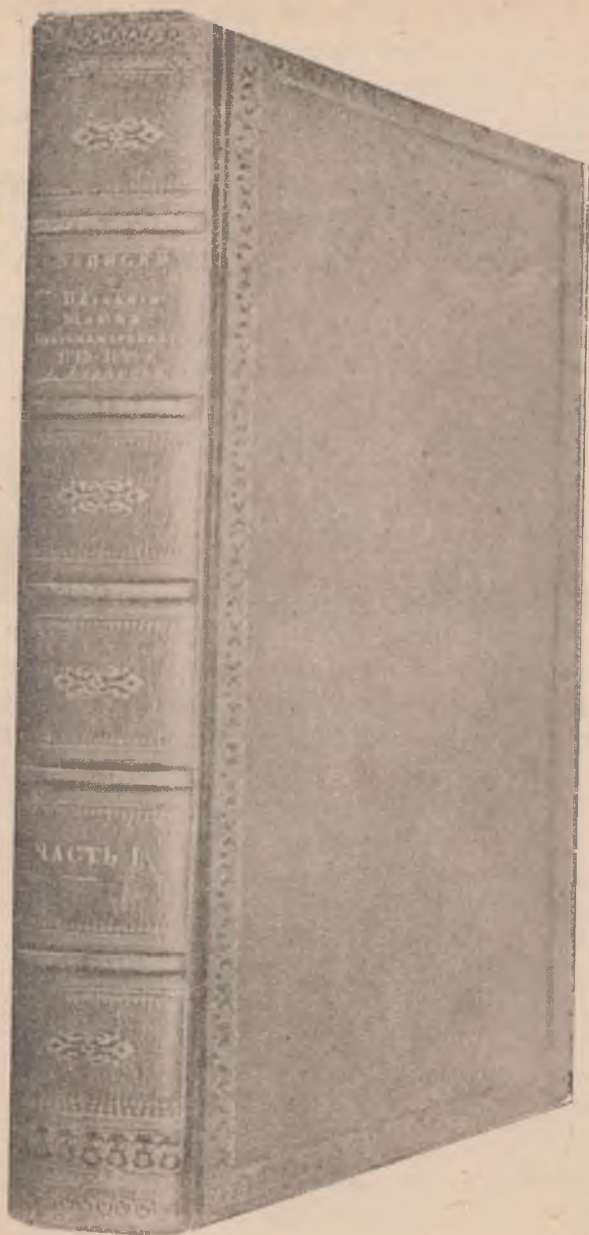
Слова, обозначающие титулы лиц царской фамилии, даны в сокращенном виде: «его императорское величество» — «е. и. в.», также сокращены определение часов и минут. Пунктуация дана по смыслу.

Названия румбов и курсов сохранены в транскрипции подлинника («северо-северо-запада», «зюйд-норд-зюйд» и т. п.

Части текста, не представляющие интереса, опущены и отмечены отточием (...).

Подстрочные примечания, принадлежащие автору «Записок», оговорены особо.

В легендах указан шифр, включающий название архива, номера фонда, дела, листов и вид документа.

Рукопись А. П. Лазарева в переплетенном виде

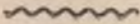
Со стороны научной редакции в рукопись не внесено никаких существенных исправлений, кроме крайне незначительных сокращений совершенно устаревших суждений автора и дат, обозначенных на полях рукописи А. П. Лазарева.

Даты в тексте везде сохранены, как в оригинале, по старому стилю.

Все меры длины и др. также сохранены, как в оригинале.

В необходимых случаях даны или комментарии к ним, или для перевода их следует обращаться к таблицам, имеющимся в приложении. Особо следует отметить, что показания барометра даны по принятой тогда шкале в дюймах (дм.), а температура частью по Фаренгейту, частью по Реомюру. Счисление долгот сохранено в рукописи всюду от Гринвичского меридиана к востоку (от 0 до 360°).

Всем учреждениям и прежде всего Смоленскому государственному областному архиву, кафедре истории географии Московского ордена Ленина государственного университета имени М. В. Ломоносова, Московской публичной исторической библиотеке, а также отдельным лицам: доценту Т. Г. Тимохиной, В. В. Дмитриеву, А. П. Херсонскому, профессору К. А. Салищеву, профессору С. Д. Муравейскому, капитану I ранга А. А. Демину, профессору М. С. Боднарскому, доценту В. П. Калоянову, М. А. Максимову, М. Г. и И. А. Соловьевым и другим, принимавшим то или иное участие в подготовке этой книги к печати, Центральный государственный архив Военно-морского флота СССР и редакция выражают глубокую признательность и искреннюю благодарность.

КРУГОСВЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ М. И. ВАСИЛЬЕВА И Г. С. ШИШМАРЕВА И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

I. РАЗВИТИЕ РУССКИХ МОРЕПЛАВАНИЙ В АРКТИКЕ И В ТИХОМ ОКЕАНЕ

Конец XVIII и начало XIX века были знаменательным рубежом в истории развития российского морского флота.

На грани этих столетий русские моряки начали славленную эпопею кругосветных мореплаваний.

Ей предшествовала длительная история «овладения морем», в течение которой кочи и лодии древних русских мореходов «переросли» в морские корабли, а мореходы приобрели вековой опыт судовождения и овладели в совершенстве мореходным искусством.

Первые дальние морские походы совершались русскими поморами в «Студеном море». Они имеют многовековую давность. На утлых ушкуях, шитиках, кочах и лодиях беломорские и кольские мореходы уже в XIII и XIV веках пробивались в такую даль «полуночных» стран, до которой никто и никогда из мореплавателей других стран не ходил. В XV веке северные промышленники бывали у берегов Новой Земли, ходили до Груманта (Шпицбергена) и не исключено, что уже тогда они видели неприветливые берега еще более северных островов Арктики. Суровая школа мореходства в условиях ледовых морей вырабатывала в них бесстрашие перед приполярной морской стихией, накапливала знания природы

морей, опытом вырабатывала усовершенствования в средствах и технических приемах судовождения, копила практические навыки, передававшиеся от поколения к поколению. В XVI веке построенные на берегах Белого моря корабли ходили в Западную Европу с государственными миссиями в обход Скандинавии. По свидетельству англичанина Борро, встречавшегося в это время с промысловыми судами поморов у берегов Мурмана и Новой Земли, «Русские были смелыми и хорошими мореходами, и суда их шли быстрее английских»¹.

В том же столетии мореходы из Архангельска, Мезени, Пустозерска плавали к устьям западносибирских рек, а в XVII веке они пробирались вдоль северных берегов Сибири до Лены и далее до Колымы. В 1940—41 годах на северном острове Фаддея и на восточном берегу Таймырского полуострова была сделана замечательная находка многих вещей, оставшихся здесь от торгово-промышленной экспедиции, состоявшейся не позднее 1617 г. Она свидетельствует о том, что северный морской путь был открыт русскими более 330 лет назад. Этот путь в Сибирь в начале XVII века был не только хорошо известен, но имел уже немаловажное экономическое и стратегическое значение.

Идея о возможности плавать северным путем из стран Западной Европы в Индию побуждала и иностранцев, особенно голландцев и англичан, к попытке изыскать этот путь сначала на западе («Северо-западный морской проход») — к северу от Америки, а потом и на востоке («Северо-восточный проход») — вдоль берегов Азии и через полюс к проливу между Азией и Америкой.

Теперь достоверно известно, что иностранцы узнали о морском пути вдоль азиатских берегов от русских людей, в частности, из рассказов русского посла в Рим Дмитрия Герасимова (1518 или 1525 г.), на пути своем побывавшем в разных странах. С его слов была написана в Западной Европе первая книга о Руси; из его же повествования ученым Западной Европы стало известно о пути на восток по «Студеному морю». Источником сведений об этом были и другие русские люди. Одновременно с Дмитрием Герасимовым, но морским пу-

¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. 1937, Л., стр. 101.

тем, ходил в XVI веке (около 1550 г.) в Испанию в составе дипломатической миссии толмач (переводчик) Василий Власов. По данным И. И. Петрова, он там встречался с мореходами Западной Европы, может быть, даже с Каботами. Жгучий интерес к изысканию северных путей в Индию не мог не заставить иностранцев выведывать сведения и у В. Власова. В XVI веке на восток устремляются морем иностранные купцы и промышленники Уиллоби и Ченслер (1553), Стефан Бурро (1556), Артур Пит (1580), Виллем Баренц (1596—97) и др. Кроме отдаленных, они преследовали и более реальные цели наживы за счет сибирской драгоценной пушнины, а вместе с тем стремились провести и «Сибирские земли». Эти ближние цели создавали реальную угрозу подрыва выгодной для русской казны торговли с заграницей «мягкой рухлядью» и могли вызвать еще более опасные последствия для русских владений на севере Сибири. Именно этими опасностями был вызван строгий запрет (1619 г.) русским мореходам показывать иностранцам путь на восток и проводить их корабли. Опасности эти были столь велики, что были запрещены плавания и самих поморов, а на Югорском шаре и на Ямальском волоке были установлены заставы.

Как правильно указывает М. С. Боднарский, Московским правительством в XVII веке «была проявлена благоразумная осторожность... противостоять вторжению в низовья Оби иностранных кораблей, богатых военно-морской техникой, имеющих большой опыт колониальных завоеваний и борьбы за новые морские пути»¹.

В 1648 г. Дежнев и Алексеев совершили одно из величайших географических открытий, выйдя от устья Колымы и обогнув Восточный мыс Азии. Пройдя проливом между Азией и Америкой, они завершили русские географические открытия на Великом Северном морском пути из Атлантического океана в Тихий. Существует мнение, что ни они, ни правители Якутского воеводства, ни Московское правительство не придали существенного значения открытию пролива между материками и поэтому сообщение С. И. Дежнева было «похоронено» в ар-

¹ Боднарский. Очерки по истории русского землеведения. Изд. АН СССР. 1947, стр. 20.

хивах воеводства. Это мнение, несомненно, ложно. Дежнев был достаточно сведущий человек, чтобы ориентироваться в направлении движения с «полуночи на полуденник» и сообразить, что он достиг восточного края Сибири и открыл пролив, отделяющий Азию от Америки. Дежнев придавал своему открытию, как свидетельствуют его «отписки», большое значение. Будучи в Москве, он, конечно, рассказывал не только об открытой им «кошке¹ с рыбьим зубом», но и о проливе. Дело, конечно, в том, что «заказ крепкий» в 1648 г. был еще достаточно памятен, и всякие сведения о северном морском пути, на любом его участке, держались в тайне, под страхом казни за разглашение иностранцам.

Фактически, таким образом, северный морской путь, соединяющий Атлантический и Тихий океаны, русским мореходам был известен с давних пор, но для предотвращения плаваний иностранцев, после «заказа крепкого», не делалось попыток использования его для сквозного прохода.

В том же XVII веке русские землепроходцы вышли на берега Тихого океана гораздо южнее. Иван Москвитин вышел на охотское побережье у устья реки Ульи в 1639 г.; Василий Поярков впервые сплыл по Амуру и шел Охотским морем к северу до устья Ульи в 1643 г.; Владимир Атласов прошел до южной оконечности Камчатки в 1697 г., а Иван Козыревский «проведал» Курильские острова в 1713 году; открытие морского ходу через Охотское море к Камчатке Невейцыным и Трескою в 1714 г. — все это вывело русские корабли в Тихий океан, сделало Россию тихоокеанской морской державой и подготовило почву для плаваний и великих географических открытий на севере Тихого океана в XVIII веке.

Заложение Петром I основ русского военно-морского флота, несомненно, воспринявшего опыт мореходства поморов, но поставленного на научный фундамент «навигационного искусства», открыло новую эру в подвигах русских мореходцев.

Географические открытия на востоке Беринга, Чирикова, Шелихова и многих других имели следствием организацию русских колоний на островах Алеутской гряды

¹ Кошка—галечная коса в устье реки Анадырь, на которой Дежнев нашел много клыков моржа, высоко ценившихся на рынке.

и на Аляске. Многочисленные плавания промышленников морского зверя (Емельяна Басова (1743—49 гг.), штурмана Неводчикова (1745), Трапезникова (1749), Глотова (1759 и 1763), Андриана Толстых (1760) и многих других, а затем знаменитого «рыльского почетного гражданина» Гр. Шелихова и Российско-американской промышленной компании умножили сведения о природе северной части Тихого океана, его островов и значительной доли побережья Северной Америки. Плавания кораблей Беринга, промышленников и Российско-американской компании, в которых участвовало немало видных профессионалов-моряков, вместе с русским военным флотом (плавание Креницына и Левашева в 1768 г. и др.) разрушили державшиеся долгое время в науке фантастические представления о «Земле Гамы», об «Анианском проливе» и т. п.

Пробиваясь к морям на Западе, в баталиях с внешними недругами, в дальних плаваниях на севере и востоке, русские моряки все более совершенствовали мореходную науку, создавали методику исследования навигационных условий, развивали гидрографию и укрепляли средства мореплавания. И если Беринг и Чириков во время первой Камчатской экспедиции (1725—28 гг.) и отряды Великой Северной экспедиции (1733—43 гг.) работали еще на небольших судах, построенных на месте, то на западе уже ходили крупные русские военные корабли вокруг Европы и одерживали победы в Средиземном море.

Во времена Петра I лишь разрабатывался проект экспедиции в Индийский океан; к концу XVIII века имелись реальные возможности готовить экспедиции из Петербурга в русские владения Америки и вокруг света¹.

Русский военный флот XVIII века был уже мощной силой, а русские ученые моряки вложили немалый вклад в науку о морях и в естествознание вообще².

¹ При Екатерине II готовилась экспедиция под начальством Муловского вокруг света на 5 судах. См. Голенищев-Кутузов — Предприятие императрицы Екатерины II для путешествия вокруг света в 1786 г. СПб., 1840, стр. 16. Экспедиция не состоялась из-за войны с Турцией и напряженных отношений с Швецией.

² Роль русского флота в развитии естествознания отчасти освещена в работе Т. И. Райнова. Труды Инст. истории естествознания АН СССР, т. I, 1947, М.—Л., стр. 169—219.

II. РУССКИЕ ВЛАДЕНИЯ В АМЕРИКЕ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА. ЮЖНЫЕ МОРСКИЕ ПУТИ К НИМ. ВОПРОС О СЕВЕРНОМ МОРСКОМ ПУТИ ИЗ АТЛАНТИЧЕСКОГО ОКЕАНА В ТИХИЙ И ЭКСПЕДИЦИИ ПО ЕГО ИЗЫСКАНИЮ

Организация Гр. Шелиховым Российско-американской торгово-промышленной компании (1797) и ее широкие политико-экономические полномочия открыли возможность расширить русские владения в Америке на громадные пространства северо-западной части материка.

Компания под руководством А. И. Баранова распространила русское влияние и владения России до северных берегов Аляски и далеко на юг, до колонии Росс, основанной в 1812 г. близ бухты Сан-Франциско на параллели 38°33'.

Нет ничего удивительного в том, что, видя широкие торгово-промышленные связи Компании и силу ее флота, один из королей острова Атуан (в группе Гавайских) решил войти в 1815 г. под покровительство России, а король острова Оваги писал русскому императору письмо о желании завязать с Россией тесные торговые отношения.

Развитие и экономическое укрепление колоний в Америке, увеличение товарооборота с главными экономическими центрами Европейской России, совершавшиеся сухим путем через всю Сибирь без благоустроенных дорог, заставляло уже в XVIII веке искать более удобных и дешевых морских путей. Трудности навигации в северных морях обращали стремления к изысканию морских путей на юге. В то время, когда Западная Европа была повергнута в пожар «наполеоновских войн», русский флот вышел на морские просторы для изыскания этих путей, в большинстве завершавшихся рейсом вокруг земли.

И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский на шлюпах «Надежда» и «Нева» первыми проложили в 1803 г. морской путь из Кронштадта в обход мыса Горн в Тихий океан к Гавайям, Камчатке, Японии, в русские владения в Америке и завершили его, обойдя вокруг света.

В 1807—1809 гг. состоялось второе плавание к русским колониям в Америке и вокруг света под начальством В. М. Головнина на шлюпе «Диана», пла-

вание, наполненное сложными событиями и двукратным пленением В. М. Головнина (англичанами и японцами).

Политическая и экономическая потребность в морской связи между Европейской Россией и ее заморскими владениями в Америке была столь настоятельной и необходимой, что даже Отечественная война 1812 года ненадолго прервала «дальние вояжи» по океанам. В 1813—1816 гг. плавал в русские колонии и вокруг света капитан М. П. Лазарев на «Суворове», в 1815—1818 гг. Коцебу на «Рюрике», в 1816—1819 гг. ходил вокруг света Л. В. Гагемейстер на «Кутузове». Не окончилось еще его плавание, как В. М. Головнин на шлюпе «Камчатка» вышел из Кронштадта в пятое русское кругосветное плавание (1817—1818 гг.)¹. Ежегодно совершались рейсы между Петербургом и русскими колониями в Америке кораблями Российско-американской компании. В начале XIX века южные морские пути в Америку были не только открыты, но и вполне освоены русскими мореплавателями.

Это обстоятельство не снимало, однако, необходимости изыскания морских путей на севере — освоения издавна известного, но не изученного, Северо-восточного прохода вдоль берегов Сибири и Северо-западного — в обход Америки с севера. По теоретическим расчетам эти пути должны были быть значительно короче и, в случае их освоения, — выгоднее.

Проблема того и другого пути решалась с давних пор. Помимо экономического, оба они, как было ясно уже сотни лет назад, имеют громадное стратегическое значение. Так как трасса морского пути из Атлантического океана в Тихий вдоль берегов Сибири была, как говорилось выше, закрыта для иностранцев, последние не оставили попыток отыскать северо-западный путь. Несмотря на неудачи Джона и Себастьяна Каботов, Кортереала, Картье, Мартина Фробишера, Джона Девиса в XVI веке, англичане и датчане предприняли ряд экспедиций с этой целью в следующем столетии. Наиболее значительными из них были, попрежнему неудачные, плавания Генри Гудсона, Бейлота с Баффином, Иенса Мунка, Фокса и Томаса Джемса.

В XVIII веке, после экспедиций Беринга и Чирикова,

¹ См., например, соч. Андрея Лазарева о плавании на «Ладого», Коцебу — о плавании на «Рюрике» и др.

наиболее смелыми и важными по своим результатам попытками с этой целью были плавания В. Я. Чичагова, Джемса Кука и Г. А. Сарычева. Первое из них было задумано М. В. Ломоносовым. Его проект поражает смелостью и грандиозностью. М. В. Ломоносов предложил, по существу, кругосветное плавание, звеном которого были северные приполярные моря. Он рассчитывал, что один отряд экспедиции под начальством В. Я. Чичагова на трех судах пройдет из Архангельска к Шпицбергену, а оттуда через полюс к Берингову проливу, чтобы затем обойти Евразию с юга. Второй отряд экспедиции, под командованием П. К. Креницына и Левашева, должен был, по плану Ломоносова, дожидаться Чичагова у Берингова пролива и пройти затем северным путем в обратном направлении. Технические средства мореплавания того времени, конечно, не давали возможности преодолеть льды Арктики, но оба отряда экспедиции получили для науки важные материалы о природе арктических стран, с одной стороны в районе Шпицбергена, с другой,— у Алеутских островов и Берингова пролива.

Джемс Кук и Кларк, зная бесплодность изысканий северо-западного морского пути со стороны Атлантического океана, решил попытаться обогнуть Америку с севера, со стороны Берингова пролива (1778—1780 гг.). Пройти им удалось до $70^{\circ}13'$. Они побывали у северо-западных берегов Аляски, открыли ряд заливов, мысов, проливов и, не выполнив главной задачи, видя безнадежность плавания, возвратились к открытым им Гавайским островам, и здесь Кук погиб в схватке с местными жителями. Участник плавания — Клерк, руководивший плаванием после гибели Кука на Гавайских островах, высказал мнение, что попытки найти путь от Берингова пролива на восток или на запад безнадежны.

Гораздо большие результаты для познания природы крайнего северо-востока Азии, Аляски и омывающих их морей дала восьмилетняя экспедиция Г. А. Сарычева и Биллингса (1785—1793). Номинально начальником ее был Биллингс, фактически же главную роль играл его помощник — исключительно инициативный и самоотверженный лейтенант Г. А. Сарычев, по характеристике Крузенштерна «только же искусный, как и трудолюбивый мореходец». Экспедиция была снаряжена в 1778 г. на средства правительства с целью определить геогра-

фическое положение островов между Азией и Америкой на севере Тихого океана и для изыскания северного морского пути. Построенные на реке Ясашной суда «Паллас» и «Ясашная» обследовали побережье Сибири к востоку от Колымы и попытались проникнуть к северу и к востоку в тяжелых льдах. Ввиду сплошного ледяного покрова это намерение пришлось оставить и предпринять поход из Охотска на построенном там корабле «Слава России». Дойдя до Берингова пролива, Биллингс оставил Сарычева на корабле, а сам ушел работать на суше — по маршруту от Мечигменской губы до Нижне-Колымска. Сарычев в это время вел съемку и исследование побережий Берингова моря. В двухтомном сочинении «Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану» (с атласом карт и рисунков) изложены результаты геодезических съемок и масса интересных наблюдений над природой и жителями Восточной Сибири и Алеутских островов¹.

В начале XIX в., в то время как Англия предпринимала новые попытки отыскания Северо-западного прохода со стороны Атлантического океана (Джон Росс, Давид Бухан, Джон Франклин, Эдуард Парри), русское правительство снаряжает две крупные экспедиции для отыскания северных путей со стороны Берингова пролива.

Первая из них под начальством О. Е. Коцебу — участника кругосветного плавания И. Ф. Крузенштерна — была отправлена в 1815 г. на бриге «Рюрик». Снарядил ее на свои средства бывший министр коммерции, а затем государственный канцлер Н. П. Румянцев. Помощником Коцебу был капитан Г. С. Шишмарев. Пройдя на Камчатку в обход мыса Горн, Коцебу направился от Камчатки к «Восточному мысу» (мыс Дежнева) и в Ледовитый океан. Встретив здесь непроходимые льды и претерпев сильную бурю, «Рюрик» прошел к острову Уналашке, затем в Сан-Франциско и к Гавайским островам.

В следующем году Коцебу сделал еще одну попытку проникнуть к северу от Аляски. Во время плавания на

¹ Труд Г. А. Сарычева издан в 1802 г. и с того времени не переиздавался. Ввиду его историко-географической важности ныне Географгиз готовит новое издание этого труда.

севере в 1816 г. О. Е. Коцебу описал западную часть побережья острова Св. Лаврентия, открыл бухту Шишмарева и обширный залив, получивший имя Коцебу, на американском берегу Берингова пролива, исследовал залив Св. Лаврентия на азиатском берегу, описал острова Св. Павла и Св. Георгия (группа островов Прибылова). Побережье Аляски Коцебу и Шишмарев сняли на карту на протяжении свыше трехсот миль. По пути «Рюрика» экспедицией было открыто несколько островов в Тихом океане. Подобно всем предшествовавшим русским мореплавателям вокруг света экспедиция вела обширные океанографические работы — промеры глубин, измерение температур морской воды на поверхности и на глубинах, впервые определяла прозрачность и удельный вес воды, изучала морские течения, приливы и отливы, а также склонение магнитной стрелки; естествоиспытатель Шамиссо собрал коллекцию растений около 2 500 экземпляров. Чрезвычайно интересные материалы были получены о населении островов Тихого океана, северо-востока Азии и побережий Аляски.

Продолжая дело исследования океанов, вслед за своими славными предшественниками — Крузенштерном и Лисянским, Головинным, М. П. Лазаревым и др., — углубляя и расширяя знания о мировом океане, Коцебу и Шишмарев выполнили и специальную задачу. Их экспедиция была первым русским кругосветным плаванием с исследовательскими целями, без какого-либо иного служебного задания и третьей научно-исследовательской экспедицией, после плаваний Креницына, Левашева и Сарычева, для отыскания морского пути вокруг Аляски. Задачу открытия этого пути экспедиция не решила, да и не могла решить на парусном корабле и без сухопутных средств исследования. Однако трудами Коцебу, Шишмарева и самоотверженно работавшей под их руководством немногочисленной команды удалось сделать большой шаг вперед в исследования арктических морей и берегов Аляски. Как арктические исследователи они превзошли прославленного Дж. Кука. Их географические открытия и материалы исследований быстро стали достоянием русской науки. Экспедиция возвратилась в Кронштадт в 1818 г. Отчет о плавании был опубликован в 1821 г. Значение плавания и интерес к нему были столь велики, что труд Коцебу (ч. I и II «Путе-

шествия») и его помощников (ч. III) были немедленно переведены на английский, голландский и немецкий языки.

Изыскания северного морского пути из Тихого океана в Атлантический были столь актуальными, что едва успела возвратиться экспедиция Коцебу и Шишмарева, как русское правительство снарядило следующую с той же научно-исследовательской целью — «для открытий и изыскания северного морского пути» — под начальством капитана М. Н. Васильева и капитана Г. С. Шишмарева на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный».

III. ОРГАНИЗАЦИЯ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ЭКСПЕДИЦИИ М. Н. ВАСИЛЬЕВА И Г. С. ШИШМАРЕВА.

История снаряжения этой экспедиции несколько необычна по сравнению с другими экспедициями вокруг света и в русские владения в Америке. Необычна она тем, что шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный» составляли часть грандиозного научно-исследовательского предприятия, которое должно было охватить исследованием высокие широты обоих полушарий. Эти корабли именовались «второй дивизией», а «первую дивизию» образовали шлюпы «Восток» и «Мирный», предназначавшиеся для плавания к Южному полюсу под начальством Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева¹.

Обе «дивизии», как видно из документов, снаряжались как единая экспедиция, хотя работать они должны были в районах разных полюсов земного шара.

В совокупности это было, действительно, грандиозное предприятие, свидетельствующее о величии русского народа в те годы, когда он незадолго перед тем разбил первоклассную по тому времени армию Наполеона в Отечественной войне и когда слава русских воинов гремела во всем мире. Большинство западноевропейских государств еще далеко не восстановили своего разрушенного хозяйства. Даже приморские страны, кроме Англии, еще не помышляли в это время о «дальних вояжах» и лишь английские экспедиции развертывали свои действия по отысканию «Северо-западного прохода».

¹ Кроме этих двух «дивизий» в том же году отправлялась в Арктику экспедиция под начальством Андрея Петровича Лазарева для описания берегов Новой Земли и изучения северных морей.

Кроме непосредственного решения поставленных перед «дивизиями» насущных задач, плавание их имело, несомненно, большое политическое значение.

Пока не установлено точно, кто был инициатором этого крупного научно-исследовательского предприятия. Известно лишь, что первые документы о снаряжении экспедиции, имеющиеся в Центральном государственном архиве военно-морского флота, относятся к концу 1818 года. Они свидетельствуют о том, что крупнейшие мореплаватели того времени — Г. А. Сарычев, И. Ф. Крузенштерн и др. — занимались разработкой проекта экспедиции. Не исключено, что инициатором всего предприятия был знаменитый гидрограф — адмирал Г. А. Сарычев. Изучивший ныне часть архивных материалов об этой экспедиции контр-адмирал Е. Е. Шведе сообщил в своей вступительной статье к новому изданию труда Ф. Ф. Беллинсгаузена «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане», что заключение о плане этой экспедиции и свои предложения об осуществлении ее давал только что возвратившийся из кругосветного плавания на «Рюрике» лейтенант О. Е. Коцебу, а в марте 1819 г. морскому министру прислал записку на 21 странице со своими соображениями И. Ф. Крузенштерн. Он предлагал, в частности, назначить начальником «первой дивизии» выдающегося мореплавателя В. М. Головнина¹ или, ввиду его отсутствия, — Ф. Ф. Беллинсгаузена, а второй дивизии — О. Е. Коцебу. Правительство назначило начальниками «дивизий» капитана II ранга Ф. Ф. Беллинсгаузена и капитан-лейтенанта М. Н. Васильева. Помощниками их и командирами судов «Мирный» и «Благонамеренный» — капитан-лейтенантов М. П. Лазарева и Г. С. Шишмарева.

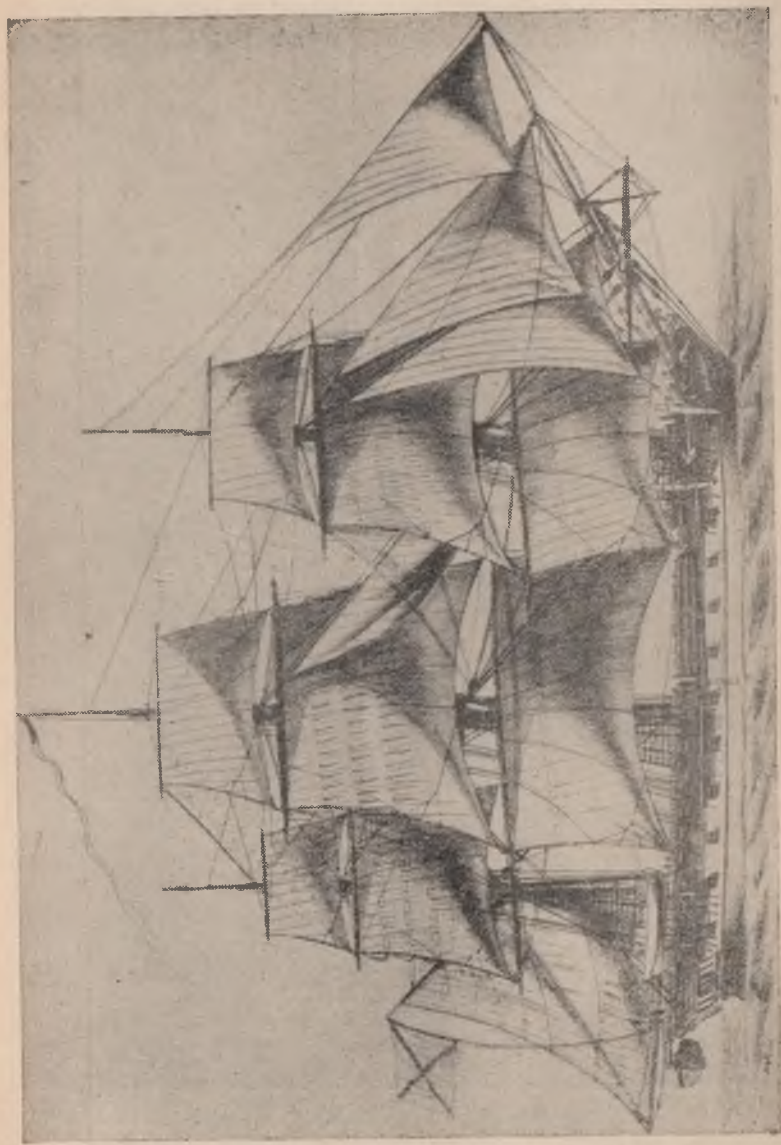
Неизвестно, кем и по каким соображениям были выбраны для плавания указанные выше корабли. В каждую «дивизию» входил шлюп и перестроенный по типу шлюпа транспорт.

Шлюпы «Восток» и «Открытие» были построены на Охтенской верфи судостроителем Стоке. Они однотипны — по 900 тонн водоизмещения, 39,5 м длиной, 10 м шириной, со средним углублением 4,4 м, с глубиной интрьума в 5,2 м и с 28 орудиями каждый. Заложены они

¹ В. М. Головнин находился в это время в кругосветном плавании на корабле «Камчатка».

Общий вид шлюпа «Мирный», однопипного с шлюбом «Благонамеренный».

Общий вид шлюпа «Восток», одностопного с шлюпом «Открытие».

были в 1817 г., окончены постройкой и спущены на воду в 1818 г. По мнению Ф. Ф. Беллинсгаузена, во время плавания выяснились некоторые недостатки кораблей — излишняя высота рангоута, недостаточная прочность корпуса, неважное качество материала и небрежная работа.

Транспорты «Мирный» и «Благонамеренный» были меньшего водоизмещения — всего 530 тонн. Длина их 36,5 м, ширина 9,1 м, орудий на каждом по 20. Строились с 1816 по 1818 г. Оба корабля были построены на Лодейном поле, первый — корабельным мастером Колодкиным, второй — Курепановым. Для дальнего плавания оба корабля были несколько перестроены под тип шлюпов. По заключению М. П. Лазарева, «Мирный» показал превосходные свойства как по крепости, так и по ходовым качествам. «Благонамеренный» (раньше назывался «Свирь»), судя по характеристике А. П. Лазарева, несколько уступал «Открытию» в скорости хода, а во всем остальном был лучше «Открытия».

Днища всех судов перед плаванием были покрыты медной обшивкой. Трудности во время совместного плавания шлюпов с транспортами вызывались различием в скорости хода. Шлюпы обладали лучшими мореходными качествами, транспорты — меньшей скоростью хода.

Публикуемые ниже документы показывают, что Адмиралтейств-коллегией немало внимания и забот было уделено комплектованию личного состава экспедиций и обеспечению его всем необходимым в пути. Главному командиру Кронштадтского порта предписывалось «избирать служителей самых здоровых и не старше 35-ти лет, как более могущих переносить труды на море, а притом знающих сверх своей должности некоторые мастерства»¹.

Состав участников плавания был укомплектован в числе 74 человек на «Открытии» и 83 человек на «Благонамеренном». Среди них находились:

	На «Откры- тии»	На «Благона- меренном»
Капитан-лейтенант	1	1
Лейтенантов	3	2
Мичманов	2	2
Боцманов	1	—
Боцманмат	1	1
Квартирмейстер	1	1

¹ См. «Указ» Адм.-коллегии от 13/III—1819 г.

Барабанщик	1	1
Флейтщик	1	—
Матросов I статьи	28	44
Матросов II статьи	12	—
Баталер сержантского чина	1	1
Слесарь	1	1
Лекарь	1	Штаб-лекарь 1
Фельдшер 1-го класса	1	1
Штурмана 9-го класса	1	12-го класса 1
Штурманские помощники унтер-офицерского чина	2	1
Шхиперский помощник унтер-офицерского чина	1	1
Комендор	1	—
Плотник 3-го класса	1	2
Конопатчик 2-го класса	1	2-го и 3-го класса 2
Парусник 3-го класса	1	1
Купор 2-го класса	1	3-го класса 1
Кузнец 2-го класса	1	—
Морской артиллерии старший унтер-офицер	1	1
Канониры 1-й статьи	6	6
Слуги личные	1	—
Тиммерман унтер-офицерского чина	—	1
Плотники 1-го класса	—	1
Плотники 2-го класса	—	2
Камчатского экипажа матросы	—	3
Священник	—	1
Астроном 9-го класса	1	—
Художник	—	1
Натуралист	—	1
Всего	74	83

Комплектование экспедиции личным составом, как и все мероприятия по организации и снаряжению экспедиции, проводились быстрым темпом. Набор личного состава из числа моряков Кронштадтского порта производился, видимо, в начале 1819 года.

В марте месяце морской министр запросил Правление Российско-американской компании о выделении в состав экспедиции двух человек, знающих языки народов, обитающих на берегах Америки к северу от полуострова Аляски и шесть алеутов с острова Уналашки, умеющих ездить на однолучных байдарках (приложение 1). Правление компании на следующий же день ответило, что распорядиться о людях на Уналашке оно уже не успеет, но может отправить с начальником

экспедиции «открытое приказание» местной конторе о выделении 6 алеутов в состав экспедиции. В наличии в Петербурге оказались лишь два алеута, прибывшие с Коцебу на шлюпе «Рюрик», коих можно включить в экспедицию в «число нижних служителей, положась с ними о приличном жаловании» (приложение 2).

Г. С. Шишмарев получил назначение командиром шлюпа «Благонамеренный» в марте месяце 1819 г., А. П. Лазарев — 22 апреля, одновременно с лейтенантом И. Н. Игнатьевым. Руководить подготовкой шлюпа к путешествию практически пришлось одному Лазареву, так как Игнатьев был болен и почти до самого отъезда точно не было известно, идет он в плавание или нет. При «вооружении» шлюпа были, кроме А. П. Лазарева, мичман Гиллесем, штурман Петров и команда 6, 11 и 12 флотских экипажей; на работах использовались также ежедневно от 100 до 200 матросов из разных экипажей.

Начальник «северной дивизии» капитан-лейтенант М. Н. Васильев получил назначение лишь 8 мая. В то же время к экспедиции были прикомандированы от Академии наук астроном Павел Тарханов, от Академии художеств академик живописи Емельян Карнеев и по предписанию морского министра — лекарь Федор Штейн в должности натуралиста¹.

Персональный состав участников плавания на том и другом шлюпах полностью приведен в «Черновых замечках начальника экспедиции к северному полюсу капитан-лейтенанта М. Н. Васильева» (см. ниже стр. 83)².

Жизненный путь лиц, руководивших и производивших во время плавания значительные гидрографические работы, кратко следующий.

Васильев Михаил Николаевич — начальник «Северной дивизии» — к моменту выхода в плавание 1819 г. был опытным мореходом и боевым командиром. Он окончил кадетский, так называемый «Греческий корпус» и в 1794 г. был произведен в гардемарины. После двух лет плавания в Финском заливе он получил чин мичмана

¹ В работе В. Ф. Гнучевой — «Экспедиции Академии наук XVIII—XIX веков», изд. АН СССР, 1940, М.—Л. ошибочно указано, что в экспедиции М. Н. Васильева принял участие проф. Казанского университета астроном И. М. Симонов. Он плавал в составе «Южной дивизии» под начальством Ф. Ф. Беллинсгаузена, стр. 164.

² В полном виде состав экспедиции публикуется впервые.

и в 1796 г. был переведен на службу в Черноморский флот. Вскоре он прошел на бриге «Александр» из Севастополя в Средиземное море и находился здесь около двух лет, участвуя в военных операциях русского флота во время войны с Францией, в частности при овладении островами Цериги, Занте, Св. Мавра и Корфу. В 1801 г. М. Н. Васильев был переведен из Черноморского флота в Балтийский и плавал в его составе на разных кораблях до 1805 г., когда, будучи уже лейтенантом, был командирован сначала в Калужскую губернию для организации доставки рекрутов в Петербург, а затем — в Рыбинск для наблюдения за заготовкой строительного леса и отправкой его на петербургские верфи. На все это ушло три года. С 1809 по 1813 г. он снова находился в плаваниях в Финском заливе, сначала между Кронштадтом и Регенсальмом, а затем участвовал в боевых операциях на р. Аа (1812) и при осаде и занятии г. Митавы (1813), проявив в них смелость, решительность и отвагу. Вначале он состоял при первом отряде канонирских лодок под командою контр-адмирала Моллера 2-го, потом вице-адмирала Грейга и капитана Гейдена. В 1814 г. он был в составе сухопутных батарей при осаде г. Данцига. С 1815 по 1818 г. состоял при Кронштадтском порте и плавал в Балтийском море в составе эскадры вице-адмирала Кроуна.

В 1818 г. М. Н. Васильев был назначен командиром фрегата «Поллукс», несшего бранд-вахтенную службу в Кронштадте, но пробыл на этом посту недолго, получив назначение в «дальний вояж» в качестве начальника «Северной дивизии» и командира шлюпа «Открытие». По возвращении из кругосветного плавания М. Н. Васильев был произведен в капитаны I ранга и направлен в Кронштадт командовать 13-м флотским экипажем. После трех лет службы в этой должности, он один год командовал 18-м флотским экипажем в Архангельске, затем год был командиром учебного морского экипажа в Петербурге и по получении в конце 1827 г. звания контр-адмирала вскоре назначен капитаном над Кронштадтским портом. Деятельность его на этом посту была особенно успешной по преобразованию вооружения кораблей. В 1831 г. М. Н. Васильев был назначен на должность генерал-интенданта Кронштадтского порта и занимал ее много лет, исправно исполняя службу и многократно от-

мечаясь наградами. В 1835 г. он был произведен в вице-адмиралы.

Скончался М. Н. Васильев в 1847 году, пройдя полувековой жизненный путь в «морском строю», путь, наполненный боевыми событиями, борьбою с бурями, штормами и льдами Арктики и заботами об улучшении русского боевого флота.

Шишмарев Глеб Семенович прошел такой же боевой путь, как и М. Н. Васильев, и немало потрудился во славу русского флота и науки, хотя жизнь его оборвалась на 12 лет раньше.

В петербургский кадетский корпус Г. С. Шишмарев поступил в 1794 г., в год, когда М. Н. Васильев уже заканчивал образование. Чин гардемарина он получил в 1801 г. и до 1809 г. плавал в Балтийском море. В 1804 г. в качестве мичмана ходил на катере «Гонец» от Кронштадта до Моозунда, в 1805—1808 гг. на катерах и шлюпе курсировал в Финском заливе, а в 1809 г. командовал транспортным судном «Домкрат», потерпевшим крушение у острова Биорка. По суду Г. С. Шишмарев был признан в крушении транспорта неповинным и в начале 1810 г. произведен в лейтенанты. 1810—1814 гг. прошли в боевых плаваниях на фрегате «Поллукс», бриге «Гонец» и др., на Свеаборгском рейде и у северных берегов Западной Европы. В 1815 г., при снаряжении кругосветной экспедиции под начальством О. Е. Коцебу на корабле «Рюрик», на Г. С. Шишмарева пал выбор как на опытного моряка, могущего быть помощником командира. Три года плавания дали ему большой опыт гидрографических работ и знание условий судоходства в разных океанах и под разными широтами. За отличие во время плавания он был произведен в капитан-лейтенанты. Вполне оправдав себя в дальнем плавании и проявив превосходные качества исследователя, вскоре по возвращении, еще до окончания годичного отпуска после первого плавания, он был назначен помощником М. Н. Васильева по «Северной дивизии» и командиром шлюпа «Благонамеченный» — во второе кругосветное плавание.

В 1824—1826 гг. Г. С. Шишмарев командовал 27 и 11 флотскими экипажами в Кронштадте и Петербурге. Следующие три года, будучи уже капитаном I ранга, он состоял командиром нового корабля «Император Александр». В 1829 г. за отличную службу произведен в

контр-адмиралы. В течение 1830—31 гг. командовал отрядом военных судов, имея вымпел на корабле «Св. Георгий». В конце 1830 г. назначен командиром гвардейского экипажа. В 1832—34 гг. Г. С. Шишмарев плавал в Финском заливе и Балтийском море до г. Ростока на корвете «Князь Варшавский» во главе эскадры.

Жизнь его оборвалась вследствие короткой тяжелой болезни в октябре 1835 года, когда он был еще полон сил и энергии.

Л а з а р е в Алексей Петрович, автор описания кругосветного плавания, происходил из древнего русского дворянского рода. В начале XVII века Григорий Лазарев владел поместьями в Арзамасском уезде. Праправнук его — Петр Гаврилович Лазарев (1743 — 1800) был правителем Владимирского наместничества и сенатором. П. Г. Лазарев имел трех сыновей — Михаила, Андрея и Алексея¹. Все три брата окончили морской кадетский корпус, примерно, в одни и те же годы. Алексей был зачислен в морской корпус 6/II—1800 г. В гардемарины произведены в разное время: Андрей в 1801 г., Михаил в 1803, Алексей в 1806 г.

Наиболее способным из них был Михаил Петрович, трижды плававший вокруг света в 1813—16 гг. на корабле «Суворов» (Российско-американской компании), в 1819—21 гг., — командуя шлюпом «Мирный» в знаменитой экспедиции под начальством Ф. Ф. Беллинсгаузена, открывшей Антарктиду, и в 1822—25 гг. на фрегате «Крейсер». В последующие годы он принимал участие в ряде военных походов и морских сражений. В 1826 году командовал кораблем «Азов» и отрядом судов при переходе их из Архангельска в Кронштадт, а затем на том же корабле геройски сражался в Наваринской битве, после которой произведен в контр-адмиралы. В 1828—30 гг. М. П. Лазарев крейсеровал в Средиземном море и участвовал в блокаде Дарданелл. В 1832 г. он был назначен начальником штаба Черноморского флота и портов, а через год, в чине вице-адмирала, получил должность главного командира Черноморского флота и портов, а также Николаевского и Севастопольского военного губернатора. В 1838—40 гг. М. П. Лазарев командовал эскадрой;

¹ По некоторым данным был и еще брат — Петр Петрович, носивший фамилию Львов, а также одна сестра.

в результате искусно проведенной десантной операции он занял кавказское побережье Черного моря в районе Туапсе, создав здесь форт, получивший имя Лазарева. В 1843 г. произведен в адмиралы. Умер в 1851 г. Человек кипучей энергии и деятельности, — М. П. Лазарев осуществил преобразование Черноморского флота, укрепил Севастополь как военный порт, ввел множество преобразований в военно-морской службе и в военных ко-раблях.

Андрей Петрович Лазарев также получил свой боевой опыт в русско-турецкой войне, во время кампании в Средиземном и Адриатическом морях в 1805—1810 гг.; участвовал в бою при взятии крепости Курцола, в операции у острова Брацо, в походе с десантом в Венецию и Триест.

В 1817—1818 гг. А. П. Лазарев ходил из Кронштадта в Кадикс и обратно. В 1819 г. он начальствовал над экспедицией, направлявшейся на бриге «Новая Земля» для описи берегов Новой Земли, но ввиду тяжелой ледовой обстановки, близко подойти к ним не мог. В 1822—1824 гг. он ходил вокруг света, командуя шлюпом «Ладога», в экспедиции под начальством М. П. Лазарева, командовавшего шлюпом «Крейсер». Дважды Андрей Петрович Лазарев ходил затем морем из Архангельска в Кронштадт, плавал в Англию, в 1832 и 1833 гг. участвовал в военных операциях в Балтийском море в чине контр-адмирала. В 1841 г. произведен в вице-адмиралы и назначен командующим первой флотской дивизии. В 1846 г. на этом посту он получил «строжайший выговор» за «допущение в первой дивизии беспорядков». Скончался Андрей Петрович в 1849 г.

На фоне блестящей карьеры Михаила Петровича Лазарева и его больших заслуг в развитии русского флота и в борьбе с врагами России того времени, деятельность Андрея Петровича была менее успешной и значительной. Еще менее яркой в истории флота была деятельность Алексея Петровича Лазарева.

Позднее своих братьев он был произведен в гардемарины лишь в 1806 г. В этом же году он прошел на «Ярославе» из Кронштадта в Корфу и плавал в Адриатическом море на фрегате «Автроил» в эскадре известного адмирала (тогда вице-адмирала) Д. Н. Сенявина. В 1810 г. он прошел, будучи мичманом, на бомбардирском корабле

«Перун» из Боко-ди-Катаро в Венецию, оттуда в Триест. Из последнего сухим путем (вероятно, вместе с братом Андреем) прибыл в Петербург и в том же году плавал на фрегате «Перун» в Балтийском море. В 1812—13 гг. на «Северной Звезде» он плавал в составе эскадры адмирала Тета у берегов Англии и на бриге «Феникс» — из Кронштадта в Карлскроны. В начале 1814 г. А. П. был переведен в резервный гвардейский экипаж и произведен в лейтенанты. В 1815 г. он участвовал в сухопутном заграничном походе с гвардейским корпусом из Петербурга до Вильно, а по возвращении в Петербург до 1819 г. командовал яхтой «Торнео», ходившей в Финском заливе под флагом князя Константина, и придворными яхтами «Церера» и «Нева». Придворное положение не способствовало увеличению опыта мореплавания А. П. Лазарева. Обстановка скорее отрицательно действовала на него, в то время как братья его несли морскую службу, пополняли знания в мореходстве и совершенствовались в мореходном искусстве. Жизнь почти все время в Петербурге, с кратковременными выездами в «деревню» (поместье под Владимиром, где жили мать и сестра), беспечность, удовлетворение малейших прихотей и капризов, — все это не могло не влиять разлагающе на молодого человека, попавшего в придворную среду.

Назначение братьев в дальние плавания и их советы пробудили в Алексее Петровиче желание вырваться на морской простор. Узнав о том, что командовать одним из шлюпов будет Г. С. Шишмарев — его близкий знакомый и даже друг, — он решил просить разрешения отправиться с ним в «дальний вояж» и был, в связи с этим, вновь переведен из гвардейского экипажа во флот с назначением на шлюп «Благонамеренный». Судя по некоторым документам, А. П. Лазареву не легко было уйти от легкой придворной жизни. Держала его и интимная привязанность к другу сердца — Дуне Истоминой. С горечью и слезами покинул он Петербург, но... отступать было уже поздно. На всем протяжении плавания А. П. вел дневник, который и послужил впоследствии основой для публикуемого ныне описания кругосветного плавания.

По возвращении из экспедиции, А. П. Лазарев в 1823 г. «находился при вооружении» фрегата «Проворный» и плавал на нем из Кронштадта в Исландию. В сле-

дующем году ему было поручено подготовить корабль «Эмгейтен» к плаванию царской семьи из Петербурга в Росток. Участие в этом плавании привело к тому, что А. П. Лазарев опять оказался в придворной свите и в начале 1825 г. был переведен в поручики лейб-гвардии Измайловского полка с назначением в адъютанты к будущему царю Николаю I.

С воцарением Николая I придворная карьера А. П. Лазарева меркнет. Пребывание его флигель-адъютантом Николая I в гвардейском экипаже в чине капитан-лейтенанта продолжалось всего несколько месяцев. В 1826 г. он был командирован на юг, под предлогом осмотра Черноморских и Каспийских портов, а в следующем году — для осмотра лесов в Олонецкую губернию и для организации доставки леса в Петербург. В 1828 г. он был «возвращен» во флот и на фрегате «Флора» направлен в Одессу, а оттуда в Грецию, в состав эскадры вице-адмирала Гейдена. Вскоре он был переведен в эскадру контр-адмирала П. И. Рикорда, на корабле «Азов» участвовал в блокаде Дарданелл (вместе с братом Михаилом) и за отличия произведен в капитаны II ранга. Из Неаполя А. П. Лазарев сухопутьем прибыл в Петербург в 1830 г. и назначен «состоять при шведском принце».

В этом же году он был командирован в Данциг, в Варшаву, в Ригу для заготовки «сухопутного провианта» для действующей армии, а затем вновь для выполнения лесных операций в Олонецкую губернию.

В 1833 г. А. П. Лазарев назначается командиром двадцать шестого флотского экипажа, но вскоре увольняется по собственному желанию. Через год ему вновь поручают командование двенадцатым флотским экипажем и кораблем «Память Азова», но под предлогом болезни через год он увольняется и отсюда с переводом в морской корпус обучать кадет фронтальной службе, чем и занимается в течение трех лет. Карьера его явно идет под уклон. В 1839 г. А. П. Лазарева отправляют подальше от Петербурга — командиром Астраханского порта и Каспийской флотилии с производством в контр-адмиралы, но через три года совсем увольняют от службы.

В течение шести лет А. П. Лазарев остается вне флота. Только в 1848 г. он вновь поступает на службу по Черноморскому флоту, где начальствовал брат Михаил Пет-

фович, повидимому оказавший ему протекцию в назначении через два года Керчь-Еникальским градоначальником. Стоило, однако, Михаилу Петровичу заболеть и выехать на лечение, как отношение к Алексею Петровичу «властей предержажих» резко меняется. Вскоре после смерти брата в 1851 г. он увольняется от службы и уже не возвращается к ней до конца жизни.

Кратко изложенные этапы жизненного пути автора «Записок о плавании военного шлюпа «Благонамеренного» показывают, что судьба его была более превратной и жизнь более зигзагообразной, нежели Михаила и Андрея Лазаревых. Оторвавшись от морской стихии и прельстившись службой при дворе, этот царедворец испытал подъем карьеры и падение ее, опалу и неизвестность в последние годы жизни. Память о нем почти не сохранилась у потомков. Обстоятельства и причины отдаления его от двора и аристократической придворной знати не совсем ясны, но момент начала их заслуживает внимания, — он совпадает со следствием и судом над декабристами.

Трудно допустить, что А. П. Лазарев имел какую-нибудь связь с декабристами, но факт остается фактом — падение его карьеры началось в начале 1826 года.

Игнатьев Иван Николаевич во время кругосветного плавания был вторым из помощников капитана Г. С. Шишмарева. По окончании морского корпуса в 1801 г., он первые годы своей службы провел в Балтийском флоте. В 1804 г. он получил чин мичмана и ходил от Кронштадта до Скагена. В 1805—1809 гг. участвовал в походе из Кронштадта до Корфу, плавал в Адриатическом море, участвовал при взятии крепости Курцола, а затем морем прошел снова в Финский залив. В 1810 г. произведен в лейтенанты и вскоре переведен в Черноморский флот, где участвовал в пленении двух турецких кораблей под Пендераклией. В 1812—1813 гг. Игнатьев крейсеровал у румынских берегов и в районе Севастополя. По переводе в Балтийский флот (1814) он совершил переход из Архангельска в Кронштадт (1816), а затем командовал галетом, курсировавшим между Петербургом и Петергофом.

Во время кругосветного плавания он был произведен в капитан-лейтенанты (1821), по возвращении — в капитаны II ранга с назначением командиром 11 дивизии ка-

нонерских лодок, а в 1826 г. командиром 20-го флотского экипажа. В 1827 г. И. Н. Игнатьев был произведен в капитаны I ранга с поручением командования отрядом из четырех военных кораблей, с которыми он в 1828 г. прошел из Кронштадта в Мальту. Последующие два года он крейсеровал в Средиземном море, между островом Кандией и Эгиною, в составе эскадры вице-адмирала Гейдена; участвовал в блокаде Дарданелл и за отличия был произведен в 1830 г. в контр-адмиралы. Служба его кончилась в 1832 г., когда он был уволен в отставку.

В описании плавания вокруг света А. П. Лазарев много раз упоминает И. Н. Игнатьева как опытного и усердного офицера. Зимой 1820—21 г. ему было поручено собрать в Ново-Архангельске бот, привезенный в разобранном виде на шлюпе «Благонамеренном» из Кронштадта для гидрографических работ в районе Берингова пролива и у северных берегов Аляски. Работы на этом боте по описи берегов производил помощник М. Н. Васильева, плававший на «Открытии», — лейтенант А. П. Авиннов.

Авиннов Александр Павлович во время кругосветного плавания состоял лейтенантом на шлюпе «Открытие». Это был человек инициативный, смелый и решительный, по образованию гидрограф, преданный делу службы, прошедший большой боевой путь еще до плавания на «Открытии», а впоследствии — выдающийся флотоводец, ближайший помощник адмирала М. П. Лазарева по реорганизации Черноморского флота и превращению Севастополя в первоклассный порт. Оставшись с малолетства сиротой, А. П. Авиннов воспитывался дядей — вице-адмиралом Скуратовым. Десяти лет он был отдан в морской корпус. С 14 лет плывал гардемарин в Балтийском море. В 1803—1808 гг., вместе с М. П. Лазаревым, Станюковичем, Унковским — будущими знаменитыми адмиралами — он плывал во многих морях. Потом в течение трех лет А. П. Авиннов служил на корабле в крейсерстве по Балтийскому морю. В дни войны с Наполеоном он плывал в Англию и Голландию, где участвовал в сражении под Флессингом, а потом держал бранд-вахту в устье реки Шельды для защиты русских войск. В 1817 г. он возвратился в Россию и в 1819 г. был назначен старшим офицером в кругосветное плавание под начальством М. Н. Васильева. В 1821 г.

на боте, подготовленном лейтенантом И. Н. Игнатьевым в Ново-Архангельске, А. П. Авинов должен был описать берега Аляски от мыса Невенгам до мыса Дерби. По пути на север Авинов посетил открытый экспедицией остров Нунивок, ознакомился с его природой и жителями. Борясь со штормами и претерпевая многие лишения, А. П. Авинов выполнил описание берегов между мысами Невенгам и Дерби (один из мысов с того времени носит имя Авинова) и совершил беспримерный переход на боте от берегов Аляски в Петропавловск-на-Камчатке.

По возвращении из плавания А. П. Авинов был произведен в капитаны II ранга.

В 1825 г. он командовал фрегатом «Леткий». Командир эскадры, адмирал Кроун, в это время писал о нем: «Щастливым почитаю быть начальником столь опытного капитана».

В 1827 г. А. П. Авинов был назначен командиром 84-пушечного корабля «Гангут». В известном сражении при Наварине против соединенного турецко-египетского флота А. П. Авинов шел на «Гангута» за «Азовом», которым командовал М. П. Лазарев. При приближении к русской эскадре горящего турецкого тендера А. П. Авинов самоотверженно направил на него свой «Гангут» и, потопив тендер, предотвратил опасность для всей эскадры. Ночью, во время этого же сражения, противник пустил на русскую эскадру египетский адмиральский фрегат «Латерьер». Миновав «Азов», фрегат врезался в борт «Гангута» и загорелся, будучи умышленно подожженным противником. А. П. Авинов приказал обрубить канаты у якорей «Гангута» и, выйдя из боевой линии вместе с горящим фрегатом, утопил его вдали от русской эскадры.

В 1830 г. А. П. Авинов был назначен начальником штаба Черноморского флота и портов. В течение почти 20 лет он деятельно работал вместе с М. П. Лазаревым по преобразованию Черноморского флота и портов, в особенности Севастополя.

В 1837 г. А. П. Авинов получил чин вице-адмирала и назначен начальником Севастопольского порта. Одновременно он был председателем комитета по постройке здесь адмиралтейства и сухих доков. С 1841 г. он был военным губернатором Севастополя. После восьми лет пребывания на этом посту, А. П. Авинов стал членом

Адмиралтейств-совета в Петербурге. В 1852 г. произведен в адмиралы. Умер он в 1854 году, прослужив во флоте более 50 лет и проведя за свою жизнь более 40 военных кампаний.

«Жизнь на палубе, помимо ужасов сражений, помимо тропических бурь и полярных льдов, преисполнена ежедневных опасностей; постоянная борьба со стихиями, неразлучные с тем труды и лишения закаляют моряка... Пример этого качества представлял А. П. Авинов», — писали в 1855 г. об Авинове в «Морском сборнике».

М. П. Лазарев, начальник и друг Авинова, отзывался о нем, как о выдающемся, искусном флотоводце, усердно и благородно руководившем долгое время штабом Черноморского флота и портов.

IV. СНАРЯЖЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Снаряжение обеих «дивизий» велось в ускоренном порядке. Особенную заботу об этом проявляла Адмиралтейств-коллегия и Адмиралтейский департамент во главе с Г. А. Сарычевым.

О снаряжении экспедиции научными материалами, инструкциями, обмундированием и провизией было запрошено мнение нескольких лиц — кроме Сарычева, в частности недавно возвратившегося из плавания в Берингов пролив О. Е. Коцебу. Он представил весьма обстоятельные соображения, несомненно, учтенные при подготовке экспедиции¹.

Первой задачей было приспособление кораблей к дальнему плаванию и к ледовой обстановке, в которой они могли оказаться в высоких широтах. Решению этой задачи существенно помог большой опыт русских мореходов в северных морях. Так, например, по обычному расписанию полагалось иметь в дальних плаваниях: брамселей — один комплект, а командиры шлюпов затребовали два комплекта; контр-бизань полагалась одна — затребовали и получено — две; тент положено иметь из серой парусины, командиры затребовали из равендука и притом на все судно — на шканцы, шкафуты, бак и ют; для шлюпок и баркасов также сшили тенты и чехлы; бизаней малых они взяли на каждое судно две, а не три и т. д.

¹ Его «Мнение» имеется в копии в ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 45, л. 1—3.

(приложение 3). Был произведен целый ряд и других усовершенствований.

Вторую задачу составляло обеспечение шлюпов всем необходимым для научной работы, особенно же новейшими «нужными для сего вояжа астрономическими, математическими и физическими инструментами». Командование каждого шлюпа получило солидный комплект научных книг, среди которых — описания всех крупных путешествий (Сарычева, Крузенштерна, Лисянского, Кука, Ансона, Сюрвилля, Керна и Мекензи, Головинна, Рикорда, Биллингса, Хвостова и Давыдова), а также мореходные таблицы — «Морской месяцесловник», «Морская геодезия» Сарычева, лоции и т. д. В инструкции от Адмиралтейств-коллегии командирам указывалось, что «поелику плавание в морях обоих полушарий зависеть будет от климата и различных времен года; то и имсете руководствоваться путешествием кругом света известных плавателей, кои послужат вам во многих случаях или примером, или усовершенствованием к сохранению и содержанию судов и экипажей» (§ 14).

Комплектование литературы шло из разных источников. Любопытно в связи с этим отметить отношение к экспедиции книгопродавцов, — они отпускали книги со скидкой 20% от стоимости (приложение 4).

Адмиралтейств-коллегия распорядилась выдать на шлюпы все потребные карты и атласы как русские, так и заграничные, предписав при этом вносить в них исправления и новые данные по наблюдениям исследователей. А. П. Лазарев отмечает, что карты, составленные русскими мореплавателями, во многих случаях оказались точнее (даже берегов Англии), нежели карты иностранные.

Из инструментов были заготовлены хронометры, секстанты, окружные инструменты, барометры, термометры ртутные и спиртовые, электрометры, гигрометры, инклинометры для определения наклона магнитной стрелки, астрономические трубы, морские зрительные трубы, машины для измерения больших глубин моря, компасы разные и т. п. (приложение 5). Все это показывает, что русские экспедиции 150—100 лет назад снабжались первоклассным по тому времени научным инструментарием, обеспечивавшим возможность разнообразных наблюдений и исследований небосвода, атмосферы океана и суши.

Если к этому добавить, что натуралист экспедиции был обязан собирать коллекции «произведений природы», весь научный состав должен собирать экспонаты, характеризующие людей, их хозяйство и быт, а художник — зарисовывать все интересное, то будет ясно, что подобные русские экспедиции были не только гидрографическими; их с полным основанием можно назвать комплексными.

Третья задача — снаряжение экспедиции обмундированием, провизией и подарками для местных жителей также была разрешена вполне успешно.

По рекомендации генерал-штаб-лекаря Лейтона команды всех четырех шлюпов обеих «дивизий» были снабжены тройным комплектом зимней и летней одежды и бельевых вещей (приложение 10). М. Н. Васильев в своих записках отметил, что каждому матросу выдано «сверх следуемого по термину обмундирования: рубах фланелевых — семь, холщевых — четырнадцать, мундиров зимних темнозеленого сукна — две пары, летних фуфаяк — две, брюк летних — шесть, рабочего платья — четыре пары, шинель серого сукна — одна, одеяло байковое — одно, чулок шерстяных — пар восемь, простыней холщевых — четыре, башмаков кожаных — пары четыре, сапоги с суконной подкладкой, теплые — одни, шапка кожаная — одна, шляпа коровья — одна, тюфяк с подушкой, волосяной — один, с тиковыми наволочками»¹.

Такой комплект обмундирования на каждого участника плавания, конечно, был вполне достаточен.

Не меньшее внимание Адмиралтейств-коллегия и Департамент уделили снабжению экспедиции провизией. В большом количестве были запасены: сахарный песок, патока, бульон говяжий, солонина, горох, сухари, масло, крупы, солод, капуста кислая, соль, вино, уксус, горчица и др. продукты².

Были подвергнуты обсуждению и выработаны способы упаковки и хранения провианта (приложение 8). Кроме продуктов, заготовленных перед отплытием, некоторые было предписано дополнительно закупить в пути — в Голландии, Англии, Бразилии — эссенции, чай,

¹ См. также приложение 6.

² См. приложение 7.

ром и проч. в потребном количестве. Инструкцией сверх того предписывалось: «Всевозможную также долженствует иметь заботу о доставлении вообще людям пищи и питья, для чего не упускать ни малейшего случая, и во время пребывания при берегах снабжать экипажи лучшими съестными припасами посредством покупки наличных, а во время плавания в море ловом рыбы, где позволяют местные обстоятельства, также ромом и вином, употребляя оные по климатам и обстоятельствам». «На издержки для заготовления экстраординарных припасов» для обеих дивизий было ассигновано Адмиралтейств-коллегии из государственного казначейства 100 000 рублей¹.

Наконец, немалую долю в снаряжении «Северной дивизии» заняли подарки для местных жителей на общую сумму 25 805 рублей. Среди них интересно отметить разнообразный ассортимент железных изделий: железо болтовое, гвозди различной величины, проволока разная, топоры, ножницы, долота, пилы, тиски, ножи разные, напильники, буравчики, удочки, котлы и другая посуда из чугуна, иглы, колокольчики и бубенцы; из других вещей — зеркала разной величины, стаканы, гребни, пуговицы, бисер разных цветов, ленты, бахрома, сукно разное, холст, бумага писчая, табак и т. п. (приложение 9).

Большая часть снаряжения и провизии была погружена на шлюп «Благонамеренный». В его же трюм были погружены «члены» разобранного мореходного бота, предназначавшегося для работ по описанию берегов Аляски. М. Н. Васильев отметил в своих записках, что на шлюпы не могли поместиться некоторые нужные материалы, — палуба жилая, кают-компания и капитанская каюта были все завалены. У шлюпа «Открытие» были две доски бархоута, в воде сидел в грузу 13 футов, по постройке мастера должен стоять 12 футов; «Благонамеренный» сидел 14 футов.

Вся работа по подготовке шлюпов к плаванию и снаряжение обеих «дивизий» были в основном закончены в течение трех месяцев (март — май). В этот короткий срок они потребовали немалых усилий. Непосредственное руководство работами по «северной дивизии» выпало

¹ ЦГА ВМФ, ф. 166, д. 660, л. 44 — Распоряжение Александра I министру финансов от 31 марта 1819 г.

на долю Г. С. Шишмарева, А. П. Лазарева, А. П. Авинова и П. Зеленого, так как М. Н. Васильев получил назначение только в мае, а лейтенант И. Н. Игнатьев оправился от болезни лишь к моменту отправления. Несмотря на короткий срок подготовки к длительному плаванию, энергичные усилия руководителей, при активной помощи Г. А. Сарычева, обеспечили экспедицию всем необходимым.

Морской министр приказал считать шлюпы на рейде с 1 июня 1819 г., хотя фактически они вышли на рейд лишь 24 числа.

7 июня команды шлюпов были осмотрены генерал-штаб-лекарем Яковом Лейтоном. Заменяв 12 матросов по состоянию здоровья, он подал 9 июня рапорт министру о готовности экипажей к отплытию (приложение 11).

24 июня командир Кронштадтского порта вице-адмирал А. В. Моллер отдал следующий приказ начальнику экспедиции: «Как шлюпы готовы и всем уже снабжены, то морской министр поручил мне предписать вам при первом благополучном ветре сняться вверенному вам отряду шлюпов с якоря и следовать в назначенный путь. А как ветер стоит теперь благополучный, то предоставляю вам с отрядом шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный» отправиться в море непременно сего же 2 июля»¹.

28 июня М. Н. Васильев принял из казначейства суммы, «следующие участникам экспедиции на жалование, порции и экстренные расходы», получил инструкции от Адмиралтейств-коллегии, Адмиралтейского департамента, две инструкции морского министра, отношение морского министра с «начертанием некоторых предметов по ученой и художественной части»², открытый лист министерства иностранных дел к русским послам и консулам в других странах (приложение 12), открытые листы от иностранных представительств (приложение 13). В тот же день он вручил свою инструкцию вахтенным офицерам и отдал приказ командам обоих шлюпов о готовности к отплытию.

¹ ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 30, л. 1. Подлинник.

² Инструкцию для натуралистов и художников должна была составить Академия наук, но «за краткостью остающегося времени» она таковую не приготовила.

В. ИНСТРУКЦИИ О ПЛАВАНИИ, ЦЕЛЯХ И ЗАДАЧАХ ЭКСПЕДИЦИИ

В инструкциях, полученных М. Н. Васильевым¹, даны детальные указания о маршруте плавания, о целях и задачах экспедиции, о научных наблюдениях в море, о сборе сведений, касающихся природы и населения стран, в которых исследователям придется побывать, и т. д.

Инструкция Государственной Адмиралтейств-коллегии от 18/VI—1819 г. определяет общий распорядок во время плавания. Особенное внимание командования она обращает на заботу об участниках экспедиции, их здоровье и работоспособности, о мерах, обеспечивающих благосостояние экипажа.

Сохранение здоровья людей, говорит она, «есть первая обязанность всех мореплавателей». Она предписывает четкий режим корабельной жизни: «Опрятное судов и экипажей содержание, очищение воздуха в палубах и интрюме, достаточное, но не чрезвычайное упражнение людей в какой-либо экзерции, крайнее наблюдение, чтобы в мокрой одежде люди не оставались надолго, а особливо не ложились в оной спать, доставление им наилучшей пищи и питья» и т. п. Она возлагает на командование обязанность точно выполнять правила, «могущие споспешествовать к благосостоянию экипажа, по совету медиков» (приложение 10).

М. Н. Васильеву инструкция предоставляет право выдавать «нижним чинам в награждение годовое, полугодовое и третное жалование из сумм, ассигнованных на экстраординарные расходы», т. е. право поощрения участников плавания путем премирования за отличную службу.

Далее инструкция определяет характер отношений и нормы поведения экипажей в чужих странах, обязывает «защищать достоинство флага российского», с народами различных стран обходиться «ласково и сохранять всякую благопристойность и учтивость».

¹ Инструкции, данные Ф. Ф. Беллинсгаузену и М. П. Лазареву, опубликованы в сочинении Беллинсгаузена о двукратных изысканиях в Южном Ледовитом океане. Инструкции М. Н. Васильеву и Г. С. Шишмареву публикуются впервые.

Описание плавания А. П. Лазаревым показывает, сколь точно и неукоснительно исполнялась эта инструкция. Забота о людях, о режиме их жизни на кораблях, о сохранении здоровья «служителей» была, действительно, первейшей обязанностью командования.

М. Н. Васильев и Г. С. Шишмарев принадлежат к той плеяде русских морских офицеров, из которой вышли преобразователи русского флота М. П. Лазарев, Головин, Ушаков, Корнилов, Истомин, Нахимов и др., требовательные к себе и к подчиненным, личным примером воспитывавшие во флоте лучшие качества в людях и гуманно относившиеся к «нижним чинам». В то же время и моряки относились к службе ревностно и самоотверженно. За все время путешествия А. П. Лазарев не отмечает ни одного случая нарушения дисциплины или каких-либо иных случаев, порочащих звание русского моряка. При встречах с местными жителями, стоящими на низкой ступени общественного и культурного развития — с «дикими», русские моряки проявляли к ним лучшие чувства. За исключением одного факта, вызванного тем, что местный житель в палатке А. П. Лазарева взял в руки огнестрельное оружие, могущее без умения обращаться с ним привести к несчастному случаю, между ним и А. П. Лазаревым разыгрался инцидент, когда А. П. Лазарев мог погибнуть от копья или ножа туземца, никаких иных подобных случаев не было. В отношениях русских офицеров и моряков к туземцам нет ничего похожего на то отношение, какое проявлял к «диким», например, Джемс Кук. Начальнику русской экспедиции предписывалось «всеми возможными способами приобрести доверенность и дружество жителей», и он с чувством достоинства исполнял это неукоснительно. Кук и многие другие иностранные мореплаватели придерживались иных принципов. В сочинении Кука описан, например, случай, когда он приказал одному островитянину за покражу секстанта обрить голову, бороду, отрезать оба уха, а затем «посадить в колодку»¹. Вооруженные столкновения англичан с туземцами были нередким явлением²; они привели в конце концов к гибели Кука. В описании А. П. Лазарева ни-

¹ Дж. Кук — Путешествие в Северный Тихий океан. Часть 2, 1810, стр. 54.

² См., например, там же, стр. 65, 93 и в других частях сочинения.

чего подобного мы не находим. Применение огнестрельного оружия считалось крайней мерой и могло найти место, в соответствии с инструкциями, лишь при исключительных обстоятельствах.

Инструкция Адмиралтейского департамента от 20 июня 1819 г., составленная Г. А. Сарычевым, определяет «правила, служащие к руководству для наблюдений во время плавания», т. е. характер и направление научных исследований. Она обязывает вести точные астрономические определения; изучать приливы и отливы, морские течения, собирать «любопытные произведения природы для привезения в Россию в довольном числе»; верно и точно описывать и зарисовывать берега морей; составлять и исправлять карты; делать промеры глубин, особенно в заливах и бухтах; исследовать климат и все «атмосферические» явления; «вернее узнавать почву земли и способность ее к произрастаниям, роды, свойство и количество тамошних произрастаний, особливо количество и доброту лесов», замечать «все полезное и любопытное, не только относящееся к морскому искусству, но и вообще служащее к распространению познаний человеческих во всех частях»; снимать виды «всех мест примечательных, где случится быть, также портреты народов, их одеяния и игры» и т. д.

Инструкция Г. А. Сарычева показывает, сколь разнообразные и обширные научные задачи были поставлены перед экспедицией. Несомненно, они все считались исполнимыми, и это красноречиво говорит о широте научного кругозора и знаний русских мореплавателей того времени.

Во многом повторив предписание Г. А. Сарычева, морское министерство в своем «Начертании некоторых предметов по ученой и художественной части», заменившем инструкцию Академии наук, еще более расширило научные задачи экспедиции. В нем говорится, что экспедиция «имеет целью приобретения полнейших познаний о нашем земном шаре». В «Начертании», кроме изложенного Г. А. Сарычевым в его инструкции, предлагается производить исследования по «геометрической, астрономической и механической части»; изучать изменение «силы тягости» на разных широтах посредством наблюдений за маятником; тщательно и точно наблюдать явления затмений небесных светил; исследовать

склонение и наклонение магнитной стрелки; изучать давление атмосферы и ветры в приземных слоях воздуха и на высоте; наблюдать метеоры и северные сияния; исследовать морские течения, температуры, соленость и ее степень, удельный вес воды на разных глубинах; изучать морские льды «как плоские, так и возвышающиеся наподобие гор и изъяснять мысли на счет образования оных»; выяснять причины света, «блистающего часто на море; было бы весьма занимательно и любопытно изъяснить причины одного с большей подробностью, нежели как то до сего было делаемо». Предполагалось также вести исследования химические (красящие вещества и проч.), анатомические и антропологические, зоологические, минералогические, ботанические. «Мореплаватели,— предписывалось в «Начертании»,—не упустят случая в всякое время делать исследования о всем том, что может способствовать вообще успехам наук и в особенности каждой части».

«Записки» А. П. Лазарева и публикуемые ниже документы показывают, что ученые мореплаватели действительно не упускали случаев получить новый материал для науки и систематически вели разнообразные исследования и наблюдения. «Записки» А. П. Лазарева в этом смысле существенно дополняются сочинениями М. Н. Васильева о новой южной Валисской земле (приложение 14), «Минералогическими замечаниями» Штейна о путешествии к Синим горам (приложение 15), рапортом Г. С. Шишмарева с описанием жителей островов группы «Благонамеренного» (приложение 16), рапортом М. Н. Васильева о плавании от Рио-Жанейро до Петропавловска (приложение 17), записками Штейна о плавании и, особенно, описанием острова Богослова (приложение 19), рапортом М. Н. Васильева о плавании от Ситхи до Сан-Франциско (приложение 22), его же рапортом о плавании в Ледовитом море (приложение 27), рапортом А. П. Авинова о плавании бота от мыса Невенгама до мыса Доброй Надежды (приложение 28), краткой запиской М. Н. Васильева о плавании шлюпов (приложение 31), выписками из корабельных журналов (приложения 20 и 26) и др. документами. Из опубликованных ранее материалов, кроме двух статей М. Н. Васильева, некоторые дополнения содержит работа мич-

мана Гиллесема (Гильсена) в «Отечественных записках» за 1849 год.

Инструкции строго предписывали все научные наблюдения фиксировать в судовых журналах, дневниках, альбомах, зарисовках и т. д. Публикуемые ныне материалы показывают, что и это требование инструкций полностью соблюдалось, хотя еще не все материалы нам, повидимому, известны.

Наконец, две инструкции морского министра, датированные 28 июня 1819 г. и утвержденные лично Александром I, определяют главным образом маршрут плавания, главную конечную цель экспедиции и несколько дополняют инструкции, охарактеризованные выше.

Первая из них подчеркивает, что «вторая дивизия» отправляется для открытий, что она не зависит от «первой дивизии» и пойдет по маршруту к Канарским островам, к мысу Доброй Надежды, пройдет в возможно высокие широты к «полуденному полюсу», затем к Новой Голландии (Австралии), к Петропавловску на Камчатке и в Берингов пролив. Пройдя этот пролив, начальник *«будет производить свои изыскания с величайшим усердием, постоянством и решимостью. Направляя путь к северу, ежели льды позволят, он употребит всемерное старание к разрешению великого вопроса касательно направления берегов и прохода в сей части нашего полушария... Встретив препятствия к проходу на север, северо-восток или северо-запад на шлюпах, он может употребить для сего бот, который берется с ним разобранный, байдары, или другие маленькие суда природных (местных.— А. С.) жителей и не упустит также предпринимать экспедиции берегом, буде найдет к этому средство».*

Инструкцией предписывалось, кроме того, «производить с достовернейшим успехом поиски как морем вдоль берегов, так и во внутренности земли, а особливо по рекам, которые приводят к важнейшим открытиям».

Место зимовки предлагалось выбрать в зависимости от обстоятельств или севернее Берингова пролива, или к югу от него. В последнем случае предписывалось «рассмотреть со всевозможной подробностью американский берег, спускаясь к югу». Остальное время зимой М. Н. Васильев должен был употребить на исследова-

ние пространства Тихого океана между Алеутскими островами и экватором, отыскивая остров, якобы открытый испанцами около 37° с. ш.¹ Крайне интересовал также «пролив Фукас», где могло находиться русское поселение, «составившееся в окрестностях одного из людей экипажа Чирикова, оставшихся на сем берегу»².

Следующим летом М. Н. Васильев снова должен был пройти в Берингов пролив и «возобновить свои действия и покушения с новым усердием, стараясь, сколько возможно, определить положение берегов, найти проход и проникнуть каким бы то ни было средством в Северное море сей части Америки». Смотра по обстоятельствам, экспедиции разрешено было отправиться после второго лета в обратный путь или попытаться, еще перезимовав, продолжить изыскания в течение третьего лета.

Вторая инструкция морского министра несколько дополняет первую и подчеркивает некоторые моменты, не заключая в себе чего-либо принципиально нового. Так, в ней указывается, что все научные материалы экспедиции по возвращении должны быть участниками плавания сданы М. Н. Васильеву; что с пути должны при всяком удобном случае рапортовать о ходе плавания; что начальнику экспедиции предоставляется право наказывать в чем-либо провинившихся членов экипажа и т. п.

Таким образом, при широком плане научных исследований, конечной и главной целью экспедиции были географические открытия — поиски островов в Тихом океане, исследование побережий Америки на северо-западе ее, а в особенности — изыскание морского пути от Берингова пролива в Атлантический океан или в обход Америки («Северо-западный проход») или вдоль берегов Азии («Северо-восточный проход») или, наконец, по Ледовитому океану через приполярную область. Последний вариант был, по существу, новой попыткой реализации плана великого М. В. Ломоносова.

¹ Возможно, что речь идет об одном из островов Гавайского архипелага.

² Об этом см., например, в книге Дивина — «Великий русский мореплаватель Чириков», в книге акад. Л. С. Берга — «Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга», в книге С. Маркова — «Летопись Аляски».

Многое из предусмотренного инструкциями экспедицией М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева было осуществлено, но главной цели, по понятным при современном знании Арктики причинам, достигнуть не удалось, так же, как всем предшественникам Васильева и Шишмарева и многим последующим полярным исследователям.

VI. ОБЩИЙ ХОД ЭКСПЕДИЦИИ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Несмотря на предписание морского министра (от 24.VI) выйти в море 2 июля (в эти дни министр Траверсе жил на яхте, ожидая отправления шлюпов), корабли снялись с якоря лишь 3 июля в 7 часов вечера¹.

11 июля шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный» встали на якорь на Копенгагенском рейде. Через сутки прибыли сюда отставшие в пути шлюпы «Восток» и «Мирный». В Копенгагене у датского контр-адмирала Левенорна были приобретены составленные им карты и лоции Немецкого моря, Каттегата и Норвегии. А. П. Лазарев замечает при этом, что он сразу обратил внимание на большую точность карт этих районов, составленных в российском Адмиралтействе Г. А. Сарычевым.

20 июля все корабли подняли паруса. Через неделю они были уже у берегов Англии в Портсмуте. На Спитгетском рейде в это время стоял шлюп «Камчатка», возвращавшийся из кругосветного плавания под начальством В. М. Головина. 20 августа пришло сюда судно Российско-американской компании «Кутузов» под командованием Гagemейстера, на котором вышел из Ситхи скончавшийся затем в пути главный правитель русских колоний в Америке А. И. Баранов.

Во время стоянки в Портсмуте экспедиция пополнила имевшийся на кораблях комплект точных инструментов. Астроном Брайдей по поручению Васильева установил ход хронометров и произвел в своей обсерватории проверку других инструментов. На корабли были доставлены закупленные в Англии продукты (главным образом противоцинготные средства).

¹ Во всех опубликованных работах указывается вслед за Ф. Ф. Беллинсгаузенем, 4 июля. А. П. Лазарев определенно говорит о 3 июля.

29 августа вышли в Южное полушарие шлюпы «Восток» и «Мирный», 31 — «Открытие» и «Благонамеренный». 1 сентября шлюпы «второй дивизии» миновали Лизардские маяки и вечером вышли в океан.

Моряки безмолвно и с горестью в сердце надолго покидали берега Европы. «У многих из нас,— пишет Лазарев,— показались слезы благодарности и привязанности к отечеству... Я, оставаясь на вахте, долго еще провожал глазами оставшуюся позади нас Европу и с нею и все для меня драгоценнейшее — Россию».

Океан встретил шлюпы свежим ветром и изредка шквалами. «Дивизия» Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева направилась к Канарским островам и от них — в Бразилию. М. Н. Васильев решил миновать группу этих островов и, пересекши экватор, под тропическими дождями и бурями, пройти прямо к Ложной губе у мыса Доброй Надежды. В пути он принял, однако, другое решение и направился также к берегам Бразилии, в Рио-де-Жанейро.

На кораблях жизнь и работа текли своим порядком. Непрерывно велись наблюдения над всеми явлениями природы — изучалась погода, измерялись глубины моря, «испытывалась теплота воды» на поверхности и с глубиной фиксировалось все, заслуживающее внимания.

При пересечении экватора был устроен традиционный праздник. В связи с его описанием А. П. Лазарев отметил: «Наша служба, сопряженная с толикими трудами и опасностями, имеет свои прятности... Люди, видящие перед собой одни необозримые пространства воды и неба, отделенные многими тысячами верст от любезного Отечества и только одной доской от бездны, в сем скучном существовании умеют находить удовольствие. Удовольствия сии тем для них драгоценнее, что встречаются не столь часто, как на сухом пути, посреди всегдашнего шума, и оные вовсе неизвестны тому, кто не был мореходцем... Трудно выразить удовольствие, какое мы чувствовали при сем случае, быв надолго удалены от Отечества, плывя в страны дикие, не видя в продолжение уже двух месяцев берега и находясь от ближайших островов в расстоянии пятисот миль».

1 ноября шлюпы подошли к берегам Бразилии у крепости Санта-Круц и вскоре встали на якорь близ острова Ралос в виду раскинувшегося на берегу материка

города Рио-де-Жанейро. Местное население, говорит А. П. Лазарев, оказывало русским морякам необыкновенное внимание. «Слава русского имени, приобретенная громкими, блистательными победами и бескорыстным участием в судьбе угнетенных народов, перелетела и через необозримые пространства великих морей. Даже и те народы, к коим едва проскользнул луч просвещения, знают о нас по слуху и уже заочно бывают нам преданы. Не имея, подобно англичанам, французам и голландцам, всемирной торговли, почти всегда сопряженной с алчностью, и не нося на своей совести упрека за какие-либо притеснения и кровопролития в странах Нового Света, мы бываем везде принимаемы с особенной приятностью, какой никто из других наций не пользуется».

Закупив в Рио-де-Жанейро «сарачинского пшена» (рис), сахару, рому и другой провизии, осмотрев город и его окрестности, произведя астрономические и геофизические наблюдения на о. Ралос, экспедиция 21 ноября вышла в море, надолго расставшись с отрядом Беллинсгаузена и М. П. Лазарева.

Страницы, где А. П. Лазарев описывает позорную торговлю неграми в Бразилии, условия перевозки негров через океан из Африки в Америку и картины, которые он наблюдал на кораблях с неграми, невозможно читать без волнения и отвращения к капитализму, со времен Колумба и открытия им Нового Света возродившего работорговлю. А. П. Лазарев с возмущением пишет о том, как сотни невольников на каждом корабле, везущем негров, содержатся в тесных клетках почти без пищи и питья на протяжении многих дней пути через океан. Алчное корыстолюбие работорговцев обрекает многих из них на мучения и смерть. Без всякой причины их нередко беспощадно избивают, а иногда живыми выбрасывают за борт в морскую пучину. По привозе негров в Бразилию их продают как скот, при этом «для узнавания здоров ли негр, бьют его палкою или плетью, замечая, будет ли он от сего морщиться, смотрят его зубы и т. п.». При продаже заставляют негров «плясать под их же песни. Для любопытства достаточно видеть один раз сие зрелище, но повторять оное слишком жестоко. В несчастном своем положении полумертвый от истощения негр должен еще веселиться!».

Положение и судьба несчастных негров неволью вызывают в сознании читателя картины тяжелого положения тех, из кого капитализм выжимает последние соки и в наши дни. Судьба многих миллионов безработных в США, Англии и других капиталистических странах, положение рабочих, из которых фабрикант и заводчик выматывают все силы, не говоря уже о современных рабах в колониальных странах, мало чем отличаются от судьбы негров, обрекавшихся капитализмом на мучительную смерть. Сколь счастлив в наше время народ, не знающий ярма и гнета, не ведающий беспроектных дней,— народ стран, вступивших на путь социалистического общественного строя!

Путь экспедиции от Рио-де-Жанейро к мысу Доброй Надежды через Атлантический океан, и далее, без остановок у берегов Африки, по Индийскому океану до порта Жаксон (Джексон, Сидней) в Австралии, был наполнен упорным трудом экипажей в борьбе с бурями и штормами, изучением моря и атмосферы, «испытанием теплоты воды» и т. п. Переход по океанам к Австралии продолжался до 16 февраля, т. е. 87 суток, без захода в порты. Это был героический рейс, подобный переходу В. М. Головнина в 1807 г. на «Диане» от бухты Столовой до Петропавловска-на-Камчатке.

В Австралии моряки не сидели без дела. «Замечания» М. Н. Васильева о Новой Южной Валлисской земле (приложение 14) и Ф. Штейна о его путешествии к Синим горам (приложение 15) содержат любопытные сведения о природе, населении и хозяйстве в английских владениях в Австралии. Исследуя окрестности Кингс-Табль-Ланда, Штейн поднимался в горы до 3 325 футов (1 064 м) над уровнем моря и открыл здесь «огромнейшую пещеру, никем до того времени неизвестную», описал геологическое строение района, его ископаемые богатства и серные источники. Штаб-лекарь Заозерский нашел два скелета вымерших животных. А. П. Лазарев дал яркое описание природы окрестностей Сиднея, английских поселений и местного туземного населения с его бытовым укладом и промыслами. Он получил здесь коллекцию птиц и насекомых, к сожалению, повидимому, не сохранившуюся.

Выйдя из Сиднея 16 марта, шлюпы направились на северо-восток, а затем на север, пройдя западнее архи-

пелага Фиджи. Этот район Тихого океана изобилует островами. В те времена они еще далеко не полностью были известны европейцам. Рано утром 17 марта Феклист Пютапов, будучи на салинге, увидел острова. «Оказалось, что это были одиннадцать низменных коралловых, весьма лесистых островов, соединявшихся рифом», т. е. большого диаметра атолл. «Острова сии были низки, состояли из коралла, и мы заметили на них великое множество кокосовых, панданусовых и хлебных дерев».

Вся эта группа островов, расположенных на южной широте 8° и восточной долготе $178^{\circ}20'$, не значилась на картах. Острова оказались населенными. Жители их впервые увидели европейцев и их корабли (приложение 16). Определив координаты архипелага, обойдя острова кругом, сняв их на карту и описав, Г. С. Шишмарев доложил об открытии их М. Н. Васильеву; последний предложил назвать их островами «Благонамеренного».

Впоследствии анализ атласа Южного моря, составленного И. Ф. Крузенштерном, давал некоторое основание утверждать, что данную группу островов видели несколько ранее, чем экспедиция М. Н. Васильева, и они имеют название «Пейетер»¹. Нельзя, однако, не подчеркнуть, что специально никто не изучал этого вопроса и во всяком случае приоритет научного открытия этих островов остается за экспедицией М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева, впервые положившей на карту и описавшей их природу и население (приложения 16 и 17).

На параллели 33° с. ш. корабли, по приказу М. Н. Васильева, 13 мая 1820 г. разошлись, назначив место встречи (рандеву) в Зунде Коцебу. «Открытие» направился в Петропавловск, а «Благонамеренный» с инструкцией Васильева о плавании в Ледовитом океане (приложение 23) — к Уналашке (приложения 16 и 17).

По пути к Капитанской гавани натуралист Штейн и Лазарев пытались высадиться на о. Ново-Горелый (Иоанна Богослова), поднявшийся со дна моря на глазах людей во время вулканического извержения и до

¹ См. Ивашинцев. Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 г. СПб., 1872, стр. 56, сноска.

того времени никем из натуралистов детально не описанный (приложение 19)¹.

Простояв с 3 по 15 июня в порте Уналашка и исследовав остров Умнак, «Благонамеренный» направился к острову Св. Лаврентия и оттуда — в Берингов пролив. 25 июня «Благонамеренный» подошел к кромке сплошных льдов, покрывавших пролив и исключавших возможность движения к северу. Повернув на юг, Г. С. Шишмарев направился к острову, который был назван Коцебу островом Ратманова, но не обнаружил его и пришел к заключению, что этот остров, виденный О. Е. Коцебу, не существует. Тщательно исследовав затем залив Коцебу, его побережье, в частности «ледяные горы», туземное население и его быт, Г. С. Шишмарев дождался здесь шлюпа «Открытие» и вместе с М. Н. Васильевым направился на север к мысу Лизбурн.

Шлюпу «Открытие» удалось на сей раз пройти во льдах до широты $71^{\circ}6'$, т. е. на 25 миль далее параллели, достигнутой экспедицией Джемса Кука. «Благонамеренный» встретил непроходимые льды на широте $69^{\circ}1'$. Им был описан мыс Лизбурн и берег несколько восточнее его.

Закончив здесь работу по возможным к тому условиям и сделав гораздо больше того, что сделал у этих берегов Джемс Кук, существенно дополнив исследования Коцебу, шлюпы направились в начале августа месяца на запад — в губу Св. Лаврентия, а потом к одноименному острову.

21 августа корабли вошли в Капитанскую гавань Уналашки и стояли в ней до 28 числа.

Плавание 1820 г. к северу на этом было закончено. Экспедиции не удалось обойти Аляску с севера и разыскать проход в Атлантический океан, т. е. решить главную задачу. Итоги исследований на севере в этом году были, однако, весьма значительны, в особенности в описании берегов Америки, в исследовании Ледовитого океана и условий плавания в нем, в изучении природы берегов и населения крайнего севера Америки, в уточнении карт, составленных ранее другими морепла-

¹ История острова Богослова и природа его подробно описаны в книге З. Н. Зубковой — Алеутские острова, 1948, Географгиз. М.

вателями; в частности, было уточнено положение островов Павла и Георгия (ныне острова Прибылова. См. приложение 20).

В соответствии с инструкциями командование решило провести зиму в более низких широтах, исследуя берега Америки и океан там, где возможно плавание зимой.

От Уналашки шлюпы прошли в порт Новоархангельск, куда прибыли 20 сентября и находились здесь до 24 октября. В этот день они вышли на юг к Калифорнии, в порт Сан-Франциско.

В течение месяца были выполнены все необходимые работы на кораблях, обследованы окрестности Ситхи, изучено состояние русских колоний в Америке и М. Н. Васильевым составлен отчет о плавании с 27 июня — дня выхода его из Петропавловска — до выхода из Новоархангельска (приложение 20).

Здесь кстати отметить, что во время плавания к северу, в Беринговом проливе и в заливе Коцебу, шлюпы встретили американский бриг «Педлер». В рапорте начальника Камчатки Рикорда морскому министру от 10/XI—1820 г. об этой встрече говорится: «Американец не без изумления увидел прекрасное военное судно и салютовал развевающемуся российскому флагу. Эхо, разнося ответные выстрелы с фрегата «Открытие» по горам видимых берегов, повторяло в первый еще раз россиянами ознаменованное владычество на водах, несчастным, но по заслугам бессмертным, Берингом открытых» (приложение 21). А. П. Лазарев подробно рассказывает об этой встрече. Американцы явной ложью пытались убедить русских моряков в том, что они исследовали залив Коцебу, произвели шестом промеры, сделали съемку берегов и т. д. На поверку же вышло, что у них была копия карты, составленной русскими исследователями.

10 ноября шлюпы вошли в гавань Сан-Франциско. За трехмесячное пребывание здесь участниками экспедиции были выполнены большие исследовательские работы. Шишмарев и штурман Рыдалев исследовали залив Сан-Франциско и низовья впадающей в него реки. Это была первая опись и геодезическая съемка залива, сделанная европейцами. «В атласе Ла-Перуза, — говорит Лазарев, — он снят с испанских карт весьма неверно и,

повидимому, черчен на глазомер, а не геодезически». Были осмотрены испанские миссионерства и их хозяйство; описана природа района Сан-Франциско и т. д. М. Н. Васильев составил здесь рапорт морскому министру о плавании шлюпов от Ситхи до Сан-Франциско (приложение 22).

Из Сан-Франциско экспедиция отправилась 10 февраля 1821 г. к Сандвичевым (Гавайским) островам, по пути разыскивая остров Лахара, который, однако, обнаружить не удалось. У берегов Сандвичевых островов экспедиция находилась с половины марта по 5 апреля. Занятия ее сосредоточились здесь главным образом на изучении местного населения.

Джемс Кук в заключении второй части своего сочинения отметил, что открытие Сандвичевых островов «кажется важнейшее из всех до ныне европейцами в обширном пространстве Тихого океана учиненное». Понятно, что вокруг этих островов разгорелась борьба морских держав. А. П. Лазарев показывает эту борьбу за овладение островами и способы, которые использовались англичанами, американцами и испанцами для достижения цели. Те и другие старались разными, честными и нечестными, методами склонить на свою сторону местных королей — Камегамегу I и Камегамегу II. Подарки, подкупы, сеть экономических зависимостей, деятельность миссионеров, интриги против друг друга и против России, угрозы и репрессии местным правителям — все было пущено в ход для захвата островов.

Высокий авторитет русских моряков и слава о могуществе России побуждали туземных правителей искать защиты у России. Король Камегамега II писал об этом начальнику Камчатки П. И. Рикорду и через него русскому царю. А. П. Лазарев говорит, что к его работе прилагается копия письма сандвичанского короля Камегамеги II к русскому царю (стр. 274, сноска), но в рукописи этого письма не оказалось. «Король еще хотел писать к нашему императору, но не говорил нам о чем. Вероятно, зная могущество России, он старался снискать ее покровительство, которое было для него необходимо». Правительство России, однако, уклонилось от каких бы то ни было действий в отношении к этим островам, опасаясь осложнений с Англией и с Соеди-

неинными Штатами. Подробно описывая население островов и все, что пришлось видеть в его жизни во время пребывания на островах, А. П. Лазарев не упускает из виду и природу архипелага, климат, растительность, его наземные и морские богатства. Кое в чем дополняет его М. Н. Васильев (приложение 26) и Гиллесем в его опубликованном сочинении.

5 апреля 1821 г. шлюпы снова отправились на север. 13 мая «Благонамеренный» прошел мимо острова Лазаря, островков Виц-Кари и подошел к Ситхе. По прибытии отставшего на три дня шлюпа «Открытие», немедленно был спущен на воду мореходный бот, собранный здесь лейтенантом Игнатьевым, и поручен под командование лейтенанту А. П. Авинову для плавания на нем у северных берегов Аляски. А. П. Лазарев отметил, что за время их отсутствия в Ситхе благодаря активной деятельности правителя ее Муравьева и штурмана Хлебникова положение в ней улучшилось во всех отношениях. Здесь было построено новое здание адмиралтейства, поставлены новые маяки на берегах залива, подешевели продукты, установились мирные отношения с воинственными колошами (тлинкитами), ослабились интриги американских промышленников, подстрекавших колошей к нападениям на русские поселения, и т. д.¹

После двухнедельного пребывания в Новоархангельском порту корабли отправились 29 мая далее к северу, зайдя по пути на Уналашку; 25 июня М. Н. Васильев вручил Г. С. Шишмареву «предписание о плане плавания его в Ледовитом океане» (приложение 23) и в тот же день шлюпы вышли в море. По общему плану экспедиции М. Н. Васильев взял на себя «описание отмелей и берегов от Бристольской бухты до Нортонова зунда»; оттуда он намеревался идти в Ледовитое море искать прохода около американского берега, для чего и боту назначил идти с собой. «Нам,— пишет А. П. Лазарев,— было предписано отыскать, существуют ли острова Андерсон, Преображение и остров, виденный лейтенантом Синдом к северу от острова Св. Матвея, определить северную оконечность сего последнего и островка, лежащего от него к северо-западу, и окончить

¹ См. об этом в книге С. Маркова — *Летопись Аляски*.

опись острова Св. Лаврентия. На все сие представлялось нам время до 6 июля, в который день мы должны были пройти Берингов пролив и искать свободного прохода около берега Азии, которому также надлежало сделать опись»¹. В «Предписании» М. Н. Васильева предлагалось описать «берег Азии подробно до широты, которой вы можете достигнуть. Кук ходил только до 69°17'. Эта одна часть Чукотской земли остается неосмотренной, весьма бы лестно было, ежели бы вы могли успеть осмотреть неизвестную часть берега нашего государства».

Лейтенанту А. П. Авинову 3 июля было поручено исследовать и описать, пользуясь ботом, ялом и лодкой, берег от мыса Невенгам Бристольской губы до мыса Дерби Нортон-зунда (приложения 24 и 25).

В соответствии с этим планом шлюп «Благонамеренный» выполнил почти все ему предписанное: Г. С. Шишмарев прошел в районе, где на карте был обозначен остров Преображения (не обнаружив такового), побывал у островов Прибылова, описал часть острова Св. Лаврентия, прошел в районе острова Андерсон, также не найдя его, осмотрел часть берега губы Св. Лаврентия, подробно исследовал жителей ее побережий, прошел по Берингову проливу до мыса Сердце-камень, потом к американскому берегу и настойчиво пытался найти проход на север и запад среди льдов.

Самое северное место, куда удалось пройти 1 августа 1821 г., была широта 70°13'.

3 августа шлюп был еще во льдах и подвергался сжатию ими. Гиллесем (Гильсен) описал этот момент следующим образом: «Гром-ломавшегося льда был оглушителен; огромные глыбы, напирая на стоящий еще лед, поднимались из воды и с треском падали. Тотчас поспешили мы выйти в чистое море, преследуемые

¹ Гильсен говорит о задаче следующее: «По выходе из гавани взять курс к виденному каким-то промышленником острову Преображения, определить или удостовериться в существовании его; потом отправиться к острову Андерсону, поставленному на карте капитаном Куком, но после него никем не найденному. Описать острова Св. Матфея и Лаврентия, и, наконец, стараясь достигнуть Ледовитого моря к 7 июля, идти вдоль Азиатского берега до возможной высоты, отыскивая проход кругом этой части света к западу». Гильсен К. К. Путешествие на шлюпе «Благонамеренный». Отечественные записки, 1849. № 9—10, том XVI, Отд. VIII, стр. 226.

огромными массами льда». Вскоре, однако, шлюп оказался снова в ледяном плену. «Положение наше становилось критическим... Несчастный наш шлюп скрипел и трещал во всех составах и, наконец... его подняло на левую сторону и накренило под углом 45°. В таком положении мы пробыли почти сутки и нас неминуемо раздавило бы, если б льдины не упирались уже в стоячий лед и оттого не могли более сдвигаться»¹. 5 августа корабль натолкнулся на льдину около 0,5 мили длиной и 0,24 мили шириной, но благополучно разошелся с ней.

8 августа «Благонамеренный» находился вновь у мыса Сердце-камень и производил опись берега. 10 августа шлюп направился на юг к Мечигменской губе и встретил «Открытие»². Доложив Васильеву результаты плавания, Г. С. Шишмарев направился к азиатскому берегу для продолжения описи, затем к островам Св. Лаврентия и Матвея, открыв при этом 28 августа пролив Сарычева³, а М. Н. Васильев пошел в залив Нортон. 20 сентября, после месячной борьбы со стихиями, «Благонамеренный» вошел в Авачинскую губу на Камчатке.

М. Н. Васильев на «Открытии» после 25 июня, как видно из выписки из журналов от 12 февраля до 14 октября (приложение 26) и из рапорта его морскому министру «О плавании шлюпов в Ледовитом море» в 1821 г. (приложение 27), прошел к острову Георгия и далее к мысу Невенгам. 11 июля он «увидел в правой стороне снег, вскоре и высокий берег, вдоль которого мы шли не более 10 миль итальянских от него». Это был неизвестный и не нанесенный на карту большой остров Нунивок. «До сего времени (как узнал Васильев от жителей острова—А. С.) не приходило к ним ни одного судна и никто из европейцев их не посещал. С матерого берега Кускохенцы нынешнее лето приезжали к ним гостить и впервые им показали употребление железа, вероятно вымененного в Бристольской губе». Побывав на берегу острова и ознакомившись с его природой и жителями, Васильев назвал его именем своего ко-

¹ Гильсен К. К. Путешествие на шлюпе «Благонамеренный». Отечественные записки, 1849, т. LXVI, № 9—10, Отд. VIII, стр. 232—233.

² По Гильсену эта встреча произошла 11 августа.

³ В этом же проливе были найдены два больших подводных камня, названные Нидельскими (см. соч. Гильсена).

рабля «Открытие». Южный мыс острова он наименовал мысом лейтенанта Игнатьева (в то время бывшего на «Открытии» вместо лейтенанта Зеленого, переведенного на «Благонамеренный»), а северный — мысом лейтенанта Бойля. 21 июля Васильев встретил бриг «Головнин», шедший в залив Нортон под командою мичмана Хромченко. Последний сообщил Васильеву, что 15 июля он открыл низменный остров, покрытый лесом. Пройдя к северу с описью берегов, Васильев открыл мысы Рикорда и Головнина, исследовал мыс Ледяной. 7 августа шлюп вошел во льды и был окружен ими.

«Правой стороной шлюп был прижат ко льду, спустили доски, люки и какой был мелкий рангоут, обложили весь борт, чтобы льдом не повредило обшивки. Служители были употреблены сколь возможно удерживать льды, облегчать удары, однако иные были столь сильны, что трехдюймовые доски ломало... Ветер крепчал с чрезвычайности, шел мокрый снег... Попортили местами медь, помяли обшивку, но шлюп течи нисколько не оказал... Спасти и паруса обледенели... Из Ледовитого моря вышел 9 августа».

Описывая американские берега, М. Н. Васильев открыл реку Кухюттак и обследовал устья нескольких других рек. Наибольшая широта, достигнутая им в 1821 г. — $70^{\circ}23'$. 16 августа он направился на юг, прошел близ острова Св. Лаврентия с восточной стороны, пересек Алеутскую гряду и 8 сентября прибыл в Петропавловск-на-Камчатке.

Лейтенант А. П. Авинов, выйдя из Бристольской губы 6 июля, прошел с описью вдоль берега до мыса Невенгам и от него к северу до залива Добрых вестей, сняв на карту все побережье, изучая проливы и делая промеры глубин. С течением времени «от серых погод и тесноты на боте у служителей стали сказываться признаки цынготной болезни». Во избежание «худых последствий» Авинов решил 18 июля прекратить исследования и направиться к Камчатке, куда и прибыл 19 августа, совершив беспримерный, героический переход по океану на боте в бурную осеннюю погоду.

В Петропавловске экспедиция находилась до 15 октября 1821 г. За это время были обработаны результаты наблюдений во время плавания, исправлен таке-лаж и запасена провизия на обратный путь в Кронштадт.

М. Н. Васильев составил выписки из журналов и рапорт морскому министру, в котором он сообщил: «Я признал для службы бесполезным оставаться с вверенным мне отрядом еще на один год в здешних морях».

В обратный путь шлюпы вышли 15 октября 1821 г. 31 мая 1822 г. Адмиралтейств-коллегия сообщила начальнику морского штаба контр-адмиралу А. В. Моллеру о том, что экспедиция прибыла в Петропавловск, о состоянии экипажа и о том, что шлюпы готовы к выходу в море в обратный путь.

Тем временем шлюпы побывали у Сандвичевых островов в гавани Ганаруру (Гонолулу) и 18 декабря вышли отсюда на юг с намерением зайти к островам «Благонамеренного». Однако, чтобы не терять времени, корабли миновали острова «Благонамеренного», пройдя гораздо восточнее их — мимо открытых в 1814 г. М. П. Лазаревым островов Суворова; обогнув мыс Горн, 11 марта 1822 г. они прибыли в Рио-де-Жанейро и простояли здесь семь недель.

Снявшись с якоря 3 мая, шлюпы 27 числа этого месяца в последний раз пересекли экватор и через 73 дня по выходе из Рио-де-Жанейро — 16 июля — пришли в Копенгаген.

Путь от Копенгагена до Малого рейда Кронштадта занял 10 дней — с 22 июля по 1 августа. 17 августа шлюпы втянулись в гавань.

Немедленно по возвращении на родину М. Н. Васильев рапортовал начальнику морского штаба о прибытии кораблей из кругосветного плавания (приложение 30), а вскоре за этим представил «Краткую записку о плавании вокруг света» с изложением всего хода экспедиции и важнейших результатов. «Проведению угодно было ознаменовать путь наш новым открытием в широте южной 8° и восточной долготы от Гринвича $170^{\circ}20'$ нескольких обитаемых островов, которые наименованы мною островами «Благонамеренного»... Успех всего плавания, — писал он далее, — состоял в том, что в Беринговом проливе поднялись мы на 22 мили выше капитана Кука и определили положение берегов от мыса Лизбурна до мыса Крузенштерна... Июля 11-го (1821 года, — А. С.) имели мы счастье сделать второе и гораздо важнейшее открытие: в широте $59^{\circ}54'$, долготы $193^{\circ}17'$ нашли остров длиною в 40 миль... Через тол-

мачей узнали мы, что обитаемый ими остров называется Нуни-вак. Августа 3-го, нашед себя по наблюдению в широте $70^{\circ}40'$ и посему заключая, что миновали уже Ледяной мыс, спустились к югу и на пути перетерпели большие препятствия от льдов, но благодаря отличным качествам нашего шлюпа, мы от них отделались. На другой день, приближаясь к Ледяному мысу, нашли, что оный положен Куком на 1° западнее» (приложение 31). Вместе с тем Васильев сообщал, что им не обнаружено, несмотря на все упорные поиски, островов Рика-де-Оро и Рико-де-Плата на широтах между 28 и 35° , а также островов Преображения и Андерсона на севере.

Гораздо подробнее результаты научных работ и открытий экспедиций изложены Ф. Штейном в его «Кратком начертании успехов экспедиции к Северному полюсу» (приложение 19).

Участники плавания, по представлению М. Н. Васильева и он сам по представлению начальника Морского штаба А. В. Моллера, были награждены орденами (приложения 32, 33, 34, 35, 36)¹.

Из прессы того времени видно, что общественность и научные круги проявляли к экспедиции М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева живой интерес. Периодические издания сообщали о ходе экспедиции; например, в «Отечественных записках» за 1822 год, часть II помещено письмо за подписью «Кронштадтский житель» от 10 июня 1822 года «Об успехах северной экспедиции под командою капитан-лейтенанта Васильева». В письме сообщалось, что экспедиция два раза проходила Берингов пролив, что она прошла на $1,5$ градуса ближе к полюсу, чем Кук, что открыт остров Нунивак и тем оказана важная услуга Отечеству и «взявшие прославлен русский флот».

По возвращении шлюпов в Кронштадт «Северный архив» (1822, часть 3, отд. V, стр. 321) сообщал о благополучном «на сих днях прибытии» экспедиции, об от-

¹ Обращает на себя внимание отсутствие в списке награжденных Г. С. Шишмарева и А. П. Авинова, которых М. Н. Васильев представлял в первую очередь. Между письмом Моллера Васильеву (приложение 35) и списком награжденных имеется расхождение; в письме указано о награждении орденами Владимира 4 степени — 9 чел., а в списке награжденных перечислено 10, причем не тех, о которых ходатайствовал Васильев.

крытии ею группы обитаемых островов в Тихом океане, о плавании в Беринговом проливе и в Ледовитом океане далее «бессмертного Кука», об открытии острова Нунивок.

«К чести господина Васильева,— говорится здесь,— должны мы заметить, что немногие экспедиции окончились столь блистательно и с такою пользою для наук... Географические науки многим обязаны господину Васильеву».

Вторая часть известного труда В. Берха: «Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны», изданная в 1823 г., начинается с довольно подробного изложения плавания Васильева и Шишмарева.

Нельзя не отметить, однако, что у Васильева нашлись и недруги в Российско-американской компании. Последняя опубликовала в газетах и в журнале «Русский инвалид» объявление об открытиях, сделанных судами этой компании и между другими — об открытии острова Нунивок. По просьбе М. Н. Васильева Адмиралтейств-коллегией была назначена комиссия для рассмотрения этого вопроса (приложение 37). Комиссия составила «сравнительную выписку из журналов», веденных на «Открытии», на боте Авинова, на бриге «Головнин» Российско-американской компании под командою мичмана Хромченко и на катере «Баранов» под начальством морехода Этолина (приложение 38). На основании детального сравнения журналов начальник морского штаба А. В. Моллер 29 декабря 1822 г. сообщил Васильеву, что Адмиралтейский департамент «признает честь открытия острова Нунивок Вам принадлежащею, то и положил Департамент оный под сим названием означить и на картах» (приложение 39).

Во всех последующих описаниях плавания Васильева и Шишмарева вопрос о приоритете открытия острова Нунивок больше не поднимался, а описаний таких, хотя и кратких, как отмечалось выше, было немало. Об экспедиции писалось в 1842 г. в «Месяцеслове», в 1829 г. — в «Санкт-Петербургских ведомостях»; в 1849 г. довольно подробно описал плавание от порта Джексон до возвращения шлюпов в Петропавловск К. Гильсен (Гиллесем) в «Отечественных записках». В том же 1849 г. писал об экспедиции «Журнал министерства народного просвещения», в 1830 и 1850 гг. она освещалась

в «Сыне Отечества», в 1849—50 и в 1872 гг. о ней писал в своих трудах историк флота Н. Ивашинцев, в 1852 г. и в последующие годы о ней писали в «Морском сборнике» и «Кронштадтском вестнике»; материалы о ней имеются в «Магазине землеведения и путешествий», в работах историка флота Ф. Веселаго и др. По возвращении экспедиции поэт граф Д. И. Хвостов воспел ее в поэме. Наиболее полным из опубликованных описаний до сего времени была работа К. Гильсена (1849 г.). Редактор «Отечественных записок» сделал к ней следующее примечание: «Это путешествие, никем еще не описанное, ни в целом, ни отрывками, хотя уже за 27 лет перед сим совершенное, как по цели своей, так и по результату, заключает в себе столько любопытного, что описание его всегда будет возбуждать живейший интерес, тем более, что после его не было совершено подобного».

А. П. Лазарев закончил свое описание мореплавания в 1830 г. Известно, что Ф. Ф. Беллинсгаузену с трудом и после долгих ходатайств удалось опубликовать свой замечательный труд о двукратном плавании в Ледовитом океане. Пытался ли А. П. Лазарев опубликовать свои записки? Да, об этом имеются документы. 12 декабря 1830 г. он обратился с рапортом к начальнику морского штаба с просьбой доложить Николаю I о первой части его «Записок» и разрешить приложить к ней «Разные рисунки и карты, снятые и сочиненные в продолжении означенной экспедиции и по окончании оной поступившие в чертежную бывшего Адмиралтейского департамента. К испрашиванию сего позволения побуждает меня то, — писал Лазарев, — что контр-адмирал Васильев, бывший начальником отряда судов, состоящего из шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный», отозвался неимением времени для описания сего достопамятного путешествия». Здесь же Лазарев указывает, что в скором времени им будет представлена и вторая часть «Записок», содержащая инструкции, вычисления и наблюдения, словари разных наречий и разные другие статьи. Николай I распорядился рассмотреть «Записки» в ученом комитете¹. Председатель

¹ Рапорт А. П. Лазарева с резолюцией Меншикова. ЦГА ВМФ, ф. 205, д. 644, л. 6. Подлинник.

Ученого комитета Г. Кутузов 10 апреля 1831 г. сообщил рапортом начальнику штаба вице-адмиралу А. С. Меншикову, что он прочитал «Записки» Лазарева, «составляющие 620 стр. в лист,» и представил своё мнение Комитету. В этом мнении говорится, что «описание отдельных действий шлюпа «Благонамеренный», особенно изыскания в Беринговом проливе, сношений с прибрежными жителями, описание разных происшествий, случаев и многие замечания и суждения Лазарева достойны любопытства; служащие во флоте, конечно, с удовольствием прочитают его «Записки» и найдут в оных разные новые и полезные сведения», но... так как А. П. Лазарев в десяти главах из двенадцати говорит о распоряжениях, предписаниях, сигналах и о словах М. Н. Васильева, то требуется подтверждение последнего обо всем изложенном. Кроме того, по поручению Комитета, говорится в рапорте, шесть представленных А. П. Лазаревым карт рассматривал вице-адмирал Крузенштерн и потребовал от астронома экспедиции Тарханова наблюдения и вычисления, на которых основаны долготы мест, упомянутых в «Заключении» Крузенштерна¹.

Каков был дальнейший ход дела и судьба «Записок» — неизвестно. На этом, по имеющимся документам, дело обрывается.

Таковы цели, задачи, основные итоги экспедиции М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева по свидетельствам и оценке ее участников, современников и по документам. Из всего изложенного видно, как писали и сами участники плавания, а за ними и все, кто касался работ «северной дивизии», что главная задача экспедиции осталась нерешенной. А. П. Лазарев писал об этом в следующих словах: «Покушение наше пройти из Берингова пролива в Атлантический океан осталось невыполненным по причине льдов, противных ветров и бурных непогод, положивших непреодолимое препятствие дальнейшему нашему плаванию в Ледовитом море». Однако, публикуя ныне полное описание этого плавания и относящиеся к нему документы, мы уверенно можем сказать, что значение экспедиции М. Н. Ва-

¹ Рапорт Г. Кутузова начальнику главного морского штаба вице-адмиралу А. С. Меншикову. ЦГА ВМФ. ф. 205, д. 644, л. 1—10. Подлинник.

Карта плавания шлюпа «Благо»

Васильева и Г. С. Шишмарева должно оцениваться не только с точки зрения решения этой главной задачи. Как правильно указывал Н. Ивашинцев еще в 1872 г., «главнейшая цель — северный проход — разумеется, не могла быть достигнута»¹. И после этой экспедиции, с иными техническими средствами, борьба со льдами нередко оканчивалась жуткими трагедиями. Достаточно вспомнить трагический конец «Жаннеты», ее несчастный экипаж и целый ряд других жертв в эпоху до советского исследования Арктики.

Значение экспедиции М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева в том, что это был один из замечательных походов русских моряков вокруг света, в то время, «когда кругосветные плавания были светлым животворным лучом, освещавшим наш флот. Принося непосредственно огромную пользу, они сопровождались множеством разнообразных последствий, благотворное влияние которых сохраняется и до настоящего времени... Борьба с могучими стихиями, водой и воздухом, когда они угрожают в виде штормов, ураганов, тайфунов, плавающих ледяных громад, требовала умения управляться с кораблем, энергии, твердости духа не менее, чем самое жаркое морское сражение»².

Это плавание, как и другие русские кругосветные путешествия, показало высокий класс мореходного искусства, которым владели отважные русские моряки.

«Записки» А. П. Лазарева и связанные с ними документы еще раз показывают, что русские мореплаватели первой половины XIX века были высоко и разносторонне образованными учеными, наблюдательными и отважными исследователями. Они давали объяснения многим явлениям природы не только на уровне науки своего времени, но и во многом опережали ее, стимулировали ее развитие передовой мыслью. Эти моменты многократно отмечены нами в комментариях. Результаты работ экспедиции говорят о том, что русские моряки того времени были, как и теперь, непревзойденными гидрографами и землеописателями. Стоит сравнить «Записки» А. П. Лазарева с сочинением Джемса Кука «Пу-

¹ «Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 год», СПб., 1872.

² Веселаго Ф. Краткая история русского флота, Военмориздат, 1939, изд. II, М.—Л., стр. 257.

тешестве в Северный Тихий океан», вышедшим в русском переводе в 1810 г., и превосходство «Записок» А. П. Лазарева по наблюдательности и глубине научного объяснения явлений природы, хозяйства и быта народов становится очевидным.

Резко отличает русских моряков от иностранных и отношение их к людям, стоявшим на низкой ступени общественного и культурного развития. Гуманность вместо высокомерия, стремление к добрым отношениям с «дикими» вместо жестокости — отличительная черта русских моряков.

Приоритет открытия островов «Благонамеренного» и острова Нунивок остается, несомненно, за русскими мореплавателями.

Наконец, конкретный фактический материал, содержащийся в «Записках» А. П. Лазарева, имеет неоспоримую ценность для изучения истории развития науки о море, о суше и о человеке.

Выпуская в свет эту книгу, мы надеемся, что она будет интересна и полезна советскому читателю — моряку, юноше — будущему моряку, исследователю истории науки и всем советским людям, кто интересуется успехами русского флота.

А. Соловьев

У к а з

Адмиралтейств-Коллегии капитану над Петроградским портом генерал-майору С. И. Миницкому о приготовлении двух шлюпов и двух транспортов в экспедиции к Северному и Южному полюсам.

13 марта 1819 г.

Адмирал, морской министр и кавалер маркиз де-Траверсе предложением Коллегии дал знать, что е. и. в. высочайше повелеть изволил в будущую коммуникацию отправить в дальний вояж находящиеся в Кронштадте и на Охте построенные два шлюпа и построенные в Лодейном поле два транспорта, и чтобы с наступлением июня месяца суда сии могли вступить под паруса и выйти в море по назначению. Вследствие чего просил Коллегию учинить благо- временно распоряжение ее о всех нужных на таковой случай приготовлениях для снабжения судов и ...экипажей всем потребным, войдя, сверх того, в подробнейшее соображение всех способов и средств, могущих споспешествовать к сохранению здоровья служителей, коих полагать следует возможно меньшее число, особливо не должно быть совсем бесполезных. Продовольствие же расположить сколь возможно на самое продолжительное время. Транспорты надлежит обшить медью.

Во исполнение сего высочайшего повеления и предписано было от Коллегии Исполнительной Экспедиции, дабы учинила надлежащее распоряжение об обшивке построенных на Лодейном поле транспортов медью по приуготовлении их, а равно, находящегося в Кронштадте одного и на Охте на стапеле одного, всего двух шлюпов для отправления в будущую коммуникацию в дальний вояж, и таким образом, чтобы с наступлением июня месяца помянутые суда могли вступить под паруса и выйти в море по назначению. Хозяйственной же [экспедиции] велено, сообразив способы и средства, могущие споспешествовать к сохранению здоровья служителей...расположить продовольствие их сколь возможно на самое продолжитель-

ное время, и, сделав предварительное расчисление о количестве и сорте провизии, а равно о мундирных и прочих вещах к снабжению служителей в таковой вояж потребных, представить с мнением—каким образом, на какое время и откуда признает она удобным снабдить всем сим означенные суда, о чем дано знать Артиллерийской Экспедиции и главному командиру Кронштадтского порта для равномерного в чем следует со стороны их распоряжения. На сие Хозяйственная экспедиция доносит, что она относилась в то ж время в контору главного командира Кронштадтского порта, о представлении общему собранию сделать заключение, сколько бы каких чинов и служителей командировать на помянутые, повеленные отправить в дальний вояж, два шлюпа и два транспорта, не упуская из виду, чтобы на сих судах бесполезных никого не находилось. Ныне же главный командир Кронштадтского порта в отношении ей изъясняет, что общее собрание, по подробнейшему соображению сего обстоятельства, мнением положило—укомплектовать помянутые назначенные в дальний вояж два шлюпа и два транспорта чинами и служителями, согласно ведомости, при том приложенной, а как суда сии отправляются в дальний вояж и должны проходить разные климаты ...то общее собрание признает необходимо нужным для укомплектования тех двух шлюпов и двух транспортов избрать служителей самых здоровых и не старше 35 лет, как более могущих переносить труды на море, а притом знающих сверх своей должности некоторые мастерства, относящиеся до кораблестроительной части, равно умеющих лучше стрелять из ружей. Впрочем, по невозможности выбрать таковых служителей из одного экипажа, не обеспечив оного, полагается избрать их из разных экипажей, наблюдая только, чтобы служители были на каждом судне из одной бригады. По каковому числу чинов и служителей, назначаемых общим собранием на помянутые суда, комиссариатским и провиантским отделениями составлены исчисления по примеру отпуска провизии, материалов, вещей и припасов на отправившийся в прошлом 1817 году в дальний вояж шлюп «Камчатку», сколько потребно к отпуску провизии, материалов и припасов, каким посредством полагается оные заготовить и что отпустить из наличия по магазинам. Хозяйственная экспедиция исчисления сии, равно и ведомость о числе чинов и служителей на оные суда, общим собранием назначаемых, представляет Коллегии и просит, не угодно ли будет... опробовать и заготовление показанной в исчислениях провизии, материалов и припасов по примеру снабжения шлюпа «Камчатка». Адмиралтейств-Коллегия означенные ведомости представляла в копиях на усмотрение морскому министру и при том доносила, что она изъясненное в рапорте Хозяйственной экспедиции мнение Кронштадтского собрания... находит с своей стороны основательным... на что и ожидала от него, министра, разрешения и на сие получила от него предложение... По сему Коллегия приказала: во исполнение сего предложения морского министра предписать Хозяйственной экспедиции, дабы она приготовление в кампанию двух шлюпов и двух транспортов расположила сообразно примечаниям, в прилагаемой при сем записке значащимся, с которой и препроводить в ту экспедицию копию, препоручив все прочее, затем привести в исполнение по ее назначению в рапорте от 27 минувшего февраля № 45, в приложениях изъясненному. О чем дать знать и вам, генерал-майору и ка-

валеру, отослав при том списки как с сих приложений, равно и с вышепомянутой записки, для сведения и надлежащего со стороны вашей в чем следовать будет по сему предмету, распоряжения. Гаврила Сарычев.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 15, л. 13—17.

Подлинник.

Инструкция

*Государственной Адмиралтейств-Коллегии начальнику
экспедиции к Северному полюсу капитан-лейтенанту
М. Н. Васильеву*

18 июня 1819 г.

По высочайшему е. и. в. соизволению назначены вы командиром 2-го отряда судов, состоящих из двух шлюпов, в дальний вояж отправляемых, «Открытия» и «Благонамеренного». По сему Адмиралтейств-Коллегия предписывает вам, по окончании вооружения и по укомплектовании сих двух шлюпов надлежащим образом, отправиться в предположенный вам путь немедленно по получении особой инструкции, которая дана будет по высочайшему поведению, со стороны ж Коллегии преподаются вам одни правила по части экономической. Хотя правила сии изображены большею частью в морских регламентах, уставах и других узаконениях и известны всем флотским чинам, но как с распространением познаний человеческих, из самих опытов в таких вояжах, в какой отправляетесь вы, почерпнутых, были по временам и обстоятельствам случаи, о коих в тех узаконениях не упоминается, посему излагаются оные в следующих статьях.

1

Как сохранение здоровья людей, составляющих экипаж, есть первая обязанность всех мореплавателей, и опытами доказано, что надежнейшие для сего средства суть: опрятное судов и экипажей содержание, очищение воздуха в палубах и интрюме, достаточное, но не чрезъестественное упражнение людей в какой-либо экзерции, крайнее наблюдение, чтобы в мокрой одежде люди не оставались надолго, а особливо не ложились в оной спать, доставление им наилучшей пищи и питья, то Коллегия от попечения вашего и ожидает, что сии, равно и другие приличные правила, могущие споспешествовать к благосостоянию экипажа, по совету медиков, конечно, исполнены будут вами со всею точностью.

2

В особенности имеете вы обращать внимание свое на больных и всеми мерами стараться о улучшении содержания их и излечении, поощряя к сему последнему и медиков, на суда вам вверяемые назначенных, о прилежании коих и усердии, или нерадении обязаны будете представлять начальству.

Всевозможную также долженствует иметь заботу о доставлении вообще людям пищи и питья, для чего не упускать ни малейшего случая, и во время пребывания при берегах снабжать экипажи лучшими съестными припасами посредством покупки наличных, а во время плавания в море ловом рыбы, где позволят местные обстоятельства, также ромом и вином, употребляя оные по климатам и обстоятельствам. Для покупки напитков и съестных припасов предоставляется зайти в Копенгаген, в Англию, к острову Тенерифу, а буде встретится нужда в дровах, то в С.-Яго, наблюдая только, чтобы в С.-Яго недолго оставаться, ибо там вредно для здоровья людей. Солонину прежде вываривать паром в котле, наполненном морской водой, для отделения через то от нее всех нечистот и жирных частиц, способствующих к скорейшему зарождению цынготной болезни; не совсем вываренная таким образом солонина, и положенная в кашницу, делает оную свежее и довольно вкусной. В жарких краях давать масло коровье весьма умеренно, а когда оное покажется испортившимся, то и вовсе оного не производить, а с горохом обыкновенно приказывать мешать бульон. Когда на судах устроены будут печи, то нужно по временам раздавать людям печеный хлеб, который, как известно, гораздо здоровее сухарей; бочки водяные иметь внутри крепко обожженные, и такое обжигание повторять чаще, дабы иметь всегда свежую и не-испорченную воду, наблюдая за всем тем, чтобы они всегда были в чистоте, и, когда нужда потребует, налить бочки соленой водой для содержания судна в грузу, а после понадобится — налить оные пресной водой; тогда прежде должно хорошо очистить оные, ибо нет ничего вреднее для здоровья и ничто так скоро не возрождает цынги, как испорченная вода. Для сбережения здоровья людей снабжены будете запасом бульона, чая, патоки, сахара, какао, сосновой эссенции, сула хорошего, уксуса и горчицы, непременно должно запастись для больных достаточным количеством хины. Не бесполезно также взять с собою несколько бочек крепкого пива из последнего европейского порта, и когда одну бочку выпьют, то на ее дрожжи наливать теплую воду и сосновую эссенцию, смешав оную с патокой, наливка сия через 23 часа, а в теплую погоду через 10 часов, начинает бродить, и через три дня можно оную пить; таким образом, из дрожжей двух выпитых бочек можно выварить около 20 ведер нового хорошего пива. Из прежних вояжей видно, что между островами св. Елены и Копенгагеном пропорция припасов, для сего употребляемых, была на бочку в 20 ведер 3 горшка сосновой эссенции и полтора пуда патоки, а пропорция каждого человека состояла из полкружки, и как пиво есть здоровейшее питье на море, то потребно давать оное людям чаще, а сие предположение представляется приводить в исполнение по ближайшему вашему рассмотрению.

Людей стараться не подвергать напрасно в ненастье и [во] всякую влажную погоду, посмотреть, чтобы они не ложились на открытом воздухе, на солнце же голову всегда покрывали, постели их просушивать как можно чаще, а в палубах раскладывать с над-

лежащую осторожностью огонь, как надлежащее средство к очищению воздуха.

5

Во время путешествия вашего не оставляйте упражнять штурманов, экономических офицеров и других чинов, поступая в сем случае по содержанию изданных и высочайше утвержденных правил, коими снабжены будете.

6

Сбережение пороха от расходов хотя немаловажно в предлагаемом вам пути, но не воспрещается вам однакож, судя по обстоятельствам, делать экзерциции, причем поступать по регламенту императора Петра Великого, и как для оной, так и для салютов, прочистки орудий и прочих выстрелов, употреблять заряды по правилам, высочайше подтвержденным в 13-й день апреля 1804 года. Всем иностранным чиновникам, посещающим ваши суда, делать почести по их чинам, руководствуясь в том уставом императора Петра Великого.

7

При всяком входе вашем в дружественные чужестранные порты для покупки свежей провизии или для починки ваших судов вы должны немедленно давать знать о вашем приходе тамошнему правительству или кто есть со стороны российского двора и уведомлять также Адмиралтейств-Коллегию о благосостоянии команды и судов.

8

Когда будете находиться в иностранных владениях и у народов различных стран, обходиться с ними ласково и сохранять всякую благопристойность и учтивство, внушая сие и всем подчиненным вашим, никаких дезертиров на вверенные вам суда вопреки прав народных не принимать, а если бы в числе их находились и российские подданные, то и их не брать без сношения с местным правительством или с доверенной особой от российского двора, там пребывающего.

9

В салютах кораблей и крепостей тех держав, с коими трактатов не заключено, поступать по силе морского устава императора Петра Великого, салютуя всегда в таком расстоянии, чтобы пальба могла быть видима и слышана; впрочем для сведения вашего и в чем следует исполнения будут присланы вам от Исполнительной Экспедиции все договоры и трактаты, какие только с кем сделаны; так же имеете взять от Кронштадтского порта для сведения вашего копию с инструкции, которая дана была прошлого, 1805 года, крейсерским судам, посланным в море, для воспрещения пути судам, шедшим из зараженных желтой горячкой мест.

10

Поелику звание ваше обязывает вас защищать достоинство флага российского, то Коллегия, надеясь, что вы не упустите ничего из вида к сохранению судов, вам вверяемых, и к недопущению их до оскорбления, предписывает вам содержать себя всегда в

готовности, чтобы кто-нибудь, встретясь с вами, не мог нанести обиды флагу и причинить судам вашим вреда. В случае неприятного нападения стараться оборонять себя, как долг храброго и искусного офицера повелевает, судам же купеческим, с вами встретившимся, или купно с вами идущим, никаких обид не чинить, а, напротив, в возможном оказывать вспомоществование.

11

На случающиеся в пути надобности отпущена будет сумма, на записку которой в приход и расход имеете истребовать от Кронштадтского порта шнурованную книгу.

12

В ознаменование доверенности, какую имеет к вам начальство ваше, предоставляется вам право выдавать при случаях, по бывшему на шлюпе «Диане» примеру, нижним чинам в награждение годовое, полугодовое и третное жалованье из суммы, которая отпущится вам на экстраординарные расходы; на место умерших служителей повышать других нижних чинов по достоинству. Позволяется производить людям по климатам тех стран, где суда, вамверяемые, будут находиться, морской провиант и провизию не по регламенту, но, соображаясь с примерами лучших мореходцев, по собственному вашему усмотрению; также допускается употреблять для сбережения здоровья служителей, сверх положенного, разное платье по климатам, белье и прочее из запасов, которыми каждое судно в достаточном количестве снабдится, и покупать в случае нужды для судов припасы и материалы.

13

В рассуждении производства жалования и порционных денег имеете вы поступать по высочайше подтвержденной в 5-й день июня сего года и при сем в копии прилагаемой записке.

14

Поелику плавание в морях обоих полушарий зависеть будет от свойств климатов и различных времен года, то и имеете руководствоваться путешествием кругом света известных плавателей, кои послужат вам во многих случаях или примером, или усовершенствованием к сохранению и содержанию судов и экипажей в целости, и коими снабжены вы будете по особому распоряжению.

15

Что касается до цели плавания вашего, также до времени возвращения в свои европейские порты, о сем получите особое предписание и наставление. Посему остается Коллегии заключить, что вы, яко искусный и отличный офицер, исполните с точностью поручение вам делаемое, и последуете, не обинуясь, изображенным в морском уставе, в коллежской должности и в прочих узаконениях предписаниям, до командующего судном касающимся, благоразумными своими распоряжениями в предлагаемом пути, оправдаете ту доверенность, которая вам делается.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 11, лл. 1—9.

Подлинник.

Инструкция

Государственного Адмиралтейского департамента
начальнику экспедиции к Северному полюсу
капитан-лейтенанту М. Н. Васильеву

20 июня 1819 г.

Как по высочайшему повелению вы определены начальником двух шлюпов, отправляющихся из Кронштадта в дальнейшее мореплавание, и от морского министра получите надлежащее предписание о расположении вашего плавания, равно и о всех главных поручениях, на вас возлагаемых, то Адмиралтейский департамент затем полагает вам только некоторые необходимо нужные правила, служащие к руководству для наблюдений во время вашего плавания.

1. Нужные для сего вояжа астрономические, математические и физические инструменты некоторые отпущены вам из приготовленных здесь, а прочие, недостающие, получите по прибытии в Англию. О заготовлении оных писано от морского министра к находящемуся там российскому послу. Все оные инструменты должны вы проверить и ежели найдутся какие-либо в них погрешности, исправить.

2. Во время похода, по окончании каждых суток, означать счислимый или обсервованный пункт румбом и расстоянием до какого-нибудь известного места, предпочитая, где можно, те из сих мест, коих широта и долгота определены.

3. В случае немалой разности счислимого пункта с обсервованным или пеленгованным, означать румб и расстояние между сими пунктами, стараясь делать замечания о причине таковой разности.

4. Для сего должны вы иметь разные карты, и на всех оных прокладывать счисление, замечая как несходства между ними, так и то, которую из них и в какой части именно найдете вы вернейшею. А потому старайтесь делать сколько можно более астрономических наблюдений. Необходимо нужные для сего морские карты тех морей, по коим совершать будете плавание, многие препровождены уж к вам от департамента, а те, которых недостает, можете купить в Англии из числа издаваемых от английского Адмиралтейства.

5. Для наблюдения широты не должно довольствоваться одною полуденной высотой солнца, но наблюдать также звезды при свете зари на меридиане, и солнце вне меридиана, если в полдень не будет оно видно за облаками.

6. Для долготы брать расстояния между луною и звездами всегда, когда обстоятельства позволят, и выводы сих наблюдений сверять с теми, какие окажутся по хронометрам, которые должны вы перед отправлением в поход тщательно проверить наблюдениями соответствующих высот солнца. Да и в продолжение плавания вашего всегда, когда пристанете к берегу или подойдете на вид земли, которой положение определено с точностью, то тогда не упускайте случая вновь поверять хронометры.

7. Для верного наблюдения хода хронометров замечайте степень тепла или холода по термометру, как при восхождении солнца, так и около полудня, дабы, в случае непорядочного или

неравномерного хода хронометра, можно было судить: не перемена ли тепла или холода причиною того.

8. Все наблюдения, делаемые как для определения долготы и широты мест, так и для проверки компаса и часов, вносить в журнал со всякой подробностью, так чтобы и после, если потребует надобность, можно было проверить вычисления оных.

9. Везде, где случай и время позволят, старайтесь сами делать наблюдения о высоте морского прилива и сыскать прикладной час, но когда того по краткости пребывания вашего сделать будет невозможно, то, по крайней мере, разведывать через лоцманов обо всем оном. Также, если случится вам заметить построение кораблей, отличное чем-нибудь от нашего (особенное средство для сбережения лесов), — судно, построенное особенным образом, для особенного какого-нибудь намерения, морской порядок, наблюдаемый в команде и содержании служителей, инструмент какой-нибудь новый или употребляемый с лучшим успехом, нежели у нас, не оставляйте ничего без описания. Сверх того, вы должны не только описывать, но и снимать модели со всех отличных судов, примеченных в разных странах, равно как и с лодок, употребляемых дикими народами. Также стараться собирать любопытные произведения природы для привезения в Россию, в довольном числе, для Академии и для Адмиралтейского департамента, равно собирать оружие диких, их платье и украшение, что более любопытно.

10. Когда же случится вам быть в местах, мало посещаемых мореплавателями, и которые не были еще утверждены астрономическими наблюдениями, и гидрографически подробно не описаны, или случится открыть какую-нибудь землю или остров, не означенные на картах, то старайтесь как можно вернее описать оные, определяя главные пункты наблюдениями широты и долготы¹, и составьте карту с видами берегов и подробным примером, особливо тех мест, кои пристанищем служить могут. При описи же руководствоваться правилами, изложенными в Морской геодезии сочинения вице-адмирала Сарычева.

11. Особенно старайтесь сделать полезным пребывание ваше на всех землях, принадлежащих России, или вновь открыться имеющих для будущих российских мореплавателей. Вы будете иметь случай узнать верно во многих местах положение берегов морских, сделать известными или вновь открыть выгоднейшие пристани; постарайтесь употребить весь ваш досуг на описание оных и положение на план с нужными промерами, особенно в пристанях. Подробным познанием тех стран можете вы открыть виды к заведению там впредь постоянного судоходства или и строения судов. Для сего обратите особенно внимание ваше на познание климата и других потребностей к жизни, старайтесь вернее узнать почву земли и способность ее к произрастаниям, роды, свойство и количество тамошних произрастаний, особливо количество и доброту лесов и проч.

12. Наконец, чтобы по возвращении вашем из записок ваших можно было составить любопытное и полезное повествование, не оставляйте без замечания ничего, что случится вам видеть где-нибудь нового, полезного или любопытного, не только относящегося к морскому искусству, но и вообще служащего к распростра-

¹ Самое вернейшее средство для определения долготы почтается через закрытие звезд луной.

нению познаний человеческих во всех частях. Вы пройдете обширные моря, множество островов, различные земли. Разнообразие природы в различных местах натурально обратит на себя любопытство ваше. Старайтесь записывать все, дабы сообщить сие будущим читателям путешествия вашего. Для сего необходимо должны вы иметь описания знаменитых путешествий во всех тех местах, которые посещать будете. Читая их и сравнивая с собственными вашими наблюдениями, будете вы замечать, в чем они верны и в чем неверны.

13. Веденный таким образом журнал путешествия вашего, по окончании кампании, должны вы представить за подписанием вашим в Адмиралтейский департамент.

14. Равным образом, если кто и из офицеров особливо сделает какие-нибудь примечания и захочет сообщить оные, то их поместить особо при конце журнала, с подписанием имени его. За таковые примечания, если найдутся они полезными, может он приобрести себе честь и должную благодарность.

15. С вами отправляются астроном, натуралист и рисовальщик, которым даны будут от Академии наук особые инструкции, а вы с своей стороны обязаны доставлять им все возможные вспомоществования в их занятиях. Рисовальщик должен снимать виды всех мест примечательных, где случится быть, также портреты народов, их одеяния и игры. Все и всякого рода собрания вещей, описания всего, рисунки и проч. в конце кампании обязаны художники вручить командующему отрядом, который все без изъятия должен представить императору через морского министра по возвращении в Россию.

16. А как отправляется с вами из штурманского училища некоторое число учеников, то имеете вы, сверх неослабного за поведением их смотрения, наблюдать и то, чтоб они занимаемы были продолжением наук, званию их приличных, дабы отлучкою на толь долгое время из училища не потеряли они приобретенных в нем знаний, а паче сделались бы полезными по службе через практические занятия. Копию с сей инструкции должны вы дать командиру и другого шлюпа для исполнения по оной. При сем предлагается, для надлежащего в нужных случаях соображения, список с инструкции, данной от департамента командиру шлюпа «Камчатки» капитану Головинну.

Гаврила Сарычев.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 4, лл. 1—7.

Подлинник.

Инструкция

Морского министра начальнику экспедиции к Северному полюсу капитан-лейтенанту М. Н. Васильеву

28 июня 1819 г.

Е. и. в. вверяет 2-ю дивизию, назначенную для открытий, начальству капитан-лейтенанта Васильева, который для начала кампании получит те же наставления, какие даны 1-й дивизии, от коей он будет независим.

Зашедши к Канарским островам, он пойдет к мысу Доброй Надежды и, запасшись там съестными припасами, коль скоро на-

ступит благоприятное время года, отправится к югу для достижения до самой отдаленнейшей широты полуденного полюса, до коей только может проникнуть, обозревая земли, которые могут существовать по близости оного. Покушения его должны быть производимы с усердием и непоколебимою твердостью, и он не упустит ни времени, ни случая к выполнению с успехом сей первой важной цели его назначения.

Переменяя меридианы по направлению к востоку, когда по годовому времени плавание в ближайших к Южному полюсу широтах сделается неудобным, он приблизится к тропикам, будет продолжать плавание сколько возможно теми путями, кои до сего времени не были посещены, и придет к Новой Голландии в порт Жаксон для снабжения судов съестными припасами и отдыха экипажа. Может быть, он там встретится с 1-й дивизией, но в рассуждении сего соединения не предписывается ему ничего особенного.

На пути к порту Жаксону он волен, смотря по обстоятельствам и как он найдет удобнее, обойти Дименову землю к югу или пройти Бассовым проливом.

Из порта Жаксона он отправится к Петропавловской гавани, куда нужно ему достигнуть заблаговременно, дабы, запасшись провизией и давши отдых людям, мог он при наступлении первого удобного времени пройти Берингов пролив.

В Камчатке капитан-лейтенант Васильев запасется всем необходимым для новых его действий, где все то должно быть уже приготовлено по данным от морского министра тамошнему начальнику предписаниям.

Пройдя Берингов пролив, он будет производить свои изыскания с величайшим усердием, постоянством и решимостью. Направляя путь к северу, ежели льды позволят, он употребит всемерное старание к разрешению великого вопроса касательно направления берегов и прохода в сей части нашего полушария.

По положению, в котором он будет находиться, и по обстоятельствам, о коих он один может судить, будучи на месте, предоставляется ему поступать, как он признает удобнее, и е. и. в., полагаясь на его познания и усердие, не назначает ему ничего утвердительного, но оставляет ему свободу действовать по его рассуждению к успеху его предприятий в сих северных странах.

Встретив препятствия к проходу на север, северо-восток или северо-запад на шлюпах, он может употребить для сего бот, который берется с ним разобранный, байдары, или другие маленькие суда природных жителей и не упустить также предпринимать экспедиции берегом, буде найдет к тому средство.

От него зависит зимовать по ту сторону Берингова пролива или пройти оной назад до наступления зимы, и в сем случае е. в. благоугодно, дабы он располагал свои поступки сообразно обстоятельствам, возможности и пользе к успеху в предполагаемой важной цели.

Он должен стараться всеми возможными способами приобрести доверенность и дружество жителей сих стран и изыскать средства к объяснению с ними, дабы, воспользовавшись их пособием, производить с достовернейшим успехом поиски, как морем вдоль берегов, так и во внутренности земли, а особливо реками, которые приводят к важным открытиям. Путешествия сии могут быть совер-

шаемы наподобие тех, кои были предприняты Макензием и Герном и кои не могут быть приведены в исполнение без зимовки, — выбирая в сих странах центральный пункт действий, предпринятых по разным направлениям.

В случае, когда капитан-лейтенант Васильев признает невозможным зимовать по ту сторону Берингова пролива, возвратясь оным назад, он будет стараться осмотреть со всевозможной подробностью американский берег, спускаясь к югу, потом пойдет для отдыха, куда заблагорассудит, или в Камчатку, или в селения, близ американских берегов находящиеся.

Все остальное до возврата весны время он употребит для обозрения малоизвестных пространств между грядой Алеутских островов и экватором, стараясь отыскать остров, некогда открытый испанцами и который полагают находящимся около 37 градуса северной широты. Если время и обстоятельства позволят, он может осмотреть пролив Фукас и будет стараться получить верные сведения о российском поселении, составившемся в окрестностях оною из людей экипажа Чирикова, оставшихся на сем берегу.

Сколь скоро благоприятное годовое время наступит, он пройдет снова Берингов пролив и возобновит свои действия и покушения с новым усердием, стараясь, сколько возможно, определить положение берегов, найти проход и проникнуть каким бы то ни было средством в Северное море сей части Америки.

Судя по состоянию его судов и экипажа и по надеждам к успешному окончанию его предприятий, он решится — оставить ли ему дальнейшие изыскания и отправиться в обратный путь в Россию или продолжать оные и на будущий год, дабы извлечь всю возможную пользу из кампании, от которой е. и. в. ожидает только важных последствий, и в случае, ежели он признает удобнейшим оную продолжить, возвращение его воспоследует в 1823 году.

Впрочем е. в. изъявил высочайшую волю, дабы те из пунктов плана кампании 1-й дивизии, которые могут относиться до обеих, были включены в сию инструкцию 2-й дивизии.

Также повторяет высочайшее соизволение, чтобы начальники как 1-й так и 2-й дивизии, следуя плану кампании, каждому из них предписанному, и не удаляясь от главных предметов, состоящих в открытиях в самых отдаленнейших странах юга и севера, с решимостью, достойной их усердия, употребляли в то время, в которое они должны будут приближаться к равноденственной полосе, на полезные и новые изыскания, но оставляет их свободными поступать сообразно обстоятельствам, в которых они в продолжение вверенной им экспедиции будут находиться и которые могут заставить их учинить в их распоряжениях необходимые и полезные перемены.

Адмирал Траверсе.

На подлинной написано собственной е. и. в. рукою тако: «Быть по сему». Мая 22 дня 1819 года в Царском селе.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 6, лл. 1—4.

Подлинник.

Инструкция

Морского министра начальнику экспедиции к Северному полюсу капитан-лейтенанту М. Н. Васильеву

28 июня 1819 г.

Высочайше подтвержденную е. и. в. в 22-й день мая инструкцию для вверяемой вам 2-й дивизии, из шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный» состоящей, препровождаю при сем к вам для надлежащего исполнения, прилагаю купно в копии и данную капитану 2-го ранга Беллинсгаузену для 1-й дивизии.

Сверх сей инструкции и тех, которые получите от Государственной Адмиралтейств-Коллегии и Адмиралтейского департамента, за нужное считаю сообщить вам в пополнение:

Чиновники ученой и художественной части в конце кампании обязаны отдать вам, как начальнику отряда, все журналы, подписав на оных каждый свое имя, дабы после можно было возвратить их, кому принадлежат, когда на сие последует высочайшая воля.

Когда случится быть у диких народов, то должно, лаская их, стараться обрести дружбу их; однако никогда не выпускать из виду опасения и быть всегда готовым предупредить не только покушение, но не подавать им и мысли к нападению. «Дикие», видя таковую осторожность, не осмелятся нанести вред.

Равно, не может быть излишним приказание офицерам, которые будут командированы на гребных судах, чтобы они имели всю осторожность и не разделялись бы, и не удалялись от своих судов иначе, как оставя при них довольное число людей для обороны.

Если и понадобится быть на берегу для обсерваций, мены товаров и поправления здоровья людей, то вы обязаны выбрать там место для сего удобное и укрепить оное так, чтобы не могли опасаться нападения от диких, одним словом, место сие должно походить на крепость и содержать[ься] вооруженным. Вам никогда не должно пропускать случая извещать о своем плавании, для чего нужно иметь всегда в готовности донесение, и при встрече на море с судами, идущими в Европу, просить их пересылать оные из европейских портов к российскому морскому министру.

Когда вы признаете нужным и полезным разделиться с другим вверенным вам шлюпом, дабы заняться разными предметами и открытиями, в таком случае не запрещается вам разлучаться на малое или продолжительное время и оставить даже на зимовку, только должно определить время и назначить место соединения.

В продолжение кампании, ежели по некоторым важным обстоятельствам принужденными найдете возвратить в Россию одно судно, тогда представляется оставить на оном только нужное (на время пути) количество провизии и материалов, а остальное все взять к себе на шлюп.

Прежде отправления в повеленный путь вы должны, на случай разлучения одного шлюпа с другим, определить по начертанному плану вояжа место соединения (рандеву).

Вы не оставите снабдить копией со своей инструкции командира спутствующего с вами шлюпа на случай разлучения с ним.

Дабы, как командир дивизии, имели все способы на вверенных вам шлюпах и в порученных вашему начальству командах удерживать в полной мере надлежащий порядок, повиновение и должное почтение от нижних к высшим, предоставляется вам право, подчиненных вам офицеров и нижних чинов, кои из дворян, оказавшихся в нерадении, лености, непослушании, грубости или в каких-либо преступлениях, штрафовать по мере вины, со всей законной строгостью положенными для того штрафами, вам же предоставляется право и отдавать оных под военный суд в нужных случаях, представляя судные дела по обыкновенному порядку, и меня уведомлять о всем том, при удобном случае, для доклада е. и. в.

В рассуждении же нижних чинов, кои не из дворян, и служителей, наказывать их в меньших винах по усмотрению своему, в больших же преступлениях наряжать суд и чинить наказание по законам с утверждения вашего, яко главного начальника дивизии, исключая тяжкие наказания, положенные законом вместо смертной казни, в каковых случаях представлять дела об них с мнением своим при удобном случае по команде, обыкновенным порядком.

Для обеих дивизий с высочайшего соизволения определены в звании натуралисты иностранцы Мертенс и доктор Кунце, которые для принятия их в экспедицию будут находиться в Копенгагене и коих, по сношению вашему с командиром 1-й дивизии, следует оттуда взять и по одному из них определить на каждую дивизию.

Ваша дивизия снабжена серебряными и бронзовыми медалями на тот предмет, чтобы вы медали сии раздавали в знак памяти почетным особам, имеющим встретиться с вами на пути, а также можете оставлять оные на всех островах по вашему усмотрению и особенно на вновь открытых.

При сем препровождается к вам открытый лист от Министерства иностранных дел на русском, французском и немецком языках. И Коллегия иностранных дел сообщила сверх того, для предварительного сведения находящимся в чужих краях аккредитованным нашим особам, об отправлении вверенных вам шлюпов. Также прилагаются при особом реестре полученные для вас от находящихся здесь иностранных министров морских военных держав открытые листы.

Равным образом препровождаю к вам, на случай возможности употребить в пользу, доставленное от главного правления Российско-Американской компании приказание уналашкинской конторе о даче алеут и байдарок для порученной вам экспедиции, уведомляя при том, что дубликат такового приказа отпущен мною от 14 апреля к начальнику Камчатки для употребления оного по местному его усмотрению и обстоятельствам.

Адмирал Траверсе.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 6, лл. 1—3.

Подлинник.

Отношение

морского министра начальнику экспедиции
к Северному полюсу М. Н. Васильеву с препровождением
«начертания некоторых предметов по ученой
и художественной части».

28 июня 1819 г.

Императорская Академия наук за краткостью остающегося времени не приготовила инструкции для ученых, в дивизии вашей в вояж отправляющихся. Вследствие чего я препровождаю при сем к руководству для них начертание некоторых предметов по ученой и художественной частям, поручая вам объявить, что морское начальство ожидает от их практических сведений и деятельности точного исполнения во всем, что токмо до их звания относится.

Адмирал Тразерсе.

Начертание некоторых предметов по ученой и художественной части.

Предпринимаемая по высочайшему е. и. в. повелению кампания, имея целью приобретение полнейших познаний о нашем земном шаре, доставит отправляющимся в оную ученым способ и частные случаи производить полезные для наук наблюдения.

По геометрической, астрономической и механической части они не упустят заниматься исследованием всех заслуживающих любопытство предметов, до сих наук относящихся, будут делать свои замечания и вести журналы о последствиях, ими извлекаемых.

Они должны производить опыты для определения долготы секундного маятника в различных широтах, что послужит к определению изменений тягости, дабы же вводимые впоследствии [вычисления] были достоверны, нужно, чтобы опыты были делаемы одними и теми же инструментами и лицами и были бы повторяемы с возможной точностью во всех тех местах, куда суда приставать будут.

Определение долготы входит в число ежедневных трудов мореплавателя. Астрономы должны также особенно и прилежно сим заниматься. Они обязываются сохранять подлинные их вычисления о сих наблюдениях, производимых по расстоянию луны от неподвижных звезд.

Зная по Эфемеридам время затмений, которые случатся в продолжение их путешествия, а также и места, где оные будут видны, астрономы не ограничат себя единственно определением мгновений начала и конца затмений, но означат также положение рогов со всевозможной подробностью.

Приливы и отливы моря заслуживают особенное внимание, нужно замечать старательно двойной прилив в течение каждого дня.

По физической части путешественники обязаны делать наблюдения, до сего предмета касающиеся, к числу коих относится изменение компаса. Любопытно бы было испытать магнитную силу в тех точках, где есть наибольшее и наименьшее склонение магнитной стрелки.

Они должны вести верную записку о высоте барометра в разные часы дня.

Состояние атмосферы и ее непрерывные изменения будут ими прилежно замечаемы, равно как и направление высших и низших ветров в сравнении с дующим близ поверхности моря; различие высших и низших ветров в безоблачную погоду можно замечать посредством небольших воздушных шариков, которыми они снабжены будут.

Они обязаны стараться замечать течения моря везде, где только будет возможно, и вести записки о учиненных ими по сему предмету наблюдениях.

Феномены, как-то метеоры, северные и южные сияния, будут прилежно замечаемы и желательно бы было, чтобы означаемая была высота и полнота оных.

Должно внимательно наблюдать тромбы и, поелику еще по сей время не согласны в причине оных, стараться исследовать сей феномен, дабы можно было достигнуть до изъяснения оного.

Следует производить опыты касательно различной степени температуры моря и его солёности в разных местах и глубинах, в рассуждении различия тяжести воды и степени ее горькости, а также и насчет изменения теплоты в известной глубине противу замечаемой на поверхности моря.

Нужно делать наблюдения над льдинами различного рода, как плоскими, так и возвышающимися наподобие гор, и изъяснить мысли на счет образования оных.

Равным образом следует замечать свет, блистающий часто на море; было бы весьма занимательно и любопытно изъяснить причины оного с большей подробностью, нежели как то до сего было делаемо.

Относительно химии нужно обращать внимание ко всем изысканиям, до сей науки относящимся; замечать краски, употребляемые народами для окрашения их изделий, вещества, из коих они их извлекают, и способы, изобретенные ими для их употребления.

По анатомической части будут вникать в познание всего того, что относится до изменений в человеческом роде, как-то: в цвете, росте, сложении и проч. и проч. и не упустят распространить сих исследований и на внутренние части, если то представится возможным посредством анатомирования трупов, будут так же осведомляться о долготе жизни и о времени возмужалости обоих полов.

По зоологии будут делаемы все наблюдения относительно сей части и сколько возможности позволит коллекция.

Равным образом и по минеральной части не оставят собирать коллекции, в особенности будут замечать почву земли, соотношения оной в противоположных берегах проливов, различные слои, словом, не упустят никаких полезных по сей части наблюдений.

Равное старание будет употреблено и по ботанической части, как относительно коллекции растений, так и описания оных и собирания образчиков всякого рода деревьев; полезно бы было познавать силу и свойства тех, которые еще мало известны.

Живописцы в их художестве имеют средство представлять зрению понятия о всем том, что имеется видимого в природе. и от трудов их ожидается верное изображение всех заслуживающих любопытство предметов.

Наконец, мореплаватели не упустят случая во всякое время делать исследования о всем том, что может споспешествовать вообще успехам наук и в особенности каждой части.

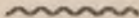
Адмирал Траверсе.

С.-Петербург.

28 июня 1819 г.

ЦГА ВМФ. ф. 213. д. 7, лл. 1—4.

Подлинник.

*Черновые заметки начальника экспедиции
к Северному полюсу капитан-лейтенанта М. Н. Васильева
о приготовлении и снаряжении шлюпов «Открытие»
и «Благонамеренный» в экспедицию¹.*

8 числа мая 1819 года морской министр предложил мне начальство экспедиции, приготавливающейся к северному полюсу на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный», столь лестное для меня поручение я принял с благодарностью, в тот же день воспоследовало и высочайшее на то утверждение.

Шлюп «Открытие» строен мастером Стоки на Охте по размеру корвета о десяти бортах с отметкою, что набор сделан сплошной и проконопачен как оный, так и внутренняя обшивка, спущен 1 мая и находится уже в Кронштадте. «Благонамеренный» строен на Лодейном поле в 1818 году, приведен в Кронштадт по образцу транспортов в 600 тонн. «Открытие» было мне поручено, а «Благонамеренный» капитан-лейтенанту Глебу Шишмареву.

Морской министр представил командирам судов по сделанной комплектации назначению офицеров и прочих чинов. На «Открытии» находились:

Капитан-лейтенант
Лейтенанты:

Михаил Васильев
Александр Авинов
Павел Зеленой
Роман Бойль

Мичмана:

Иван Стогов
Роман Галл
Григорий Евлампиев
Халит Амиров

Боцман
Боцманмат

¹ Дата не установлена.

Квартирмейстер
Барабанщик
Флейщик

Иван Иванов
Павел Елизаров
Яков Сухарев

Матросы 1-й статьи:

Михаил Александров
Федор Савельев
Егор Максимов
Василий Прокофьев
Егор Сапегин
Степан Коптев
Антон Медведев
Алексей Белых
Нестер Шерягин
Иван Тимофеев
Варлаам Епифанов
Егор Матвеев
Василий Полоротов
Влас Иванов
Степан Семенов
Петр Ивахнев
Федор Кузьмин
Алексей Неумоин
Борис Федоров
Козьма Иванов
Григорий Ковалев
Алексей Андреев
Семен Иванов
Гимбрей Реутов
Нефед Федоров
Иоган Лейка
Иван Детловский
Егор Осипов

Матросы 2-й статьи:

Лаврентий Собакин
Ерик Виволе
Федор Васильев
Иван Баландин
Василий Филиппов
Антон Петров
Андрей Меньшиков
Иван Трофимов
Филипп Михайлов
Василий Данилов
Яков Завьялов
Иван Анисимов.

Баталер сержантского
чина

Федор Уской

Слесарь
Лекарь
Фельдшер 1-го класса
Штурман 9-го класса

Иван Козьмин
Иван Ковалев
Петр Ершев
Михаил Рыдалев

Штурманские помощники
унтер-офицерского чина:

Шкиперский помощник
унтер-офицерского чина
Комендор

Плотник 3-го класса

Конопатчик 2-го класса

Парусник 3-го класса

Купор 2-го класса

Кузнец 2-го класса

Морской артиллерии

старший унтер-офицер

Алексей Коргулев

Андрей Худобин

Антон Агафонов

Алексей Михайлов

Иван Захаров

Егор Леонов

Ефим Волков

Тимофей Яковлев

Аверьян Ефимов

Иван Нечаев

Канониры 1-й статьи:

Даниил Шишкарёв

Петр Бороздин

Федор Петров

Федор Николаев

Иван Измайлов

Родион Козлов

Слуга лейтенанта
Авинова

Иван Семенов

Итого 74 человека

На «Благонамеренном»

Капитан-лейтенант

Глеб Шишмарев

Лейтенанты:

Иван Игнатьев

Алексей Лазарев

Гвардейского экипажа
мичмана:

Николай Шишмарев

Карл Гиллесем

Боцманмат

Никон Иванов

Квартирмейстеры:

Иван Стрельник

Клементий Лопаткин

Матросы 1-й статьи:

Афанасий Кобылин

Юда Семенов

Василий Рудаков

Андрей Бурлаков

Федот Попов

Ефим Касауров

Осип Семенов

Тимофей Попов

Ипат Симанов

Анриан Соколов

Ионас Лихта

Матросы 1-й статьи

Марк Герасимов
Григорий Паперилов
Михаил Савельев
Адриан Дементьев
Петр Сухнев
Николай Выротов
Федор Нерадовский
Алексей Абрамов
Федор Андреев
Агафон Власов
Алексей Морозов
Ефим Соколов
Дмитрий Кудрявцев
Иван Федоров
Федот Козьмин
Семен Тарасов
Михаил Кулаков
Яков Кузнецов
Парфен Абугин
Андрей Соловьев
Феклист Потапов
Алексей Розов
Иван Васильев
Иван Яковлев
Ерик Югансон
Михаил Блинов
Иван Лазарев
Дмитрий Смурой
Савелий Васильев
Федор Гумалов
Марк Рыболовьев
Харлам Сальников
Григорий Петров

Барабанщик
Баталер сержантского чи-
на

Слесарь
Штаб-лекарь
Фельдшер 1-го класса
Штурман 12-го класса

Штурманский помощник
унтер-офицерского чина

Морской артиллерии
средний унтер-офицер

Канониры 1-й статьи:

Николай Данилов
Гаврила Кулаев

Иван Авдеев
Григорий Заозерский
Дмитрий Васильев
Владимир Петров

Михаил Веденеев

Семен Фокин

Иосиф Плюснин
Денис Замятин
Антон Попов
Дмитрий Андреев
Ампухамед Абдрахманд
Евдоким Агапатов

Шхиперский помощник унтер-офицерского чина	Дмитрий Семенов
Тиммерман унтер-офи- церского чина	Николай Федоров
Плотники 1-го класса:	Киндяш Баширов Степан Наумов Емельян Григорьев
2-го класса:	Семен Вангаин
3-го класса:	Матвей Кирьянов
Конопатчики 2-го класса	Трофим Тимофеев
» 3-го класса	Николай Писарев
Парусник 3-го класса	Павел Баник
Кушор 3-го класса	Василий Аксенов
Камчатского экипажа матросы:	Осип Ипатьев Дмитрий Кириллов Семен Юрьев
Священник	Михаил Иванов

Итого . . . 81 человек

Сверх сего на отряд прикомандированы от Академии наук в должность астронома чиновник 9-го класса Павел Тарханов, от Академии художеств академик живописи 10-го класса Емельян Карнеев. Натуралиста предположено было взять в Копенгагене, к тому времени имеющего прибыть из Германии; по предписанию морского министра поступил еще на отряд лекарь Федор Штейн в должности натуралиста.

Снабжение всего потребного для экспедиции было возложено морским министром на капитана над портом в С.-Петербурге (что ныне генерал-интендант) Степана Ивановича Миницкого, а как он во время приготовления экспедиции был отозван по особому поручению, то и обязали капитан-лейтенанта командира 2-го флотского экипажа Степана Андреевича Богдановича. Морской министр, желая озаботить и самих начальников присмотром за всем, что для экспедиции запасается, приказал откомандировать офицера с отряда в С.-Петербург, который смотрел за добротой заготовляемой на воле провизии и прочих вещей, следуемых для экипажа, и по требованиям присылать в Кронштадт на шлюпы. Со стороны артиллерии были укомплектованы как военные суда. На «Открытии» поставлено шесть коронад 12-фунтовых и шесть пушек 3-фунтовых, на «Благонамеренном»... коронад ...фунтовых и... пушек... фунтовых.

Морским министром исходатайствована была монаршая милость; мне было выдано на подъем 5 000 рублей, Шишмареву 4 000, всем

прочим чинам без изъятия годовое жалованье — астроному, живописцу, лекарю Штейну.

Сверх сего положено жене моей производить окладное мое жалованье во время отсутствия. Жалованье во время вояжа положено производить двойное серебром, порции по справочным ценам; астроному положено было 300 червонных, академику 1500 рублей ассигнациями, лекарю Штейну в должности натуралиста 1500 червонных, по ценам кронштадтским порционных было выдано с июня на три месяца, а потом должны были довольствоваться заграничными.

Положено было каждому матросу выдать на вояж, сверх следуемого по термину обмундирования, рубах фланелевых семь, холщевых четырнадцать, мундиров зимних, темнозеленого сукна — две пары, летних фуфасек — две, брюк летних — шесть, рабочего платья — четыре пары, шинель серого сукна — одна, одеяло байковое — одно, чулок шерстяных — пар восемь, простыней холщевых — четыре, башмаков кожаных — пар четыре, сапоги с суконной подкладкой, теплые — одни, шапка кожаная — одна, шляпа коровья — одна, тюфяк с подушкой, волосяной — один, с тиковыми наволочками; провизия заготовлялась на воле: солонина, капуста, сухари пеклеванные и крупчатые. Прочая провизия: ржаные сухари, крупа гречневая, масло коровье, соль, горох, вино положено получить из кронштадтских магазинов; в число запаса положено еще было отпустить мыла для мытья белья, невода, горчичного семя, бульон — дощечками; последнего достаточного количества не могли тогда в С.-Петербурге достать, положено было купить в Англии; для диких пародов подарочные вещи, состоящие из разной чугунной посуды, инструментов мастерских, платков, тiku, коломьянки и тому подобное. Также и фейерверки на оба шлюпа. От департамента карты северной части Восточного океана, Камчатского моря и Ледовитого с берегами, морские календари. С Ижорских заводов компасы, инклинометры и термометры. Все же прочее, как-то: ром, сахар, чай, вино виноградное, уксус, хронометры, карты, книги — предположено купить в иностранных портах.

Между тем на шлюпах в Кронштадте работа производилась. На «Открытии», хотя мастером Стоки и убавлен был рангоут против пропорции, какой должно было иметь военному корвету, но для продолжительного вояжа, имея команды менее половинного числа против штата, спутник, судя по конструкции его, гораздо тяжелее в ходу, надобно было и еще уменьшить: грот-мачты убавлены на 3½ фута, фок-мачты 2½, бизань-мачты на четыре фута, нижних реев и марса реев на десять футов каждого, бушприта на 1 фут 10 дюймов, и много сделано в корпусе переделок, необходимых для дальнего плавания. «Благонамеренный» обшит медью, и подводная его часть скреплена поддерживать продолжительные крепкие ветры. Как я по обязанности начальника имел часто надобность отлучаться от приуготовления шлюпа в С.-Петербурге по другим предметам, то приуготовления шлюпа «Открытие» положено было совершенно во всем на лейтенанта (что ныне капитан 2-го ранга) Авинова, и ему я обязан как за прочное вооружение шлюпа, так и [за] всю отделку и размещение груза.

Морской министр, прилагая неусыпное попечение о снабжении экспедиции всем потребным и лучшим, что бы было по качеству, обратил внимание и на трудную работу экипажа, кои должны от-

правиться в вояж. Шлюпы еще не были так готовы, чтобы могли выйти из гавани. Приказал с 1 июня считать их на рейде, производить морскую провизию служителям, а офицерам порционные деньги. 21 июня шлюпы вышли на рейд, работа и погрузка все еще продолжалась. 24-го числа посетил император шлюп «Открытие», со вниманием осматривал шлюп и экипаж. Как шлюп сей по конструкции неместителен был для такого плавания, то спутник его «Благонамеренный» взял большую часть груза. На «Открытии» могли только поместить с крайней теснотой провизии на один год, воды пресной на пять месяцев, сухари крупчатые были положены в бочки, взятые сухие, старые из-под воды, горох также, крупа осталась в кулях, ибо ее отпущено было только на шесть месяцев. Остальная же провизия, трехлетняя, была положена на «Благонамеренный» и большую часть запаса, как-то шхиперской, так и по прочим должностям. Сверх сего в интрюм положены были члены разобранного бота, отпущенного на случай употребления его при мелководных берегах, в 46 футов длины. Однако из всего положенного на оба шлюпа для путешествия, как-то седьмого каната, пятого якоря, несколько смолы, веревок и блоков в запас, никак не могли поместить некоторых материалов, и сухарей взято только на два года. При отправлении нашем в море главный командир осматривал шлюпы, нельзя ли еще чего поместить, но нашел, что палуба жилая, кают-компания и капитанская каюта были все завалены. У шлюпа «Открытие» были две доски бархоута; в воде сидел в грузу 13 футов, по постройке мастера должен состоять 12 футов; «Благонамеренный» сидел 14 футов. При отправлении поступили на отряд находившиеся в С.-Петербурге два алеута, а из Кронштадта три матроса камчатской команды для отвоза, взятые Коцебу для работ по малоимению своей команды, кои и помещены были все на «Благонамеренный». В самых последних числах июня принята была мною в С.-Петербурге из Казначейской экспедиции сумма, следуемая на отряд на жалование, порции и экстренные расходы, получил также и от морского министра инструкции, от Адмиралтейств-Коллегии и департамента. Второго числа в ночь возвратился в Кронштадт; ветер попутный продолжался уже несколько недель, и морской министр на яхте своей ожидал отплытия нашего из Кронштадта.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 1, лл. 1—3.

Подлинник..

Инструкция

*капитан-лейтенанта М. Н. Васильева
вахтенным офицерам.*

Июнь 1820 г.

Направляя путь свой ныне для описи берегов мало еще известных и к новым открытиям, весьма полезным нахожу, соображаясь по сему предмету с предписаниями, мне данными, к заведенному уже порядку на шлюпе, дабы не повторять словесно приказания, кои трудно все упомянуть, последовать примеру известного по флоту искусного и опытного капитана Головина, выбрав из его инструкции, данной им служащим на шлюпе «Камчатке»,—предписать по вверенному мне шлюпу следующее:

1. Вахтенным командирам самим ни под каким видом и ни в каком случае с вахт не сходить, а когда нужно будет о чем мне дать знать, то присылать гардемарина или штурманского помощника.

2. О всех необыкновенных случаях тотчас мне давать знать, а особливо о следующих: когда берег или чужое судно откроется, когда шквал приметен будет, при нашествии тучи с громом, когда другое судно контра-галсом близко идет, при внезапной перемене ветра, или идучи бейдевинд, когда ветер позволит подняться, или сгонит на один румб или более, и вообще во всех важных случаях.

3. Курса не переменять и парусов не прибавлять без моего приказания, кроме стакселей, способствующих правлению руля. Убавлять же паруса можно при усилении ветра, но, убавив, тотчас мне дать знать.

4. Идучи поблизости берегов, или приближаясь к земле, вахтенным офицерам наблюдать, чтобы всякую ночь дип-лотлинь был обнесен и чист, и лот намазан салом в готовности.

5. Перед заходом солнца и тотчас по восхождении с вахты посылатъ гардемарина или штурманского помощника со зрительною трубою на салинг для осмотра, нет ли каких новых предметов в виду.

6. Днем посылать всякую склянку на салинг с вахты человека, который должен осмотреть кругом, сойдя на низ, дать знать, видел ли что, либо ничего не видел.

7. Ночью иметь по человеку на каждом крамболе, кои должны смотреть вперед и в стороны, и коль скоро что усмотрят или услышат, тотчас сказывать.

8. По ночам на вахтах вообще должно наблюдать величайшую тишину, и если кто услышит вдали какой шум, похожий на бурун, то в ту же минуту должно сказать.

9. В опасных местах посылать людей почасту на ноки фока-рея и бугшприт для слушания бурунов или прибора.

10. Вахтенным офицерам наблюдать, чтобы во всякую хорошую погоду виндзейли были спущены в палубу и люки.

11. По смене служителей с вахты, или после работы, приказывать мокрого платья на низ не держать, а у лестницы, все скинув, класть в шлюпку на росторы, или в другое удобное место, а потом, в первую хорошую погоду, развесить для просушки.

12. Палубы должны быть ежедневно вычищены, особливо в жилой палубе, никакой чтобы мокроты не было.

13. Вахтенные офицеры строго должны наблюдать, чтобы ночью и в мокрую, или сырую погоду служители отнюдь не выходили наверх в одних рубашках.

14. Наблюдать, чтобы служители не спали на солнце, также не ложились бы на мокрой палубе.

15. Белье переменять два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам.

16. Лейтенанты, начальствуя своими вахтами, должны заботиться и о хозяйственном устройстве и порядке в оных, не упуская из виду и поведения служителей.

17. Никто из нижних чинов не смеет ни продать, ни заложить, ни променять никакой своей вещи без позволения начальника вахты, в коей он находится, а командиры вахт, всякий раз по выходе из

порта, должны осматривать по списку все вещи нижних чинов, и если чего не явится, о том мне давать знать.

18. Заслуженных провизий, а также рому, водки и вина в отлив, без особенного моего позволения, ни под каким видом не выдавать, и ежедневная раздача рому должна быть непременно при офицере или гардемарине.

19. Для присмотра за огнем определяется артиллерии унтер-офицер Нечаев; без его ведома никто никуда не имеет права взять огня, а также и на кухне без него огонь не разводить, а ему без приказания вахтенного офицера огня никому не давать.

20. Огонь на кухне разводить не прежде шести часов утра и по сварении офицерского и служительского кушанья тотчас гасить, для чайников разводить огонь в шестом часу пополудни, а после восьми часов вечера никогда огня на кухне не иметь, кроме когда он понадобится для больных, тогда по требованию лекаря давать во всякое время суток.

21. Обыкновенные огни иметь в каюте, в кают-компании, у склянок и в нактоузе, которые давать с ведома вахтенного офицера, равно как и в офицерские каюты; впрочем, никуда не давать огня без моего позволения.

22. Огонь, если понадобится в палубе или трюме, всегда иметь в фонарях, и присмотр должен быть за оным с вахты.

23. Определенный к огню унтер-офицер должен смотреть, чтобы никто из нижних чинов табаку не курил, кроме как у кухни над кадкою с водою, и то только в то время, когда огонь разведен.

24. В крыйт-камеру огня без офицера или гардемарина ни под каким видом не давать и не иначе как тогда, когда огонь на кухне и везде будет погашен, кроме нактоуза.

25. Нижние чины должны ездить на берег с позволения командиров их вахт, которых отпускать такое число в один раз, какое словесно от меня приказано будет, смотря по обстоятельствам.

26. При отправлении их на берег стоящий на вахте офицер должен наблюдать, чтобы они никаких вещей, кроме платья на себе, с собою не увозили.

27. Никаких лодок с продажными вещами, а особливо с горячими напитками к шлюпу не допускать, а позволять им продавать только хлеба и плоды, притом сии последние должны быть спелые и не гнилые. В портах же, находящихся вне Европы, вахтенные офицеры должны строго наблюдать, чтобы служители не покупали с приходящих лодок ни рыбы, ни плодов, доколе лекарь оных не осмотрит и не объявит на шканцах, что они не вредны, а он обязан осмотреть и запретить покупать все съестные вещи, опасные или вредные для здоровья.

28. Равным образом, когда поймана будет служителями рыба, у нас неизвестная, то без одобрения лекаря употреблять оную в пищу служителям не позволять.

29. Нижним чинам строго запрещается привозить на шлюп горячие напитки.

30. Никто ничего не должен на берегу в чужих портах продавать, хотя бы то была сущая безделица, дабы не подать виду торговли.

31. По возвращении нижних чинов с берега вахтенный офицер должен приказать их осмотреть, не привезли ли они горячих напитков или съестных вещей, первые бросать в воду, а последние от-

давать на рассмотрение лекаря, и если окажутся негодными, то также бросать.

32. Во время пребывания нашего у берегов северо-западной Америки и Чукотской земли, где обитают жители непросвещенные и дикие, в иных местах, особо выше Берингова пролива, наклонные к нечаянным нападениям, вахтенным офицерам иметь осторожность, при приезде их на шлюп несколько оружия днем чтоб было в готовности для вахтенных служителей.

33. Ни под каким видом никому не делать мены вещей с дикими, на шлюпы приезжающими, без моего на то позволения. Вахтенным офицерам иметь за сим строгий присмотр.

34. Вся вахта от наступления темноты до рассвета должна быть вооружена.

35. На баке, юте и обоих шкафутах иметь по два часовых.

36. С дикими обходиться дружелюбно: не только не делать им никаких огорчений, но и не мстить за неважные их шалости.

37. Журнал и числение, веденное офицерами и гардемарином каждой вахты, остается на прежнем положении, а также за укладкою в трюме всех тягостей поручается, как и прежде, ревизор.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 109, лл. 13—14.
Копия.

П р и к а з

капитан-лейтенанта М. Н. Васильева командам шлюпов
«Открытие» и «Благонамеренный».

28 июня 1820 г.

Направляя плавание наше ныне для описи берегов, мало еще известных, и для новых открытий, соображаясь по сему предмету с предписаниями, мне данными, весьма полезным нахожу последовать примеру известного по флоту искусством и опытностью капитана Головкина, дабы не повторять словесно приказания, кои трудно все упомянуть, выбрав из его инструкции, данной им служащим на шлюпе «Камчатке»,—предписать по вверенному мне шлюпу, следующее:

1. Во время пребывания нашего у берегов северо-западной Америки и Чукотской земли, где обитают жители непросвещенные и дикие, в иных местах выше Берингова пролива наклонные к нечаянным нападениям, вахтенным офицерам иметь осторожность при приезде их на шлюп, несколько оружия чтобы было готово для вахтенных служителей.

2. Ни под каким видом никому не делать мены вещей с дикими, на шлюп приезжающими, без моего на то позволения. Вахтенным офицерам иметь за сим строгий присмотр.

3. Вся вахта от наступления темноты до рассвета должна быть вооружена.

4. На баке, юте и обеих шкафутах иметь по одному человеку.

5. С дикими обходиться дружелюбно, не только не делать им никаких огорчений, но и не мстить за неважные их шалости.

6. Офицерам, которые посылаемы будут с порученного мне шлюпа на гребных судах, для осматривания и описи берегов и островов, наблюдать, чтобы с ними были непременно следующие вещи:

по числу людей на половину ружья, а другую—пистолеты, два мушкетона, на каждое оружие по десяти боевых патронов; осмотреть, чтобы все было исправно, на каждого по одному тесаку, провизии, сколько приказано будет от меня взять. Компас, сектан, артифициальный горизонт, ручной лот, зрительная труба, ночник, с зажженным фителем, флаги для сигналов, три фальшфейера, дрек с дректовым в 50 сажен, два топора, карта здешнего моря и таблицы.

7. Для приставания к берегу стараться выбирать самые безопасные места, впрочем ни под каким видом не рисковать, если есть опасность, по причине буруна или большого волнения, пристать к берегу, а приставши, тотчас дать знать учрежденным сигналам.

8. На обитаемых берегах люди не должны выходить на берег безоружными; вышед на берег, не разделяться, быть осторожными и готовыми противу явного или нечаянного нападения жителей.

9. С жителями как можно обходиться ласковее и не подавать ни малейшей им причины к неудовольствиям или ссорам, хотя бы то было на счет какой-нибудь неважной потери с нашей стороны, и за сделанные ими маловажные обиды ни под каким видом не мстить и оружия, противу их, кроме как только в собственную свою защиту, не употреблять.

10. Когда от меня будут отпущены подарки для диких, стараться различать между ними старшин, ибо дарить преимущественно (их). Ежели что у них пайдется любопытного, как-то: оружие, разные изделия, промыслы и тому подобное и с согласия их сами они станут дарить, принимать и представить ко мне.

11. Строго запретить служителям торговать и выпрашивать у диких вещей, им принадлежащих.

12. По вступлении на берег замечать следующее:

- а) удобность пристани и якорного места, т. е. закрыто ли оно или нет от каких ветров,
- б) глубину, грунт и прочее,
- в) прилив, отлив и течение,
- г) есть ли пресная вода, какова, как течет, каково наливать оную,
- д) какой лес по берегам растет,
- е) обитаемый ли берег или нет, каковы жители — дружелюбны, либо склонны к нападению.

13. Впрочем, до какой бы подробности предписание ни распространить, со всем тем невозможно означить именно все предметы, кои могут встретиться офицерам при осмотре берегов и о коих нужно сделать замечания и описание; следовательно, все чего здесь не помещено, должно быть в разных случаях дополняемо благоразумием офицеров, не упуская только в подаваемых от них бумагах означать в справедливости своих замечаний, ими сделанных, совершенно ли они уверены, или основывают только на одних догадках, или на мнении других.

14. Всем флотским офицерам и штурманам иметь копии с сего предписания, и когда посланные на берег возвратятся на шлюп, то письменно давать мне знать о сделанных там и по разным другим принадлежащим к описанию земель, кои могут встретиться им, хотя здесь об оных и не упоминается.

Если два офицера или более будут посланы вместе, то каждому свои замечания подавать за своим подписанием, кои все по рассмотрении приложены будут к журналу от имени делавшего описание.

СИГНАЛЫ

Посланному гребному судну вперед шлюпа для промера, когда глубина более десяти сажен, показывать треугольным флагом — белым с красным вдоль, более пяти сажен — желтым с синим вдоль, менее пяти сажен означать веслами, поднять столько весел, сколько сажен глубины. Когда гребное судно будет послано со шлюпа к берегу или в залив, для отыскания удобного якорного места, извещает, буде таковое найдет, белым флагом с красным крестом.

Для осмотра и описи посланному судну, когда пристанет благополучно к берегу, поднять национальный гюйс с того места, где виднее, при перемене места также извещать.

На случай требования помощи гребному судну, находящемуся на берегу, поднять красный флаг и палить из ружей. Ночью же жечь фальшфейеры и также палить.

Ответ со шлюпа на сигналы, делаемые с гребного судна, обыкновенным вымпелом желтым с синим будет означать днем, а ночью ракетами.

Для возвращения гребных судов к шлюпу, по какому бы делу ни были посланы, — подымается национальный флаг с фокмачты шестивесельному катеру, с грот-мачты баркасу, с бизань-мачты малой шестерке или четверке, а ежели обе в отсутствии, то для последней шар под флагом еще будет поднят.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 109, лл. 1—4.

Копия

Глава I

Назначение экспедиции.— Выход на Кронштадтский рейд и пребывание на оном.— Отплытие из Кронштадта.— Приход в Копенгаген.

Россия, менее нежели за полтора века перед сим еще не стоявшая на ряду с прочими образованными государствами Европы, в течение сего краткого времени достигла почетной степени славы и просвещения. Ей первой сделались известными те страны Северной Азии и Америки, которые составляют ныне предмет непрерывных ученых исследований. Русский мореходец Беринг был первый, который открытием пролива, названного его именем, проложил через оный путь к многим примечательным плаваниям. Россияне прежде прочих народов воспользовались сим важным обретением и, не страшась никаких опасностей и природных препятствий, сделали многие открытия в сем царстве северных льдов и туманов, известном под названием Ледовитого океана. По примеру русских, англичане и некоторые другие народы отправляли свои суда для открытий в северных полярных странах, но, не распространяясь здесь описанием всех плаваний, совершенных по следам бессмертного Беринга, я ограничусь только несколькими словами о морском путешествии россиян на сих водах, предшествовавшем нашей экспедиции.

Покойный государственный канцлер граф. Н. П. Румянцев, желая узнать, можно ли проникнуть за Беринговым проливом далее 70°33' северной широты, до которой доходил капитан Кларк, преемник знаменитого Кука, отправил для сего в июле 1815 года из Кронштадта бриг «Рюрик»¹. Начальствовавший оным лейтенант Коцебу имел плавание до 65°42'30" и открыл на американском берегу зунд, который назвал своим именем и о котором будет упоминаемо в сих записках.

Плавания английских мореходцев Росса, Парри, Бухана и Франклина, начатые в 1818 году, обратили на себя общее внимание. Российское правительство желало также принять участие в новых открытиях за пределами Берингова пролива и вследствие сего в 1819 году 11 февраля последовало высочайшее соизволение об отправлении двух отрядов военных судов: одного в южные, а другого в северные полярные страны.

В путешествие сие были назначены следующие военные шлюпы.

В южное полушарие:

28-пушечный «Восток», под командою капитана 2 ранга Беллинсгаузена, начальника экспедиции, и 20-пушечный «Мирный», лейтенанта Лазарева 2-го.

В северное полушарие:

20-пушечные: «Открытие», капитан-лейтенанта Васильева, начальника экспедиции, и «Благонамеренный», капитан-лейтенанта Шишмарева.

Последний из сих четырех шлюпов был построен в Лодейном поле², имел в длину 120, в ширину 30 и в глубину 15 футов и назначался быть транспортом. В сем виде прибыл он в 1818 году в Кронштадт, а в марте следующего года, когда состоялось высочайшее повеление об отправлении его в Северную экспедицию, через прорубленный лед, был проведен из военной гавани в среднюю³. Под кранами поставили на него мачты, там же обшивали его медью, а вооружали на восточной стороне канала Петра Великого. По приделании к нему шеха и штурцев получил он вместо своего прежнего имени «Свирь» название «Благонамеренного» и поступил под начальство капитан-лейтенанта Шишмарева, ходив-

шего вокруг света с Коцебу на бриге «Рюрик». Другой шлюп нашего отряда — «Открытие» — был построен в С.-Петербурге на Охтенской верфи⁴.

Вследствие высочайшего соизволения я назначен был на «Благонамеренный», почему в записках моих и говорю преимущественно о предметах, касающихся до сего шлюпа, при вооружении которого находились: я, мичман Гиллесем, штурман Петров и команда 6, 11 и 12-го флот-

Приказу 30 2
грозь востовира
1 =

От Главного Командира

Сего числа 16 июля представил донесения
Г. Г. Кеминдунцима и Естгура и шлюпов -
вынести в востовира и Суде из востовира
на рейд против Судеи Савани по приложению
и Окепециции.

Востокъ / Открытие
Мирной / Благонамеренной

Приказ о выходе шлюпов на рейд

ских экипажей; для разных же валовых работ присылались к нам ежедневно из экипажей от 100 до 200 человек матросов. Шлюп наш находился в грузу ахтерштевень (кормою) 9 футов 1 дюйм, форштевень (носом) 7 футов 11 дюймов, следовательно, диференту было 1 фут 2 дюйма.

7 июня осматривал наши шлюпы министр морских сил адмирал И. И. де-Траверсе⁵, и по его приказанию свидетельствовал команды оных генерал-штаб доктор Лейтон. Некоторые из матросов, оказавшиеся не совсем способными к предстоящему дальнему плаванию, были немедленно отосланы с шлюпов и заменены другими.

Южная экспедиция готовилась отсутствием на два, а Северная на три [года]. Вся весна 1819 года была проведена в приготовлении шлюпов к походу, и, по снабжении их нужными потребностями, во второй половине июня все они были выведены на Кронштадтский рейд. Перед выходом на оный, по приказанию капитана, команда была тщательно осмотрена штаб-лекарем при мне, и весь ее экипаж был освежен, выколочен, проветрен и с большой осторожностью перевезен на шлюп...

Шлюп «Благонамеренный» вышел на Кронштадтский рейд 21 июня, в полдень при тихом юго-западном ветре, и положил якорь на глубине 3¹/₂ сажени. В это время находились на малом рейде кроме остальных трех шлюпов, назначенных в экспедицию, отправлявшиеся в Англию с гвардейским экипажем: 36-пушечный фрегат «Гектор» и 20-пушечный бриг «Олимп». Сего числа явились на шлюп наш прибывший из С.-Петербурга лейтенант Игнатьев и священник Михаил Иванов. По выходе на малый рейд стали мы с прочими судами в одну линию, а я и лейтенант Игнатьев начали чередоваться на две вахты.

На другой день по выходе нашем на рейд прибыл к нам на шлюп министр морских военных сил маркиз И. И. де-Траверсе, который, обозрев распоряжения капитан-лейтенанта Шишмарева, изъявил ему и всем офицерам свою благодарность.

Провизии отпущено было на нашу экспедицию на 3 года, а как шлюп «Открытие» по тесноте не мог поместить всей оной и еще многих других вещей, то все сие надлежало погрузить на шлюп «Благонамеренный», вместе с номерованными членами палубного мореходного бота⁶, назначавшегося для плавания в Ледовитом море. Он имел длины 45 футов, ширины 15, глубины 4¹/₄ и помещен к нам, со всеми принадлежностями, в трюм, в носовую часть. Для собирания оного прикомандированы были на наш шлюп: тиммерман, четыре плотника и конопатчик. В сей же день привезли к нам офицерскую

провизию, изготовленную в С.-Петербурге и стоившую 4 928 руб. К сему же времени все наши содержатели окончили прием разных припасов и материалов, кои также были уложены по местам. Жалованье получали мы по двойному окладу и по заграничному курсу, полагая ассигнационный рубль в 33 штивера⁷.

Государственный адмиралтейский департамент отпустил нам только необходимые астрономические инструменты, а прочие, как равно и хронометры, предписал купить в Лондоне.

Экипаж шлюпа «Благонамеренного» составляли:

капитан-лейтенант,	{	Глеб Семенович Шишмарев	1
лейтенанты	{	Иван Николаевич Игнатьев Алексей Петрович Лазарев	2
мичманы	{	Николай Дмитриевич Шишмарев Карл Карлович Гиллесем	2
штурман 12 класса		Владимир Васильевич Петров	1
штаб-лекарь		Григорий Алексеевич Заозерский	1
священник		Михайло Иванов	1
нижних чинов			75
Всего			83 человека

В числе людей нашего экипажа находились для обратного доставления в отечество два алеута и три камчадала, вывезенные первые из российско-американских селений с острова Уналашки, а вторые из Камчатки капитаном Коцебу...

По полудни 27 июня вступили под паруса фрегат «Гектор» и бриг «Олимп» и отправились в предназначенный им путь к Англии. Признаюсь, что мы равнодушно и, можно сказать, с завистью смотрели на скорое их отплытие, но должны были вооружиться терпением, ибо одновременное отправление четырех военных шлюпов вокруг света было весьма затруднительно для Кронштадтского порта, в то время небогатого запасами и мастеровыми людьми. Сего же числа привезли к нам подарки для диких⁸, состоявшие из 6 кулей табаку и 11 ящиков ножей, ножниц, бисеру, зеркальцев, колец, запонок, пуговиц и других безделиц, а также серебряных и

бронзовых медалей с изображением на одной стороне императора Александра I, а на другой имен шлюпов: «Открытия» и «Благонамеренного» 1819 года.

Июля 2-го осматривал вторично наши суда министр морских военных сил. В сей же день явился назначенный на шлюп наш натуралист Ф. Н. Штейн. Во все время пребывания нашего на Кронштадтском рейде были мы ежедневно посещаемы нашими родственниками, друзьями и любопытными. Общее всех желание счастливого нам успеха льстило нам приятную надежду, что мы выполним с точностью волю правительства.

3 июля в 7 ч. вечера шлюпы «Восток» и «Мирный», как ближайšie к морю, снявшись с якоря, вступили под паруса. Мы были также готовы к следованию за ними, но шлюп «Открытие» долго не мог поднять якоря и успел в сем уже при пособии нарочно к нему присланных катеров. В девятом часу наполнили и мы паруса и пошли за «Открытием» на запад-юго-запад, имея шлюп в грузу:

Ахтерштевень	14 футов
Форштевень	14 футов 2 дюйма
Диференту	2 дюйма

Вслед за нами снялась с якоря яхта «Торнео», на коей находился адмирал маркиз де-Траверсе, и пошла впереди нас. Проходя мимо Купеческой гавани, усмотрели мы, что на бастионе поставлены были люди, кричавшие нам ура. Мы им ответствовали тем же. Учи-тость сию оказал нам бывший флотский в Кронштадте начальник контр-адмирал М. П. Коробка⁹, принимавший усердное старание в снаряжении нашей экспедиции.

Миновав цитадель, поравнялись мы с яхтой «Торнео», лежавшею в дрейфе, и, поставив немедленно людей по вантам, кричали ура. Министр отвечал тем же, при игрании музыки и желании нам счастливого и успешного плавания. Шлюп «Открытие» учинил в сие время салют, по окончании коего наполнил паруса и пошел в пред-назначенный путь. Мы также за ним последовали.

Хотя при сем случае, стоя на вахте, и занят я был единственно службой, но когда мы поставили все паруса и пошли в путь, отдалявший нас на столько времени от любезного отечества, родственников и друзей, то сдав вахту в положенные часы моему товарищу, я невольно

предался горестным ощущениям, извиняемым привычкой к месту и любовью к Родине.

При самом начале плавания мы увидели с прискорбием, что шлюп наш не имел всех качеств, нужных военному судну. «Открытие» шел впереди нас под малыми парусами, а мы едва держались за ним под всеми. В 10 ч. имели на траверсе Красную Горку. В половине 12-го на западе увидели Сеснарский маяк. В полдень мель Родшхер находилась от нас на юго-восток в расстоянии четырех итальянских миль*.

Июля 4-го дул тихий ветер от востока, и погода была благоприятная. При отправлении из Кронштадта шлюп наш имел, как выше видно, два дюйма дифференту на нос, почему и приказано было перевести четыре пушки на корму, от чего он пошел несколько лучше. В 8 часов вечера открылся нам шпиц ревельской церкви св. Олая, которая, служа более ста лет мореплавателям нашим вместо маяка, к сожалению, теперь не существует. Страшный пожар сокрушил ее в 1820 году.

В половине первого часа миновали мы траверс маяка, находящегося на острове Наргине, а вслед за сим видели крейсировавшую эскадру вице-адмирала (что ныне адмирал) Р. Н. Кроуна¹⁰, состоявшую из четырех кораблей, четырех фрегатов и двух бригов.

Поутру при ясной погоде вынесли наверх служительские койки и для перемены воздуха между деками приказали развести в камельках огонь. В сие время начали выкачивать из шлюпа воду и, к удивлению нашему, осталось оной не менее 13 дюймов. Причиной сему было худое устройство наших помп; впоследствии мы их исправили и устроили так, что воды оставалось в шлюпе по выкачке только 8 дюймов.

В полдень 5 июля** мы были по наблюдению в широте $59^{\circ} 19' 48''$ и по счислению в долготе $22^{\circ} 42'$ к востоку от Гринвича. По карте вице-адмирала Г. А. Сарычева, находился от нас в сие время мыс Сибернес на $SW 11'0''$, и от сего пункта начали мы вести счисление.

6-го в 5 ч. пополудни миновали Дагерортский маяк, в расстоянии 20 миль; ветер был в сие время брамсель-

* Все мили, упоминаемые в сих записках, суть итальянские, имеющие каждая по $1\frac{3}{4}$ российской версты.

** Нужным считаю заметить, что в записках сих суточное счисление начинается с полудня, а не с полуночи.

ный от востоко-северо-востока при облачной погоде, а курс имели мы на юго-запад.

В полдень 7 июля при умеренном северо-западном ветре прошли остров Эстер Гарисгольм¹¹ в расстоянии 8 миль, но, несмотря на ясную погоду, не могли видеть его даже с салинга. Вероятно, отнесло нас течением из Стокгольмских шхер далее к востоку, нежели мы полагали.

По счислению должны мы были находиться в 8 часов вечера, на глубине 30 сажен, вблизи острова Эланд¹², но его не видели и глубина была только 15 сажен. Причиной сему, должно полагать, тоже течение от запада.

Июля 8-го около полудня при туманной погоде и маловетрии увидели мы маяк Христиансор в расстоянии 6 миль к юго-западу.

9-го дул крепкий ветер, погода была ясная и местами по горизонту мрачность. В 11 часов видели остров Борнгольм¹³ на юго-запад в расстоянии $2\frac{3}{4}$ мили; к рассвету остались под одними марсеями, а в 4 часа пополуночи увидели на юго-запад восточный мыс острова Мсуна. В 9 ч. мы находились от него в расстоянии $3\frac{1}{4}$ мили и, поворота на другой галс, продолжали лавировать в Кегебухту¹⁴. В полдень отстоял от нас маяк Фалстербоу на восток в расстоянии $8\frac{1}{2}$ миль. Барометр показывал 29^{дм}, 79. Шлюпы «Восток» и «Мирный», бывшие у нас на ветре, лавировали также к баканам.

10-го ветер переменный между юго-востоком и северо-востоком. В 6 часов пополудни потребовали мы лоцмана, который вскоре и прибыл; в 10 часов, подошед к первому черному бакану с моря, положили якорь на глубину пяти сажен; грунт оказался иловатый. Южная оконечность острова Драко¹⁵ была от нас к юго-востоку в расстоянии $3\frac{1}{2}$ миль. Здесь стояли уже на якоре шлюпы «Восток» и «Мирный». Первый, подходя к баканам, стал на камень, под коим было только 12 футов воды, но сошел с него весьма скоро и без повреждения.

В 6 ч. утра снялись мы вместе со шлюпом «Открытие» с якоря при тихом северо-восточном ветре и стали лавировать к Копенгагену.

11-го в час пополудни, прошед королевский фарватер, где стоят блокшивы, шлюп «Открытие» положил якорь на Копенгагенском рейде, а мы по медленности

хода нашего судна, продолжая лавировать, должны были в 3 часа закрепить брамсели, ибо ветер начал свежить. Находясь в сие время близ острова Сальтгольма¹⁶, начали мы поворачивать оверштаг, но шлюп не поворотил, и едва стали паруса наполняться ветром при обратном уклоне шлюпа, как нашел жестокий шквал от запада-северо-запада, сопровождаемый дождем, громом и молнией.

В сем критическом положении не было другого средства как стать на якорь и в случае неуспеха кинуть другой. Надобно заметить, что в то же мгновение должно было убирать лежавшие на стенах паруса и спустить брам и бом-стенги, кои гнуло в дугу, но в предприятиях сих мы худо успевали, марсели не шли на низ, а команда наша, не привыкшая к морю, утомилась уже от беспрестанных поворотов; шлюп дрейфовало сильно, прямо на мель, и если бы, к счастью нашему, ветер не отошел в сие время к северу, то мы были бы верно на мели. Но оный подул с таким же шквалом от острова Сальтгольма прямо, и нас понесло вдоль по фарватеру, где места было достаточно для дрейфования; тогда мы убрали паруса, спустили бом и брам-стенги и реи и на глубине шести с половиною сажень на иловатом грунте положили якорь. Вскоре после сего ветер начал утихать, и мы уже были вне опасности. В 6 часов утра [12 июля] при умеренном восточном ветре снялись мы с якоря и пошли к Копенгагену Королевским фарватером. Приближаясь к сему городу, салютовали Нейгольму¹⁷ семью выстрелами и получили то же число в ответ. В 9 ч. стих ветер, нас стало прижимать к батареям, почему положили мы якорь на глубине четырех с половиной сажень и, спустив здесь гребные суда, оттянулись на глубину осьми сажень, к удобнейшему месту.

Глава II

Пребывание на Копенгагенском рейде. — Плавание от Копенгагена к Портсмуту. — Нахождение в сем порте и путь Английским каналом к Лизардским маякам.

Июля 12-го пришли на Копенгагенский рейд шлюпы «Восток» и «Мирный», салютовавшие Нейгольму обыкновенным порядком. Мы были столь счастливы, что во время нашего плаванья от Кронштадта до сего порта не было у нас больных, несмотря на то, что большая часть нашей команды состояла из людей мало привычных к морю.

13-го числа очистили мы брот-камеру от сухарей, лежавших в мешках, и, обив оную вдвое холстом, высыпали туда 496 мешков белых сухарей, от чего увеличился простор.

После сего тянули такелаж, который, быв совершенно новый, ослаб во время пути.

В следующий день приглашены были капитаны всех четырех шлюпов и некоторые офицеры на обед к посланнику нашего двора тайному советнику барону П. А. Николаи¹⁸ в загородный его дом, в 7 милях от Копенгагена, по Гельзинорской дороге. К сожалению, множество работ на нашем шлюпе лишило меня удовольствия воспользоваться также сим приглашением. Долг справедливости требует сказать, что почтенный посланник наш

имел особенное попечение о команде всех шлюпов и каждый день привозили на оные по его приказанию: пиво, свежее мясо и зелень.

15-го ездили все капитаны наши и я к датскому контр-адмиралу Левенорну. Проведя несколько времени у сего ученого гидрографа, купили мы у него карты Немецкого моря, Каттегата и Норвегии вместе с сочиненной им лоцией сих морей.

Замечательно, что на карте Г. А. Сарычева означены в Зунде, пройдя Мидельгрунт, две небольшие банки, на датских же картах они не показаны, да и в лоции Левенорна о них вовсе не упомянуто. Но лоцман наш Ганс Венцен, человек опытный в своем деле, удостоверил нас, что банки сии точно существуют.

От Левенорна проехали мы в королевский зверинец, где, кроме оленей, не видали никаких примечательных зверей. На возвратном пути встретили мы датского короля. Его величество отправлялся в загородный свой дворец, ведя под руку свою супругу; за ними следовали две их дочери, а позади генералы и множество адъютантов. Я и бывшие со мною наши офицеры при встрече с королем остановились и приложили к шляпам руки.

Король, пристально посмотрев на нас, отвечал тем же и пошел к изготовленному для него небольшому, простому ялику, где сел на руле. Вместе с ним поместилась королевская фамилия, несколько дам и один генерал. За ними ехал ялик со свитой, а сзади одного и впереди всех еще два с музыкантами, игравшими поочередно. Усевшись на ялик и увидя нас снова на пристани, король поднял опять руку к шляпе и вежливо поклонился, на что мы с надлежащею почтительностью отвечали. Отсюда отправились мы в театр и тем окончили сей день.

По просьбе офицеров наших провел я 16 июля на берегу в закупке к нашему столу разной провизии для дальнего вояжа и, пользуясь сим случаем, осматривал окрестности города. Сего же числа привезены были для команды шесть с половиной пин¹⁹ рому, 11 анкерков²⁰ красного вина, 4 анкерка винного уксуса и саго, что все и поместили в ахтер-люке.

18-го прибыл барон Николай со своей супругой и английским посланником на шлюп «Восток», но как он приехал туда совершенно неожиданно и притом на двух-

весельном боте, то и не успели принять его с должной почестью.

19-го числа обедали капитаны шлюпов «Восток» и «Открытие» у посланника, а как провизия к нам вся уже была доставлена и вода налита, то шлюпы, подняв гребные суда, в 8 часов утра были совершенно готовы вступить под паруса.

В половине 10-го «Открытие» начал сниматься с якоря и поставил все паруса. Мы также сему последовали, но как ветер зашел уже в сие время к OtN и течение началось от юга, то и не успели заворотиться на левую сторону, ибо течение переменялось и заворотило шлюп вправо, поворачивать же через фордевинд не позволяла узкость места, а посему и должны мы были опять положить якорь, спустить гребные суда и оттягиваться на удобное место, на что употребили более пяти часов времени. Капитан наш посылал прежде сего в 6 часов утра офицера к капитану Васильеву просить позволения сняться с якоря, ибо ветер и течение были к сему весьма удобны, а мы стояли в узкости фарватера, откуда не всегда удобно выходить. Начальник экспедиции приказал нам сниматься с якоря вместе с ним, а ветер не прежде как в 8 часов зашел к востоко-юго-востоку.

Во все время нашего пребывания на Копенгагенском рейде дули большей частью тихие ветры между севером и востоком, изредка находили шквалы от северо-востока, но дни были ясные, и барометр стоял всегда высоко.

Подходя к Гельзинору, усмотрели мы, что шлюпы «Восток» и «Мирный» ушли у нас из виду. «Открытие», сождав * нас под малыми парусами, отсалютовал Кронборгу²¹ и пошел вместе с нами в путь. Вечером мы видели зарницу, по горизонту облегла мрачность, пошел дождь, и барометр начал приметно упадать. В 10 ч. прошли мы маяк Куленс, а в 3 ч. пополуночи Ангольтский, в расстоянии 15¹/₂ миль. Глубина моря оказалась 21 сажень, грунт — песок. Нидлигенских маяков за мрачностью не было видно.

21-го ветер был тихий от востока, погода пасмурная, и мы [во] весь день встречали на море серозеленые пятна, происходящие от морских растений, покрытых насекомыми. В час пополудни приезжали к нам рыбаки из

* Так в подлиннике.

шведских шхер и продали за один талер²² сорок довольно больших рыб. В 6 часов увидели мы почти на запад Шкагенский маяк²³ в расстоянии 10 миль.

В половине 11-го часа отстоял от нас Штаген по «рюйс-пеленгу»²⁴ на юго-восток 40° , в расстоянии 9 миль; широта одного по датской карте $57^{\circ}50'$ северная, долгота $10^{\circ}27'$ восточная от Гринвича; от сего места начали мы считать отшедший наш пункт. В плавании нашем от Копенгагена до Шкагена произошло 10 миль разности²⁵ на северо-запад, что надобно приписать неправильным зундским течениям.

В полночь увидели молнию к юго-востоку, а в 4 часа [23-го] усмотрели берег полуострова Ютландии, в расстоянии 10 миль. К полудню ветер, дувший от востока, начал свежеть, погода сделалась облачная и временем сверкала молния по всему горизонту. Шлюп «Открытие» находился от нас невдалеке.

В полдень глубина моря вышла по лоту 25 сажен; по исчислению надлежало ей быть только 18. Из сего надо заключить, что нас отнесло течением к востоку. В продолжение сих суток видели мы иногда впереди шлюпы «Восток» и «Мирный».

24-го при тихом брамсельном ветре шлюпы «Восток», «Мирный» и «Открытие» находились от нас далеко впереди. По согласию всех офицеров праздновали мы день именин почтенного нашего капитана и при питии за его здоровье и за успех экспедиции стреляли из пушек. Сей день провели в веселии не только офицеры, но и вся команда нашего шлюпа.

25-го дул тихий, переменный ветер, шел дождь и стояла пасмурная погода. Во время лавирования заметили мы, что шлюп идет к ветру и много кренится, чему причиной было то, что мы имели много верхового груза и мало балласту. В полдень по мрачности не могли мы иметь наблюдений. Ветер был слабый, непостоянный и сопровождался изморозью.

26-го погода стояла попрежнему пасмурная, а 27-го подул свежий юго-восточный ветер. В 11 ч. утра увидели мы пловучий Галоперский маяк, на северо-восток, в расстоянии 10 миль, а через полчаса на WtS и Нордфорландские маяки²⁶; вскоре ветер начал стихать, но попутным течением несло нас к юго-западу. Во все время нашего плавания до сего места сопутствовало нам течение

от запада, особенно когда мы приближались к берегам Англии. В 10 ч. вечера, находясь в 6 милях от пловучего маяка, стоящего на Дильской банке, должны мы были положить якорь, чтобы переждать противное течение от юго-запада, сила коего была до двух с половиной узлов. В 6 ч. утра снялись мы при попутном течении с якоря и начали лавировать в Английский канал²⁷, имея шлюпы «Открытие» и «Мирный» у себя под ветром. Около полудня видели в тумане берег Франции.

28-го в час пополудни, находясь в самом узком месте Английского канала, встретили мы опять противное течение, и должны были вторично положить якорь на глубину 22 сажен, на песчаном грунте с мелкими раковинами. Зюйдфорландские маяки находились от нас на северо-запад в $4\frac{1}{2}$ милях. Самая сильная быстрота течения оказалась $2\frac{3}{4}$ узла в час. В 6 ч. вечера оно ослабело, и ветер отошел к югу, почему мы снялись с якоря и прошли в полночь Донженес²⁸ в расстоянии двух миль. В половине 8-го часа утра [29-го] миновали Бичигед²⁹ и легли на WNW $\frac{1}{2}$. В 8 часов получили лоцмана.

В полдень 29-го дул свежий ветер от юго-востока. Барометр показывал 30^{ли}, 19, а термометр 14°. Имея шлюпы «Открытие» и «Мирный» далеко позади нас, мы прошли в 6 ч. вечера пловучий маяк, стоящий на банке Оверс, а в 8 приблизились уже к Сент-Еленскому рейду. Во время сего плаванья опередил нас шлюп «Открытие», и мы, следуя за ним, положили в 10 ч. вечера якорь на глубине $7\frac{1}{2}$ сажен, на Модер-банке, близ острова Вайта; грунт был иловатый с песком. Вслед за сим легли мы фертоинг. Шлюпы «Восток» и «Мирный» прошли на Спитгедский рейд, где стояли: один английский линейный корабль, три фрегата, два военных брига и наш шлюп «Камчатка»³⁰ под командою капитана В. М. Головнина³¹, возвращавшийся из путешествия кругом света.

30-го капитаны всех четырех шлюпов наших ездили с изъявлением почтения к главному командиру порта адмиралу Камбелю, который, приняв их весьма благосклонно, предложил им свои услуги. Оставляя недавно Кронштадтский рейд, не имели мы больших надобностей, но скоро должны были просить о приказании осмотреть наши помпы, которые, как я выше сказал, не выкачива-

ли всю воду, и, если возможно, исправить оные. Вследствие сего, спустя несколько дней, прислан был к нам из Портсмутского адмиралтейства помповый мастер, который и нашел, что стаканы помп наших сделаны были не по пропорции, в иных местах прилегали весьма плотно к бокам помп, а в других опять отставали от оных. Хотя английский мастер переправил оные, но мы могли выкачивать воду только до 8 дюймов, стоя на якоре, а под парусами оставалось оной всегда более 9 дюймов. Посетив адмирала Камбеля, капитаны шлюпов «Востока», «Открытия» и «Мирного» поехали в Лондон для покупки астрономических инструментов, хронометров и разной свежей провизии для команды.

В 9 ч. утра [31-го] при тихом восточном ветре увидели мы яхту принца-регента³², плывшую под штандартом от Нидингенских маяков к Портсмуту в сопровождении одного фрегата, двух военных бригов и множества яхт и ботов. Когда флотилия сия приближалась к нам, то мы поставили людей по вантам и реям и салютовали с каждого шлюпа по 21 выстрелу. Надобно полагать, что принц-регент был сим весьма доволен, ибо, спустясь к нам, прошел нарочно между нами и шлюпом «Открытие», в самом близком расстоянии. Когда е. в. начал приближаться к Спитгеду, то салютовали ему все суда, стоявшие на рейде и городовые крепости...

После полудня прошла опять яхта принца-регента мимо нас в прежнем порядке, и мы оказали е. в. опять ту же почесть. Вскоре затем прислал адмирал Камбель записки к капитанам всех пяти русских шлюпов с извещением, что принц-регент приглашает их сего дня к обеденному столу в 6 ч. пополудни. Отъезд в Лондон лишил их случая воспользоваться сим лестным приглашением.

Августа 3-го ездили мы в Ньюпорт, небольшой, прелестный городок острова Вайта, и видели там замок, в коем содержался несчастный английский король Карл II³³. Здание сие находится в расстоянии одной мили от города и поставлено на высокой горе, с которой виден весь остров, оба рейда и часть Портсмута. Замок построен по примеру старинных крепостей, обнесен высокой стеной с бойницами и окружен рвом. Стена во многих местах уже обрушилась и поросла зеленью. Вид его прекрасен; комнаты, где содержался король, уже не су-

ществуют и нам показывали только часть их развалин. Внутри замка есть колодезь с весьма чистой и вкусной водой, имеющий 216 футов глубины, в чем мы удостоверились, опустив туда лампу с огнем. В Англии надобны везде деньги: с каждого из нас взяли по три шиллинга ³⁴ за посещение замка.

5-го проходила опять мимо нас и с прежней процессией яхта принца-регента, которая, обойдя вокруг острова Вайта, возвратилась вечером в Портсмут, освещенная разноцветными фонарями. 6-го плавала она опять от Портсмута к Вайту и обратно, и как находилась всегда под штандартом, то и воздавали мы оному каждый раз должную почесть.

Весь день 7 августа занимались мы работой: тянули стоячий такелаж, просушивали паруса, переменяли некоторые из них и конопатили палубу.

8-го и в последующие 3 дня красили у нас мачты, реи и снаружи шлюп; переправляли бегучий такелаж и вязали к запасным парусам риф-сезни. Поутру проходила опять мимо нас яхта принца-регента, а в полдень прислал е. в. сказать нам, что он благодарит за оказываемую ему почесть, но просит более не салютовать.

13-го случилось у нас весьма неприятное обстоятельство: Николай Выборов — молодой матрос, хорошего, трезвого поведения, пропал со шлюпа, и сколько ни прилагали старания к отысканию его, но все было тщетно. Поутру видел я, как он мыл кают-компанию, а вечером он стоял на часах; думать должно, что он поскользнулся, оборвался с гальюна и, падая, ушибся, а течением пронесло его скоро. Товарищи его рассказывали после, что с некоторого времени заметили в нем беспокойный характер; он на все сердился, иногда заговаривался, а в другое время был очень молчалив. Трудно решить, умышленно ли он кинулся в воду или упал нечаянно!

Поутру 14-го снялся шлюп «Камчатка» с якоря и отправился в любезное наше отечество. Мы воспользовались сим случаем и отправили множество писем к нашим друзьям и родственникам.

19-го ветер не утихал и был северо-западный. В сей же день случилось у нас происшествие, которое может послужить уроком для капитанов с какой осторожностью должно отпускать на берег неопытных офицеров. Капитан наш уволил поутру лейтенанта, священника и

штурмана в Портсмут для разных закупок. Они поехали туда на баркасе и, исправля свои надобности, возвращались вечером обратно на шлюп, не рассчитав, что при бывшем противном ветре встретят они еще и противное течение. Когда они выехали на рейд и увидели, свою ошибку, могли бы еще пристать к которому-нибудь из наших шлюпов или английских кораблей и там ожидать перемену оного. Но, полагая, что силы их восторжествуют над силой воды и над ветром, продолжали грести вперед и встретили такое сильное волнение, что баркас начало заливать. В сем положении принуждены они были поставить паруса, но оные скоро изорвало, и если бы судно течением не прижало их нечаянно к берегу, уже гораздо ниже, то все служители и почтенный наш священник, быв вынесены в море, могли бы сделаться жертвою самонадеянности одного неопытного морского офицера. Это случилось ночью. Наши вытащили баркас на берег, где измокшие и усталые были согреты и накормлены англичанами, не принявшими за то никакой платы. Между тем ветер стих, и наши, к удовольствию беспокоившихся товарищей, возвратились поутру благополучно на шлюп.

20-го дул северо-западный ветер и временно находили шквалы. Сего числа пришло на рейд судно Российско-американской компании «Кутузов»³⁵ под командой капитан-лейтенанта Гagemейстера³⁶. Оно отправлено было из России в 1816 году и, пробыв некоторое время в наших колониях, возвращалось в Кронштадт. На сем обратном пути Гagemейстер имел несчастье лишиться одиннадцати человек из малочисленного своего экипажа. Между прочим, умер у него ехавший в Россию из Ситхи³⁷, бывший главным правителем Российско-американской компании, коллежский советник Баранов³⁸. По старости лет своих... он не мог перенести всех трудностей морского вояжа; вскоре по выходе из Батавии³⁹ скончался и был опущен в море.

24-го в полдень, при среднем юго-западном ветре, к удивлению нашему, корабль «Кутузов» снялся с якоря и отправился в наше отечество. Причиной такой поспешности [было], надобно полагать, увеличившееся у него число больных, ибо в три дня, проведенные им в Портсмуте, не имела команда времени ни отдохнуть, ни освежиться после столь долговременного плавания.

25-го привезли к нам из Лондона: четыре секстана, телескоп, окружный инструмент, трубы, три барометра, термометры, два хронометра в корпусах ⁴⁰ — один работы Баррода, а другой Арнольда, и один карманный мастера Баррода. Мы поручили установить ход оных астроному Брадлею ⁴¹. Вместе с сим доставили к нам разные метеорологические и физические инструменты и нужные книги. 26-го начали мы наливать бочки привезенной на ботах водой и произвели окончательные закупки, 28-го получили обратно от астронома Брадлея хронометры наши вместе с таблицей суточного их хода, а 29-го начали готовиться к выходу в море, для чего подняли баркас, катер, брам и бом-реи. В 6 ч. утра снялись с якоря шлюпы «Восток» и «Мирный» и отправились в Южное полушарие. Быв занят приготовлением шлюпа к походу, я едва улучил одну минуту времени проститься с родным братом моим М. П. Лазаревым, который командовал шлюпом «Мирным»...

После обеда привезли нам для команды 142 жестянки донкинова мяса ⁴², в коих было веса 15¹/₂ пудов, 240 баночек его же бульона, 75 банок сосновой эссенции для пива, 12 фунтов сусла и 50 пудов патоки. Запасы сии составляют довольно верное средство против цынготной болезни. Вдобавок к купленному в Копенгагене вину, взяли мы еще 20 ведер портвейну и 50 банок концентрированной лимонной кислоты.

Сего дня же получили мы цепной канат длиной в 100 сажен.

Оный был нам весьма полезен во время стоянки на якоре при Коралловых островах ⁴³.

Исправясь совершенно к выходу в море, приказал капитан наш штаб-лекару осмотреть всю команду. Нездоровых оказалось пять, но четверо могли быть скоро использованы, пятый же был заражен прежде сильной болезнью, которая здесь опять у него открылась. Хотя перед отплытием нашим из Кронштадта штаб-доктор Лейтон и осматривал весь наш экипаж, но не мог сего заметить. По мнению моему, начальники судов, отправляемых в дальние страны, должны быть весьма осторожны в выборе людей: не довольно, что сих последних осматривают, надобно строго расспрашивать и спрашивать, не бывали ли они когда заражены болезнями, и таковых на суда не принимать.

Поутру в 5 ч. начали мы сниматься, с фертоинга и, подняв потом мелкие гребные суда, поставили все паруса. Шлюп «Открытие» следовал за нами. В 3 ч. пополудни прошли мы траверс Нидельских маяков и отпустили лоцмана; в половине 9-го часа увидели Портландские маяки⁴⁴; ветер был умеренный от юго-востока и за нами шло много купеческих судов.

В половине 8-го часа вечера [1 сентября] увидели мы Лизардские маяки⁴⁵ на северо-запад в расстоянии 12 миль; в 8 ч. подошел к нам шлюп «Открытие», и начальник экспедиции капитан-лейтенант Васильев приказал нам: приведя Лизардские маяки на север по правому компасу, лечь на юго-запад, что мы и исполнили в 10 ч. вечера. В сие время была у нас широта $49^{\circ} 45' 30''$, долгота $5^{\circ} 11''$. От сего пункта начали мы считать свое отшествие. В полночь скрылись от нас Лизардские маяки.

В 10 ч. вечер был прекрасный, и все офицеры нашего шлюпа, вышед наверх, казалось, в душе прощались с Европой. Желая оживить сию картину безмолвия, я предложил им выпить по рюмке шампанского за здоровье государя и всей августейшей фамилии, спокойствие России и за счастье родных наших. Все согласились на сие. После нескольких шумных минут наступило опять молчание. У многих из нас показались слезы благодарности и привязанности к отечеству, и тогда как все прочие расположились ко сну, я, оставаясь на вахте, долго еще провожал глазами оставшуюся позади нас Европу, а с нею и все для меня драгоценнейшее — Россию.

Глаза III

Плавание Атлантическим океаном в Бразилию. — Прибытие в Рио-Жанейро и замечания о сем порте.

Миновав Лизардские маяки, встретили мы шквал от востока-юго-востока, принудивший нас убавить паруса и спустить на низ бом- и брам-стенги. Ветер час от часу свежел, небо обложилось тучами, пошел дождь, и мы для показания своих мест ночью жгли фальшфейеры.

Вечером ветер отошел к северу и стал свежеть еще более, тогда мы у марселей взяли по два рифа. В полночь сделался свежий риф-марсельный ветер от северо-запада и беспрестанно крепчал так, что в три четверти второго часа [3 сентября] мы взяли у марселей по третьему рифу, а к полудню у всех марселей все рифы. При большом волнении шлюп наш качало с боку на бок весьма сильно, причем сломало фор-трисель-гафель. По осмотре оказалось, что оный был выделан из толстого дерева, почему при сломе осталась одна только сердцевина. Нельзя было не пожалеть о столь несправедливой трате леса. Крепкий сей ветер был еще первый со времени нашего выхода из Кронштадта, и страдавших морской болезнью от качки офицеров и матросов было много.

В полдень 4 сентября крепкий риф-марсельный ветер и сильное волнение все еще продолжались. К вечеру начало стихать, и мы, прибавив парусов, стали держать ближе к западу. Ночью дул риф-марсельный ветер от

востока-северо-востока, иногда находили шквалы с дождем, и волнение было сильно; в 4 часа сделалось тише.

5-го ветер продолжался тот же, временно с порывами и дождем, а к утру скрепчал. В половине 7-го утра случилось, что при поднимании ундер-лиселя одного матроса по собственной его оплошности выкинуло за борт при ходе 8¹/₂ узлов. К счастью, он не выпустил из рук своих бурундука, между тем, положив право на борт, привели шлюп к ветру, и его вытащили.

6-го дул риф-марсельный северо-восточный ветер со шквалами, и мы по крепости его в половине 10 часов вечера взяли все рифы; вскоре затем при большем волнении пошел дождь с градом, и шквалы усилились. Поутру ветер отошел к востоко-юго-востоку, сделалось тише, и мы прибавили парусов.

7-го плавание наше продолжалось при умеренном ветре от юго-востока.

8-го вскоре после полудня начали находить шквалы, и ветер засвежел. Мы спустили брам-реи в росторы и бом-брам-стенги, а у всех парусов взяли все рифы. С полуночи, когда подул крепкий риф-марсельный ветер со шквалами, закрепили мы крьюсель, а в 2 ч. [9-го], когда ветер стал крепчать еще более и шквалы усиливались, то и фор-марсель. Сильным волнением укачало большую половину нашей команды.

В полдень шлюп «Открытие» ушел далеко вперед, но нарочно для соединения с нами спускался. К вечеру, когда ветер и шквалы сделались тише, мы поставили рифленные марсели. В полночь дул свежий ветер от западо-северо-запада, и волнение было по ветру. Поутру ветер затихал, и мы прибавляли парусов.

10-го было опять тихо, и 11-го в полдень мы находились против Гибралтарского пролива.

После полудня капитан наш испросил телеграфом у начальника экспедиции позволения обучать служителей ружейной стрельбе в цель. Стреляли нарочно для сего сделанными глиняными пулями с юта в мишень, бывшую на фока-рее. Попали в нее семь человек. Вечером задул ветер от северо-востока, а 13-го мы прекратили по журналу морское счисление времени и приняли астрономическое⁴⁶. В плавание наше из Англии мы видели несколько купеческих судов, но всегда в дальнем расстоянии.

14-го при умеренном северо-восточном ветре несли мы все возможные паруса и в полночь обогнали купеческий бриг, шедший с нами одним румбом.

19-го капитан наш и я ездили обедать на шлюп «Открытие», где все находили, что уже наступил пассатный ветер, но подувший с полуночи от юго-востока разрушил наше предположение. Наконец, мы нашли пассат 20-го в 3 ч. ночи, и на рассвете сего числа увидели в первый раз летучих рыб.

25-го было облачно. Около 3 ч. ночи при умеренном восточном ветре прошли мы параллель острова св. Антония в расстоянии 70 миль и при ясной погоде могли бы его видеть.

В полдень [26-го] ветер отошел к востоко-северо-востоку. Мы увидели множество летучей рыбы и птицу из рода мартышек⁴⁷.

К вечеру стало пасмурнее, ветер начал свежеть, и ночью оба шлюпа по обыкновению показывали свои места фальшфейерами.

К вечеру 27-го заштило. Остров Брава находился от нас на северо-восток в 60 милях. Поутру при маловетрии между севером и востоком увидели мы опять множество летучих рыб, за которыми гонялись бониты⁴⁸, а сверху на лету хвагали их птицы. На воде была толчея, как казалось, от спорного течения.

28-го ветер беспрестанно переменил направление, и погода была пасмурная, отчего мы и не видали острова Брава. В полночь сделался тихий брамсельный ветер от северо-востока и выяснено. Капитан приказал из брамсельдука сшить людям шапки для облегчения от жаркого климата; также просушили табак, назначенный в подарок диким, и для лучшего сохранения уложили оный в бочки.

29-го весьма часто переходили мы струю спорного течения, происходящего от островов Зеленого Мыса, кои были от нас недалеко. С полуночи дул тихий восточно-юго-восточный ветер, небо было облачно, и вскоре пошел дождь.

К утру опять выяснено, и мы видели бабочку, которую, вероятно, отнесло от островов ветром, и много морских ласточек.

В третьем часу дня, после самого тихого ветра, нашел сильный шквал с дождем от северо-востока; к вос-

току заиграла зарница, и ветер сделался довольно крепкий, но в полночь затих. Молния сверкала, в отдалении слышен был гром, и часто находили шквалы от востока. Мы поставили для сбирания воды тент и набрали 25 ведер. Вода сия употреблялась у нас, взамен налитой в Петербурге, на варку и для питья скоту.

В полдень [1/X] молния сверкала прямо над нами, а ночью для показания своих мест мы жгли фальшфейеры. К вечеру стало яснее, воздух прочистился, и дождь перестал. В полночь дул ветер самый тихий между севером и востоком, а к утру наступила прекрасная погода.

Под вечер 2 октября плавали около шлюпа весьма долго две прожоры⁴⁹, которых мы пытались ловить на уду, но они не брались, невзирая на то, что по жадности своей хватают обыкновенно все, что им ни попадается. В полночь дул прежний ветер самый тихий, и небо было облачно. Мы держали сколько можно ближе к югу.

При наступлении следующего дня [3-го] ветер продолжался тот же, но к вечеру нашел сильный шквал с дождем, в полночь ветер опять стих, и вскоре сделалось маловетрие между югом и востоком. Поутру [4-го] нашел вторично жестокий шквал с проливным дождем, при котором мы набрали 20 ведер воды.

Ветер был брамсельный от востока и постепенно заходил к югу; иногда находили шквалы с дождем от юго-востока. Как вода и дрова брались у нас все из носовой части, то нос нашего шлюпа сделался весьма легок, для избежания чего перенесли мы с кормы в носовую часть 200 пудов балласту. В продолжение сих суток летало и плавало около нас множество рыб и птиц; с полуночи при облачной погоде дул тихий бом-брамсельный ветер от зюйд-остен-зюйда, продолжавшийся всю ночь и весь следующий день.

5-го мы видели стадо птиц, из коих каждая была величиной с голубя, черного цвета, с белым брюхом. Натуралист наш называл их фаэтонами⁵⁰, но несправедливо, ибо сии последние суть белые тропические птицы с красными ногами и таким же носом и двумя длинными перьями в хвосте. Под вечер стало яснее, но по временам шел дождь.

Вечером подул северный ветер, полился дождь, и на северо-западе играла молния. Тогда же видели к северу и югу на горизонте два трехмачтовых судна.

7-го ветер был самый тихий от юга и погода облачная. Иногда находили небольшие шквалы, при коих во время дождя мы собирали для варки воду, которая была совершенно свежа и даже годилась для питья. По случаю тихой погоды посланы были с нашего шлюпа натуралист и штурман на ялике для испытания теплоты воды. В глубине 100 сажен термометр показывал 87° , на поверхности в то же время $78\frac{1}{2}^{\circ}$, а на воздухе $81\frac{1}{4}^{\circ}$. Когда же опустили его в глубину 200 сажен, то лопнул шарик, в котором содержится ртуть, невзирая, что оный был в медном футляре, в коем для сообщения термометра с водою прорезаны были со всех сторон дыры. В сей день видели много летучих рыб, из которых одна, залетевшая к нам на руслени, была поймана и для опыта употреблена на жаркое.

В продолжение сего нашего плаванья попадалось нам много испорченных сухарей, почему капитан приказал комиссии, составленной из всех почти офицеров шлюпа, освидетельствовать оные. По осмотре нашлось 75 пудов негодных ржаных сухарей, которые и велено было выбросить за борт.

Ветер не переменялся, и во всю ночь вода светила необыкновенно ярко, чему причиной, кажется, было довольно быстрое ее течение⁵². Волнения никакого не было, погода стояла тихая, и только изредка находили небольшие шквалы.

9-го при прежнем ветре погода была пасмурная, и по временам находили шквалы. В полночь ветер подул от Sots, и на юго-востоке играла молния. Ночью жгли фальшфейеры.

В полдень ветер зашел к юго-востоку и казалось, что уже начался южный пассат. Остров св. Павла находился от нас на юго-запад в 27 милях. В полночь [10-го] дул тихий ветер от востока, а поутру зашел оный к юго-востоку; в десятом часу утра мы обыкновенно брали высоты солнца для вычисления долготы, в время замечали по карманному хронометру Баррода (№ 880). Желая его теперь сравнить с прочими, мы нашли, что он остановился на 12 часах, и оказалось, что часовая стрелка, бывшая тогда в соединении с секундною, прижала сию последнюю плотно к циферблату, от чего хронометр и остановился. Капитан наш повернул его горизонтально вправо, и хронометр пошел, но замечено бы-

ло, что секундная стрелка задевала за часовую и приостанавливалась, а после из-за оной как будто выпрыгивала. Когда стрелки разошлись, то хронометр пошел хорошо, но уже вычислять по нем долготу было невозможно.

11-го при тихом южном ветре и ясной погоде увидели мы, несколько позже полудня, в первый раз тропическую птицу фаэтона; она была вся белая, имела нос красный и в хвосте длинные два пера такого же цвета. Вечеру были шквалы с дождем от юго-востока, с полуночи подул бом-брамсельный южный ветер, было облачно, а к северу и юго-востоку пасмурно, и небо покрыто черными облаками. От юго-востока находили опять шквалы с дождем, от коего собранную воду мы отдали служителям для мытья белья.

В исходе второго часа пополудни телеграфом с шлюпа «Открытие» дано было знать, что начальник экспедиции желает видетсья с нашим капитаном. У нас немедленно спустили ялик, и на оном отправились наш капитан и я. По прибытии нашем на «Открытие» Васильев объявил капитану Шишмареву свое желание пройти экватор сколько ветер позволит восточнее и, если не воспрепятствуют обстоятельства, то, не заходя в Рио-Жанейро, итти прямо к мысу Доброй Надежды в Ложную губу, где стоять покойнее, нежели в Столовой. В 6 ч. мы возвратились домой, условясь при переходе экватора обедать на «Открытии», а у нас провести вечер. В полночь ветер продолжался тот же, и находили частые шквалы с дождем. В 3 ч. шлюп «Открытие» зажег вдруг два фальшфейера и скоро скрылся у нас из виду. Мы догадались, что нам надлежало поворотить и исполнили сие в 4 ч. При рассвете [13-го] сошлись мы с «Открытием» контр-галсом и пошли одним курсом на юго-запад, при ветре юго-юго-восточном. Поворачивая, мы заметили, что шлюп наш дурно слушается руля и, не поворотив под марселями, принуждены были поставить для сего брамсели. Причиной сему было то, что нос сделался опять очень легок. Сего числа хронометр № 880 снова остановился, почему мы его так и оставили до прибытия к порту, где полагали отдать исправить. В половине 10-го часа шлюп «Открытие», находившийся впереди нас уже на экваторе, сжег несколько фальшфейеров и пустил ракеты, на что мы отвечали тем же в 10 ч., когда по

нашему счислению были на экваторе в долготе 26°21' западной. Перед самым вступлением нашим сюда начался южный пассат и дул довольно постоянно.

Когда мы пришли по счислению на экватор, где шлюп «Открытие» ожидал нас, лежа в дрейфе, то в то же мгновение у нас пустили ракету и выпалили из пушки. Вскоре потом мы зажгли двенадцать фальшфейеров и кричали семь раз ура. Затем пустили еще двенадцать ракет и сделали столько же выстрелов из пушек. В продолжение сего громкого торжества офицеры нашего шлюпа пили шампанское за благоденствие России и за славу ее флота. В то же время нижние чины и служители получили по чарке рому. В полночь все обратилось в самый веселый праздник. Я почитаю не излишним распространиться в сем описании, полагая, что если большей части моих сослуживцев уже известны подобные случаи, то читатель, не знакомый с жизнью моряка, увидит, что и наша служба, сопряженная с толикими трудами и опасностями, имеет свои приятности. Пусть знает он, что люди, видящие перед собой одни необозримые пространства воды и неба, отделенные многими тысячами верст от любезного Отечества и только одной доской от бездны, в сем скучном существовании умеют находить удовольствия. Удовольствия сии тем для них драгоценнее, что встречаются не столько часто, как на сухом пути, посреди всегдашнего шума, и оные вовсе неизвестны тому, кто не был мореходцем.

По окончании тостов шлюп осветился внутри фонарями, начались танцы, песни, разные игры, переодеванья, и между служителями нашлись весьма изрядно плясавшие по-русски. Многие из них были люди неповоротливые; но теперь, когда веселость была общей, они казались переродившимися и наравне с прочими забавляли зрителей.

Ночь была самая торжественная, все веселились и в 4 ч. насилу улеглись спать. В 5 ч. телеграфом с нашего шлюпа поздравили «Открытие» с переходом в южное полушарие, подняли флаг и салютовали 13 выстрелами, на что он отвечал тем же числом, а телеграфом благодарил за поздравление и нас поздравлял взаимно. В это время уже все офицеры и команда были на шканцах. Матрос Ипатьев, родом из камчадалов, еще прежде переходивший экватор на брига «Рюрике», нарядился

Нептуном⁵³ и, не показываясь из-за галльона, сел на вадер-штаги. Когда мы все собрались, то он вдруг и, казалось, как бы из воды спросил нас: «Какое судно?» По приказанию капитана вахтенный лейтенант отвечал серьезно: Русское. «Куда идет?». Для открытия и кругом света. «Кто командир?» Капитан-лейтенант Шишмарев. На последнее Ипатьев отвечал, что его знает и помнит недавно плававшим в своих морях*. Потом вылез он через галльон и сел с матросом, переодетым в Меркурия⁵⁴, на колесницу, сделанную из распиленной бочки, поставленной на пушечном станке. Экипаж сей vezли три нагие, раскрашенные тритона. Приехав с бака на шканцы, Ипатьев сошел и сказал людям речь, нарочно для сего случая заблаговременно написанную. В оной, поздравляя их с прибытием в Южное полушарие, он требовал от них всегдашней твердости духа к перенесению столь трудного путешествия, согласия между собой и усердия к пользе службы. Далее говорил он им об исполнении своих обязанностей и повиновении начальству, об опрятности для сохранения собственно их же здоровья и, наконец, советовал всегда быть веселыми и расторопными. Взамен сего он обещал с успехом водить наш шлюп, споспешествовать всем нашим предприятиям и доставить всех благополучно в отечество. По окончании речи Ипатьев просил капитана велеть команде переодеться в чистое белье, в знак будущей ее опрятности, и дать каждому служителю по чарке рома, что все тогда же было исполнено. После сего люди кричали ура, спели в честь Нептуна песню и начали свое празднество. Команда веселилась, забыв все прежние и все предстоявшие труды, даже до того, что мне не хотелось, смотря на их удовольствие, уехать со своего шлюпа на «Открытие», куда нас телеграфом приглашали обедать. Между тем чиновники⁵⁵ устраивали у нас раскрашенный театр.

В полдень [14-го] мы занимались наблюдением, а по окончании оногo и вычислений поехали в двух яликах на «Открытие». Здесь в продолжение стола самая искренняя и непритворная радость одушевляла всех присутствовавших. По окончании обеда, в 5 ч., поехали все вдруг на наш шлюп, где готовили сцену и одевали актеров. После дружеской веселой беседы в половине

* Выше уже сказано, что Шишмарев ходил вокруг света на бриге «Юрик».

седьмого часа вышли мы на иллюминированные шканцы и уселись по стульям. Поднялась занавесь, и спектакль начался. Играли оперу «Мельник», а затем были разные танцы: русские, камчадалские, алеутские и пр. В продолжение антрактов разносили чай, варенья и разные вина, бросали ракеты, жгли фальшфейеры и палили из пушек. В 9 ч. театр кончился, а в 10 начался ужин. Стол был накрыт на двенадцать персон и сервирован всем лучшим, что я мог найти в бытность нашу в Англии. Цель нашей экспедиции была предметом общего разговора, и многие строили воздушные замки: одни были уже в Архангельске через Берингов пролив, другие соединились с капитаном Парри в Гудзоновом заливе и т. д.

Между тем «Открытие» неоднократно подходил близко к нашему борту, давая тем знать, что наступило время возвращения на шлюп, но мы все еще продолжали веселиться. Наконец, в половине двенадцатого часа настало отправление гостей домой. Для предупреждения шлюпа «Открытие», чтобы он держался ближе, зажгли у нас по борту фонари, и один фонарь дали на ялик, на случай разлучения. Когда оный отвалил, то мы пустили ракеты и зажгли фальшфейеры. По прибытии ялика к «Открытию» нас уведомили о сем также фальшфейерами, и оба экипажа, прокричав ура, простились до свидания в Рио-Жанейро. Команде также был праздник: для нее варили суп из свежего донкинова мяса, пекли оладьи с медом, давали сверх обыкновенной винной порции чарку рома, пунш, пиво, и во весь день позволяли ей играть в разные игры.

Трудно выразить удовольствие, какое мы чувствовали при сем случае, быв надолго удалены от Отечества, плывя в страны дикие, не видя в продолжение уже двух месяцев берега и находясь от ближайших островов в расстоянии пятисот миль. По моему мнению весьма нужно, чтобы все мореплаватели справляли таковой праздник. Путь от Англии до Бразилии есть столь продолжительный переход, что как офицеры, так и команда начинают в половине одного от единообразия скучать, и поэтому для развлечения их подобное празднество необходимо. Впоследствии переходы будут хотя и длиннее, но уже сноснее, первый же по непривычке всех тяжелее. В продолжение сих суток видели мы разных птиц и рыб.

С полуночи дул свежий ветер от востока, и иногда накрапывал дождь. В полдень [15-го] ветер не переменился, но к вечеру сделался свежее и начали находить шквалы.

16-го к полуночи ветер засвежел еще более; находили порывы и шел дождь.

17-го стихло, и погода было выяснела, но к утру сделалось пасмурно.

18-го поутру к западу видели бриг, шедший одним с нами курсом.

19-го продолжали плыть при свежем ветре от востоко-юго-востока. В полдень мыс Св. Августина отстоял от нас на северо-запад в 284 милях. Сего дня первый раз употребляли мы запасенную в Петербурге для служителей кислую капусту, которая была хороша, но только слишком пересолена.

С полуночи 20-го ветер отошел к востоку, и временем находили шквалы.

21-го, когда ветер затих, мы увидели на WtN восемь судов, из коих три были трехмачтовые, а прочие пять брига, и все шли к северу. Судя по движениям их, должно было заключить, что они составляли один конвой. В четыре часа все сии суда скрылись, кроме одного брига, который шел с нами галсом, но какой был нации, того по дальности расстояния мы узнать не могли.

22-го по свидетельству комиссии выбросили еще 55 пудов сухарей, оказавшихся негодными. Мы плыли при тихом северо-восточном ветре. Внимания достойно, что в Южном полушарии ветер дует от севера ⁵⁶.

23-го около восьми часов вечера видели мы к северо-востоку огненный шар, летевший вертикально, наподобие ракеты, и оставлявший за собой огненный же след. Явление сие продолжалось не более 15 секунд времени ⁵⁷. Погода была прекрасная. В полночь сделалось маловетрие между севером и западом, а поутру [24-го] задул ветерок от северо-востока. Когда рассвело, мы увидели шхуну, шедшую на юго-восток, но в дальнем от нас расстоянии. Мы подняли флаги, но как шхуна сему не последовала, то шлюп «Открытие» выстрелил из пушки и прибавил парусов. Вскоре увидели на шхуне португальский флаг; когда же ее догнали, то капитан Васильев тотчас послал к ней на шлюпке одного из своих офицеров. По возвращении его мы спрашивали телеграфом ⁵⁸,

какие новости и получили в ответ, что эскадра, виденная нами 21 числа, есть инсургентская⁵⁹ и дожидается испанской, идущей из Европы в Америку.

25-го ночью видели мы играющего кита необыкновенной величины, и когда он, подходя с наветра, у самого борта пускал фонтан на руслени, то чувствовали мы от него весьма дурной запах. В это же время прожоры оборвали у нас три большие крюка с навязанным на них красным флагдуком. Около полудня видели мы двух плоских рыб⁶⁰, длиной около 30, а шириной около 12 футов с двумя на боку лапками. Во все сии сутки около шлюпа было множество разных рыб, особенно дельфинов⁶¹, из коих одного наши матросы поймали на уду, но он столь сильно бился от нее, что иначе не могли его вытащить, как убив острогой. Длинной был он около 5 футов, цветом зелено-золотой и пестрый, весьма красивый и, как офицерам, так и служителям, был хорошей и свежей пищей. Бурные птицы⁶² также летали около нас во множестве.

Вечером [26-го] находили шквалы, а в полночь подул умеренный северо-восточный ветер. В девять часов утра натуралист Штейн, бывший на салинге, уведомил, что виден берег. Посланный для верности матрос подтвердил то же, и потому мы, не сомневаясь в истине сего показания, уведомили о том телеграфом шлюп «Открытие». После сего был послан офицер с трубою на салинг; он осмотрел весь горизонт, но берега не видал. Вероятно, натуралист принял за оный бывший тогда по горизонту туман. Итак принуждены были мы сигналом уведомить «Открытие» об ошибке. В то же время прошло к северу трехмачтовое судно.

В полдень [27-го] в первый еще раз показались пеликаны⁶³ и фрегаты⁶⁴. Вечером в мрачности видели высоты бразильского берега, близ острова св. Анны к северу. В сие время остались мы под марселями. В восемь часов по пушке с «Открытия» привели бейдевинд на левый галс. Глубина оказалась 35 сажен, грунт — мелкий песок с глиной. В десять часов глубина по лоту вышла 37 сажен, грунт тот же. В полночь подул крепкий ветер, и мы по свежести его взяли по два рифа. Глубина оказалась 43 сажени при прежнем же грунте. Именно находили довольно крепкие порывы. В половине шестого часа утра [28-го], имея мыс Фрио⁶⁵ по счислению,

по Арросмитовой⁶⁶ карте, на юго-запад в 75 милях, по примеру «Открытия» поставили все паруса, и вскоре привели бейдевинд. В 9 ч. открылись высокие берега близ мыса Фрио.

В полдень мыс Фрио находился от нас на северо-запад в 15 милях. Ветер дул от северо-востока, и сделалось облачно. К вечеру стало пасмурно. Шлюп «Открытие» скрылся у нас из виду, почему мы на ночь легли на якорь в 4 милях от острова Морино, по восточную его сторону на глубине 30 сажен. Ночью дул береговой свежий ветер. Шлюп «Открытие», как мы после узнали, на якорь не ложился, а держался под парусами. Над берегом была сильная гроза, продолжавшаяся до 3 часов. Поутру, в 8 ч. [29-го], по причине весьма вязкого грунта с трудом подняли мы якорь и стали лавировать к западу в Рио-Жанейро. Перед полднем видели около солнца круг из радуги, в диаметре по измерению секстаном 44° и ожидали крепкого ветра. Вместе с нами лавировали бриг под норвежским флагом и шхуна под португальским.

В полдень дул тихий ветер от юго-востока, но по причине пасмурности мы не могли идти к выходу в Рио-Жанейро и отлаживались в море.

К полудню [30-го] ветер засвежел, и стало еще пасмурнее, так что мы обсервации не имели и место свое определили по счислению. Скоро сделался густой туман, при большой зыби от юга, но в два часа вдруг стихло, туман прочистился, и мы увидели мыс Фрио на северо-запад в 15 милях. В полночь настал штиль, и зыбь пришла снова от юга. Мы жгли фальшфейеры, и хотя находились от берега не ближе пяти миль, но бурун был весьма слышен.

В полдень 31 октября мыс Фрио был от нас на северо-востоке в 7 милях, при маловетрии шли мы ко входу в Рио-Жанейро, а на ночь по тихости ветра вместе с «Открытием» стали на якорь по восточную сторону острова Морино на глубине 26 сажен.

В полночь продолжался самый тихий ветер; в 6 ч. утра оба шлюпа снялись с якорей и пошли в Рио-Жанейро при тихом востоко-северо-восточном ветре.

В полдень 1 ноября находились мы весьма близко ко входу к крепости Санта-Круц, от коего поперек фарватера шла струя течения, показавшаяся нам сначала мелко-

водим. В половине второго часа вошли мы в порт и положили якорь на глубине 21 сажени, на иловатом грунте.

Едва мы успели остановиться, как приехал к нам для обыкновенного опроса офицер и в рассказах объявил, что он второй адъютант короля по флоту и состоит в ранге полковника. Сначала вступил было я с ним в разговор, но после некоторых объяснений его оставил и более с ним не говорил. Хотя он всячески подходил ко мне, но под предлогом должности я всегда от него уклонялся. Капитан Васильев, по сношению через нашего вице-консула Кельхена, салютовал крепости при поднятии португальского флага на грот-брамстенгге и получил в ответ равное число выстрелов. После сего с «Открытия» при поднятии марсо-фалов и, натянув марсо-шкоты, салютовали контр-адмиральскому флагу, бывшему на португальском линейном корабле, из 13 выстрелов и были ответствованы тем же числом.

Вечером капитан нашего шлюпа ездил со мной на берег, где, гуляя, мы заблудились и вышли к горе Сахарной голове, но с помощью итальянского языка возвратились ко дворцу. Дорогой заходили во французский кофейный дом, где, несмотря на то, что мы были во фраках, а не [в] мундирах, тотчас все узнали, что мы русские (вероятно, по щедрости) и оказывали нам необыкновенное внимание. Здесь пробыли мы недолго и в скором времени уехали на шлюп.

Надобно заметить, что слава русского имени, приобретенная громкими, блистательными победами и бескорыстным участием в судьбе угнетенных народов, перелетела и через необозримые пространства великих морей. Даже и те народы, к коим едва проскользнул луч просвещения, знают о нас по слуху и уже заочно бывают нам преданы. Не имея подобно англичанам, французам и голландцам всемирной торговли, почти всегда сопряженной с алчностью, и не нося на своей совести упрека за какие-либо притеснения и кровопролития в странах Нового Света, мы бываем везде принимаемы с особенной приязнью, какой никто из других наций не пользуется.

Поутру рано, при тихом северном ветре, подняв якорь, мы перешли ближе к городу и стали подле португальского корабля, в полумиле от острова Ралоса, на глубине 8¹/₂ сажен. Вместе с нами стояли на рейде пять

линейных кораблей, из коих два еще не были вооружены, а на одном, называвшемся «La Reine», развевался контр-адмиральный флаг. Прочих португальских военных и купеческих судов находилось 22, английских кораблей 2, один бриг и шесть купеческих судов, французских 8, голландское одно, шведско-норвежских 6 и одно гамбургское.

2-го ноября в час пополудни прибыл на рейд английский корвет и салютовал тем же порядком, как и «Открытие». В 6 ч. пришли наши шлюпы «Восток» и «Мирный», еще семь английских купеческих судов и одно французское.

Капитаны наших шлюпов вместе с генеральным консулом Лангсдорфом⁶⁸ ездили к посланнику нашего двора генерал-майору барону Тейль-фон-Сераскеркену*, жившему за городом, и оттуда с визитом на корабль португальского адмирала, фамильное прозвание его Виено, чина он вице-адмирального, но по малочисленности флота в Бразилии поднимает флаг контр-адмирала. Пребывание его большей частью на берегу. Он же и действительный камергер двора его португальского величества. Английской эскадрой, стоявшей при Рио-Жанейро, начальствовал командор Гарди⁶⁹, бывший флаг-капитаном у знаменитого лорда Нельсона⁷⁰. Она назначена была крейсировать у берегов Америки, от Рио-Жанейро кругом мыса Горна до Лимы, для наблюдения за безопасностью британской торговли.

Выше говорил я, что начальник экспедиции не полагал вероятное зайти в Рио-Жанейро. Причиной же нашего прихода в сей порт была необходимость купить сарачинского шена⁷¹, коего в России мы взяли с собой только на шесть месяцев. Сверх сего нужно еще нам было завести ром, сахаром, водой, дровами и свежей провизией. Посланник наш хотел, чтобы все сие было нам отпущено без пошлины и отнесся о том к королю. Долго не получали мы никакого ответа, наконец, решено было тем, чтобы пошлину заплатить, и тогда уже нам начали доставлять все нужное через Кельхена.

* Генерал сей служил в бытность мою в Средиземном море на эскадре вице-адмирала Сепявина при генерал-аншефе Ласси майором, и мы часто бывали вместе у дяди моего, покойного генерал-майора Мусина-Пушкина, командира Витебского пехотного полка.

Между тем мы исправляли некоторые повреждения, тянули такелаж, уравнивали груз, конопатили шлюп и красили оный.

Вода, запасенная нами в С.-Петербурге бочками, около брандвахты в Неве, была до Бразилии в течение четырех месяцев так свежа, что подобной мне еще никогда не случалось пить. По сей причине не худо было бы всем нашим кораблям, идущим из Кронштадта, брать воду в Неве. К тому же доставление ее на ботах в бочках нисколько не затруднительно. Кажется, что кронштадтской воде должно бы быть столь же хорошей, как и невской, но она недолго держится в бочках и весьма скоро принимает гнилой вкус. Причина сему весьма натуральна: в Неве вода течет с большей силой, а в Кронштадте при продолжительных штилях иногда делается стоячей и цветет; животных же в ней, как известно из опыта, может быть много оттого, что при западных ветрах она несколько смешивается с морской. Для астрономических наблюдений отвели нам голый небольшой островок Ралюс, близ коего мы стояли. Туда со всех четырех шлюпов свезли для проверки хронометры, поставили палатки для жительства астрономов и штурманов, и с раннего утра до позднего вечера остров сей был наполнен русскими офицерами. Великое множество крыс, водящихся на оном, переменяло или, так сказать, перевело его название по-русски на Крысий⁷². Увидев с берега, что шлюпы «Восток» и «Мирный» стали на якорь поблизости нас, я в ту же минуту уехал на «Мирный» к моему брату, чему последовали и многие другие мои товарищи; разговор наш во все время был о курсах плавания и о прочих морских наблюдениях.

Поутру шлюп «Восток» салютовал крепости и контр-адмиральскому флагу тем же порядком, как и «Открытие».

С 3-го по 16 ноября дули тихие ветры, большей частью от севера, и было несколько дождей. В продолжение сих двух недель пришли на Рио-Жанейрский рейд 23 купеческих судна разных наций и один английский военный шлюп. Мы же занимались наблюдениями и готовились к дальнейшему плаванию.

Между тем как шлюпы наши наливались водой, тянули такелаж и запасались разной провизией, капитаны

и прочие офицеры эскадры проводили свободное свое время на берегу самым приятным образом. Три дня сряду обедали мы по приглашению у нашего посланника, генерального консула и вице-консула. Там танцевали мы до глубокой ночи и видели весь рию-жанейрский beau monde⁷³.

16-го числа барон Тейль представлял королю командиров всех четырех наших шлюпов в загородном его дворце. 17-го они и прочие офицеры ездили смотреть водопад, находящийся слишком в сорока верстах от города. Жар был несносный, 32°⁷⁴, и мы, как туда, так и назад, принуждены были путешествовать, сняв фраки. Кельхен приготовил нам кареты и верховых лошадей. Мы оставили город рано поутру, чтобы избежать сильного жару и успеть к вечеру возвратиться назад. Верст 13 ехали мы покойно в каретах, а верховые мучились от зноя. Я сидел с капитаном Шишмаревым, но по причине дурной и узкой дороги принужден был, равно как и он, выйти и пуститься пешком. Наем колясочки в две лошади стоит здесь в сутки 4, а верховой лошади 2 и 2¹/₂ пиастра⁷⁵.

Было близко полудня, и жар был чрезмерный; дорога лежала по горам и весьма круто, нам приходилось то подниматься, то опускаться, и мы невольно завидовали участи тех, кои предпочли верховую езду каретам. Они ехали до самого водопада, а мы усталые, истомленные должны были брести пешком не только туда, но и на обратном пути.

Достигнув водопада, мы нашли хороший обед, принесенный неграми Кельхена из его загородного дома.

Очаровательное зрелище водопада заставило нас на время забыть усталость и предстоявший обратный путь. Он течет с вершины горы, имеющей до 25 и более саженей отвесной высоты, но только в некоторых местах падает вертикально на вышине двух или трех саженей, впрочем, везде течет по отлогости горы. По сторонам растет высокий лес, отчего водопад снизу особенно приметен. Живописец наш Карнеев снял вид оного.

На возвратном пути Кельхен сделал мне большое одолжение, предложив ехать вместе с ним на осле его, чем я весьма много выиграл перед прочими из моих товарищей. Вечером все благополучно прибыли в город и, невзирая на усталость, отправились прямо в театр.

Так как мы оставались в долгу у наших гостеприимных соотечественников, то и положили для них сделать сбед. По сделанному приглашению от имени офицеров шлюпа «Благонамеренного» посланник двора нашего, гости с берега с фамилиями ⁷⁶ и офицеры трех остальных шлюпов прибыли на наш корабль 20 ноября в 3 ч. пополудни. Наш шлюп был убран весьма красиво флагами. Обед готовился на берегу во французском трактире. Стол был накрыт на 75 персон, отлично хорошо сервирован и продолжался до 8 ч. вечера. После обеда шканцы нашего шлюпа обратились в паркет; для музыки был нанят весь театральный оркестр, игравший и за обедом. Мы повеселились до 4 ч. утра, а как к разъезду начинал накрапывать дождь, то развозили мы дам сами, в наших шинелях и с таким вниманием, как, казалось, им совершенно угодили. Португалкам весьма понравилось наше варенье, которого мы на другой день к некоторым и послали в подарок.

21-го генерал Тейль-фон-Сераскеркен посетил наши шлюпы и был принят с должной почестью. Люди стояли по реям и кричали ура. Осматривая «Благонамеренный», посланник много шутил насчет убранства моей каюты, которую я старался сколько возможно украсить. В этом надобно отдать должную справедливость многим морским офицерам. Маленький свой уголок убирают они весьма красиво и с большим вкусом. Спрашивая от нас писем в Россию и желая нам счастливого пути, генерал просил, чтобы, возвращаясь в отечество, мы непременно его посетили. Мы благодарили его, и я сказал, что обратный наш путь будет не здесь, а через Архангельск или Гудзонов залив. Посланник засмеялся и сказал мне:

«Я этого ожидал от Вас и искренне желаю самого счастливого исполнения вашим предположениям».

Скоро по отбытии его превосходительства на берег шлюпы Южной экспедиции снялись с якоря и пошли в море, но за противным ветром, остановившись у крепости Санта-Круц, рано поутру при маловетрии между севером и востоком опять снялись с якоря, равно и английская эскадра и пошла в Rio de la Platta. Почти вслед за нею снялся шлюп «Открытие» и пошел буксиром. Мы стояли еще на якоре, укладывая остальные дрова и разводя крыж. За сделавшимся штилем «Открытие» дол-

жен был скоро остановиться, а мы, снявшись с фертоинга, оставались до 6 ч. на одном якоре.

В 6 ч. утра [22-го] при продолжавшемся штиле шлюп наш снялся с якоря, и нас под всеми парусами с попутным течением тащило вдоль по фарватеру к крепости Санта-Круц, где уже стоял «Открытие». Рейд был чист, и на пути не было ни одного судна. Пока убирались мы с якорем, нас уже довольно протащило.

При наступившем маловетрии между югом и востоком мы с помощью буксира подошли к «Открытию» и близ него стали на якорь. Вскоре нас подрейфовало и понесло на «Открытие» так, что оба шлюпа едва миновали один другого. Полагая, что якорь наш попал на худой грунт и запутался, мы завозили верп, но он также не задержал, и шлюп остановился уже тогда, как завезли стоп-анкер. Таким образом мы простояли всю ночь. Сего числа приезжали к нам старшие лейтенанты с французской эскадры для проверки своих наблюдений с нашими. Тогда же приезжали с брандвахты и крепости по офицеру спросить нас, куда мы едем и какой нации наши суда, тогда как флаг наш лучше всего сие показывал.

Течение в сем месте у Санта-Круц весьма быстро, ибо в самом узком месте прохода мы стояли на глубине $19\frac{1}{2}$ сажен; грунт — синий ил с ракушками; от вышеозначенной крепости на северо-запад 49° , в одной версте *. Осматривая якорь, мы точно нашли его запутанным с канатом, отчего и сдрейфовало нас на глубину 32 сажен. В 6 ч. утра [24-го] при прежнем маловетрии, мы подняли верп и якорь, поставили все паруса и с буксиром пошли в море, через час, при сделавшемся ветре от северо-северо-запада, буксир оставили, подняли все гребные суда и поставили лисели. В 8 ч. имели остров Раицо по правому компасу на юго-запад в $5\frac{1}{2}$ милях.

В полдень подул бом-брамсельный ветер от востоко-юго-востока, отошедший скоро к востоку; мы стали держать SSO, и ввечеру скрылись у нас из виду бразильские берега.

Во время пребывания нашего у Рио-Жанейро мы видели приход к оному судов из Африки, наиболее из

* Так в подлиннике.

Англии, с неграми и торг сими невольниками. Зрелище сие и участь сих несчастных возбудили в нас живейшее сострадание.

Хотя уже до меня много было говорено о сей позорной торговле, но я не почитаю лишним рассказать здесь о ней то, чему сам был очевидным свидетелем. На судах, приходивших в Рио-Жанейро с невольниками, сделаны были в трюме, к борту клетками нары, из которых в каждую влезал негр через узкое четвероугольное отверстие, и там лежал он, запертый выюшкой с запором. В сем тесном положении страдальцы сии не только не имели возможности быть между собой в общении, ибо разделялись один от другого дощатыми стенками, но и едва могли поворачиваться. Таким образом нагружали их иногда вместе до 900 человек. На одном судне я видел их 747, на другом 850 и еще на малом бриге 450. Воздух у них до такой степени был сперт, что, посетив однажды одно из таковых судов, при всей моей крепости, я не мог сойти в трюм. По неимению у шхиперов большой команды, негров из трюма во время плаванья не выпускают ни для каких нужд и надобностей. Случается иногда, и даже нередко, что умершие лежат в своей норе по два и по три дня сряду, ибо когда им раздают пищу, то матрос, которому сие поручается, отпирая пробку каждой клетки, бросает заключенному одну кукурузную шишку на целые сутки и запирает его опять железным засовом, не окликаая каждого. Таким образом умерший лежит несколько суток в числе живых и наравне с ними получает жалкую порцию. Пить им дают весьма редко и то в самом малом количестве, ибо бочек с водой соразмерно числу их поставить негде. Если же вода и есть, то оной едва достает на корабельных служителей. Между заключенными бывают и беременные женщины, которые от перемены своего родного, чистого воздуха на столь испертый и душливый и от несносной жажды, рожают прежде времени, и ребенок поневоле, хотя бы он был самого здорового сложения, должен умереть в своей конуре, не видев света. После всего этого нужно ли еще упоминать о воздухе, которым алчное корыстолюбие осуждает дышать несчастных негров, вымениваемых большей частью на самые пустые мелочи или покупаемых за

весьма низкую цену. Даже в сараях, куда выгружают их по свозе на берег, воздух бывает нестерпим.

Упоминая здесь о сем ненавистном торге, я говорю потому в настоящем времени, что... как известно, и теперь еще нередко захватывают суда, торгующие неграми. Хозяева таких судов и даже матросы бьют их без пощады, особенно если некоторые из шхиперов велят часть своих невольников выпустить на воздух. При выводе их наверх люди стоят перед ними в готовности к обороне; однако до сих пор еще бунта от негров на сих судах не случалось. Когда, таким образом, одни из них выводятся на воздух, то прочие очищают их нары от нечистоты; через два или три часа их ведут обратно и запирают, а на смену им выводят других. В случае сильных дождей дают им пить более обыкновенного, иногда даже и всякий день. Должно заметить, что при выводе негров на палубу ставят их на навесы, устроенные над водой у галюна или у кормы таким образом, что если они окажут хотя малейшие покушения к бунту, то в одно мгновение все будут за бортом.

Упомянутые мной суда употребляют на свое плавание от Африки до Рио-Жанейро от 35 до 40 дней, но, по словам шхиперов, более трех или четырех таких переходов в год сделать не могут.

На том из судов, бывших при нас у Рио-Жанейро, где находилось 747 негров, умерло их 150; на другом из 850—217, а на третьем из 450—45. От недостатка пищи и питья, от худого воздуха и от перемены жизни заключенные большей частью впадают в сухотку и страдают кровавыми поносами. Заразы на подобных судах, хотя весьма редко, однако случались. По прибытии их в порт они идут прямо в карантин, где очищаются на самом карантинном острове. Такие суда, приходя в Рио-Жанейро, означают себя поднятием на фор-брамстенге установленных для сего двух флагов. По прибытии судов негров немедленно выгружают в нарочно построенные для сего каменные сараи, занимающие целую улицу, и там отделяют мужчин на одну, а женщин на другую сторону. Тут их кормят уже лучше и дают им в довольном количестве молотую кукурузу, обваренную кипятком. Сажают их артелями, человек по двадцати, на пол, ставят между ними с кормом чашку, и они едят, сложив вместе три большие пальца напо-

добие ложки. Пить воды дают им сколько угодно, но если случается между ними некоторый шум, большое движение или разговоры, то бьют их без всякой пощады. Присматривающие за ними и их порядком не выпускают из рук ни на минуту длинного и жесткого кнута и стараются быть всегда на месте, чтобы видеть движение каждого негра, которых в случае малейшего шума бьют, сами не трогаясь с места, хотя бы то за шесть и более сажен длинным своим кнутом с удивительной меткостью; если случалось, что таковой по неосторожности выбивал у негра глаз, рассекал нос или лицо, то за сие хозяин делал ему самому наказание или лишал места. В сараях сих отдыхают они после трудного путешествия, проведенного в убийственном заключении.

Когда в сарай, наполненные привезенными неграми, является покупатель, то несчастным сим, посредством свистка или удара обо что-либо палкой, приказывают вставать, и они осматриваются подобно скоту, назначенному в продажу. Нередко для узнания, здоров ли негр, бьют его палкой или плетью, замечая, будет ли он от сего морщиться, смотрят у него зубы и т. п. Радость весьма приметна на лицах у тех, кого купят. За взрослого и здорового мужчину платят обыкновенно от 12 до 20 дублонов⁷⁷, что составит на наши деньги от 900 до 1 600 р., за малолетних же и за женщин почти вдвое менее, смотря по росту, здоровью, а иногда по красоте лица и сложению. Если покупают женщины, которых купцы уже хорошо знают, то за хорошего мужчину требуют до 2 800 р. и более. Такие негры бывают обыкновенно весьма счастливы своим состоянием и часто богатеют. Португалец, купивший негров, считает их своей собственностью и думает, что имеет полное право располагать ею по своему произволу...

Когда мы входили в сарай смотреть негров, то их заставляли плясать под их же песни. Для любопытства достаточно видеть один раз сие зрелище, но повторять оное слишком жестоко. В несчастном своем положении, полумертвый от истощения негр должен еще веселиться! Если же который из них наморщится, то бьют его немилосердно кнутом по голому телу, обыкновенному их костюму. При выгрузке сих невольников из кораблей в сарай многие, выходя на свежий воздух, полу-

чают удары, а некоторые и умирают. Впрочем, когда они несколько пооправятся, то становятся живы, умны, расторопны, ловки, иные даже замысловаты и, по большей части, добры. Негры почти все без изъятия весьма переимчивы, усердны, преданы и верны своим господам; скоро приучаются ко всякой домашней прислуге и чрезвычайно тверды головой, на которой носят великие тяжести. Их употребляют преимущественно на обрабатывание кофейных плантаций. Кстати о сих последних. Тесть нашего вице-консула Кельхена, родом француз, был прежде в Западной Индии и разводил там кофейные плантации, а за несколько времени перед нашим приходом в Бразилию поселился в Рио-Жанейро по сему же предмету. Он развел там до 250 тысяч кофейных дерев, которые приносят ему ежегодно дохода до 250 тысяч франков. На плантации его беспрестанно зреет кофе, и работа производится непрерывно, так что, начиная с одного края, доходят последовательно до конца плантации. Между тем на первых деревьях плод успеет созреть, и его начинают собирать снова. По уверению тестя Кельхена, в Бразилии земля для разведения кофе гораздо лучше, нежели в Западной Индии, ибо здесь молодое деревцо, от того времени, как посажено, через 15 месяцев уже приносит плод. Говорят, что кофе разведен в Бразилии не более как за 45 лет до нашего в ней пребывания, а вывозится его весьма много, даже, как уверял меня Кельхен, до 50 тысяч мешков, каждый в 5 и 5½ наших пудов. Здешнее сарачинское пшено бывает почти всегда с примесью песка, чему причиной, должно полагать, худое его обрабатывание. Ром бразильский имеет весьма дурной запах, почему и продается дешево. Недавно шведский консул начал очищать оный и, отбивая у него запах, делает [его] гораздо лучшим; фрукты здешние, которых очень много, не весьма хорошего вкуса. Из них хвалят только манго⁷⁸, но мы не могли судить о нем, потому что в бытность нашу у Рио-Жанейро плод сей еще не созрел.

Строевого леса здесь весьма довольно, так что и португальский флот строится из бразильского дерева; но как оно растет во внутренности берега и доставка его затруднительна, то и продается не дешево. Дрова также дороги, но зато весьма жарко горят; покупают же их не мерой, а на вес.

В Рио-Жанейро есть весьма примечательная досто-
памятность. Это водопровод, начинающийся от одного
небольшого водопада, находящегося около горы, назы-
ваемой Попугаева голова, и отстоящего от города вер-
стах в 8 или 10. Вода от самого водопада течет по ка-
менному жолобу, устроенному на каменных же арках,
постепенно снижающихся к городу, сперва идет она
около горы, потом на двойных арках переходит через
глубокую долину до другой горы, которую, обойдя, опять
на двойных же арках доходит до третьей и отсюда уже
в город, где в разных местах устроены башни с кра-
нами, откуда жители берут воду. Другой воды в городе
нет, а чтобы оной всегда было достаточно, то к перво-
му водопаду проведена вода от второго, на расстоянии
одной или полуторы мили, посредством жолоба. Над
жолобом сим от начала и во всю длину его построена
из кирпича крыша выше роста человеческого для пре-
дохранения воды от солнечных лучей, которыми бы она
могла нагреваться, и от сора. Для прохода же воздуха
сделаны в ней продушины или окна, отчего вода во
всякое время прекрасна и наливаться оною приходящим
судам довольно удобно.

На площади, близ дворца, у самой пристани по-
строена башня с кранами, куда доходит вода из сих
желобов. Баркас, подходя с бочками прямо под краны,
наливает [их] через ватер-шланги, не выкатывая оных,
что и предохраняет их от скорой ломки. Купеческие
суда принуждены бывают иногда выжидать один дру-
гого, военные же имеют на сие преимущество, только
должны отнестись и предупредить о сем в порте.
Тогда делаются по сему должные распоряжения, и да-
же дают бот, особенно для сего устроенный, в котором
наливается воды 120 пинт или слишком 4 тысячи ве-
дер. Хотя за бот сей и платится в казну 20 талеров,
но как воду позволяется брать даром, то своими бар-
касами наливаются весьма многие.

Порт Рио-Жанейрский прекрасен. Хотя вход в него
и узок, но зато берег весьма приметен высокими мы-
сами и горами, около его лежащими. Из последних са-
мая приметная Попугаева голова, открывающаяся с
весьма дальнего расстояния, лежит на левой стороне
входа и названа так потому, что вершина ее издали
точно походит на голову попугая с носом,

Острова, лежащие перед входом в порт, также весьма приметны. Из них один, называемый Редонда, совершенно кругл и издали похож на стог сена, почему его нельзя не отличить от прочих. Другой, к востоку от него, именуемый Рацца⁷⁹, находится несколько ниже его, и при нас на нем строился маяк. Прочие острова, хотя не так приметны издали, но не опасны, и ко всем из них можно плыть на ближайшее расстояние. Есть еще другая гора, называемая Сахарной головой, по сходству своему с сей последней. Она несколько наклонна на одну сторону и окружена низменностью, следовательно, также весьма заметна. Она в самой узкости прохода, на левой стороне одного и окружена батареями, а против нее вправо, не доходя порта, построена трехъярусная каменная крепость Санта-Круц. Порт укреплен превосходно. Если идти его серединой, то ядра⁸⁰ будут доставать с обеих сторон: с крепости Санта-Круц и с батареи, устроенной около Сахарной головы. Несколько далее в губе, пройдя сии укрепления, стоит на островке еще небольшая каменная же крепость, а за нею, на подобном же острове, другая такой же величины. Крепостцы сии должно оставлять в левой руке, с правой же, на выдавшихся мысах, поставлены батареи. Пред самым городом лежит остров de Kobrass (змея)⁸¹, во всю длину которого построена крепость, защищающая город с морской стороны как нельзя лучше. Рейд весьма обширен, совершенно безопасен от всех ветров как для военных, так и для купеческих кораблей, и хотя имеет отлив и прилив на юго-восток и северо-запад, но не всегда регулярно. В нем нет никаких скрытых или подводных банок, есть множество островков с селениями или магазинами; грунт везде хорош: зеленая глина с песком, глубина от 20 до 30 сажен. Военные суда становятся обыкновенно ближе к городу, на глубине от 7 до 12 сажен по восточную сторону города; на северной же находится обширная гавань, где стоять весьма покойно. Она занимается купеческими судами или теми, кои имеют нужду в починке. По наблюдению нашему, деланному в продолжение почти целого месяца, Рио-Жанейро лежит в широте 22°54' S, в долготе 43°10' W от Гринвича. Сия столица Бразилии находится на левой стороне от входа на юго-западной стороне залива, и можно сказать, почти между горами, на самых верши-

нах коих построены монастыри. Путь к оным довольно труден, однако мы в некоторые отправлялись на моление. Город довольно обширен, выстроен изрядно, но некрасиво. Улицы весьма узки, не чисты, вымощены большими камнями и [так] как мостовая поправляется весьма редко, то имеет множество выбоин. В самом городе живут, кажется, только купцы и мастеровые, ибо под каждым почти домом, которые здесь все кирпичные, выбелены и большей частью двухэтажные, в нижних находятся открытые лавки. Они не имеют на улице окон, а заслоняются от жару карнизами, что весьма хорошо по тамошнему теплему климату. Во многих домах вместо окон делают деревянные решетчатые рамы. От тесноты улиц, большого населения в городе и малой опрятности в домах воздух в городе всегда сперт и неприятен для обоняния; впрочем, сами жители одеваются чисто и опрятно. На улицах немного видно белых, кроме разве в 5 или 6 ч. вечера, когда начинается прогулка. В другое же время встречаются одни нагие негры, которые или торгуют плодами, или, валяясь по земле, играют на своих инструментах, сделанных из простой деревянной дощечки, на которой набиты разной величины и толщины стальные или железные прутики, загнутые с одной стороны кверху. Негры, ударяя по оным пальцами, производят разные звуки и к тому еще припевают, отчего на улицах Рио-Жанейро всегда бывает ужасный шум, к которому европейское ухо не скоро может привыкнуть. По сторонам улиц сделаны узкие тротуары, вымощенные плитой и весьма удобные для ходьбы, но как случается, что из домов льют нечистоты прямо на улицу, не обращая внимания, идет ли кто внизу или нет, то сие удобство много от сего теряет. По сим причинам все значущие и богатые люди живут за городом в хороших домах и имеют сады или кофейные плантации, что делает окрестности Рио-Жанейро прелестными. Кажется, что климат сего места позволяет с малыми трудами и еще с меньшими издержками разводить какие угодно сады, однако же хороших [садов] здесь нет, может быть от того, что жаркий климат располагает жителей к лени. Город, как я уже говорил, стоит в долине, окруженной горами и пригорками, на сих последних также находятся дома и сады. Зданий хорошей архитектуры нет, а все выстрое-

ны весьма просто, даже самый дворец, построенный при набережной на площади, не изящной архитектуры и более походит на дом частного человека; напротив того церкви, коих в городе 13, хотя и в старинном вкусе, но внутри убраны с большим богатством.

К Рио-Жанейро приходит множество кораблей из Европы, которые вывозят оттуда ром, сахар, кофе, сарагинское пшено и лес, а туда доставляют все для общежития потребные вещи. Английские купцы имеют в сем городе большую выгоду пред прочими, ибо платят за привоз своих товаров только 15 процентов, тогда как все другие 24. Такой трактат, заключенный покойным королем с Англией незадолго перед нами, делает, что все лавки в Рио-Жанейро набиты английскими товарами.

Жителей сей столицы, как рассказывал мне секретарь здешнего губернатора, говоривший по-итальянски и с которым я хорошо познакомился, полагают, до 145 [тысяч], а число негров к белым содержится как 12:1. Войска здесь португальцев два полка, до 3 тысяч человек пехоты и 1 000 конницы, а остальные из мулатов⁸², составляющие род милиции и весьма немногочисленны.

С прибытием короля в Бразилию португальцы беспрестанно поселяются в сем крае, покупая земли, но число таковых еще неизвестно.

Когда мы съехали в первый раз на берег для осмотра окрестностей города, то по выходе за оный были во все время преследуемы гвардионом⁸³, который на вопрос мой о причине сего отвечал, что так как мы иностранцы, то начальство и послало его для присмотра за нами, ибо прогулка за городом без билета воспрещается. Таковая почесть была нам сделана потому, что мы были во фраках, в другой же раз, находясь в мундирах, мы [его] не заметили. Нас провожал только за ворота, с большою почтительностью, стоявший в карауле офицер, который, на рассказ наш о происшедшем с нами в первую нашу прогулку, сначала не хотел верить, чтобы за нами так внимательно наблюдали, но когда услышал, что мы тогда были во фраках, то объявил, что в сем костюме и куртках иностранные матросы делают много шалостей, даже роют за городом землю, отыскивают дорогих каменье, почему еще до приезда сюда короля таковая

прогулка была вовсе воспрещена, ныне, смотря по лицу, или попрежнему вовсе не допускается, или дается тайный провожатый. Офицер говорил нам, что всего бы лучше было, если бы мы взяли от городского начальства билет, но как мы были иностранцы, не знавшие сего постановления, то и не поступили таким образом.

Берег, окружающий порт Рио-Жанейро, состоит из гор, между коими находится множество болот, наполненных разными гадами, отчего здешний климат не слишком хорош и даже, можно сказать, тягостен, особенно для северного европейца. По сей причине у нас каждый день были больные, большей частью головой или поносами, но трудных еще не случалось. Рио-Жанейровские жители чувствуют также тягость своего климата, и редко увидишь между ними полного и здорового человека. Почти все они бледны. Еще весьма много освежается здешний воздух ветром, который в сих широтах дует обыкновенно днем на берег и, так сказать, выдувает дурной и нечистый запах; ночью же направление его идет от берега в море⁸⁴, и термометр, в бытность нашу здесь, в самый знойный полдень показывал 29°, а иногда и не выше 15 градусов⁸⁵. В Бразилии есть род блох белого цвета⁸⁶, кои живут более на полу, в пыли. Насекомое сие, проходя сквозь чулок, вливается весьма нечувствительно в ногу, особенно у тех, кои тело свое содержат неопрятно, разводит там яйца и причиняет множество ран, так что запустивший их бывает неизлечим. Пример сему случился при нас с одним русским купцом, отставшим от шлюпа «Аполлона». Он весьма сильно страдал от сих животных, расплодившихся у него в ногах, и чем оно кончилось по отходе нашем — неизвестно. Говоря о загородных наших прогулках, я забыл рассказать следующий случай. По приходе нашем в Рио-Жанейро капитан, я и мичман с несколькими людьми съехали на противный городу берег стрелять и, не зная места, зашли в чей-то сад. Я был вдвоем с унтер-офицером, а капитан с мичманом; для лучшего успеха в охоте пошли совсем в противную сторону. Несколько минут спустя бежит ко мне отчаянный португалец с ножом в руке (я был в летней куртке и круглой соломенной шляпе) и начинает кричать, замахиваясь мне ножом в живот. Видя его исступление, я прицелился в него и

сказал ему по-португальски, что если он не перестанет шуметь на иностранца, который по незнанию их обыкновения и дороги нечаянно зашел в сад, то буду стрелять по нем прямо в лицо и велю то же сделать матросу. Едва успел я сие сказать, как на крик его сбежались девять человек негров, видных собой и с дубинами. Я объявил им, что если который-нибудь из них тронется против нас, то я такового непременно убью и с сими словами велел унтер-офицеру также приложиться по их хозяину. Ружья наши были заряжены дробью. Долго кричал португалец, что это его собственный сад и что никто не имеет права входить в него. Наконец, я предложил ему показать нам из него дорогу и велел ему идти впереди, на случай какой-либо с его стороны дерзости. Вышед на свободу, я обещал ему, что за подобное оскорбление иностранца он подвергнется ответу, и был свидетелем уже не крика и угроз его, а самого подобострастного извинения, с коим, ползая в ногах моих, он просил прощения. Скоро по разлучении с ним я встретился с капитаном, который имел такое же приключение и с тем же самым португальцем. Хотя встречи сии и не могли нам быть приятны, но мы решились оставить оные без дальнейшего внимания. Надобно заметить, что португальцы, живущие в Бразилии, особенно низший класс людей, весьма грубы и даже дерзки, но, в случае жалобы на них, наказываются весьма строго.

Природных жителей Бразилии в Рио-Жанейро нет. Они живут в горах и редко показываются в городе. Нам рассказывали, что они прокалывают в ушах дыры и носят в них листья, подобно обитателям многих островов Южного моря. Женщины прорезывают себе нижнюю губу и вставляют в оную кусок дерева, как наши колошанки ⁸⁷.

В первые дни прихода нашего в Бразилию погоды стояли весьма дождливые, так что мы отчаивались поверить наши хронометры, но последнее время все вознаградило.

Быв содержателем кампании ⁸⁸, я запасаюсь здесь живностью, между прочим баранами, которые хотя и весьма тощи, но зато дешевы — по 12 р. каждый; утки, индейки и куры, составлявшие главный наш запас, хороши, но зато и дороги: за первых платили мы на русские

деньги около 4 руб., за куру 2 р. 50 к., индейку от 5 до 6 руб., яйца которых мы заготовили в поход, укладывая в бочки и заливая жиром, по рублю за десяток; за 20 тыкв платили 5 руб.; за таковое же число арбузов ту же цену; за кокосы дешевле; за арбу⁸⁹ картофеля 4 р., за сотню лимонов рубль, а апельсинов 2 р. 50 к.; масло в Рио-Жанейро весьма дорого. Прочее продовольствие довольно дешево; лучшее мясо, но не совсем жирное, по 10½ к. фунт, хлеба белые, которые нам поставлял француз как в Рио-Жанейро, так и для дороги, величиной немного более наших восьмикопеечных, 25 копеек штука; арба сахарного белого песку, составляющая наших 36 фунтов, 17 р. 50 к., а лучшего кофе 20 рублей. В роме и вине мы не имели нужды, ибо запаслись оными на долгое время в Копенгагене, где предметы эти несравненно и лучше и дешевле, нежели в Бразилии. Расплату делали мы испанскими пиастрами, каждый [с] [не]большим в пять рублей.

Глава IV

Плавание от Рио-Жанейро до мыса Доброй Надежды и оттуда на юг для открытий. — Прибытие в порт Жаксон. — Некоторые замечания о сей стране и об английских колониях в Новой Голландии.

При оставлении Рио-Жанейро мы имели 10 человек больных. Таково было влияние бразильского жара и воздуха. К счастью, из сего числа не было ни одного трудного, почему они все скоро и оправились. Мы плыли при тихой погоде; только ночью несколько раз сверкала молния.

С 26 ноября по 18-е следующего месяца мы продолжали наше плавание большей частью при умеренных ветрах и жаре от 17 до 20 градусов; часто шел дождь, сопровождаемый иногда довольно сильными шквалами и порывами, и мы несколько раз разлучались с «Открытием». В продолжение сего времени выбросили у нас еще 54½ пуда испортившихся сухарей.

При крепком ветре с порывами от юго-юго-запада и облачной погоде 18 декабря, в первый раз по выходе из Рио-Жанейро, увидели мы альбатросов ⁹⁰. В сей же день, достав из трюма воду, запасенную нами в сем порте, мы нашли ее весьма кислой, почему телеграфом о сем уведомили начальника экспедиции. Капитан наш просил его зайти к мысу Доброй Надежды как для перемены воды, так и для того, чтобы вытянуть ослабший такелаж и перевязать к большей широте другие

паруса. Шишмарев представлял, что для сего довольно трех дней в Столовой губе, откуда во всякое время можно свободно выйти, а между тем служители воспользуются свежим мясом. На это с «Открытия» отвечали, что когда сделается тише, то Васильев будет просить нашего капитана к себе. Поутру 19-го стихло, и «Открытие» сделал нам сигналы сначала приблизиться, а потом просил к себе обедать.

В полдень, окончив обсервацию и вычисления, капитан нашего шлюпа и я отправились на «Открытие». Там Васильев объявил свое намерение не заходить к мысу Доброй Надежды, представляя, что вследствие предписания нам надобно идти еще к югу, а чтобы скорее поспеть в порт Жаксон, то не должно терять несколько времени и что у него вода весьма хороша, на нашем же шлюпе могло испортиться ее только несколько бочек, к тому же у него все служители были здоровы. Вечером мы возвратились домой. Ночью спустили у нас бомбрам-стенги в росторы, переменили брам-стенги и подняли штормовые по причине, что в больших широтах бывают крепкие ветры и бури. Сего же числа по приказу командира шлюпа за усердную службу нижних чинов команде выдано было в награждение третное жалованье, а некоторым замеченным слабее, — по червонцу.

22-го во время штиля, несколько позже полудня, натуралист наш и штурман ездили на ялике для испытания теплоты морской воды.

Течение моря примечено по правому компасу прямо на север, пол-узла в час. В это же время я делал опыт над пустой бутылкой⁹¹, закупорив ее сколько можно крепче, я залил пробку сургучом и опустил на глубину до 70 сажен. Вытащив, мы нашли ее полную соленой воды, и пробка была заткнута обратно, сургучом книзу.

В 7 ч. утра [23-го] увидели берег Африки около мыса Доброй Надежды, а в полдень пеленговали Столовую и Львиную горы и явно держали туда при умеренном северо-западном ветре. Поверив ход хронометров и определяя место шлюпа на карте, мы спустились, к общему сожалению, от мыса Доброй Надежды к югу, для открытий, во льды.

С полуночи при облачной погоде и дожде подул рифмарсельный ветер с порывами и к утру так скрепчал,

что мы должны были взять все рифы и закрепить крьюсель. Волнение было велико. Тут в первый раз мы увидели китов, во множестве плававших около нашего шлюпа.

В полночь вдруг сделалось маловетрие, а вскоре и штиль. При большой зыби от запада шлюп качало нестерпимо. Небо обложилось густыми облаками, и пошел дождь. К утру задул северо-северо-восточный ветер; перейдя к северо-северо-западу, он стал мало-помалу крепчать и вскоре обратился в шторм.

Идя на фордевинд, мы принуждены были иметь только рифленные грот-марсель и фок. Дождь лил сильный, с громом и молнией, и такелаж наш был несколько ослаблен. В продолжение большой качки ночью ослаб он еще более, и малейшая неосторожность могла бы подвергнуть весь рангоут разрушению.

27-го с 6 ч. вечера до 10 утра продолжался жестокий штормовый порыв, походивший на ураган до того, что нельзя было стоять наверху, не державшись. Некоторые из служителей, оплошавшие, были снесены на палубу и сильно ушиблись. Мне еще не случалось видеть подобного ветра; стоя против него, нельзя было ни глядеть, ни дышать свободно. Визг и треск такелажа и рангоута были ужасны. У нас отдали грот-марса-фал. Люди стояли на брасах и стаксель-фале. Один догнавший нас вал хлынул в корму, залил каюты и палубы, и все там бывшее поплыло; свиньи, овцы и множество кур от соленой воды подошли. В 10 ч. [28-го] стало тише. Гром и молния, бывшие над нашей головой, удалились, и дождь перестал.

В полдень снова подул крепкий ветер с порывами, и полил дождь. Термометр упал до $12\frac{3}{4}^{\circ}$. К ночи стало яснее, ветер тише, и мы прибавили парусов.

29-го буря затихла, и настал штиль, но качка продолжалась с такой силой, что ни ходить, ни стоять без лееров было невозможно и при брании высоты солнца должно было привязать себя к борту.

30-го в 10 ч. вечера при брамсельном ветре видели мы метеор: с высоты 45 сажен летел огненный шар, в диаметре около одного фута, и через 10 секунд с треском рассыпался около нас, на высоте 10 сажен.

31-го ветер засвежел, начали находить шквалы, и мы принуждены были убавлять парусов.

Новый год встретили мы сильной грозой с дождем. Часто находили шквалы, и за одним из них, весьма жестоким, последовал град, продолжавшийся около часа; мы были принуждены убрать паруса и отдать грот-марса-фал.

Погода сия продолжалась пять дней и к 6 [января 1820 г.] несколько стихло, так что мы могли вступить под паруса.

В течение сего времени была у нас сильная качка, ночью мы показывали свои места фальшфейерами; тогда же случилось, что плывший кит пустил фонтан и, взяв выше нашего шлюпа, облил палубу.

6-го мы несколько отдохнули, и хотя ветер затих, но наступавшие иногда шквалы и дожди заставляли нас опасаться новой бури. Между тем шлюп наш продолжало качать с такой силой, что 10-го волнением разбило совершенно висевший на боканцах наветренный ялик, выломило около гакаборта, с наветренной же стороны, две доски, сдвинуло камбуз на сторону и бывшего на вахте мичмана Шишмарева больно ушибло, бросив его по ветру на пушки.

Опасения наши сбылись, и 11-го числа вскоре пополудни сделался жестокий шторм, так что мы закрепили фор- и грот-марсели, а фок и грот взяли на гитовы. На ночь, следуя «Открытию», привели бейдевинд на правый галс. Пока не исполнили сего, то румпель гнуло с такой силой, что мы положили на него шкалы и заложили руль-тали, спуская для сего человека за борт в тиммерманских брюках. Иногда шел дождь, и мы для показания своих мест жгли фальшфейеры. В самую полночь шлюп «Открытие» перестал отвечать. Мы полагали посему, что он ушел вперед, и на рассвете также его не видели даже с салинга.

Уже четыре дня как мы опять протянули на шканцах леера, иначе ходить было невозможно, ибо шлюп ужасно качало, било руслениями, и мы совсем ничего не варили, а ели как ни попало. Сколько ни выносили из кают воды ведрами и ушатами, но оные беспрестанно вновь заливались, и мы при шуме плавающего в соленой воде скота, ужасного скрипа шлюпа и качания помп, днем с огнем сидели, закупорившись в каютах. С полуночи сделался сильный шторм с жестокими порывами, и мы лежали бейдевинд под одной рифленой

штормовой бизанью, а на рассвете увидели далеко впереди шлюп «Открытие» и около нас много китов.

К полудню ветер постепенно стихал, мы несколько спустились, прибавляя парусов, и держали полный бей-девинд, но волнение продолжалось. Заметив, что при штормах на фордевинде грот- и бизань-топы погнуло вперед, мы заложили назад по двое сей-талей.

Продолжая плавание при брамсельных ветрах, мы увидели 15-го числа, в 5 ч. вечера, к востоку, что-то похожее на берег, цветом красноватое и довольно высокое. С «Открытия» телеграфом спросили у нас, не видим ли мы берега. Мы отвечали, что видим, но сомневаемся в его истинном существовании по причине довольно большой пасмурности. В самом деле, пройдя несколько, мы уверились, что явление сие происходило от тумана. Мало-помалу начало стихать, и 23-го мы уже могли испытать теплоту морской воды. Термометр показал: на глубине 200 сажен $9\frac{1}{2}^{\circ}$, на поверхности воды 10° , а на воздухе $12\frac{1}{2}^{\circ}$.

Вечером капитан и я ездили на «Открытие».

Около вечера 25 генваря начали опять находить шквалы, и мимо нас несло много травы.

Вечером 1 февраля мы видели множество китов и морской травы и еще птичку, похожую на кулика.

4-го опять испытывали теплоту воды и нашли: в глубине 200 сажен 6° , на поверхности $10\frac{1}{4}^{\circ}$, а на воздухе 10° . Ночью во время тумана разлучились с «Открытием», но поутру снова соединились.

В полдень 5-го видели морских черных птиц, бурных и касаток.

7-го, в 5 ч. утра, нашла зыбь от юго-запада и произошла весьма сильное, неправильное волнение, которым при маловетрии шлюп ужасно качало. Однако, невзирая на сие, мы ездили на ялике обедать на «Открытие». В сей же день видели стадо морских куличков, летевшее к северо-востоку.

10-го лил проливной дождь, и мы заметили, что морская вода, имевшая с 6-го числа цвет зеленоватый, сделалась опять синей. С полуночи подул свежий риф-марсельный ветер с порывами, и мы принуждены были взять у всех парусов рифы. Волнение было сильное; шлюп «Открытие» под одним грот-марселем уходил вперед. Между тем ветер крепчал, а мы к нашим парусам

не могли ничего прибавить, ибо и так уже несли их не по ветру. В 10 ч. утра «Открытие» ушел вперед и скрылся; [там] не могли ничего убавить, ибо [«Открытие»] нес только один рифленный грот-марсель. Этого, как я упоминал еще выше, мы ожидали при самом выходе из Кронштадта. При столь видимой разности в парусах и в тяжести, лежавшей на снастях и рангоуте, мы же еще и отставали. Кроме сего, облегчая служителей, мы брали рифы тогда, когда уже невозможно было нести парусов без большого вреда, а «Открытие» делал сие всегда заблаговременно, до усиления ветра. Когда у него по силе ветра взято уже было у марселей по 2 и 3 рифа, мы принуждены были нести брамсели, почему разность в работе для команды была весьма ощутительна.

11-го начали опять находить шквалы с дождем, а с полуночи сделался ундер-зейль с жестокими порывами, так что при взятии всех рифов должно было отдать грот- и фор-марса-фалы. Волнение сделалось весьма сильное и с такой силой качало наш шлюп, что в каюте и в палубе опять все заплывало, и мы беспрестанно отливали воду помпами и ведрами. К полудню затихло, но вдруг к 7 ч. вечера нашел неожиданно жестокий штормовый порыв с градом и продолжался около часа. У нас отдали марса-фалы, а крепить их не было возможности. Скоро стало стихать, и мы подняли марса-фалы, но с полуночи начали опять находить шквалы от юго-запада. К утру [12-го] сделалось тише, и мы по возможности прибавили парусов.

С 13-го стали дуть умеренные ветры, а 15-го, в 5 ч. вечера, мы увидели, при пасмурной погоде берег Новой Голландии и стали держаться к северу; бросая лот на 170 сажен, не доставали дна; ночью подняли брам- и бом-брам-стенги с их реями, а в 4 ч. утра усмотрели на высоте огонь, показывавшийся через полторы минуты и светивший 15 секунд. Это был маяк, построенный у входа в порт Жаксон⁹². На рассвете он открылся нам вместе с берегом, и мы тотчас к нему спустились. Подняв гюйс на фор-брам-стенге, при пушке, мы потребовали лоцмана и вскоре подняли кормовой флаг.

Лоцман не замедлил приехать и повел нас в порт к городу Сидней. В 11 ч. мы прошли южный мыс и взяли курс SWtW $\frac{1}{2}$, а около 12 подошли к острову Пейчгет.

В начале 1-го часа, [16-го] когда, по словам лоцмана,

для призыва капитана над портом выпалили из пушки, приехал к нам немедленно бывший в сем звании английский лейтенант Пайнер, который от имени губернатора поздравил нас с благополучным приходом, сказывая при этом, что они давно уже получили извещение от своего правительства о нашем к ним прибытии и, видя нас одних, спрашивал о другом шлюпе. Мы отвечали, что надеялись его уже найти здесь, по превосходному противу нас ходу, и что четыре уже дня, как мы с ним разлучились в жестокий шторм.

В час пополудни мы пришли в гавань города Сидней и, став там фертоинг, на глубине 6 сажен, на иловатом грунте, спустили тотчас все разошедшиеся гребные суда.

Порт Жаксон может похвастаться превосходнейшей гаванью, устроенной самой природой. Вход в него несколько приметен по отрубистому мысу, лежащему на северной его стороне. Впрочем, и к северу и к югу от Сиднея весь берег почти ровный, средней высоты, так что отыскать порт можно только по наблюдению широты. Вертящийся маяк, устроенный в 1816 году на южной стороне входа, есть самая отличительная примета, по которой уже нельзя ошибиться во входе. Если в порт плывет судно, то еще за 4 или 5 миль выезжает к нему лоцман, но кто бывал уже один раз здесь, тот верно в другой войдет и без него, ибо вход весьма чист, кроме одного камня, покрываемого только в большую воду, но и тогда он приметен по буруну, бывающему вокруг него. Глубина порта достаточная. При маяке находится телеграф, извещающий город о приближении судна от севера или юга и о его величине, а на половине дороги от входа встречает оное капитан порта и привозит с собой правила для всех приходящих судов, как делается обыкновенно в колониях. При входе в порт, в 6 или 7 милях от берега, мы не доставали лотом 150 сажен, а за 2 или 3 мили глубины было 36 сажен, грунт — крупный песок с ракушкой. Впрочем, пройдя узкость, на якорь становиться везде удобно, а по нужде можно и в самом входе. Течение здесь во время прилива и отлива действует слабо; берега, как я уже сказал, с обеих сторон ровные, средней высоты, а потому нечего опасаться шквалов или переменного ветра. Мы выходили из порта при самом тихом ветре без всякой опасности. Длина залива 7 миль, и если идти все одним курсом, то на гребном судне

можно войти в рукав, ведущий к городу Парамате⁹³. Мы переменили курс, взяв оный влево, и увидели город Сидней в узкой и маленькой губе, где мы и стали, у самого дома капитана Пайнера, фертоинг, так что можно было положить сходни, и мы явственно слышали все, что говорили у него в доме. Глубина под нами была 6 сажень, грунт — ил. В постановлении обязывается всякое судно, пришедшее сюда на рейд, для благоденствия новой колонии, платить по 7 фунтов стерлингов⁹⁴, что и мы сделали, без позволения губернатора никого к себе на судно не принимать, рейд не сорить и за командой иметь на берегу свой присмотр.

Между тем шлюпа «Открытие» в порту еще не было, да и с телеграфа его не видали в море.

Поутру капитан нашего шлюпа со всеми офицерами был у губернатора Новой Голландии генерал-майора Маквари. Он принял нас весьма ласково и при объяснении о нашем салюте согласился отвечать равным числом выстрелов, в рассуждении же места для нашей обсерватории предоставил его на выбор капитана Шишмарева, который отложил сие до прихода шлюпа «Открытие». Натуралисту тогда же был выдан билет для свободного входа во все места, а для поездки на Синие горы⁹⁵ даже хотели дать ему лошадей и провожатых. Дом генерала Маквари построен из мягкого камня, и все принадлежности к оному отделаны с чистотой, свойственной англичанину. Против дома его находится большой зеленый луг, на котором бегало много двуутробок⁹⁶ и какаду⁹⁷; у дома же стоят в карауле английские солдаты. Узнав мою фамилию, он очень интересовался о моем брате и просил, чтобы сколько можно чаще его посещали, и рассказывал, что ездил в России по почте и жил недолго в Астрахани. При сем случае припомнил он слово «подорожная», оставшееся неизгладимым в его памяти потому, что на всякой станции ее у него спрашивали. При своем 60-летнем возрасте он необыкновенно деятелен и всеми очень любим. В бытность нашу у него он доставил нам знакомство с английским лейтенантом Кингом, который уже довольно задолго до нас описывал на бриге весь берег Новой Голландии и Вандименову землю⁹⁸ и о котором я буду говорить ниже.

Вместе с нами стояли на рейде: брандвахтенный бриг, с которого при захождении солнца, в половине 9-го для

вечерней зори и в 6 ч. утра для утренней, всегда палили из пушки; двенадцать английских купеческих судов и одно французское. Сего дня отвязали у нас все паруса для поправления и посылали людей с лоцманом за свежей водой.

В 7 ч. утра [17-го] английский бриг и трехмачтовое судно вступили под паруса и пошли в Англию; они предлагали взять от нас письма, но мы по краткости времени не успели сим воспользоваться. В половине 9-го часа от нас салютовали крепости 21 выстрелом, и она отвечала равным числом.

Вечером 18-го мы ездили на берег осматривать город, между тем как на шлюпе наливали воду, издержанную в нижнем лаге. В половине 10-го часа утра пришел шлюп «Открытие» и, став поблизости нас на якорь, салютовал крепости 21 выстрелом тем же порядком, как и мы.

20-го в час пополудни на оба наши судна приезжал Маквари, на своей шлюпке под английским гюйсом, и еще несколько других чиновников. При отъезде губернатора с обоих наших шлюпов салютовали по 13 выстрелов. В 3 ч. мы снялись с фертоинга и перешли вместе с «Открытием» на средину фарватера на глубину 8 сажень, грунт — ил. Начальник экспедиции избрал место для обсервации на северном берегу порта, где нам сверх сего было позволено рубить безденежно дрова. По сей причине оба шлюпа перешли еще ближе к избранному месту, куда по установлении палаток перевезли хронометры и инструменты и начали их поверку и наблюдения.

Здесь мы сделали сигналы на случай отправления гребных судов к описи новооткрытых мест, или неизвестных берегов. Они состояли из 100 номеров, приличных для сего предмета и для извещения шлюпа в случае нападения «диких». Сигналы сии были утверждены капитаном и, сверх того, отдан им был приказ по предмету предстоявшего плавания путями до сего времени еще не известными.

Во время пребывания нашего в порте Жаксон все старшие чиновники и общество офицеров стоявшего там полка наперерыв старались приглашать нас к себе; особенно губернатор Маквари и его почтенная супруга принимали нас как своих. Несмотря на пожилые лета свои,

почтенный генерал сей сам ездил с нами смотреть устройство здешнего маяка, также в города Парамату и Виндзор, из которых первый находится от Сиднея в 18, а второй в 40 милях. Нам старались доставлять всевозможные увеселения и занятия. В Парамате встретила нас супруга губернатора, нарочно туда прежде нас отправившаяся, и поместила всех в своем доме. Стараясь предупредить нас во всем, она под видом простых разговоров выведывала, какие кушанья наиболее любят русские, когда, в какое время завтракают и т. п., и все это делалось в наше угождение. Пробыв в отсутствии четыре дня, мы возвратились и нашли у себя на несколько дней сряду пригласительные билеты к обедам, которые всем нам уже так наскучили, что по нужде и необходимости собиралось наших офицеров с капитанами не более четырех или пяти человек, хотя мы вполне чувствовали все желание гостеприимных англичан угодить нам. Обеды сии при всей ласковости хозяев сделались для нас, от непривычки, весьма утомительными и отрывали часто от должности, особенно от астрономических наблюдений.

Город Сидней стоит на южной стороне порта при небольшом заливе, называемом Сидней, расположен более по морскому берегу, окружен ровными, покрытыми зеленью окрестностями, имеет много прекрасных домов и чистые довольно пространные улицы. Губернатор занимается особенно постройкой казенных зданий, которые в самом деле прекрасны и внутри необыкновенно чисты. Сему весьма способствует новоголландский песчаный камень⁹⁹, употребляемый на строение; его весьма легко пилить гладкой пилой с водой, ломать и отесывать для постройки. Можно сказать, что из него состоит вся Новая Голландия. Для строения же употребляются здесь ссыльные из Англии в Ботани-Бей¹⁰⁰.

Парамата стоит при небольшой речке, впадающей в порт Жаксон. Город не велик, построен на ровном месте, по плану и правильно, с прекрасными домиками, садами и дорогами, и очень скоро распространяется.

Виндзор есть маленький городок при реке Гавкабури, текущей из Синих гор и впадающей в Бронен-Бей. Около марта месяца бывают здесь сильные дожди, отчего река сия поднимается иногда слишком на 70 футов. Она имеет тогда весьма сильное течение и затопляет все

окрестности Виндзора, унося с них хлеб, скот и все, что ни встретит. По рассказам жителей, она наводняется с такой скоростью, что иногда не успевают отгонять скот и убирать хлеб.

Зато после наводнения потопленная ею земля бывает чрезвычайно плодородна, так что пшеница родится сам-50, 80 и даже 120. По сей причине всякий, кто имеет там землю, не хочет переселяться в другое место. Нам случилось видеть у одного богатого помещика привязанный к окну дома бот, для того, чтобы, в случае разлива реки, на нем уехать.

Климат в Новой Голландии прекраснейший, лесу разного рода в изобилии, животных и птиц множество, но воды очень немного. В Сидней она проведена из небольшого ручья и не доставляет обильного количества для города, а для судов должно ездить за нею и катать ее в бочках. на пространстве нескольких сот сажень, по камням, отчего бочки скоро ломаются. Таковое добывание воды для дальних путешественников весьма затруднительно, притом же река и ручейки от случающихся больших и продолжительных жаров летом высыхают, и тогда жители терпят большой недостаток в сей важной потребности. Впрочем, это случается не весьма часто.

Жителей во всей Новой Голландии полагают до 30 тыс. человек, включая в сие число и диких, которых считают до 15 тысяч, а остальные 15 составляют европейцы, в том числе и ссыльные. Губернатор старался развести лен из Новой Зеландии, где англичане имеют также небольшую колонию, из коей получают лес, лен и пр., и имеют там миссионеров.

Здесь дикари чрезвычайно худы телом, черны и безобразны, ходят совершенно без всякого прикрытия и по обычаям своим, кажется, более всех прочих отходят от человеческого рода. У них нет ни жилищ, ни шалашей; живут они днем у морского берега, где ловят ракушки, ночью же в лесу у огня, на открытом воздухе. Впрочем, они не злы, хотя лица их показывают противное...

Нам должно было запастись в порте Жаксон дровами и водой. Не много труда стоило рубить первые и возить из лесу на шлюпы, но доставление воды отнимало у нас много времени и было сопряжено с немалой работой. Между тем мы исправили к походу и выкрасили

шлюпы, также поверили хронометры, переменившие против Рио-Жанейро свой ход.

В порте Жаксон познакомился я с английским лейтенантом Кингом, командиром военного тендера, плававшего каждое лето около Новой Голландии для подробной описи ее берегов и сделавшего в то время немалые успехи, что мы видели по показанной им нам карте. Он по дружбе подарил мне небольшую коллекцию птиц и насекомых сего края, собранных им с тщательностью для себя, и которых теперь я сохраняю в моем кабинете.

Первое поселение англичан в Новой Голландии относится к 1788 году. Командор Филипс был послан для сего правительством в Ботани-Бей, но, нашед выгоднейшее против него место, сделал заселение в порте Жаксон и наименовал его Сидней. В то время англичане еще не знали всех произведений¹⁰¹ Новой Голландии, и потому все нужное для колоний привезено было на транспорте из Англии, даже и самая известка. С тех пор едва прошло 40 лет, а уже владения британцев в сей стране распространились за Синие горы, так называемые потому, что издали кажутся сего цвета.

Английские владения, о которых я говорю, лежат почти в середине острова, от восточного берега на 130 миль внутрь земли, и занимают также Вандименову землю. По части натуральной истории¹⁰² от английского правительства находятся здесь натуралист и лекарь (в нашу бытность Кунингам и Доналис), для которых пищи здесь весьма много и они ежегодно отсылают свои собрания в Лондон. Менее всего известны им в сем краю, как кажется, Синие горы.

В рассуждении жизненных припасов здесь все достать можно, только не дешево. Мы готовы были выйти отсюда 10 марта, но по весьма дурной погоде с крепким ветром простояли долее.

Во время нашего пребывания в сем порте дули большей частью тихие и умеренные ветры, только весьма изредка были крепкие со шквалами и порывами, но погода почти постоянно стояла дождливая.

11 марта в 4 ч. пополудни приезжал на наши шлюпы генерал Маквари со своей фамилией, с многими чиновниками и дамами и провел у нас довольно времени. По отъезде его мы салютовали 13 выстрелами,

13-го перевозили обсерваторию с берега на шлюпы и приготавливались к походу.

При тихом ветре от юго-востока и облачной погоде, в 5 ч. утра, стали вывертывать якорь, а в 6 ч. снялись с него и, поставив все паруса, пошли в море. В три четверти 8-го снялся шлюп «Открытие» и салютовал крепости 21 выстрелом, на что было ответствовано тем же числом. Проходя первый мыс вправо от города Сидней, мы увидели на оном губернатора с адъютантом и еще некоторыми чиновниками, кои все, махая шляпами, кричали ура. На это со шлюпов было ответствовано нами и целой командой. В половине 11-го при штиле, противном течении и зыби, у входа близ Северного мыса положили мы якорь на глубине 10 сажен, грунт — крупный белый песок с ракушками.

К полудню задул ветерок от северо-востока, но мы не могли еще тронуться, и потому, для препровождения времени поехали после обеда все, кроме вахтенных офицеров, в прекрасную губу ловить рыбу. Успех был невелик, но хорош, и рыбы попадались большей частью редкие, с иглами и уродливые, которые и теперь в моем кабинете находятся. В 7 ч. утра [15-го] при маловетрии между югом и западом, дожде и большой зыби с моря, следуя шлюпу «Открытие», снялись мы с якоря, поставили все паруса и буксировались в море. В 9 ч. при сделавшемся от северо-запада ветре, обогнули северный мыс входа, оставя буксир, стали держать SOtO и подняли все гребные суда.

После полудня подул брамсельный ветер и нашла зыбь от востока. К вечеру на западе был гром с молнией; вскоре пошел дождь, и гроза усилилась по всему горизонту...

Полутру [17-го] гроза прошла, небо выяснилось, и наступила прекраснейшая погода при штиле и маловетрии с разных сторон. Мы испытывали в сей день теплоту морской воды; термометр показал на воздухе $18\frac{1}{2}^{\circ}$, на поверхности воды $17\frac{1}{2}^{\circ}$, а на глубине 200 сажен 10° .

Глава V

Отплытие из порта Жаксон. Разлучение по предписанию с шлюпом «Открытие» и нечаянное с ним соединение. — Открытие группы островов «Благонамеренного» и свидания с их жителями. — Исследование острова Новогорелого. — Вторичное разлучение с шлюпом «Открытие». — Плавание к Уналашке и пребывание у сего острова.

Благоприятная погода продолжалась только трое суток. В течение сего времени мы видели в первый раз летучих рыб и поймали четырех черных птиц, из рода морских, с длинными носами, подобно куликам. Натуралист Форстер назвал их петреями¹⁰³.

С полудня 21-го [марта] подул северный ветер, и начали находить шквалы с дождем; к полуночи стало свежее, и мы брали рифы.

В полдень к западу весьма стемнело, ветер заштилел, и вскоре нашел от запада сильный шквал, с проливным экваторным дождем, небо покрылось тучами, но вскоре дождь перестал, сделалось маловетрие, а в 8 ч. вечера снова заштилело. Несколько спустя нашел опять сильный шквал от юга с ужасным дождем, ветер задул крепче, и гроза была по всему горизонту. Казалось, что день обратился в ночь, так было темно. В продолжение всего дождя у нас собрали воды 30 ведер.

К полудню 23-го начало стихать, но сильные порывы все еще продолжались. Поутру мы поставили все паруса.

Капитан нашего шлюпа, имея предписание зайти в порт Св. Франциска¹⁰⁴ в Калифорнии, полагал пройти к сему месту между островами Дружества и Товарищества, почему и уведомил о сем посредством телеграфа шлюп «Открытие», означая притом, что намерен лежать NOtO. Начальник экспедиции отвечал, чтобы Шишмарев располагал плаванием по своему усмотрению и что он сам считает означенный румб выгоднейшим перед прочими. Мы пожелали сигналом «Открытию» счастливого пути, но не хотели расстаться с ним, не простясь и не отдав писем для доставления через Камчатку в С.-Петербург.

24-го, в 6 ч. вечера, мы догнали «Открытие» и когда подошли к нему довольно близко, то капитан просил принять письма, которые мы нарочно для сего закупорили плотно в бочонок. Проходя «Открытие» вперед, хотели мы оставить ему нашу посылку на веревке, но в то время, как офицеры обоих шлюпов между собой разговаривали, на «Открытии» положили вдруг лево руля и довольно много, так что шлюп сей быстро кинулся вправо. Мы тотчас положили лево и сошлись так близко, что если бы задели друг друга хотя немного, то оба сильно бы потерпели, ибо зыбь была довольно большая и ветер свежий. В то время как мы столь близко сошлись, был против грот-руслень «Открытия», своей кормой лежали на восток, следовательно, не мы пошли на «Открытие», а он на нас. Чтобы не ударить его, мы положили немедленно право, однако наша бизань задела за его гротарей, к счастью, вскользь и без вреда. Мы взяли прежний свой румб NOtN и расстались, не успев почти сказать слова и не передав бочонка, который вытащили обратно. Вскоре за сим затемнело и мы «Открытия» уже не видели. Ночь была прекраснейшая. Еще прежде сего, по предложению командира экспедиции, что его шлюп зайдет в Петропавловск, а наш в Калифорнию, мы переместили к нему бывших у нас с начала плавания трех матросов из камчадалов, кои должны были поступить в комплект камчатского полуэкипажа. С полуночи дул брамсельный юго-восточный ветер, погода была настоящая тропическая и горизонт весьма чист. Мы были уверены в пассате и потому принялись за просушку сухарей и служительского платья.

Вечером [25-го] увидели трехмачтовое большое судно, шедшее контрагалсом и державшее бейдевинд под

марселями. Надобно было полагать, что это был один из китобоев, которые ходят обыкновенно под малыми парусами. На ночь он брал рифы. Мы поднимали флаг, но как уже было довольно темно, то, вероятно, он сего не заметил. Вечер был прекрасный, но с полуночи начали находить шквалы, а поутру [26-го] сделалось пасмурно. Около полудня видели мы трех фаэтонов, белого альбатроса с серыми крыльями и много других тропических птиц.

Полудни почти в четыре часа усмотрели на Noto остров Норфольк¹⁰⁵, хотя по исчислению оставалось до него еще 39 миль. Остров сей довольно высок, ровен и только в середине немного возвышен. К югу от него находится другой остров несколько меньшей величины, но также довольно высокий, а между обоими ими лежат два небольших камня, кои гораздо их ниже и ближе к главному острову. По высоте своей Норфольк не мог бы быть виден за 40 миль, притом же погода была не самая ясная и горизонт не совсем чист. Причиной сему надобно приписать течение к северу, которое в полдень сего числа обсервованная широта показала на N 20 миль, а прежде выходило оно все к югу, исключая первых дней, по выходе нашем из порта Жаксон. Мы сожалели, что по причине пасмурной погоды в течение двух суток не имели порядочной обсервации. Румб вел прямо на Норфольк, почему в 6 ч. мы легли NotoN, а потом NNO. В 8 ч. остров сей был от нас по правому компасу на восток, в расстоянии 10 миль по крьюспененгу, почему вычислена его долгота: по полуденной $168^{\circ}7'53''\text{O}$, а по определению капитана Кука— $168^{\circ}16'\text{O}$. Если нашу долготу привести к середине острова, то разве малейшая будет разница от сего последнего. Широта его $29^{\circ}9'\text{S}$. По картам Арровелиста тоже $29^{\circ}9'\text{S}$ [в путешествии Кука могла быть сделана опечатка.] В 9 часов мы прошли Норфольк на траверсе, в 6 милях; тогда ветер дул свежий от юго-востока, погода была пасмурная, и барометр, показывающий до того $29^{\text{дм}},91$, опустился на одну линию. Скоро ветер стал дуть порывами, и мы убавили парусов. С полуночи настал свежий марсельный ветер с порывами и находили сильные шквалы с дождем. Поутру [27-го] уже было изрядное волнение и ходу до 4 узлов. Тогда мы начали сомневаться: можем ли пройти острова Дружбы¹⁰⁶ восточнее и не придется ли обходить их по запад-

ную сторону, если ветер не отойдет от юго-востока к югу. Потом сделалось тише, и мы, не теряя времени, прибавили по возможности парусов. В сие время пролетели мимо нас стадо тропических птиц и белый альбатрос.

К полудню, когда легли NOtN, пошел дождь и ветер свежел, а к вечеру так скрепчал, что мы взяли все рифы у парусов и спустили бом и брам-стенги с их реями. С полуночи ветер риф-марсельный, весьма крепкий, от востока большое волнение, порывы и непрерывный дождь.

Мы были в южной широте 27° и потому удивлялись такой дурной погоде и продолжительности крепкого ветра. Термометр показывал 18° , а барометр опустился до 29^{мм},76. Так мы встретили праздник [пасхи].

В час пополудни мы слушали заутреню и обедню и ходили со свечами кругом шлюпа, невзирая, что погода и качка сему не благоприятствовали. С утра [28-го] стало стихать, и ветер пошел к югу, почему мы легли OtN, но скоро оный подул от юго-востока. Никогда еще не встречал я так скучно сего торжественного праздника. Шлюп наш качало ужасно, едва возможно было достать чаю, а о прихотях невозможно было и подумать. В 10 ч. утра при шквале шел снег с четверть часа времени. Явление странное в широте 27° и при теплоте 18° . К вечеру ветер и волнение стихли, небо прояснилось, и мы прибавили парусов. В 3 ч. ночи при брамсельном ветре от юго-востока горизонт совершенно очистился, и мы имели в полдень прекрасную обсервацию. Оказалось, что в трое суток перед сим, в которые мы ее не имели, как равно и долготы по хронометру, течение было на NW $38^{\circ}35'$ —38 миль. Из сего мы увидели, что обогнуть острова Дружества было невозможно, а надлежало оставить их вправо и пройти между ними и островами Фиджи. Потеря времени могла быть только в том, что за темнотой между островами пришлось бы пролежать несколько ночей в дрейфе. Мы весьма жалели, что не имели обсервации в те сутки, когда проходили остров Норфолк, ибо хронометры наши весьма много разнствовали. Приближаясь к месту, усеянному островами, капитан наш предписал вахтенным офицерам беспрестанно иметь на баке двух часовых, которые бы смотрели вперед, а днем каждую склянку посылать их на салинг, служителям же были обещаны

награждения: за усмотрение нового берега днем 5, а ночью 10 талеров; тот же, который во время ночи увидит хотя и не новый берег, получит 3 талера. Несколько уже дней течение было к северо-западу и сего числа на N 15, а на W 6 (миль) в сутки; ветер зашел к востоку, мы лежали к северу, и так командир шлюпа решился, чтобы не терять напрасно времени, пройти западнее островов Фиджи. Прежнее же свое намерение — обогнуть острова Дружества — оставил по причине восточного ветра.

Через полчаса пополудни [30-го] мы вступили в южный тропик, в долготе $173^{\circ}57'22''$ О по хронометрам. К вечеру ветер сделался свежее, и начали собираться облака; барометр, показавший накануне $30^{\text{мм}}12$, понизился и был ровно $30^{\text{мм}}$. С полуночи стало весьма свежо, почему мы спустили лисели, закрепили брамсели и у марселей взяли по два рифа, при ходе в 8 узлов. Поутру, когда стало немного тише, отдали один риф и поставили брамсели и бом-лисели.

В полдень [31-го] ветер опять стал свежее, а к вечеру должно было закрепить брамсели и взять у марселей по другому рифу. В седьмом часу вечера видна была к северу молния и шел беспрестанно мелкий дождь. Ночь была пасмурная, и надобно было полагать, что причиной сих ветров и дурной погоды была близость островов Фиджи, от коих мы находились не далее 120 миль; сего числа мы видели морских пеликанов.

С полуночи дул свежий брамсельный ветер при облачной погоде и зыби; в $6\frac{1}{2}$ ч. [1 апреля] началась молния, пошел мелкий дождь, и был шквал. После ветер стал заходить далее к востоку и северу, и в воздухе была необыкновенная теплота, находившая так чувствительно, как из бани. Вероятно, причиной сему была та же близость островов Фиджи, от которых мы находились в полдень к северо-востоку в 130 милях. Скоро совсем стихло, но погода была все еще пасмурная, так что мы не имели полуденной обсервации. Вечером ветер и шквалы были от OSO и O, и молния, начавшаяся на SSO, ночью была так сильна, что со всех сторон освещала весь горизонт; гром был не силен, но дождь шел беспрестанно.

В 3 ч. ночи дождь перестал, как равно и ветер, и нам удалось сделать хорошие наблюдения долготы

и широты; острова Фиджи были от нас на NOtO по правому компасу в 96 милях.

После полудня [2-го] погода сделалась весьма пасмурная и дождливая, находившие шквалы были не сильны, но с разных сторон, и потому заставляли нас беспрестанно брасовать паруса. Хотя день был и пасмурный, но все лучше ночи, ибо тогда ветер шалил и находили частые шквалы, из коих один был весьма сильный от северо-запада. Гроза продолжалась до утра, и дождь шел самый проливной.

Полутру [3-го], с восхождением солнца, погода сделалась несколько лучше, ветер дул от северо-востока, и мы должны были держать на северо-запад, чтобы отойти от островов, причинявших дурную погоду.

В полдень мы видели стадо небольших птиц, о которых по их полету заключили, что они должны быть береговые, но совершенно рассмотреть их не могли, ибо они находились от нас весьма далеко. В седьмом часу вечера к юго-востоку видели зарницу, которая, казалось, приближалась, почему мы и полагали, что со шквалом и ветер будет от юго-востока, но вышло противное: зарница скоро пришла к востоку, а ветер остался тот же. Ночью была дурная погода. С половины четвертого часа утра [4-го] увидели мы на WSW что-то похожее на огонек, и все вышли наверх. Всмотриваясь, мы увидели, что это был точно огонь, но не весьма близко, хотя и сомневались, чтобы здесь могло быть новое открытие, ибо известно, что американцы и англичане часто заходят к островам Фиджи за сандалным деревом¹⁰⁷, следовательно и на этом пути, как мы думали, многие бывали. Однакож, присматриваясь несколько времени, мы почти были уверены, что виденное нами было точно огонь и потому, повернувшись на левый галс, легли в бейдевинд на SO,OSO и O. Пролежав таким образом до 5-го часа, повернули мы на правый [галс] и легли на NW, а в половине 6-го часа спустились к западу, чтобы увидеть остров, на котором ночью светился огонь. Матросы на салингах, а мы смотрели в трубы, но все ничего не видели, хотя прошли правым галсом более, нежели удалились от островов левым, и должны бы были быть ближе к острову, нежели ночью. К тому же горизонт был хотя мрачен, но все гораздо чище, нежели в ночи, и мы должны бы видеть остров, если бы онный существ-

вовал. К вечеру в 6 ч. легли в бейдевинд на север, погода была пасмурная, снова начали собираться облака с дождем, и к западу сверкала молния. Ночью гроза продолжалась и прошла только к рассвету.

На следующий день [5-го] погода была опять прежняя: с сильным дождем, грозой и шквалами. В 3 ч. утра молния была у нас совершенно над головой и сверкала так сильно, что ослепляла глаза. В сие время у нас крепили брамсели. Матрос Лихта, сходя с са-лингa на марс и держась за рею рукой, чувствовал два электрических удара и сотрясение во всем корпусе, впрочем не получил никакого вреда. С рассветом [6-го] небо очистилось, и мы увидели на NWtW¹/₂ марсели и брамсели трехмачтового судна. Судя по рангоуту, нам казалось, что это был шлюп «Открытие», но чтобы увериться в сем, ввечеру, когда опять стемнело, мы зажгли фальшфейер, и нам тотчас отвечали. После сего мы уже не имели надобности в подтверждении нашей догадки. Сего дня поймали мы морскую прожору, весом до 2 пудов и сварили ее для команды. Иным показалась она превосходной, а иным отвратительной, особливо священнику, который уверял, что ее есть не должно по той причине, что она пожирает все, даже людей.

7-го было маловетрие и сильный жар. Со вчерашнего полудня до сегодняшнего прошли мы только 9 миль и, сблизясь с «Открытием» так, что могли видеть его корпус, совершенно уверились в нашем предположении. Пополудни в 4 часа видели смерч¹⁰⁸, шедший от востока прямо на наш шлюп, вода под ним ужасно пенилась, на пространстве 40 или 50 сажен; рукав его был весьма тонок, равной толщины и простирался до облаков, высотой около 40 сажен от горизонта; облака были весьма черные, а рукав казался дымчатого цвета. Это заставило нас убрать все паруса, кроме марселей на эзельгофте, которые также бы убрали, но смерч, не доходя до нас за полмили, исчез, и вскоре от востока был легкий шквал с дождем. Ночь была весьма тихая.

Весь день и вся ночь [8-го] были весьма ясны и тихи. Шлюп «Открытие» находился в 10 милях, а в 8 ч. утра, подойдя к нам, посредством телеграфа пригласил обедать. В 9 ч. сделался ветерок от северо-северо-востока, а в 10-м часу мы легли на северо-запад и пересекли путь капитана Бугенвиля в 1768 году¹⁰⁹.

В полдень [9-го] по окончании обсервации и вычислений поехали на шлюп «Открытие», почти все, кроме вахтенного и двух больных офицеров. Там пробыли до 9 ч. вечера и возвратились, проведя время с товарищами весьма приятно.

В три часа утра [10-го], нашел небольшой шквал от севера, и через полчаса мы видели на северо-западе огромной величины горящий шар, который при падении своем был виден почти 10 секунд¹¹⁰.

Около полудня [12-го] ветер начал отходить к востоку, так что в полдень мы легли на север и имели ходу до 3 узлов. Казалось, пассат опять начинался, ибо мы были уже от островов Фиджи слишком в 200 милях. Почти в 10 дней мы не прошли одного градуса широты, и потому командующий отрядом не мог решиться послать нас в Калифорнию. Утро было прекрасное, и мы видели стадо петрелей.

Около вечера [13-го] видели рыбу бонитку и стадо птиц.

Пополудни [15-го] был небольшой шквал, а вечером шел дождь, во время которого мы набрали 25 ведер воды. После шквала ветер стал свежее.

В полдень [16-го] пересекли путь капитана Картерета (1767 года)¹¹¹ и находились на пути капитана Валлиса (того ж года).¹¹²

В 7½ ч. утра находившийся на фор-салинге матрос Феоклист Потапов увидел прямо по курсу на NtW берег. Оказалось, что это были одиннадцать низменных коральных¹¹³, весьма лесистых островов, соединявшихся рифом, полагая примерно, до южного из них 15 миль. Мы тотчас известили о сем через сигнал шлюп «Открытие», который нас спрашивал, видимые острова за какие мы признаем? Мы поздравляли его с новым открытием, и действительно оно было таково, ибо по карте Арровелиста, ближайшие к нам острова, обретенные в 1781 году и виденные в 1809 бригам «Елизаветой»,¹¹⁴ в полдень отстояли от нас на северо-запад в 176 милях. Подойдя несколько ближе, миль на пять, мы увидели круг воды между островами, соединенными один с другим коральными рифами.

Острова сии были низки, состояли из коралла, и мы приметили на них великое множество кокосовых, панданусовых и хлебных дерев.¹¹⁵ Ни один из них не был в

длину более мили. Птицы хотя и летали около нас, но в весьма малом количестве. Между ними заметили мы только одного фрегата и несколько пеликанов или бубий,¹¹⁶ да еще маленькую птичку.

Между тем четыре лодки отплыли от берега и держали прямо на нас, а мы спустились вдоль группы под ветер для описи оной. Хотя шлюп «Открытие» и лег в дрейф, но островитяне к нему не пристали, а держались к нам, ибо мы гораздо ближе его были к островам. Желая видеть жителей, мы убавили парусов и легли также в дрейф. Когда островитяне подъехали к нам сажен на 20, не пристаая, однако, к шлюпу, то всякий из нас махал им белыми платками, или зеленью, какая тогда нашлась на шлюпе, вместо зеленой ветви, которую на других островах дикие показывают в знак мира. Сим делали им знаки, чтобы они пристали, но все было тщетно. Капитан Шишмарев послал на шлюпке офицера ознакомиться с дикарями и одарить их кусками обрубного железа и зеркалами. Когда он подъехал к ним, то они хотя не удалялись от него, но и не хотели, как казалось, сойтись с ним. Однакож, он пристал к одной лодке, где, как и в прочих трех, сидело четверо островитян, которые взялись за наши весла и таким образом держались со шлюпкой, не опасаясь нисколько шлюпа, как было приметно, ибо почитали себя от него весьма далеко, чтобы мы могли употребить против них какое-либо оружие, однакож были осторожны насчет шлюпки. Другие их товарищи, видя наше мирное расположение, также подъехали, и тут началось знакомство. В уверение дружбы своей островитяне прикасались к лицам наших людей своими носами и терзали их обоняние потом и кокосовым маслом. Офицер звал их на шлюп и, показав, куда пристать, поехал назад. Островитяне сначала последовали за ним, как казалось, с великой скоростью, но вдруг опять остановились, начали между собой переговариваться и не хотели продолжать плавание, хотя мы и бросали им со шлюпа веревку. Таково обыкновение всех диких, когда они еще в первый раз видят чужестранцев. Островитяне сии все были роста среднего, статны собой и довольно дородны, лица имели порядочные, а некоторые даже и довольно красивые, хотя в сравнении со многими островитянами Южного моря и чернее, но все не так, как у африканцев. Цвет тела

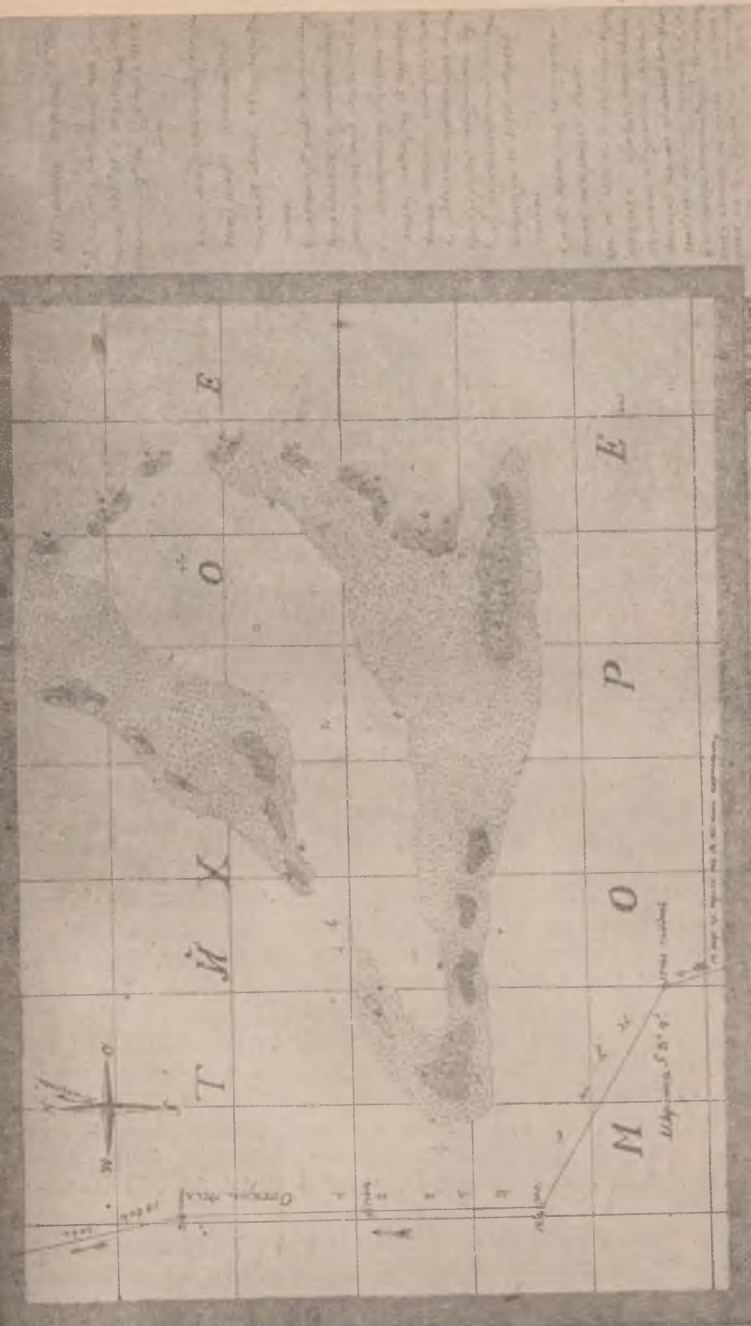
их чернобурый, лоснящийся от обыкновения мазать его кокосовым маслом. На поясе имели они повязку из кокосовых волокон и из разноцветных лент своего изделия, большей частью красных; головные волосы их были связаны до темени в пучок, а к оному привешено еще что-то, похожее на звериные хвосты, в самые же волосы были воткнуты белые и оранжевые цветы, на рукава, повыше локтей, привязаны были почти у всех белые раковины, из коих мы одну получили в подарок. Приближаясь к нам, островитяне показывали зеленую ветвь в знак мира. Тело их, как мне показалось, не было расписано, другие же уверяли, что видели некоторые знаки на плечах. Уши у них были проколоты и растянуты, как у многих жителей островов Южного моря, но только в них ничего не было. Лодки сих островитян были самой простой и даже бедной работы, составлены из нескольких досок, сшитых между собой веревочками из кокосовых волокон, отчего текли так, что сидевшие в них принуждены были беспрестанно отливать воду, длина их до 20 футов, а ширина такова, что можно сидеть человеку, т. е. около 1 $\frac{1}{2}$ фута. С одной стороны они имели отвод¹¹⁷; нос и корму одинаковые и трехугольный рогожный парус.

Оружие сих островитян состояло из деревянных пик с зубцами грубой работы, вероятно, от того, что они мало их употребляют и редко между собой воюют. Сие последнее мы могли заключить из их обхождения: при свидании с нами они не обнаружили ничего наглого или неприязненного, и обращение их было самое дружественное. По всему виденному должно было полагать, что народ сей весьма миролюбив. Из плодов, как-то кокосов и проч., они не привезли с собой ничего; из изделий своих также не имели ничего, кроме одного мата (ковра). Вероятно, они выехали не для торговли, а только посмотреть на нас. Как из сего, так и из невнимания их к кускам железа, которые им давали, можно заключить, что они еще не видали европейцев и с железом, сим соблазнительным для прочих дикарей Южного моря металлом, еще не знакомы. Зеркало же, напротив того, самое маленькое, обращало на себя все их любопытство. Что европейцы у них никогда не бывали, можно заключить еще из того, что они, увидев наши суда, не знали даже надобности мореходцев и не привезли нам

никаких съестных припасов, хотя, повидимому, имеют в них изобилие.

Видя, что всеми пантомимными просьбами нельзя было убедить островитян пристать к шлюпу и взойти на оный, мы, одарив некоторых из них, бывших постарее, серебряными и бронзовыми медалями, снялись с дрейфа и пустились вдоль островов для описи. Мы полагали, что, может быть, жители пойдут на «Открытие», если мы их оставим, однакоже они возвратились прямо домой. Вскоре и «Открытие» снялся с дрейфа и пошел за нами.

В полдень [17-го], находясь от юго-западного острова не более как в полутора или двух милях на юг по компасу, мы определяли широту и долготу оного. Обойдя его, мы легли на NNO вдоль западной стороны группы и делали ей опись углами и пеленгами, примечая притом створы. Когда мы находились от ближайшего острова не далее $\frac{3}{4}$ мили, я был испуган совсем неожиданным случаем. Стоя на вахте, я же делал и опись сим островам с капитаном и штурманом. По окончании оной, когда все ушли обедать, а я остался, вдруг с баку закричали: «Камни впереди». Можно вообразить мой испуг. Немедленно положили лево на борт, привели шлюп к ветру, и я сам увидел два камня, которые, нырнув ко дну, конечно, еще более испугались шлюпа, чем мы их, ибо это были два кита, спавшие на поверхности воды, цветом и видом весьма похожие на камни, в чем и я не сомневался, увидев их до того времени, когда они пошли ко дну. При сем случае ударили они так сильно хвостами по воде, вероятно, от испуга, что забрызгали у нас весь бак. Признаюсь, что я весьма испугался такой неожиданности, ибо, действительно, около новых островов и так близко оных могли быть камни. Хотя у нас, кроме часовых на баке, сидел штурман на салинге и сказывал даже всякое отличие воды, но как в то время мы имели 5 узлов ходу, то, ударясь даже о китов, все могли бы сделать себе повреждение в корпусе или потерять что-нибудь из рангоута. Вскоре после сего с «Открытия» спрашивали нас, не имеем ли каких новостей в рассуждении диких? Мы отвечали, что нет, и что они не привезли ничего. В 4 ч. пополудни, пройдя северные острова группы, мы спрашивали начальника экспедиции, принимать ли сии острова за но-

Группа о-с Ширововъ Благонямьреннаго.
 о-с Ширововъ Благонямьреннаго

вое открытие, и получили в ответ: «ежели оные никем еще не были видимы, то назовем их «Группой Благонамеренного». Мы благодарили за честь, нам сделанную, уверяя, что острова сии должны быть новые, ибо па последних картах Арровелиста, которые мы имели, они не означены, да и поблизости их никаких островов не находилось.

В 5 ч. вечера Группа Благонамеренного скрылась, а в 6 ч. утра [18-го], при прекрасной тропической погоде, «Открытие» приглашал нас обедать. Мы, вскоре [после] полудня, окончив обсервацию и вычисления, туда отправились и возвратились в 7 ч. вечера. В полдень по карте Арровелиста остров Manveble или Sbevsons¹¹⁸, виденный бригам «Елизаветой» в 1809 году, был от нас на NW 60°30' в 120 милях. Поутру находили большие шквалы с дождем, и мы убили острогой двух бонит, которые пришлось весьма кстати для угощения приехавших к нам обедать всех офицеров шлюпа «Открытие», которых мы просили о сем телеграфом.

В 8 ч. пополудни [19-го] офицеры «Открытия» отправились домой, а мы, следуя их шлюпу, легли на NON и держались в полветра.

Ночь была довольно хорошая, иногда только находили небольшие шквалы с дождем, но к утру перестали. В продолжение сих суток мы видели много кашалотов и дельфинов¹¹⁹.

В полдень [21-го] остров Надежда¹²⁰, виденный бригам «Елизаветой» в 1809 году, был от нас на NO 33° в 96¹/₂ милях.

22-го мы видели множество китов, плывших на северо-запад. Вечером подул тихий северо-восточный ветерок, отчего «Открытие» далеко отстал от нас, так что мы должны были убавить парусов.

В полдень [23-го] остров Бленейс, виденный бригам «Елизаветой» в 1809 году, находился от нас на NO 70° в 57 милях. Вечеру около шлюпа играло множество свинок¹²¹. В исходе 7-го часа утра перешли мы экватор в восточной долготе 171°34' при самой прекрасной погоде и по карте Арровелиста имели остров Кука¹²², виденный бригам «Елизаветой» в 1809 году на NO 37° в 75 милях.

В полдень [25-го] было тихо, и мы по окончании обсервации уже совсем собрались ехать к обеду на «Откры-

тие», для чего и ялик был спущен, как вдруг нашел шквал с пресильным дождем и принудил нас отложить сию поездку. Вечером почти в 7 ч. вскоре после командного ужина, сделался припадок с матросом нашего шлюпа Кузьминым, который только что вышел на вахту и, приготовляя себя с 9-ти часов править рулем, лег отдохнуть на росторах. Когда же его стали будить на смену, то нашли уже без чувств. Лекарь немедленно бросился помогать ему, пускал кровь, тер его щетками и спиртом и т. п. При помощи всех офицеров он продолжал сие до самой полночи, но как все было тщетно, то уже не было сомнения, что он умер. Матрос сей вел себя отлично и был совершенно трезвый человек, и потому потеря сия была для нас весьма чувствительна. Лекарь говорил, что причиною его смерти был апоплексический удар от полнокровия и от тропического жара, между тем как у нас в редкий день не был поднят тент, тогда как на иных судах этого совсем не бывало.

В 4 ч. пополудни тело умершего матроса было отпето и опущено в море при тоекратном выстреле из двадцати ружей. В половине 6-го часа утра [26-го] был шквал с проливным дождем. Шлюп «Открытие», имея малые паруса, отстал от нас, для чего мы убавляли своих, а в 6 ч. имели вправо на траверсе острова Беринга¹²³, виденные адмиралом Рацай¹²⁴ в 1792 году в 12 милях, однако мы их не видели.

Вечером «Открытие» телеграфом дал знать, что намерен следующую ночь лежать под малыми парусами, следуя чему, и мы держались ночью на тех же. С полночи начали находить частые и крепкие шквалы и была молния без грома, что заставило нас взять у марселей по одному рифу. Поутру [27-го] прибавили мы парусов и по сигналу легли на NWtN; в 8 ч. поставили брамсели, а в 9 отдали по одному рифу. Погода была пасмурная, и хотя солнце иногда показывалось, но мы во все утро не могли брать его высоты для узнания долготы по хронометрам, однакож после удалось взять меридиальную; в 7 ч. утра видели мы птицу фрегата. Около полудня опять были шквалы с дождем от востока и после ветер отошел к юго-востоку. В северном полушарии ветер по сему направлению противоестественен¹²⁵, а потому и не долго продолжается. Вскоре он стих, и сделалось маловетрие.

В полдень [28-го] остров Петерсон¹²⁶, виденный бригам «Елизаветой» в 1809 году, лежал от нас по карте Арровелиста на N 28° в 60 милях. Вечером находили опять шквалы с дождем, а с утра дул свежий брамсельный ветер со шквалами и дождем от северо-востока. Мы приписывали сию погоду близости каких-либо еще неизвестных островов, а как ближайšie к нам были показаны Коцебу, по словам жителей, в 10 и 11° северной широты и 164° восточной долготы, то можно было сомневаться, верно ли они положены. Поутру [29-го] при восходе солнца горизонт начал очищаться, и ветер заходить к востоку, а после к юго-востоку. С вечера, следуя «Открытию», мы лежали под малыми парусами и прошли ночью остров Лагорфакс, назначенный на наших картах довольно большим, но у Арровелиста вовсе не показанный. По хронометрам нашим мы прошли его в 10 милях, а если считать по расстояниям, приведенным к 17-му числу апреля, когда открыли Группу Благонамеренного, показанную хронометром восточнее 17 минут, то он оставался в 20 милях, отчего может быть и не был виден.

В полдень [30-го] курс наш вел еще на группу островов, означенную на нашей же карте. Она была прямо по курсу в 25 милях и, следовательно, если бы существовала или была положена верно, то мы должны бы были увидеть ее еще до захождения солнца, но сего не случилось.

На картах Арровелиста группа сия не означена, да и на наших показана без имени. С вечера мы шли под малыми парусами. Ночь сия была тише прежних, и накрапывал маленький дождик. Поутру выяснело, и в 9 ч. летал долго около нас кулик.

С 1-го по 7 мая не случилось ничего замечательного. В течение сего времени пролетело около нас множество фаэтонов и фрегатов. Из сих последних иные садились к нам на клотики, и я убил одного из ружья. Погода была большей частью тихая и ясная, только изредка накрапывал дождь, и находили небольшие шквалы.

После полудня [7 мая] «Открытие» телеграфом велел нам держаться ближе к нему для принятия бумаг, почему мы тотчас спустились, а он лег в дрейф и на шлюпке прислал бумаги с мичманом Галлом, прося нас к себе. Вскоре мы поехали и в 7 ч. возвратились.

Начальник отряда объявил, чтобы до 33°18' северной широты и 161° восточной долготы, где капитан Мерс¹²⁷ видел признаки земли, идти обоим шлюпам вместе, а после нам взять курс в Уналашку.

Пополудни [9-го] в 2 ч. натуралист нашего шлюпа с штурманом ездили на ялике для испытания теплоты воды и нашли на поверхности 26°, в воде 21°, в глубине 200 сажен через 10 минут 13½° Реомюра. Вечеру мы поймали прожору длиной в 3 аршина, весом 4 пуда 12 фунтов. Мясо ее было употреблено в следующий день на завтрак команде и для обеда офицеров.

Вечером [11-го] многие из нашего экипажа начали жаловаться [на] головную боль и все полагали, что причиной сего была рыба, но справедливее было бы приписать ее жару, ибо болезнь сия приключилась и с теми, кои даже не прикасались к прожоре, но вскоре боль сия у всех прошла. Ночью дул тихий брамсельный ветер, а к утру сделался туман, и стало ощутительно прохладнее. Туман сперва опустился на низ и предвещал хорошую погоду, но вскоре начал подниматься. К полудню [12-го] сделалось облачно, скоро пасмурно, и к вечеру пошел самый мелкий дождь. В 3-м часу видели много больших китов, плывших на северо-запад. Ночью шлюп «Открытие» едва был виден с марса-рея, и мы думали, что он не хочет нас дожидаться, тем более, что он не отвечал на наши фальшфейеры. Утром [13-го] летало мимо нас множество птиц, стадами, почти все к северо-западу.

В полдень не видя «Открытия» с фор-бом-брам-рея и в трубу, мы уверились, что он нас не дожидается и потому легли на NNO прямо на остров Уналашку. Ветер был в сие время от юго-востока, и ход от 4 до 6 узлов.

14-го видели мы опять много птиц, хотя менее вчерашнего, и между прочими фазана. В продолжение нескольких дней вода в шлюпе не прибывала, тогда как прежде входила по 2½ дюйма в сутки. Вообще мы заметили, что со времени конопатки нашего шлюпа в Рио-Жанейро воды час от часу стало прибывать менее. Пополудни в 5 ч., ветер начал стихать до того, что к 8 ч. сделался совершенно штиль, и пошел самый мелкий дождь или лучше сказать, дождливая пыль. В продолжение сих суток замечены были штилевые полосы в направлении к востоку и западу. Утром задул малень-

кий ветерок от северо-северо-запада и к юго-западу стало выясняться. Мы надеялись, что будет юго-западный, но, напротив, скоро сделался штиль, а потом задул тихий ветер от OtS, погода была пасмурная и облака шли то от юга, то от юго-запада. Птиц сего дня не видели.

Поутру [15-го] в 9 часов было полнолуние, и мы надеялись иметь свежий ветер, однакож все был тихий от юга. С утра летали часто около шлюпа птицы из рода бурных, а у борта множество касаток, также один небольшой альбатрос, который спину и сверху крылья имел бурые, а брюхо и низ крыльев белые.

В 11 ч. вечера [16-го] сделалась небольшая килевая качка, а после оной тихий ветер с зыбью от запада, туман и временем облачно.

Поутру [17-го] дождь перешел, и ветер стих, но волнение от запада было весьма большое. Мимо нас пролетели утки из рода нырков и два альбатроса, один подобный вышеописанному, а другой больше черный. Около полудня пошел было опять дождь, но в самый полдень перестал, и мы успели взять меридиональную высоту солнца. В 2 ч. ночи, при возобновившейся пасмурной погоде, мы закрепили брамсели и у марселей взяли по рифу, а после, когда сделалось тише, поставили брамсели.

19-го видели опять множество птиц как бурных, так и береговых и маленьких серых, наподобие куликов, которые весьма часто махали крыльями, и еще одну, весьма похожую на ястреба. В 4 ч. вечера прошли дерево, которое плыло в воде стоймя. В 6 часов утра ветер вдруг весьма скрепчал, и шел беспрестанно дождь. Барометр уже несколько дней понижался и теперь стоял на 29^{мм}, 69, почему мы предполагали, что крепкий ветер будет продолжаться, термометр же показывал 10¹/₂°. В 9 ч. утра ветер действительно стал свежее, мы убрали лисели и брамсели, через полчаса начали у марселей брать рифы и пока делали сие у грот-марселя, ветер до того усилился, что вместо одного рифа должно было взять три. В сие время разорвало фор-марсель между третьим и четвертым рифом. Это заставило нас взять все рифы, а у нижних парусов по одному.

В полдень [20-го] ветер столько усилился, что наши рифленные марсели не могли выстоять и их все разорвало. Мы немедленно закрепили и остались под одними

нижними рифлеными парусами, также спустили брам-рен и брам-стенги в росторы. В половине 4-го часа несколько ветер уменьшился, почему и начали мы отвязывать марсели и на место их подымать новые. Хотя сей жестокий порыв продолжался не более 8 часов, но развел весьма большое волнение; после он несколько стих, но все еще был крепок и ходу при нем было до 8 узлов. В 6 ч. мы поставили новый, всеми рифами рифленный грот-марсель, а в 7 ч. и фор-марсель, новый же. Птиц около нашего шлюпа прежде всегда бывало довольно, но в сие время осталось их мало. С полуночи дул крепкий рифмарсельный ветер от северо-востока, было большое волнение, и иногда шел дождь. Поутру [21-го], в 9 ч. ветер немного стих, и мы отдали у марселей по рифу. В продолжение сего времени мы видели маленьких бурых ласточек, одного ястреба, топорков и дерево, стоявшее в воде прямо. 21-го с полудня мы отдали по другому рифу и видели множество птиц и китов, шедших к юго-западу. 22-го тем же крепким ветром изорвало у нас фок, который тотчас был заменен новым, а 23-го при сильном волнении привязали грот, боясь чтоб и его не изорвало. Прежние наши паруса служили нам от Кронштадта, но не выслужили и одного года и в такое еще время, когда мы весьма мало имели крепких ветров и штормов. Чего же бы надобно было ожидать, если бы пришлось с оными отлавироваться от какого-нибудь опасного места?

В 8 ч. вечера видели опять дерево, казавшееся давно плавающим, и много морских и береговых птиц. Ветер сделался между тем тише, и мы начали прибавлять парусов. Замечено было, что в сей крепкий ветер воды входило в шлюп менее, нежели прежде, но качало его более, только боковая качка была плавнее прежней. Сего же числа подняли у нас брам-стенги и поставили брамсели. Около шлюпа летало множество береговых птиц, топорков, айр и урилей¹²⁸. По карте, данной нам от Адмиралтейского департамента, остров Амчитка был от нас в полдень на севере в 37 милях. Мы держали в пролив от него между островами Семисопшным и Горелым¹²⁹. Наши карты в сем случае верны, ибо Сарычев проходил гряду Алеутских островов с северной и южной сторон по два раза, напротив, карты Арро-

велиста на сей предмет вовсе не годятся, в чем мы после удостоверились.

24-го видели множество травы, называемой морской капустой¹³⁰, и береговых птиц. В 5 ч. вечера бросили лот, но лотлинем в 100 сажений дна не достали. В 6 ч. находясь по исчислению от южной оконечности острова Амчитки на SO в 73° в $12\frac{1}{2}$ миль, привели бейдевинд на правый галс, и таким образом под малыми парусами пролежали до полуночи. В час поворотили на левый и лежали бейдевинд на W. В 3 часа утра [25-го], когда туман немного прочистился, мы усмотрели низменный берег острова Амчитки на NWtN и считали оный за юго-восточную сторону острова, после легли на N. Скоро остров вновь покрылся туманом, но в половине 6-го часа опять прочистилось, и мы увидели прямо по курсу не далее $\frac{1}{2}$ мили камня и риф, идущий от северной его оконечности на две мили к востоку и весьма сильный на нем бурун от довольно свежего ветра и волнения. Тотчас положили мы лево на борт, и команда была в минуту по местам; затем привели бейдевинд на OtS и чрез полчаса, прошед риф, спустились на NO, имея ходу 5 узлов. При сем случае малейшая оплошность или продолжение тумана заставили бы нас заплатить весьма дорого, и если бы мы при сем ходе продолжали еще идти хотя пять минут, то шлюп наш верно бы погиб безвозвратно. В $6\frac{1}{2}$ ч. миновали риф. на коем, в расстоянии от острова $1\frac{1}{2}$ мили, есть подводный камень, бывший тогда в створе с северо-восточным мысом острова NW 76° , в 3 мили.

В восьмом часу густой туман совершенно закрыл остров. Мы легли на NNO, чтобы пройти Семисопошный в 10 милях, но как туман продолжался во весь день, то мы в полдень легли на NOtN.

25-го ветер стих почти до маловетрия, так что ходу было иногда только один узел. В 7 ч. вечера, когда туман немного прочистился, мы увидели южный остров Семисопошного, на SW 87° в расстоянии 13 миль, но вскоре оный снова закрылся туманом. Вечером сделалось маловетрие между югом и востоком, и туман садился на снасти каплями. Сего числа видели мы множество птиц, китов, сивучей и косаток¹³¹, игравших на поверхности моря. У сих последних на хребте перо так велико, что издали при увеличивании от рефракции казалось алеу-

гом, едущим на байдаре. Явление сие неоднократно при-
нуждало нас брать трубу и осматривать горизонт. С по-
луночи ветер сделался западо-северо-западный и когда
пошел к северо-западу, тогда и пасмурность прочисти-
лась. В половине четвертого часа увидели мы на SW 82°
северную часть острова Семисопшного и в половине
восьмого легли на NO; в 8 ч. по компасу открылся на
SO 70° остров Горелый, который местами был покрыт
снегом, отчего и днем было весьма холодно. Каждую
ночь по приближении к Алеутским островам было толь-
ко 3° теплоты. В сие время мы пеленовали остров Се-
мисопшный на SW 70°. Остров Горелый находился от
нас в 15 милях, что мы приписали действию на нас
течения. После сего ветер начал свежеть от северо-запа-
да, и сделалось яснее. В 10 ч. острова Семисопшный и
Горелый закрылись мрачностью.

В полночь [26-го] ветер засвежел было так, что ходу
сделалось до 8 узлов, но вскоре начал оный стихать.
Около полудня пролетело мимо нас стадо гусей. В 6 ч.
вечера стали держать на NOtO. В сие время ветер опять
засвежел, почему мы закрепили брамсели, а как баро-
метр беспрестанно понижался, то мы, ожидая крепкого
ветра, взяли у грот-марселя один риф и у прочих по два.
Около полуночи ветер стал отходить к северу и сти-
хать, почему мы поставили брамсели. В 12 ч. барометр
показывал 29^{дм} 22', а термометр 2°. В 3 ч. разорвало у
нас грот-брамсель, который мы переменяли новым. С по-
лудня [27-го] барометр понижался, ветер стихал и в
5-м часу подул от NtO, почему мы поворотили на левый
галс и легли на NW¹/₂W. Туман продолжался и был
так силен, что со снастей капало наподобие дождя.
В 8 ч. барометр был 29^{дм} 18, термометр 2°,7+, а ветер
все дул тихий. В 11 ч. отдали у марселей по рифу; ве-
тер стал свежеть, а барометр повышаться. В полночь,
когда поворотили на правый галс и легли на NWtN,
ветер стал отходить к востоку и свежеть так, что в 8 ч.
[28-го] взяли второй риф и у грот-марселя. Вскоре сде-
лалось ясно, ветер засвежел более, и мы взяли у двух
марселей по третьему рифу.

28-го видели чаек, топорков и урилов; в начале 9-го
часа вечера по тихости ветра отдали у марселей по ри-
фу. В полночь задул брамсельный тихий, а в 5-м часу
сделалось маловетрие.

К полудню [29-го] ветер снова засвежел, мы убрали верхние паруса, а у марселей взяли по рифу. По счислению находилась от нас по русской карте северная часть острова Атхи¹³² у Огнедышащей горы на SO 10° в 81½ милях.

С полудня [30-го] ветер крепчал так, что мы взяли у марселей еще по два рифа, а к полуночи сделался от северо-востока, но скоро стих. Мы стали прибавлять парусов и поворотили оверштаг на правый галс. В это время капитан наш, давно уже перебогавшийся, так сильно занемог от простуды, что был не в состоянии

Остров Старый Богослов

выходить наверх и даже принужден был слечь в постель, но не более как на двое суток.

Продолжая плавание при свежих ветрах, увидели мы 1 июня, в 8 ч. утра, по компасу на OtN остров Горелый и левее его столб. Мы лежали тогда на ONO, а потому, приведя на два румба влево, легли на NO. По глазомеру мы были от острова в 7 или 8 милях. Вскоре нашел туман и скрыл его от нас из виду.

Натуралист сделал замечание, что во время появления сего острова были извержения во всей Америке и во многих других местах. К сему должно прибавить слова наших промышленников на острове Уналашке, что

тогда же обрушилась вершина сопки, находившейся на мысе Аляске¹³³.

Крюков¹³⁴, также сие рассказывавший, был в то время на острове Унге. Мы сожалели, что по причине пасмурности не могли определить хорошо широту и долготу острова Горелого. На картах оный еще не был показан, и если бы видны были Уналашка и Умнак, то можно бы было определить его по пеленгам. Для сей-то причины мы и хотели его видеть. Около 10 ч. несколько прочистилось, и остров был весь открыт, кроме верхушки, находившейся в дыму.

О-в Старый Богослов в момент извержения

Натуралист просил у капитана позволения осмотреть остров¹³⁵. У меня также было к сему большое желание, ибо со времени его появления ни один из испытателей природы не бывал на нем. Оставалось только одно препятствие, чтобы не занесло его опять туманом, но как барометр беспрестанно возвышался, то капитан и решился послать на остров меня с натуралистом для возможного исследования. Мы поехали к нему на катере в половине 11-го часа и скоро потеряли его в тумане, а через полчаса и самый шлюп. Вернуться было бы еще хуже и потому, полагая итти к острову для исследования, я решился, если туман не пройдет во весь день и далее, что здесь случается нередко, плыть прямо на Уналашку

и там ожидать шлюпа, ибо провизии на катере было весьма недостаточно. Однакоже до сего не дошло, как можно видеть из следующего рапорта, представленного мною капитану Шишмареву по возвращении нашем на шлюп.

«Быв послан сего числа с натуралистом для осмотра Ново-Горелого острова, отвалил я от борта и взял курс OtS прямо к острову, но вскоре как оный, так и шлюп закрылись туманом. Пролежав еще около получаса мы увидели остров прямо по румбу и несколько под ветром, почему и спустились на OtN. Ветер был свежий. Подойдя ближе, за 75 сажен, привели мы вдоль острова, обогнув его юго-восточный мыс с кошкой, зашли под ветер, где полагали найти пристань или хотя меньший бурун для пристани. На остров я не входил, ибо натуралист не видел в том надобности, но исследовал по возможности следующее.

Вышина острова около 400 футов, окружность около 4 миль, низ подобен всем Алеутским островам, а верх должен быть вулканический, ибо, объезжая вокруг с подветренной стороны, мы слышали серный запах. Из четверти видимой высоты вытекал довольно большой ключ воды; глубина от берега на 50 сажен 9 и даже 11 сажен, грунт — крупный желтый песок, а на 100 сажен от него — 16 сажен, грунт тот же.

Пристать не было возможности. Видя острые камни на дне и заключая, что остров сей вулканический, я полагал, что подобные камни должны быть и около острова, да и бурун был довольно силен. Я полагал стать на дрек и выйти вброд, но меня удержало от сего великое множество сивучей, бывших тут на ложбище со своими самками и детьми, так что видимая низменность, по которой нам пришлось бы итти, если бы мы желали выходить на берег, была покрыта ими, совершенно как покрывалом; известно же, что животные сии в сие время весьма злы, к тому же, как натуралист уверял меня, что не имел надобности выходить на остров, ибо и так все видел, то я не имел на то права. Остров сей, как выше сказано, вулканический, но низменность его уже охладела, доказательством чему служит лежбище вышеозначенных животных. Вонь от них и шум были чрезвычайны, даже до того, что на катере в довольном расстоянии мы с трудом могли слышать друг друга, а от плавающих

около катера сих животных и моржей не было терпения, ибо они так близко подходили к оному, что по лбам многих из них матросы били руками, казалось, они хотели заглянуть в шлюпку, а моржи даже были опасны, ибо могли зацепить своим зубом за борт катера, хотя нечаянно и, конечно, в таком случае его перевернуть. Для удаления их я выпалил из ружья холостым

Вид острова Уналашка с северной стороны при входе в Капитанскую гавань.

зарядом, но облегчения от сего было весьма ненадолго.

Остров лежит NW и SO. По NW сторону не более как в 150 саженях от него стоит кекур¹³⁶, вышиной около 80 фут, похожий издали на тендер под парусами. От него еще саженях в 125 небольшой камень, и за ним продолжается риф на NW по крайней мере на 400 сажен. С самого верху, сколько мы могли видеть, и низменность осыпана пеплом, вероятно от прорвания¹³⁷ Умнака, а не от себя, ибо об извержениях из него от здешних алеутов еще не слышно. По известиям от тех же старых алеутов по юго-восточную сторону была хорошая пристань, но теперь от землетрясения или от сильных бурунов и вида ее не осталось.

[Так] как верх острова был покрыт дымом, а туман все еще не проходил, то я по позднему времени решил лучше пуститься к шлюпу, взяв [курс] WtN в надежде его увидеть, если в продолжение часов двух туман делается хотя несколько реже. В случае если бы, пролежав в море два с половиной часа, я шлюпа еще не увидел, то имел намерение повернуть и итти прямо на Уналашку в селение Иллюлюк. Через 1 и $\frac{3}{4}$ часа увидели мы шлюп прямо по [курсу] на WtN. О чем имею честь донести, представляя при сем снятый с острова вид».

По приезде нашем на шлюп в четверть 5-го часа, капитан сказывал, что около 30 минут катер был виден, но потом как оный, так и остров закрылись в тумане, и все сомневались, чтобы мы нашли сей последний, хотя и имели с собой компас, но течение здесь между островами довольно сильно.

В 11 ч. легли мы в дрейф на правый галс. Остров был закрыт туманом на SO 80°. В половине 5-го часа мы подняли катер и легли в Капитанскую гавань. В 5 ч. прошли остров на траверсе, вправо в 2-х милях на OSO, и когда оный от тумана хорошо очистился, то казалось, что верхушка его была покрыта дымом, в чем мы сначала несколько сомневались, но после действительно уверились, ибо около сего дыма впоследствии было очень ясно. Теперь, кажется, можно остров сей положить на карте подле Столба в $\frac{1}{4}$ версты к SO, ибо Столб на карте Адмиралтейского департамента положен, как кажется, весьма хорошо, жаль только, что мы во все эти девять суток плавания около Алеутских островов почти не имели обсервации и не видели берегов.

В 2 ч. ночи при подходе нашем к Веселовскому мысу¹³⁸ сделался штиль, во время коего приехали к нам несколько алеутов с рыбой. Капитан велел им дать за сие табаку, сухарей и по чарке грогу, а одного из них послал назад в гавань с запиской к управителю, в коей, уведомляя его о нашем прибытии, просил на первый пушечный выстрел со шлюпа прислать к нему все какие найдутся байдары для буксира.

Глава VI

Прибытие в порт Уналашку и сведения об оном.—
Плавание к Берингову проливу и в зунд Коцебу.—
Нечаянное свидание с дикими американцами.— Ис-
следование ледяных гор.— Закрытие островов Ратманова
и Преображения, пайденных лейтенантом Коцебу.—
Соединение с шлюпом «Открытие».

Во время штиля течение прижимало нас к мысу Калехте, почему капитан приказал спустить баркас и все прочие гребные суда для буксира и пушечным выстрелом потребовал байдары. В 5 ч. [3 июня] ветер сделался от запада, и мы, оставив буксир, пошли под парусами. В 8 ч. опять заштило против мыса Константиновского и нам должно было прибегнуть снова к буксиру. Вместе с байдарками приехал к нам управитель Уналашки Крюков (родом из мещан Вологодской губернии). Ветер хотя и был легкий прямо из гавани, однако мы закрепили паруса и буксировались шестью судами. В 11 ч., пришед на глубину 13 сажен., грунт-дресва, легли мы близ кошки на якорь, в четверти мили от берега. Около полудня ветер задул от севера, и потому мы тотчас снялись с якоря и под двумя марселями пошли к селению Иллилюк или Согласия¹³⁹, но, не доходя до него мили полторы, заштило, и ветер начал задувать от юга. Тогда мы опять пошли буксиром.

С полудня было переменное маловетрие, облачно, над горами туман и временем сияние солнца. В 2 ч. мы дош-

ли до настоящего места, на глубину 14 сажен. Грунт — ил и в $\frac{3}{4}$ мили от селения остановились на якоре. По прибытии в Капитанскую гавань¹⁴⁰ просили мы Уналашкинскую контору уделить для нашей команды сколько возможно скота и получили быка в 12 пудов. При подходе к Уналашке, термометр стоял весьма низко, часто показывал менее $2^{\circ}+$ и редко выше $4^{\circ}+$, когда же мы вошли в гавань, то оный возвысился до $5\frac{1}{2}^{\circ}+$. Войдя в порт, мы немедленно отправили к берегу баркас и катер за свежеею водою, разоружили некоторый рангоут для поправления такелажа и свезли на берег кузницу для работы.

7-го сделалось несколько теплее, и термометр доходил до $6\frac{1}{2}^{\circ}$, но солнце почти не показывалось, и редкий день проходил без тумана, снег лежал на всех горах.

На рассвете 9-го числа стало выясневать и нам в первый раз удалось взять около половины 7-го часа высоту солнца. Пользуясь сей погодой, мы тянули такелаж и красили сажею бархоут. На Уналашке мы не нашли переводчиков, которые по предписанию компании должны были нас дожидаться, а как это было настоящей целью нашего прихода к сему острову, то мы и не хотели простоять у него более недели, но вышло иначе. Паруса, которые мы имели, в тропиках все изорвались и требовали хорошей починки, новые же привязанные на их места были велики, следовательно надобно их было убавить. Для сего капитан испросил у Крюкова горницу, куда поставили чугунную печь и поместили 9 человек парусников, кои работали в ней беспрестанно во все пребывание наше на Уналашке. Шлюп наш был в сие время в грузу: фор-штевень 12 футов 8 дюймов, ахтер-штевень 13 футов 11 дюймов, дифференту 1 фут 3 дюйма, и как оный весьма облегчился, то и нужно было прибавить в него 1 200 пудов каменного балласта, для чего потребовалось выгружать весь трюм, кроме нижнего лага, который мы засыпали. В водяном интрюме было положено каменного балласту 800 пудов, а в ахтер-люке 400. Вся сия работа, хотя и не тягостная, кончилась только 14 июня. В продолжение сего времени присланы были к нам от компании 6 алеутов и 4 байдары: две — трех, одна — двух и одна — однолючная. Мы же красили шлюп, исправляли такелаж, наливались водою, поверяли хронометры и проч.

Управитель сего острова Крюков, имел у себя сына, молодого мальчика, там родившегося и на Алеутских же островах воспитанного. Талант его к рисованию был необыкновенный. Увидев у нас портрет покойного императора Александра I работы Жерарда, он беспрестанно вертелся около него и рассматривал, марая иногда бумагу, и, наконец, так удачно его срисовал сухими крас-

Вид Капитанской гавани на острове Уналашка от алеутского селения Иллюлюк.

ками, что стоило удивляться правильности членов, точности копии против оригинала и расположению красок. Впоследствии он мне подарил сей портрет и я его содержу в моем кабинете в числе редкостей. Спустя несколько лет молодой Крюков был привезен в Петербург для усовершенствования его талантов, но вскоре по приезде заболел весьма сильно оспой, так, что не мог трогаться ни одним членом, даже раскрывать рта для принятия пищи. Я видел его в сем бедственном положении и всякий день привозил к нему лекарств, но оспа вошед во внутренность прекратила жизнь его. Наша

Академия Художеств могла со временем ожидать великих успехов от сего мальчика.

15-го в половине 4-го часа ночи снялись мы с якоря и пошли в море, но в 6 ч., пройдя Северный мыс Амаюнака, встретили ветер от NtW и потому поворотили назад. В 8 ч., находясь от южной оконечности кошки острова Амаюнака на NO 42° в $\frac{3}{4}$ мили, на глубине 10 $\frac{1}{2}$ сажен, грунт — песок с ракушкой, положили якорь. Вскоре сделался крепкий ветер со шквалами, и неблагоприятная погода сия, продолжавшаяся до утра 17-го числа, принудила нас все это время простоять без пользы.

В 5 ч. утра [17-го] при юго-юго-западном ветре шлюп снялся и вышел благополучно в море, взяв курс на северо-запад к острову Св. Георгия, куда капитан желал зайти за сивучьими кожами для починки байдарок и за торбасами¹⁴¹, коих бывшим с нами алеутам было отпущено только по одной паре; во весь сей день погода стояла хорошая, и только изредка находил туман; в 8 ч. утра пошел дождь, и ветер подул от юго-востока.

В бытность нашу на Уналашке узнали мы, что в марте сего 1820 г. провалилось одно место северной сопки на острове Умнаке. Длинною оно, по словам алеутов, около 7 верст, все наполнено водою и до сего происшествия горело сильным пламенем с извержением пепла, засыпавшего даже и Уналашку почти на поларшина и долетевшего, как нам говорили, до Унимака, что составляет 30 миль по прямой линии. Вероятно, на горах Уналашки снег был черен от сей же причины.

Во все время нашего плаванья около Алеутских островов стояла пасмурная погода, дули часто крепкие ветры, и было очень холодно. Натуралисту нашему весьма хотелось побывать на Умнаке и исследовать горелое место, но [так] как времени оставалось мало и ехать туда надобно было морем с хорошими гребцами на байдаре и в ясную погоду, то намерение его и нельзя было исполнить, ибо время стояло дурное, а искусные гребцы были все на бобровом промысле. По крайней мере, чтобы не упустить чего-нибудь, он отправился пешком в Макушинскую губу¹⁴² к селению, (куда и я с капитаном отправились, но только не пешком, а на байдарках), поблизости коего есть горячие ключи. Он иссле-

довал сии последние и нашел по части минералогии много любопытного. По словам его, в здешних горах находятся: медь, свинец, ртуть, сера и проч. и еще каменное уголье, найденное им в изобилии, только собирать его трудно, ибо оно далеко от селений, во внутренности острова, и потому живущие на Уналашке всегда будут нуждаться в дровах. В 1817 году, в бытность здесь брига «Рюрика», найден был торф, хотя и не в большом количестве, но близко к селению. На острове Амакнаке делали над ним опыт и топили им для печения хлеба, чтобы показать употребление его русским поселенцам, но мы теперь узнали, что они оставили вовсе собирание торфа по причине, как они говорили, что сушить его негде и что дурные погоды мешают ему сохнуть. Мне же кажется, что сие происходит более от их лени, и они лучше согласны для тепла жечь китовый жир, производящий страшную копоть и вонь, нежели заниматься сушением торфа, который должны добывать сами, тогда как китов промысляют алеуты и жир им достается без всякой работы. Натуралист наш уверял, что такой лес, как береза и ей подобный, может здесь весьма хорошо расти. Если бы компания старалась развести его на Алеутских островах, то какую бы она принесла пользу для человечества!

Крюков доставил нам привезенную с Умнака, самородную амальгаму¹⁴³, но только немного. Трава растет здесь прекрасная и вдовольном количестве по всем долинам, так что скота развести можно более, нежели сколько при нас было (6 штук). Огородные овощи родятся в изобилии, так что земля от сего слишком жирна, следовательно при порядочном устройстве жить здесь можно бы было в хороших домах и не хуже многих мест самой России или Сибири. По словам сего же Крюкова, в 1819 году родилась у него репа почти с тарелку, чего на худой земле случиться не может. Картофель родится хорошо, когда бывает посажен вместе с капустою, а впрочем идет более в траву; ясное доказательство, что земля жирна. Компания запасает рыбу на зиму для своих каюр и русских промышленников, также вдов и сирот алеутов... Всего в продолжение зимы она должна кормить до 200 человек. Для сей-то причины, по всем селениям, где есть речки, имеются невода, которыми производится там лов во все лето, а для присмотра

за ними посылается русский промышленник... При Уналашкинской конторе находилось при нас всех русских 17 человек, в том числе и правитель. Из них семеро жили по тем селениям, где находятся реки, остальные были или чиновники, как-то: правитель, староста, приказчик, конторщик и проч., или байдарщики.

В нашу здесь бытность мы заметили, что русские, ездившие на байдарках за промыслами, или куда-либо в другое место, всегда хуже знали свое дело, нежели алеуты, с ними же тут бывшие. Это и неудивительно, ибо алеут, можно сказать, родится на байдаре, способен ко всем промыслам и знакомится с малолетства с ветрами и течениями...

Вся должность, отправляемая здесь русскими, состоит в ловле лисиц, продолжающейся один или полтора месяца в году, с половины октября по декабрь, а как их мало, то нанимают они для сего алеутов, платя им от 80 до 100 рублей.

Известно, что из всех морских зверей, китов и рыбы, доставляемых алеутами, компания берет половину за самую малейшую плату, почему алеуты не могут быть богаты, ни под каким видом. С приездом туда лейтенанта Яновского увеличена была на все цена, например за кита прежде платили от 5 до 10, а ныне, смотря по величине, от 10 до 20 руб.; за бобра прежде пять, ныне 10 руб.; за треску каждую ныне платят 5 копеек, а до того ничего не платили. Вместе с ними на прочих зверей цены также возвышены...

Между тем погода недолго нам благоприятствовала, в ночи 18-го числа пошел дождь с порывами и мы закрепили брамсели, а в 5 ч. утра взяли по рифу у марселей. В 6 ч. ветер сделался тише, и мы могли поставить брамсели. В полдень остров Св. Георгия находился от нас на NW $30^{\circ}1/2$ в 17 милях, но в тумане не был виден. В половине 2-го часа прочистилось; я и капитан в 2 ч. 25 м. успели взять высоту солнца для определения долготы острова, к коему хотели зайти за лафетами, сивучьими кожами для алеутских торбасов и в случае починки их байдарок и проч. Но вскоре ветер начал заходить к западу и согнал нас на NNW. В 6 ч. остров закрылся в туман, и потому мы, лежа последним румбом, еще надеялись видеть и посетить остров Св. Павла, с тою же целью как и Св. Георгия. В то

время, как мы начали приближаться к островам Прибыловым¹⁴⁴, топорки, айры и утки летали кругом нас в величайшем множестве. Также видели мы много сивучей и китов. В исходе 1 ч. ночи ветер начал свежеть и поутру не допустил нас не только зайти к острову Св. Павла, но даже и видеть оный. По сей причине, мы пошли прямо к острову Св. Лаврентия. На пути сем айры почти не отлетали от нас, так что мы били их на лету из ружья, ибо служили они нам хорошей пищей к столу на жаркое, и однолючная¹⁴⁵ байдарка едва успевала их к нам привозить. Часто мы видели сивучей, игравших на воде.

21-го пронесло мимо шлюпа множество бревен, какое-то большое мертвое животное и еще дерево, на коем казалось лежали мешки, чем-то наполненные. Мы тотчас спустили ялик, легли в дрейф, и я с натуралистом поехали смотреть его, но нашли, что мнимые мешки были величайшие два нароста с двух сторон дерева, означавшие болезненное состояние оною.

В 9 ч. утра умер у нас скоропостижно матрос Панфилов, бывший при кают-компании поваром. Он вышел в галюн, и там сделался с ним обморок. Отведенный немедленно в лазарет он жаловался, что чувствовал давление в груди, но едва успели его положить на постель, как он лишился чувств и все пособия остались тщетными. Как капитану нашему, так и всем офицерам весьма прискорбно было видеть, что уже другой человек умирал таким несчастным образом. В продолжение года мы потеряли уже трех служителей, не имев ни в чем недостатка, никаких нужд и затруднительных или тяжких работ. Можно бы подумать, что причиной сему было какое-либо упущение в чистоте воздуха в шлюпе, пище, белье и проч., но всякий из нас и сами матросы могли сознаться, что капитан не упускал ничего из виду, что могло служить к здоровью вверенной ему команды. Палубу, где жили служители, ежедневно подсабливали, в сырую погоду на целые дни ставили и топили печь, курили, пищу давали лучшую, какую только можно было требовать. В бытность нашу на Уналашке мы запасли 5 бочек конского щавеля и заквасили его, как капусту. Белья и платья у служителей было в весьма достаточном количестве, и мы строго смотрели, чтобы они в неделю два раза сменяли оное,

чтобы никто не ходил в сыром платье и не ложился бы спать, не раздевшись.

В полдень [23-го] мы имели обсервацию, глубина 23 сажени, грунт — ил; в 3 ч. ночи мы увидели на NtW остров Св. Лаврентия.

В начале 1-го часа пополудни, подошед к кошке, выдавшейся от юго-восточного мыса острова и имеющей селение, легли мы в дрейф под грот-марселем, на правый галс. Капитан, я и еще некоторые из офицеров отправились на двух вооруженных шлюпках к селению, взяв для предосторожности нужное вооружение. На другой из сих шлюпок повезено было тело умершего матроса, которого капитан желал лучше похоронить на острове, нежели бросить в море. Тело отпели на шлюпе и почтили при спуске на шлюпку трехкратной пальбой из 20 ружей.

В сие время термометр показывал $8^{1}/_{2}+$ в первый еще раз по оставлении Уналашки. Вообще мы заметили, что чем далее отходили от Алеутских островов к северу, тем было теплее. На острове Св. Лаврентия снегу почти не было, Уналашкинские же горы почти все были им покрыты. Впрочем, со времени нашего плаванья от Уналашки прошло уже 5 дней и потому неудивительно, что здесь было теплее. Кошка, на которой находится селение, выдается к востоку на одну милю и имеет два небольшие рифа: один к востоку же, а другой к северо-востоку.

Подъезжая к селению, мы рассматривали, где бы удобнее можно было пристать, и увидели на берегу жителей, кои, махая руками, показывали для сего место, у которого мы тотчас и остановились. Жителей сих было шесть человек, все они не имели никакого оружия и каждый держал что-нибудь на продажу, как-то: моржовые зубы, рыбу, убитых птиц и птичьи шкуры. За это просили они табаку, повторяя беспрестанно: «тавваком, тавваком». Вышед из шлюпки, капитан роздал им по несколько табачных листов, не взяв с них за оные ничего.

Сначала были они весьма рады сему подарку, но после предлагали беспрестанно свои вещи, прося за оные табаку. Здоровались они с нами, дотрагиваясь носами и глядя рукой вдоль от лица, по животу и груди, прежде себя, а после того, с кем здороваются.

Натуралист наш немедленно пустился в горы с вооруженными людьми, а мы начали выменивать изделия для редкости и рыбу для пищи, платя табаком, иглами и т. п. Осматриваясь около себя, мы увидели десять зимних юрт, устроенных в земле, в которые дверью, окном и трубой служила одна и та же дверь, сделанная сверху. Сии были довольно просторны, но чрезвычайно нечисты. Еще находилось около 20 балага-

Вид летних чукотских юрт и якорного места в губе Св. Лаврентия.

нов для сушения рыбы, сделанные из кольев, весьма похожие на наши провесы, на коих в деревнях сушат лен, и между ними три летние юрты, видом четырехугольные, составленные из кольев, с кровлей покатой на одну сторону и закрытые все моржевими кожами. Все их жилища и хозяйство я осмотрел с большим примечанием.

Познакомясь с жителями, объясняли мы им пантомимами, что желаем похоронить на их земле умершего. Не знаю, поняли ли они нас, но только не препятство-

вали рыть могилу и по опущении в нее покойника поставить над ним крест, на котором вырезаны время его смерти и название шлюпа. На кошке нашли мы три озерка, из коих в двух вода оказалась соленою, а в последнем, большем и крайнем к морю, — пресной. Мы ее отведывали и находили на вкус весьма хорошей, но жители показывали знаками, чтобы мы ее не пили. Причина же сего нам осталась неизвестной. Капитан наш, заметив между сими дикарями двух старшин, одного лет около 60, а другого 40, надел им на шею по бронзовой медали, на белой тесьме. Мы объяснили знаками, сколько могли, их значение, а дабы они поняли, что медаль есть вещь значущая, то капитан, подъезжая к ним, дал каждому офицеру также по медали, для повязки на шею, а сам надел две; медали сии мы не снимали во все наше там пребывание.

Нам весьма хотелось посмотреть летние юрты жителей, но они всеми мерами старались нас от сего отклонить, однакоже по сильному убеждению, наконец, согласились впустить капитана и меня, показывая, чтобы прочие не входили. Двое старшин были нашими проводниками. Мы не нашли там ничего, кроме нескольких пузырей с жиром, великой нечистоты и ужасной вони, и потому скоро вышли вон. После сего, зайдя в одну зимнюю юрту, нашел я там старую женщину, которая весьма испугалась моего появления и не только ни слова не говорила, но даже и не взглянула на меня, из чего можно заключить, что жители сии ревнивы. Я дал ей игол, табак и зеркальце и тотчас удалился, ибо могла бы случиться неприятность, если бы меня нашли здесь мужчины. Надлежало полагать, что они, увидя нас на приближающихся шлюпках, женщин и детей своих отослали внутрь острова, как делают обыкновенно все жители сего края. Может быть, чукчи или американцы нападают на них и отнимают женщин, и что они от нас ожидали подобного.

Мы были на острове уже с час, как появились еще шесть человек на другой стороне кошки, но, повидимому, боялись к нам приблизиться; когда же мы растолковали нашим приятелям, чтобы они позвали своих товарищей, ибо мы им дадим также табак, то они тотчас начали кричать и тем их пригласили. Мы немедленно наделили их несколькими листами табаку, а они

начали продавать нам рыбу, как видно было, недавно пойманную. Один из них был пожилой и, как казалось, весьма между ими уважаемый. Старшины, показывая на него, что он также начальник, просили, чтобы мы и ему надели медаль, что и было исполнено. Между тем время было уже к вечеру, старшины начали толковать нам, чтобы мы ехали домой, повторяя слово: «тагома анайман», что значило: «ступай, приятель», и показывая руками на наши гребные суда и шлюп. Действительно, нам уже была пора ехать, но мы дожидались натуралиста, когда же он возвратился, то, не теряя времени, отправились домой. По отъезде нашем от берега сажень на пять расстояния, все жители начали кидать в воду камни, из которых, по счастью, ни один в нас не попал, но оные сыпались градом у борта шлюпки. Мы не понимали сего значения и находились в недоумении: если бы жители хотели бить нас, то могли бы сделать сие без всякого труда, ибо мы были от них еще близко, к тому же они бросают камни весьма метко, особенно из праща, что мы впоследствии несколько раз видели. Впрочем, мы не подали никакого повода к нападению. В путешествии капитана Биллингса¹⁴⁶ сказано, что когда он подъезжал в Мечигменский губе к одному селению, коего старшина находился вместе с ним, то чукчи, в знак дружбы, бросали в воду камни. Наши матросы, ощупывая некоторых жителей, находили у них за левыми рукавами под парками¹⁴⁷ большие ножи. Вероятно, что и все они запаслись сим оружием, также как и мы, из предосторожности.

Возвратясь к шлюпу около 6-ти ч. вечера, снялись мы с дрейфа и легли на ОНО, на глубине по лоту 10 сажень, на сером песчаном грунте. Как северная сторона острова Св. Лаврентия не была еще никем видима в близком расстоянии, то мы и положили описать. Продолжая наше плавание, мы увидели перед собой сплотившийся лед, который однакоже не был стоячим или, как называет его капитан Кук, ледяным полем или ледяными островками, но вероятно оторванный ветрами от берегов и скопившийся у острова Св. Лаврентия. В этом убедились мы из того, что в некоторых местах за льдом видна была вода и даже, казалось, было совершенно чисто. Мы не хотели пуститься в льды, боясь без всякой пользы ободрать.

у шлюпа медную обшивку, а лежали вдоль оных. По-года была самая приятная, и лед находился от нас не далее полумили, под ветром. В полночь солнце светило весьма ярко, и горизонт был весьма чист. В 2 ч. ночи видели мы великое множество моржей, которые, казалось, имели совокупление, ибо плавали один на другом, большими кучами, с ужасным ревом и хрипением. Лед виден был с салинга несколько правее нашего курса, и потому мы поворотили на левый галс и легли на юг. Около вечера [24-го] найдено восточное склонение компаса $24^{\circ} 56'$, сходное с наблюдением Сарычева и Козебу. В 8 ч. виден был берег Америки двумя острыми холмами и правее несколько малых холмиков, на NtO в расстоянии, по исчислению около 54 миль. Мы почли его за остров Аякс. К ночи заштилело, и стало прижимать нас ко льду, однако при сделавшемся маловетрии мы отошли от оного.

С полудня [25-го] подул тихий ветерок от юго-востока и льда совершенно не было видно, вероятно, от того, что течением снесло его к северу. Хотя мы и точно были уверены, что далее к американскому берегу лед еще был и что в один день много его отнесено быть не могло, но надежда найти проход к Берингову проливу, поселяла в нас желание итти еще ко льду. Капитан, по опыту своему, уверял, что до тех пор нельзя пройти к северу, пока лед не растает или не будет унесен в Ледовитое море, и потому мы легли на [курс] NOtO. В половине 2-го часа опять увидели остров Аякс на NO и правее его, около двух румбов, много высокостей. Вскоре же за сим усмотрено было с салинга, что перед носом шлюпа и вправо перед берегом находился лед, но влево его не было видно, а потому мы и привели прежде на NNO, потом на N, NNW и наконец на NWtW. В 4 ч. термометр показывал 7° , глубина была $19\frac{1}{2}$ сажен, грунт — ил с песком. В 7 ч. лед был виден вправо и влево, но перед шлюпом, на NWtW носило только куски оного, некоторые до 20 сажен в окружности. В сие время мы уже входили между ними и старались рассмотреть в трубу ближайший лед, чтоб узнать, была ли возможность итти далее по курсу, но вдали оказалось такое множество льдин, что, не желая без пользы подвергать шлюп опасности, капитан велел привести в бейдевинд на левый галс и итти прочь от оного.

Мы убедились, что пройти через лед без опасности было невозможно, а как далее к Берингову проливу берега становятся между собой ближе и проход уже, то и лед, носимый туда ветром и течением, должен быть между собой плотнее. Таким образом, отошед от льда, мы приняли прежнее намерение — осмотреть северную сторону острова Св. Лаврентия, куда и начали лавировать. Сего числа после обеда команда училась стрелять из ружей в цель деревянными пулями и по одной на человека свинцовой.

Беспрестанные густые туманы скрывали от нас берега в течение двух суток, так что мы отчаивались успеть в нашем предприятии, но, к счастью, в полдень 28-го прояснилось, и мы могли приступить к описи.

Глубина шла 16, 15, 14 и 13 $\frac{1}{2}$ сажен, грунт был серый песок с ракушками. Берег сначала усеян горами, между которыми находятся большие долины, низменность же едва была видна. Вообще с дальнего расстояния, например около 20 или 15 миль, остров Св. Лаврентия кажется состоящим из множества высоких островов, разделенных между собой проливами, но, по приближении к нему миль на 7, видно, что все сии возвышения соединяются низменным берегом. По горам во многих местах еще лежал снег, прямо перед нами виден был высокий берег, но левее, на три румба, ничего не было заметно, почему мы лежали на WtS до тех пор, пока не увидели со шканцев низменность, соединявшую берег, совершенно ровный и низкий, простирающийся на 15 миль. Тогда мы легли на WNW и вскоре увидели на северо-западе отделившиеся от берега три столба, из коих самый больший гораздо выше Уналашкинского, прочие же ниже оного. Все оные, казалось, походили издали на большие суда под парусами. Подходя к ним, мы легли на запад, ибо берег от Загористового мыса заворачивал также к сему румбу и шел весьма ровно, только вдали на WtS $\frac{1}{2}$ W видна была гора.

Когда мы пришли на траверс кекуров, то ветер задул крепче от WSW, пошел дождь, и сделался густой туман, совершенно закрывший берег. Мы принуждены были отложить опись до другого благоприятнейшего времени и, спустясь в Берингов пролив, в 7 ч. 20 мин. вечера легли на NtW прямо к островам Гвоздевым. Нам хотелось пройти их по западную сторону, чтобы видеть

и проверить положение острова Ратманова, виденного в 1816 году и так названного лейтенантом Коцебу. Ветер был крепкий, так что мы взяли у марселей рифы; ходу было до 8 узлов, и часто шел сильный дождь. К полуночи сделалось тише, и мы могли отдать рифы. Дождь перестал в два часа ночи, но туман продолжался; термометр показывал $2\frac{1}{2}^{\circ}+$. В 8 ч. утра [29-го], когда сделалось несколько яснее, мы увидели на NNW берег, казавшийся тремя островами, а на северо-восток еще другой, гористый. Судя по счислению, мы никак не могли положить, чтобы острова сии были Гвоздевы, но, подойдя к ним ближе, совершенно уверились, что это были они, а берег, виденный к северо-востоку, мыс принца Валлийского. Около полудня все их занесло туманом, и хотя мы не имели обсервации широты, но почти в самый полдень успели взять пеленги всех трех Гвоздевых островов и мыс принца Валлийского, который тогда находился от нас на OtN в 25 милях, самый же западный из трех Гвоздевых на NW 6° в $7\frac{1}{2}$ милях. По сим пеленгам широта с карты $65^{\circ} 40' N$, долгота $190^{\circ} 48' O$, течение в четверо суток на NO $46^{\circ} 37' 31\frac{1}{2}$ миль, отчего мы и сомневались, точно ли сии острова были Гвоздевы. Лежа на NNW, или по правому компасу на N, сим курсом по карте Сарычева должны мы были пройти по восточной стороне острова Ратманова¹⁴⁸, а по карте Коцебу в двух от него милях к востоку, почему и надеялись утвердить его существование.

В час пополудни нашел прегустой туман, и ветер за-свежел. Глубина была 26 сажен. Грунт — камень с ракушкой. Мы убавили парусов, чтобы с большого ходу не набежать на остров, если оный существует, лежали прямо на север по правому компасу до 3-х ч. Таким образом мы сделали от полудня 18 миль¹⁴⁹, а глубина все еще не уменьшалась. По карте мы уже находились севернее острова Ратманова и прошли оный почти у самой восточной оконечности. Следовательно, не для чего было и идти далее к северу, и мы легли на северо-восток прямо в Зунд Коцебу¹⁵⁰, где было назначено место нашего соединения с шлюпом «Открытие».

[Так] как туман помешал нам утвердить, действительно ли существует вышеупомянутый остров, то и положено было исследовать сие на возвратном пути, если позволят обстоятельства.

Войдя в Берингов пролив, мы немало удивились, не увидев льда, как у острова Св. Лаврентия, только за четыре дня пред сим нами оставленного. Неужели в столь короткое время лед мог растаять, тогда как солнце весьма редко проглядывало, а мы в эти четыре дня не имели обсерваций. Правда, что ветер стоял всегда южный, следовательно, и лед должно было отнести к северу, притом же и течение найдено нами также к северу*. Но лед, который мы видели у острова Св. Лаврентия, простирался на весьма большое расстояние, а берег к проливу сужается, то посему и самый лед должен был сплотиться более. Уничтожение его не иному чему надобно приписать как тому, что часть его истерло бывшими свежими ветрами, другую же ветрами и течением унесло в Ледовитое море, а остальную разбросало по берегам.

Когда мы привели на северо-восток, ветер скрепчал так, что мы должны были взять у марселей рифы. Ветер сей был риф-марсельный, с порывами от юго-востока, но иногда дул довольно тихий, вероятно от гор мыса принца Валлийского. К вечеру, когда сделалось тише и немного яснее, мы увидели на $OtN^{1/2}O$ горку, образовавшуюся тремя холмами. По описанию лейтенанта Коцебу, ей должно было находиться на южной стороне залива Шишмарева¹⁵¹, но, впрочем, берега нигде не было видно; глубина была 22 сажени, грунт — ил и черная земля, а в 10 ч. — 15 сажен, грунт — ил. В половине 11-го часа [30-го] по счислению мы находились в широте $66^{\circ}19'N$ и долготе $193^{\circ}O$. Отдали у марселей рифы, а в половине 1-го часа увидели на восток-северо-восток мыс Левенстерна, от коего на северо-запад плавали во множестве куски льда. Глубина в сие время была 14 сажен, грунт — серый песок, а в 2 ч. $7\frac{1}{2}$ сажен и тот же грунт. Ветер дул весьма тихий от восточно-юго-востока. Хотя в сие время берега и не было видно, но лед, простиравшийся вдоль оногo, находился от нас не далее двух миль и, вероятно, прилежал к берегу. Около полудня заштило, и хотя несколько прояснилось, но обсерваций мы не имели.

В полдень мы видели на берегу гору, но весьма неясно и потому не могли брать пеленгов. Судя по

* Летом по большей части здесь бывают южные ветры, а от того и течение всегда на север.

карте, данной нам Государственным Адмиралтейским департаментом, ближайший к нам берег был в $7\frac{1}{2}$ милях, но по причине мрачности оставался невидным. Вскоре после полудня пронесло мимо нас мертвое животное, весьма походившее на свинью, шерсть на нем совершенно вылезла, и были видны уши. Мы были в недоумении; откуда бы взяться свинье, ибо известно, что в сих местах Азии и Америки животные сего рода не водятся.

Плавая таким образом около льдов и между оными, временем, по прочищении несколько тумана, видны были берега, совершенно покрытые снегом. В 4 ч. видели сквозь туман на северо-северо-запад берег, который почли за мыс Крузенштерна, т. е. за северный мыс Зунда Коцебу. В 6 ч. легли мы на NOtO в сей залив, но, пройдя несколько, увидели сплотившийся лед и в 10 ч. спустились на NNW к мысу Крузенштерна¹⁵², где нашли также лед и в таком количестве, что не было возможности войти в Зунд.

Если бы мы не должны были дожидаться в сем месте «Открытия», то могли бы идти далее к северу для обозрения берега. Еще другой причиной, не дозволившей нам сего сделать, был постоянный южный ветер, при котором мы не могли бы лавировкой прийти (идя обратно на место соединения, если б пошли на север) скоро в Зунд и тем задержали бы шлюп «Открытие», который, не видя нас в условленном месте, мог бы предположить, со всей вероятностью, что мы еще не пришли из Уналашки, и потому не пошел бы вперед. Наконец, как лед не допускал подходить близко к берегу, самый же берег был весь покрыт снегом, то и не было никаких приметных мест для положения на карту; иногда могли бы мы принять лед за берег, а иногда и обратно. Правда, что впереди было несколько гор, но они почти беспрестанно закрывались туманом. Вот причины, убедившие нас оставаться при входе в Зунд до пронесения нового льда или до соединения с «Открытием». Глубина была 16, 15 и 13 сажен, а грунт — зеленый ил. С полуночи пошел мелкий дождь, и мы весьма желали, чтобы он усилился и разбил лед. В полночь, при продолжавшемся дожде и сильном тумане, мы находились от льда только в 60 саженях и слышали бурун около оногo. Счисляя по карте Адмиралтейского департамента, мы

были у самого берега второго селения от мыса Эспенберга¹⁵³ к юго-западу, но по глубине и по мнимой широте 12 миль севернее. Барометр показывал 29 ~~мм~~ 71, а термометр 4°.

Течением ворувало наш шлюп во все стороны и несло к северо-западу. Вероятно, в сие время был отлив и течение шло от Зунда Коцебу, против входа коего мы находились. Глубина была 14½ саж., грунт — вязкий ил. В половине 8-го часа вечера [1 июля] по причине большого тумана мы убрали паруса и на глубине 13½ сажень, на иловатом грунте положили якорь плехт. Течение оказалось по правому компасу на северо-запад полмили в час. С полуночи носило около нас лед в довольном количестве и большими кусками. В три четверти 2-го часа течение переменялось и пошло на юго-восток по четверти мили в час. В 10 ч. [2-го] дождь перестал. К полудню лед усилился, стало выясневать, и начал открываться мыс Крузенштерна.

В полдень нанесло на нас великое множество льдин, из коих иные были в длину до 20 сажень, и все неслись из Зунда Коцебу. Опасаясь, чтобы оными не причинило шлюпу повреждения или не подорвало канат, мы снялись с якоря и пошли к Гвоздевым островам по курсу WtS, чтобы, имея свободное время, исследовать и остров Ратманова. В 6 ч. вечера, казалось, что около мыса Эспенберга был проход свободный от льда, и мы немедленно спустились прямо к Зунду. Лед был виден с обеих сторон, но впереди казалось совершенно чисто. Однако, пройдя несколько, мы уверились, что и тут по причине скопившегося льда невозможно было плыть далее и потому, опять поворотив, стали лавировать назад. Ночь была ясная и тихая, и мы до самого утра держались у входа в Зунд, в 20 милях от берега.

В полдень 3 июля, ровно через год по выходе нашем из Кронштадта, мы находились почти посредине входа в Зунд Коцебу, имея мыс Крузенштерна по пеленгам на NO 28° в 20 милях. Пользуясь тишиной, мы спустили ялик и осматривали, не обтерло ли где льдом медной обшивки шлюпа, но не нашли никаких повреждений, кроме, что у некоторых гвоздей оборвало шляпки, которые тотчас заменили новыми. В полночь мы опять легли к острову Ратманова, но в половине 8-го часа утра [4-го], пройдя 17 миль, увидели к югу лед и, пово-

ротив на другой галс, начали лавировать к условленному месту нашего соединения с шлюпом «Открытие». Ветер между тем дул от северо-востока, и мы надеялись, что силой оного разломает и вынесет лед из Зунда.

В полдень мыс Крузенштерна находился от нас в 28 милях попрежнему на NO 28°. В 4 ч. вечера, подойдя к оному на 14 миль, мы увидели от WSW, через N и O до SO сплотившийся лед, который занимал все пространство, какое только можно было усмотреть с салинга. Видя совершенную невозможность войти в Зунд, мы опять спустились к острову Ратманова и на сем плавании капитан, я и штурман имели наблюдения долготы по расстояниям луны и солнца. Ходу было 7 узлов.

В полдень [5-го] треххолмовая гора залива Шишмарева была от нас по компасу на SO 80°, а горы мыса принца Валлийского на S. По сим пеленгам, следуя карте Коцебу, остров Ратманова находится на SW 7° в 47 милях. Вскоре сделалось весьма пасмурно, пошел дождь, и ветер скрепчал от юго-востока до того, что принудил нас взять у марселей все рифы и спустить на низ брам-реи. К удовольствию нашему ветер сей продолжался недолго, и мы в половине 10-го часа вечера отдали рифы, а в 4 ч. ночи поставили брамсели. В 8 ч. утра [6-го] увидели мыс принца Валлийского по компасу на SO 48° и, взяв румб на другую гору, приметили, что во время ночи нас отнесло много к северо-западу.

При свежем юго-восточном ветре мы плыли на юго-запад, прямо к островам Гвоздевым. В 8 ч. вечера имели мыс принца Валлийского на O 11° в 6 милях; глубина шла от 10 до 6 сажен, потом начала прибавляться, и в полночь было уже 27 сажен, грунт — серый песок с мелким камнем. В начале 3-го часа ночи по компасу на StW 1/2 W увидели западный из Гвоздевых островов, а в половине 4-го, находясь от него по глазомерному расстоянию милях в осьми, легли на WSW, прямо на северную оконечность острова Ратманова. Вскоре нашел туман, и мы весьма на сие досадовали, ибо без сего случая могли бы видеть оба берега и все острова Гвоздевы, следовательно и остров Ратманова также бы не скрылся; однако в 8 ч. прочистилось. Идя вышеозначенным румбом, мы должны были пройти через сей остров, но опять его не видели, тогда, как судя по ве-

личине своей, он не мог от нас укрыться, ибо горизонт наш простирался кругом на 3 мили. Хотя и в оба раза, как мы желали осмотреть сей остров, был туман, но все-таки можно было заключить, что оный не существует или, по крайней мере, положен не на том месте. Весьма вероятно, что Коцебу принял туман за остров,— обстоятельство несколько неудивительное в сем море.

К полудню [7-го] прояснело, и мы прямо по курсу увидели восточный мыс Азии, который в самый полдень находился по крьюйс-пеленгу по правому компасу на SW 65° в 7 милях, широта его найдена 66°7'18"N.

Вычисления наши сего числа показали, что мы прошли не по острову Ратманова, как полагали, но севернее его миль 6, и потому еще была некоторая надежда найти его. Но когда в 3 ч. пополудни прочистилось настолько, что мы усмотрели острова Гвоздевы — Западный и Восточный, также и мысы Восточный и принца Валлийского, а острова Ратманова все не видели, то уже не сомневались в его несуществовании и, спустившись, легли на StW прямо на него. Пройдя 11 миль сим румбом, в 5 ч. вечера мы имели северную часть Восточного мыса Азии на крьюйс-пеленге по правому компасу на NW 79° 42' в 14 милях. По оному широта сего места вычислена 66° 7' 37" N, средняя из многих вычислений 66° 6' 15" N, а самого мыса 66° 4' 37" N. В то же время западный остров Гвоздева был на NO 70°, в расстоянии от нас на 12, а от Ратманова 6 миль, но сего последнего было вовсе не видно, хотя острова Гвоздевы, лежащие далее его шестью милями, были видимы весьма хорошо, горизонт же наш простирался не менее 20 миль. Итак, трехкратное, но бесполезное наше покушение осмотреть остров Ратманова принесло хотя ту пользу, что мы могли утвердительно опровергнуть его существование ¹⁵⁴. В 5 ч. мы легли на NO в Зунд Коцебу, где уже надеялись застать шлюп «Открытие». В полночь сделался туман с дождем, но через час первый несколько прочистился, а второй совсем перестал, и мы увидели на востоке горы, юго-западнее залива Шишмарева. Продолжая плавать при таких ветрах между льдами и подойдя ближе к мысу Эспенберга, мы имели вечером 9 июля свидание с дикими американцами из западного селения мыса Эспенберга. Они приехали к нам в числе 48 человек на 5 байдарках и хотели про-

менивать свои меха, но мы оных не брали, а одарили их табаком и другими мелочными вещами. Дикарии приставали прямо к борту нашего шлюпа без всяких околичностей, но ни один из них не решался взойти наверх, сколько мы их ни уговаривали. Одеты они были в еврашичьих¹⁵⁵ или выхухольных парках, весьма чисто сшитых, и почти все имели под нижней губой, по краям рта, прорезанные дырки, в кои был вставлен голубой крупный бисер, обделанный костью или камнями разных цветов. Кажется, что по сим украшениям можно

Жители залива Коцебу.

узнавать их старшин, ибо у некоторых бисер был большей величины и лучше обделан, нежели у прочих. Около ушей и носа вдоль по всему лицу были у них наколоты разные фигуры, и они готовы всегда и во всяком месте сделать на лице своем новую дыру, чтобы продеть в оную подаренную им нитку негодного бисера, особенно выбирали они голубой. Мы хотели выменивать у них оружие, а они вместо оного старались сбывать лисиц, из которых за каждую просили или топор или большой нож, но как сей товар их нам не был нужен для составления коллекции редкостей, то и одарили мы их одним табаком, на который они почти не обращали внимания. За каждую безделицу просили они весьма дорого, старались сторгованную уже вещь подменить на другую худшую, например, куницу — собачьим хвостом и т. д.

Из пеленгов 10 июля определили положение между мысами Эспенбергом и высокостью мыса Крузен-

штерна по правому компасу N и S 29 миль. 10 июля и следующие за ним полтора дня мы ходили около острова Шамиссо¹⁵⁶ в ожидании шлюпа «Открытие». 11-го числа за штилем от островов Шамиссо к северу в 7 милях стояли на якоре и посылали штурмана для промера южного прохода. 12-го числа пополудни в 2 ч. снялись и пошли по южную сторону сего острова, где лейтенант Коцебу не проходил, желая промерить сей вход в губу, который, если бы только имел достаточную глубину, то, повидимому, был преимущественнее северного по своей обширности, но течение препятствовало нам сие исполнить, и, ворочая шлюп, принудило идти северным проходом. В 4 ч. пополудни положили якорь на глубине 4 сажень, грунт — ил с песком, имея кошку острова Шамиссо в 1½ мили на SW 42°. На другой день в 8 ч. утра взяты были нами высоты солнца для определения долготы по хронометрам, и чтобы не терять в бездействии времени, мы решились съездить в восточное предместье губы Эштольц¹⁵⁷ в намерении осмотреть Ледяные горы, так названные Коцебу и отстоявшие от якорного нашего места на 20 миль к востоку. Но как мы плыли при весьма свежем ветре от юго-запада, то и проехали до цели нашей не более 3¼ часов. В сем отряде находились: командир шлюпа, я и еще некоторые из офицеров. Мы отправились туда в 9 ч. утра [13-го] на баркасе, вооруженном 4 фальконетами¹⁵⁸ при пятнадцати вооруженных же матросах, а на случай мелководья взяли трехлючную байдару и двух алеутов с провизией на 6 дней. Глубина по всей губе постепенно уменьшалась, берег отмелый, и потому мы за ¾ мили от оногo с баркасом садились на мель. В губе сей можно приставать у одного только места на южной стороне ее, у самого восточного мыса, где есть небольшая низменность, но и здесь баркас подходил не совершенно вплоть к берегу, а сажень на 75. Подъезжая к сей низменности, мы увидели в большом количестве байдары и шалаши, множество людей, собравшихся около селения, и стаю собак. Любопытство видаться с дикими заставило нас пристать у низменности близ селения, где, как оказалось впоследствии, было самое глубокое место, но при всем том мы не доехали до берега сажень на 50. Я был в длинных алеутских торбасах и вышел первый вброд, имея за рукавами маленькие кар-

манные пистолеты, заряженные пулями. Жители тотчас меня встретили, но с большой недоверчивостью, особенно старшина, который держался между мною и толпою своих на середине от меня шагах во ста. Дикари сии старались всячески не подходить ко мне близко, хотя я им и показывал, что не имел ничего в руках, на что и старшина мне отвечал тем же знаком. Когда же я им показал несколько табаку и других вещей, то вся недоверчивость со стороны их, повидимому, исчезла, старшина подозвал прочих, и все они подбежали прямо ко мне. Подружиться с ними было делом одной минуты. Американцы, сев на земле полукругом, посадили меня перед собой в середине и начали здороваться, сморкая в руку и потом мажа по лицу, на что и я отвечал им таким же образом. Многие из них были вооружены пиками деревянными со вставленным камнем у одного конца и, казалось, составляли караул. Вскоре пристала байдара, на которой по мелководью переехал капитан с натуралистом и привез мое ружье. Когда же они вышли на берег, то я, сколько мог, старался объяснить новым моим знакомым о капитане и, кажется, успел в этом, ибо все жители встречали их весьма ласково и немедленно предложили на мену свои меха. Капитан наделил их всех без изъятия табаком, даже женщин и детей, которых было множество. Американцы охотно принимали сии подарки, но все [же] не столько им радовались, как на острове Св. Лаврентия. Когда же мы им показали иглы и объяснили их употребление, то все женщины неотступно просили их, крича беспрестанно: «титита», «титита»; мужчины же хлопотали о бисере.

Расставя часовых около баркаса, на котором фальконеты были заряжены картечью, и велев команде варить обед, мы отправились в числе четырех человек вдоль берега к ледяным горам, взяв с собой топор, лопатки и проч. Жители сначала почти все нас сопровождали, но мало-помалу начали отставать, когда же мы проходили через их селение, то у каждой юрты стоял вооруженный пикой человек. Дикие просили, чтобы и мы подобно им, вернулись, но, видя, что их не слушают, немедленно нас оставили, и мы скоро дошли до своей цели. В то время, когда дикие нас провожали, я был окружен более, нежели другие, чему причиной было, вероятно, то, что они видели на мне более золота

как на вицмундире, так и на фуражке, и, обходясь со мной уже как с первым знакомым довольно вольно, уже начинали с вицмундира свертывать пуговицы. Желая остановить их, я погрозил им, и они перестали, но через несколько минут опять принялись за свою работу. Тогда, оборотясь к ним, я топнул ногой и так сильно ударил в грудь отвертывавшего у меня пуговицы, что выбил его назад из ряда бывших с ним товарищей. Он довольно хладнокровно отошел и совсем отстал от нас, но прочие были нашими провожатыми до самого селения. Известно опытами, что хотя со всеми дикими должно иметь ласковое обхождение, но при взятой заблаговременно осторожности ни под каким видом не позволять им наглости или смелости.

Когда мы пришли к вышепомянутым горам, то берег казался состоявшим из льда и имел вид ледяных утесов, вышиной, повидимому, до 15 футов с насыпанной сверху земель, толщиной около аршина, а к низу смешанного с глиной. Взойдя наверх, велели мы в некотором расстоянии от берега взрыть землю и вырубить фута на три лед, который оказался довольно чистым. Земля, покрывавшая его, состояла из мха, отчего ходить по ней было трудно. Весьма естественно, что вода, пробираясь по рыхлости мха все ниже и ниже, зимой замерзает совершенно, а летом не может растаять, будучи прикрыта от солнечных лучей мхом. К тому же, самое лето в сем краю не так тепло и продолжительно, и солнце показывается не часто. В самом деле, во многих других местах, далеко от сих льдов, мы пробовали взрывать мох и везде находили лед, даже впоследствии на острове Шамиссо. Вообще в сих странах, если земля рыхла или состоит из мха, то смело можно полагать, что под ней находится лед. В 1816 году натуралисты, бывшие на бриге «Рюрик», заключили было, что вышеописанный лед есть наносный с давнего времени, замыйтый песком и обросший мхом. Трудно поверить, чтобы столь ужасные глыбы могли плавать на мелком месте и составить, может быть, половину Америки. Мне кажется, что изложенное пред сим мнение Штейна, натуралиста нашего шлюпа, правдоподобнее¹⁵⁹.

Осмотрев ледяные горы, мы возвратились к баркасу обедать. Проходя селение, нашли жителей при тех же мерах осторожности, т. е. у каждой юрты и у каждой

байдары стояло по вооруженному человеку, причем все байдары были совершенно готовы к спуску на воду. Тут жители опять пошли за нами и прочь уже не отходили, весьма желая и даже настоятельно требуя, чтобы мы завели с ними мену. Капитан Шишмарев, заметив между ними старшину, снял с себя медаль и надел на оной. Мы старались, сколько могли, уверить его в нашей приязни к его одноземцам и выучили выговаривать имя Александр. После сего мы пригласили его к нашему обеду в раскинутую на берегу палатку. Дикарь сначала долго на сие не соглашался, и хотя после вошел в оную, но все еще был в большом страхе, между тем как осторожные его товарищи, запасшиеся на всякий случай оружием, окружили палатку. Старшина всему удивлялся, но сам ничего не ел, а когда подносили ему питье, то старался нас обманывать, выливая оное за парку и после вытирался, полагая сим уверить нас, что он действительно пил. Мы же притворялись, будто не замечали его хитрости. Белый сухарь почитал он за камень, ибо называл его сим именем. Однако, несмотря на сие, при расставании с нами выпросил у нас несколько сухарей. Находясь у нас, он беспрестанно перекликался с своими товарищами, кои в числе 200 человек нас окружили и, как казалось, рассказывал им, что мы делали.

По окончании обеда капитан позволил всем нам начать мену с жителями, чего сии последние неотступно требовали. Но никто из нас не мог успеть в сей торговле, ибо американцы весьма дорожились и за каждую вещь просили топор, или большой нож, которых мы с собой не имели. Оружия своего они, повидимому, совсем не хотели променивать и мы не могли ничего получить от них, кроме нескольких луков, колчанов и стрел. Одеты они были в олени, еврашичьи, выхухольные, а некоторые даже в куньи парки и по несколько раз в день переодевались для того ли, чтобы показать нам свое богатство, или чтобы при перемене погоды переменить и платье. Также имели они на себе олени штаны и торбасы, вместе сшитые. У женщин первые были гораздо шире нежели мужские, а парки красивее, с разными узорами. Низ оных иные имели круглый, а другие прямой, с сердцеобразными по бокам выемка-

ми, вероятно, для красоты. Мужчины не накалывают себе лица вовсе, но некоторые красят его поперек и под глазами синей краской, легко стирающейся пальцем. Напротив того, почти у всех женщин наколото на подбородке несколько синих же полос, а уши, как равно и у мужчин, проткнуты и украшены камнями или бисером, который также оба пола носят на голове и преимущественно любят голубой и красный, предпочитая крупный мелкому. Главнейшее же их украшение состоит в двух вещицах, сделанных наподобие большой пуговицы из кости или зеленого камня и вставленных в широкий прорез под нижней губой, а еще более из самого крупного голубого бисера, обделанного костью и также вставленного по краям рта. Украшение сих двух родов видели мы, однако, у одного только начальника, а у прочих же оно просто костяное; женщины вовсе его не имеют. Волосы свои мужчины носят венцом вокруг головы, как некоторые католические монахи, женщины же убирают их на висках косичками.

Жители обоего пола роста среднего, и редко между ними можно найти слишком большого или опять слишком малого, хотя Кук пишет (часть III его «Путешествия», стран. 199)¹⁶⁰, что они все вообще малорослые. Лица их недурны, и скулы несколько выдаются, как у многих азиатских народов и даже чукчей и алеутов, цвет кожи желтоватый и несколько потемнее сих последних. Власть начальника у них, кажется, сильнее нежели в других местах сего края, ибо когда мы просили его показать нам их пляску, то он обратился для сего к некоторым женщинам, и они тотчас повиновались. Когда они кончили свои танцы, то капитан наш вручил старшине для них подарки, — которые сей последний роздал плясавшим тут же на месте, не удержав для себя ни малейшей безделицы. Вышеозначенная пляска, как известно, состоит из кривляний всем телом и из размахиваний руками в обе стороны, вскрикивая по временам в такт. Она не имеет в себе ничего приятного и выразительного. Вместе с сим, я считаю не излишним упомянуть о другом, следующем роде увеселений сего народа. Сажая малого ребенка на моржовую кожу, которую несколько человек держат в руках, вскидывают в такт под песни весьма высоко. Ребенок, упавая на туго натянутую кожу чем случится, по упругости ее

опять от нее отскакивает, потом упадает снова и таким образом продолжает сей мучительный танец, пока совершенно не придет в изнеможение¹⁶¹.

Проведя таким образом несколько часов между дикими, мы решились в 5 ч. пополудни возвратиться. Хотя ветер и был крепкий от запада, но мы надеялись с помощью попутного течения приехать на шлюп еще до полуночи и потому отправились. Нам весьма не хотелось остаться ночевать посреди дикарей, ибо как они нам, так равно и мы им, были бы в тягость. Однако вышло не по нашему желанию.

Простясь с жителями, которые неохотно с нами расставались, мы возвратились на баркас и отвалили от берега. Сделав два галса, хотя мы и выиграли, но весьма мало, а между тем всех нас и наши ружья облило совершенно. Тогда не видя никакой пользы от нашей лавировки, мы спустились опять к берегу и хотели пристать в других двух местах не столь близких к селению, но по причине сильного буруна и совершенного мелководья не могли сего исполнить и должны были снова остановиться у наших знакомцев. Увидя наше возвращение, они почти все вышли к нам навстречу, махая лисьими шкурами в знак своей радости. Должно признаться, что в это время наше положение было весьма неприятно. Ружья наши, мушкетоны, пистолеты и даже фальконеты совершенно закли, так что их надобно было разрядить, обтереть и вычистить. Для обороны нашей оставалось только несколько пик и тесаков. У американцев же, как мы после видели, было у каждого по несколько ножей: один за левым рукавом, другой за правым торбасом, а третий, длиной около $1\frac{1}{2}$ аршина, вдоль спины между крылец¹⁶² в деревянных ножнах.

Пристав к берегу, мы снова стали дружить с дикарями, принялись исправлять и перечищать свое оружие, на что дикие смотрели с большим вниманием, и, как казалось, весьма понимали нашу работу. Впрочем, они не обнаружили ни малейшего покушения сделать нам какое-либо зло и тем показали, что имеют добрые свойства. Видя нашу против них несоразмерность и в числе и в силах, мне пришло в голову навесь на них заблаговременно страх. Для сего вынул я из ящика свое ружье, которое только одно и осталось сухим, и,

выстрелив в мимо летевшую чайку, убил ее. Жители сначала приведены были сим в страх, все вскрикнули от испуга, но когда увидели, что все кончилось смертью одной птицы, то начали хохотать, и один из них, схватив камень, убил им из руки также чайку, летевшую мимо и довольно высоко, после чего объяснил нам, что действие обоих орудий было одинаково. Другие его товарищи показывали после сего свое искусство в метании из рук камнем, попадая в цель шагах с пятидесяти, а из праща еще далее. Меткость их удивляла нас: двое из них убили по вороне шагах в полтораста.

Устроив на берегу палатку и распределив часовых на три смены, в каждой по пяти человек, составили мы из них цепь вокруг палатки шагах в 25 от оной и, желая обогреться от сырости и холода, начали пить чай, которым поделились и с бывшей при нас командой. Первые часовые стояли сначала с замоченными ружьями, но в течение часа остальные десять человек успели разобрать свои, вычистить их, зарядить вновь, так что вторая смена вступила уже в полной исправности. Первая, напившись чаю, немедленно привела и свои ружья в готовность к обороне. Было уже около 10 ч. вечера, и мы, желая успокоиться, старались всеми силами убедить жителей нас оставить. Они долго нас не понимали, а может быть, и не хотели повиноваться. Видя, что они продолжали окружать палатку, один из бывших с нами алеутов, знавший несколько слов агалахмутского языка, с помощью одного и пантомимов растолковал им наше желание. После сего он побежал весьма скоро и начал проводить около палатки на земле черту у самых часовых, объясняя, чтобы во время ночи никто не переходил оную. Некоторые из жителей все еще стояли около нас и смотрели на сию работу, но когда черта была близка к соединению вокруг, то все опрометью бросились за оную, как бы опасаясь некоего колдовства. Постояв несколько времени около черты, они сделали точно такую же свою, шагах в 5 от нашей, и показывали часовым пантомимами, чтобы и они за оную не ходили. После сего они еще с полчаса кривлялись, смеялись и, наконец, разошлись к селению и всю ночь не приходили. Видя дикарей разошедшимися, мы легли спать и провели ночь довольно покойно, но в большой осторожности, осматривая весьма часто ча-

совых и вода сами смены, причем отдавали им нужные приказания. В полночь все замокшие ружья были в совершенной исправности и готовности на случай нападения, к которому, впрочем, мы не подали ни малейшего повода, обходясь с жителями весьма ласково и одарив их разными вещами.

В 3 ч. утра, когда только показался свет, жители начали мало-помалу сходитья около черты, и через четверть часа были уже все подле оной со своими лисьими шкурами, но часовые не допускали их далее. Это повидимому оскорбило американцев, и они толковали нашим матросам, чтобы и они к ним не ходили, смеялись над ними и некоторые даже начали прорываться, махая и грозя своими большими ножами. Часовые криком своим дали нам о сем знать. Все спавшие в палатке были пробуждены сим шумом, и мы опасались, чтобы не вышло дурных последствий. Прежде всех вышел я и начал здороваться с жителями, а вскоре за мной явился и капитан, который, обласкав их, велел своим часовым идти к палатке, показав и диким, что они могли туда следовать. Это восстановило спокойствие, и началась мена, столько же для нас невыгодная, как и накануне, ибо за каждую малейшую вещь с нас просили или топор или нож. Капитан хотел было выменять однолучную байдарку, и дело совсем уже было налажено, как вдруг топор, предложенный за оную, не понравился продавцу, ибо имел на себе несколько ржавчин.

Во время сего торга я расхаживал между нашими людьми и американцами, присматривая, чтобы не вышло между ними чего-нибудь неприятного, как и действительно случилось, и могли бы выйти весьма дурные последствия, если бы я не предупредил оных подарками. Мена, как я уже упоминал, происходила по неотступному настоянию жителей, и мы принуждены были, хотя или нехотя, покупать то, что нам предлагали, даже вовсе для нас ненужное. Случилось при сем, что один матрос, купив из двух вместе связанных горностаев одного, начал отрезывать оный ножом и задел им нечаянно по руке продавца, державшего еще оба меха. Немедленно начался ропот и шум, и если бы я не одарил раненого их, то все его товарищи могли бы возмутиться, а тогда нам, 15 человекам, пришлось бы трудно

разделяться с 200, имевшими каждый по три ножа и мастерски действовавшими из праща и проч. Вскоре после сего я зашел к себе в палатку и увидел в ней дикого американца, здорового мужчину, рассматривавшего пистолет, оставленный мной на столе. Оный был заряжен пулей, сдавал с первого взвода, на котором и стоял, а американец трогал его без всякой осторожности и глядел прямо в дуло. Испугавшись последствий, какие могли произойти от сего, я подошел к нему, взял пистолет и, отводя от него дуло, старался объяснить знаками, что пистолет мог выстрелить и его убить. Дикарь, вероятно, понял меня иначе, т. е., что за трогание пистолета я убью его, в одно мгновение пришел он в ярость и с сверкающими глазами ударил меня в левый бок, около живота, своим копьем. К счастью, оно только прорвало бывший на мне теплый бекеш, жилет и брюки и, ссадив кожу, остановилось. Я не успел еще одуматься, как выхватил он из-за спины длинный свой нож и замахнулся на меня, между тем как пика оставалась древком на полу, а камнем во мне. Видя зверство дикаря и, так сказать, сверкающие от злобы глаза его, притом боясь быть причиной дальнейшей ссоры между нашими и американцами, а через то, конечно, виновником смерти многих, я молчал, махая рукой и показывая, что я не боюсь угроз. К счастью, с сим же вместе вошел в палатку один из матросов, Сальников, а вскоре и другой. Американец, увидев их, с видом величайшего хладнокровия вложил нож обратно в ножны, вынул пику и преспокойно вышел из палатки. Матрос, подозревавший из виденного им и более из моего расстройства, что у меня случилось с диким какое-либо неприятное происшествие, спрашивал о причине, но я успокоил его и скрыл оную, ибо опасался, чтоб люди наши не вздумали отомстить за своего офицера и через то произвесть кровопролитие. Я обещал дать червонец тому из сих двух матросов, который успеет выменять у американца ранившее меня копьё. Матросы бросились догонять дикаря, и через несколько времени принесли ко мне копьё, вымененное ими за два ножа и зеркало. Получив оное, я тщательно сохранил его и по сие время сберегаю на память в моем собрании редкостей в числе прочих орудий¹⁶³.

Упомянув выше об одежде и некоторых увеселениях

сих американцев, я еще не говорил о их нравах и жительстве. Сколько мы могли заметить, они весьма честны в торговле, ибо случалось, что иной из них, желая купить у нас понравившуюся ему вещь, брал ее в селение посоветоваться с женой или родственниками, и если она не одобрялась, то немедленно приносил назад, отыскав продавца. Что же касается до рода их жизни, то по всему видимому он должен быть кочующий. Это доказывается тем, что в селении их не было настоящих юрт, а стояли небольшие шалаши, сделанные из шестов наподобие конуса и покрытые моржевými кожами. Да и капитан наш, в бытность его в сих местах в 1816 году на бриге «Рюрике», не видел здесь никакого селения. Жители же, сколько мы могли понять из их слов и объяснений, прибыли сюда из внутренности земли, хотя множество байдар доказывало, что они должныствовали быть приморские. Я полагаю, что если они бывают во внутренности, то единственно за изделиями европейцев, вымениваемых ими, по всей вероятности, от Гудзонской компании¹⁶⁴, ибо когда мы их спрашивали, откуда они получали большие ножи, то они показывали на восток.

Однолучные байдарки сих американцев неодинаковы с алеутскими, но менее оных, нос имеют гораздо острее, совершенно плоски и верхней [крышкой] посредине весьма возвышенны, дабы человек мог залезть во внутренность. Езжалых собак, родом похожих на камчатских, было у них также весьма много.

По приглашению старшины капитан и я влезали ползком в его шалаш, где сидели две покрытые женщины. Внутренность его была завалена рыбой, жиром, кишками и всякой нечистотой. Хозяин показывал нам в оном свое богатство, состоявшее в ножах, тесаках и других железных вещах весьма чистой отделки, полученных им, как он объяснял, из Гудзонской компании.

Оружие сего народа составляют луки со стрелами, которые хранятся в кожаных шитых колчанах и имеют на концах острые обделанные кремни, пики их также из простого дерева, и более, как кажется, из выкидного¹⁶⁵, с обделанным же кремнем на конце. В пищу употребляют они, как мы видели, моржовые, нерпичьи и китовые мясо и жир, мелкую рыбу, которую жарят просто, кидая на уголье, и птиц, жареных таким же порядком. Около каждого шалаша было не менее четы-

рех собак. Из мехов имеют они красных лисиц, речных бобров, песцов и медвежьих шкуры.

Когда мы опять обходили вокруг селения, то у каждого шалаша стояли опять по два человека с копьями.

Одарив старшину разными стеклянными вещами, мы возвратились к баркасу и в 11 ч. утра [13-го], когда течение начиналось из губы, отправились к шлюпу, куда приглашали приехать и американцев, обещая им дать топоров и других подарков.

В 6 ч. вечера мы прибыли благополучно на шлюп и узнали, что вчерашнего числа в наше отсутствие жестоким западным ветром дрейфовало его почти на три мили к юго-востоку. Поутру посылали баркас с матросами на остров Шамиссо для рубки дров из выкидного леса, которого и привезли к нам до 10 сажень, с таким же числом дюжин голиков¹⁶⁶, нарезанных из тальника и ольховника. Деревья сии, растущие на означенном острове, хотя и не в большом количестве, служат доказательством, что климат на оном не весьма суров. За несколько дней перед сим мы видели на берегу в большом количестве снег, а теперь уже пошли деревья в цвету и великое множество морошки, но еще незрелой. На сем пространстве берега растет трава багульник, которую жители мешают с табаком, чтобы скорей опьянеть. Здешные американцы — страшные охотники до курительного табака. Набив им трубку, сделанную из дерева, и смешав его с багульником, а когда такового нет, то удовольствуются одной последней травой, при курении втягивают они весь дым в себя и удерживают его в продолжении по крайней мере пяти минут, до тех пор пока сделаются пьяны и совершенно лишаются чувства. В сем положении начинается у них рвота и происходит более четверти часа, пока они опять придут в чувство. Когда они после сего встают, то, судя по лицу их, можно подумать, что они пришли с большого пьянства. Это мы не раз видели у американцев, бывших в селении в губе Эштольц.

14-го поутру при хорошей погоде капитан, я и штурман брали в другой раз высоту солнца для проверки хронометров, коих ход несколько переменялся по выходе из Уналашки, а вечером шлюп наш перешел ближе к острову Шамиссо по юго-восточную его сторону и лег

на $8\frac{1}{4}$ сажень глубины на иловатом грунте; барометр показывал 29 мм, а термометр $10\frac{1}{2}^{\circ}$.

Капитан наш намеревался отправиться на другой день на баркасе для подробного осмотра губы Спафарьева¹⁶⁷, не описанной Коцебу. Если же бы после сего «Открытие» все еще не пришел, то располагал он с своим шлюпом идти к губе Доброй Надежды¹⁶⁸. Там хотел он остановиться на таком расстоянии от берега, чтобы мог видеть прибытие начальника экспедиции и отправить баркас для точнейшего исследования небольшого пролива, который, по мнению его, мог соединяться с заливом Шишмарева.

На другой день по приезде нашем с берега, мы осматривали кругом остров Шамиссо и нашли признаки бывших на нем на кочевье диких. Шалаши их как были оставлены, так и оставались, только шкуры, покрывавшие их, были сняты. Во многих местах еще тлелся огонь, валялась раскиданная мелкая рыба и проч. В этот же день мы были с двумя алеутами на охоте как на острове, так и на байдарах около берега и убили до сотни топорков, айр и урилов, которые и были привезены на шлюп. Некоторые употреблялись к нам на стол, а другие были отданы команде.

Глава VII

Прибытие шлюпа «Открытие».—Продолжение плавания во льдах.—Вторичное посещение острова Св. Лаврентия.—Свидание с жителями оного и некоторые о них известия.—Возвращение в Уналашку.

Между тем, как мы готовились к обозрению губы Спафарьева, в 8 ч. утра [14 июля] при пасмурной и дождливой погоде, показался шлюп «Открытие», приближавшийся к северному берегу около острова Шамиссо. Тотчас капитан наш приказал изготовить баркас и поехал со мной к новоприбывшим нашим сослуживцам. Нужно ли описывать ту радость, которую мы чувствовали при их появлении, ибо должны были получить из Камчатки занимательные для нас новости и письма от друзей наших и родственников. Более же всего радовались мы тому, что могли идти к северу, для чего время было самое удобное, и погода стояла почти постоянно прекрасная. Без «Открытия» мы ничего не могли сделать, кроме осмотра губы Спафарьева и Доброй Надежды, ибо, получив предписание только о том, чтобы дожидаться его в Зунде Коцебу, не имели никаких других наставлений.

На «Открытии» также были все рады соединению обоих шлюпов, и мы не заметили, как прошло время до 8 ч. вечера. Тогда мы возвратились домой, получив от начальника экспедиции извещение, что он намерен следующий день сняться с якоря и идти к северу.

В 9 ч. утра [15-го], пользуясь благоприятным ветром, мы снялись с якоря и пошли по южную сторону острова Шамиссо в расстоянии от него 3 миль. Глубина шла 6 сажен, а в полуторе мили 5. Южный проход, как оказалось, по глубине имеет великое преимущество перед северным.

Обойдя остров, мы поворотили к «Открытию», который все еще оставался на якоре. Видя, что он не снимается, мы легли близко его также на якоре на глубине 7 сажен, грунт — вязкий ил с песком, имея остров Шамиссо по правому компасу на SO 89° в 4 милях.

По окончании полуденных обсерваций и вычислений начальник экспедиции и офицеры шлюпа «Открытие» приехали к нам обедать, а во 2-м часу пришел с моря бриг под флагом Соединенных Американских Штатов и, став между нашими шлюпами на якорь, салютовал 7-ю, на что с «Открытия» салютовали ему 5-ю выстрелами, по уставу императора Петра I.

В 7-м часу вечера приехал к нам на шлюп с американского брига Кларк, бывший супперкаргом или приказчиком у нашего консула Добреля в Манилле. Он объявил нам, что имя его брига «Педлер» («Pedler»). Хозяин груза Пигот, капитан Джон Мик, что людей на оном 30 человек и что они пришли сюда выменивать у жителей меха на кожи, сабли, ружья, порох и т. п. Должно признаться, что просвещенные американцы проворны в торговле, едва прослышат о каком-либо новом открытии, как уже явятся туда с товарами. Капитан Васильев, проходя на пути в Зунд Коцебу у острова Св. Лаврентия, видел упоминаемый бриг и спрашивал его. Кларк привез нам в подарок несколько ананасов. Большая редкость посреди полярных льдов и снегов.

Когда летом сего года шлюп «Открытие» был в Камчатке, то начальник оной Рикорд^{*169} рассказывал капитану Васильеву, что за год перед тем американец Грей, бывший на судне, также принадлежащем Пиготу, ходил будто, по поручению графа Николая Петровича Румянцева, поверить открытия, сделанные на севере Коцебу. По возвращении же своем осенью в Петропавловский порт он, Грей, объявил начальнику Камчатки, что по прибытии своем за Берингов пролив он остановился у

* Петр Иванович, ныне контр-адмирал.

залива Шишмарева, откуда исследовал все пространство до самого Зунда Коцебу и самый Зунд и объехал на баркасе около всего берега, измеряя глубину шестом. По его словам, места сии положены на карту весьма неверно и даже вовсе не так, как следует. Наконец, в рассуждении пролива в губе Доброй Надежды, так названной Коцебу, он ожидал по названию сему, что пролив сей ведет к северу, как Коцебу утверждал. «Из сказок сих, — говорил капитан Рикорд, — видно, что Грей — человек, принявшийся не за свое дело».

В самом деле, можно ли вымеривать глубину в Зунде шестом, когда в иных местах она идет до 15 сажен.

Грей говорил также, что на будущий год, т. е. 1820, придет, если не он, то другое судно для дальнейшего исследования, и встретившийся с нами бриг оправдал сии слова.

Любопытство заставило капитана Шишмарева съездить на американский бриг, пригласив и меня с собой, посмотреть карту, сочиненную Греем, тем более, что он сам был участником в положении берега и Зунда на карту Коцебу. По прибытии на бриг мы увидели, что упоминаемая карта была ничто иное, как грубо скопированная с карты Коцебу, на весьма тонкой прозрачной бумаге, и видно было, что господа американцы еще не успели перенести ее на хорошую бумагу. На ней сделаны были некоторые маловажные перемены в рассуждении мысов и гор, вместо же пролива в губе Доброй Надежды назначено озеро.

Показывая нам сию карту, американцы старались всеми силами уверить нас в ее верности, подтверждая рассказ Грея, будто он вымерял все места около берега шестом и хотя ходил вдоль берега, но пролива не видел. Когда же Шишмарев сказал им, что сам был и ночевал в оном, то они тотчас переменили разговор и начали говорить о диких, спрашивая нас, где мы их видели.

Грею дан был капитаном Рикордом переводчик из матросов, который теперь находился на шлюпе «Открытие». Он рассказывал, что американцы точно останавливались около залива Шишмарева, но далее не ходили и хотя ездили на баркасе, но не на столь долгое время, чтобы обойти все пространство от означенного залива и Зунд Коцебу. Не полагаю, чтобы купец вздумал сие расстояние, составляющее около 200 верст, объезжать

на баркасе, когда можно было итти на судне, и притом без всякой пользы. Посему справедливо можно согласиться с мнением Рикорда, что целью американцев было не открытие, а торговля с жителями, в которой, чтобы не иметь препятствий со стороны сего капитана или нашей экспедиции, они выпросили себе поручение от графа Румянцева. Сверх сего купец-американец право не покусится употребить большие издержки, не видя своих собственных выгод.

Хотя капитан нашего шлюпа и уверен был в ложности показания озера на месте пролива, однако обстоятельство сие заслуживало точнейшего исследования, дабы уверить всех, что американцы выдумали ложь и напрасно пользовались доверенностью графа Румянцева.

В 7 ч. утра [17-го], следуя шлюпу «Открытие», начали мы сниматься с якоря, но долго не могли поднять его и полагали, что он задел за камень. Уже через час мы его подняли и увидели противное, грунт был так вязок, что якорь совершенно засосало и вместе с ним вытащено было до 50 пудов глины, покрывавшей не только лапы, но и весь шток, несмотря, что мы стояли не более суток. Погода была ясная, ветер дул от юго-востока, и мы легли на юго-юго-запад.

В 12 ч. увидели мы восточнее мыс Обмана¹⁷⁰, по компасу на SW 22° и в стороне от одного дым и людей. Тогда, следуя «Открытию», убавили парусов и привели в бейдевинд на правый галс, а в половине 6-го легли на северо-запад прямо к мысу Крузенштерна.

В половине 2-го часа пополудни имели мы сей мыс на NO 20° в 6 милях и начали опись, распорядясь так, чтоб штурмана кидали лот и замечали время, а я с капитаном брали пеленги и измеряли углами вправо и влево. Сей работой мы занимались почти до полуночи, 19-го числа, быв иногда прерываемы туманом, а один раз видели селение из 30 юрт, но не подходили к оному.

По окончании описи шлюп «Открытие» часто терялся в тумане, а 19-го числа, в половине 9-го часа утра, разошелся с нами так далеко, что мы, не видя его, принуждены были выпалить из пушки. В половине 12-го к востоку слышны были пушечные выстрелы, на которые мы отвечали и которые в полдень опять повторились. Через два с половиной часа после сего, когда мы были в широте 68° 32' 30" [N] и долготе 193° 13' [O] открылся от се-

веро-востока к востоку утесистый ровный берег, местами покрытый снегом, и около коего плавали куски льда в малом количестве. В 3 ч., находясь от сего места в двух милях, мы видели водопад на горе около 150 фут вышиной. В сие время около нас летали айры, топорки и другие мелкие птицы небольшими стадами. Полагая, что шлюп «Открытие» верно ушел к северу, мы спустились к сему румбу и держались вдоль низменного берега, открывавшегося в сие время перед нами. В 8 ч. [21-го] утра лед весьма усилился и мы, полагая, что должны искать «Открытие» не к северу, а к югу, привели в бейдевинд и начали лавировать назад, а как нашел сильный туман, то каждые полчаса палили из пушки. На сем пути мы видели 3 льдины до 30 сажен длиной и около 8-ми толщи-ной¹⁷¹, кои плавали на поверхности воды и были покрыты снегом, на одной из них сидели сивучи.

Капитан Кук в 3-м своем путешествии (на стр. 190) пишет, что в широте $70^{\circ} 33'$ и долготе $197^{\circ} 41'$ по обсервации приметил он на горизонте свет, подобный происходящему от отражения льда, которого никак не предполагал встретить так рано. Напротив сего, мы нашли лед в широте $68^{\circ} 30'$, следовательно двумя градусами южнее сего. Разность только в том, что Кук увидел лед 6 августа, а мы почти двумя неделями ранее*.

В 2 ч. утра [22-го] при восхождении солнца выяснено: в 4 ч. мыс Лизбурн¹⁷² находился от нас на $0^{\circ} N \frac{1}{2} O$ в 9 милях. Вскоре опять сделалось облачно, а в 9 ч. нашел густой туман, не позволивший нам иметь обсервацию. Мы лавировали все время к югу, полагая найти шлюп «Открытие» около того места, где мы с ним расстались, но [так] как течение было весьма сильное к северу, то мы мало вылавировали. 22-го в 6 ч. утра ветер засвежел от юго-юго-востока так, что мы взяли у марселей рифы и под сими парусами продолжали лавировать попрежнему к югу, но весьма мало или почти нисколько вперед не подавались. Отрубистый мыс Лизбурн и гористый берег Америки часто были видны, но «Открытие» не показывался. В оба сии дня мимо нас плавало много деревьев и стадо уток, прилетевших вероятно от юга.

В полдень мы были в широте $68^{\circ} 51' 48'' N$ счислимой,

* После найдено, что широта сего места должна быть несколько более 69° , а мыс Лизбурн лежит в широте 69° .

долготе 193° 24' 22" О, а в 8 ч. вечера находились поблизости низменного мыса, выдающегося от берега к юго-западу около 10 миль. На сем месте, недалеко от оконечности его находилось весьма большое селение, а с милю далее — еще другое. Судя по величине того, которое мы видели в Зунде Коцебу, где жителей обоего пола было около 200 человек, в сих двух селениях можно было положить по крайней мере до 600 душ. Нельзя думать, чтобы жители здесь оставались на всю зиму, ибо мыс сей совершенно открыт для всех ветров, которые в сие время года дуют, по большей части от севера, отчего стужа должна быть чрезмерная. Посему надобно полагать, что американцы приезжают сюда на лето для промысла рыбы и морских животных.

С полуночи накрапывал мелкий дождь, и переменившийся ветер не позволял нам продолжать курс вдоль берега. Мы начали лавировать, но поутру заметили, что ничего не вылавировали к югу. Из сего надобно заключить, что течение здесь, при южных ветрах, всегда постоянно к северу. В 9 ч. утра [25-го] ветер засвежел, и мы лавировали, убрав брамсели, которые поставили уже в 4 ч. пополудни при пасмурной и временами дождливой погоде, а поутру увидели, что нас опять снесло несколько к северу. Когда мы подходили в последний раз к берегу, то видели два водопада один от другого в расстоянии около 5 или 6 миль и высотой, как казалось, около 200 фут.

26-го весь день погода стояла пасмурная, и по горизонту был туман. Однако мы могли видеть около себя миль на 10. В 6 ч. вечера находились в трех милях от селения, к которому подходили еще 24-го числа. Итак, лавируя два дня, мы пришли опять на прежнее место. К удовольствию нашему, через час ветер сделался от западо-юго-запада, почему мы легли на юг, а в полночь на юго-юго-восток, желая обойти кошку, за которой берег заворачивается к юго-востоку. В 9 ч. утра [27-го] мы спустились на О, чтобы, приближась к берегу, идти вдоль оногo и смотреть «Открытие». В сие время плыло мимо нас весьма много деревьев и кокор; айры также весьма умножались.

Между тем, мало-помалу туман начал редеть и в половине 11-го часа, когда мы легли на ОНО, так выяснело, что надеялись [на] обсервацию, которая в нашем

положении была весьма нужна, ибо мы заметили, что течение было всегда к северу, а потому и разности между обсервованной и счислимой широтой надлежало быть около градуса и даже более.

К сожалению, около самого полдня нашли густые туманные облака, и хотя вскоре по горизонту выяснело, но небо не прочистилось. В 9 ч. вечера мы подошли к тому мысу, где разлучились с «Открытием». Горизонт был совершенно чист, и мы могли видеть с салинга во все стороны по крайней мере на 20 миль, если не более, но шлюп все не показывался. Из этого мы заключили, что он ушел к северу и для того, поворотив на другой галс, направили туда путь свой как можно скорее. В 9 ч. вечера легли на запад, чему течение приметно помогло. Ветер постепенно отходил к северу и востокосеверо-востоку и был ровный брамсельный. В полночь низменность берега восточнее мыса Головина¹⁷³ была от нас по компасу на NNW в 10 милях. Поутру стояла ясная погода, но солнце не появлялось. Мы были уже на виду мыса Лизбурна, за которым видели льды и у коего лавировали два дня к югу, а потому и надеялись, что были близки к соединению с «Открытием», если бы только ясная погода продолжалась. Но к сожалению нашему, в 10 ч. ветер засвежел так, что в 11 ч. при сильной пасмурности и дожде мы принуждены были взять у марселей и нижних парусов все рифы и спустить брамрен. В 6 ч. вечера ветер мало-помалу начал отходить к северу, но все еще был жесток. Барометр, [незадолго перед тем имевший отметку] 29 85 показался на 29 38, а термометр, показывавший накануне $6\frac{3}{4}^{\circ}$, на $7\frac{1}{2}^{\circ}$.

Хотя ночью барометр и начал повышаться довольно скоро, но погода не изменялась, и порывы ветра были так сильны, что мы продолжали лежать под одними рифлеными парусами. В 10 ч. утра [29-го] показалось было сквозь снег и мрачность солнце, но опять закрылось облаками. В час пополудни открылся нам берег, который по внимательном рассмотрении был опять Лизбурн, на сей раз покрытый снегом, вероятно только что выпавшим. Судя по сему, нас не только что не сдрейфовало, но кажется еще унесло к северу сильным течением с юга. В 6 ч. вечера ветер несколько затих. Когда же в 5 или 6 милях от вышеозначенного мыса мы поворотили на другой галс, то пошел крупный сухой снег, а после него град.

Во все сие время термометр не поднимался выше $1\frac{1}{2}^{\circ}$, ночью же показывал только 1° . К 9 ч. утра [30-го] у нас подняли брам-реи и отдали у марселей по три рифа. Проглянувшее солнце позволило нам взять несколько высот, но скоро опять скрылось, снова пошел снег с градом, и ветер сделался от северо-северо-запада.

Около 9 ч. вечера, когда пасмурность немного прочистилась, мы увидели, к общей радости, на NtO милях в 12 шлюп «Открытие» и вскоре заметили, что он спустился, держа прямо на нас. Со дня разлучения нашего с ним прошло 10 суток.

Лежа за «Открытием» и следуя ему, около 9 ч. утра [31-го] по причине штиля мы положили якорь. Командир и офицеры наши поехали на сей шлюп, где, как можно себе представить, все были рады видеть друг друга. Тут мы узнали, что они были на севере, откуда теперь возвращались и доходили до широты $71^{\circ} 6'$, следовательно, на 25 миль далее параллели капитана Кука. Ледяного мыса они не видели и за множеством льда не могли к нему приблизиться. Когда они, удаляясь к северу, были у льдов, то имели два градуса морозу.

В полдень, в первый еще раз по оставлении Зунда Коцебу, имели мы обсервованную широту $69^{\circ} 1'$. «Открытие» был нас счастливее, ибо у самых льдов три дня имел обсервацию. В 2 ч. пополудни оба шлюпа снялись с якоря и пошли к югу вдоль берега при северо-северо-западном ветре. Погода была пасмурная, пред полуднем пошел снег, а с полуночи ветер засвежел и находили шквалы, термометр стоял на точке замерзания. В 8 ч. утра [1 августа] сделалось ясно, и мы, подойдя ближе к берегу, легли вдоль одного, а через 53 минуты, находясь на глубине 18 сажен, грунт—песок, по счислению в широте $68^{\circ} 36' 8''$ N, долготе $193^{\circ} 44' 4''$ O, имея мыс Лизбурн на NO $^{\circ}$ в 9 милях, начали опись. В 10 ч., быв против возвышенного, усеянного небольшими бухтами берега, лежащего от Лизбурна на юго-юго-восток в 16 милях, видели дым. Шлюп «Открытие» сделал сигнал, что желает осмотреть берег и велел приготовить гребные суда, почему мы и отправили к нему при офицере вооруженный ялик, который возвратился к нам в полдень 1 августа. Мы продолжали опись до 9 ч. вечера; тогда берег закрылся пасмурностью, и засвежевший ветер принудил нас взять у марселей по три рифа.

Из сделанной нами описи положение американского берега от мыса Лизбурна до начала выдающейся низменности определено по правому компасу на S 26 миль. Берег от самого мыса, слишком наполовину своего пространства, высок, крут и утесист, имеет местами у моря небольшие низменности, но и то против ската гор, которые по сему берегу идут хребтами; другая половина берега начинается отрубью¹⁷⁴, постепенно снижающейся на 6 миль, а от оной идет низменность, которая через другие 6 миль принимает направление по правому компасу на $WtS^{1/4}W$ длиной на $10^{1/4}$ миль. Низменность сия, от начала ее до трех четвертей длины, идет почти не прерываясь полмили и посредине имеет, повидимому, неглубокое озеро с небольшим по средине островком. Озеро сие произошло, как кажется, от моря, ибо при начале низменности мы заметили узкий и мелкий пролив, впадающий в оное. Остальная четверть низменности до самой ее оконечности имеет в ширину до полумили. На сем пространстве, покрытом мелким песком и камнем, находилось большое селение американцев. Оконечность упоминаемой низменности впоследствии названа начальником нашей экспедиции мысом Головнина, и по определению капитана и моему лежит в широте $68^{\circ} 23' 40'' N$ и долготе по хронометрам $193^{\circ} 30' 33'' O$ от Гринвича. С другой стороны низменности берег идет по правому компасу на $SO^{1/4}O$ 14 миль, при море низок, местами имеет невысокие же длинные пологости, а за оными, во внутрь, хребты гор. От начала выдающейся низменности по положению берега, длиной на 4 мили, находится озеро, которое от северо-западного конца кажется в ширину до трех четвертей мили, а потом постепенно суживается. Следующий за сим отруб берега высотой немного уступает мысу Лизбурну, длины имеет $6^{1/2}$ миль, а положение SO и WNW . Южную ее часть, лежащую по нашему же определению в широте $68^{\circ} 2' 41''$, долготе по хронометрам $194^{\circ} 36' 57'' O$, Васильев назвал впоследствии мысом Рикорда.

Между тем как мы, принужденные окончить опись, плыли, имея курс на западо-северо-запад, ветер беспрестанно крепчал и в 8 ч. утра [2-го] заставил нас взять последние рифы у марселей и у нижних парусов и спустить брам-реи. К вечеру стало стихать, и пошел мелкий дождь, прекратившийся за час до полуночи. Ночью, сле-

дую «Открытию», мы начали прибавлять парусов и поутру были уже под брамселями.

В полночь [3-го] шел дождь, начавшийся еще с 9 ч. утра и переставший в 4 ч. вечера. Мимо нас несло много деревьев. «Открытие», желая захватить несколько оных, лег в дрейф, чему и мы последовали. Примечательно, что сколько мы ни ловили сего леса как в сем месте, так и вообще в Ледовитом и Камчатском морях, все была одна американская ель, почему и надобно полагать, что ее выносит от берегов Северной Америки. Всю ночь вместе с «Открытием» мы лавировали к востоку, а поутру успели взять высоты для долготы по хронометрам.

4-го числа весь день лавировали к берегу и несколько позже полудня видели горы, лежавшие близ мыса Мульграва. Дождь несколько раз шел и опять переставал, а в 6 ч. пополудни сделался штиль.

В полдень [5-го] открылся берег между мысами Рикорда и Мульграва¹⁷⁵, которого мы и начали описать, но около 10 ч. вечера за нашедшим туманом прекратили. С полуночи опять стало выясневать, а в 4 ч. мы легли опять к берегу, желая продолжать опись. 6-го, в полдень, при ясной погоде сделался штиль, и нас приметно потащило к северо-западу, почему, следуя «Открытию», мы стали на якорь. Вскоре после сего подул легкий ветерок от северо-запада, мы тотчас снялись, но не прошло и часа как опять заштилело и мы снова прибегнули к якорю. Тогда капитан, я и другие офицеры нашего шлюпа поехали на «Открытие».

Стоя на якорю от самого полдня почти до полуночи, мы заметили, что во все сие время течение было по компасу почти на $W^{1/2}N$ три четверти, а иногда и полузла в час. Странно, что столько времени оно шло все в одну сторону. Вечером потащило нас с верпа, на котором мы стояли. Хотя кабельтова была вытравлена 50 сажен, мы отдали якорь на глубине 10 сажен и задержались, а за час до полуночи при задувшем от северо-востока ветерке, следуя «Открытию», снялись и легли на $SOtS$. С полуночи ветер начал свежеть до того, что мы взяли у марселей по рифу, а пред полуднем и по другому. Между тем шел дождь. По мере [того] как мы приближались к берегам Северной Америки, глубина становилась менее и грунт был мелкий серый песок. В 9 ч. вечера по

крепости ветра взяли у марселей по третьему, а у нижних парусов по одному рифу. Около 12 ч. стало потише, и мы видели на юго-юго-востоке горы, лежащие поблизости мыса принца Валлийского. С полуночи подул брамсельный ветер с востока, почему у нас отдали у нижних парусов, а потом и у марселей рифы и поставили брамсели. Не взирая, что ветер стих уже много, барометр во всю ночь понижался и поутру, когда мы были под брамселями, стоял 29^{дм}, 48. Правда, что тогда сделался туман, однакоже не весьма густой. В 4 ч. утра усмотрели мыс принца Валлийского¹⁷⁶ и его низменность не более как в трех милях от сей последней на глубине 5 сажен, с которой привели на западо-северо-запад; вскоре и она увеличилась до 18 сажен. В 10 ч. видели ясно Гвоздевы острова, а в полдень открылся от тумана восточный мыс Азии по правому компасу на W в 24 милях в одной широте с нашим шлюпом и около одного были куски льда. Вопрос был ли сей последний принесен к мысу течением от севера, или оставался там во все лето?

Мы легли на SW в губу Св. Лаврентия и в половине 6-го часа вечера увидели северный мыс ее входа в 10 милях. Тогда мы поднялись на SWtW и по крепости ветра взяли по рифу у марселей; глубина шла 13 и 11 сажен, грунт — мелкий, черный камень с илом. Входя в губу, мы увидели поперек оной и у обоих мысов совершенно сплотившиеся большие куски льда, а за оными, далее в губе — воду. Далее у южного берега с салинга показался проход между оным и льдом, только весьма узкий. От юга лед сей прийти не мог, но конечно принесен от севера крепкими северо-восточными ветрами, которые мы с 1 августа несколько раз имели.

Капитан наш рассказывал, что в 1816 году бриг «Рюрик» пришел в губу Св. Лаврентия днем ранее нас и стоял там 10 дней, но ни малейшего куска льда не видел. Также заметить должно, что тогда ветер от северной стороны начался гораздо позже, нежели ныне, ибо «Рюрик» при обратном пути из Берингова пролива лавировал к восточному мысу при южных ветрах, а северные застигнули его уже в губе Св. Лаврентия, следовательно около половины августа. Напротив, ныне стали дуть в начале сего месяца, из чего надобно заключить, что зима нынешнего года была в сем краю суровее,

нежели в бытность «Рюрика». С самого начала августа течение в проливе уже не всегда было к северу, а часто к югу и весьма слабое, следовательно крепкими северными ветрами могло лед принести в сие место. При сем заметить должно, что в Ледовитом море и Беринговом проливе летом ветры более дуют от юга, а осенью от севера, и течение действует согласно с ветром.

Подходя к самому льду, оба шлюпа легли в дрейф. Скоро ветер засвежел так, что мы взяли по другому рифу у марселей, а ночью оный дул со шквалами, иногда весьма сильными. Поутру при мелком дожде, мы, следуя «Открытию», спустились на ОСО и как с полудня стало тише, то поставили все паруса и таким образом держались с «Открытием» при ходе до 7 узлов. На сем плавании видели мы береговых птиц, похожих на журавлей и летевших на юго-восток. В 9 ч. утра густой туман закрыл «Открытие» так, что мы сперва жгли фальшфейеры, а в 10 выяснено, настала прекраснейшая погода, и мы усмотрели весьма далеко в тумане восточную часть острова Св. Лаврентия. «Открытие» сделал сигнал, чтобы мы кончили опись северной стороны острова, а он опишет берег Америки. Местом соединения был остров Уналашка. Тут оба шлюпа разошлись: «Открытие» пошел к востоку, а мы легли на SWtW и в полдень привели на NWtW, чтобы обогнуть северо-восточную оконечность острова, весьма примечательную своей низменностью, на которой близко к морю находятся две небольшие горки, из коих дальняя от моря походит на стог сена, весьма остроконечна и по отлогости своей, особливо на южной стороне, имеет множество небольших кекуров. Другая же горка, пониже сей первой и ближайшая к морю, весьма походит на какое-нибудь развалившееся строение, отчего, если не ошибаюсь, сей мыс есть самый приметный, но зато он виден не далее как до 15 миль и замечен не низменностью, а только острой горкой. Обойдя северо-восточный низкий мыс в расстоянии двух миль, мы хотели поверить прежнюю опись, но туман закрыл остров совершенно и ветер сделался свежее, так что мы закрепили брамсели. В 10 ч. вечера оный скрепчал еще более, а барометр несколько повысился, однако к полуночи мы поворотили и взяли по три рифа у марселей.

Маршруты «Открытия» и «Благонамеренного» в Беринговом проливе и к северу от него.

С полудня [11-го] ветер начал опять свежеть, а барометр понижаться. В 3 ч. мы находились от берега не далее 8 миль, лежали бейдевинд на W, а до кекуров оставалось не более 12 миль. Сего числа было полнолуние, и потому мы считали опасным оставаться на северной стороне острова при крепком северном же ветре, дувшем прямо на остров, в то время когда барометр понижался и, следовательно, ветер должен был сделаться еще крепче. По сим причинам мы поворотили на левый галс и в 9 ч. спустились на южную сторону острова Св. Лаврентия с тем, чтобы описать хотя оную. В 2 ч. легли на юг; в 4, обойдя восточную сторону острова, привели бейдевинд правым галсом на запад и по крепости ветра взяли у марселей и у нижних парусов последние рифы. В 9 ч. утра [12-го] закрепили крьюсель и формарсель. Дрейфу было в сие время до $3\frac{1}{2}$ румбов, следовательно нас весьма много сносило к югу, куда действовало постоянно также и течение.

Как при северных ветрах всегда стояла пасмурная погода, то мы уже и не надеялись скоро приблизиться к южной стороне острова, а потому, увидя в 10 ч. прибавление глубины — знак, что нас относило, спустились к Уналашке, чтобы на пути видеть остров Св. Матвея. Последствия показали, что мы благоразумно поступили, спустясь на южную сторону, иначе при бывшем крепком ветре нам бы не отлавироваться от берега, и шлюп наш непременно бы прижало к оному.

Из вышеописанного следует, что в Ледовитом море берега описывать должно непременно летом, когда стоят южные ветры и течение бывает весьма малое. При крепких же северных ветрах, начинающихся здесь в августе, описывать берега почти невозможно, ибо кроме того, что опасно подходить к оным, в такой ветер нельзя удержаться с судном на одном курсе, следовательно и опись будет неверной, ибо от курса судна зависит и положение берега; к тому же при северных ветрах и течение идет от севера же. После полудня 12-го числа ветер начал стихать, к вечеру мы имели по одному рифу у марселей, и курс наш был прямо на средину острова Св. Матвея.

С полуночи стал накрапывать дождь, поутру туман несколько прочистился, и в 5 ч. открылся на юго-юго-запад остров Св. Матвея, коего южный мыс был от

нас в расстоянии около 35 миль. Сей последний оканчивается высоким раздвоенным утесом, с лощиной в середине, имеющий вид седла. Когда же мы приблизились к острову с восточной стороны, мыс сей казался состоящим из трех утесов, соединенных между собой низменностью. Снега на нем совершенно не было. Остров имеет направление от SO к NW и по сему же направлению идет кряж гор средней высоты, между которыми едва приметны низменности. Трава несколько не зеленелась и, как казалось, уже поблекла. В 8 ч. угра мы брали высоты для определения долготы острова.

Продолжая идти к югу, почти при постоянных юго-западных ветрах, иногда столь сильных, что должно было брать у марселей все рифы, мы видели около полудня, 17-го числа, остров Св. Георгия по компасу на StW около 23 миль, а 18-го поутру Уналашку, Акун и Акутан, но за пасмурной погодой неясно и скоро теряли их из виду. Наконец, 20-го числа, в 5 ч. утра, увидели первый и третий из сих островов весьма ясно, лучи солнечные играли на снегу Макушинской сопки, и мы легли на SotS, прямо на Амакнах¹⁷⁶. В 8 ч. по пеленгам оставалось до гавани 14 миль, а в 9 лег на берега густой туман, так что мысы Веселовский и Петряков совершенно закрылись, но Келехта был несколько виден.

К полудню [21-го] северо-восточный ветер разогнал туман и настала прекрасная погода. Мы вошли в Капитанскую гавань к селению Иллюлюк и стали на якорь подле «Открытия», который прибыл туда прежде нас тремя днями. Капитан нашего шлюпа говорил, что он входил теперь в Уналашку пятый раз, но еще в первый так счастливо, а то всегда или лавировкой при крепком ветре, или с помощью буксира, останавливаясь у кошки Амакнаха, ныне же вошел прямо в гавань. Действительно, мы были в сем случае весьма счастливы, ибо едва успели войти в порт, как ветер начал заходить к востоку и ночью сделался юго-восточный, довольно свежий; барометр также понизился.

Когда мы стали на якорь, то при осмотре дифферента оказалось только два дюйма на корму, невзирая, что в двухмесячное плавание у нас вышло весьма много воды. Начальник экспедиции зашел сюда собственно только за переводчиками, которые должны были находиться

здесь присланными из Ситхи или Кадьяка, однако мы обманулись в сей надежде. Они сюда и не приезжали, хотя без нас приходили в американскую гавань из Ситхи два судна Российско-Американской компании: одно за промыслами, для отвоза в Ситху, а другое, коим начальствовал Бенжеман, один из лучших компанейских мореходцев, имел целью какую-то экспедицию к северу. О назначении его говорили двояко: одни полагали, что оно отправлялось для описи американского берега, а другие — для заведения торговли с жителями оного. Сие последнее мнение нам казалось вероятнее, да и компании давно бы надлежало на это решиться. Исполнение же первого, т. е. опись берега, вовсе несродно компанейским суднам, на которых, не говоря уже о хронометрах, не было ни порядочных инструментов, ни карт, ни даже хорошо намагниченных компасов, сверх сего и матросы их не так бывают одеты и обуты и не такую получают пищу, чтобы могли переносить трудное плавание в большой северной широте при описи берегов и во льдах, находясь иногда в необходимости сопротивляться жителям. Да и самое число их обыкновенно не таково, чтобы им можно было покуситься на сношение с сими последними. Примером сему могло служить судно Бенжемана, где чиновников и матросов было всего только 18 человек. Итак, нам ничего иного не оставалось делать, как налившись водой отправиться в Ситху, где положено было выгрузить с нашего шлюпа, построить и приготовить к плаванью на будущее лето палубный бот.

В продолжение пяти дней при пасмурной и большей частью дождливой погоде, мы занимались наливанием водой бочек, перемещением на «Открытие» бывшей у нас его провизии, поправлением рангоута и такелажа, запасанием дров и т. п., и поутру 27-го числа, подняв баркас, были готовы вступить под паруса. Я должен упомянуть здесь, что в теперешнее пребывание наше у острова Уналашки, мы успели набрать и заквасить до пяти бочек конского щавеля, который служил нам вкусной, здоровой и противоцинготной пищей. Натуралист же наш ездил морем вдоль по северной стороне острова и взбирался на вершину сопки, лежащей подле Макушинской, причем набрал несколько кусков самородной серы и колчеданов.

Священник наш также был не без дела и по приказанию начальника экспедиции Васильева венчал как давно, так и новобрачных и крестил весьма взрослых русских и алеутов, причем я был столько счастлив, что едва ли не большая половина уналашкинских жителей состоит из моих крестных и посаженных детей.

27 августа в 6 ч. утра при маловетрии между юга и запада мы, следуя «Открытию», начали сниматься с якоря и при помощи буксира хотели выйти в море, надеясь там найти ветер свежее, но едва успели сняться, как началось маловетрие между северо-востоком, а потом северный ветер, что заставило оба шлюпа положить якорь, который они снова подняли в час пополудни, когда ветер сделался от StW и отправились из гавани при ходе до 5 узлов. Когда мы миновали остров Амакнах, то сначала заштило, но потом ветер задул от северо-запада, в гавани же в сие время по причине гор он был с разных сторон и даже иногда от юга. По сим причинам вход в Капитанскую гавань и выход из оной сопряжен с большими неудобствами и трудностями, а нередко и опасностями.

Глава VIII

Плавание от Уналашки к Новоархангельскому порту. — Известия о российских колониях в Северной Америке. — Приуготовление палубного бота к плаванию у берегов. — Отплытие в Новую Калифорнию к порту Св. Франциска. — Некоторые замечания и путешествие берегом по разным миссионерствам

Сильная зыбь от северо-запада принудила оба шлюпа спуститься опять в Капитанскую гавань, но зайдя немного за остров Амакнах, мы получили свежий, противный ветер от юго-запада, потому стали на якорь на глубине 13 сажен, грунт — ил с ракушками. В 6 ч. утра [28-го] мы снялись и на сей раз были столь счастливы, что хотя и заштилело за Амакнахом, но при малых порывах из-за устьев от юго-запада отошли столько, что получили настоящий западный ветер.

Идя вместе с «Открытием», мы в течение 21 дня по оставлении нами Уналашки не встретили ничего примечательного, кроме что 31 августа в 3 ч. пополудни, находясь в обсервованной широте $53^{\circ} 22' 15''$ N и долготе по хронометрам $197^{\circ} 6' 57''$ O, видели прямо перед собой на OtS, как казалось, берег. Мы не совсем сомневались в существовании одного, ибо земля, виденная Сарычевым в 1790 году, должна была в сие время лежать от нас недалеко и курс наш (OtS) вел прямо на нее. Однако, пройдя около ее не далее 15 миль, при довольно ясной погоде и горизонте чистом миль на 20, ее не видели. Плававшая большей частью при ненастной погоде и довольно

свежих ветрах, мы разошлись ночью 5 сентября с шлюпом «Открытие» и соединились с ним уже 13-го в виду мыса Ечком¹⁷⁷, к которому сильной зыбью от юго-запада при южном ветре прижимало нас с такой силой, что мы принуждены были, не обогнув его, поворотить на другой галс. Непостоянные ветры принуждали нас весьма часто поворачивать и нередко были сопровождаемы шквалами с дождем и градом.

Наконец 19 сентября подул ожидаемый нами с нетерпением юго-западный ветер и стало очищаться. Тогда мы поставили все возможные паруса и за полчаса до полудня легли на северо-восток, имея островок Лазаря¹⁷⁸ на NOtO $1/2$ O.

20-го в исходе 3-го часа пополудни, когда мы прошли на траверсе остров Лазаря и северо-восточную оконечность Биорки, приехали к нам три байдары. На одной из них прибыл промышленной компании Лещинский за лоцмана проводить нас в гавань, куда мы и пошли по южную сторону острова Куличкова¹⁷⁹. Лоцман хотел было вести нас средним фарватером, но наставший от юга ветер сего не дозволил, и потому мы спустились к северному, который есть самый выгодный как для входа в Ситху, так и для выхода из оной, ибо чист и имеет глубину, достаточную для якорного стояния, если бы в сем случилась надобность. На встречу нас выслана была из Ситхи шхуна «Баранов» для подания в случае нужды помощи. Встретясь с нами, она также пошла обратно в гавань, а мы в 7-м часу вечера, пройдя маяк и завернув за Батарейный островок, принуждены были положить якорь на глубине 13 сажен, грунт — ил с песком и ракушкой. В 9-м часу пошел сильный дождь. В 6 ч. утра 21-го мы спустили гребные суда, снялись с якоря и с помощью попутного течения пошли буксиром на рейд, ближе к крепости, как засвежевший ветер принудил нас опять положить якорь.

В полдень сделалось маловетрие между югом и западом, позволившее нам сняться с якоря и итти при помощи буксира под марселями. Дошед до назначенного места, мы положили якорь и начали помышлять о перегрузке шлюпа. Нам должно было поднять и очистить почти весь трюм, чтобы достать члены и доски погруженного в него палубного бота, а как сверх сего мы не могли оставить сухой провизии наверху и уместить все водя-

ные бочки на росторах, то компания и отвела нам для погрузки сего свое судно. «Открытие» кинул подле одного якорь, мы подтянулись к нему и положили с кормы на берег верп.

Бот со всеми принадлежностями весил около 2 000 пудов, ибо был дубовый и с медной обшивкой, а как кроме его шлюп много облегчился во время плавания, то и надобно было прибавить в него каменного балласта до 3 500 пудов.

Мы еще не успели уложиться с шлюпом, как колошенские тойоны¹⁸⁰ — Сагинак и Котильян с их подчиненными — приехали поздравить нас с прибытием, т. е. попить у нас, поесть и поплясать. Эти гости нас не весьма порадовали, да и пляска их не занимательна. Один из тойонов топчется обыкновенно на одном месте, кривляясь всем телом, особенно головой, с которой сыплется во все стороны и на всех около стоящих орлиный пух. Тот, на кого попадет оный, должен, по мнению сих дикарей, считать сие за счастливое предзнаменование, а стряхивать оный с платья — значит показать им свое нерасположение. Первый начинающий плясать затягивает песню, сначала тихо и заунывно, как бы склоняя других, а потом мало-помалу возвышает голос, поет скорее, и тогда пристают к нему другие. Один бьет в такт о пол, сам кривляясь, особенно головой, которая также должна быть осыпана перьями. Плясуны и певцы раскрашивают себе на сей раз лица красной или голубой краской и наряжаются в лучшее свое платье. Таковую-то пляску должны мы были смотреть по приезде к нам вышеозначенных гостей, и когда они кончили, то мы, накормив их патокой с сухарями и напоив ромом, отпустили домой весьма довольными и веселыми.

В 3 ч. утра начали выгружать все бывшее в нашем трюме на компанейское судно, отвязали паруса, спустили бом- и брам-стенги в росторы и в течение 6 дней вынули все, что покрывало обшивные доски бота, лежавшего на балласте под водяными бочками. Для складки бота был назначен лейтенант Игнатьев, а с ним тиммерман и адмиралтейские плотники, данные для сего из Петербурга. Все они с одним унтер-офицером и плотником нашего шлюпа по выгрузке ботовых вещей были отосланы на берег, получив от нас же на девять месяцев провизии и на восемь жалованья, а чтобы работа их

производилась успешнее, то с шлюпа «Открытие» посылали к ним ежедневно на помощь от 10 до 15 человек.

Сколько легко и скоро выгрузили наш трюм, столько же трудно было нагружать его по причине ветреных и дождливых погод. Особенно умучивало наших людей собирание балласта, за которым приходилось посылать до 40 человек с офицером, вооруженных для предосторожности от нападения колош. Часто по причине отмелых берегов люди должны были по пояс в воде носить балласт на баркасы, отчего бывали больные, коих число доходило иногда до 12, а обыкновенно было их два и три. Для отвращения сего им давали ежедневно спрюсовое пиво¹⁸¹, кашицу с бульоном, чай и ввечеру пунш. По приказанию капитана рабочие люди наши терлись иногда ромом и сие последнее, по моему мнению, было весьма спасительно. Невзирая на всю тягость сей трудной и нездоровой работы, она окончилась довольно скоро, и мы через 33 дня, именно к 25 октября, были совершенно готовы выйти в море. Надобно также заметить, что сверх всего этого мы осушили трюм и крюит-камеру, ставя туда чугунные печи.

Между тем как производились вышеописанные работы на нашем шлюпе, 26 сентября пришел в Ситху американский бриг «Педлер», тот самый, который встретился с нами у Зунда Коцебу. Он заходил сюда для продажи в компании своего груза. В сей же день офицеры наши ездили на байдарах к теплым ключам, коих вода так горяча, что в ней нельзя пробыть двух минут. 10 октября пришло судно Российско-Американской компании «Бородино» под командой капитан-лейтенанта Панафидина¹⁸², с грузом на 800 т. руб., за провоз которого наложили для продажи в Ситхе на все товары 50 процентов.

Компания распорядилась о сем еще в Кронштадте и означила в присланной ею фактуре за портовые и береговые издержки во время вооружения «Бородино» 12 процентов. Покупка сего судна и содержание команды с офицерами до прибытия в Ситху составили около 30 процентов, и потому для ровного счета было наложено всего 50 процентов. Так-то поступает компания вместо того, чтобы доставлять все товары за сходную цену. Хотя в сие время плата за бобра и положена была примерно 10 руб., но как за него платилось товарами против его цены в полтора раза дороже, то он и обходился компа-

нии только в 7 руб. Таким образом «Бородино», судно в 1 000 тонн уже окупилось... Компания для заведения колонии в Ситхе и для промысла бобров переселила сюда из Кадьяка и с Лисьей гряды около 1 000 алеутов, посылаемых ею... каждое лето под прикрытием парусного судна по проливам для бобрового промысла...

Здесь мимоходом скажу о колошах. Сей воинственный народ есть самый опасный для наших трусливых алеутов, ибо не проходит ни одного лета, когда сии последние на промысле, чтобы несколько из них не сделались жертвами. Малейшая оплошность с их стороны, и вдруг являются колоши, бьют их и берут в плен...

Рожденные от русских отцов и алеуток называются в здешнем краю креолами...

Бывший при нас главным правителем российско-американских колоний капитан-лейтенант (ныне 1-го ранга) М. И. Муравьев по прибытии своем в Ситху весьма улучшил состояние [креолов], положив им достаточную одежду, обувь и пищу. К чести сего офицера должно отнести, что он вообще вошел в положение алеутов и чувствительно облегчил их жребий, сделав разные полезные перемены по управлению колониями, на что он был уполномочен от компании...

В Ситхе русских находилось при нас до 200 человек, каждый из них получал по 300 руб. в год и по пуду пшеницы в зернах на месяц. Если сей последней семейному человеку недоставало, то он мог купить себе у компании по 5 р. пуд, сама же компания приобретала ее в Калифорнии по 2½ пиастра фанегу, что составит на наш вес около 4 пудов. Следовательно, как пуд обходился ей только 3 р. 75 к., то и тут получала она боле 50 процентов, принимая, правда, на себя содержание мельницы...

Содержание сих колоний стоит компании весьма дорого, так что добываемые там бобры и прочие меха могут заменить все издержки, происходящие от владения Ситхой. Компания должна здесь содержать много людей для гарнизона, ибо как крепость находится во всегдашней опасности от нападения колош, то и должно всеми мерами стараться усилить оную русскими и привести в такое состояние, чтобы дикари сии не только не смели вредить ей, но даже к ней приближаться. Тогда компания может распространить свои владения далее, а вме-

сте с сим вероятно будет иметь и более промыслов, так что прибыль, получаемая с мехов, может заменить содержание судов и крепости. Строение сей последней при нас было так ветхо, что уже начинало обваливаться и вместо его требовалось новое. Капитан Муравьев не мог однако же исполнить сего до нашего прихода с желаемым успехом и скоростью, ибо, как сам признавался, до нас посылал в лес рубить деревья для строения весьма малое число людей, не решаясь оставить крепость при слабой защите. Когда же пришли наши шлюпы, то он оставлял в крепости только одних часовых, а то всех прочих, даже с судов, посылал за лесом.

Если компания каким-либо образом потеряет алеутов, то совершенно утратит промысел морских зверей по причине, что ни один русский не умеет промыслить зверя и во все время, что компания имеет здесь свои владения, еще никто из наших поселенцев сему не выучился. Поэтому-то и надобно бы всеми силами поддерживать алеутов и стараться довести до того, чтобы народ сей умножался, а не уменьшался. Капитан Муравьев первый привез с собой сюда лекаря, и хотя бесспорно, что сей мог быть весьма полезен, но, к сожалению, только в одной Ситхе, другие же колонии оставались попрежнему без него...

При входе нашем в залив Ситху мы имели всегдашнюю зыбь от юго-запада и почти от сего же румба сильное течение, которым нас всегда прижимало к мысу Эчком. Капитан-лейтенант Панафидин встретил то же в продолжение 10 дней. Может быть, что в другое время года бывает здесь и другое течение. Капитан Лисянский заходил сюда два раза и стоял у Ситхи целое лето, но о сем обстоятельстве ничего не пишет. Из нашего примера следует, что должно весьма остерегаться подходить близко к мысу Эчком. Можно бы, казалось, держаться ближе к острову Биорке, но как оный низок и часто закрыт туманом, а около него есть подводные камни, из коих еще один незадолго перед нами открыт милях в $2\frac{1}{2}$ к северу от острова, то и видно, что вход в залив Ситху весьма опасен и сопряжен с большими трудностями. Впрочем весь оный на карте, данной нам из Государственного Адмиралтейского департамента, был положен весьма хорошо, только вышеозначенный камень не был показан по причине, что был уже позже найден.

Самое приметное место для входа есть гора Эчком. Она показывается в виде отрезного конуса, и две трети ее поросли лесом, а как она стоит близко к морю и около нее нет никаких других гор, то по сим приметам и нельзя в ней ошибиться. Далее внутри залива весьма заметен небольшой островок Св. Лазаря. Хотя оный и невысок, но открывается двумя холмиками и потому от прочих, окружающих его предметов весьма отличен; за ним должно проходить низкие каменья, называемые Вицкари, а потом остров Куличков. Глубина везде большая и позволяет подходить близко ко всем островам, только с той невыгодой, что сии последние открываются уже в весьма недалнем расстоянии. Далее, при подходе к самой гавани, между островами, находятся три главные фарватера. Южный из них есть самый большой и самый чистый, но опять столько глубок, что нельзя в оный бросить якорь, во время же штиля прижимает к мели. Он называется Большим фарватером. Другой — Средний, находящийся между двумя прочими, также глубок, но весьма нечист, имеет много подводных камней, и, следовательно, неудобен. Выгода его только та, что им можно прийти ближе и прямее к крепости. Шлюп «Открытие» испытал невыгоду сего фарватера, ударившись в оном о камень, к счастью, при ходе только $\frac{1}{2}$ узла, иначе мог бы получить сильное повреждение. Наконец, третий фарватер — Северный, есть из всех трех лучший и называется Маячным, потому что при входе в оный с моря на небольшом островке, остающемся недалеко вправо, построен деревянный маяк. Сей последний за лесом, растущим на островке, с моря нехорошо виден, почему начальство сего места распоряжается таким образом, что если в ночное время узнает о приближении к порту судна, то сверх того, что горит маяк, высылаются лоцманы на остров Св. Лазаря для предохранения мореплавателей от опасности, могущей с ними встретиться при входе в залив, что случилось с нами, как выше сказано.

При входе в Маячный фарватер находится камень, видимый во всякую воду и потому неопасный; войдя же в фарватер, суда правят на Батарейный остров, а от оного к крепости. На сем последнем пути есть опять камень, означенный на карте и который можно обходить с обеих сторон, а за ним еще третий, только в самую малую воду, во время ново- и полнолуния несколько открываю-

щийся. При входе он всегда оставляется в правой руке, а при выходе из Ситхи в левой. Впрочем, главное преимущество сего фарватера пред двумя остальными состоит в том, что он от самого маяка имеет хорошую глубину, 16 и 17 сажен, грунт — ил с песком, и следовательно в нужде доставляет якорное место. В случае же крайности можно стоять даже вне маяка, где глубина идет от 20 до 30 сажен. Капитан-лейтенант Гагемейстер провел здесь целую ночь при юго-западном ветре и волнении.

Вообще можно сказать, что в Ситхинском заливе, от самого входа до маяка, нигде нельзя бросать якоря, а посему судно, застигнутое в заливе пасмурностью или штилем, подвергается опасности претерпеть крушение. К этому должно еще прибавить почти всегдашнюю зыбь от юго-запада. Если бы не сей недостаток, то Ситхинский порт был бы прекраснейший. Как во время лета ветры дуют здесь более от юго-востока-востока, северо-востока и севера, то и зыбь от юго-запада бывает в сие время года редко и то только при ветре по сему направлению.

По северо-западную сторону крепости судам стоять весьма хорошо, ибо тут они никогда не подвержены волнению и глубины под ними от 6 до 10 сажен, грунт — ил с песком. Южная же сторона крепости не представляет сих выгод, ибо, будучи несколько открытой, подвержена весьма часто волнению и имеет большую глубину.

Ситха весьма изобилует лесом: все горы, долины и островки оным покрыты, состоит же он большей частью из ели, лиственницы и так называемого душного дерева¹⁸³, которое походит на ель, имеет крепкий, приятный запах и кладется в печи для сего последнего. Для топки он неудобен, ибо во время горения трещит и сбрасывает уголье. Водяной малины¹⁸⁴, подобной уналашкинской, в Ситхе растет необычное количество.

Многие здешние промышленники имеют жилища свои вне крепости и потому находятся в опасности от колош. Они отдают часть домов своих внаймы, но весьма дорого, и редкие из них имеют печи по недостатку кирпича. Недалеко от крепости построены ветряные мельницы и еще при истоке глубокого озера в заливе Ситхи — водяная.

На невысокой горе, близ моря, находятся два горя-

чие ключа, от которых проведена вода через жолобы в ванны, из коих при одной построен домик для приходящих купаться. Мы опускали Реомюров термометр в самый ключ, и как ртуть поднялась тотчас почти до самого верха, то, опасаясь, чтобы не лопнула трубка, мы немедленно его вынули. Теплоту сей воды можно безошибочно положить между 55 и 60°. Вкусом она солоновата, запахом походит несколько на испортившееся яйцо и содержит много серы, что должно заключить по вышепомянутым жолобам. Мы купались несколько раз, но не заметили над собой никакого действия, может быть оттого, что не были больны; те же из нас, кои пили сию воду, были прослаблены.

От ключей сих отправились мы в селение Дранишниково, весьма важное для Ситхи, ибо имеет восемь заводов для рыбы, которой снабжает ситхинских жителей в обильном количестве. Сверх сего в нем дубят и выделывают кожи, хотя по неимению мастеров непрочны, но для тамошнего края порядочно. Также разведено тут несколько скота, а как селение находится почти в 25 верстах от крепости, то и должно было для сохранения оно-го построить и здесь крепостцу. Она заключается в двухъярусной башне, имеющей внизу шесть 3-х фунтовых пушек, а вверху 8 мушкетонов, укрепленных на вертлюгах¹⁸⁵. Артиллерия, хотя не сильная, но весьма достаточная для обороны против колюш, которые уже несколько раз отваживались на нападение. Крепостца сия выстроена на весьма выгодном, возвышенном холме в 50 саженьях от селения, с которым сообщается посредством моста.

Начальник сего заведения, промышленный Шмаков, несколько раз бывал атакован дикими, но с помощью сего укрепления, а более великого множества собак, весьма злых, всегда счастливо отделялся.

Во время пребывания нашего в Ситхе мы проводили время весьма весело, так что иногда забывали и удаление от места родины и предстоявшие труды и опасности. Мысль, что мы в России, хотя на другом краю оной и в другой части света, нас утешала. Управлявший тогда нашими колониями в Америке капитан-лейтенант Матвей Иванович Муравьев доставлял нам все возможные удовольствия.

Чиновники наши, жившие в Ситхе, рассказывали нам,

что летом климат здешнего края лучше, нежели в другое время года, но все [же] не может назваться хорошим. А как здесь часто бывают дожди, то я и не согласен с мнением Лисянского, чтобы тут можно было сеять хлеб, да и земля не такова, чтобы могла производить оный. Сверх сего, около крепости так мало места, что его недостает на нужнейшие огороды. В Ситхе было при нас несколько человек ссылочных, переведенных туда из Сибири собственно для пашни, но как земли для сего не имеется, то они и работали за плату на компанию. Тот же недостаток земли лишает здешних жителей разводить огороды и держать скот. Нам удалось купить здесь три коровы по 200 руб. за каждую, кур покупали мы по 8 руб. за штуку, картофель по 20 р. боченок, и таким образом платили за другие предметы живности и съестных припасов. Ситхинские жители держат много свиней, но как они кормят их рыбой, то животные сии весьма отзываются оной, так что без привычки не могут быть употребляемы в пищу.

После всего сказанного мной о Ситхе, можно видеть, что она до того времени не может иметь своих собственных произведений, пока не будет в состоянии занять гораздо более места, нужного для огородов и сенокоса, обезопасенных от нападения колош.

Во все время нашей бытности в Ситхе погода стояла пасмурная, солнце показывалось весьма редко и окрестные горы часто покрывались снегом. Почти всегда стояло маловетрие между востоком и югом, часто был штиль, а иногда бывал ветерок между северо-востоком и востоком, также югом и юго-западом; из северо-западной же четверти дул только два раза, и то уже перед самым нашим выходом. Крепких ветров мы совсем не имели, а иногда находил порывами ветер от востоко-северо-востока и востоко-юго-востока. Самое низкое стояние барометра было 17 октября: 29^{дм} 12 при умеренном восточном ветре с порывами и проливным дождем. Термометр в сие время показывал 5¹/₂₀+. Самое же низкое его стояние было 21 октября при штиле 2°+.

24 октября нам назначено было сняться с якоря, и экипажи обоих шлюпов были весьма сим обрадованы по причине, что беспрестанный проливной дождь не давал времени обсушиться. В сей день, в 8 ч. утра, начали мы сниматься с помощью своих и некоторых компаней-

ских гребных судов и пошли буксиром в Маячный фарватер.

«Открытие» снялся прежде нас и пошел по левую сторону камня, лежащего близ Батарейного острова, а мы, чтобы не сблизиться, оставили его влево. Когда оба шлюпа были у сего камня, вдруг задул ветерок от севера; нас несколько защищал берег и потому буксир шел хорошо, но «Открытие» должен был положить якорь. Поровнявшись с фарватером, мы спустились в оный и поставили марсели, а пройдя его, легли в дрейф для поднятия гребных судов и поджидания «Открытия». Желая засветло выбраться из залива мы наполнили паруса, но, пройдя остров Св. Лаврентия, опять легли в дрейф, приняв за отшедший пункт широту $57^{\circ}2'35''N$, а долготу $224^{\circ}38'40''O$ по пеленгам.

Пролежав всю ночь в дрейфе у мыса Эчком при брамсельном порывистом ветре от NtO и NO, вскоре после полудня 25-го числа заштилевали и не прежде 4-х ч. вечера увидели «Открытие», который скоро опередил нас, а в темную ночь на 30 октября и совсем с нами разлучился.

Еще выше говорил я несколько раз о неудобстве, какое встречали наши шлюпы во время плаванья их вместе. Это важное обстоятельство было необходимой причиной, что начальник экспедиции в бытность свою в Ситхе предписал командиру нашего шлюпа, в случае разлучения с ним, итти в Калифорнию, к порту Св. Франциска, куда мы теперь и последовали. В 10 ч. утра во время брамсельного северо-западного ветра с нашего салинга был виден «Открытие» весьма далеко на StW, но вскоре при перемене сего ветра на южный мы опять его потеряли. Продолжая путь при крепком ветре с порывами, дождливой погоде и сильном волнении, мы увидели в 4 ч. утра мелькнувший вдали на юго-западе огонек и, полагая его на «Открытии», зажгли фальшфейер, но ответа не получили. Это заставило нас думать, что мы обманулись.

В полдень 31-го мы видели несколько бурных птиц и касаток, летевших на запад. Погода во все время стояла неблагоприятная; частые и несколько раз жестокие шквалы с дождем и градом заставляли нас брать у марселей рифы и даже разорвали у нас фор-марсель и грот-стаксель. Поутру 3 ноября, закрепив грот-марсель, мы при-

жестоком шторме оставались только под двумя штормовыми стакселями. Столь крепкого ветра мы еще не встречали с самого оставления нами Кронштадта.

К вечеру 4-го числа сделалось тише, и мы могли прибавить парусов. Сего числа мы видели опять бурных птиц и много касаток.

5-го ветер снова начал свежеть и принуждал нас брать рифы, но, продолжаясь недолго, дозволил скоро отдать оные. В сей день мимо нас пролетало несколько черных альбатросов и бурных птиц. 8-го числа ночью видели мы кашалотов и пеликанов, а в 6 ч. утра усмотрели берег Новой Калифорнии¹⁸⁶, простиравшийся от N к NO¹⁰. Мыса Лос Естерес сначала нельзя было отличить за дальностью, но вскоре оный показался вместе с камнями Фаралонес.

В полдень мы имели означенный мыс на NO 6°, мыс Роко на NO 10°, а южный из камней Фаралонес на NO 80° в 15 милях. Мы лежали на ONO и весьма досадовали на беспрестанный штиль, замедлявший наше плавание, только изредка подувало маловетрие из-за ущелин берега, и мы, пользуясь оным, подвигались к порту Св. Франсиска¹⁸⁷. Поутру в 8-м часу [10-го] задул ветерок от востока, и мы, подняв флаг, начали лавировать в пролив. При нашем приближении крепость подняла также испанский флаг. В половине 10-го часа ветер задул еще свежее от востоко-северо-востока, течение сделалось попутное, и это было столь выгодно для нашей лавировки, что мы тотчас вошли в пролив, где и заштилели. Течением нас сильно тащило в оный, и мы в половине 1-го часа пополудни положили якорь на глубине 10¹/₂ сажень, грунт — песок. Командир нашего шлюпа немедленно поручил мне отправиться на берег к коменданту для переговоров о салютах и о свежей провизии для служителей. В 2 ч. ветерок подул от юго-востока, и началось течение из залива, тогда шлюп наш перешел еще ближе к селению и на глубине 6¹/₂ сажень, грунт — песок, снова положил якорь. По возвращении моем от коменданта салютовали мы крепости 9 выстрелами и были ответствованы равным числом.

Мы были весьма удивлены, когда по входе в залив не нашли там «Открытия», и уже начали опасаться, не случилось ли с ним какого несчастья. Но после узнали, что по разлучении с нами он держал мористее. Вечером

нам прислали с берега провизию. Поутру, незадолго перед полуднем, пришел шлюп «Открытие» и стал поблизости нас на якорь.

Начальник экспедиции намерен был употребить время своего пребывания в порте Св. Франциска на осмотр и исправление такелажа, рангоута, парусов, гребных судов, одним словом на приведение обоих шлюпов в наилучшее состояние для дальнейшего плавания. Для сего, отвязав паруса, спустив стеньги и рей, мы, не теряя времени, приступили к осмотру судов и переправке всего нужного. На берегу разбили мы палатки для обсерваторий и выпросили комнаты для жительства наших штурманов, свезя в оные с обоих шлюпов хронометры и все астрономические инструменты. Вместе с сим выгрузили мы взятые из Кронштадта кирпичи и начали устраивать в отведенном нам месте печь для заготовления сухарей. Как сих последних у нас неостало бы на все предстоящее плавание, то капитан Васильев расположил, чтобы во время нашего пребывания в порте Св. Франциска получать ежедневно печеный хлеб для продовольствия служителей от испанцев, а для сухарей купить муку в миссионерствах¹⁸⁸. Чтобы не упустить ничего во время пребывания нашего в сем порте, начальник экспедиции поручил штурману своего шлюпа Рыдалеву заняться описью всего залива, дав ему для сего помощника, а мичмана и гардемарина определил для наблюдения за возвышением воды¹⁸⁹. По приведении таким образом всего в порядок, нам оставалось заниматься астрономическими наблюдениями и обделкой шлюпов, к чему мы немедленно и приступили.

Между тем как у нас отправлялись сии работы, продолжавшиеся 3 месяца, погода стояла большей частью хорошая, и ветры были тихие, дувшие почти всегда из северной четверти. Часто было маловетрие, а иногда штили, только восемь раз во все сие время дул несколько крепкий ветер, и изредка лил дождь...

Новый год встретили мы приятно и весело, совершенно противоположно тому, как за год назад. Генваря 16-го вследствие предписания начальника экспедиции о составлении карты порта Св. Франциска, капитан наш поручил командование шлюпом мне и, взяв с собой провизии на 10 дней, отправился с мичманами Галлом и Гиллесом на вооруженном баркасе для осмотра, опи-

си и определения астрономическими наблюдениями залива, простирающегося от восточного мыса миссионерства Св. Рафаэля, к северу. По прибытии своем в порт Св. Франциска, Шишмарев нашел в коменданте доне Луизе Аргуелло прежнего своего знакомого по экспедиции лейтенанта Коцебу, заходившего также в сию гавань, и весьма обрадовал сим доброго испанца. Офицеры наши без малейшего труда ознакомились с прочими чиновниками, особенно с миссионерами, которые по чрезмерной своей бедности всегда получают подарки. Люди сии не просят сего от приходящих к ним мореплавателей, но просто требуют, считая сие обязанностью со стороны сих последних. Особенно один священник показал себя, как говорится у нас, большим попрошайкой. Впрочем сии господа отдаривают также в свою очередь, но с той разницей, что за подарки свои после требуют деньги. Знакомство с ними доставило нам ту выгоду, что мы ездили несколько раз в ближайшие миссионерства, как то: св. Франциска, св. Клары и св. Иосифа. Среднее из них построено на прекрасной, обширной равнине, бывшей некогда, как казалось, покрытой водой, а последнее расположено на довольно великом холме.

В миссионерствах сих разведены порядочные сады, но присмотр за оными не велик; там растут арбузы, дыни, персики и прочие плоды, драгоценные в нашем холодном климате; тут же разводят виноград, из коего при нас начинали делать вино, сеют пшеницу, бобы, горох и проч. Почва земли чрезвычайно плодородна. В самом бедном миссионерстве св. Франциска пшеница родится сам 50, а в других бывает сам 120.

При таком плодородии непонятно, куда можно сбывать хлеб, ибо испанское правительство запретило в Калифорнии всякого рода торговлю. Правда, что миссионерства сии пшеницей снабжают свои президио, но сие почти ничего не значит, когда рассмотрим, что в каждом из оных нет и ста человек. Войско, в сем краю находящееся, имеет 4 миссионерства, из коих каждое обрабатывает от 100 до 800 человек диких индейцев. Только наши военные суда заходят в Калифорнию за некоторым количеством муки и пшеницы, собственно для своего продовольствия, да Американская наша компания покупает ежегодно до 3 т. пудов, иногда более. Но все это составляет весьма немногое в сравнении с тем коли-

чеством хлеба, которое собирается в 5 или 6 миссионерствах. В рассуждении торго сей компании с Калифорнией можно сказать, что оный необходим для наших колоний, но как оный производится в виде продовольствия судов, туда заходивших, и вовсе правительством не установлен, то и не имеет ничего определенного и постоянного. От воли испанцев зависит продавать хлеб или нет, и при самой продаже они берут в обмен вещи по своему выбору. Если бы торговля сия была установлена прочным образом, на взаимных условиях обоих правительств, то американские колонии наши, равно как Камчатка и Охотск, не нуждались бы в хлебе и получали бы оный всегда дешево. Только не надобно брать в Калифорнии муку, ибо она там продается дорого, а просто покупать пшеницу и после молоть ее на своих мельницах.

Климат в Калифорнии так хорош, что тамошний скот имеет во все время года подножный корм, только в январе и феврале бывает он тощ от голоду. Впрочем, сие происходит от лености испанцев, ибо ни один из них не вздумает запасти сена только на сии два месяца. Не только у солдат, но даже и у офицеров нет огородов.

Порт Св. Франциска весьма обширен, и можно сказать, что по величине своей не имеет подобного во всей Калифорнии. Вход в него удобен и приметен для судов всякого ранга, мелей в нем никаких нет, кроме нескольких камней, лежащих около берега, течение в нем до 3-х узлов, около же крепости св. Иохима более, отчего вода кажется мутной, а как оное бывает с разных сторон, то песок делается от сего подобно тому, какой видим на банках. По входе в залив везде удобно стоять на якорь, только у президио¹⁹⁰ грунт песчаный, а в середине везде ил.

Выше сказано, что капитан нашего шлюпа ездил со своими офицерами для описи северной части порта Св. Франциска у того места, где в оный впадает река. Хотя для сего и были им взяты хронометры и инструменты, но холодное время, случившееся в сие время, ненастная погода и короткие дни много ему в сем препятствовали, почему он скоро возвратился на шлюп; остальную же часть описи производил штурман Рыдалев. Кажется, что это была первая опись залива Св. Франциска, сделанная европейцами. В атласе Лаперуза он снят с испанских карт весьма неверно и, повидимому, черчен на глазомер,

а не геодезически. Ванкувер хотел описать оный как должно, но испанцы ему сего не дозволили. Лейтенант Коцебу имел то же намерение и ту же участь. Мы же были столь счастливы, что не встретили препятствий.

Порт Св. Франциска изобилует дровяным лесом из рода дуба, и если его рубить своими людьми, то за дрова не требуют платы (разве, быть может, с купцов), но зато беден водой. Для налития оной должно в болоте, куда стекает вода с гор, расстоянием от берега, где пристают суда, около $\frac{3}{4}$ версты, выкапывать яму, для предохранения оной от сора обнести плетнем и несколько раз выкачивать из нее накопляющуюся воду, чтобы она не была грязна и потом уже наливать ею бочки и анкорки, кои весьма трудно носить или катить через болото. Для сего надобно нарочно делать дорогу, устлав ее сучьями, досками и т. п., как и нам пришлось сделать. Однако, невзирая на то, что вода сия казалась дурной и грязной, она сохранилась весьма хорошо и не испортилась при вторичном нашем приходе в Ситху, что составляет около 3 месяцев. При запасении вышеозначенных дров должно всегда очищать с них кору, ибо в ней разводятся разные гады.

Внутренность Калифорнии мало известна самим испанцам, кои по временам посылают туда отряды солдат захватывать индейцев для работы в миссионерствах, иногда же ездят туда и священники с конвоем.

21 генваря пришел в порт Св. Франциска из селения Росс¹⁹¹ Российско-Американской компании бриг «Головнин» для покупки пшеницы. Он салютовал крепости и шлюпу «Открытие» 7 выстрелами, на что первая отвечала равным числом, а второй из 5 пушек.

23 генваря возвратился на шлюп наш командир одного Г. С. Шишмарев. Определенная им широта залива при входе составляет одну итальянскую милю, глубина одного 13 и 15 сажен, широта 37° 59' N, долгота 3', западнее меридиана президио Св. Франциска. Северный берег вообще более низок, болотист, порос тростником и местами на возвышенностях лесом; во внутренности одного находятся горы, южный же берег высок, отрубист и горист, местами имеет низменности и лес. У входа находится испанское селение св. Павла, где пасутся лошади и рогатый скот. По окончании залива идет к востоку река шириной полмили, глубиной при устье 1 $\frac{1}{2}$, потом

7, а через 5 миль опять $1\frac{1}{2}$. Берега ее низки, болотисты и покрыты тростником. Устье реки в широте $38^{\circ} 4'$, в долготе на $23'$ восточнее меридиана президио св. Франциска. Здесь Шишмарев окончил опись...

5 февраля, когда почти все работы были окончены, на наш шлюп не явились три матроса, но посланными за ними испанскими солдатами были отысканы в горах и 7-го числа приведены обратно¹⁹².

9-го, когда уже все было готово к нашему отплытию, к нам приезжали прощаться испанские офицеры и провели у нас довольно долгое время. Вечером капитан наш получил от начальника экспедиции предписание касательно предстоявшего плавания. В оном между прочим было сказано, чтобы нашему шлюпу держаться по правую сторону «Открытия», дабы мы могли усматривать сигналы сего последнего и на сем новом пути лучше видеть пространства на обе стороны.

Поутру [10 февраля] в 6 ч. при тихом северо-северо-восточном ветре, ясной погоде и течении из залива мы начали вывертывать якорь, В полдень сделался штиль, и оба шлюпа, подняв брам-реи, ожидали только ветра, чтобы сняться. Вскоре оный подул опять от северо-северо-востока, и мы, вступив под паруса, пошли по фарватеру на $WtN\frac{1}{2}W$. Ветер между тем начал заходить к северу; когда же мы были близко от крепости св. Иохима, почти в самом проливе, оный задул вдруг от западо-юго-запада, довольно свежо, и течение сделалось с моря. Мы начали было лавировать, но, приметив, что нас сносило, были принуждены положить якорь на глубине 11 сажен, грунт — песок. «Открытие», оставшийся на одном верпе, должен был также стать на якорь.

В 8 ч. вечера при продолжавшемся штиле заметили мы на западе в высоте над горизонтом 20° небольшую комету, обращенную также к западу и составлявшую с Юпитером и Сатурном почти равносторонний треугольник. Освещена она была весьма слабо. Хотя еще накануне мы смотрели в телескоп, но кометы сей не видали, только приметно было светлое, сияющее пятно.

В 6 ч. утра при подувшем ветерке от $NOtN$ оба шлюпа снялись с якоря и, взяв прежний румб, пошли из порта. Наш шлюп сидел в грузу на ровный киль, 14 футов 1 дюйм, но надобно заметить, что дрова и воду на первое употребление должно было брать с носа. В поло-

вине 8-го часа мы прошли крепость, на коей уже был поднят флаг, но из людей еще никого не было. Тогда мы легли на западо-юго-запад. «Открытие» после взаимной салютации с крепостью и с бригам «Головниным» показал в 10 ч. курс на юго-запад.

Еще за два часа до сего открылись перед нами на западо-юго-запад камни Фаралонес, а в полдень мы находились в обсервованной широте $37^{\circ} 45' 14''$ N, имея южный из сих камней на SW 67° , а по правому компасу на SW 82° , в антретном расстоянии ¹⁹³ 11 миль, в долготе же по хронометрам $237^{\circ} 15' 48''$ O. Сие место приняли мы за отшедший пункт. Барометр показывал 30^{дм},38, а термометр $9\frac{1}{4}^{\circ}$.

Глава IX

Плавание от порта Св. Франциска к Сандвичевым островам. — Приход к острову Ваге. — Пребывание на сих островах и замечания об оных.

В 4 ч. пополудни [11 февраля] мы прошли на траверсе камни Фаралонес в пяти милях. Между тем как ветер делался все свежее и постоянно отходил к северо-западу, мы видели вечером опять комету и в том же положении, как накануне. В сие время, вероятно от разности компасов, шлюп наш далеко уходил от «Открытия» на ветер, почему мы легли полее, а с 8 ч. означали свои места фальшфейерами. К рассвету «Открытие» был у нас далеко под ветром, а к ночи так отстал, что мы должны были убавить парусов. К сему же времени настала дождливая погода и ветер так свежел, что принудил нас брать рифы и убавлять стакселей. Таким образом держались мы с «Открытием» во всю ночь. 14-го видели мы множество малых медуз с парусами и глупышей, также чаек и еще небольших морских птиц серого цвета, летевших более на северо-восток. Из сего оставалось отгадывать: существовала ли еще поблизости нас какая-либо неизвестная земля, или сии были птицы с берегов Америки, от коих мы находились в 420 милях?

15-го, пред заходом солнца, при тихой погоде мы видели бурных птиц и черного альбатроса, а иногда китов, около нас плававших,

16-го, под вечер, видели еще альбатроса и множество дельфинов, кои играли близко нашего шлюпа. Чрез сутки ветер опять начал крепчать и был сопровождаем шквалами и дождем, однако к вечеру 18-го сделался штиль, барометр же стал понижаться довольно скоро. Ночью мы терпели сильную качку. Ветер мало-помалу свежел, принудил нас взять пред полуднем два рифа у марселей, между тем как дождь лил ливнем. После частой перемены ветра, в ночь на 21 февраля сделалась сильная гроза, продолжавшаяся почти до вечера и заставившая нас взять по третьему рифу у марселей.

22-го погода была самая непостоянная, хорошая сменялась дурной, иногда по несколько раз в сутки до самого прихода нашего к Сандвичевым островам. 26-го числа начальник экспедиции объявил Шишмареву свое желание пролежать, сколько ветры дозвоят, по параллели 28° около оной, полагая на сем пути увидеть означенный у Лаперуза¹⁹⁴ с испанских карт островок Лахара (Lahara)¹⁹⁵; в случае же неуспеха держать в пассат к западу до Сандвичевых островов. В сей же день вечером мы видели небольшую береговую птицу черного цвета.

В полдень 3 марта означенный островок Лахара был от нас почти на W в 141 милю по правому компасу, почему мы к нему и держали, но все не надеялись его видеть, ибо Лаперуз, проходя около сей же параллели, здесь его не нашел, а означил в другом месте. На другой день, в полдень же, мы находились в широте $28^{\circ} 7' 52''$ N и по наблюдению имели о-в Лахара по карте Арровелиста на SW 68° в 57 милях, но не было ни малейшего признака близости берега.

Поутру 5-го числа мы видели небольшую черную птицу, казавшуюся из береговых и однажды севшую к нам на шлюп; также около нас плавало много китов. 6-го числа, в полдень, упоминаемый островок по той же карте лежал на NO 77° в 8 милях, но, невзирая на ясность и чистоту горизонта, не был виден.

11-го числа в 4 ч. утра, после проливного дождя и сильного порывистого ветра, «Открытие» скрылся у нас из виду. Мы зажгли фальшфейер, но ответа не получили. Полагая, что он при перемене ветра поворотил на другой галс, мы сему же последовали и на рассвете увидели его весьма далеко под ветром, почти у нас на траверсе. Для сближения с ним мы прибавили парусов и в полдень,

подойдя ближе, взяли курс SSW, которым, казалось, лежал «Открытие». Вечером мимо нас пролетело несколько бурных птиц, из коих одну поймали и которую я сохраняю в моем собрании редкостей.

14-го после полуночи мы увидели, что на «Открытии» убирали брамсели и отдавали грот-марса-фал, как казалось, для починки. Это заставило нас поубавить парусов, но в 3 часа мы поставили опять все.

15-го, держа курс в самый пролив, между островами Муве и Оваги, мы имели течение по 8 узлов в час и сего числа после полудня увидели в первый раз на сем тракте летучую рыбу. «Открытие» сделал сигнал: в 8 ч. вечера привести к ветру и лечь в дрейф, что нами и было исполнено. В 5 ч. утра со шлюпа «Открытие» пустили ракету. Это был знак спуститься к юго-западу. Через час показался в мрачности остров Оваги, коего горы совершенно были покрыты облаками. Быв к нему ближе, нежели «Открытие», мы сделали сему последнему сигнал о видимом нами берегу. В 10 ч. мы вошли в вышеозначенный пролив и принуждены были по крепости ветра убрать брамсели.

Скоро горы Монакаа и Мона-Роа¹⁹⁶ показали свои вершины, белевшиеся от снега. В 11 ч. [16-го] жестокий порыв заставил нас взять все рифы у марселей и у нижних парусов, но чем ближе мы подходили к берегу, переменявшему свое положение, тем становилось тише. Вечером показались на берегу во множестве огни, а ночью, держась с «Открытием» и следуя ему, мы ложились в дрейф. После полудня [17-го], при ясной погоде и тихом ветре с моря, мы поставили все паруса и шли за «Открытием», бывшим от нас полмили и имевшем курс на восток, к губе Каракекуа. В 4 ч. он скрылся из виду, и мы остались штилевать у бухты Тиататуа¹⁹⁷. В 9-м часу задул легкий ветерок от северо-северо-востока, и мы, пользуясь оным, пошли также к Каракекуа, но, пройдя 10 миль, опять заштилели и провели так всю ночь, во время которой шел мелкий дождь. На рассвете [18-го] должно бы нам было находиться в виду означенного залива, но мы увидели себя почти на прежнем месте, вероятно по причине сильного течения от юга. В 10 ч. утра, когда подул морской ветер от юго-запада, мы, поставив лисели, пошли к Каракекуа и вскоре увидели «Открытие», лежавший к нам бейдевинд. Около полудня прие-

хал к нам на лодке островитянин Адамс, управлявший островом Оваги во время отсутствия из одного короля. Зная несколько по-английски, он объявил нам, что король уже четыре месяца живет на острове Вагу¹⁹⁸, о чем мы немедленно хотели сообщить начальнику экспедиции, но когда соединились с его шлюпом, то получили приказание взять курс на северо-запад — знак, что и ему уже известно было присутствие короля на Ваге.

Адамс привез с собой шесть связок сладкого картофеля¹⁹⁹ и три арбуза, что все хотел подарить нашему капитану, быв, конечно, уверен, что будет отдарен за сие большим. Шишмарев объявил ему, что не хочет подарка, а желает иметь все за плату. Сандвичанин тотчас согласился и получил за свой товар четыре ножа, ножницы и бутылку рома. В каждой связке картофеля было по 50 штук.

Мы весьма удивлялись, не встретив во все наше плавание ни одной лодки кроме Адамсовой, тем более, что ни теперь, ни перед нами не было известного табу²⁰⁰. Островитяне же на вопросы наши по сему предмету отзывались незнанием причины. Однако вскоре приехали к нам две лодки, почти ничего не привезшие. Ночью, когда мы плыли к острову Вагу, нашел шквал от северо-северо-запада, а на рассвете [19-го] «Открытие», ушедший по свежести ветра вперед, совсем скрылся, так что не был виден с салинга. В 6 ч. утра, при ходе 7½ узлов, усмотрели мы островки Тагурей и Ранай, вскоре за ними остров Маратай²⁰¹, а с половины 10-го и шлюп «Открытие», заштилевший у второго из означенных островов.

Вскоре после полудня «Открытие» скоро пошел вперед и около 4-х часов скрылся опять из виду. Между тем как мы подвигались, тихий юго-западный ветер в 5 ч. переменился на северо-восточный. Мы весьма порадовались сей перемене, ибо надеялись увидеть засветло остров Вагу, которого южный мыс открылся, действительно, через час сквозь пасмурность. Вся же остальная часть была покрыта густыми облаками. Полагая, что «Открытие» недалек к гавани Ганару²⁰², а может быть станет близ оной на якорь, мы, пользуясь попутным ветром, намерены были пройти на подветренную сторону о-ва Вагу и при входе к его гавани всю ночь держаться под парусами. В рассуждении же пасмурности, покрывавшей сей остров, опасаться было нечего, ибо как оный

довольно высок, около него везде глубоко и может быть близко проходим, даже на полмили, то всегда можно было его видеть и в случае нужды отойти, особенно при ветре, который мы имели.

В 8 ч., находясь в 20 милях от берега, усмотрели огонь и шли прямо к нему. Подходя ближе, увидели ракету и, догадываясь, что она должна быть с шлюпа «Открытие», продолжали путь, отвечав фальшфейером. В самом деле, два фальшфейера, зажженные один за другим, утвердили нас в нашей догадке, ибо сигнал сей предписывал нам держаться ближе к «Открытию». Милях в 12 от южного мыса острова Вагу мы с ним сблизились и, убрав все паруса, кроме марселей, по примеру его легли на юго-запад. Проведя таким образом всю ночь, оба шлюпа в 5 ч. утра [20-го] спустились к острову Вагу, но вскоре заштилели. Брав в сие время пеленги, мы заметили по оным, что остров Маратай положен у Ванкувера не весьма верно и должен бы быть отнесен несколько к северо-западу. В 9 ч. при задувшем ветерке от северо-северо-запада, мы начали лавировать, но около полудня опять заштилели.

Потеряв сутки времени без всякой пользы по причине беспрестанного штиля, мы не прежде как в 9 ч. утра 20 марта, воспользовавшись попутным ветерком, могли итти в Ганаруру. Хотя и должно было полагать, что шлюп «Открытие», находившийся от нас далеко, мог не ранее вечера подойти к берегу и лечь к ночи на якорь, но мы уже решились не дожидаться его, а итти прямо в гавань, будучи благоприятствуемы попутным ветром. Иначе, отложив сие до следующего утра, нам бы пришлось может быть итти буксиром, для чего должно бы было нанять двойные сандвические лодки, платя за каждую по 40 пиастров, ибо по тяжести нашего шлюпа гребные суда оного были недостаточны для введения его в гавань. По входе же в оную мы могли бы помочь «Открытию» нашими судами и через то избежать напрасной издержки.

Едва успели мы обогнуть южный мыс острова Вагу, как приехали к нам два англичанина, отправлявшие лоцманскую должность. Опросив нас по обыкновению, какое судно, куда идет, за чем и т. п. для донесения о сем береговым старшинам, один из сих англичан остался у нас, а другой отправился на остров испросить нам поз-

воление войти в гавань. Между тем как мы подвигались к оной, приехал к нам один из важнейших старшин острова, друг короля и племянник первого старшины всех островов, Край-Моку, который назывался Тамега-мега²⁰³ в честь покойного короля сего имени. Он прибыл в сопровождении англичанина Бикли, объявившего о себе, что он исправлял должность гавенмейстера в Ганаруру. Во время же бытности здесь брига «Рюрика» он находился в звании коменданта крепости и потому еще был знаком капитану нашего шлюпа.

После первых взаимных приветствий Бикли спросил Шишмарева, будем ли мы салютовать крепости? Ему отвечали, что в виду «Открытия» не можем сего сделать и, показав на сей шлюп, объяснили, что должно от него ожидать салютации. Это было переведено находившемуся у нас старшине, который, повидимому, сим остался доволен. Скоро после сего возвратился лоцман, ездивший на берег за позволением нашему шлюпу войти в гавань. Мы в сие время находились уже при входе в оную, где самая малая глубина в низкую воду бывает не менее 3 сажен и где весьма хорошо видно дно, усеянное кораллами. В 11 ч. утра мы положили якорь на глубине 5 сажен и вязком грунте, против самой крепости Кагуману. В сем месте суда могут лежать на одном якоре, ибо ветер дует только с двух сторон — с берега или с моря; течение почти незаметно, и притом гавань так закрыта, что не только волнения, но даже ни малейшей зыби в ней не бывает. Сверх сего, по тесноте самой гавани суда становятся в оной так близко одно к другому, что, лежа фертоинг, им трудно бы было поворачивать и потому канату отдают весьма мало, чему способствует доброта грунта. По фарватеру же для фертоинга кладут верп, как и мы сделали.

Едва мы вошли в гавань, как были окружены множеством старшин, приехавших с острова к нам только для того, чтобы сказать нам арога (здравствуй) и выпить по рюмке вина, к чему они приучены посещающими их американцами. Еще не доходя гавани Ганаруру мили за две, были мы встречены множеством дикарей, поспешавших к нам частью в лодках, частью же вплавь и, таким образом, провожавших шлюп при весьма тихом ходе до самого якорного места. Тогда из вежливости мы позволили войти к нам только немногим старшинам,

которые, посетив нас со своими женами и дочерьми, начали тотчас безнравственные предложения, но оные были решительно отринуты. Нас весьма позабавило то, что сандвичане, увидев нашего священника, человека лет 70 от роду, по длинной и широкой его рясе, со скуфьей на голове единодушно приняли его за женщину, и нам стоило большого труда вывести их из сего заблуждения.

В самой гавани мы нашли четыре американских судна, из которых два прибыли туда для торга с сандвичанами и у северо-западного берега Америки, а два остальных сбирались на китовую ловлю к берегам Японии и Курильским островам. Некоторые капитаны сих судов приезжали к нам с визитом и взаимно приглашали к себе.

Морской ветер, позволивший нам войти в гавань, продолжался недолго и вскоре зашел к северо-востоку, почему «Открытие» не ранее вечера мог положить якорь у входа в гавань. В ожидании его мы приступили к осмотру нашего такелажа и нашли самые незначительные повреждения, все прочее было в совершенной исправности.

После полудня 21 марта офицеры и прочие чиновники нашего шлюпа ездили на берег к старшине Буке, управлявшему островом в отсутствие короля. От него узнали мы, что его сандвичанское величество уже давно отправился на остров Муве собирать людей для поселения на острове Вагу и в скором времени должен возвратиться на сей последний со всем своим флотом, состоявшим из 8 или 10 бригов и других парусных судов.

С первой минуты нашего входа в гавань мы уже были окружены множеством лодок с островитянами, кои привезли нам для продажи разные безделицы, прося за оные талеров. Так-то приучили их к сему европейцы! Когда же наступил вечер, явилась торговля иного рода, о которой еще до меня писали все путешественники, заходившие в сии страны. Это были красавицы, кои окружив шлюп, ожидали вторичного позволения взойти на оный. Не получая ответа, они много сердились, шумели, пели песни и делали разные кривлянья, но все не помогало, и мы дали им знак ехать домой. С явным прискорбием повиновались они сему отказу и хотя поехали обратно на берег, но явились опять на другой вечер и повторяли сие еже-

дневно во все наше пребывание в Ганаруру, хотя всегда без успеха...

Между тем как продолжавшийся противный ветер все еще не позволял «Открытию» войти в гавань, около полудня появился королевский флот, состоявший из четырех бригов и стольких же шхун под флагами, состоявшими из семи полос, кои означали 7 островов, а как первое европейское знакомство сандвичан были англичане, то в память сего первые поместили в углу своего флага английский гюйс. На судах сих король привез 4 500 человек целыми семьями для поселения на Вагу, избранном им своей резиденцией. Предпочтение сего места острову Оваги имели для него важные выгоды, ибо ни один из Сандвичевых островов не имеет гавани лучшей Ганаруру, способной для содержания флота и защищаемой крепостью, на которой при нас находилось сорок девять пушек от 3- до 12-фунтового калибра.

В полдень за противным ветром королевские суда остановились на якоре; вечером же, воспользовавшись маловетрием, бывшим ненадолго с моря, с помощью буксира потянулись в гавань. Нас весьма занимало сие зрелище, в котором мы видели усилия еще почти дикого народа к достижению, или лучше сказать, к подражанию европейской образованности. Должно признаться, что сандвичане, обязанные за все сие Тамегамеге, быстрыми шагами подвигаются к просвещению. Вспомним только, в каком состоянии оставил их бессмертный Кук, принесший на одном из островов их важнейшую жертву, какую только может принести человек для пользы наук и торговли²⁰⁴, в каком находятся они теперь, менее нежели через пятьдесят лет после его смерти, и какую печальную картину варварства и невежества представляют собой по сие время все другие обитатели Южного моря, с которыми сандвичане стояли тогда на одной степени.

Впереди флота, входившего в гавань, находилась яхта, везшая короля и салютовавшая из пяти пушек, на что крепость и остальные суда отвечали сим же числом выстрелов.

Ночью сделалось совершенное безветрие. В 5 ч. утра шлюп «Открытие» пушечным выстрелом потребовал к себе наши гребные суда для буксира и с помощью оных через два часа втянулся в гавань, где бросил якорь подле нашего шлюпа.

Еще до прихода «Открытия», когда королевская яхта встала на якорь в гавани, мы просили позволения представиться королю, но он объявил нам через своего чиновника, что по причине неубранства и непорядка на яхте не может принять нас сего числа, а отлагает сие до 10 ч. утра.

Когда наступило сие назначенное время, то капитаны и прочие офицеры обоих шлюпов, одевшись в новые мундиры, в сопровождении Бикли, вызвавшегося служить нам за переводчика, отправились к королю, уже переехавшему на берег.

Король принял нас в просторном шалаше, превосходившем величиной все прочие, его окружающие, и коего внутреннее убранство состояло в постланных на полу рогожах. Когда мы сказывали наши фамилии, то он каждого из нас брал за руку и приветствовал словом «арога» («здравствуй»). На нем были суконные брюки кофейного цвета и белая фланелевая фуфайка, волосы он имел стриженные почти по-европейски и сзади заплетенные в косу. При особе его находились три прислужника, из коих двое отгоняли от него веерами мух, что производило в шалаше некоторую прохладу, а третий носил за повелителем своим чашку с ароматными травами, в которую сей плевал и сморкался почти беспрестанно. Служители сии, избираемые, как мы после узнали, из старшин, должны находиться при короле безотлучно, и если он с кем разговаривает, то, невзирая ни на какое лицо, они становятся подле его величества.

Кроме короля и означенных трех сановников стояли в шалаше только один старшина и между ними любимая его королева. Свиту же короля составляли несколько человек в соломенных шлемах с ружьями в руках. Некоторые из них были совершенно нагие, иные в одних рубашках, другие не имели на себе ничего, кроме жилета или панталон, а несколько были в одних сапогах или башмаках. Обязанность их стоять у дверей, но в шалаш не входить, а [так] как они заслоняли собой вход в королевскую палату, то без небольшого окна, находившегося в стене, мы бы оставались в совершенном мраке.

После первых приветствий король пригласил нас посмотреть его яхту и, взяв с собой нескольких своих чи-

Рыбный пруды

Городок
Самарин

Мельница Гурьевы

Мельница Вайтман

ПЛОСКАЯ
ЮЖНОЙ ЧАСТИ
ОСТ

новников, поехал вместе с ними и нами на наших катерах.

По приезде на яхту король объявил капитану Васильеву, что будет нам салютовать из 5 пушек, почему начальник экспедиции тотчас послал приказание, чтобы оба шлюпа на салют королевской яхты отвечали равным числом. Но как на шлюпе «Благонамеренном» не были заряжены пушки, то он и не успел отвечать на салют яхты вместе с «Открытием», а исполнил сие уже несколько позже, на что и с яхты вторично было произведено 5 выстрелов. Вместе с яхтой палили: крепость, флот и даже, несколько минут спустя, некоторые американские суда.

Король пригласил нас в свою каюту, где просил сесть вокруг большого стола, покрытого сукном, сам же сел на первое место, посадив по правую сторону себя капитана Васильева, по левую — капитана Шишмарева, а прочие из нас поместились возле них без всякого различия чинов. Для любимой королевы поставлен был подле короля стул, а за ними, на полу, расположились отгонятели мух и чиновник с плевательницей. При сем случае заметили мы некоторое различие между означенными прислужниками короля и королевы. Первого обмахивали, как уже выше сказано, двое простыми соломенными веерами, вторую же только один, но зато султаном, сделанным весьма красиво и чисто из красных перьев, носильщика же плевательной чашки она не имела. Бывший при нас за переводчика Бикли не садился, а стоял по левую сторону короля, между ним и капитаном Шишмаревым.

Несколько старшин, вероятно знатнейших, вошли также в каюту, но не имели места за столом. Разговор наш завелся тем, что мы начали хвалить королевскую яхту, которая действительно того заслуживала, между тем как негр из Африки, вероятно попавший на Сандвичевы острова с какого-нибудь американского судна, что доказывалось его собственными словами и знанием английского языка, одетый в одну только белую рубаху, принес на стол несколько стаканов, рюмок и четыре полно налитые карафина²⁰⁵ и, сказав, «ром, бранде, джин, вайн», — удалился. Тогда король начал нас потчевать, предоставляя все нашему выбору, а для себя налив рюмку вина. Мы последовали сему примеру и выпили за его здоровье, чем он повидимому был весьма доволен и

благодарил нас словом — «арога», в котором заключаются все сандвичанские комплименты.

Королева, умершая впоследствии в Лондоне, называлась Камегамега и была женщина необыкновенного роста и толщины. Хотя для нее и был поставлен стул, но она недолго на оном сидела, а беспрестанно ходила по каюте и била тяжеловесной своей рукой сидевших на полу старшин, которые, хотя и морщились от боли, но старались показывать, что были весьма довольны сим знаком внимания.

Начальник нашей экспедиции просил короля, что так как мы зашли в Ганаруру только за свежей провизией и долго пробыть в сей гавани не могли, то нельзя ли нас поскорее оной удовлетворить и назначить человека, который бы доставлял ее на наши суда. Король в ответ на сие обещал доставлять нам свиней сам, а снабжение зеленью поручил англичанину Бикли. Вследствие сего распоряжения мы ни в чем не нуждались, ежедневно получали от короля свежее мясо, а иногда в небольшом количестве и рыбу. Кроме свиней, за которых король взял с нас по 3 талера за каждую, все прочее посылал он нам в подарок.

Яхта, на которой мы находились, заслуживала быть и не у полудикого островитянина. Она была построена в Америке одним богатым гражданином и по смерти его продана торговавшим с сандвичанами американцам, которые в свою очередь уступили ее тамошнему королю за 80 тысяч пиастров, или 400 тысяч рублей. Сумма ужасная, при сем должно еще заметить, что американцы взяли за яхту не чистые деньги, а сандальное дерево, ставя пикуль оно, или 133 фунта английского весу, в 10 пиастров, намеревались продать оный в Кантоне за 12 и до 15 пиастров. Выгоды сии покажутся однако не столь великими, когда увидим, что продавец должен был дожидаться несколько месяцев сего леса, растущего далеко от гавани Ганаруру, по северной стороне острова, и который люди по срубке должны нести на себе не малое расстояние, а потом грузить для перевоза в гавань. Если верить капитану Торнеру, который должен был получить за яхту дерево, то ему приходилось простоять у Вагу по крайней мере с год времени. Это, конечно, делало ему значительный ущерб, а оставить на сие время Сандвичевы острова он не решался, опасаясь лишиться

платы. После сего не удивительно, что американцы продают здесь свои суда такой ценой. От них куплен весь королевский флот, также за сандальное дерево и, вероятно, недешево. Яхта, о которой здесь говорится, построена из крепкого дуба шхуной, со всеми качествами хорошего мореходного судна. Вооружена она чисто и прочно, снаружи отделана весьма красиво, с прекрасной столярной работой на носу и корме, и имеет четырнадцать пушечных портов, из которых при нас только в осьми были орудия. Мы любовались внутренним устройством: в корме — диванной, убранной голубым и розовым гарнитуром и золотом, спальней, буфетом и лестницей на палубу, каютой для капитана в середине и в носовой части, местом для служителей, кладовой для такелажа и т. п., кухней наверху и, наконец, большой залой со столами лучшей работы, обделанными пальмой и красным деревом под лаком. Стены сей комнаты были украшены множеством резных изображений под золотом, а пол устлан хорошими английскими коврами. Видя все сие убранство и тщательную отделку, нельзя было не пожалеть, что столь прекрасное судно досталось сандвичанам, не охотникам до чистоты и порядка в такой степени, что вскоре после нашего отъезда внутренность яхты, вероятно, походила на конюшню.

Раскланявшись с королем, мы отправились на берег посмотреть селение, где были встречены Бингамом, миссионером, приехавшим из Северо-Американских Штатов. Он пригласил нас к себе, показал свои заведения и жилище и просил приехать к нему 25 марта на чай. Возвращаясь на шлюпы, мы пустили по желанию короля 10 ракет и после сего занялись продолжением начатых работ.

24-го по приглашению нашему посетил король оба шлюпа. Прежде он приехал на «Открытие», с которого, как и от нас, салютовали ему пятью выстрелами, на что нам отвечали равным числом королевская яхта, весь сандвичанский флот и крепость. Король был в синем суконном мундире, усеянном золотыми галунами, и имел золотые эполеты, совершенно такие как наши контр-адмиральские с той только разницей, что орел на них был не черный, а золотой же. Они были ему подарены нашим консулом Добелли, нарочно заказавшим их в Петербурге. Шляпа короля, которую носил за ним один из прислужников, была треугольная с плюмажем из белых

простых перьев и обшита золотым позументом с городками. Мы полагали сначала, что мундир, бывший на короле, был тот самый, который получил в подарок от английского короля, но один из чиновников королевской свиты объяснил нам, что оный вместе с остальной одеждой был шит на острове Вагу, вероятно по рисунку американцев.

С «Открытия» король приехал на «Благонамеренный», а вслед за ним прибыли туда две королевы и несколько старшин и прислужников, которые все по входе в каюту разместились в ней как попало; сам же король разлегся попросту на диване.

Дав несколько отдохнуть сему владельцу, мы повели его по всему судну, где каждое место и каждая вещь были им осматриваемы с большим вниманием, но свита его, как казалось, ни на что оное не обращала. Повелитель сандвичан заходил почти во все офицерские каюты и пробовал, хорошо ли лежать на койке; особенно долго он рассматривал нашу церковь и весьма жалел, что священник не позволял ему ничего брать в руки. Обозрев шлюп, он расположился во всем наряде на койке Шишмарева и, пролежав на ней несколько минут, встал, кликнул свою свиту и уехал, не сказав никому ни слова. Прочие сандвичане, по примеру своего короля, расположились где и как ни попало, причем один из них по неосторожности разбил термометр. Потеря сия, хотя мало-важная, была нам тем неприятна, что это был последний термометр, у нас оставшийся, и мы должны были взять один от барометра, чтобы повесить на воздухе. Вечером по приказанию начальника экспедиции мы пустили десять ракет для увеселения короля, которому Васильев подарил после сего большую половину бывшего у нас фейерверка.

25 марта мы удовлетворили приглашению Бингама и в 4 ч. пополудни отправились к нему на чай. Почтенный священник сей, родом из Бостона, послан был не правительством Соединенных Американских Штатов, как мы думали, но Бостонским благотворительным обществом и не прямо к сандвичанам, но вообще на острова Тихого океана, смотря по тому, где бы его приняли.

Таким образом он прибыл первоначально на острова Общества²⁰⁶, но узнав, что там уже находились английские миссионеры, отправился на Сандвичевы к Оваге,

где был ласково принят королем и с ним вместе приехал на Вагу.

Вместе с Бингамом прибыли на Сандвичевы острова еще один священник Брукс, собиравшийся при нас ехать на о-в Отувай, несколько церковнослужителей, из которых один умел печатать книги, — обстоятельство весьма полезное для просвещавшихся сандвичан, и, наконец, разные мастера и земледельцы или садовники. Большая часть их были люди женатые, поселившиеся у сандвичан вместе с своими семьями. Число их простиралось при нас до 30 человек, но они не все жили вместе, а были рассеяны по островам. Бингам имел при себе только одного помощника и земледельца с тремя детьми.

Миссионер сей прибыл на Оваги вскоре после кончины Тамегамеги I и, переселясь на Вагу, получил от короля в версте от селения участок земли, на котором построил, по обыкновению сандвичан, три шалаша, соединенные между собой галлереей, служившей вместо залы. Строения сии состояли из жердей, оплетенных и крытых соломой, и имели при себе огород, разведенный Бингамом. Хотя в оном росли почти все овощи, но только не в таком количестве, чтобы священник сей мог уделять их другим.

Бингам привез с собой совершенно готовый деревянный двухэтажный дом, длиной от 6 до 8 сажений, около 4-х сажений в ширину, который только оставалось собрать. Почтенный миссионер предполагал поместить в оном церковь, училище и комнату для своего жительства, но не мог получить на сие согласие короля, который, как нас уверили, не хотел видеть у себя иного строения кроме обыкновенного сандвичанского, но кажется, что истинной причиной сего затруднения были иностранцы, издавна находившиеся при короле, чрез которых, как знавших сандвичанский язык, Бингам должен был говорить с королем и которые, вероятно, из зависти, препятствовали полезному намерению просвещенного миссионера. Впрочем, мы были уверены, что когда Бингам, оказывавший большие успехи в изучении сандвичанского языка, мог притти в состояние непосредственно объясняться с королем, то, вероятно, согласил* бы его на

* Так в подлиннике.

построение дома по европейскому образцу, в чем и не ошиблись.

Поселясь на острове Вагу, Бингам тотчас завел у себя небольшую школу, где учились не только почти все дети обоего пола, прижитые европейцами с сандвичанками, но и дети природных сандвичан. Даже сам король начал было ходить в оную для обучения английскому языку, но как сие скоро ему наскучило, то и прислал вместо себя двух человек, которые последовали также его примеру и через несколько дней перестали посещать школу.

Когда мы посетили Бингама, то он нарочно приуговаривал к сему времени детей и в нашем присутствии делал им вопросы. Нам весьма понравилась та вежливость, которую он внушил в сих полудиких детях. Когда он их позвал в шалаш, где мы находились, то они, входя в оный, один за другим учтиво нам кланялись и девушки даже приседали по-европейски. После сего они занимали свои места на скамейках, и хотя все были одеты бедно, но чисто и совершенно по-европейски, на что образователь их обращал особенное внимание, покупая для них с приходивших к Сандвичевым островам кораблей разные платки, материи для платья и т. п., раздавая сие в награду отличным по прилежанию. Г-жа Бингам, женщина еще весьма молодая, как казалось, была деятельной и усердной помощницей своему мужу. Детей, которые учились еще азбуке, но которых было немного, она спрашивала с особенной лаской, и они, улыбаясь, и без застенчивости ей отвечали. После сего делал вопросы сам Бингам остальным детям на английском языке. Предметами оных были десять заповедей и начальные основания христианского катехизиса. Ученики отвечали, повидимому, весьма хорошо, но по-сандвичански, что обратило на себя особенное наше внимание. Когда спросили у Бингама, как мог он, не зная сам сего языка, выучить своих питомцев объясняться на оном о христианских правилах, то он указал нам на двух сандвичан, тут же бывших, которые, прожив несколько лет в Бостоне, вместе с ним возвратились на родину, поселились в одном с ним доме и, зная хорошо английский язык, служили ему весьма полезными помощниками. Бингам надеялся обратить и их к христианству, но нисколько к сему не принуждая, и даже не показывал вида сего желания, ожидая, что они

сами, убежденные высокими истинами христианской веры, пожелают обратиться в оную. При их-то пособии учится он по-сандвичански, а как для выражения некоторых слов оного английский язык недостаточен, то употребляет к сему буквы других европейских языков, для чего просил и у нас нашей азбуки и учился произношению ее букв и складов. Бингам просил еще нашего живописца изготовить ему начальные рисунки для детей, что Карнеев, с позволения начальника экспедиции, сделал отлично хорошо.

Мы не сомневались, что с подобными правилами, Бингам мог привлечь к себе всех сандвичан и принудить корыстолюбивых, безнравственных европейцев, окруживших короля и употреблявших его доверенность только для своих собственных выгод, удалиться.

Поведение и правила сего достойного миссионера составляли разительную противоположность с теми, которые мы заметили между католическими священниками в Калифорнии. Сии последние вовсе не думали внушать диким правила христианской религии и думали только об одних наружных обрядах, требуя, чтобы индеец при подходе к ним целовал их рукав, при звуке церковного колокола становился на колени и читал бы молитвы, не понимая оных. Все старание их заключается в том, чтобы обратить как можно большее число в христианскую веру, к чему употребляют они и силу. Напротив, Бингам желает, чтобы приведенные им в христианство, были христианами во всем смысле сего слова. Для сей-то благородной цели посвятил он время своего пребывания на Сандвичевых островах, а может быть и целую свою жизнь, ибо, по словам его, от короля зависело оставить его навсегда в своих владениях.

По окончании экзамена детям было сказано, что они могут идти резвиться. Получив сие дозволение, они вставали с своих мест в величайшем порядке и, выходя из комнаты, прощались с нами по-европейски же. Особенно понравилось нам то, что они все им приказанное исполняли охотно, с улыбкой и без малейшей застенчивости или упрямства. Бингам рассказывал нам, что во все время существования его школы, чему было около года, ни один из учившихся у него детей не подвергнулся даже выговору, не говоря уже о важнейших наказаниях. Таковое поведение сих детей доказывает скромность

и тихость нрава сандвичан, о которых я буду говорить ниже.

Приятная наша беседа с почтенным миссионером продолжалась до позднего вечера, заставившего нас убраться домой.

26-го король, в сопровождении четырех королев и многих чиновников, приехал опять на «Открытие» посмотреть фейерверк, приготовленный для него Васильевым. Сначала все они обращали на него особенное внимание и при каждой новой ракете поднимали крик, но вскоре сие им наскучило, некоторые из них легли спать, и король вскоре по окончании фейерверка уехал домой. В сей же день пришло с моря американское судно, которое за противным ветром уже 27-го втянулось в гавань. Оно готовилось плыть к японским берегам для ловли китов, из которых получается спермацет.

В следовавшее за сим время, когда мы занимались работами на шлюпах, посещали нас весьма часто старшины, а однажды приехал запросто и сам король с своей свитой. Старшины привозили с собой маты²⁰⁷, копы и другие вещи, за которые не брали почти ничего, кроме талеров. Так и в диких народах вместе с первыми семени просвещения порождается любовь к деньгам, сему всесильному металлу на свете! Простой народ также посещал нас во множестве.

Бикли, коему король поручил снабдить нас провизией, видя, что он не успеет один закупить все для нас нужное, объявил старшинам, что каждый из них может иметь торг прямо с нами. Посему и были мы ежедневно, с утра до вечера, окружены лодками с провизией, которой запаслись в сем месте более, нежели где-либо во все время нашего путешествия. Между прочим выменяли мы для слугителей 19 свиней, 3 коз и большое количество капусты, луку и проч., все за подарочные вещи, из которых сандвичане преимущественно брали полосатую коломьянку и шляхты²⁰⁸, на прочие же они почти и не смотрели — доказательство, что сандвичане с каждым днем становились все большими и большими торгашами. Из вымененной капусты мы заквасили и посолили три бочки.

Судовые работы окончили бы мы весьма скоро, если бы не должны были наливать воду, которую брали из реки, текущей с гор, столь мелкой, что в самую полную воду не только баркас, но и ялик с грузом не может

там проезжать. По сей причине люди наши должны были носить воду анкерками на себе через пространство почти целой версты, прежде нежели доставляли ее к пристани на баркасы, где уже она разливалась в бочки. Хотя работа сия была несколько изнурительна, но хорошая свежая пища, прекрасная погода, приятный климат и неимение почти никаких иных работ были причиной, что во все наше пребывание у Сандвичевых островов не было у нас ни одного больного.

С одного американского судна Васильев купил для нашего шлюпа две пины рому, по два с половиной пиастра за галон*, составляющий на нашу меру тридцать с половиной чарок. Таким образом, ведро обошлось слишком в 32 рубля; и смолы бочка стоила по 15 пиастров каждая.

Во время бытности нашей в Ганаруру мы познакомились со всеми американскими шкиперами и ездили к ним на судах, употребляемых для китоловли. Любопытствуя узнать подробности сего промысла, мы просили рассказать нам оные и получили от капитана Аллена, командира судна «Маро» («Мария»), следующие сведения.

Почти до самого прибытия нашего к Сандвичевым островам, американцы вовсе не занимались китовой ловлей в Восточном океане, а обыкновенно ходили для сего около берегов Огненной Земли по обе ее стороны, также у Патагонии и Хили²⁰⁹. Но как китов, доставляющих спермацет²¹⁰, около сих мест сделалось весьма мало, то он, Аллен, со своими товарищами решился испытать счастья в Восточном океане, у берегов Японии, где, как он слышал, киты сии водятся во множестве. Это было в 1820 году. Первый опыт Аллена был удачен, и он довольно обогатился; в следовавшем 1821 году, по примеру его, туда пустились еще 9 судов и произвели весьма счастливую ловлю, особенно Аллен, добывший в 17 месяцев до 200 тонов чистого спермацета.

Промышленники отвозят свою добычу в Мексику, где получают за галон от 7 до 9 пиастров, тогда как в Американских Штатах оный продается не дороже одного пиастра. Из спермацета сего сами они делают свечи, но только не так хорошо, как на их фабриках, и продают их по пиастру фунт. Капитан Аллен полагал, что из груза,

* В подлиннике — «гален».

добытого им и его товарищами в 1821 году, придется ему на часть около 12 тысяч пиастров. При таком барыше построение судов и содержание людей обошлись ему совершенно даром. Упоминаемая здесь ловля производится между 30 и 35 градусами северной широты и 160 и 170 восточной долготы по гринвичскому меридиану, и промышляющие оной избрали Сандвичевы острова местом своего отдохновения. Добытый спермацет они разливают в бочки и так отвозят для продажи. Свечи же из него делают следующим образом.

Китовый жир наливают в сосуд и дают ему несколько дней стоять, после чего наверху остается жидкость, которую снимают и жгут в лампах, для чего он весьма удобен, горя светло и не издавая ни копоти, ни дурного запаха. Остающаяся внизу густота перетапливается и, когда остынет, то делается белой, как снег, причем вся нечистота садится на дно. Тогда верхний жир осторожно снимают, чтобы не смешать с сей последней, и снова перетапливают его два или три раза, выливая всегда в парусинный мешок, сквозь который выходит остальная жидкость. Когда же будет примечено, что она более не оказывается, топят жир в последний раз, примешивают в него поташ и потом разливают в свечные формы. Мы видели таким образом сделанные свечи, — они весьма чисты и хороши.

Для перетопки жира сделаны были на судах американских промышленников между грот- и фок-мачтами кирпичные печи, с вмазанными в оные котлами, где кладется жир, разрезанный на части, и вытапливается. Остающееся от вытопки употребляется вместо дров под те же котлы и даже под камбузы.*

Устройство таковых печей посредине судна не позволяет поместить на оном баркаса, почему вместо одного китопромышленники берут с собой 4 или 5 ботов, которые вешаются по бокам судна в совершенной готовности к спуску во время ловли. Иногда гички сии между собой сплачиваются бортами и таким образом служат вместо баркаса. Если же понадобится завести большой якорь, то из бочек, находящихся на судне, делается плот, который по положению на него якоря буксируется гичками до назначенного места.

* Корабельные печи.

Мне кажется, что для нашей Американской компании было бы весьма выгодно завести подобную ловлю, тем для нее легчайшую, что она производится близко [от] ее владений, да и самые киты (кашалоты) водятся, если не ошибаюсь, во всем Восточном океане и даже иногда выбрасываются мертвые и живые на Уналашку, где однако же боятся ловить их с байдарками.

Капитан Аллен, возвращаясь с первой своей ловли на Сандвичевы острова, открыл в широте $19^{\circ}27'$ и восточной долготы $165^{\circ}33'$ низкий коралловый остров²¹¹ и еще коралловый же риф. Он уверял, что определил их положение хорошей обсервацией, прибавляя, что около сих мест должны быть еще острова, основывая сие на виденных им иногда признаках близкой земли. Бикли, о котором я упоминал выше, также рассказывал, что одно из королевских судов, находясь в море, крепким юго-западным ветром было отнесено далеко к северу от Сандвичевых островов и во время ночи приметило бурун в весьма близком от себя расстоянии под ветром. Поворотив на другой галс подле того самого места, где казался бурун, начальствовавший судном был совершенно убежден в его существовании, из чего заключил, что находился поблизости какого-нибудь еще неизвестного острова или рифа. После сего шел он с попутным ветром к югу и почти через сутки достиг острова Муве. Вообще, можно полагать с достоверностью, что сии места Восточного океана будут еще предметом если не важных, то по крайней мере многих открытий.

Я могу похвалиться, что его сандвичанское величество оказывал мне особенное пред прочими из наших офицеров расположение. Причиной сего были разные подарки, кои он получал от меня, как-то: новые, прекрасно шитые разноцветным шелком подтяжки, фуражная шапка старинной формы из красного сукна, шитая золотом и украшенная золотой кисточкой, и некоторые другие вещи. Приглашая к себе запросто обедать американских капитанов, король пригласил однажды и меня, но по секрету, от имени королевы, желая, чтобы сие было неизвестно моим товарищам. Приглашение сие доставило мне случай видеть обед сандвичан и приготовление оною.

Нас обедало девятеро: король, королева Камегамега, трое старшин, капитаны американских судов — Джон

Мик, Томас Мик, Девиз и я. Такая почесть не обошлась американцам даром, и они были обложены для сего обеда винной и ромовой податью. Обедали мы на полу, на весьма чистых местах, и кушанья наши состояли из свиного и собачьего мяса, которых приготовление мне удалось видеть перед обедом. Оно происходит следующим образом.

В вырытую в землю яму, чисто обложенную камнями, кладут много дров, зажигают их, и когда каменья от жару сего достаточно раскалятся, ее снова вычищают, укладывают чистыми древесными листьями и потом опускают в оную задавленное животное, чисто начисто выпотрошенное и начиненное калеными же камнями, и покрывают крышкой. Таким образом мясо, в продолжение нескольких часов оставаясь в сильном жару и в большом паре, приуготовляется. Потом оно вынимается, очищается от каменьев, кладется целиком на чистые листья и подается на стол, или лучше на пол. Когда мы были таким образом угощаемы, то королева, отдирая руками часть жаркого, первый кусок предложила мне, а за мной и прочим гостям. Вместо тарелок имели мы также по чистому листу зелени и ели руками, с тарой²¹² вместо хлеба.

Собачье мясо сандвичане предпочитают свинине. Это заключил я из того, что его подавали одной только королеве, которая дала одного всем нам весьма понемногу, причем и я из учтивости должен был несколько отведать. Мясо сие было весьма вкусно и приятно.

Выйдя из шалаша, мы нашли королевскую прислугу также обедавшей, но только вместо вина и рому, которые мы пили все из одного стакана, они разводили себе в большой плетеной чаше напиток каву, который я из любопытства отведывал и нашел, что вкусом он похож на молоко с водой, но горькое и противное, почему и сами сандвичане мало его употребляют. По рассказам короля, в чем я после лично удостоверился, питье сие изготавливается следующим образом: берут корень каву²¹³, жуют оный, выплевывают в чашку вместе со слюной и потом разводят водой.

Вскоре по окончании обеда король сказал нам «арога» и занялся с одним из старшин игрой в карты, а я и американцы пошли ходить по селению.

В другой раз, когда я обедал у короля вместе с прочими нашими офицерами на открытом поле, все было устроено на европейский манер, причем весь прибор был занят у американцев, и король, как казалось, весьма гордился подобным угощением.

Рио-Рио не ограничил своего ко мне благоговения одними наружными знаками, а в день отхода нашего от острова Вагу дал мне в подарок национальную свою лодку. Но если король желал мне изъявить через сие свое милостивое внимание, то его подданные поступили со мной не так вежливо и за день до нашего ухода из Ганаруру украли у меня прекрасную нейфундланскую²¹⁴ собаку, подаренную мне моим братом М. П. Лазаревым, и еще двух, которые, вероятно, все пошли на жаркое.

Закупая на Вагу для компании нашего шлюпа разный скот, живность и т. п., я платил за предметы сии следующие цены:

За большую свинью	— 5 пиастров
» малую »	— 2 »
» поросенка	— 1 »
» козу	— 1 ¹ / ₂ »
» козленка	— 1 »
» пять кур	— 1 »
» двадцать пять яиц	— 1 »
» 12 арбузов, дынь или тыкв	— 1 »

Сахарного тростника за 2 пиастра отпускали нам множество. Я старался покупать свиней супоросых, как равно и коз, которые на пути давали нам поросят и ягненков, так что мы от самых Сандвичевых островов весьма мало покупали скота, а пользовались купленным в Ганаруру, коего даже по приходе в Кронштадт нам достало на подарки, в том числе для отправлявшегося в дальний вояж фрегата «Крейсера»²¹⁵.

В заключение сей главы я упомяну о самых Сандвичевых островах. Будучи беспрестанно посещаемы европейцами, они были описаны почти всеми мореплавателями, ходившими вокруг света, и потому столько известны, что делать им описание значило бы только повторять старое, прежде меня сделанное известным свету. Но как скорое стремление сандвичан к образованности и самое время представляют собой новую пищу для

статистики и истории, то и я, в мою очередь, намерен сообщить здесь свои замечания, которые будут дополнением к тому, что было прежде меня писано об островах, нераздельных с воспоминанием о горестном жребии знаменитого Кука.

Повествование мое о сандвичанах начну я с увеселений, которыми они занимали своего короля. Во все время нашего у них пребывания ежедневно, рано поутру, при восхождении солнца, и вечером, при закате оною, перед королевским жилищем плясали женщины в числе до полутора, к которым присоединялись иногда от 20 до 30 мужчин, как надобно полагать, из старшин. Первые же, вероятно, были их жены, дочери и прочие родственницы. Пляска сия описана Куком и весьма верно и хорошо изображена в атласе его путешествия²¹⁶.

В прочее время дня, оставшееся от плясок, жители, особенно старшины, вовсе ничего не делали, разве иногда, скучая праздностью, занимались играми, состоявшими в катании камней, бросании костей и в отгадывании под подушкой камня. Европейцы ввели в употребление между старшинами карты, в которые они, как мужчины, так и женщины, играют между собой беспрестанно. К сожалению, образованные их гости вместе с просвещением передают им и свои пороки. Так например, кроме беспрерывной карточной игры, ни один сандвичанин, имеющий случай достать рому, не упустит оный, чтобы не напиться. Сам король, имеющий в изобилии сей крепкий напиток и беспрестанно покупающий виноградные вина, как нам рассказывали, не подлежит в сем исключению и часто после обеда напивается до потери чувств. Те, кои не имеют привозного рому, пьют делаемый на островах, который гораздо хуже первого и имеет дурной запах. Известный напиток кава также в большом употреблении между сандвичанами, и с первого взгляда можно узнать пьющего оный. Кожа от него на теле делается несколько беловатой, жесткой и получает морщины и трещины. Даже на самое лицо такого человека глядеть отвратительно. К чести сандвичан должно однакоже сказать, что при всем их пристрастии к рому, они никогда не променяют на него хорошую вещь, разве какую-либо безделицу; впрочем, весьма любят получать сей напиток в подарок.

Кроме сего, если нам и случалось видеть иногда на улице пьяного сандвичанина, то никогда не случалось, чтобы пьяный сей причинил кому хотя малейшую обиду или грубость.

Один из таковых любителей рому часто приходил к нашей палатке во время обсерваций, но никогда ничего худого не делал, всегда был послушлив и смиренно отходил прочь, когда мы его отгоняли. Это доказывает, некоторым образом, тихость нрава сих островитян. Но к сему же должно отнести и то, что в течение двенадцати лет до нашего к ним прихода не было между ними слышно не только убийства, но даже и большой драки, хотя на острове Вагу можно бы ожидать оных по причине большого числа живущих там европейцев.

Хотя во время деланных нами наблюдений и поверки хронометров у крепости Кагуману мы имели с сандвичанами, приходившими толпами смотреть на наши занятия, казавшиеся для них чародейством и через то приводившими в трясение инструменты, большие ссоры, но сие несколько не должно противоречить сказанному мною о сем народе.

К сожалению, корыстолюбивое обыкновение отдавать дочерей своих иностранцам существует еще и теперь во всей силе между сандвичанами, да и европейцы, вместо уклонения их от сего постыдного торга, сами поддерживают оный.

Теперь перейдем к преобразователю сандвичан, известному Тамегамеге, который, родясь дикарем во всем смысле сего слова, силой своего собственного гения постигнул выгоды просвещения и излил первые лучи оно-го на своих подданных.

Тамегамега есть истинное имя сего великого человека Сандвичанского царства, но в произношении оно-го буква «г» выговаривается весьма мягко и почти незаметно, то все путешественники называют его Тамегамеа. Я же утверждаю мое показание на словах самих сандвичан. Он первый из владельцев сего народа начал дружески принимать иностранцев, первый завел с ними надлежащую торговлю и соединил все Сандвичевы острова под одну державу. Европейцы неоднократно предлагали ему переменить идолопоклонство свое на христианскую религию и принять миссионеров, но Тамегамега всегда отвергал сии предложения и ни под

каким видом не хотел принять иной веры, говоря, что он и народ его счастливы и в той, в которой родились.

Достойный король сей скончался, к общему сожалению всего народа и знавших его европейцев, в 1819 году. По нем наследовал сын его Рио-Рио или Лио-Лио, коего он еще при жизни своей наименовал своим преемником, и о котором я упомянул выше. Но как он был еще весьма молод, то отец назначил к нему в качестве правителя или опекуна одного из своих родственников, главных старшин острова Краймоку, по-английски называемого мистер Питт.

Рио-Рио или Лио-Лио, что на сандвичанском языке значит собака или лев, названный англичанами Тамега-мега II, еще более, нежели отец его, любит европейцев и старается перенять у них все; что только находит хорошим. Первое вступление свое в звание короля он ознаменовал совершенным уничтожением смешного обычая, заключавшегося в известном слове табу, употребляемом на всех островах Южного моря. Теперь между сандвичанами нет и в помине оного. Прежде бывали дни, в которые выезд жителям в море и вообще спуск лодок были табу, множество обрядов веры были также табу, и нарушение сего наказывалось смертью. Так, например, прежде женщины не могли ни есть вместе с мужчинами, ни даже входить в тот шалаш, где сии обедали; запрещалось им употреблять в пищу свиней, а должны они были питаться собаками и т. п. Ныне все сие изменилось, каждый получил полную свободу располагать образом своей жизни, и женщины едят вместе с мужчинами, как в Европе.

Король тотчас по воцарении своем хотел уничтожить и идолопоклонство, говоря сии слова: «Как мы безрассудны, что поклоняемся куску дерева, нами же самими вырубленному». Но двоюродный его брат, долженствовавший после него вступить на престол, сильно возражал против сего намерения, имея на стороне своей всех жрецов. От частых и сильных споров по сему предмету произошла явная война. Наследник сандвичанского престола был поддерживаем, кроме жрецов, большей частью народа, который в суеверии своем и невежестве страшился одной мысли истребления богов своих. При короле оставалось небольшое число приверженцев, но зато на его стороне были многие европейцы, и все войско

было вооружено пистолетами и ружьями, чего противники его не имели, или по крайней мере весьма немногие из них были снабжены сим оружием. Война, таким образом возгоревшаяся, могла сделаться весьма продолжительной и кровопролитной, если бы в первом сражении, которое происходило на острове Вагу и было весьма жестоко, двоюродный брат короля, глава противной партии, не лишился жизни. Быв ранен в одну руку, он продолжал заряжать ружье другой и храбро оборонялся против своих нападателей. Получив вторую пулю в ногу, он все еще сражался до тех пор, пока третья, попавшая ему в грудь, не положила его на месте. Тогда предводимые им сандвичане, безусловно, покорились законному королю, который в первые минуты своей победы дал повеление истребить идолов на всех островах, состоявших под его властью. Приказание сие было исполнено с такой скоростью, что когда его получили на Вагу, то менее нежели в полчаса все идолы сего острова были сокрушены и преданы пламени. Так решительный подвиг одного человека истребил в самое краткое время освященные предрассудками и временем вековые памятники невежества сандвичан, и луч христианской веры проглянул на месте, опозоренном языческими жертвоприношениями.

Старшина, убивший предводителя возмутительной партии, в награду за сию важную услугу получил первое место по опеке короля. Имя его Кеге-Кукуй, и при нас он считался первым воином в сандвичанской армии, которой в нашу бытность у острова Вагу начальствовал старшина Адамс.

Уничтожив совершенно своих идолов и слово табу, сандвичане в первые минуты сего события остались совершенно без всякой религии. Миссионеры из Американских Штатов, прибывшие на Сандвичевы острова с намерением привести короля и его народ в христианство, не успели однако же в своей цели, ибо хотя Рио-Рио и желал вступить в оное, но непременно от английских священников и сколько ему ни объясняли совершенного единства веры, предложенной миссионерами, с той, которая отправлялась в Англии, ничто не могло вразумить его, и он вместо ответа оставался в молчании²¹⁷.

Многие европейцы, бывшие при нас на Сандвичевых островах, в том числе испанец Марини, служивший при

особе короля, уверяли нас, что сей последний, зная о близости соседства к нему русских колоний, едва ли не имел желания получить миссионеров из России. Хотя испанские владения в Калифорнии были еще ближе, но он не имел расположения к испанцам. Незадолго перед нами он получил от бывшего в то время начальником Камчатки капитана Рикорда* письмо на английском языке с русским переводом, которое он нам показывал, прося, чтобы мы объяснили ему содержание оного, вероятно для сличения с переводом, сделанным ему англичанами.

В письме сем Рикорд поздравлял короля с вступлением во владение Сандвичевыми островами, уверял его в благорасположении и покровительстве нашего монарха, благодарил за ласковый прием российских судов и в заключение предлагал ему завести с ним по соседству торговлю, прося начать оную присылкой летом в Камчатку судна, нагруженного солью.

Король был весьма доволен сим письмом Рикорда и намеревался послать просимое судно в Камчатку. При сем случае он говорил нам, что ни с кем не хотел вести войны, желая со всеми жить в мире, особенно с русскими, от которых видел всегда знаки дружества. Хотя поступок доктора Шеферда²¹⁸ должен бы был вселить в него мысль, что они намерены овладеть его островами, «но,— прибавил король,— я писал уже о сем поступке через Добелли вашему императору и просил его защиты, почему и надеюсь на его великодушие, о котором весьма много наслышался». И оборотясь ко мне, сказал: «Я велю моему секретарю дать вам с сего письма копию»**.

Секретарь сей, родом француз, называвшийся Ривес и бежавший с французского купеческого судна, где он был младшим штурманом, в самом деле привез мне на другой день сие письмо. Король еще хотел писать к нашему императору, но не говорил нам о чем. Вероятно, зная могущество России, он старался снискать ее по-

* Петра Ивановича, ныне контр-адмирала.

** Содержание оного на французском языке вместе с переводом на русский приложено в конце сей книги.

От ред.— К сожалению при рукописи этого письма не оказалось.

кровительство, которое было для него необходимо, как покажет следующее.

В 1820 году, когда инсургенты разорили Монтерей, в новой Калифорнии, на эскадре, состоявшей из двух фрегатов под начальством капитана Буксарда, сей самый Буксард заходил на Сандвичевы острова и наделал королю оных весьма многие неприятности, даже насилия. Между прочим отнял он у него один бриг, купленный у американцев, уверяя, что оный принадлежал ему и как попал в число королевского флота, до этого ему не было дела. К сему прибавил он угрозу, что если бриг ему не будет отдан добровольно, то он возьмет его силой. Король, не имея средств противиться, принужден был уступить и лишиться своей покупки. Кроме сего, Буксард многих жителей посадил насильно на свои суда и, вообще, обходился с сандвичанами, как победитель с побежденными. Испанцу же Марини, первому переводчику короля, за содействие в сих постыдных делах дал патент на чин офицера.

Флот сандвичанского короля, которым командовал беглый английский матрос Адамс, состоял в 1821 году из 10 или 12 судов и беспрестанно увеличивался вновь покупаемыми. Но все сии суда были мелкие; крепость хотя и имела много орудий, но некому было ими действовать, почему король и говорил сам: «Я вижу, что флот мой и крепость не для европейцев». Покровительство сильной державы ему было необходимо.

Покойный Тамегамега, узнав, что американцы, покупая у него сандаловое дерево, продают его в Кантоне гораздо дороже, решил сам послать от себя в сей город судно с сим грузом, адресовав оный на имя американского консула. Когда же по продании товара и возвращении судна, уже после кончины Тамегамега, приемник его узнал, что за простой его в Кантонской гавани взяли с него 500 пиастров пошлины, то сказал окружавшим его: «За что же я не беру пошлин? Вода у моих островов такая же, как и в Кантоне». И с того времени положил, что иностранные суда, останавливающиеся вне гавани Ганаруру платили 40, а внутри оной 80 пиастров. Военные суда освобождены от сей пошлины.

Во все время нашего пребывания в Ганаруру, днем и ночью дул пассатный ветер от северо-востока, иногда

довольно крепкий. По утрам же он дул слабо или было маловетрие между севером и востоком, отчего суда, принужденные входить в гавань при противном ветре, в ожидании попутного или штиля, оставались в море по пяти и шести суток. Погода стояла прекрасная, и дождей было весьма мало. По рассказам жителей, в зимние месяцы — декабрь, январь и февраль — бывает у них ветер северо-восточный, иногда обращающийся в шторм и часто сопровождаемый дождем.

Морской ветер начинает действовать постоянно с марта и продолжается по декабрь.

Наконец, мы были готовы к отплытию, и 5 апреля, в 9-ом часу утра, при тихом северо-северо-восточном ветре начали тянуться из гавани, ибо вступить в юной прямо под паруса было тесно. Вышед из нее, мы их поставили и пошли по румбу SSW. За нами потянулся и «Открытие». Прошед через глубину 4 сажень, грунт — песок и коралл, и обойдя подводный камень, мы вышли в море, где легли в дрейф для поджидания «Открытия» и поднятия гребных судов, бывших у нас в готовности на случай буксира. Добрые сандвичане долго стояли на берегу и прощались с нами знаками.

6-го, в полдень, по пеленгам с карты Ванкувера мы находились в широте $21^{\circ} 16' 30''$ N, по обсервованной же в $21^{\circ} 16' 57''$ N, которую приняли для счисления, а долготу с карты Ванкувера же $202^{\circ} 9'$ O. В 1 ч., когда «Открытие» был готов, мы спустились и, следуя ему, взяли курс SWtW, который он в 3 ч. переменил на NWtW. Ветер, сначала брамсельный от востока, вскоре сделался переменный, с дождем и шквалами, и к 6-ти ч. вечера обратился в маловетрие между севером и западом. Шлюп наш обстоял в грузу: ахтерштевень 14 футов, форштевень 13 футов 9 дюймов, диференту 3 дюйма.

Глава X

Плавание от Сандвичевых островов
до Новоархангельского порта. — Спуск бота. —
Отплытие к Уналашке и в Берингов пролив.

В половине 6-го часа утра, имея свежий ветер от северо-востока, мы увидели на северо-запад остров Атувай и имели оный в виду до вечера.

12-го, в три часа утра, появился над нами в воздухе весьма светлый и большой шар, коего падение было почти вертикально и столь мгновенно, что многие из нашей команды даже не заметили сего метеора.

14-го в широте $30^{\circ} 18' 15''$ [N] и долготе $197^{\circ} 22' 13''$ [O] пролетело мимо нас множество морских птичек большими стаями. Судя по полету их, надобно было думать, что хотя они и морские, но не летают далеко от берега.

15-го видели бурных птиц и несколько фазанов. Поутру 16-го садился на снасти нашего шлюпа небольшой кулик, вероятно, от усталости. Надобно полагать, что свежим ветром его отнесло далеко от земли, которая должна была в сие время лежать поблизости нас от северо-запада, через север, к северо-востоку. 17-го видели мы еще много других птиц, по полету своему казавшихся береговыми, несколько птиц морских и морскую траву, покрытую разного рода мелкими ракушками. Вообще, в сие вторич-

ное плавание наше к Ситхе, мы встречали почти каждый день великое множество морских животных и растений. Между птицами видели не один раз береговых, и по разным признакам полагали себя поблизости земли.

19-го, в полдень, при маловетрии между севером и востоком «Открытие», державшийся с нами постоянно к северо-западу, вдруг показал курс NOtoO. Это значило, что он не желал продолжать прежнего пути, а намерен был идти в Ситху. Удивясь сей перемене, в то время, когда были признаки близкой земли, мы спросили снова о курсе, и «Открытие» вторично показал NOtoO. Поутру 20-го начали находить с дождем шквалы, ветер крепчал до того, что разорвал у нас фор-брамсель, и началась сильная зыбь от севера. Поутру 23-го стихло, и мы, следуя «Открытию», легли на NO. Продолжали плавание почти постоянно при пасмурной и дождливой погоде. 28-го мы были достигнуты опять свежим ветром, сопровождавшимся порывами и дождем. Волнение было от северо-запада, и оба шлюпа сильно качало. 29-го в 4 ч. пополудни, начали находить шквалы, и барометр чувствительно понижался, что заставило нас спустить брам-реи на низ и взять у марселей три рифа. Между тем, ветер крепчал час от часу более и принудил нас взять последние рифы у марселей, но пока мы сим занимались, грот и фор-марсели, быв весьма слабы и стары, не выдержали и совершенно изорвались, так что мы вместо их привязали новые из второго комплекта запасных парусов. Вскоре за сим, когда шлюп наш оставался только под нижними парусами и штормовыми стакселями, изорвало еще фок. Из первого комплекта парусов у нас оставались только крьюсель и грот и крьюсбрамсель, все прочие были совершенно изорваны.

1 мая сделалось тише, и мы могли отдать у марселей и нижних парусов по рифу. 3-го, в полдень, показались в первый раз айры. В сие время мы находились в обсервованной широте $41^{\circ} 28' 32''$ N и долготе по хронометрам $205^{\circ} 33' 13''$ O, имея ближайший берег — гряде Алеутских островов в 1000 милях.

Вечером 7-го мы уже были под брамселями и разлучились с «Открытием» до самой Ситхи. Перед полуднем 11-го числа на $N\frac{1}{2}W$ показался тремя горками берег, принятый нами за гору Доброй По-

годы²¹⁹, отстоявшей в сие время от нас по карте Арровелиста на NO 18° в 132 милях. По сей же карте гора Эчком лежала на NO 80° в 85 милях, но не была видна. В 2 ч. утра она показалась на NtO^3_4O , вместе с лежащими вправо от нее горами ситхинского залива, которые, как и первая, были покрыты снегом. 13-го, продолжая итти к заливу, мы заметили опять, что течением нас прижимало к острову Св. Лазаря, что нами уже было испытано осенью прошлого и весной нынешнего года. Через час пополудни мы миновали сей остров и, подходя к островам Виц-Карн, потребовали лоцмана, который вскоре приехал и повел нас Средним фарватером. Тут мы увидели, что маяк был теперь выкрашен белой, а кровля оного красной краской; мельница также была выбелена. Это, делая их приметными далеко в море, приносило немаловажную услугу судам, шедшим в Ситху. Пройдя островки и заворотив к крепости, мы были салютованы ею и американским бригам 7 выстрелами, на что отвечали: первой из семи же, а последнему из 5 пушек. В 4 ч. мы положили якорь на самом том месте где в первое наше здесь пребывание стоял шлюп «Открытие». Глубины было под нами 6 1/2 сажень, грунт — ил.

Во время сего нашего перехода от острова Вагу течение действовало в первые дни к северо-западу, до широты 28° 9' к западу, до широты 31° 32' более к северу, довольно сильно и постоянно от 7 до 17 миль в сутки; потом было перемежающееся к северо-востоку, юго-востоку, юго-западу, западу и северо-западу, в сутки от 6 до 14 миль, зависев, как кажется, от ветра и зыби; после от северной широты 37° 7', до самой Ситхи оно шло постоянно на юго-восток, более к югу, от 8 до 12 миль. Близ берега течение было к северо-западу, более на север, от 9 до 14 миль.

Пришед в Ситху, мы весьма удивились не видя «Открытия», которому надлежало бы там быть ранее нас по причине лучшего хода. После мы узнали сему причину. Шлюп сей, как и наш, в первый раз сносило к острову Лазаря, отчего ему трудно было вылавировать к югу, тогда как мы, испытавшие каково отдалиться хотя немного на север, держались более к южной стороне входа.

В продолжение нашего плавания к Ситхе от Сандвичевых островов верхняя палуба нашего шлюпа так разошлась, что во многих местах течь оказывалась ручьями, и во время сильной качки в иные каюты проходил свет сквозь щели. Это обстоятельство заставило нас по приходе в Ситху заняться конопачением. Впрочем, кроме сего, наливания водой, запасаения дровами и голиками, набирания до 1 500 пудов балласту и перемены некоторых парусов, команда наша не имела никакой работы.

Еще выше упомянул я об оставлении нами в Ситхе одного офицера с несколькими служителями для построения палубного бота к плаванию во льдах. При втором нашем приходе в сей порт мы нашли судно сие совершенно готовым к спуску на воду, и потому начальник экспедиции, коего шлюп пришел позже нас тремя днями, именно вечером 16 мая, приступил немедленно к спуску.

Поутру 17-го числа, отслужив на боте в присутствии всех наших офицеров и служителей молебствие, спустили оный на воду. При сем случае крепость и стоявший в порте бриг Северо-Американских Штатов салютовали семью выстрелами, на которые «Открытие» отвечивал двумя менее. При боте строился еще ял, но как оный оказался весьма тяжелым, то начальник экспедиции и приказал одному из плотников нашего шлюпа, искусному строителю финских лодок, сделать одну таковую, что было им исполнено с отличным усердием и успехом. Ботовая мачта также была слишком длинной, почему тотчас по спуске ее укоротили.

Между тем, как мы занимались вышеозначенными работами, нам привезли из миссионерства св. Франциска до 500 пудов пшеницы, которую компания променяла на муку, полагая на умол только два фунта с пуда.

На сей раз нашего пребывания в Ситхе собирание балласта не было сопряжено с такой трудностью, как в прошедшую осень, ибо теперь погода стояла хорошая и около берегов не было буруна; ветры дули также тихие и большей частью от берега, иногда бывали и штили.

В замечаниях моих о прошлогоднем пребывании нашего шлюпа в Ситхе я говорил, что на все товары, привезенные на компанейском судне «Бородино», было

положено 50 процентов. Теперь мы узнали, что сие изменилось, ибо когда Хлебников, управлявший Новоархангельской конторой и в то время бывший в отлучестве, возвратился в Ситху, то как человек сведущий хорошо в торговых расчетах, снял с означенных товаров несколько процентов, так что только на самые роскошные из них оставил от 30 до 50, а на прочие, составлявшие необходимые предметы житейских потребностей, наложил не более 30 процентов.

Посетив вторично Ситху, мы нашли, что многие товары, особенно холсты, весьма подешевели, и были уверены, что при сведениях и деятельности Муравьева и Хлебникова наши североамериканские колонии не замедлят притти в скором времени в цветущее положение. Между прочим, назначение наград отличившимся промышленникам и отрешение тех из них, кои окажутся нехорошего поведения, были верной в сем порукой.

Мы заметили с удовольствием, что участь креолов попечением Муравьева весьма облегчилась. Они начали получать пищу, одежду и прочие надобности, и офицер сей сделал компании предложение касательно их воспитания, содержания и определения к должностям. Малолетние креолы, ходившие при нас в школу, были уже весьма хорошо одеты — в тиковые фуфайки и брюки, а для зимы хотели им шить суконные.

Муравьев обратил особенное внимание на то, чтобы каждый из подчиненных ему заботился о своей пользе, не терпел бы голоду и не задалживался компании. Для сего он предложил судовым служителям весьма достаточную провизию и по 5 чарок рому в месяц на человека, назначив сверх сего отпускать оного командира судна в запас для употребления по его рассмотрению в сырые и ненастные погоды.

Перед нами отправлена была в проливы для бобрового промысла партия из ста байдар под прикрытием двух парусных судов, сильно вооруженных. Это распоряжение заставило надеяться, что колоши не отважатся сделать на сей раз нападение, а посему и ловля могла быть удачнее и богаче. При сей посылке только те из алеутов получили одежду в счет будущего промысла, которые совершенно ничего на себе не имели. Плата назначена была по возвращении с лова, и алеут не мог уже думать, что компания оставит его без оной. Одним

словом, распоряжения Муравьева были таковы, что когда, отправляя сию последнюю партию, он объявил, что желающие не ехать на промыслы могут возвратиться на родину, то не нашлось ни одного такового. Впрочем, для компании было бы очень невыгодно, если бы все алеуты отказались от поездки на промысел, тогда она осталась бы совершенно без бобров.

К сожалению, алеуты, проездив все лето за промыслом, не могут иметь у себя огородов, правда, что этим могли бы заниматься их жены, но как они для сего слишком ленивы, любя сидеть поджав ноги, то и бывает, что несчастные сии терпят зимой жестокий голод. Хотя компания и имеет свои огороды, где родится всякая овощь, но как количество оной весьма недостаточно для всего ситхинского населения, то, по моему мнению, должно было бы непременно приучать алеуток к возделыванию огородов в отсутствие их мужей. Поощрять же их и оказывать им пособие — дело и долг компании.

Впрочем, должно ли удивляться сей беспечности алеутского народа, когда сами русские, живущие в Ситхе, мало помышляют о сем предмете, имея к тому все способы. Хотя, правда, они и имеют огороды, но сажают в оные столько, чтобы не быть только в нужде зимой... К числу полезных нововведений Муравьева принадлежит еще и то, что только хорошего поведения люди могут получать ром, прочим он запретил отпускать оный даже за деньги. В Ситхе промышленники в такой степени пристрастны к рому, что им нельзя ничем иным сделать лучшего подарка, лучшего вознаграждения за услугу как сим напитком, который, если они не употребляют сами, то продают дорогой ценой пьянице, каких в Ситхе весьма много и почти исключительно из старых промышленников.

Теперь перейдем к ситхинскому строению.

Адмиралтейство Новоархангельского порта²²⁰ таково, что лучшего желать ненадобно, и при нас оно было снабжено отличными мастеровыми, из которых иные даже отливали для судов медные петли. Зато и капитан-лейтенант Муравьев умел награждать сей класс людей, весьма драгоценный для Ситхи. С их помощью строился в нашу бытность деревянный дом правителя колоний, перестроен был маяк и запасался лес для гос-

питался, после которого намеревались приступить к крепостному строению и магазину*.

Колоши, видя такую деятельность в крепости, кажется примечали, что наступило время, когда они уже не могли вредить русским и потому старались сдружиться с ними. При нас несколько человек сего народа жили около крепости в величайшем согласии с ее обитателями. Они выпросили позволение поселиться в сем месте на зиму для ловли рыбы, и Муравьев, дав на сие свое согласие, объявил в то же время, что если они осмелятся воровать, то будут немедленно выгнаны, если же бы они покусились на убийство, то все их селение будет разорено и сами они взяты в плен. Такие угрозы были действительны: колоши прожили около крепости всю зиму спокойно и мирно, а летом, за исключением немногих, отправились на промыслы. После сведений, которые сообщил нам о колошах Лисянский²²¹, было бы излишним распространяться в описании их нравов, образа жизни и т. п. Скажу только о весьма странном обыкновении их подпиливать у себя зубы, как верхние, так и нижние. Мы видели это у десяти человек, однако только у одних мужчин; у женщин и у детей мы сего не заметили.

Что касается до торговли нашей Американской компании с колошами, то она весьма незначительна, да и сим последним нет выгоды продавать в оную свои меха, за которые американцы платят им дороже и к тому же ружьями, порохом и пулями.

Бриг Американских Штатов «Араб», вместе с нами стоявший в Ситхе, пришел в сей порт от Вагу, где не застал нас двумя днями. Капитан одного Мик рассказывал, что привез на сей остров из Америки миссионеров и от их общества 50 тысяч пиастров на разное употребление и что сандвичанский король дозволил Бингаму построить по европейскому образцу дом, но с условием, чтобы миссионеры при оставлении его владений взяли и оный с собой.

В то время, как мы готовились проститься с Ситхой, колоши разнесли слух, что к югу, в проливах, одноземцы их разграбили американское судно и в доказательство предлагали в продажу разные полученные ими вещи, между прочим и секстан, который американцы верно не

* В подлиннике — «магазину».

стали бы продавать диким. Капитан Мик, опасаясь, не случилось ли сего несчастья с бригом «Педлером» (Pedler), долженствовавшим около сего времени прибыть к сим местам и на котором находился родной брат его, клялся жестоко отомстить грабителям, если бы опасение его сбылось.

Хотя ход рыбы в сем краю бывает обыкновенно в начале лета, но в сей раз, против обыкновения, она еще не являлась. Долго донскивались сему причины и, наконец, поймали одну из водяных змей²²², которые, по уверению нашего натуралиста, водятся только в теплых местах и отдаляют от себя рыбу. Ловя впоследствии множество сих гадов и видя их иногда несчетное число на поверхности воды, мы заключили, что в сем году у ситхинских берегов не будет рыбы, — обстоятельство гибельное для сего места, где животные сии составляют то же, что хлеб в России. Однако, к общему утешению пойман был палтус, в желудке которого нашли змею из рода упоминаемых здесь. Доказательство, что они не опасны для палтусов.

В пятнадцатидневное наше пребывание в Ситхе 6 дней шел дождь, 5 было пасмурных и только 4 ясных, в которые мы могли взять соответствующие высоты солнца для проверки наших хронометров. Хотя в июне и июле погоды бывают здесь лучше, но все-таки ситхинский климат принадлежит к числу дурных, и нельзя надеяться, чтобы можно было сеять там хлеб, как пишет Лисянский и как я упоминал выше. Что же до ветров, то большей частью стояли штили и маловетрие, бывшее сначала между югом и востоком, а после между севером и западом. В сем последнем случае была ясная погода. Перед наступлением северного ветра барометр возвышался, а перед южным понижался, причем самое высокое его стояние было в ясное время 30^{мм}, 13 и самое низкое 29^{мм}, 6, при маловетрии между севером и западом и тихом восточном ветре термометр²²³ не подымался выше 65° и не опускался ниже 57°.

27 мая капитан-лейтенант Муравьев, видя все наши надобности удовлетворенными, простился с нами и отправился на компанейском бриге «Головнине»²²⁴ для обозрения вверенных ему колоний; шлюпы же, совершенно готовые выйти в море, ожидали только приказа на сие начальника экспедиции. Через день последовало и оное.

29-го [мая], в 5 часов утра пушечным выстрелом шлюпа «Открытие» потребовали лоцмана и гребные суда на случай буксира. Вскоре приехал на наш шлюп лоцман Лещинский. Суда для буксира были также присланы, и мы, снявшись с якоря, в 7 ч. при ровном ветре от северо-северо-запада, пошли мимо крепости в средний фарватер. «Открытие» оставался еще на якоре.

Проходя мимо крепости, мы получили от нее салют из семи выстрелов, на который сначала не отвечали, полагая, что «Открытие» следовал за нами, но, не слыша с одного ни одного выстрела, салютовали в нашу очередь также из семи пушек, однако уже в то время, когда почти вышли из пролива. Обогнув островок Стоповой, нам было весьма трудно держать по фарватеру, почему мы послали вперед для буксира гребные суда; три свои и одно компанейское, при помощи коих и отлива, действовавшего с подветренной стороны шлюпа, вышли благополучно в 9 ч. в море. Тогда мы оставили буксир и пошли правым галсом. В 11^{1/2} ч. снялся и «Открытие», быв несколько времени буксируемым палубным ботом. Вскоре после полудня он показал курс SWtW и назначил местом соединения Уналашку.

В самом начале сего плавания мы заметили, что шлюп наш шел теперь хуже, нежели от островов Сандвичевых. Приписывая сие прибавке 1600 пудов балласта и имея 3 дюйма дифференту на нос (форштевень был 14 футов 6 дюймов, ахтерштевень 14 футов 3 дюйма) мы перевезли с бака на корму четыре пушки, надеясь, что от брання дров, воды и всей провизии с носу шлюп облегчится еще более. В 9 ч. вечера гора Эчком скрылась за пасмурностью.

Начав сие плавание, как я упомянул выше, при западо-северо-западном ветре, мы на другой же день по выходе из Ситхи потеряли из виду «Открытие», закрывшийся мрачностью при сильном и продолжительном дожде. Это случилось почти в полдень 31 мая, и мы не прежде 2 июня увидели опять сей шлюп, имевший у себя палубный бот на буксире. 3-го вечером пролетела мимо нас небольшая птичка из роду куликов, а 4-го мы едва не разлучились вторично с «Открытием». Ветер дул от севера, началась мокрота, и сделался густой туман. Сие нас несколько удивило, ибо прежде мы заметили, что в Северном полушарии при северных ветрах бывали ясные.

дни, а при южных пасмурные. Сего числа, около полуночи, проливной дождь перестал и по временам накрапывал самый редкий. Около полудня мы видели урилей, которые, кажется, не отлетают далеко от берега, а в полдень ближайшая к нам земля (островок, названный на карте Кука, Чирикова²²⁵) была от нас в 120 милях к северо-западу. Между китами, бросавшими из себя фонтаны, мы заметили одного кашалота, а вечером 5-го видели опять урилей и морских птиц.

6-го [июня] около полуночи снова пошел дождь, настала самая неприятная погода, и мы только в полдень 12-го могли кое-как взять высоты солнца для определения долготы по хронометрам. В сие время мы находились почти прямо к северу, в 15 милях от земли, виденной в 1790 году Сарычевым, и с такого расстояния при бывшей тогда погоде могли бы ее видеть, если бы она действительно существовала, или, по крайней мере, была точно в сем месте.

12-го ветер дул свежий от юго-запада, день был довольно ясный, только изредка находили дождевые тучи, цвет воды казался зеленоватым, и мы уже двое суток не видели ни одной птицы.

В 4 ч. вечера ветер начал свежеть, пошел дождь, и мы, лежа на W, по счислению нашему шли почти прямо в пролив между Уналашкой и Уналгой. В 5-ом ч. утра курс вел нас прямо на островок Угамок, но оный за пасмурностью не был виден. В 8 ч. усмотрели мы сквозь туман на WSW берег, который почли за Уналашку, но вскоре занесло и оный, и только местами, вправо и влево перед носом шлюпа, мелькал утесистый берег, ко его вид заставил нас полагать себя вправо от Унимакского пролива, но показавшиеся вскоре острова — Уналашка и Уналга — были верным доказательством, что мы находились почти против пролива между Акуна и Акутана, и что Унимакский пролив оставался от нас вправо. К полудню, когда туман рассеялся, мы легли на О, желая обойти мыс острова Кигалги²²⁶, а в самый полдень были весьма близки к острову Аватоноку. В час пополудни подул ветер от WtS с такой крепостью, что принудил нас взять по два рифа у марселей. Обойдя о-в Кигалгу, мы стали придерживаться более к северу, дабы не удалиться от Угамока, причем «Открытие» держал нам в кильватер, а в 6 ч. оба шлюпа вошли в

Унимакский пролив, где начали вместе лавировать, что продолжалось до 15 [июня]. В ночь на сие число сделался сильный туман, и когда оный вскоре после полудня прояснился, то мы потеряли из виду «Открытие», несмотря, что в сие время горизонт наш простирался на 10 верст во все стороны. Полагая, что шлюп сей опасался лавировать в проливе ночью, особенно при тумане, мы оставались спокойными и, продолжая лавировку, весьма хорошо оставались в проливе до самого утра, при наступлении коего начали приближаться к Уналашке. Как в сей день, так и в предшествовавший ему, мы заметили, что течение было весьма сильное от северо-востока, ибо руль нашего шлюпа ходил под ветром, чего до сего времени никогда еще у нас не случалось. Погода была сырая, туман то находил, то опять прояснялся, и однажды показалась на NO 69° вершина Унимакской сопки. Берега Акуна²²⁷ также бывали видимы, но только тогда, как мы к ним приближались.

16-го мы провели попрежнему в скучном лавировании к Уналашке, причем около нас летали во множестве айры, урпы и другие птицы, между которыми мы заметили одного ястреба. Также проносило мимо нас немалое количество морской капусты. Пасмурность и туман продолжались, но скука, которую мы испытывали, вознаграждалась тем, что в 7 ч. вечера 17-го числа мы увидели «Открытие», бывший у нас далеко под ветром и также лавировавший.

С полуночи сделался штиль, в продолжение которого течение снесло наш шлюп весьма много к западу. После ветер начал задувать от юго-востока и, постепенно усиливаясь, к полудню 19-го скрепчал до того, что изорвал у нас крьюсель, который однакоже мы скоро починили и снова поставили. После полудня ветер, стихая, стал отходить к югу, и мы прибавили парусов, но поутру перешел к западу.

В полночь мы легли прямо ко входу в Капитанскую гавань, и хотя берег был близок, но за туманом часто скрывался, наконец в 10 ч. утра открылся явственно перед нами в 2-х милях. Увидев себя так близко от земли, мы поспешили привести к ветру и едва успели сие сделать, как очутились почти у самого острова, лежащего при Веселовском селении. Пользуясь попутным ветром, мы легли прямо в гавань, имея «Открытие» далеко от

нас к северу и в направлении от берега, все еще засло-
ненного туманом.

Определив свое место весьма хорошо, мы могли ит-
ти в самый проход без опасения, а чтобы и «Открытие»,
спустясь, последовал за нами, выпалено было от нас из
двух пушек, однако он не изменил своего положения и
остался на прежнем курсе.

В полдень показались весьма явственно берега Кон-
стантиновской бухты²²⁸ и Амакнака, и, мы, быв в са-
мом входе, при попутном ветре легли прямо в гавань к
селению Иллюлюк, куда пришли через два часа и по-
ложили якорь на глубину $14\frac{1}{2}$ сажень, грунт — ил. Ког-
да мы проходили остров Амакнак, берега начали очи-
щаться от тумана, ветер отошел к северу, и мы увиде-
ли, что «Открытие» спустился за нами.

При подходе нашем к селению Иллюлюк нам салю-
товали с одного из 7 пушек, на что и шлюп отвечал рав-
ным числом, обстоя при положении якоря в грузу: ах-
тер-штевень 14 футов 4 дюйма, фор-штевень 13 футов
8 дюймов, дифференту 3 дюйма. В $2\frac{1}{2}$ ч. прибыл «Откры-
тие» и стал подле нас на якорь. Бот же прошел к се-
лению и остановился между оным и камнями. Нужды
нашего шлюпа состояли только в воде и в перемене
фор-салинга, «Открытие» также не требовал большей
работы, и потому начальник экспедиции положил про-
быть в Уналашке не более четырех дней.

Запасшись водой и исправясь починкой в течение
двух суток, мы употребили остальное время на собира-
ние конского щавеля²²⁹, коим наполнили 4 бочки и за-
квасили по примеру прошлого года. Странно, что наши
единоземцы, живущие на Уналашке, так сказать, пре-
зирают сие полезное растение, летом мало употребляя
оный в пищу, а зимой и вовсе не запасая. Конечно, это
происходит от предубеждения к названию — конский
щавель, но главной причиной сего я полагаю леность.
Алеуты в летнее время очень охотно питаются сей зе-
ленью, но на зиму не запасаются ею по неумению и по
неимению нужной для сего посуды. Русским надлежало
бы научить их сему, но они сами не имеют о сем поня-
тия.

Сверх сего запаса капитан Васильев взял от компа-
нии на поход две штуки скота, весом по 6 пудов, для
служителей обоих шлюпов, которые во все время стоя-

ния в Капитанской гавани получали для завтрака от Уналашкинского правителя двух родов рыбу: треску и горбушу.

От Крюкова мы узнали, что зима сего года на Уналашке была весьма теплая, с февраля же по наш приход стояло холодное время, и ветры дули почти постоянно из северной четверти.

25-го [июня], перед отправлением нашим в море, Васильев распределил, кому из офицеров и чиновников чем заняться в предстоявшее плавание, приняв на себя описание отмелей и берегов от Бристольской бухты²³⁰ до Нортонова зунда²³¹, откуда намеревался итти в Ледовитое море, искать прохода около американского берега, для чего и боту назначил итти с собой. Нам было предписано отыскать, существуют ли острова: Андерсон, Преображение и виденный лейтенантом Синдом к северу от острова Св. Матвея, определить северную оконечность сего последнего и островка, лежащего от него к северо-западу, и окончить опись острова Св. Лаврентия. На все сие представлялось нам время до 6 июля, в который день мы должны были пройти Берингов пролив и искать свободного прохода около берега Азии, которому также надлежало сделать опись. Распределясь таким образом в занятиях, мы совершенно изготовились к оставлению Уналашки и сего же числа (25-го) в 4 ч., при тихом юго-восточном ветре, вместе с «Открытием» и ботом снялись с якоря, взяв курс WNW прямо к о-ву Преображения. Шлюпы держались в виду один у другого до полудня, но в сие время за дождем и пасмурностью «Открытие» скрылся. Ветер отошел к востоко-юго-востоку, барометр показывал 29^{мм}8, термометр 50°+ и мы, неся всевозможные паруса, скоро потеряли Уналашку из виду. После ветер начал заходить к северу и северо-востоку и в 9 ч. утра дул весьма свежо от северо-северо-востока. Плавание наше располагали мы по карте, данной нам Адмиралтейским Департаментом, как вернейшей из всех у нас бывших.

В полдень по сей карте остров Св. Георгия находился от нас на NW 7° в 52 милях, ветер дул прежний, небо было покрыто облаками, непрерывно шел мелкий дождь, и мы видели множество айр, чаек, альбатросов и других морских птиц. К вечеру стало несколько тише и чище, и дождь перестал.

В следующий день [28-го] мы уже не видели ни одной птицы, и морская вода, бывшая при выходе нашем из Уналашки буро-зеленой, постепенно изменяясь в цвете, сделалась к сему числу темносиней, доказательство, что глубина пошла более, почему мы и не бросали лота. Ветер был попрежнему северный, часто ложился туман, и солнце проглядывало весьма редко. Так встретили мы и 29-е июня, в полдень которого имели о-в Преображение на NO 45° в 54¹/₂ милях. Вода приняла опять зеленоватый цвет, почему мы бросили лот на 70 сажен, но не достали дна. С полуночи настала самая неприятная погода, густой туман и слякоть, но вскоре барометр, начав подниматься, предвещал ясное время, что было для нас необходимо для исследования о-ва Преображения, в случае его существования. В самом деле, с полудня 30-го туман начал спадать, и появились птицы, большей частью чайки.

1-го июля после полудня, при слабом ветре от северо-запада и при сиянии солнца, мы лежали на острове Преображение, долженствовавший находиться от нас на NO 49° в 33 милях. В 10 ч. вечера, когда оный был от нас в 6¹/₂ милях, мы все еще не видели его, хотя зрение наше простиралось на 10 миль вокруг. Бросили лот на 100 сажен, дна не достали. За полчаса до полуночи мы были в широте 58°48' N и долготе 184°24' O, на том самом месте, где надлежало бы быть искомому острову²³², но не было и признаков близкой земли. Итак, мы заключили, что если оный действительно существует, то далеко от того места, где был показан на карте. Чтобы искать его, надлежало пройти несколько миль к востоку и северо-западу, чего нам время не позволяло, ибо обязанные предписанием поспеть в Верингов пролив к 7-му числу сего месяца, мы еще должны были, как выше сказано, осмотреть на пути к оному разные места и потому решились не останавливаться исканием о-ва Преображения и плыть к о-ву Св. Матвея, чтобы увидеть остров, примеченный лейтенантом Синдом, от сего последнего в 70 милях²³³. Хотя погода и была пасмурна, однако мы могли видеть вокруг себя миль на десять. Айры, чайки и еще маленькие птички, вроде морских ласточек, показывались в большом количестве, но топоров было немного.

В полдень, когда мы находились по карте Адмирал-

тейского Департамента от южной оконечности о-ва Св. Матвея на SW 60° в 90¹/₂ миль, горизонт наш простирался опять на 10 миль в окружности, но опять не было и признаков близкой земли. В 3 ч. мы были в 70 милях от мыса Upright на юго-запад и, следовательно, могли бы усмотреть остров, виденный Синдом, если бы оный существовал в самом деле, или, по крайней мере, около сего места, но и теперь все было чисто перед нами во все стороны.

По пути Сарычева от губы Св. Лаврентия в Уналашку, положенному на карте сего адмирала, видно, что плавание его было близко того места, где Синд нашел остров, почему и ему можно было бы оный видеть, но самая глубина, означенная Сарычевым, показывает, что тут нельзя быть острову, ибо к о-ву Св. Матвея глубина уменьшается, а от оногo по мере расстояния увеличивается.

В 8 ч. вечера, находясь от островка Пинакл на SW 21° в 17 милях, мы легли на NNW прямо к северной оконечности Св. Матвея и должны были пройти весьма близко означенный островок. Пролежав час на сем румбе, были от островка сего в 8 милях, но за нашедшей пасмурностью его не видели. Между тем ветер крепчал, и ночное время не позволяло приближаться к острову, да и при сей пасмурности мы не могли бы определить положения северной его оконечности. С такой погодой нельзя было ожидать успеха и на другой день, а пролежав в дрейфе до утра, мы бы потеряли только время и попутный ветер, почему, не упуская времени, в 9 ч. вечера решились оставить остров Св. Матвея и идти к острову Андерсона²³⁴ и далее, чтобы выполнить предписание, по которому еще много оставалось сделать, а времени было мало, и взяли курс на ONO¹/₂O вдоль острова, к южной его оконечности.

В 4 ч. пополудни показался в тумане берег, почему из предосторожности мы легли с NNO на NO, хотя по счислению и были от него милях в 20, но, пролежав полтора часа сим румбом, поворотили опять на прежний румб. Погода в сие время стояла пасмурная, туманная, и скоро пошел дождь.

Ночью 3 июля видели чаек, топорков и урилов, последних еще в первый раз после Уналашки; также пролетело мимо дерево.

В 9 ч. утра, при ясном небе и весьма чистом горизонте, по счислению мы находились от острова Андерсона по правому компасу на SO 13° в 8 милях, но его не видели, почему легли в бейдевинд на NWtW, каковым курсом должны были пройти сей остров не далее трех миль к западу. Перед полднем, действительно, мы увидели берег по компасу на SOtO, местами покрытый снегом и отстоявший от нас далеко. Тогда по счислению нашему мы были от американского берега по сему румбу не ближе 180 или 200 миль, но берег, казалось, отстоял не далее 70 миль. Не зная еще хорошо своего места, мы дожидались полудня, чтобы, определяя по обсервации широту и долготу, могли судить о виденном берегу. По определению полуденного пункта (широта 62° 32' 18" N, долгота 193° 11' 32" O) обсервацией остров Андерсона должен был находиться от одного в сие время на NW 30°, в 37 милях, но все еще не показывался, хотя кругом горизонт был весьма чист; виденный же берег простирался от SOtO до OSO 1/2 O и состоял из множества покрытых снегом гор, коих вершины скрывались в облаках. Антретное расстояние до берега мы полагали не более 70 миль, а может быть и не менее, как некоторые из офицеров думали. Отмелый берег Америки, заключающийся между мысами Стефенсона и Невенгама²³⁵, не был виден Куком, по причине далеко в море простирающейся мели, мы же, имея глубину 14 сажен, видели берег. В таком случае мы должны были заключить, что берег сей был или американский, между означенными мысами так далеко к западу выдавшийся, или новый остров. Как бы ни было, но все оный никем еще видим не был, почему мы решились пожертвовать несколькими часами, чтобы, подойдя к нему ближе, определить точнее его положение, к тому же и ветер был противный для плавания к островам Андерсона или Св. Лаврентия. Итак, мы, спустясь на SOtO, поставили все паруса, лот бросали через каждые полчаса, и глубина шла 15, 15, 15, 15, 14 1/2, 13, 11, 6,5 и 5 1/2 сажен, грунт — серый песок с ракушкой. Когда мы после полудня с последней глубины подошли к берегу на 15 миль, то оный казался таковым же, как был и в полдень, только явственнее; горизонт был чист, но как мы видели невозможность приближаться к берегу, а дальнейшее исследование отняло бы у нас много времени, при том

мы знали, что «Открытие» должен был находиться близ сего берега и, следовательно, видеть оный, то оставили его и направили плавание через остров Андерсона к острову Св. Лаврентия. При отходе от берега глубина увеличилась; вскоре от юго-востока начал находить туман, которым закрыло берег, и сделался штиль. В 2 ч. утра подул ветерок от NOtN.

5-го в 6 ч. утра показался берег на OtS, почему мы полагали, что нас несло к югу, если сей берег был тот же, «который видели вчера. А как мы вчера же заметили, что нас тащило к северу, то земля сия должноствовала быть новой, или туман нам показывался таковой, что в здешнем море нередко случается.

Поутру ветер скрепчал и принудил нас взять рифы у марселей и у нижних парусов; вскоре после полудня вдруг стих, но через полчаса задул с прежней жестокостью, однако, вечером стихло. С полуночи мы видели к востоко-северо-востоку остров Св. Лаврентия, но оный вскоре закрылся.

Нам предписано было сего числа пройти Берингов пролив, но как противный ветер, начавшийся еще 4 числа, не позволял нам итти к северу, то теперь мы уже должны были оставить опись о-ва Св. Лаврентия, зайдя на самое короткое время в губу сего имени для отобрания от чукочь сведений для предстоявшей экспедиции к северу.

В 8 ч. утра погода стояла прекраснейшая, какая бывает редко в сем месте и коей мы воспользовались, чтобы вынести служительские койки и платье для проветривания наверх.

В полдень 7-го имели мы прекрасное наблюдение полуденной высоты, по коей широта обсервации $62^{\circ} 30' 42''$ N, долгота по хронометру $188^{\circ} 3' 27''$ O, течение на SW $37^{\circ} 43' 14\frac{1}{4}$ миль в сутки, барометр показывал 30^{мм} 02, термометр 47° t. Тогда юго-западный мыс острова Св. Лаврентия отстоял от нас на NO 5° в 54 милях. Ветер дул тихий от западо-северо-запада, но с полуночи сделалось маловетрие. Мы ясно видели на NtO несколько холмов острова Св. Лаврентия и хотя поутру горизонт покрылся туманом, однако вскоре сделалась наилучшая погода, и мы вынесли наверх служительские койки. Ночью море было спокойно, и мы опять видели холмы острова Св. Лаврентия к NtO, но в 8 часов

нашел снова густой туман. Ветерок весьма тихий отошел к северо-западу и к полудню заштилело.

В полдень глубина 28 сажен, грунт — песок с илом, и туман заменился опять прекраснейшей погодой. С полуночи дул самый тихий брамсельный ветер от WSW и светлость луны была во всем блеске, но в 3 ч. утра нашел густой туман, почему мы поворотили от острова, отстоявшего от нас на NO 8° в 9 милях. К полудню 9-го стало прочищаться, и в полдень мы имели прекраснейшую обсервацию; широта 63°9'39"N, долгота по хрон. 187° 59' 12" O, течение на NO 43° 7' 3¼ мили. Течение к северо-западу заметили мы еще в первый раз по оставлении Уналашки и гораздо позже, нежели в 1820 году. А как тогда ветры стояли по большей части южные, ныне же дули северные и на берегу острова Св. Лаврентия менее было снегу против нынешнего, то мы и заключили, что в сем году лето начнется позже прошлого и что мы не поздно пошли к северу.

В 2½ часа ветер начал отходить к югу, и остров Св. Лаврентия открылся так явственно и близко, что мы могли приступить к описи западной его части. В 5 ч. пополудни показались 10 лодок или байдар, шедшие к нам от юго-западного мыса. Спеша в Берингов пролив, мы не хотели терять времени и для того не убавляли парусов, но как ходу у шлюпа было мало, то дикие скоро нас догнали. Подъезжая к нам, они остановились и не прежде пристали к борту, как по приглашении словом «тарома» или «таггома», что на их языке значит «здравствуй» и «прощай». Мы твердили также слово «анаймах» («друг») и «амаут» («приставай» или «поди сюда»). Когда дикари пристали к борту, то капитан велел бывшему у нас переводчику чукотского языка спросить, кто из них старшина. Они очень хорошо поняли сей вопрос, и один пожилой человек, положив руку себе на голову, показывал сим, что он старшина. Тогда Шишмарев приказал дать ему табаку, за что тот давал ему трех маленьких убитых птичек. Переводчик изъяснял, что табак получал он не за птиц, а в знак дружбы, и просил, чтобы они продали нам несколько из своих орудий, но казалось, что старшина не понял сего объяснения за большим шумом диких, предлагавших свои вещи в продажу, или хотел, как и его товарищи, сбыть прежде худший товар. Мы, было, послали матроса к их лодке

для показания чего мы хотели, но едва сей посланный приблизился к оной, как все дикари без изъятия отвалили прочь. Шишмарев велел переводчику растолковать им, чтобы они нас не боялись, что мы им друзья и дадим им табак. Дикие все слушали и понимали, особенно последнее, очень им нравившееся, но говорили, что опасались нашего шлюпа, который при большом своем ходе мог увезти их весьма далеко. Чтобы успокоить их на сей счет, мы убавили парусов, и они тотчас же пристали к нашему борту, предлагая каждый свои вещи на мену и прося табак, отчего произошел страшный шум. Дикари, заботясь только о том, как бы продать скорее свои вещи, не обращали на наши слова, или лучше нашего переводчика, ни малейшего внимания, и сколько мы ни старались убедить их взойти на самый шлюп, все было тщетно, так что капитан Шишмарев, потеряв всю надежду завести с ними разговор, предоставил на волю каждого из нас выменивать у них вещи. Островитяне предлагали сначала в продажу моржовые клыки и зубы и разные мелочные изделия из кости сего животного, потом дело дошло до птиц, как то: айр и морских голубей и, наконец, до употребляемого ими оружия. Наши безделицы все им нравились, в особенности, табак, драгоценный для них в такой степени, что когда самый малый листок оного падал в воду, они кидались за ним, стараясь его поймать.

Жители острова Св. Лаврентия росту среднего, волосы имеют черные, на верху головы остриженные плотно, но вокруг оставленные длинными, наподобие венка; лица несколько плосковатые, с немного выдающимися вперед скулами, нос короткий, глаза малые и продолговатые. Вот общие приметы сих дикарей. Женщины весьма похожи на мужчин, только несколько нежнее их на лицо, менее ростом и накалывают прямые черты в один и в два ряда от нижней губы вниз по бороде, иные делают сие поперек и вдоль носа и подобным же образом делают овальные фигуры на щеках, причем все почти носят в ушах европейский бисер. Мужчины же не имеют ни одного из сих украшений. Вообще же оба пола сего народа видом похожи на американцев, живущих при Беринговом проливе. Одежда их состоит из птичьих парок, сверх которых надеваются камлейки, панталоны из тюленьих кож и торбасы, выделяемые

из кож разных животных. Из посещавших нас некоторые, только весьма немногие, имели на себе оленье парки, из чего мы заключили, что они сами оленей не имеют, а покупают парки из кож сего зверя у чукочей. Байдары их такие же, как у прочих народов, населяющих берега Берингова пролива; оружие же состоит из луков и стрел, а также копий деревянных с костяным острием на конце.

Бывшие у нас дикари променяли нам множество птиц, так что оных достало команде на весь день вместо солонины, и суп, сваренный с ними, весьма вкусен и питателен. Около 8 ч. вечера островитяне, посетившие нас в числе около 80 человек, променяв почти все свои вещи, нас оставили, а мы, наполнив паруса, легли к губе Св. Лаврентия.

Из мысов острова сего, именно, юго-западный высокий, крут и местами утесист. Над ним лежат несколько плоских гор, из которых самая восточная имеет покатость к востоку же, и часть острова, начинающегося от нее, кажется издали четырьмя соединенными между собой островами. Северный мыс западной стороны так же высок, крут, и утесист, и как по обе его стороны, к югу, идет низменный берег, то с дальнего расстояния открывается плоским высоким островом. По всему пространству сей части острова, между упоминаемыми здесь мысами, находится возвышение, коего отлогость простирается до самого моря и посредине которой стоят два кекура. Бывшие у нас дикари приезжали из селения, находившегося на юго-западном мысу острова.

Между тем, как продолжалась наша опись, небо оделось облаками, горизонт покрылся мрачными тучами, пошел дождь, и мы за произведенной сим пасмурностью в 1 ч. 5 м. пополудни принуждены были прекратить опись. В сие время глубины было под нами 20 сажен, далее к северу 23 сажени, а в 5 ч., когда сквозь редевший туман мы увидели несколько севернее Чукотского носа азиатский берег, отстоявший от нас в 20 миль, она делалась постепенно глубже, и мы 30 саженьями не доставали дна.

Беспрерывный проливной дождь перестал только в 6 ч. утра. Тогда сквозь оставшуюся еще пасмурность показался берег, заключающийся между губами Св. Лаврентия и Мечигменской, а вскоре открылся к NWt¹/₂W

и северный берег первой из оных, где мы увидели около северного ее мыса во множестве куски льда, но в прочих местах было чисто. Глубина под нами шла 10, 14 и 19 сажен.

С полуночи настал штиль, над берегом и по горизонту лежал туман, местами виден был берег, и нас приметно тасило течением в губу, но в час опять начало выносить из оной, и мы положили якорь на глубине 22 сажен; грунт — черный вязкий ил. Таким образом, простояли мы за штилем до 7 ч. утра. В сие время сделался ветерок от востоко-юго-востока, лед начало нести в губу, и мы увидели сухую банку, находящуюся в губе Св. Лаврентия на NWtN в 3-х или 4-х милях, почему тотчас снялись и пошли на оную. Обогнув ее и сделал 3 галса к берегу, в самый полдень положили якорь на глубине 8 сажен, грунт — ил, в расстоянии от селения Сиделых Чукочь²³⁶ $\frac{3}{4}$ мили.

Погода была прекраснейшая, при маловетрии между югом и востоком. Берег еще во многих местах был покрыт снегом, особенно по вершинам высоких гор, и течением носило лед в малый пролив между сухой банкой и северным берегом губы Св. Лаврентия.

Предписанием начальника экспедиции назначено нам было пройти в Берингов пролив еще 6 июля, но противные ветры и штили задержали нас по сие время. Теперь мы могли бы итти прямо в оный, но, исполняя то же предписание, должны были зайти в губу Св. Лаврентия для собрания сведений, которыми можно бы было руководствоваться в предстоявшем пути. Притом же по раннему льду можно было судить, что плавание в больших широтах еще не было свободно от льда, который дувшие теперь северные ветры, вероятно, прижали к азиатскому берегу, отчего воздух был весьма холоден. Вот причины, по которым мы зашли сюда, с тем, однакож, чтобы, расспрося чукочь, немедленно сняться и поспешить в Берингов пролив. Едва положили мы якорь, как чукчи тотчас нас посетили и без околичности, по приглашению нашему, входили на шлюп, причем лучше понимали бывшего у нас переводчика их языка, нежели алеута, говорившего по-кадьяски и угалахмутски, почему думать можно, что жители острова Св. Лаврентия перешли из Америки, а не из Азии²³⁷. Зная склонность сих диких к воровству соблазнительных и ценных для

них вещей, мы ставили часовых, так сказать, на каждом шагу, но за всем тем чукчи сломали у нас две пушечные свинцовые покрышки. Одна из сих покражей не была усмотрена, но когда часовые наши заметили другую, то, побравив сделавшего оную, согнали его со шлюпа и более на оный не пускали. Когда мы говорили о сем старшинам, то они, казалось, только жалели о неудаче вора. Впрочем, чукчи обходились с нами весьма дружно и орудия свои не иначе вынимали из байдар, как для промена, в котором поступали честно. Кажется, что они более всего надеются на ножи, которых имеют при себе всегда по два или по три: один за рукавом, другой в штанах сбоку, а третий большой за спиной, под паркой, но сей, последний, мы видели не у многих, хотя каждый непременно его имеет. Такое поведение служит доказательством, что чукчи, приезжая к нам, не имели худых намерений и были уверены в нашем к ним мирном расположении. Променивали же они всякие изделия и оружие, но меха свои ценили весьма дорого, отчего мы оных и не покупали. Командир шлюпа просил всех старшин продать нам оленей, обещая заплатить за них дорого, но они отзывались тем, что сии животные были весьма далеко внутри земли, и ходить за ними было бы очень долго.

Некоторые старшины, получившие медали от лейтенанта Коцебу, приезжая к нам, всегда имели их на себе и старались показать свое усердие и дружбу, за что капитан наш со своей стороны также дал медали трем старшинам. Казалось, что ничем нельзя было доказать нашего к ним расположения, как сими медалями, которыми они, повидимому, знали цену, и раздачей коих были уверены в нашей дружбе, почему надеялись на всяком из русских судов быть хорошо принятыми.

Когда мы обходили сухую банку, то видели на ней много кокор, казавшихся выкинутыми из моря. Желая увериться в сем, мы послали туда шлюпку для забрания оных, но она скоро воротилась, найдя, что кокоры сии были не иное что, как китовые кости. В сие время чукчи, оставя нас, поехали на берег, в свое селение, куда вслед за ними отправился капитан Шишмарев со мною на вооруженном катере.

Пристав к берегу, мы увидели два селения, одно на низменности, близ моря, из семи юрт, вовсе не бывшее

тут в бытность здесь брига «Рюрика» в 1816 году и называвшееся Ингнягмю²³⁸; другое — пятиюртное лежало на горе, было гораздо многочисленнее и, вероятно, из оно-го часть переселилась на низменность, ибо капитан наш видел там четырех человек, которые прежде жили на горе. В селениях сих приняли нас ласково. Чукчи были без оружия и позволяли нам входить в некоторые юрты; когда же мы ходили по селению, то были провожаемы старшинами. При сем мы заметили, что здесь на берегу чукчи менее променивали нам свои вещи, нежели на шлюпе.

Осмотрев селение, к 5-ти часам мы возвратились на шлюп, куда чукчи скоро опять приехали для продажи своих вещей, и многие были из дальних селений, между прочим, один старшина с южного берега губы Св. Лаврентия по имени Пайгдау, или Пильгайгым, довольно хорошо понимавший нашего переводчика чукотского языка, и от которого получили мы все сведения, в конце сей главы помещенные. Прочие чукчи также его понимали, а он, повидимому, был толковее всех других. Надеясь получить от него какие-либо полезные сведения, капитан наш решился простоять в сем месте до утра.

Ночью был штиль, а поутру посылали шлюпку на берег за водой, которой весьма удобно было наливать из ручейка, и хотя она была снежная, но весьма хороша. Вместе с сим послана была от нас шлюпка для промера малого пролива, находящегося между сухой банкой и кошкой, но глубина оказалась весьма недостаточной для сего судна, именно от 2-х до 2¹/₂ футов. Между тем, к нам приезжал старшина Пайгдау и сообщил нам разные сведения, которые мы записывали.

В полдень [12 июля] подняли мы гребные суда, снялись с якоря при тихом ветре от востоко-юго-востока, и, обходя сухую банку не более как в 30 саженьях, коснулись мели, но, положа паруса на стеньгу, сошли благополучно и стали лавировать в море. В 8 ч. вечера заштилело совершенно, и как нас тащило течением в губу, то, убрав паруса, положили якорь на 29 саженьях глубины; грунт — черная вязкая глина. В сие время приезжали к нам опять чукчи, старик Пайгдау остававшийся у нас ночевать, и еще в двух байдарках оленные чукчи, коих старшина назывался Петагагиу. По приезде

к нам он крестился по-русски и подал бумагу, из которой мы узнали, что он перекрещен иереем и проповедником Александром Трифоновым и наречен Симионом марта 10 дня 1821 года.

Петагаиу рассказывает, что он бывал много раз на Колыме и в Ижиге²³⁹ и платит ясак 10 лисицами, вероятно, со всей семьи. Узнав же, что нам нужны олени, обещал привезти их на другой день поутру. Капитан Шишмарев, со своей стороны одарив его, дал ему слово заплатить за оленей весьма щедро, но сказал, что дожидаться долее утра не будет. Вместе с сим старшина сей получил медаль, и желая доказать свое к нам расположение, немедленно отправился на берег за оленями. Ночью был опять штиль, а в полдень [13-го] при ясной погоде мы имели хорошую обсервацию: широта 65°37'24" N, долгота по хронометру 188° 59'51" O, склонение компаса 25° O, течение шло на юго-запад, полузла. Весь сей день мы простояли на якоре. В 9 ч. утра [14-го] начал задуть тихий ветерок от востока, почему мы снялись и стали лавировать в море. Когда мы лежали к южному берегу, то глубина вдруг с 19½ сажен уменьшилась на 9, почему поворотили от берега не далее 1½ миль. Тут приехали к нам чукчи с уверением, что оленей уже ведут, другие же, вновь приехавшие, говорили, что они уже убиты и скоро привезутся, но мы не хотели дожидаться, ибо время было дорого и при маловетрии меж юга и востока продолжали лавировать в море.

Чтобы совершенно увериться, точно ли, по словам чукчей, приведены олени, капитан Шишмарев послал лейтенанта Зеленого на берег осведомиться о сем и в случае привода поторопить чукочь доставлением сих зверей на шлюп. Через час офицер сей возвратился и донес, что и признаков сего не было и что Петагаиу, по уверению всех жителей, тотчас после своего обещания уехал в другое селение, более же они ни о чем не знают и удивлялись сему обману, однако сами утверждали, что олени уже убиты; вероятно, для того, чтобы мы долее простояли и им бы были случаи получить от нас что-нибудь.

Вечеру сделался совершенный штиль, и временно находил туман, почему мы принуждены были на ночь лечь на якорь на глубине 24 сажен; грунт — черный ил.

В 1 ч. пополудни пристали к нам две чукотские байдары, на которых приехал из Мечигменской губы олений чукотский старшина Лей-гай-гу. Получив приглашение капитана войти наверх, он тотчас взошел и, узнав, что говорит с начальником, здоровался с Шишмаревым по-русски, обняв его рукой около шеи и целуясь в обе щеки. С ним вошли на шлюп сын его и жена. Переводчика нашего они столько же понимали, сколько и сидячие чукчи, и записанные нами слова сих последних также точно выговаривали, почему полагать должно, что язык оленных и сидячих чукчей есть один и тот же. Вся разность разве в произношении некоторых слов, как и у нас в России в разных губерниях. Старшина Лей-гай-гу имел у себя на шее три медали: одну золотую, данную Биллингсом отцу его, умершему старшине Имле-рате, возившему сего капитана на Колыму; другую медную, присланную капитаном Рикордом, и третью — оловянную, каких мы видели весьма много в порте Св. Франциска в Калифорнии, и которую получил Лей-гай-гу в 1820 году от командира судна «Педлера».

Из чукчей, приехавших на байдарках с сим старшиной, ни один не решался на мену без его позволения, которое он дал не прежде, как испросив на сие согласие нашего капитана. Шишмарев одарил его, как равно жену и сына, и весьма сожалел, что не мог удовлетворить желание Лей-гай-гу, состоявшего в корольках, ибо у нас их не было. Когда мы рассказали ему, что Петагагиу обманул нас, обещав привести оленей, то он сказал, что этого быть не могло, ибо, чтобы доставить оленей, потребно по крайней мере три дня. Он также весьма жалел о нашем уходе и что не знал о нашей надобности прежде.

В половине 2-го часа пополудни ветер задул от северо-запада, почему, не желая терять времени, мы снялись с якоря и пошли к восточному мысу в Берингов пролив, но прежде должны были обогнуть лед, носившийся от северного мыса губы Св. Лаврентия около 3-х миль в море. Когда шлюп взял большой ход, Лей-гай-гу отправился домой. Нам весьма жаль было отпустить его, ибо мы надеялись через него получить более и надежнее сведений, но нельзя было упустить ветра, да и время, назначенное нам быть в проливе, давно прошло. Итак, снявшись с якоря, мы легли на юго-восток и,

обогнув лед, привели на восток. Тут вскоре заштилело, и тащило нас течением к северо-северо-востоку. В 6 ч. утра увидели два большие Гвоздевы острова на NO 40° по компасу, и рефракция так была велика, что вид оных беспрестанно изменялся. Но прежде, нежели перейду к описанию дальнейшего нашего плавания, я закончу главу сию замечаниями о чукчах, собранными мною в губе Св. Лаврентия и сведениями о сем народе, полученными нами от старшины Пайгдау.

Жилища. Зимних юрт мы у чукчей не видели; летние же делаются книзу довольно круглыми, в диаметре от 2½ до 4 сажень, а кверху выпуклыми, отчего издали походят на стог сена. Строятся они следующим образом: сперва составляется решетка из китовых ребер и усов и тонких жердей, потом покрывают сие сшитыми вместе моржовыми и тюленьими кожами, не оставляя вверху отверстия для прохода дыма, который со временем, когда кожа, делаясь старой, расседается, проходит сквозь щели. После мы видели в Мечигменской губе дыру, оставленную посредине юрты для выхода дыма, и под оной котел для варения пищи. В губе же Св. Лаврентия, кажется, варится она на открытом воздухе, и мы видели для сего место. К одной стороне юрты отгораживается кольями место для спанья, которое со всех сторон завешивается оленьими и собачьими шкурами. Нам сказывали, что чукчи живут и зимой в сих юртах, чему мы сначала не верили, но нас уверяли, что зимой у них не холодно. И в самом деле, место, отгороженное для спальни, похоже как будто в юрте построена еще другая юрта — оное завешано кругом мехами и нагревается беспрестанно жаром, отчего бывает там так тепло, что чукчи сидят нагие.

Суда. Лодки у чукчей такие же, как и у всех жителей обеих сторон Берингова пролива, и, следовательно, уже довольно известные. Они почти все одинаковой величины и имеют по 8 гребцов, 9-й же правит на корме веслом, причем все они сидят лицом к носу.

Орудия. Орудия состоят из копий и луков со стрелами. Первые делаются деревянные, с насаженной по обоим концам костью, так что один конец назначается против людей, а другой для зверей. При нас чукчи имели уже железные копья, полученные ими в Колыме, почему костяные променивали нам весьма охотно. Луки

их делаются выгнутые, а чтобы оные не ломались, обвязывают с внешней стороны жилами; стрелы деревянные имеют на одном конце кость или черный стекловатый камень, а на другом перья, чтобы при спускании стрелы тетивой не зашибить руку, на которой носят для сего согнутую дощечку из кости или железа. Для стрел шьются из оленьей кожи прекрасные колчаны, вышиваемые и раскрашиваемые довольно чисто и со вкусом. Самое же главное орудие чукочь есть большой нож, длиной в аршин, который имеют всегда при себе и вкладывают в чисто вышитый чехол; сверх сего носят всегда с собой еще один или два небольшие ножа в панталонах, в штанном кармане и за рукавами. У одного мы видели два мушкетона английской работы, вероятно, полученные от американцев, бывших здесь в Беринговом проливе в 1820 году, ибо на Колыме не позволено продавать диким огнестрельное оружие.

Рукоделия. Мужчины выделывают из моржовой кости подобия людей, всяких известных им животных и птиц, но довольно грубо. Обделывают деревянные дощечки наподобие человека, из коих с помощью трения достигают огонь. Женщины же, свойственно полу их, шьют одежду, вышивают колчаны, перчатки и другие вещи, но в сей работе далеко уступают алеуткам.

Образ жизни. Хотя нам сказывали, что чукчи всегда живут на одном месте, но мы видели у всякой юрты множество саней разного рода, почему с вероятностью заключить должно, что они куда-либо переезжают целыми семействами. А как мы не заметили у них зимних юрт, то верно на зиму они отправляются с берега далее во внутрь земли, где построены, может быть, и зимние юрты, а на лето возвращаются опять в те же жилища для промысла моржей, тюленей, китов, рыбы и птиц, в чем состоит их пища в сие время года и которых несколько запасают они и на зиму, ибо нам случилось видеть мясо, зарытое в ямах. В каждой юрте мы заметили котлы — медные, железные, чугунные, или глиняные; последние, кажется, собственной работы, судя по грубой отделке. Из этого следует, что чукчи варят себе пищу когда могут, но на байдарах, где случается им сидеть долгое время и варить негде, едят и сырое, как мы однажды и видели, что чукчи, собравшись на бере-

ту у юрты своего старшины, ели сырую, едва проветрившуюся, махонькую рыбку, похожую на нашу корюшку.

Одежда. Одежда обоего пола состоит из парок, панталон и торбасов²⁴⁰, с той только разностью, что у женщин панталоны шьются весьма широкие и короткие, а торбасы только до колена; у мужчин же торбасы короткие, но панталоны длинные и узкие. Парки у обоих полов оленьи, как и панталоны, у женщин шерстью вверх, а у мужчин бывают они и из тюленьих кож. На голове в холодное время носят шапки из молодых оленьих кож, сшитых наподобие скуфьи. На руки одевают перчатки из оленьих же кож и чисто вышитые волосами сего зверя, причем одна перчатка шьется с пятью пальцами, а другая с тремя или четырьмя.

В сырое или дождливое время чукчи сверх парок надевают камлейки, кои суть двоякого рода: одни моржовые, а другие тюленьи, первые принадлежат мужчинам и шьются поперек тела, а вторые употребляются женщинами и шьются вдоль одного.

Наружный вид и украшение на теле. Все, которых мы видели, роста среднего, довольно плотны, некоторые весьма высоки, а малых мало, довольно стройны, но очень скуласты и смуглы, глаза невелики и не весьма продолговаты; взор смелый, быстрый, но не дикий. Лица ничем не мажут, не украшают и не накалывают, бороды бреют ножами, получаемыми от европейцев, голову стригут почти всю, оставляя волосы только кругом оной венком, наподобие католических монахов, а женщины из длинных своих волос заплетают каждая на боку головы косу, они малорослы и вообще дурнее мужчин, выключая молодых, из которых иные весьма белы телом и прекрасны лицом. Они накалывают свои щеки овальными фигурами и также поперек лба, вдоль носа и бороды проводят две черты, а от нижней губы по бороде от 6 до 7; также делают овальные фигуры на руках. Некоторые накалывают одну щеку и одну руку, а другие обе руки. Оба пола в ушах носят бисер и серьги, получаемые от русских...

Наречие или язык. Как из собранного нами словаря, сличенного со словарем капитана Биллингса, так и из того, что чукчи понимали более находящегося у нас из Камчатки за переводчика чукотского языка, отставного матроса, у коего мать была корячка и кото-

рый говорил по-корячски, нежели другого алеута, говорившего по-кадьяцки и уголахмутски, то из сего следует заключить, что мы имели дело с чукчами, кочующими, или оленными, которых наречие сходствует с оленными коряками. Все вышеописанное мной относится к чукчам оленным. В рассуждении же сидячих мы можем сказать следующее: одна байдара, на коей было 8 человек мужчин, приезжала к нам вместе с прочими, и мы заметили, что язык их особенный, они порядочно понимали нашего алеута, говорившего по-кадьяцки, а другого переводчика несколько. Следовательно, язык их сходствует с кадьяцким, почему я и думаю, что народ сей был чукчи сидячие. Наружный вид сих людей не имел от прочих никакой разности, кроме, что на лбу у некоторых проведены были две полосы черным карандашом, впрочем, острижены и одеты они были точно так же, как оленные; оружия и байдары имели такие же, только одежда их показывала, что они должны быть беднее сих последних. Существенная же разность состоит в языке, который, по словам нашего алеута, сходен с языком жителей островов Кадьяка и Св. Лаврентия.

Сих людей чукчи называли юут, но я не утверждаю, что имя сие есть принадлежащее целому народу, а может быть одному только селению, из коего они приехали, или одному какому поколению. Добраться до сего через наших переводчиков мы никак не могли.

Чукчи полагают, что бог, называемый по-ихнему Кейрьгеугья, сотворил вселенную и первую женщину около реки Ворваркен (означенную на карте впадающей в Ледовитое море, близ Шалацкого носу), а кит выбросил туда мужчину, от чего начался род чукочь, которые, расплодясь там, перешли в нынешние жилища.

Чукчи признают Кейрьгеугья верховным существом, невидимым, бессмертным, вездесущим, творителем мира, но не управляющим оным, на это полагают другое существо, называемое ими Камана, которое также невидимо и бессмертно. Первого из сих они полагают добрым, а второго злым, почему и приносят жертвы только сему последнему, боясь, что за неповиновение и дурное житье Камана накажет их смертью, отчего, когда умрет человек, говорят: «Камана взял его».

В древнем времени приносили в жертву Камане людей обоего пола, но только старых, всегда из своих, а не пленных. Назначенных в жертву закапывали в землю, из которой после лисицы и волки доставали трупы и съедали оные.

Жертвоприношение людей оставлено уже весьма давно и только по преданиям известно.

Человекоядцами чукчи никогда не бывали, что также известно из преданий.

В рассуждении нынешних жертв мы не могли узнать подробного, а только видели в селении Кунаема, поодаль от оногo, поставленные в земле четвероугольником две китовые челюсти и два носа, в середине между ими две головы и одно ребро китовые же. Мы ходили туда, и при нас старшина сего селения, бывший с нами, к каждому из сих членов приклеивал возгрями²⁴¹ по маленькому листочку полученного от нас табаку. На вопрос наш, что это значит, он отвечал, что это жертва. Но мы не могли узнать от него, киту ли или Камане оная приносилась. Сказывают, что от каждого промысла также часть сюда уделяется, почему можно думать, что жертва сия принадлежит Камане. Сии жертвенники находятся в каждом селении.

В «Путешествии» капитана Биллингса (на странице 12-й и 13-й)²⁴² описано великое жертвоприношение оленных чукочь, для которого было убито 450 оленей. Может быть, сие жертвоприношение относится более к гаданию, как например, в бытность Шишмарева на «Рюрике» в 1816 году. Чукчи убивали проданных ими оленей точно таким же образом, только не окуривая, и по окончании сего обряда сказали: «Все предзнаменует, что вы пришли к нам с добрым намерением». В этом же «Путешествии» (на стр. 12) сказано: «Огонь доставали из дощечек, обделанных наподобие человеческого образа, означающего их божество». Мы видели таковые дощечки у чукочей, валяющимися около юрт, и расспрашивали, означают ли они какое божество. Нам отвечали — нет. А делаются так точно для фигуры, также выделяемые подобия человеческие из кости охотно нам променивали. Мы старались нарочно несколько раз расспрашивать о сем нашего старшину Пайгдау, который уверял нас, что у них нет идолов.

Чукчи имеют шаманов или колдунов обоего пола.

Из них мужского называют Ээнган, а женского Неуткат-эуген-Гулен.

Ээнган, будучи позван, гадает на воде, кривляясь и смотря в оную, призывает Каману и узнает будущее.

Старик Пайгдау нам рассказывал, что Ээнган, гадая таким образом, предсказал прибытие наше к чукчам, и что в воде, на которой производилось гадание, было видно и судно наше.

Неуткат-эуген-Гулен призывается только женщинами в их болезнях. Она не гадает на воде, а только кривляется и бьет в бубны, призывая Каману, после чего начинает лечить, давая больной пить наговоренную или настоянную чем-нибудь воду и трет ее своими руками, особливо около больного места. При родах не дают шаманке исправлять должность повивальной бабки, а родильница сама оную исполняет, причем младенцев не пеленают. Оба пола шаманов не имеют от прочего класса народа никаких отличий ни в узорах на теле, ни в одежде.

При рождении, как равно и при смерти, Камана не призывается.

Тела умерших сжигаются, на месте сожжения ставится что-либо из орудий покойника, и родственники его часто ходят туда плакать, что, как нас уверяли, продолжается от двух до четырех лет.

Пайгдау, у коего давно померли все сыновья, рассказывал, что он и жена его и по сие время по ним плачут, отчего и имели больные глаза. Не ложный знак любви родителей.

Жен чукчи имеют, сколько кто содержать может, но большей же частью одну. Жених, выбрав невесту, должен испросить на брак согласие отца ее и сторговаться с ним о плате, по окончании чего берет жену без всяких обрядов. Почетный же чукча или старшина, другими уважаемый, сам выбирает жениха для своей дочери и не берет никакой с него платы, за что выбранный жених не может отказаться от невесты, не обидя сим отца ее. Сколько мы заметили, кажется, чукчи жен своих любят, всегда с ними советуются, и они кажутся не так порабощены, как у других народов.

Право шаманов не переходит от отца к сыну, а шаман выбирает из малолетних способного, воспитывает и

приучает его к своему званию, в которое он и вступает по смерти своего наставника²⁴³.

Оленные чукчи как самих себя, так и сидячих, называют общим именем гаугу, последние сами иногда называли себя сим именем, но это, может быть, только перед нами, стараясь себя выказать. При других же они себя так не называют и не объявляют подлинного своего имени. Русских называют они мельги-танги-мань-ниунат.

Чукчи бьют китов, моржей и тюленей своими костяными копьями и ловят рыбу сетями и удами. Для птиц же делают они особливые стрелы с двумя или четырьмя косточками, прикрепленными к одному деревцу. Черепокжных²⁴⁴ мы у них не видели. Лисиц промышляют они всех родов, также белых песцов и волков; сих последних употребляют в юртах на полога и на опушку к паркам, а песцов продают на Колыме или Ижиге. Чукчи держат много собак для езды, также оленей, которые составляют главную их пищу в продолжение всей зимы.

Чукчи ездят вдоль берега Азии от губы Св. Лаврентия к северу и к югу. Старик Пайгдау рассказывал про себя, что он ездил к северу далее острова Кулючина до реки Амылик²⁴⁵, лежащей по его словам между широтами $69\frac{1}{2}$ и 70° , недалеко от Шалацкого носа²⁴⁶, и не видел льда. Нос сей они называют Чавака, а народ, живущий около сего мыса, чаваки, которые имеют с прорезью губы, в кои вставляют кость или бисер, обделанный костью же, наподобие как и у жителей противулежащего американского берега. Сии чаваки посещают реку Амылик и торгуют с приезжающими туда чукчами. Река сия небольшая и составляется от тающих снегов.

Чаваки сказывали, что у Шалацкого носа беспрерывно стоит лед, так что на байдаре нет проезда, разве иногда летом выдается один день, в который можно обогнуть его на сем судне. Они имеют для езды оленей, а для промысла зверей и рыбы байдары.

Для торговли чукчи ездят на противный берег Америки, на острова Гвоздевы, куда съезжаются и американцы.

К югу чукчи отправляются до Чукотского носа вдоль берега, а там на перевал к острову Св. Лаврен-

тия, который называют Эойвугьен, и с жителями которого они торгуют. Во время плавания стараются они не потерять из виду берегов, чтобы при нашествии тумана, бывающего здесь весьма часто, не заблудиться. Нам рассказывали, что прежде езжали некоторые чукчи в Тигиль (город в Камчатке)²⁴⁷, но ныне уже не отправляются туда, а только в Ижигу и Колыму для торговли.

Глава XI

Продолжение плавания Беринговым проливом и за
оний. — Свидание с чукчами. — Плавание на обратном
пути к острову Св. Лаврентия и в пролив Сарычева. —
Прибытие в Петропавловский порт.

Отправясь далее к северу, мы находились в полдень 15 июля в широте $65^{\circ}33'12''N$ долготе $183^{\circ}23'55''O$ и видели к северо-востоку мыс принца Валлийского, от-
крывшийся двумя холмами наподобие седла. Ветер дул
тихий от северо-северо-востока; солнце то выглядывало
из-за облаков, то скрывалось за оными, и мы подавались
вперед лавировкой. К ночи ветер сделался свежее и се-
вернее, и мы сверх вышеупомянутого мыса имели в виду
своем острова Гвоздевы и берег Азии. Глубины под на-
шим шлюпом в сие время было 25 сажен, грунт—круп-
ный серый песок. В самом проливе и к азиатскому бере-
гу она уменьшалась, а к американскому и Гвоздевым
островам постепенно увеличивалась, так что в трех ми-
лях от самого большого из оных было 30 сажен. Острова
Гвоздевы средней высоты, утесисты; большого острова
середина выпукла и шероховата; средний весь ровный, и
оба имеют берега отрубистые; третий же выходит из воды
наподобие цилиндра. Во многих местах мы видели на них
снег. Поутру [16-го] ветер начал свежеть, а в 6 ч. мы взяли
у марселей по три рифа. Казалось бы, что мы, лавируя под
рифленными марсеями, проиграем, но течением нас вы-
несло к северу. Сие течение намечено было капитанами

Куком и Кларком в 1778 и 1779 годах. Скоро погода сделалась пасмурная, и пошел дождь; в полдень, когда восточный мыс был от нас на NW 15° в 12¹/₂ милях, ветер было стих, но лишь только мы вышли из сего мыса, как опять задул столь же крепко, как и прежде. Ночью оный опять стих.

После полудня [17-го], когда открывался Восточный мыс, мы видели на нем столько же снега, сколько и на горах губы Св. Лаврентия. Воздух был холодный, и надобно было ожидать, что льды были недалеко. В полночь ветер дул самый тихий, небо было облачно, и по горизонту лежал туман. В сие время мы перешли северный полярный круг в долготе 190° 55' О. Вскоре нашел густой туман, и ветер стал свежее.

В полдень, 18-го, сквозь туман светило солнце, и мы видели много моржей. В 6 ч. вечера прочистилось, и открылся Восточный мыс на SO 13°, от него берег простирался до SW 25°, а в 9, подойдя несколько ближе к берегу, мы видели оный до WtS. Ночью нам показалось, что подле его и далее к северу носился лед. Однакож после открылось, что это был туман, лежавший весьма низко к воде. В сие время мы видели опять множество китов и моржей.

В 3 ч. ночи [19-го], когда мыс Сердце-камень находился от нас на юго-запад, мы увидели лед, простиравшийся от северо-запада к западо-юго-западу. Он состоял из больших и малых кусков, сплотившихся весьма тесно, отчего никакого прохода между оным не было. Быв тогда в широте 67° 6' N, долготе 188° 42' О, мы легли к берегу вдоль льда, который беспрестанно занимал все пространство между оным и нами, заворачивая к югу. Наконец, идя все вдоль льда, мы увидели себя совершенно им окруженными, как бы в озере, только оставался проход к северо-востоку, куда и направили мы путь свой. На льду лежали моржи в великом множестве и постольку на каждой льдине, сколько могло поместиться, отчего лед казался черным. По приближении же нашему моржи бросались в воду, но лед все еще сохранял сей цвет, хотя, казалось бы, моржи, плавая всегда на воде, должны быть чисты. Может быть, что ныряя на дно, они роют клыками землю и потом, выходя на лед, марают его оной. Животные сии выходят на лед, конечно, для сна, ибо многие из них по приближении нашем не просыпались.

В каждом таком стаде один морж был на часах и ревел во всю мочь, отчего шум был ужаснейший.

Когда мы находились между льда, термометр показывал только $34^{\circ}+$, а когда вышли, то он поднялся до $37^{\circ}+$ ²⁴⁸. Мы видели чаек и птиц, называемых старичками²⁴⁹, и в 8 ч. утра [20-го] вышли совершенно из льда, коего более не видели ни к северу, ни к югу.

Ветер дул свежий от севера и запада, и мы могли бы лечь бейдевинд на северо-северо-восток и, конечно, немного бы подвинулись к северу, почему воспользовались сим случаем, дабы, не теряя времени, запастись дровами, в коих имели нужду, ибо при северных и холодных погодах должны были топить беспрестанно печи в палубе как для очищения и осушения воздуха в оной, так и для просушки мокрой служительской одежды. Зная, что на азиатском берегу, если и случится найти выкидного леса, то верно мало, на американском же везде оного много, мы легли на северо-восток и поставили более парусов, чтобы сим свежим ветром успеть притти к американскому берегу.

Продолжая таким образом плавание свое весьма свободно, подошли мы на другой день к американскому берегу на $1\frac{1}{2}$ мили и, положив якорь, без потери времени спустили катер и две шлюпки, на которой капитан наш и еще несколько офицеров из любопытства отправились на берег, взяв с собой пилы и топоры и 20 человек служителей для рубки дров, лежавших в множестве на берегу. Подъезжая к берегу, казалось, что буруна почти не было, и мы могли пристать прямо, но, пристав, увидели противное. Бурун был довольно большой, и катер начало колотить. Тотчас все выскочили из оного и в минуту вытащили на берег; шлюпкам же приказали бросить дреки и, отдаваясь на оных, выходить на берег, оставляя на оных только по два человека.

Лесу на берегу было такое множество, что в один день можно было нагрузить оным шлюп, если бы не бурун, препятствовавший класть оный прямо на суда, а надлежало подавать его на оные через воду на концах, что мы и делали. Для катера завезли дрек и спустили его на воду; без малейшего удара, прочие суда нагрузили лесом по самые банки весьма скоро. Но перебираться на оные необходимо должно было через бурун, отчего каждый из нас находился в воде по пояс, а кто пускался, не вы-

ждав меньшего буруна, тот был и весь в оной; иные даже были сбиты буруном с ног. Однакож в короткое время перебрались все благополучно, только сильно измоченные. На шлюп возвратились мы в 4 ч., привезя дров около четырех сажен.

Ветер дул все еще с северо-запада, почему мы не могли приблизиться к азиатскому берегу, решились и ночь простоять на якоре. Мы рассудили, что если ветер стихнет или переменится, подув с берега, тогда не будет буруна, и мы в несколько часов можем запасти столько дров, сколько угодно.

Берег, на котором мы находились, был низменный, постепенно от воды возвышавшийся и состоявший из песку с самым мелким камнем, но смытым водой. На возвышении, куда давно уже не достигало волнение, росла трава, а далее виднелось озеро с пресной водой, вероятно, от стекающей с гор воды. За озером берег постепенно возвышался внутрь до самых гор, к берегу приставать весьма удобно, когда нет буруна, выкидного леса очень много, и мы видели некоторые деревья далеко за озером. Конечно, оные были занесены туда жестоким ветром и волнением, ибо прилив вообще здесь малый, и деревья над поверхностью воды были около 40 футов²⁵⁰. На берегу мы набрали несколько дикого луку, щавеля, дикого гороха, полыни, также находили и другие травы и цветы. Из птиц видели немного айр и чаек и застрелили трех маленьких серых птичек. Дикие, как видно, бывают здесь на берегу, ибо мы нашли несколько недавно обожженных бревен. Снег видели только кое-где на горах, которые идут выше и далее внутрь земли, да и вообще американский берег ниже и отложе к воде, нежели азиатский, отчего там холоднее, а здесь теплее. Следовательно, и надеяться нам было нельзя пройти у азиатского берега далее к северу, нежели у американского, что и капитан Кук испытал в 1778, а капитан Кларк в 1779 годах.

По обсервации широта нашего якорного места оказалась $67^{\circ}34'16''N$, долгота по хронометру $195^{\circ}51'37''O$ ²⁵¹, с полуночи барометр понижался, почему надобно было ожидать крепкого ветра от северо-запада, при котором оставаться у сего берега было бы хуже, а потому в 8 ч. мы снялись и пошли к азиатскому берегу, взяв курс WSW.

В полдень [22-го] ветер начал крепчать от северо-запада так, что мы должны были к 6 ч. вечера взять у марселей по три рифа, а к ночи взяли и последние, держа WSW довольно полно, чтобы иметь хороший ход. Ветер дул сильными порывами, иногда было тихо, но волнение развело весьма сильно. Мы радовались такому ветру, думая, что оным много льда уничтожится и очистит нам путь к северу.

С полуночи порывы стали легче, сделалось пасмурнее, временем шел дождь, и иногда снег. В продолжение ветра барометр ниже не опускался 29^{мм}, 6 и термометр на 40°. Первый начал возвышаться в то самое время, когда ветер дул во всей своей силе.

К полуночи по тихости ветра мы поставили брамсели и в начале 4 часа [23-го] увидели азиатский берег на SSW $1\frac{1}{2}$ W, а на S $1\frac{1}{2}$ O Восточный мыс, до коего считали 80 миль. К вечеру сделалось маловетрие и после совершенно стихло. Тогда мы приметили по лоту, что нас тащило к SWtS по $1\frac{1}{2}$ мили и менее в час; глубина 28 сажен, грунт—серый песок. В 3 ч. ночи стало прочищаться, и на SWtW открылся берег Азии, долженствовавший быть близ мыса Сердце-камень; также увидели мы Восточный мыс на SO 18°. Около нас летало много птиц, и плавали моржи, которые, как казалось, в сие время совокуплялись, и которых у азиатского берега множество, а у американского же мы вовсе не видели их. Между тем термометр спустился до 34°+, почему мы думали, что лед недалеко, да и моржи явились во множестве. Поутру при широте 66° 56' 50" N, долготе 190° 18' 52" O открылся мыс Сердце-камень, а от него вправо еще несколько берега, оканчивавшегося низменным мысом. Глубина 27 сажен, грунт—серый песок. Ветерок задул от востока при ясной погоде и чистом горизонте, и мы легли на WSW к берегу.

В полдень [24-го] выдавшиеся мысы Азии видимы были явственно, и до ближайшего берега было 37 миль. Во 2-м часу пополудни, прямо по курсу нашему на WSW и несколько вправо и влево, увидели лед, почему привели на WNW, где казалось чисто, но, пролежав сим румбом 3 ч., спустились на WSW и лежали все вдоль льда, переменяя курсы по направлению оного от WSW до NtO, от полудня до 10 ч. вечера, когда начал находить туман, и лед виден был со всех сторон, для чего стали между оным

лавировать к юго-востоку. От мыса Сердце-камень к северо-западу виден был небольшой островок, который мы почли за Кулючин, как по широте его видно было, но в долготу по нашей карте его видеть еще не следовало бы. В 10 ч. мимо шлюпа пронесло большую льдину до 20 футов вышины со снегом и буграми оного. Туман иногда прочищался, и мы увидели себя со всех сторон окруженными большими и малыми льдинами, между коими находились как посреди озера. На льду лежало множество моржей.

С полуночи ветер дул брамсельный от ОНО, был густой туман, и мы всю ночь ходили между льдами, поворачивая и переменяя курсы, стараясь, но тщетно, найти выход, который, если и существовал, то по причине тумана не мог быть виден.

Направление льда или близость оного мы примечали всегда по реву моржей, из которых одного, может быть годового, застрелили и отведывали его мясо, которое было довольно изрядно, только черно; многие не могли пробовать его от предубеждения. Он весил с кожей до четырех пудов, клыков и зубов еще не имел и признаков, а как на льду виденные моржи всегда были с детьми, то и должно думать, что они весной плодятся.

Туман все продолжался, и ветер едва надувал паруса. Мы лавировали между льдами и искали выхода, но не находили. Глубина переменялась от 25 до 27 сажен, грунт — ил.

В полдень [25-го] мыс Сердце-камень отстоял от нас на SW 15° в 22½ милях. Вскоре пополудни показалось, что к востоку за льдом, нас окружавшим, было чисто, почему мы стали лавировать ко льду, желая выйти между оным в открытое место, но прежде, нежели в сем успели, вытерпели удары от трех больших льдин, однакож без всякого повреждения, хотя удары сии слышны были в подводной части шлюпа. В 4 ч. пополудни освободились от льда и зыбь пошла от северо-северо-запада, глубина 25 сажен, грунт—зеленый ил, и льды несло к юго-западу, как мы заметили. Вечеру в 9 ч. слышали рев моржей, почему заключили, что близко [от] нас на востоко-юго-востоке были льды, которые действительно скоро начали показываться. Тогда мы поворотили и легли к северу; между тем льду нанесло более, однакож, лежа сим румбом, скоро отошли от него. Ночью был туман, кото-

рый поутру начал прочищаться, и вскоре сделалось совершенно ясно. Не видя ни льда, ни берега, мы легли на NWtN и, лежа сим румбом, увидели первый влево.

В полдень [26-го] имели течение к северу и легли на западо-юго-запад. По карте адмиралтейской отстоял от нас остров Кулючин на SW 62° в 60 милях, а по Арровелистовой на SW 74° в 70 милях. Обе сии карты не сходны с картой капитана Кука. Лед стоял вдоль всего берега, начиная от мыса Сердце-камень и далее к северу, и ближе 20 миль не допускал к берегу.

В час пополудни, чтобы приблизиться к берегу, мы легли на W, ветер начал свежеть, и ход сделался до 6 узлов. В половине 8 ч. вечера, увидели перед носом сплотившийся весьма тесно лед, простиравшийся от WtS к северу, как только достигало зрение; в 9 ч., подойдя к оному близко, легли вдоль его на NNW и увидели с салинга часть азиатского берега на S 1/2 W, но неясно.

В 1 ч. ночи к NW показалось чисто от льда, почему спустились на сей румб, но, пролежав 2 часа, должны были привести опять на NNW по причине льда, а в 3 ч. привели в бейдевинд правым галсом на NO, ибо увидели лед со всех сторон, кроме SO, куда и начали лавировать.

К O и OSO, казалось, лед не был сплотившись, а только местами были большие льдины, однако оные были плотнее и больше виденного нами к югу.

Поутру [27-го] в широте 68° 56' N, долгота 185° 48' O, видели айр, чаек и одного ястреба. Вскоре заштило, однакож ветерок в 8-м ч. утра задул от WSW, мы легли на OSO, а в половине 9 часа, когда показалось чисто, к ONO, взяли сей румб и, отойдя от льда, стали подниматься к северу. В полдень провели бейдевинд сим курсом. В 4 ч. утра [28-го] поворотили на правый галс и легли на W, а поутру поймали словое небольшое дерево. Ветер, отходя, позволял подниматься до NtW, и мы в 10-м часу взяли высоту солнца, но вскоре занесло туманом, и в полдень обсервации не было. В сие время показался мелкий лед, плававший отдельно, а в половине 1 часа сквозь туман увидели оный, густосплотившийся, прямо перед нами, почему, поворотя, легли в дрейф, чтобы, обождав прочистки тумана, видеть, куда можно направить путь.

Таким образом, то освобождаясь на малое время от льда, то опять попадая в оный, мы продолжали сие

скучное и медленное плавание, не ознаменованное ничем примечательным до 8 августа. Почти во все это время лежали туманы, ветер дул большей частью от севера весьма холодный, и иногда открывался берег Азии, но ненадолго. Самое дальнее наше плавание было 1 августа до 70° 13'.

В полдень 8 августа мы находились в широте 66°38' 50" N и долготе 190° 41' 16" O, а в 7 ч. утра южнее мыса Сердце-камень в 20 или 30 милях от берега, которого и начали опись, но в 8¹/₂ часов пошел густой снег, закрывший от нас все предметы. Скоро, однакож, мы возобновили опять опись, и чем далее шли к югу, тем менее было у берега льда, и мы постепенно приближались к берегу до самого Восточного мыса, у коего было совершенно чисто, только на берегу снег и толстые ледяные закраины.

Берег от того места, с которого началась опись, до Восточного мыса, вообще склоняется к SO. Состоит из кряжа невысоких гор, соединенных отлогими долинами; к морю выдается несколько мысов отвесными скалами, высотой до 500 футов, а другие менее. Между сими скалами берег низкий, несколько вдавшийся, образует небольшие заливы и не только не имеет лесу, но даже ни одна травка на нем не зеленеет. Сей берег в сравнении с противолежащим американским гораздо дичее, и климат его суровее, конечно, от льдов, вечно около его стоящих. Местами видны были большие селения, в которых нам весьма хотелось побывать, но за льдом сделать сего было невозможно, почему мы положили искать селения по южную сторону Восточного мыса, который более других берегов выдается в море и состоит из высокой, неравной горы, оканчивающейся к морю утесистыми возвышениями, при которых есть кекуры. К берегу же мыс сей постепенно снижается и составляет низкий перешеек, отделяющий море Камчатское от Ледовитого. На сем перешейке было селение, но мы за льдом и дувшим от севера свежим ветром не могли туда ехать, почему, обойдя Восточный мыс, легли ближе к берегу.

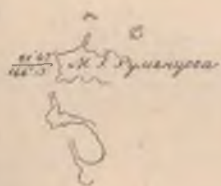
В 5-м часу вечера [9-го] ветер столько скрепчал, что принудил нас взять все рифы, даже и нижних парусов. В это время мы находились на южной стороне перешейка, но селения на нем не видели, а усмотрели оных два

на скате гор Восточного мыса, близко к морю, но по крепости ветра, большой глубине — 23 сажени и худому каменистому грунту не могли положить якоря; также ехать к селениям на шлюпке было невозможно.

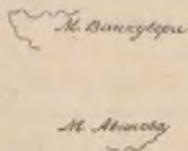
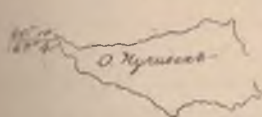
Между тем барометр еще понижался, почему мы положили во время сей погоды держаться у Восточного мыса, а когда стихнет или переменится ветер, съездить в селение чукочь, затем пойти вдоль берега к северу, сколько позволит лед, а после сего воротиться из Ледовитого моря, ибо ветры начали дуть крепкие, погоды становились холодные, ночи длинные, следовательно, в такое время опасно было ходить около льда, да и мы, кажется, от долготы 190° О и широты $69^{\circ} 42' N$ до самого Восточного мыса шли все вдоль льда по изгибам одного, не упуская его из виду и стараясь достичь большой широты, и приблизиться к берегу, но все наши усилия были бесплодны.

Между тем ветер, делаясь час от часу свежее, дул постоянно от западо-северо-запада, и мы, встречая куски льда, заметили, что шедший беспрестанно снег связывал оные. Термометр стоял почти 32° , а ночью 31° , и так намерение наше осмотреть селения на восточном берегу мыса осталось неисполненным, равно также и предприятие идти далее к северу было бы совершенно без всякой пользы и только сопряжено с потерей времени, ибо мы едва вышли оттуда; везде по берегу видели лед. Надеяться же на хорошие погоды было напрасно, ибо лето того края уже прошло. Итак мы решились, оставя плавание в Ледовитом море, поспешить выполнить прочие пункты предписания касательно островов Св. Лаврентия и Св. Матвея, как во 2-м часу увидели к NNO шлюп «Открытие»; тотчас спустились к нему, подняли флаг, а сойдясь ближе, просили позволения приехать на оный. По получении сего, тотчас спустили катер, на котором капитан, я и другие наши офицеры, кроме вахтенного, отправились на «Открытие», весьма обрадованные такому свиданию.

Шишмарев показал начальнику экспедиции наш журнал и карту, на коей положены были курсы всего нашего плавания от Уналашки, также и снятую нами часть азиатского берега, а он, в свою очередь, рассказал нам о своем плавании и, между прочим, упомянул, что открыл остров у отмелого американского берега в широте

10

Очертания острова Нуникова, открытого экспедицией на шлюпе «Благонамеренный».

О. Беринга
О. Кадьяк
О. Ларенца
О. Кунашира
О. Камчатки
О. Командор
О. Беринга
О. Кадьяк
О. Ларенца
О. Кунашира
О. Камчатки
О. Командор

Долгота от Гринвича на Запад

Долгота Восточная от Гринвича

который мы усматривали 4 июля, имеет широту по обсервации $62^{\circ}32'18''N$, долготу по хронометру $193^{\circ}11'32''O$, мы видели его с северной стороны, «Открытие» с за-
320

такovým при входе в оную. По словам же чукочь, она простиралась внутрь до 30 миль.

В 8 ч. 50 м., когда северо-западный мыс Мечпгменской губы был по правому компасу на N, мы взяли высоту солнца для определения его долготы, оказавшейся в $188^{\circ} 59' 57''$ О. Чукчи называют его Яндагай.

Вскоре приехали и чукчи на трех байдарках из селения Люгрень со старшиной Тельмуургин. Они были точно такие же, каких мы видели в губе Св. Лаврентия, и ничего с собой не привезли, а, кажется, были на промысле за китами. Увидев нас, они подъехали, но скоро отправились домой, обещаясь доставить нам оленей, которые, по уверению их, были весьма близко.

После полудня [11-го] сделалось весьма тихо, глубина была 11 сажен, грунт—песок с камнем, и мы с 4-х часов легли ко входу в Мечигменскую губу. Глубина постепенно уменьшалась, и в $1\frac{1}{2}$ 9-го ч. сделалась $5\frac{1}{2}$ сажен, почему мы поворотили на другой галс и легли вдоль берега к NO и ONO. Глубина сначала увеличилась до $6\frac{1}{2}$ сажен, но потом опять уменьшилась до 6, и мы тогда легли на якорь; грунт—черный песок. В $9\frac{1}{2}$ ч. селение Люгрень было от нас на NO 32° , а NO, мыс, называемый по-чукотски Яндагай²⁵³, на NO 64° .

В 7 ч. вечера умер у нас, заболевший на боте во время перехода от Ситхи до Уналашки цынгой, плотник Степан Наумов. От самой Уналашки он ежедневно получал суп из английского мяса с бульоном, пиво и лимонную кислоту, но час от часу становилось ему хуже, конечно, от холодного и худого воздуха в Ледовитом море, и все старания сохранить ему жизнь остались тщетными.

Поутру в 7 ч. приезжали чукчи для промена нам своих орудий и проч., причем старшина Тельмуургин уверял, что за оленями ушли еще накануне, и что они должны быть уже скоро.

В 1-м часу пополудни [12-го] капитан, я и еще некоторые офицеры поехали в селение Люгрень, бывшее не далее как в $1\frac{1}{4}$ мили от берега, и расстояние от которого до шлюпа оказалось $4\frac{1}{8}$ мили. Берег состоял из песку с мелким камнем, и как не было буруна, то пристать к оному было весьма удобно. Селение, построенное на возвышенности, состояло из двух отделений, разделявшихся отлогостью, за ним внутрь берега было болото и

несколько озер соленой воды. В самом же селении находилось как летних, так и зимних юрт до 40. Первые были точно такие же, как и в губе Св. Лаврентия, только обширнее, а последние — до половины углублены в землю, тогда как другая половина обложена дерном и засыпана землей. Внутри сделаны для поддержания юрты переклады и подпоры из выкидного дерева и китовых ребр, часть пола выстлана досками, вход же сверху, помощью небольшого люка. Здесь мы видели весьма много жертвенников, таких же как и в губе Св. Лаврентия.

Чукчи охотно приглашали нас в свои юрты и просили садиться на кожи, разостланные на месте их спанья. Старшина Тельмуургин в своей юрте показывал нам чукотскую пляску как мужчин, так и женщин, из коих последние делают жесты руками, кривляясь всем телом и лицом, а первые, вдобавок к сему, несколько припрыгивают в такт песням, похожим на алеутские. Музыка сих чукочь состояла также из бубен, в которые они били маленькой палкой из китового уса или дерева. Мы видели также пляску детей, которая несколько не отличается от той, какая в обыкновении между американцами в Зунде Коцебу и которую я уже описал выше.

В рассуждении оленей старшина уверял опять, что завтра, как свет, он привезет их. Пробыв часа два на берегу, мы заметили, что ветер сделался от юго-запада и начал свежеть, почему отправились домой, сперва идя вдоль берега бечевой, а после на гребле и приехали на якорь в 8½ ч., оставя селение в 5 ч.

Полутору [13-го] с обыкновенными обрядами похоронили мы тело умершего на ближайшем берегу, отстоявшем от шлюза на 1¼ миль. Над могилой поставили деревянный крест с означением имени покойного, судна и времени его смерти, получив от старшины уверение, что могила не будет тронута.

В 3 ч. приехал к нам на двух байдарках старшина Лей-тай-су, которого мы тотчас стали просить об оленях, надеясь, что он, по знакомству с русскими, верно оных доставит. Когда же, между прочим, мы сказали ему, что старшина Тельмуургин обещал нам привезти их сегодня, то он усмехнулся и сказал: «Тельмуургин человек лукавый». Эти слова не были для нас утешительны, и когда вскоре заснул приехал Тельмуургин один без оленей, то мы выговаривали ему за обман и объяс-

вили, что хотели было многое подарить ему, но теперь, видя в нем дурного человека, не желаем с ним иметь дела. Между тем Лей-гай-гу обещал привезти 10 оленей, только просил на сие сроку 2 дня, говоря, что он не хочет обманывать, а ранее сего не может исполнить нашего требования. Долго не соглашался наш капитан простоять столько времени из опасения, что и сей чукча обманет, но Лей-гай-гу, которому сие было сказано, согласился остаться у нас на шлюпе до тех пор, пока не доставятся олени, как бы в залог верности, и просил осмотреть вещи, которые назначались ему в уплату. После сего, видя не ложное желание его доставить нам свежую пищу, капитан согласился простоять два дня, почему тотчас и послал 2 байдары на берег за оленями. Лей-гай-гу оставил с собой ночевать на шлюпе жену свою, дочь и племянника.

В 9-м часу утра, когда мы вовсе не ожидали оленей, ибо до срока оставались еще целые сутки, вдруг привезли к нам шесть оленей, убитых и освежеванных, весом 10 пудов 34 фунта. Хотя мы, особенно капитан, внутренне сему радовались, однакож показали свое неудовольствие, что, надеясь на Лей-гай-гу, теперь видим, что и он нас обманывает, не выполнив данного им слова привезти десять оленей, вместо которых нам доставили только шесть и то малых. Он понял хорошо сей упрек, и, не оправдываясь, сказал, что его олени далеко, а сих он занял у другого и только достать мог, но постарается уговорить своих привезти четырех больших. И действительно, он уговорил на сие старика старшину по имени Тилкилеу, оставшегося ночевать у нас вместе с Лей-гай-гу.

Чукчи сдержали свое слово и 14-го в 6 ч. утра привезли обещанных четырех оленей, в коих весу было 9 пудов 37 фунтов. Шишмарев заплатил за них весьма щедро подарочными вещами, так что чукчи даже не просили и прибавки, а только повторяли беспрестанно слово «мечинька», означающее—«хорошо», «прекрасно» и проч. В знак же дружества русских, за усердие чукочь капитан дал медали старшинам: Лей-гай-гу—серебряную, а Тилкилеу—медную, и они расстались с ними, как самые лучшие приятели. Кажется, чукчи потому неохотно брались доставить нам оленей, что не надеялись получить хорошую за них плату, но когда

уверились в том, то с радостью продали, к тому же, мы уверили их, что каждое приходящее судно имеет в свежем мясе нужду, и они могут смело везти туда оленей, за коих получают всегда хорошую плату.

В 9-м часу утра [15-го] снялись мы с якоря и пошли к острову Св. Лаврентия для его описи с тем, чтобы на пути пройти через островок, виденный капитаном Кларком по северную сторону острова Св. Лаврентия, в 19 милях от него, почему и взяли курс ОСО.

В 8-м часу вечера задул ветерок от NtO и позволил нам править по румбу. Мы заметили на воде что-то черневшееся и, придерживаясь к оному, увидели, что это был мертвый кит, довольно большой и половина которого была сверх воды, в которой он лежал боком.

Теперь, не переходя к описанию сего плавания, я сообщу некоторые сведения, полученные нами от старшины Лей-гай-гу, который, вероятно, из осторожности, рассказал нам очень немного.

Сиделые чукчи, или жители берегов Камчатского и Ледовитого морей, около Восточного и Чукотского мысов, называются разными именами, как то: эмнунка, камяингырь, плирляут, унывень и пр. Те же племена, которые живут далее к северу, по берегу Ледовитого моря, и имеют губы с прорезью, куда вставляют кость или бисер, обделанный костью, наподобие жителей противоположащего американского берега, известны под именем эглюнак.

Все сии народы говорят различными языками как между собой, так и с чукчами оленными, но других отличий, кроме вышеупомянутых, ни между собой ни с сими последними также не имеют.

Образ жизни сих народов отличается от оленных чукочь тем, что они, не имея оленей, не переезжают с одного места на другое, но постоянно живут по берегу моря, от коего довольствуются промышляемой ими пищей, а почему они гораздо беднее, нежели чукчи оленные, от которых они для одежды своей должны покупать оленьи кожи. Лей-гай-гу с сожалением говорил о их бедности.

В полдень, 16-го, по обсервации оказалось, что мы почти перешли через островок, виденный капитаном Кларком, но его не видели, хотя горизонт наш простирается во все время не менее 20 миль, да и капитан Кларк

пишет, что он по причине туманной погоды видел его только один раз.

По сему думать можно, что остров сей не существует. С полудня взяли мы курс SSW прямо на середину острова Св. Лаврентия, к тому месту, где кончали опись прошлого года.

Во втором часу горы острова местами стали открываться на StO, а вскоре показался берег перед носом, покрытый снегом. Он находился от нас не далее 12 миль, но за пасмурностью худо был видим и часто оною покрывался. Ветер, дувший от севера, крепчал, отчего опасно было приблизиться к берегу для описи, почему в 4 ч. мы привели бейдевинд на правый галс и взяли у марселей по два рифа по свежести ветра; вечером мы были в широте $63^{\circ}48'10''N$, долготе $190^{\circ}9'17''O$ на глубине 20 сажень, грунт — песок. Ветер дул крепкий, порывами, но мы несли большие паруса, дабы нас не прижало к берегу.

Ночью мы видели иногда высоты острова Св. Лаврентия, а в 9-м часу утра [17-го] Чукотский нос. В полдень обсервации не имели и находились почти в середине между сими двумя пунктами.

Между тем как ветер несколько стих, при рассвете, в 4 часу, мы увидели NW мыс Св. Лаврентия и спустились к оному, а в 7-м часу легли вдоль берега и начали опись от северо-западного мыса к восточному.

Первый из сих мысов довольно высок, к морю идет полуостровом и отрубист, а далее в берег снижается и соединяется с ним низменностью, почему издали кажется островом. От него к востоку вдается низменный берег и составляет бухту до другого, высокого мыса, выдавшегося к северу, а за ним опять идет низменность, составляющая бухту, за коей начинается хребет невысоких гор, лежащих вблизи берега весьма между собой тесно и имеющих направление к северо-востоку и юго-западу. Глубина против низменного берега менее, нежели против высокого; грунт везде песок с камнем или дресва; глубина же $8\frac{1}{2}$, $8\frac{1}{2}$, 11, 14, 14, 13, 10, 12 сажень от 2 до 4 миль от берега. По берегу местами видели мы селения, из которых жители приезжали к нам, променивали моржовые зубы²⁵⁴, но оставались недолго, чтобы не отъехать далеко от своих жилищ, куда нас приглашали.

После полудня [18-го] приезжали к нам жители на трех байдарах, но также не надолго. Мы заметили, что у них орудия, одежда, байдары и проч. были такие же, как и у чукочь, только работой грубее, и сами жители гораздо более беднее чукочь. Мужчины стригутся, а женщины накалывают лицо и руки также как чукчи; но наречия их различны, хотя они и понимали нашего коряка, но худо; он же совсем не понимал их. Когда они говорили между собой, то алеут, бывший у нас из Ситхи, кажется, мог бы говорить с ними, но, к несчастью, он уже несколько дней был в помешательстве разума.

В 7-м часу вдруг задул свежий ветер от юго-юго-запада, позволивший нам засветло кончить опись до того места, где окончили ее прошлого года, т. е. до кекуров. В 9 ч. поражены мы были неожиданным происшествием. Находившийся в сумасшествии алеут Антип Шашкидо пошел в галюн, бросился в воду на глазах трех или четырех человек. Шлюп тотчас привели к ветру, бросили бочку и спустили ялик, но уже не могли сыскать алеута, конечно, ушибшегося при падении. Он был человеком добрых свойств и вел себя очень хорошо, почему был всеми любим. Он часто говаривал, что даром ест хлеб наш, ибо, будучи взят за переводчика, не может говорить с чукчами и просил, чтобы его отвезли к кускаханцам²⁵⁸, с которыми он может свободно изъясняться. В сумасшествии своем он каждому рассказывал, что ходил переводчиком к сему народу с промышленными Красновским и Калмыковым.

Между тем дул южный ветер, при котором нам все равно было идти к восточной или западной стороне острова Св. Лаврентия, но мы избрали последнее, ибо как ветры дули по большей части от севера и северо-запада, то нам удобнее было описать южную сторону острова Св. Лаврентия. Решась на сне, мы начали лавировать между Чукотским носом и островом Св. Лаврентия при пасмурной погоде с дождем и крепким ветром от юга.

19-го барометр беспрестанно возвышался, почему надобно было ожидать, что ветер сделается тише, но он все дул крепко, и только к вечеру несколько стих. В 11 ч. открылся в расстоянии 3 или 4 миль берег острова Св. Лаврентия, на коем явственно виден был снег.

20-го сделалось еще тише, почему мы прибавили парусов и шли в виду острова Св. Лаврентия. Достоинно замечания, что в такое позднее время южные ветры дули так долго, уже третий день сряду.

В полдень северо-западный мыс острова Св. Лаврентия был для нас на SW 55° в 5 $\frac{1}{4}$ милях.

Вскоре из селения, находившегося на кошке, выдающейся на одну милю к западу от северо-западного мыса сего острова, выехали на байдарках жители, но по скорому нашему ходу не могли догнать нас, мы же спешили пройти на южную сторону для описи. Однако, когда ветер несколько стих, к нам пристали островитяне на трех байдарках и променивали моржовые зубы и китовые усы²⁵⁶, но скоро при сделавшемся от востока ветре, который прибавил нам ходу, отправились домой. Пройдя юго-западный мыс острова, чтобы не отдалиться от него, мы легли на ночь в дрейф, намереваясь с утра, если дозволит ветер, начать опись южной стороны; между тем барометр понижался весьма скоро.

С полуночи ветер марсельный от NOtN дул порывами, и за пасмурностью не было видно берега. Вскоре пошел дождь, ветер скрепчал так, что мы убавили парусов, а поутру оный начал отходить к северо-западу.

Такая погода лишила нас вовсе надежды описать южную сторону острова Св. Лаврентия, ибо ветер стихал только на самое короткое время, в которое нельзя было успеть приблизиться к берегу. Однакож мы решились еще обождать для сего несколько дней. Впрочем, южная сторона была видима и описана капитаном Сарычевым в 1791 году.

22-го во весь день дул крепкий ветер с пасмурностью и дождем и начал стихать только в 4 ч. утра. Тогда мы поворотили опять к берегу, прибавили парусов и в 8 ч. [23-го] от ближайшей части низменности острова Св. Лаврентия были не далее трех миль, почти в середине между юго-восточным и юго-западным мысами. Глубина была 8 $\frac{1}{2}$ сажен, грунт — камень. Вскоре ветер переменялся и задул от северо-востока, почему мы, поворотив, легли к NW, вдоль берега, где на низменности местами были селения, из которых жители к нам приезжали для мены. Мы держались глубины от 6 $\frac{1}{2}$ до 10 сажен и начали опись. После полудня при продолжении оной глубина шла 7, 6 $\frac{1}{2}$, 7, 8, 8, 8 $\frac{3}{4}$, 10, 9 сажен, грунт —

мелкий камень. Берег на южной стороне острова вообще гораздо ниже, нежели на северной, только к западному мысу постепенно возвышается, отчего сей последний высок и отрубист. Недалеко от него, к юго-западу, есть несколько надводных камней. К вечеру задул свежий ветер от востока, и мы в 6¹/₂ ч. окончили опись юго-западным мысом. Намерение наше было, пролежав в бейдевинде ночью, поутру подойти к берегу острова Св. Лаврентия и довершить его опись, надеясь, что сей ветер простоят недолго. Но как оный начал крепчать с порывами, то в продолжение ночи нас отнесло бы к западу.

Замечено же нами было, что после дующих крепких ветров тихая и хорошая погода продолжается только несколько часов, и к тому же до прибытия в Камчатку нам еще оставалось зайти к острову Св. Матвея для определения северной его оконечности, почему, не теряя напрасно времени, мы легли на StO к сему последнему.

Всю ночь сего числа и следующие два дня погода была самая неприятная: дождь, туман, слякоть и крепкий ветер с порывами. Беспрестанное понижение барометра обещало, что все сие будет продолжительно, и потому мы, решась оставить намерение итти к острову Св. Лаврентия, коего северную оконечность и лежащий при ней островок было бы невозможно определить обсервацией, пошли на юго-запад прямо в Петропавловскую гавань.

26-го с полуночи ветер постепенно отходил к северо-западу и западу, и мы, пользуясь оным, могли бы поутру спуститься и подойти на вид острова Св. Матвея, но густая мрачность с дождем сего не позволила, почему мы продолжали лежать на юго-запад мимо сего острова в Камчатку, причем видели на пути множество айр и ипаток²⁵⁷.

К полудню начало прочищаться; ветер дул тихий от западо-юго-запада. Мы, увидев сию перемену, и что погода сделалась лучше, пошли опять к острову Св. Матвея, и в полдень легли на SOtS¹/₂ O. Тогда сей остров находился от нас на SOtS¹/₂ O в 27 милях. В 3 ч. мы увидели и островок к нему прилежащий на SO 25°, но вскоре все закрылось туманом, ветер заходил к югу, почему мы в полночь повернули на другой галс и ле-

жали на запад и юго-запад. Ночью лавировали к острову, а в полночь пеленговали островок, коего северная часть оказалась в широте $60^{\circ} 49' 34''$ N, долготе $187^{\circ} 0', 4''$ O. По прибытии в Камчатку сия последняя, быв исправлена, нашлась $186^{\circ} 53' 45''$ O. Островок сей довольно высок и крут с северной и западной сторон, которые мы видели, в середине отлого возвышается и фигуру имеет круглую. В полдень он от нас отстоял на S по правому компасу в 11 милях по крьюйс-пеленгу. Весь сей день мы лавировали к югу, к острову Св. Матвея, при переменном тихом ветре между юго-юго-западом, а в полночь лежали к проливу между оным и островком, к нему прилежающим. Глубина шла 30, 30, 28, 25 сажен. На сей последней глубине, до рассвета, мы легли в дрейф, а в 5 ч. утра, при восхождении солнца, спустились в пролив. Вскоре нашла густая пасмурность, от которой по временам открывались берега, ветер засвежел от SOtS. Пролив имеет направление к юго-юго-западу. Самая малая его ширина $1\frac{1}{2}$ мили, глубина в половине от 20 до 14 сажен, грунт—камень. Берега с обеих сторон утесисты и имеют много выдавшихся мысов. В самом же проливе, ближе к острову Св. Матвея, находится камень, имеющий вид трех столбов, из коих средний ниже прочих. Островок сей к юго-востоку снижается, в проливе оканчивается низким и узким мысом, к западной стороне постепенно возвышается и к морю утесист. От оного к югу, в расстоянии около мили, есть два небольших, надводных камня.

Едва успели мы пройти пролив и, сняв его углами, лечь на SWtW, как ветер зашел к StO и сделался еще свежее.

Пролив сей капитан назвал проливом Сарычева, в честь нашего адмирала Г. А. Сарычева, который первый проходил оным и сделал ему хорошую карту.

В 2 ч. пополудни ветер зашел к юго-западу и задул еще свежее, почему мы поворотили на другой галс и взяли у марселей по два рифа, а к вечеру и по третьему.

С полуночи ветер дул крепкий, порывами, иногда с дождем, и погода была пасмурная. Но после полудня по тихости ветра прибавили парусов, в начале же 4-го часа ветер отошел к югу, начал опять свежеть, и пошел дождь.

Такая погода продолжалась девять суток и была причиной, что у нас число больных усилилось до 8 человек. К утру 1 сентября ветер стих, так что мы прибавили парусов, но пасмурность и дождь не проходили и по временам шел град. На сем плавании мы видели иногда птиц, большей частью чаек, а одну береговую, которую поймали.

9-го погода сделалась ясная, но ветер опять скрепчал и принудил нас идти целые сутки под рифлеными марселями.

С 10 по 12 число мы не встретили ничего примечательного и плыли в Камчатку при умеренных ветрах из западной четверти. 14-го на рассвете, показалась на NWtN Кроноцкая сопка, вскоре за ней и прочие, а потом и самые берега Камчатки. В полдень следующего числа, когда мы находились в широте $53^{\circ} 25' 30''$ N, долготе $161^{\circ} 34' 59''$ O, Кроноцкая сопка была от нас на NW 22° , Стрелочная на NW 85° , а Шипунский мыс на SW 72° ...

Берега час от часу становились виднее, и 17-го мы лежали уже прямо ко входу в Авачинскую губу, куда благополучно вошли поутру 20-го. В самую гавань мы не могли еще войти по причине противного ветра, почему, не доходя оной, легли на якорь против сигнального мыса и, находясь еще под парусами, салютовали крепости семью выстрелами, на кои получили равное число в ответ. Положив якорь, мы тотчас спустили катер, на котором капитан, я и другие офицеры отправились немедленно на «Открытие», прибывший сюда еще 9 сентября.

Глава XII

Пребывание в Петропавловском порте. — Плавание от
оного к Сандвичевым островам, в Рио-Жанейро
и возвращение в Кронштадт

С приходом на Камчатку [21 сентября 1821 г.] экспедиция обоих шлюпов к северу окончилась, и нам предстоял только обратный путь в Кронштадт. Таким образом, покушение наше пройти из Берингова пролива в Атлантический океан осталось невыполненным по причине льдов, противных ветров и бурных непогод, положивших непреодолимое препятствие дальнейшему нашему плаванию в Ледовитом море. Самая большая широта, до которой мы доходили, есть $70^{\circ}13'$; шлюп «Открытие» достиг $70^{\circ}23'$, бот же, которым командовал лейтенант Авинов*, испытав все неприятности плавания во льдах, в открытом море и при крепких ветрах, к довершению сего имел то несчастье, что от продолжительной сырой и холодной погоды и тесноты, с какой поместился на нем экипаж, между сим последним начали оказываться признаки цынготной болезни. Видя себя в таком положении и опасаясь, что оное обратится еще в худшее, Авинов решил плыть в Петропавловский порт, куда прибыл месяцем раньше нас — 19 августа.

* Александр Павлович, контр-адмирал и командир Черноморской флотской бригады.

Описывать сей порт я считаю излишним, ибо он уже известен из многих путешествий, прежде нас совершенных. В дополнение к сему я скажу только то, что в бытность нашу в сем порте число его строений увеличилось еще новыми, весьма хорошими, именно, лазаретом, казармой для военной команды и духовным училищем. Все сии заведения отличались при нас как наружным, так и внутренним своим устройством; также положено было начать в следующем году построение деревянной церкви, для которой лес уже был запасен в нижней Камчатке. За все сие и многие иные улучшения и полезные нововведения Камчатский край был обязан тогдашнему его начальнику П. Н. Рикорду, который, как и прочие морские офицеры, при нем служившие, употребил все старание, чтобы сделать нам наше пребывание в Петропавловском порте сколько возможно приятным.

Пребывание наше в сем месте употребили мы на запасение сухарями и водой, на починку наружной обшивки шлюпов, поврежденной льдами и на другие исправления.

2 октября в уединенный Петропавловский порт пришел из Охотска североамериканский бриг «Сильф», салютовавший крепости семью выстрелами. 5-го сдан был начальнику Камчатки мореходный наш бот, названный Рикордом «Александр», и на котором по случаю исполнившегося столетия от издания в России первого морского устава, в присутствии всех бывших в Петропавловском порте штаб- и обер-офицеров, отслужен был благодарственный молебен. По совершении оного крепость и все стоявшие в гавани суда произвели первоначально по 13, а после по 31 выстрелу.

14-го, окончив починки и исправя все свои надобности, оба шлюпа начали готовиться к оставлению порта. Во время пребывания в оном погода стояла, большей частью, хорошая, так что из 24 дней, нами там проведенных, 19 дней были ясные, в остальные же шел снег или дождь при крепких ветрах от востока и северо-востока. Истинного направления ветра в сей гавани узнать нельзя по причине гористого местоположения; большей частью дуют там ветры северо-восточные и северо-западные, иногда юго-западные и весьма редко юго-восточные. Южные же почти никогда не дуют.

При западных ветрах время бывает ясное и холоднее обыкновенного, при восточных же почти всегда идет снег или дождь и находят из-за гор порывы столь жестокие, что однажды, поутру 12 октября, прижало оными наш шлюп кормой к мели, однако с помощью завезенного даглиста благополучно его стянули. Самое большое понижение барометра было при нас 13-го октября—28^{дм},81 при крепком восточном ветре и сильных порывах с дождем, снегом; самое же высокое его стояние—30^{дм},25 было 23 сентября при тихом ветре от юго-юго-востока и ясной погоде. Думать, однако, надобно, что в сем последнем случае в море ветер дул от юго-запада, а в Петропавловском порте переменял свое направление от гор. Термометр не возвышается более 47° при юго-восточном ветре и не упал ниже 35° при западном и северо-восточном ветрах и ясной погоде.

15-го, поутру, при тихом северо-западном ветре, начали мы сниматься с якоря и с помощью буксира пошли в Авачинскую губу, где должны были обождать шлюп «Открытие», который по тесноте гавани снялся после нас, почему, миновав Гаванский мыс и роковую мель, положили якорь на глубине 11 сажен, грунт—ил. В 11 ч., когда вышел из гавани «Открытие» и лег прямо в море, мы снялись и последовали за ним, имея шлюп наш в грузу: ахтерштевень 14 футов 1½ дюйма, форштевень 14 футов, 5 дюймов, диференту 3½ дюйма на нос. Причиной сего последнего были сырые дрова, которыми мы наполнили носовую часть, но как дрова сии и вода брались оттуда же в употребление, то разность сия скоро исчезла.

Направив курс к Сандвичевым островам, мы употребили на плавание к оным пять недель. До утра 17-го числа берега Камчатки находились у нас в виду, но сего числа скрылись из оногo. В сей же день вечером ветер начал крепчать и на другой день обратился в совершенный шторм, которым во время сильного волнения нас разлучило с «Открытием». Ветер дул от запада, и буря была столь сильна, что мы еще не встречали подобной во все время нашего путешествия. Самое низкое стояние барометра в продолжение оной было 29^{дм},00. В полдень 20-го сделалось несколько тише, но волнение оставалось в прежней силе. Иногда проглядывало солнце, в продолжение дня пролетели мимо нас бурные птицы,

а вечером пошел снег. Погода мало-помалу становилась тише и, мы, шедшие двое суток под одними ставнями, поставили рифленные марсели. К утру можно было отдать рифы, а в полдень 21-го мы уже шли под брам-селями. Во время сего сильного шторма мы имели несчастье лишиться еще одного человека из нашей команды, матроса 1-й статьи Ивана Лазарева, умершего от нервной горячки.

Вид Петропавловской гавани и Авачинской губы.

В следующие дни нашего плавания дули большей частью свежие ветры с проливным дождем и снегом, и было довольно сильное волнение. Несколько раз делались штили, но не надолго; мимо нас пролетали иногда чайки, альбатросы, небольшие береговые птички и тропические. Вскоре после полудня, 8 ноября, показался к югу берег, почему мы спустились на сей румб, но продолжав оным с час, увидели, что были обмануты скопившимися облаками.

Холодное сырое время имело влияние на нашу команду, у которой все платья и вся обувь были совер-

шенно измочены, почему для отвращения пагубных следствий такого их состояния мы давали ей, по совету с медиком, два раза в день чай и этим средством предохранили служителей от простуды. 12-го в первый раз на сем возвратном пути увидели летучую рыбу, а поутру 22-го, к общему нашему удовольствию, усмотрели на StO северную оконечность о-ва Вагу. Идя в самую узость пролива, между сим островом и островом Маратай, мы были застигнуты жестоким шквалом, заставившим нас взять по два рифа у марселей, однако вскоре стихло, и мы под брамселями, при тихом NtW ветре лавировали в Ганаруру. Не доходя милей 5 или 6 до сей гавани, мы были встречены лоцманом Варренем, американцем, приехавшим к нам для провода шлюпа.

24-го, в 2 ч. пополудни, мы пришли на 1 милю от берега и положили якорь с цепным канатом на глубине 16 сажен, грунт—коралл. Но как вскоре нас начало дрейфовать, то мы отдали другой якорь. Видя же, что и сие не помогает, должны были снова вступить под паруса и идти к гавани.

В самое сие время приехал к нам старшина Камегамега, правитель острова Вагу, о котором я уже упоминал выше. Шишмарев просил его прислать к нам на другой день для буксира двойные лодки и доставлять нам свежую пищу и зелень до прихода шлюпа «Открытие», которого мы с нетерпением ожидали. Камегамега охотно обещал выполнить наше желание, но уверял, что мог прислать только одну лодку, ибо в сие время более не было в гавани. В 7 ч. вечера мы опять положили якорь на глубине 14 сажен, грунт—коралл, к StO от входа в Ганаруру, в 2½ милях. Ночью при ясной погоде сделался штиль. Видя, что оный продолжается, мы потребовали в 4 ч. утра пушечным выстрелом гребные суда и лоцмана. Через час мы повторили свой сигнал, а в 6 ч. снялись с якоря и при помощи 11 гребных судов и двойной сандвичанской лодки благополучно вошли в гавань, где расположились фертоинг с верпом и где уже стояли 5 купеческих североамериканских судов, производивших торговлю у берегов Северо-западной Америки, одно судно английское, шедшее к берегам Японии для ловли спермацетов, и из сандвичанского флота — 3 брига и 3 шхуны. На сей раз мы не остановились на прежнем месте, которое было весьма неудобно, ибо глубина вокруг

его вдруг много увеличивалась, отчего шлюп наш часто дрейфовало.

Мы были провожаемы в гавань самым старшиной Камегамега, спрашивавшим нас, будет ли шлюп салютовать крепости. Мы объяснили ему, что не имели на сие права, но что салют оной не оставим без ответа. Едва шлюп успел положить якорь, как крепость сделала 7 выстрелов, на которые получила от нас то же число.

Ганаруру представляло теперь собой весьма скучное место: король зачем-то уехал на остров Оваги, старшины находились все внутри Вагу при рубке сандалного дерева, для которой послано было множество народа, поля около гавани опустели, и даже самых плясок, постоянного увеселения сандвичан, не было. Жители, остававшиеся дома, получили дозволение привозить нам съестные припасы, но брали за оные весьма дорого, совершенно по-европейски, прося за каждую безделицу талеров. Причиной сего было, вероятно, желание старшин угодить королю, ибо он, по возвращении своем на остров Вагу, налагает на них иногда по талеру подати за дозволение посетить его жилище,— а где вельможи не дорожат таким правом.

У миссионеров дом уже был построен, но еще не совсем отделан внутри. В нем поместились они и приехавшие с ними мастеровые; церковь же и школа были устроены в особенных шалашах. Другой двухэтажный дом, на европейский манер, был строим шкипером американского судна Броуном, вероятно, с тем намерением, чтобы продать оный со временем королю, уже купившему у него при нас бриг, совсем вооруженный, за 36 тысяч пиастров на сандалное дерево, полагая пикль оного в 10 пиастров. Мы нашли на острове Вагу присланного туда от Соединенных Штатов консула Джонса, но он оставался в полном бездействии, ибо королю неизвестно было значение слова консул и [он] только торговал в компании с Броуном.

Мы зашли в Ганаруру с тем намерением, чтобы выконоратить весь наш шлюп, внутри и снаружи, ибо крепкие ветры, дувшие на пути нашем из Камчатки, сильно его раскачали. Дрова, взятые нами в Петропавловском порту, произвели в трюме страшную сырость, спертый воздух и гнилой запах, почему мы, вынудив оные, должны были заняться просушкой шлюпа; сверх сего надобно

нам было запастись водой, для чего нанимали сандвичан, платя им подарочными вещами, но и сие нам стало недешево. На сии же вещи и так же дорого выменивали мы провизию, как-то: свиней, коз, капусту, сладкий картофель и проч. Иногда старшины присылали нам в подарок разной рыбы. Из означенного пред сим количества мы запасли 27 свиней и 6 коз и заквасили 8 бочек капусты.

Между тем, как производились сии торги и работы, поутру, 26 ноября, мы были обрадованы появлением шлюпа «Открытие», который, приближаясь к гавани, по причине штиля потребовал пушечным выстрелом для буксира гребные суда, кои и были к нему отправлены от нас и от американских судов. С их помощью он втянулся в гавань и стал в оной на якорь.

Поутру 28-го прибыл король на одном из бригов...

16-го король посетил шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный», где был принят с почестями, свойственными его сану. Он весьма любовался нашей ружейной экзерцицией и в знак своего удовольствия прислал нам на другой день в подарок 10 свиней.

В сию бытность нашу в гавани Ганаруру ветры дули сначала с моря, а после с берега, причем иногда бывали штили. В первых числах декабря ветры начали дуть постоянно от берега, а 10-го задул крепкий от северо-востока, продолжавшийся по самый день нашего выхода. Барометр возвышался от 29^{дм}, 9 до 30^{дм}, 2, а термометр — от 72 до 81°.

18-го декабря мы были в совершенной готовности вступить под паруса, но как ветер дул от востоко-северо-востока, то мы не иначе могли выйти из гавани, как по заводу, что и сделали. Тянувшись, шлюп наш коснулся носом мели, но сошел с оной благополучно. Между тем ветер перешел к северо-востоку, мы, поставя паруса, вышли из гавани и для поджидания «Открытия» легли в дрейф, подняв гребные суда. В 3 ч. вышел и оный и, изготоясь совершенно к плаванию, показал нам курс на юго-юго-запад. За отшедший пункт приняли мы широту 21° 18' 30" N, долготу 202° 9' 29" O того самого места, где стояли в Ганаруру на якорь.

Поспешая возвратиться в Россию, мы пошли прямо в Рио-Жанейро, желая зайти только к островам Благонамеренного для описания оных.

До 2-го генваря [1822 г.] ветер дул постоянно из северо-восточной четверти. Мы плыли в сне время, не разлучаясь с «Открытием», при довольно приятной погоде. Иногда находили шквалы с дождем, но не надолго и только однажды, 25 декабря, шел сильный дождь, при котором у нас собрали 64 ведра воды. По временам пролетали мимо нас разные птицы морские и тропические, а 28-го в 6 ч. утра мы пересекли экватор в долготе $193^{\circ} 42' \text{ О}$. «Открытие» поздравлял нас с сим поднятием флага и криком ура, на что и мы тем же ответствовали. 30-го начальник экспедиции дал нам знать телеграфом, что, не желая терять времени, намерен идти прямо в Рио-Жанейро, не заходя к островам Благонмеренного.

Новый, 1822 год встретили мы в широте $5^{\circ} 39' 46'' \text{ S}$ и долготе $193^{\circ} 45' 31'' \text{ О}$. Погода была хорошая, но под вечер нашли шквалы, и пошел небольшой дождь. 2-го в полночь ветер переменился и из северо-восточного сделался северный. В полдень 1-го остров Опасности, открытый командором Бироном, по карте Арровелиста был от нас на SW 65° в 100 милях, а 5-го острова Суворова, открытые в 1814 г. братом моим М. П. Лазаревым, по сей же карте мы имели на SO $43^{\circ} 30'$ в 120 милях²⁵⁸.

Между тем как наше плавание продолжалось при переменных погодах, нередко весьма дождливых, мы имели 24 генваря несчастье лишиться еще одного матроса Семена Тарасова, умершего от изнурительной болезни. 30-го во время противного дождя и большой пасмурности разлучились с «Открытием», который увидели уже 2-го следующего месяца. 7-го февраля густой туман снова закрыл от нас «Открытие», но сие продолжалось только несколько часов, и мы в тот же день имели его в виду. 15-го была весьма неприятная погода: риф-марсельным ветром от юго-запада развело большое волнение, часто находили шквалы с дождем и градом, и было несколько жестоких порывов; на другой день сделалось тихо, и барометр с $29^{\text{дм}}, 52$ поднялся до $29^{\text{дм}}, 67$. 16-го ветер опять скрепчал и был сопровождаем столь сильными шквалами, что у нас изорвало форстенгистаксель. 17-го затихло, и в 4 ч. пополудни, когда мы проходили меридиан мыса Горна, в широте $59^{\circ} 19' \text{ S}$ в 142 мил., шел густой снег. На всем пути сем мы почти ежедневно видели птиц.

27-го вечером при большом тумане разошелся с нами «Открытие», но поутру опять соединился, после чего оба шлюпа, имея плавание при переменной погоде, большей частью дождливой, причем нередко находили шквалы, сопровождаемые громом и молнией, уже не разлучались до самого Рио-Жанейро.

Пополудни, 9 марта, телеграфом с шлюпа «Открытие» велено нам было, выключив сутки времени²⁵⁹, приобретенные долготой, которую мы до сего числа считали от Гринвича, к востоку, принять западную, которая посему оказалась $43^{\circ}2'50''$. 11-го в 1 ч. пополудни при тихом юго-западном ветре вступили в южный тропик, в долготе $42^{\circ}32'W$, в $5\frac{1}{2}$ ч. вечера увидели на северо-северо-запад бразильский берег, а через час пополудни находились близ острова Раццо, где теперь строился каменный маяк, отчего вход в Рио-Жанейро и выход из сего порта делались еще лучше. В полдень [12-го] мы заметили, что нас сносило течением к северо-западу, но вскоре ветер, обратившийся из западного в западо-юго-западный позволил нам идти прямо в Рио-Жанейро, куда мы, поворотив на другой галс, пришли благополучно, положив якорь на глубине 10 сажен, близ того места, где мы стояли прежде.

Мы зашли в Рио-Жанейро для запасения недостававшего у нас количества сухарей, круп и рому. Кроме сего, медная обшивка нашего шлюпа в некоторых местах совершенно истерлась, от долгого плавания изорвались паруса и ослабел такелаж, который надлежало весь снять, ибо на фор- и грот-мачтах сгнили все четыре ланга — салинга. По сему случаю Васильев выпросил у местного начальства позволения поместить команды своих судов на один из старых кораблей, бывший в порте, в ожидании, когда оные выкраются и починятся.

Для обсерватории отвели нам на острове Кобрас круглый бастион, что было для нас весьма удобно, ибо поблизости оного, на берегу, находился пустой дом, который мы и наняли.

13-го, около полудня, шлюпы перешли еще ближе к городу за остров Кобрас, откуда сообщение наше с берегом было гораздо ближе. Корабль же, отведенный для нас и называвшийся «Васко да Гама», был поставлен подле оных.

По приходе на сие место «Открытие» салютовал крепости 21 выстрелом, на которые в ответ получил равное число. На рейде стояли: французская эскадра, назначенная для описи американского берега и состоявшая из двух фрегатов, корвета и брига под командой капитана, имевшего свой брейд-вымпел на 60-пушечном фрегате «Амазон»; английский фрегат «Аврора» под начальством капитана Прескота, принадлежащий к эскадре командора Гарди, который сам вскоре пришел сюда, и еще разных наций купеческие суда, которых множество доказывало цветущее состояние торговли сего места.

Между тем, как мы исправлялись починками и запасались при содействии нашего вице-консула Кельхена разной провизией, пришел в Рио-Жанейро голландский шлюп, шедший из Текселя в Батавию и посетивший сей порт по необходимости переменить грот-мачту, в которой оказалась гнилость, что продолжилось полтора месяца! 60-пушечный французский фрегат, о котором сказано выше, отличался красивой постройкой и скорым ходом, а на английском мы видели нового изобретения шпиль, или лучше два шпиля, соединенные вместе, но устроенные таким образом, что верхний и нижний из них могли действовать вместе и каждый особенно, даже в разные стороны. Кроме сего, при шпиле сем находилась машина, увеличивавшая силу людей, действовавших оным, пчестверо. Оба сии фрегата имели также и круглые кормы.

Пользуясь временем, в которое исправлялись наши шлюпы, мы осматривали рио-жанейрский музей, который был открыт для всех по четвергам от 10 ч. утра до 2 х пополудни. Он заключал в себе великое множество бразильских камней и руд, разных птиц и других предметов, которых многочисленность и достоинство обещали, что сие заведение делается со временем весьма богатым и примечательным, ибо хотя оное было только новое, но попечения, которые прилагались о нем, были верной в сем порукой. Принцесса сама была страстно предана собиранию редкостей, особенно раковин; первый же министр Бразилии сам весьма много занимался натуральной историей.

Король, отправляясь из Рио-Жанейро в Португалию, поручил управление Бразилией своему сыну Дон Педро,

умевшему приобрести в высочайшей степени уважение и преданность бразильского народа, желавшего единодушно видеть его своим государем и ненавидевшего правления кортесов в Португалии, от которой он совершенно отложился²⁶⁰. Бразильцы выгнали от себя всех чиновников, кои были настоящие португальцы и заменили их своими собственными. Незадолго перед нами были присланы в Бразилию из Португалии войска для усмирения тамошних жителей, но инфант Дон Педро отправил их обратно в отечество и завел войско из природных бразильцев, которым делал частые смотры и экзерциции²⁶¹. Одним словом, все предвещало, что Бразилия сделается в скором времени самостоятельным государством, что теперь и исполнилось.

Оставаясь в Рио-Жанейро в продолжение всей страстной и святой недели, мы были свидетелями того блеска и великолепия, с какими производились в церквах служба, крестные ходы и разные процессии. Но все удовольствия, которые мы имели в сем порте, были сопряжены с чувствительными неприятностями. Несмотря, что команды обонх шлюпов получали свежую пищу и хорошее вино и что о сохранении их прилагались всевозможные попечения, служители наши часто хворали слабительными болезнями, лихорадками и даже горячками, так что на нашем шлюпе число больных доходило до 15. Работы у нас продолжались обыкновенно с утра до 11 часов пред полуднем и после обеда от 2 до 6, следовательно, они не были изнурительны, времени для отдыха оставалось довольно, и в часы оною люди оставались под тентом. Наш шлюп потерял, по счастью, только одного матроса 1-й статьи Марка Рыболовлева, умершего от гнилой горячки. К чести наших медиков, должно сказать, что они не щадили никаких трудов для отвращения болезней и даже почти безотлучно жили на корабле «Васко да Гама»; но все их старания оставались тщетными, и число больных было велико. Бразильский доктор Наваретто рассказывал, что господствующие в Рио-Жанейро болезни суть горячки и поносы, чему причиной климат сего места, так сказать, удручающий тело. В окрестностях сего города находятся болота, производящие такое множество испарений, что на горах всегда видны облака. При штилях же жары бывают нестерпимы и тяготительны в такой степени, что и самый

здоровый человек кажется от них как бы расслабленным. Шлюп «Открытие» имел несчастье лишиться одного из своих офицеров — мичмана Галла, офицера молодого, здорового и подававшего о себе самые лестные надежды. Все пособия врачей сохранить ему жизнь остались бесплодны, и он сам заплатил собой дань рию-жанейрскому климату...

В сие время мы исправили все наши надобности и починки, но прежде нежели приготовились к оставлению Рио-Жанейро, представлялись принцу Дон Педро и его супруге, принявшим нас весьма благосклонно. Почти тогда же пришел в сей порт английский шлюп «Löven» и еще один бриг. Оба они назначались для описи африканских берегов и уже были для сего у островов Зеленого Мыса. Для большего совершенства в исполнении своего поручения Овен купил в Рио-Жанейро плоскодонное судно, прежде бывшее пароходом, которое он, по снятии наперед машины, переделал по-своему. Он имел с собой типографию, несколько камней для печатания карт, которые предполагалось составить при описи, 7 хронометров и множество отличных астрономических инструментов. Шпиль на его шлюпе был устроен так же, как вышеописанные, с той еще выгодой, что оный был приспособлен помощью шестерни к действию помпами. Из сих последних можно было выкачивать воду и особенно с помощью машины, весьма легко и удобно управляемой двумя человеками.

В семинедельное наше пребывание в Рио-Жанейро почти половинное число дней были ясные, в прочие шел дождь, и нередко бывала гроза. Барометр показывал от 30^{мм} 30 до 29^{мм} 84, термометр от 67 до 90°. По ночам дули всегда ветры от берега, но морские не были столь постоянны. Иногда целые сутки продолжался штиль, сопровождаемый обыкновенно жаром и зноем, столько для нас тягостным. Когда же случалось, что во весь день дул ветер с моря, то погода была прохладная и легкая.

3 мая, в 6 ч. утра, при самом тихом ветре от северо-запада начали мы сниматься с якоря и с помощью буксира вместе с «Открытием» пошли в море. Шлюп был в грузу: ахтерштевень 14 футов 1 дюйм, форштевень 13 футов 7 дюймов, диференту 6 дюймов.

Противное течение и большая зыбь от юга были причиною, что мы между крепостью Санта-Круц и Сахарной

головой едва подавались вперед, но вскоре течение сделалось попутнее, и нас вынесло на простор.

Полуденную широту $23^{\circ} 2' 15'' S$ и долготу $42^{\circ} 54' 15'' W$ по Арровелистовой карте приняли мы за отшедший пункт. Во весь день продолжался самый тихий ветер.

Из Рио-Жанейро оба шлюпа пошли в Кронштадт.

27-го мая, за полчаса до полуночи, в последний раз мы пересекли экватор и перешли в Северный тропик, из которого вышли вскоре пополудни 12 июля в долготе $37^{\circ} 48' 23'' W$. 30-го, имея мыс Лизард на $NO82^{\circ}$ в 449 милях, мы получили телеграфом с шлюпа «Открытие» уведомление, что оный намерен идти Английским каналом. Июля 4-го, когда мыс сей находился от нас на $NO64\frac{1}{2}^{\circ}$ в 123 милях, а маяк на острове Св. Марии, одном из островов Сцилли²⁶², на $NO46^{\circ}$ в 71 мил., подъехали к «Открытию» и от оного к нам на лодке рыбаки, предлагавшие картофелю и рыбы, но за весьма неумеренную цену. Как служители наши не имели давно свежей пищи, мы купили картофелю и рыбы, называемой скат²⁶³, всего на 6 талеров, причем каждая рыба обошлась почти в талер. Не довольствуясь такой платой, рыбаки попросили у нас еще грогу и рому на дорогу. Так поступают всегда английские рыболовы и лоцманы.

Чем ближе подходили мы к Английскому каналу, тем более встречали мы рыбацких лодок и ботов. Так как барометр понижался, а до островов Сцилли оставалось еще более 50 миль, то мы весьма удивлялись смелости, с какой сии суда пускались в открытое море. Из них приставало к нам одно, на котором мы купили на два талера трески. В 8 ч. вечера, при довольно свежем ветре, приехали к нам и на «Открытие» лоцмана с предложением своих услуг, но оба шлюпа оных не приняли, ибо по всему каналу ходило множество ботов. 5-го в 6 ч. «Открытие» поднятием гюйса потребовал лоцмана, который немедленно явился. Полагая следовать за сим шлюпом, мы думали обойтись без лоцмана, но сильная зыбь от юго-запада и понижение барометра, предвещавшие крепкий ветер, убедили нас поступить по примеру «Открытия». В самом деле, предчувствие нас не обмануло, и к ночи сделался крепкий риф-марсельный ветер с дождем и частыми шквалами. В полночь наш шлюп поворотил в море, а в 4 ч. утра опять к берегу. К сему времени

стало гораздо тише, мы прибавили парусов и в 10 ч. утра увидели берег в пасмурности и Лизардские маяки.

7-го, в 3 ч. пополудни, следуя за «Открытием», мы увидели, что он поворотил на другой галс и проходил нас далеко на ветре. Мы, было, хотели последовать его примеру, но лоцман не допустил нас до этого, говоря, что мы едва обогнули мыс Лизард в 3 милях и если поворотим, то будем опять близ его и выйдем в море, где при крепком ветре, который предвещало понижение барометра, могло нас прижать к берегу. Здесь же мы имели убежище, а к тому же и ветер, переходя к юго-западу, становился для нас попутным. Последствия показали, что мы поступили хорошо, последовав совету нашего лоцмана, да если бы и «Открытие» желал идти вместе с нами, то для чего бы ему было уйти далеко на ветер и еще под всеми парусами. Так рассуждали у нас в это время.

Между тем как ветер становился свежее, начала находить пасмурность, и мы в 9 ч. вечера, пройдя Эдистонский маяк, в 7 милях потеряли из виду «Открытие». Жгли фальшфейеры, но ответа не было.

Ночью шел проливной дождь при крепком юго-юго-западном ветре со шквалами, пасмурность продолжалась. В 2 ч. по расчету лоцмана и нашему исчислению мы находились южнее мыса Стюарт, почему легли на OSO, не прибавляя парусов. Множество судов шли к востоку и западу, но «Открытия» между ними не было. Наконец, он показался уже во 2 часу пополудни (9-го), в то время как мы шли вдоль в виду острова Вайта (Wight). Он был далеко от нас назади, почему мы убавили парусов и, соединясь с ним, в 6 ч. вечера пошли вместе. В 3 ч. утра миновали мыс Бичигет, в 7 ч. увидели маяк Донженес, а в полдень имели Зюйд-форландские маяки на NW 38° в 10 милях, находясь в широте 57° 2' 50" N и долготе 1° 13' O, который пункт и приняли за отшедший. Вскоре после сего, когда мы плыли в самом узком месте канала, нашел от StO продолжительный шквал с проливным дождем, отчего ветер устоялся от юго-запада, и мы благополучно вышли в Немецкое море.

11-го в 8 ч. утра при тихом юго-западном ветре сошлись мы с одномачтовым английским судном, которое хотело пройти у нас перед носом и не поворачивало.

Наш шлюп спустился влево, что сделали и англичане, и хотя намерены были поворачивать, но уже поздно: мы нашли на их судно и сломали у него мачту. Васильев приказал нам взять его на буксир и вести в порт, а между тем у нас спустили гребные суда и спасали, что могли, из рангоута и такелажа. Впрочем, дальнейших повреждений судно не получило. Английские купцы из неуместной гордости, идя в море, всегда стараются принуждать других спускаться или поворачивать, не уважая даже военного флага. Управившись с сей работой, мы взяли судно на буксир и легли прежним курсом. В то время как мы хлопотали около поврежденного судна, ни один из его матросов не хотел ни за что приняться, и все они только попивали.

От сего места мы встречали множество разных судов и рыбацких лодок и 15-го в 6¹/₂ ч. утра прошли маяк Куленс на траверсе в 5¹/₂ милях. Подходя к Кронбергской крепости, «Открытие» салютовал оной и брандвахте, от которых получил равный ответ. Пройдя оные, мы взяли лоцмана и пошли на Копенгагенский рейд, где «Открытие» имел опять салютацию с крон-батареей. Ветер, зайдя в сие время к западу, не дозволил нам пройти к городу, почему мы встали от одного довольно далеко, на глубине 7¹/₂ сажен, грунт — ил, в одной миле от крон-батареи. Тут мы отпустили буксированное нами судно, возвратив на оное все его вещи, которые успели спасти. Установясь на якорь, офицеры нашего шлюпа поехали тотчас на «Открытие», где узнали, что нам запрещено было иметь сношение с берегом; однако через несколько часов сие отменилось, когда высшее начальство уверилось, что шлюпы не имели у себя больных и пробыли 73 дня в море.

В продолжение всего нашего путешествия мы не были так счастливы насчет здоровья нижних чинов, как в плавание от Рио-Жанейро до Копенгагена, в которое у нас не было ни одного больного, несмотря, что имели довольно дождливых погод.

В Копенгаген мы зашли для того, чтобы налить несколько свежей воды, которая в продолжение слишком 10-ти недельного плавания почти вся у нас вышла, отчего шлюп весьма облегчился. Кроме сего, надобно еще было подтянуть фок-ванты, во время сего пути чрезвычайно ослабшие.

21-го в 6 ч., когда все сие было исправлено, «Открытие» сделал сигнал сниматься с якоря, что мы и начали исполнять, но нашедший вдруг от северо-запада шквал с проливным дождем принудил нас дожидаться ясной погоды. К счастью, сие продолжалось недолго, и едва несколько выяснело, мы снялись с якоря и пошли Королевским фарватером, отпустив лоцмана у деревни Драго. Ветер дул от северо-запада крепкими шквалами и с сильным дождем, но через сутки погода сия улучшилась, и мы после благополучного десятидневного плавания 1 августа, в 3 ч. пополудни, пришли на малый Кронштадтский рейд, проведя в отсутствии 3 года и 4 недели.

17-го шлюп втянулся в гавань.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Отношение морского министра в правление Российско-Американской компании о выделении для экспедиции алеут, знающих языки народов Аляски.

16 марта 1819 г.

Для отправляемой, по высочайшему повелению, в начале июня сего года из Кронштадта экспедиции нужно иметь двух человек, знающих языки народов, обитающих на берегах Америки к северу от полуострова Аляски, почему я прошу покорно оную компанию о содействии ее в сем случае назначением таковых людей из ее ведомства, и, буде можно, в числе оных американца Родионова, находящегося прежде на шлюпе «Рюрик», с тем, чтобы люди сии были готовы в Камчатке ко времени прибытия туда экспедиции, т.-е. в половине мая месяца 1820 года.

Равным образом для помянутой экспедиции нужны с острова Уналашки 6 алеутов, умеющих ездить на однолучных байдарках, и с ними две трехлучных и две однолучных байдарки, о приготвлении которых в Камчатке к означенному же времени, я также прошу предписать кому следует, и какое распоряжение учинено будет, не оставить меня уведомить. О принятии же людей и байдарок в морское ведомство писано от меня с сим вместе начальнику Камчатской области капитану 1-го ранга Рикорду.

ЦГА ВМФ, ф. 166, д. 660, ч. 1, л. 36.
Копия.

Приложение 2

Отношение правления Российско-Американской компании морскому министру о назначении в экспедицию алеут-переводчиков.

17 марта 1819 г.

По предписанию в. в. от 16-го числа текущего месяца за № 498 Правление компании имеет честь донести, что об алеуте Родионове, бывшем на шлюпе «Рюрик», оно не имеет никакого сведения. Из числа прибывших в С.-Петербург пяти человек алеут, взятых на помянутый шлюп с острова Уналашки, трое умерло, а двое находятся в живых: Федор Овсянников и тоэн Маркел Лагунти, которых ежели ныне же отправить сухим путем для того, чтобы они могли быть в Камчатке в половине мая месяца будущего 1820 года, не могут уже к сему времени успеть, не предполагая еще того, что во время дороги могут они заболеть, или ушибиться, или по другим каким непредвиденным обстоятельствам, а потому Правление компании осмеливается предложить вашему

высокопревосходительству, не благоугодно ли будет тех алеут повелеть принять здесь в отправляющуюся экспедицию в число нижних служителей, положась с ними о приличном жаловании.

Равным образом нельзя успеть распорядиться, чтобы к помянутому же времени могли быть с Уналашки в Петропавловской гавани 6 алеут с байдарками, ибо предписание о сем не ранее можно отправить из Охотска, как в июле текущего года, и то в таком случае, ежели бы было у компании особое судно, на коем оное послать, но оного у нее нет, а потому также поставляет обязанностью предложить вашему высокопревосходительству, не благоугодно ли повелеть начальнику отправляющейся экспедиции, чтобы, идучи к Камчатке мимо Алеутской гряды, зашло хотя одно судно на Уналашку и там взяло бы алеут и байдарки, о даче которых и о всяком другом вспомоществовании Правление компании дает открытое приказание тамошней от компании конторе. Сей способ будет самый благонадежнейший получить людей, знающих язык народов, живущих на берегах северных, равно и потребное количество байдарок. Чего же все сие будет стоить, тому в свое время открыт будет счет.

ЦГА ВМФ, ф. 166, ч. 1, лл. 47—48.

Подлинник.

Приложение 3

Представление Государственной Адмиралтейств-Коллегии морскому министру об отпуске вещей на шлюпы «Мирный» и «Благонамеренный».

14 мая 1819 г.

Исполнительная экспедиция с рапорта генерал-майора Миницкого от 7 сего мая № 991 доносит, что командиры шлюпов «Мирного» и «Благонамеренного», назначенных в дальний вояж, просят отпуска в добавок некоторых вещей на оные шлюпы, а иных вещей полагают ненужными иметь на них, почему просят по прилагаемому при том реестру, кому следует повелеть, требуемые помянутыми командирами вещи, сделав, отпустить на те шлюпы, а которые не нужны принять в магазины. Экспедиция по уважению изъясненной надобности о сделании требующихся вещей для оных судов, представляя Коллегии, испрашивает разрешения.

Адмиралтейств-Коллегия в разрешение сего рапорта, предписав Исполнительной ее экспедиции, дабы она требующиеся для шлюпов «Мирного» и «Благонамеренного», назначенных в дальний вояж, вещи, показанные в прилагаемом к сему в копии реестре, приказала немедленно сделать и доставить на шлюпы, имеет честь уведомить о том ваше высокопревосходительство.

ЦГА ВМФ, ф. 166, д. 660, ч. 1, л. 203.

Копия.

Р е е с т р

По комплектации иметь
положено на транспор-
тах, кои названы ныне
шлюпами.

Брамселей один ком-
плект.

Бизаней малых . . . 3.

Контр-бизань . . . 1.

Для помп употреблена
казанская помпа.

Тент положен из серой
парусины.

Ундер-лиселей один
комплект.

Ныне командиры оных полагали
иметь.

Надобно иметь два комплекта.

Довольно — двух.

Надобно две.

Оная скоро размокнет и разбухнет,
отчего в употреблении не прочна и
делает выкачивание воды гораздо
тяжелее.

Надобно бы шить его из равендука
и во все судно, на шканцы, шкафу-
ты, бак и ют.

Не худо для тропических плаваний
сделать другой комплект гораздо
поболее и утвердить нижние лисель-
реи на вертлюгах к борту судна.
Для шлюпок и баркасов надобно
сшить чехлы и тенты, для коих при-
делать сектора.

Шлюпочные нактоузы не непременно
надобны, вместо грот-стенги стак-
сель, просят сделать гафильной фор-
трисель, а вместо апсель гафильной
же грот-трисель, по данному черте-
жу в Кронштадте парусному ма-
стеру, а к ним сделать гафели и
трисель-мачты.

Капитан над портом Миницкий.

ЦГА ВМФ, ф. 166, д. 660, ч. 1, л. 204

Копия

Р е е с т р

морским путешествиям и другим книгам, атласам и картам, потребным на отправляющиеся в дальний вояж суда¹

Путешествия:	Число экзепляров	Цена	
		одно-му	всем
1. Капитана Сарычева с картами и видами	4	—	—
2. Вокруг света Крузенштерна в трех частях с атласом . . .	4	145	580
3. Вокруг света Ю. Лисянского, две части (карты см. ниже) . .	4	30	120
4. В северный Тихий океан Кука, Клерка и Гора, перевод Голенищева-Кутузова, в двух частях	4	20	80
5. В южной половине земного шара капитана Кука, перевод Голенищева-Кутузова, в шести частях			
Путешествие сие есть в экипажных магазинах, но только без первой части, а потому и взято у Глазунова . .	4	38	152
6. Около Света лорда Ансона	4	7	28
7. Капитана Сюрвиль в Южное море	4	2—50	10
8. По Северной Америке к Ледовитому морю и Тихому океану Керна и Мекензия . .	4	10	40
9. Записки капитана Головинина	4	25	100
10. То же Рикорда .	4	12	48
	За уступкою 91 р. 60 к.		1158 1066 р. 40 к.

¹ Заголовок документа

Путешествия:	Число экзем- пляров	Цена		
		одно- му	всем	
11. Капитана Бил- лингса	4	6	24	Деньги перечислены к сум- мам Департамента.
12. Хвостова и Давы- дова в двух частях . .	4	5	20	"
13. Пажеса, ч. 1 . . .	4	1—50	6	"
14. Таблицы Мендо- зы на английском язы- ке, с принадлежащим к ним объяснением на русском	8	20	160	"
15. Морской месяце- словник на 1819 и 1820 годы	по 12 экз. кажд.	по 60 коп. экзем.	14—40	"
16. Записки, издавае- мые Адмиралтейским Департаментом, в трех частях	4	6	24	"
17. Морская геодезия, соч. вице-адмирала Са- рычева	4	1—50	6	"
18. Атлас Балтийско- го моря, соч. вице- адмирала Сарычева . .	4	50	200	"
19. Поленные запис- ки, принадлежащие к сему атласу	4	3	12	"
466 р. 40 к				Деньги сии отпущены сочи- нителю 7-го класса Голотову. Книги сии и карты храни- лись в числе нескольких эк- земпляров в здешних эки- пажеских магазинах, и пото- му отпуск их зависел от самой Адмиралтейств-Кол- легии.
20. Изъяснение при- надлежностей к воору- жению корабля				
21. Наставление для плаванья из Киттече- ра в Зунд				
22. О склонении маг- нитной стрелки				
23. Определение гео- графической долготы с помощью				
24. Телеграфический словарь				
25. Карты, принадле- жащие к путешествию Фадеева Лисинского				

ЦГА ВМФ, ф. 166, ДММ, д. 660, ч. 1, лл. 492—493.

Подлинник.

Из реестра инструментов, отпускаемых

	Потребно на шлюп один	Потребно на тран- спорт один
Хронометров больших, называемых <i>Marine Chronometer</i> в деревянных ящиках . . .	1	—
Карманных серебряных хронометров . . .	2	2
Секстанов	2	2
Окружной Троутона инструмент	1	1
Артифициальных горизонтов	2	2
Прибор с неперменным маятником для определения секундного отсчета	1	—
Барометров морских	2	2
Термометров ртутных	2	2
» спиртовых	2	2
Электромтр	1	1
Гигрометр	1	—
Афомтр	1	—
Инклинатор или магнитной стрелки для узнания наклона оной	1	1

¹ Заголовок документа

для экспедиции к Северному полюсу¹.

	Потребно на шлюп один	Потребно на тран- спорт один
Астрономические трубы для наблюдения закртыя звезд и юпитеровых спутников	1	1
Морских зрительных труб	2	2
Машина для измерения больших глубин моря	1	1
Азимуф компасов	1	1
Артифициальных магнитов	2	2
Инструментов для исправления астрономи- ческих и математических инструментов	1	1
Книги		
Всех морских путешественников, печатных на русском языке, а которых нет, то на французском или английском языке по одному экземпляру		
Новейшие карты всех морей, по коим про- стираться будет плавание		
Таблицы Мендозы	2	2
Морской календарь на 1819 и 1820 годы, а на будущие три года получить альма- нахи в Англии	3	3
Небесный атлас Боде	1	1

В е д о м о с т ь
в количестве вещей, назначенных в отпуск для
служителей, отправляющихся в дальний вояж, и
на какую составляет сумму¹

	На одного чело- века	На 298	
Рубах холстяных	8	2 384	Всех сих вещей и припасов куплено за уступкою на 63 059 р. 34 к., включая в это число и взятый бульон из Американской компании 10 пуд. А как онго следует еще допустить 85 пуд., который хотя и куплен, но до такой сухости, как оный взят из Американской компании, не доведен, отчего и прочным быть не может, а потому для заготовления онго в иностранных портах потребно отпустить денег, полагая по цене, заплаченной Американской компании по 80 руб. за пуд., всего 6 800 руб. На сии вещи отпущены материалы, коих цена заготовления составляет на 23 880 р. 07 к.
Чуллок шерстяных	8	2 384	
Тюфяков	1	298	
Подушек	1	298	
Простыней	4	1 192	
Башмаков	1 пара	298	
Сапог теплых	1 „	298	
Шапок кожаных с складными полями	1	298	
Одеял байковых	1	298	
Фланелевых рубашек	7	2 086	
Припасов			
Сахарного песку		12 пуд.	
Горчицы в семенах		24 „	
Патоки		12 „	
Бульону говяжьего		10 „	
Мыла		120 „	
Табаку листового		24 „	
Сукожных фуражек	2	596	
К ним брюк	2	596	
Шинелей	1	298	
Шляп круглых	1	298	
Канифасных фуфаек	4	1 192	
Канифасных брюк	4	1 192	
Сверх того, ежели разрешен будет отпуск по представлению командиров, как-то по 6 летних брюк и по 2 фуфайки на каждого, равно и на рубахи холста в натуре, для всех оных служителей будет стоить по ценам заготовления 19 524 р. 7½ к., в сем числе заключается на счет Адмиралтейства 8 654 р. 89½ к.			
Отпущенное обмундирование по табелям стоит вполне			24 870 р. 43½ к.
Всего			138 133 р. 92 к.

¹ Заголовок документа

	На одного чело- века	На 298	

Из числа оных следует на счет
Адмиралтейства

33 525 р. 33 к.

А остальные на счет Государствен-
ного казначейства

104 608 р. 59 к.

Потребно заготовить в иностранных
портах из экстраординарной суммы:

Спрюсовой эссенции

828 банок

Чаю бак

24 п. 33 ф.

Лимонной эссенции по мере по-
требности.

Вообще же на все экстраординар-
ные расходы испрашивается 30 000.

Начальник отделения Магаринский.

Приложение 7

В е д о м о с т ь на провизию, отпускаемую для экспедиции к Северному полюсу¹

	Количество провизии пуд. фунт.		Цены		На сумму	
			руб.	коп.	руб.	коп.
На 2-й отряд для 18-пуш. шлюпа «Открытие» с дру- гим «Благонамеренным» на 169 порций						
Солонины на 3 года . .	2 306	34	14	—	32 295	90
Гороху на 3 года	1 647	30	3	75	6 179	6 ¹ / ₄
Сухарей ржаных на 4 мес.	760	20	3	—	2 281	50
Сухарей крупчатых на 22 мес.	4 182	30	11	25	47 055	93 ³ / ₄

¹ Заголовок документа

	Количество провизии пуд. фунт.		Цены		На сумму	
			руб.	коп.	руб.	коп.
Сухарей пеклеванных на 13 мес.	2 471	25	7	50	18 537	18 ³ / ₄
Масла коровьего на 18 мес.	вед. 456	чаш. 12	22		10 038	60
Вина горячего на 6 мес.	вед. 283	92	4	54	1 288	99 ³ / ₄
Круп гречневых на 6 мес.	пуд. 126	фунт. 30	3	12 ¹ / ₂	396	9 ¹ / ₂
Круп овсяных на 6 мес.	253	20	3	12 ¹ / ₂	792	18 ³ / ₄
Солоду ячного						
Уксусу пивного						
Соли на 36 месяцев	228	6	2	—	456	30
Капусты кислой по расчету против требования командира шлюпа «Камчатка»	вед. 282		2	95	831	90
Итого					120153	66 ³ / ₄
Сверх того для одного же 2-го отряда полагается заготовить в иностранных портах на особо имеющую отпущенную сумму						
Водки французской на 18 мес.	вед. 851	чаш. 76	Сия сумма делает превосходство против регламентной провизии			
Рому на 6 мес.	283	92	По неизвестности цен, по коим можно будет заготовить сии провизии в иностранных портах, нельзя потому исчислить здесь и сумму на оные потребную.			
Вина виноградного	704	20				
Уксусу ренского	338					

ЦГА ВМФ, ф. 166, д. 660, ч. 1, л. 457.
Подлинник.

Постановление общего собрания при Кронштадтском порте об упаковке для лучшего сбережения сухарей и крупы в бочки.

3 июня 1819 г.

1819 года июня 3 дня по указу е.и.в. учрежденному при Кронштадтском порте общему собранию первоприсутствующий оно-го предлагал полученное от морского министра повеление, относительно удовлетворения желания капитан-лейтенанта Васильева, чтобы для лучшего сбережения сухарей, крупы и гороху, во время кампании шлюпов, в дальний вояж приготавливаемых, переложить некоторую часть в крепкие бочки. Общее собрание, отобрав от командиров помянутых шлюпов нужные сведения и входя в подробнейшее рассмотрение и соображение предполагаемого помещения крупы, сухарей и гороху в бочки, равно сделав некоторые опыты, находит, что белые сухари для шлюпов доставлять из Петербурга в кадках или футлярах, из коих каждый вмещает сухарей около 2¹/₂ пудов и занимает места около 2 000 кубических вершков, имея в среднем кругу 13, а высоты 1 аршин, водяная же бочка средней руки помещает сухарей 9 пудов 13 фунтов, занимая места около 5 200 кубических вершков и имея в среднем круг 1 аршин и высоты 1 аршин 10 вер., в трех бочках средней руки или в 11 кадках поместится сухарей 28 пудов, займут же места: 3 бочки только 15 600, а 11 кадок 22 000 кубических вершков, следовательно от вмещения в бочки выиграется пространство от 28 пуд. 6 400 кубических вершков, а потому укладка сухарей, крупы и гороху в водяных бочках противу кадок признается преимущественной не только по вместительности, нужной особенно для шлюпов на трехгодичное время, ибо в кадках уложится около 3 000 пудов, а в бочках около 4 000 пудов, но и полезного еще потому, что в бочках сухие провизии гораздо лучше сохранятся от воздушных влияний и трат. На все четыре шлюпа следует сухарей белых и ситных 11 430 пудов, гороху 2 902 пудов, крупы гречневой и овсяной 814¹/₂ пудов, почему общее собрание и полагает отпустить водяных бочек для помещения одной третьей части сухарей белых и ситных — 430, и половинного количества гороху и крупы овсяной и гречневой — 95. Всего 525 бочек, а остальные сухари, горох и крупу иметь в мешках, кадках и в ящиках, на шлюпах устроенных. Равно и соль для лучшего сбережения признается нужным положить в бочонки из-под солонины и масла, каковых бочонков имеется в Кронштадтских адмиралтейских провиантских магазинах достаточно. О таковом положении общее собрание поручает г. первоприсутствующему представить на благорассмотрение и утверждение морскому министру, а между тем, дабы не упустить несколько времени, немедленно изготовить на изложенный предмет назначенное число бочек, и по мере готовности укладывать в них сухари, крупу и горох.

Приложение 9

Ведомость № 1
разным вещам на подарки для отправляемых в дальний
вояж судов

	Количество вещей для отрядов		Цены каждой вещи		Сумма	
	В 1	от 2	руб.	коп.	руб.	коп.
Железа болтового $1\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ дюйма		пуд. 30	8	—	240	—
Железа обручного	30	20	6	—	300	—
Гвоздей железных разной величины и больше больших	25	50	28	—	2 080	—
Проволоки железной разной толщины	2	4	35	—	210	—
Меди листовой красной и зеленой	10	10	60	—	1 200	—
Проволоки медной	5	5	65	—	650	—
Свинцу в кусках	10	10	13	—	260	—
Топоров разной величины	100	200	3	—	900	—
Шляхт разной величины	50	100	3	—	450	—
Ножниц средней руки	50	50	2	—	200	—
Долот от $1\frac{1}{2}$ и до $1\frac{1}{2}$ дюйма	30	30	2	—	120	—
Плотничных стругов разной величины с колодками	15	15	3	—	90	—
Поперечных больших пил	10	10	25	—	500	—
Одноручных пил	10	10	5	—	100	—
Клещей малых и больших	10	10	5	—	100	—
Тисок малых	10	10	5	—	100	—
Ножей разного сорта и величины	400	400	3	—	2 400	—
Ножей простых чеботарных пополам	—	—	—	на	200	—

	Количество вещей для отрядов		Цены каждой вещи		Сумма	
	В 1	от 2	руб.	коп.	руб.	коп.
Ножей больших в $\frac{3}{4}$ аршина к северу	—	—		на	50	—
Ножей для садоводства пополам	—	—		на	50	—
Резцов	20	20	2	—	80	—
Терпугов и напилков разного сорту	100	100	1	50	300	—
Терпугов или рашпилей для дерева	50	50	1	50	150	—
Буравов и буравчиков . . .	125	125	1	—	250	—
Напарьев с рукоятками в $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ дюйма	50	50	3	—	300	—
Уд для ловли рыбы	2 000	3 000	—	10	500	—
Игол швальных разной величины	4 000	6 000	—	5	500	—
Зеркал в оправе	10	10	10	—	200	—
Мелких зеркал от 30 до 50 коп. пополам	—	—	—	на	1 000	—
Стаканов пополам	—	—	—	на	50	—
Графинов пополам	—	—	—	на	100	—
Рассады или семян разных цветов пополам	—	—	—	на	100	—
Чугунной разной посуды и котлов малых пополам . .	—	—	—	на	500	—
Огнив стальных	300	500	—	50	400	—
Кремней для огнив	1 000	2 500	—	5	175	—
Труту фунтов	20	30	—	на	100	—
Колокольчиков и бубенчиков пополам от 30 до 1 руб.	—	—	—	на	500	—

	Количество вещей для отрядов		Цены каждой вещи		Сумма	
	В 1	от 2	руб.	коп.	руб.	коп.
Гребней деревянных и роговых пополам от 30 до 1 руб.	—	—	—	на	500	—
Касок драгунских медных с перьями или лошадиными волосами пополам . . .	—	—	—	на	100	—
Медали серебряные и бронзовые с изображением императора и с надписью названия судна и времени путешествия	—	—	—		уже заготавливаются	
Блестящих старинных пуговиц пополам	—	—	—	на	100	—
Пронизок или бисеру круглого и более белого, синего и желтого цвету пополам	—	—	—	на	100	—
Султанов разных крашеных волосяных с перьями пополам	—	—	—	на	200	—
Стекол от старых разных люстр разнообразных цветов пополам	—	—	—	на	100	—
Жестяных рогов охотничьих, свистушек, бубнов с побрякушками и барабанов пополам	—	—	—	на	200	—
Крестиков, запонок, перстней и сережек с разноцветными камнями в медной оправе пополам	—	—	—	на	300	—
Мишурного позументу и деревенских повязок пополам	—	—	—	на	300	—
Лент шелковых разноцветных более пестрых пополам	—	—	—	на	150	—

	Количество вещей для отрядов		Цены каждой вещи		Сумма	
	в 1	от 2	руб.	коп.	руб.	коп.
Каламенку полосатого и разноцветного пополам . . .	—	—	—	на	400	—
Платков выбойчатых разноцветных пополам	—	—	—	на	500	—
Сукна или полусукна красного пополам	—	—	—	на	1 500	—
Бахромы гарусной, более красной, от 50 до 1 руб.	—	—	—	на	100	—
Старого платья особенного красного сукна пополам .	—	—	—	на	300	—
Сто одеял байковых	50	50	—	сходнее в Англии заготовить и выдать сумму командирам		
Холщевой пестряди синей и красной	арш. 200	арш. 300	1	на	500	—
Холста с белыми и синими полосками тикку пополам .	—	—	—	арш. 80	300	—
Тесмы разных цветов и более красной пополам . .	—	—	—	на	200	—
Ниток разноцветных пополам	—	—	—	на	50	—
Разноцветной писчей бумаги с позолоченными краями пополам	—	—	—	на	100	—
Крепкого черкасского листового табаку	50	100	20 пуд.	—	300	—
Сверх этого нужно заказать государя императора 4 портрета живописных во весь рост не более хотя аршина для каждого шлюпа стоящие	—	—	—	—	500	—

25 805 руб.

ЦГА ВМФ, ф. 166, ДММ, д. 660, ч. 1,
лл. 211—212.

*Замечания генерал-штаб-доктора на счет содержания морских служителей и сохранения их здоровья во время дальнего вояжа*¹.

Июнь 1819 г.

1. Для дальнего вояжа нужно избрать морских служителей крепкого сложения, нежели можно лучше из охотников и преимущественно таких, кои наперед сего не были одержимы цынготной, любострастной и чесоточной болезнями, равно и при выборе не будут иметь, как сих припадков, также склонности к чахотке, гризе и других органических недостатков.

2. Снабдить служителей не менее, как тройным комплектом зимней и летней одежды, равно и бельевых вещей, из коих первая должна быть байковая, а меховых вещей отнюдь не позволять иметь, и единственно в одном случае воспреещение сие не может быть, если эскадра отправляется к Северному полюсу. Всякого рода платье, равно и койки их с одеялами во время плавания проветривать на палубе каждый день, будет погода позволит, и сколько возможно чаще мыть. Причем прилагается список выше-сказанной одежды.

3. Для продовольствия служителей заготовить сколько возможно более ржаных съестных припасов и преимущественно приготовленных по методе Сизона, а именно: говядины, бульона, капусты, луку, репы, моркови, свеклы, сельдей и хрену и употреблять все оные в такое токмо время, когда нельзя будет иметь свежих припасов; отправить достаточное количество квашеной капусты, которая бы положена была в дубовых бочках лучшей работы, солониною же снабдить только на время проезда до Англии, а по прибытии туда предоставить купить в Лондоне таковой солонины в достаточном количестве, которая нарочито готовится для дальних вояжей, равно можно вторично купить таковой же припаса в Рио-Жанейро, что в Бразилии; сверх того купить в Англии нужное количество свежей говядины, приготавливаемой в жестяных банках для дальних же вояжей, каковую во всякое время можно употреблять в пищу служителям и особенно больным.

4. Для больных запастись всякого рода аптекарским запасом, и в особенности с избытком теми врачебными средствами, кои признаются полезнейшими против цынготной болезни, как-то: малинным соком, а если оного иметь нельзя, в таком случае лимонной солью, клюквенным сушеным и жидким соком, тамариндовым фруктом, хорошим виноградным вином и, преимущественно, старым портвейном в бутылках, и виноградным лучшим уксусом, отправить нужное количество тапиоку, арроруту, салабу, сахарного песку, а для употребления вместо чая сассафрасных стружек, сверх того снабдить потребными хирургическими инструментами и купить для каждого судна по 6 пар залитых грыжевых бандажей с железными пружинами.

5. Для сохранения воды от порчи сделать бочки, в коих бы внутренность сколько можно более обожжена была, а для очище-

¹ Заголовок в подлиннике.

ния ее отправить употребляемую чугунную машину, которую можно купить по петергофской дороге на казенном заводе, нужное на тот предмет количество березового угля можно брать из корабельной кухни.

6. Стараться сколько возможно чаще очищать в судах воздух сквозным ветром во время стояния судна на якоре или в порте, вымывать водой как палубы сверху и снизу, равно борты и интрюмы, в лазарете же корабельном, в то время когда случатся больные с неранными горячками и другими прилипчивыми болезнями, обмывать борта водой с примесью гашеной извести без клея, а пол мыть уксусом с холодной водой, а такового рода болящих стараться по возможности отделить от прочих больных, и если и встретится возможность, то отправлять их на берег в госпитали, нарочито для пользования мореходцев устроенные. Передвигать находящуюся в судах посуду, в коей хранятся припасы, равно и другие вещи, переставлять и обмывать оные как в окружности, так и места, ими занимаемые. Снабдить сколько возможно более химическими аппаратами с нужными материалами, для очищения воздуха употребляемыми, в то время, когда сырая погода не позволяет делать проветривания; сверх того, когда в судах люки бывают закрыты, то для очищения воздуха как в интрюме, равно и в камерах, где спят служители, должно несколько раз в день обносить раскаленные большие железные штуки, положив их для безопасности в железные ящики.

7. Как русский народ имеет с малолетства привычку ходить часто в баню, в таком случае для предупреждения и сохранения тела их от сыпи, могущей произойти от поту и грязи, строго наблюдать, дабы служители в тихую погоду непременно все купались, а во время хода судна сколько можно чаще обмывались водою и переменяли бы белье не менее два раза в неделю.

8. Как обыкновенно может случиться ко время дальнего вояжа, что судно будет иногда приставать к островам для заготовления дров и свежей воды, и посылаемые служители должны по необходимости проходить значительное от берегов расстояние и болотные места и от усталости и сырости могут легко получить горячки и лихорадки, то в сем случае поставить в обязанность командующему судном, дабы он о командировке служителей на помянутой предмет давал предварительно знать медицинскому чиновнику, а сей последний должен будет для предупреждения их от сказанных болезней, как при отправлении, равно и по возвращении на судно, употреблять для них предписанные в инструкции врачебные средства, а именно: хину в порошок с портвейном, полагая на каждый прием первого полудрахмы, а последнего один унц с половиной, буде же не случится портвейну, то употреблять с водою.

9. Во время приставища судов к берегу предоставить командующему оным, по мере действительной надобности, для продолжения служителей пищей запастись: свежим мясом, растениями, разными фруктами и особенно лимонами, а для врачевания больных потребными к составу лекарств и на другие надобности материалами и припасами, кои медицинским чиновником признаны будут необходимо нужными, и в особенности должно будет купить в Англии достаточное количество хины в порошке.

10. Если в судне баласт положен будет обыкновенный чугунный, то должно оный сколько можно чаще пересматривать, но

гораздо лучше вместо того употреблять для баласта крупный и чистый песок, называемый гравелем или же остающийся после выжига извести камень.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 3, лл. 12—13.
Подлинник.

Приложение 11

Р а п о р т *флота генерал-штаб-доктора Якова Лейтона морскому* *министру об осмотре команд, отправляющихся* *в экспедицию.*

9 июня 1819 г.

По случаю отправления в дальний вояж четырех шлюпов, все команды на оных судах назначенные, 7-го числа сего июня были мною освидетельствованы и найдены к тому способными, с изъятием только 12 человек, которые в такой дальний вояж идти не могут, почему я советовал оставить [их] при своих экипажах, а вместо оных назначить здоровых. Вообще же для сбережения здоровья служителей, в сей вояж отправляющихся, к принятым уже мерам, по мнению моему, нужно бы было присовокупить следующее:

1. Вместо простых шляп удобнее для команды круглые лакированные шляпы, которые могут предохранять от дождя и сырой погоды голову и шею, и тем можно сохранить здоровье матросов.

2. В случае пребывания оных шлюпов в холодных краях признается мною нужным заготовить для служителей фризские полукафтаны, каковыми снабжаются английские матросы, которые купить можно по прибытию в Англию.

3. В числе провизии для упомянутых команд необходимо нужно иметь пивной экстракт, который, будучи разведен водой, составляет род жидкого пива; таковой же экстракт можно также купить по прибытию в Англию.

4. Для дальнего вояжа весьма полезно иметь свежей говядины в жестяных банках, полагая оной на каждого человека по 1 пуду; сию говядину шлюпы могут получить в Англии, но нужно бы было о заготовлении потребного количества оной ныне же предварительно снестись с кем следует, дабы к прибытию туда шлюпов была она уже совершенно приготовленной.

О всем сим я имею честь представить на благорассмотрение вашего высокопревосходительства.

Яков Лейтон.

ЦГА ВМФ, ф. 166, д. 660, ч. 1, лл. 352—353.
Подлинник.

Приложение 12

Открытый лист

Из Кронштадтского порта отправляются для открытий к северу два шлюпа «Открытие» и «Благонамеренный», под командою флота капитан-лейтенанта Васильева. Вследствие чего от Министерства иностранных дел возлагается на попечение чрезвычайных посланников и полномочных министров е.и.в., при чужестранных дворах пребывающих, также предписывается генеральным консу-

лам, консулам и вице-консулам российским, находящимся в тех портах, в которые означенным шлюпам войти случится, оказывать оным всякое зависящее от них пособие и делать возможное удовлетворение в требованиях начальствующего сими шлюпами. В С.-Петербурге июня 14 дня 1819 года.
Граф Нессельроде.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 9, л. 10.
Подлинник.

Приложение 13

Р е е с т р

открытым листам, истребованным Министерством иностранных дел от пребывающих здесь чужестранных министров морских военных держав, для отправляющегося к северу командира шлюпов капитан-лейтенанта Васильева.

- 1 — от Великобританского посла графа Каткарта.
- 2 — Испанского министра кавалера де Зеа Бермюдеса.
- 3 — Нидерландского посланника Верстолюс де-Зелена.
- 4 — Посланника Американских соединенных областей Кемпбеля.
- 5 — Французского поверенного в делах кавалера Мальвирада.
- 6 — Датского поверенного в делах Геннингса.
- 7 — Шведского поверенного в делах Бранделя, и
- 8 — Португальского, поверенного в делах Абре де-Лима, с переводом на французском языке.

Директор Департамента
Кудрявцев.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 9, л. 1.
Подлинник.

Приложение 14

*Замечания капитан-лейтенанта М. Н. Васильева
о Новой Южной Валисской земле¹*

15-го числа марта увидели мы берега Новой Голландии после 83-дневного плаванья. Накануне сего дня мы находились на параллели порта Жаксона и на утро полагали войти в оный, по течением, менее чем в сутки, отнесло нас к югу более 30 миль, ветер сделался противный, и мы еще три дня пробыли в море. 19-го числа вошли в залив и стали на якорь у Сиднея. Вход в порт Жаксон весьма прост. Надобно только увидеть маяк, стоящий на южной оконечности мыса залива, построенный нынешним губернатором Маквари в 1816 г. Возвышенность берега, на коем маяк поставлен, 277 футов, высота фонаря 76, всего 353 фута английских; вертячий, освещается девятью лампами, шесть в одном кругу

¹ Этот труд М. Н. Васильева был опубликован в «Записках Адмиралтейского департамента», ч. V, 1823, СПб (Прим. ред.).

и три в другом, повыше, имеют три промежутка; в семь минут лампы описывают целый круг, но могут несколько и скорее, когда машина заведена; обращаются от 16 до 18 часов, на освещение масла потребно один галлинг; как строение, так и освещение маяка прекрасно, лежит в широте южной 33° 51' 40", долгота 151° 16' 50" восточной от Гринвича, виден в ясную погоду с моря за тридцать миль итальянских; держась прямо на него, откроется и самый вход в порт Жаксон, ограничиваясь высоким мысом с северной стороны. Берега везде приглубы. В самом заливе у южного берега есть одна банка каменная, которая в убылую воду бывает видна. Купеческие суда ходят и ночью без опасности, однако лоцман выезжает, когда его потребуют. Самое лучшее место становиться на якорь у Сиднея, 9 миль от входа внутрь залива. Первой мой долг был видеть губернатора и засвидетельствовать ему со всеми офицерами свое почтение; он принял нас весьма ласково и изъявил готовность всем потребным к плаванью нас снабдить. После трехмесячного плаванья в Южном океане найдется много, что на шлюпах нужно исправить. Отвели нам место на берегу для обсерватории и мастерских, рекомендовал мне губернатор благородного и почтенного купца Камеля, комиссионер которого все нам доставил к будущему плаванью. На другой день губернатор посетил наши шлюпы, по отъезде его салютовали ему из 13 выстрелов; прежде сего было салютовано крепости по их обыкновению из 21 пушки, на что ответствовано равным числом. Находящийся у нас лекар¹ Штейн в должности натуралиста желал осмотреть по своей части внутренность земли, губернатор охотно просьбу мою принял, дал на проезд вид и проводящих. С натуралистом ездил академик Карнеев для снятия видов; тот и другой привезли много любопытного. Один нашел несколько новых растений и минералы, доселе неизвестные, а другой прекрасные виды снял.

Губернатор по расположению своему к нам удовлетворял все наше любопытство, ездил с нами во внутренность Валисской земли, в города Парамату и Винзор, и на маяк, что при входе в порт Жаксон, его попечением построенный. Доставил мне сведения о новой Голландии, которые я здесь сообщаю. 32 года как колония сия восприяла свое начало под названием Новая Южная Валисская земля, commodор Филипп был 1788 году первый основатель ее. Им начат город Сидней и некоторые еще селения. Привозимые из Англии преступники обоего пола умножают ежегодно население области. Правительство, ссылая преступников на несколько лет в Ботанибей, печется доставить их туда. Миновавший срок (своего) заточения свободен возвратиться в Англию только на свой счет и как на это требуются значительные издержки, кои многие не в состоянии сделать, то и поселяются тут же, однако приезжают селиться и по собственной своей воле. Зная хороший климат и богатое произведение земли, получив вид от правительства на позволение поселиться, губернатор, смотря по его состоянию, дает ему во владение землю, вспомоществует работниками и скотом.

При вступлении в управление сего губернатора в 1810 году было 10 450 жителей, а в 1820 году стало уже 31 571 человек,

¹ Ф. Штейн был прикомандирован в состав экспедиции в качестве натуралиста.

полагая в том числе и Вандиemenову землю, где 7 тысяч поселено. Тамашнее место хвалят лучше чем в Новой Голландии, климат умереннее, земля так же хороша — все производит, а природные жители благонравнее; напротив, в Новой Голландии все старания губернатора образовать диких, привязать к европейцам, остаются тщетными: они с семейством кочуют, ходят совершенно нагие, мужчины, женщины, чем-то похожим на одеяло прикрыты, питаются рыбой и черепакожными, у разведенного огня проводят ночи в лесу. Однако в Парамате, в училище видели мы несколько детей диких жителей. Кроме наук их занимают разводить огородные овощи и земледелие. Между европейцами считают всех диких не более тысячи человек.

Города выстраиваются по плану... Правительству стоит, конечно, великих издержек, жители еще ничем не обложены до сих пор. Всего в 1820 году считают рогатого скота 65913, овец и баранов 247 497, лошадей 3 935. Жаль только, что довольствуются дождевой водой, и когда случается несколько месяцев дождя не бывает, то терпят некоторый в воде недостаток. В Парамате есть маленькая речка Винзор, стоит при реке Гаугзбури, в которую с хребтов Синих гор впадает четыре ручья, и когда бывают продолжительные и сильные дожди, они наполняют столько реку, что она выходит из берегов и тогда наводняет все окрестные места; возвышение ее бывает от 60 до 80 футов против ординарной воды. Стоит в сем положении иногда до 12 дней, течение ее простирается в то время до 6 узлов в час, она входит в залив Брокен-Бей; конечно, разлив ее не без разорения жителям, но она не хотят оставить сие место и когда разлив сей реки бывает в год два и три раза, а иногда несколько лет вовсе не бывает. В нашу бытность в марте месяце были сильные проливные дожди, ожидали разлива реки. Из Валисской земли вывозят шерсть и китовый жир, который достают у берегов Новой Зеландии. При нас было до десяти купеческих английских судов, два судна недавно пришли с пленными, так называют ссылочных в Ботани-Бей...

Капитан-лейтенант *Васильев*.

ЦГА ВМФ, ф. 166, д. 660, ч. II, лл. 204—207.
Подлинник

Приложение 15

*Из минералогических замечаний,
учиненных натуралистом Штейном
во время 12-дневного путешествия от Сиднея
к Синим горам в Новом Южном Валиссе*

В замечаниях сих описываются: 1. Грунты и слои земли, глины, песку, песчаного и глинистого плитнику, виденные Штейном на всем пространстве, от Сиднея до Синих гор. 2. Находящиеся на сем пространстве холмы, возвышенности и горы. 3. Различные роды ископаемых, им замеченные, как-то: песчаный и глинисто-песчаный камень, сланец, дикий камень, гранит, кварц, фельдшпат, порфир, шпидит, гранаты, простые и драгоценные, серные колчеданы, содержащие золото и обыкновенные, также раковинный шпат, гипс,

гнейс, глиммер, серпентин, базальт, грюнштейн и горный кристалл. Найдены также признаки руд: золотой, серебряной, медной, свинцовой и железной.

Синие горы, поросшие от подошвы до самого хребта высоким лесом, по мнению Штейна, должны быть почитаемы в числе первобытных и произведенных, повидимому, древнейшим слоистым образованием. Название Синих получили они от синеватого цвета, коим показываются издали; доселе известна только малая часть оных на пространстве от 200 до 300 английских миль. Штейн полагает, что к северу они соединяются с высокими гранитными горами Сидавунь Ривера, а к югу, через острова и надводные камни, лежащие в Баковом проливе, с высокими базальтными горами Вандиemenовой земли. Синие горы принадлежат частью к горам средней высоты и частью к меньшим.

Отделением сих гор должно почитать и Невкастельские каменные угольные копи, состоящие из сланцов, глины, в коей находится бесчисленное множество отпечатков растений, а особливо разных родов тростника.

Синие горы, по замечаниям Штейна, в общей системе нашей земли, примыкают к северу, через лежащие между Новой Голландией и Азией острова, к азиатским хребтам, а к востоку, через бесчисленное множество островов Тихого океана, к прибрежным кордильерам.

Во время путешествия Штейна в Новом Южном Валиссе, замечены еще следующие достопримечательности. Близ Кингс Табль Ланд¹ открыта им огромнейшая пещера, никак до того времени неизвестная и названная им Левсонова пещера в честь коменданта Секваера Левсона.

Близ проспекта Гиля находятся источники, содержащие серную кислоту и соленокислую соль, неподалеку же от Кингс Табль Ланда замечены железокислые ключи, и некоторые с небольшим количеством нефти.

В бухте порта Жаксона найдены штабс-лекарем Заозерским два скелета животных, более уже в Новой Голландии не существующих.

При путешествии от Сиднея к горам лес, начинающийся с берега в виде мелкого кустарника, потом постепенно увеличивается, и наконец, далее, внутри земли образуется весь из высоких, толстых и ветвистых деревьев; холмы и долины усеяны деревьями редких пород, с прекраснейшими благоуханными растениями; стада попугаев различного цвета оживляют леса и криком своим увеселяют утомленного странника.

Вулканических гор в Новом Южном Валиссе не замечено нигде.

По сходству каменных пород и слоев с теми, кои вообще находятся в странах, производящих драгоценные камни, Штейн полагает, что таковые камни со временем будут найдены во всех австралийских землях и островах.

ЦГА ВМФ, ф. 166, д. 660, ч. II, лл. 210—211.

Подлинник.

¹ Возвышеннейшее место, на коем Штейн находился, по барометрическому вычислению 3325 футами выше поверхности моря.

Р а п о р т

командира шлюпа «Благонамеренный» капитан-лейтенанта Г. С. Шишмарева начальнику экспедиции капитан-лейтенанту М. Н. Васильеву с описанием жителей острова группы «Благонамеренного».

25 апреля 1820 г.

Дикие, которых мы видели, приехали к нам на четырех лодках, 16 человек; росту все среднего, а некоторые большого, породны и довольно красивы, цвета темнубурого, имеют на поясе повязку из кокосовых волокон, украшенную красными лентами из своей материи. Уши хотя проняты, но в них ни у которого ничего не было; тело их, лоснящееся от кокосового масла, которым они мажутся, казалось, совсем не расписано, однакож некоторые из офицеров видели небольшие знаки на плечах. Головной убор состоял из волос, собранных к темю в пучок и украшенных цветами; у некоторых еще от темя, по задней части головы висело по несколько пучков бурого цвета, наподобие звериных хвостов; выше локтя, на руках, почти все имели привязанные белые раковины. Женщины ни одной на лодках не было. Лодки их состоят из нескольких досок, связанных между собою веревочками, отчего так сильно текут, что должны беспрестанно отливать воду; нос и корма у них одинакие, и с одной стороны имеют отводы, чтобы не опрокинулись, поелику весьма узки; парус треугольный, шит из рогожи, мачта имеет уклон на нос около 30°; можно сказать вообще, что лодки у них, противу многих островитян Южного моря, отделаны гораздо хуже. Подъезжая к нам, один из диких имел в руке зеленую ветвь, вероятно, в знак мира, как делают почти все островитяне Южного моря.

Когда они подъехали близко, но не хотели пристать к шлюпу, хотя бросили им веревку, я послал лейтенанта Игнатьева к ним на своей шлюпке, чтобы одарить их железом и прочими мелочами.

Дикие приняли Игнатьева, хотя с осторожностью, но ласково, и в знак признания целовались с ним носами.

На железо смотрели и брали его без всякого внимания, а зеркало их пленило больше всего; они старались выпросить как у Игнатьева, так и у гребцов фуражки и платки с шеи, только вообще обходились весьма приязненно.

Как из съестных припасов, так и изделий ничего у них не было, кроме нескольких матов, на которых они сидели.

Орудие их состояло в деревянных пиках с зубцами, весьма дурно обработанных, из чего судить можно, что народ сей весьма миролюбив и мало оружие свое употребляет, ибо у всех воинственных народов орудие отделано весьма чисто и содержится в великой исправности.

Сколько можно заключить в короткое наше знакомство с сими дикарями, по невниманию их к железу, которого, казалось, они совсем не знали, что европейцы еще никогда их не посещали.

Не могши склонить островитян пристать к шлюпу и взойти на оный, я снялся с дрейфа, полагая, что они, расставшись с нами,

поедут на «Открытие», для чего не дал им и медали, которую бы следовало подарить старшине, но я не заметил никого из них старшего. О чем донести честь имею.

Капитан-лейтенант *Шишмарев*.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 100, лл. 1—2.

Подлинник.

Приложение 17

Р а п о р т

капитан-лейтенанта М. Н. Васильева морскому министру
о плавании шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный»
от порта Рио-Жанейро и о прибытии в Петропавловский
порт.

Январь 1820 г.

Вышедши с вверенным мне отрядом из Рио-Жанейро 24 ноября прошедшего года, я направил путь свой к мысу Доброй Надежды, 24 декабря пришел на вид одного. Судя по времени года, где я находился, было уже поздно простираť плавание в большие широты южного полушария. Чтобы успеть заблаговременно к следующему лету в Камчатку, дабы при первой возможности пройти Берингов пролив, на один переход от мыса Доброй Надежды, к Камчатке, полагая зайти для исправления в порт Жаксон, требовалось около пяти месяцев; следовательно, надобно было либо потерять лето, а с ним и целый год не быть в Беринговом проливе, ежели итти на юг, либо оставить сие предприятие, имея людей всех здоровых, полный и добрый всего запас. Не заходя на самый мыс, решился взять прямой курс к Новой Голландии. Свежие западные ветры во весь сей переход нам благоприятствовали. Вандиemenовую землю обошли по южную ее оконечность. В порт Жаксон прибыл 19 февраля, шлюп «Благонамеренный» пришел туда тремя днями прежде. Крепкий южный ветер, обойдя землю Вандимена, нас разлучил. «Благонамеренный» был западнее меня, имел попутный ветер войти в порт, а меня три дня задержали противные ветры в порте Жаксон. Запасшись свежей провизией и исправив шлюпы, был готов 10 марта выйти, но равноденственный крепкий ветер от SO воспрепятствовал нам еще пять дней сняться; 16-го числа мы отправились в море. Намерение мое было плыть путем, мало посещаемым мореплавателями, пройти экватор между 180 и 170 градусами долготы западной от Гринвича. Вышедши из порта Жаксона, ветры от N и NO встретили нас почти на одной параллели, провели десять дней в 15° южной широты, находясь между островами Новых Гебрид и Фиджи, имели восемь дней штилей. Ясные дни делали жар несносным, реомюров термометр показывал в тени днем 25°, ночью 22°, а на солнце 33°. К общей всех радости, когда получили пассатный от O ветер, 17 апреля поутру, со шлюпа «Благонамеренный» известили меня, что видят берег на NO. Вскоре и мы усмотрели низменные Песчаные острова, покрытые редким лесом, лежащие прямо по нашему курсу. Острова сии на картах Арросмита, по коим прокладываем свое плавание, не назначены. Подойдя к оным, легли в дрейф для определения в полдень широты и долготы. Они лежат по обсер-

вазии в южной широте 8°, ОО S, долготе 178° 20' О. Из многих наблюдений, пред сим взятых, расстояние луны от солнца с достоверностью можно положить 178° 20' восточной от Гринвича. Острова сии должны быть вновь открытые, по крайней мере, я не нашел ни в одном путешествии, кем бы они были прежде найдены. Ближние к ним на картах Арросмита положены два островка Августина и Какао, бригом «Елизавета» в 1809 году виденные, но в 6° южной широты. Сделать погрешность в двух градусах широты в тропиках, где всегда почти ясные погоды, кажется мне невероятным. Открытые нами острова обитаемы. Когда мы лежали в дрейфе, приезжали к «Благонамеренному» жители на четырех лодках, но не осмеливались пристать к борту и войти на шлюп, сколько их знаками ни приглашали. Спустили ялик со шлюпа обдарить их. На железо не обратили они своего внимания, зеркалом любовались, крайне им нравилось наше одяние, но не решались войти на судно. Цвету они темнобурого, нагие, кроме пояса; лодки их походят, как по описанию на островах Дружеских. Спеша в Камчатку, я не остановился у сей группы островов для подробного описания. Мы видели только южную и северо-западную их сторону, на восточной стороне оказывались изредка деревья в горизонте. Снятый вид при сем в.в. честь имею препроводить. Я назвал их островами «Благонамеренного», именем шлюпа, мне сопутствующего. Ветер стал отходить к ОНО и NO. Видя, что экватор не могли пройти в предполагаемой мною долоте, стал держать полнее. Оставя цепь островов графа Румянцева и Мульграфа к востоку, расположился курсом кратчайшим к Камчатке. Линию равноденственную перешли в долоте 171° 18' 24 апреля. Вышед из тропиков 6 мая, поручил капитан-лейтенанту Шишмареву следовать на остров Уналашку, где по предписанию директоров Американской компании должно получить байдарки и переводчиков для северных жителей. Рандеву назначил ему в заливе Коцебу. Продолжая плавание свое к Камчатке, в 30° широты начали показываться туманы и пасмурные погоды. От сей параллели мы видели в разных широтах плавающих несколько деревьев, травы, множество птиц и насекомых, представляющихся на поверхности моря как красные пятна. В Петропавловский порт прибыл благополучно 3 июня, больных не имею. На шлюпе «Благонамеренный» во время плаванья в тропиках из порт Жаксона умер один матрос скоропостижно.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 97, лл. 1—2.
Копия.

Приложение 18

Р а п о р т

начальника Камчатки капитана I-го ранга

П. И. Рикорда морскому министру

о прибытии шлюпа «Открытие» в Петропавловский порт.

28 июня 1820 г.

Отправленный из Кронштадта по высочайшему повелению экспедиции к Северному полюсу шлюп «Открытие» под командою начальника оной экспедиции флота капитан-лейтенанта и кавалера Васильева прибыл в здешний порт 3-го сего месяца благополучно

и простоял здесь 24 дня. Командир занимался во все время с большой деятельностью различными по шлюпу исправлениями и приготовлениями его соответственно предназначенному плаванию в климате суровом...¹, около малоизвестных опасных мест; 28-го числа сего месяца отправился в путь благополучно. Во время его здесь пребывания экипаж находился в самом лучшем состоянии, больных не было ни одного человека. Соображаясь с крайне скудным числом оставшегося в Камчатке рогатого скота, через каждые два дня доставлял команде оного свежее мясо, вознаграждая сей недостаток по возможности свежей рыбой, ибо, хотя, вследствие в.в. предписания, и был отличным старанием командира Тигильской крепости лейтенанта Саполова у кочующих там коряк составлен табун из 40 оленей, но большое расстояние для перегона на 1 000 верст и необыкновенное возвышение и разлитие многих на пути рек остановили оленей на половине дороги до Петропавловска. Впрочем, хороший запас лучшим образом сбереженных провизий и отличное здоровье всех людей, экипаж «Открытие» составляющих, в сохранение коего, в переходе столь быстром различных климатов без потери ни единого человека, подтверждается, с какой благодарной заботливостью начальник экспедиции г. капитан-лейтенант и кавалер Васильев занимался сам главным предметом, освободили меня от того неприятного положения, в которое я мог бы быть поставлен..., если бы экипаж «Открытие» не был в таком отлично хорошем состоянии.

Для главного предмета экспедиции я доставил на шлюп «Открытие» большую кожаную байдару, переводчика чукотского языка и уделил еще трех молодых проворных матросов из экипажной роты, отлично искусных ходить и управлять байдарками, имея в виду и то, что они, будучи полезными людьми в экспедиции, обратятся к нам опытными матросами. Оставленные у меня капитан-лейтенантом Васильевым к вшшему высокопревосходительству донесения, при них ящик с семенами и в деревянной трубке карта препровождаются от меня к начальнику Охотского порта при особом отношении, чтобы он их отправил до Иркутска с нарочным, в чем доношу и гражданскому иркутскому губернатору, дабы, по важности содержаний оных донесений, отправить оттуда с возможной поспешностью в С.-Петербург.

Начальник Камчатки капитан 1-го ранга и кавалер *Рикорд*.

ЦГА ВМФ, ф. 166, д. 660, ч. II, лл. 197—198.

Подлинник.

Приложение 19

Краткое начертание успехов Северной дивизии 1819—1822.

Краткое начертание успехов последней экспедиции императорско-российской, кругом света и к северному полюсу под начальством капитан-лейтенанта и кавалера, что ныне капитаном 1-го ранга, Михаила Николаевича Васильева, в 1819, 1820, 1821 и 1822 годах совершенной...

¹ Текст не разборчив.

Желание усовершенствовать и умножать познания обитаемого нами земного шара, проникать в таинственности природы, узнать законы ее в отделеннейших, дикими населенных странах, достигать до сокровеннейших богатств недр ее, наблюдать миры и законы, которыми движутся, выводить, сделать разные заключения о видимых нами местах, словом, обогащать разные ветви физического и астрономического познания земного сфероиды и открыть либо северо-восточный, либо северо-западный проходы из Тихого моря в Атлантический океан, через Северное Ледовитое море, из давних времен занимало и занимает правительства разных просвещенных народов, многие покушения отличных мужей, имевших от своих начальств порученные изыскания такого прохода, остались тщетные [вызвали данную экспедицию].

Россия, в последнем пятидесятилетии прошедшего и первых десятилетий нынешнего века, на поприще брани и в степени просвещения ставшая наряду с прочими просвещенными нациями, была первая между морскими державами, которая старалась исследовать берега Ледовитого моря и Азии и Америки. Кому не известны изыскания Беринга, Чирикова и многих других наших соотечественников, между которыми российской гидрограф Сарычев первенство занимает.

Надлежало узнать: Старый Свет соединен ли с Новым? Определить точные границы оных. При сем случае отыскан Берингов пролив, несправедливо некоторыми Эстречод Аниан, или Анианским проливом называемый; определены берега Ледовитого моря, открыты Алеутские и Беринговые острова, остров Святого Лаврентия, Кадьяк и многие другие и прежде чем кто-либо подумал севернейшие полосы Тихого океана и так называемого Камчатского моря переплыть, уже почти все земли и острова были посещаемы россиянами, сняты были берега и острова. Осталось определить точнее астрономически положение земель сих, отыскать проходы, либо северо-восточный, либо северо-западный.

Английское правительство послало назад тому более 40 лет бессмертного капитана Кука, которого опытность, с благоразумною отважностью соединенная, и глубокие познания во многих науках известны были всему свету, чтобы он, только что уничтоживший в южном полушарии, географами некоторыми предполагаемый южный новый большой материк, и на севере бы толико часто и тщетно искаемый¹ проход либо доказал, либо опроверг. Последствия покушений его и злая участь несчастного сего мореходца каждому известны. Последовали многие по стопам сего отважного и неустрашимого мореплавателя, но никто не отважился, кроме русских, снова [проникнуть] в часть Северного Ледовитого моря, находящегося между Азией и Америкой. Открыты постепенно русскими: Прибыловы острова, остров Сарычева, залив Шишмарева, залив Котцебу, остров Шамизо, остров Гагенмейстера, залив Добрых Вестей, остров Фигурин и иные, найден остров Открытие или Нунивак на таком месте, где Кук, Биллингс, Коцебу, русские и американские пароходы в близком расстоянии мимо плавали, и потому тем важнее таковое открытие в морях довольно известных в сих поздних временах.

¹ Так в подлиннике.

Александр I, посылая в 1819 году экспедицию вокруг света, имел единственно в виду и пользу и славу толико прославившегося нашего общего отечества. Экспедиция сия есть новое доказательство, что северный миротворец¹, побеждая своих врагов, не упускал и одного случая содействовать усовершенствованию географии, мореплавания и других наук, доставляя юным своим мореходцам случаи образоваться² в своем деле, а опытным флотским офицерам показать свету, что россиянин на суше и на море привык побеждать и самые невозможности. Вышнее начальство, избирая исполнителями сей важной экспедиции российских питомцев,... имеет удовольствие, что экспедиция наша российская для открытий была первая из российских чиновников составленная, хотя первоначально натуралисты были выписаны из Германии, но они, иль к счастью, иль к несчастью, не приехали в Копенгаген, место предназначенного присоединения к нам.

Северная дивизия российской экспедиции посещала Копенгаген, Портсмут, Рио-Жанейро, порт Джексон в Новой Южной Валлийской земле, остров Уналашку, Петропавловскую гавань на полуострове Камчатке, остров Святого Лаврентия, Зунд Коцебу, остров Нуинивак или Открытие, Мечигменскую губу, губу Святого Лаврентия, остров Гагенмейстера, порт Добрых Вестей, Зунд Нортона, остров Stuats, Ново-архангельский порт на острове Ситхе или Баранове, порт Святого Франциска в Новой Калифорнии, острова Owûhi, и Wahu, два острова Сандвичевы, совершая от запада к востоку славное свое плавание вокруг света, перешагнула и бессмертного Кука 22-мя минутами в Северном Ледовитом море, но в старании ее отыскать северо-восточный или северо-западный проходы нашла она непреодолимые препятствия, на дне морском стоящие, и сплотившиеся подвижные ледяные поля преграждали путь всех опасностей презирающим славяно-россам! Грозящие ледяные громады ежеминутною гибелью, свирепствующая буря, темнота ночи, близость берега, потоками ниспадающий дождь, град и снег, явившаяся страшная болезнь цынга, скрытно и явно строящиеся подкопы здравью всей команды вовлекли в несчастье, и только одно провидение спасало судно «Открытие» от неминуемой гибели.

Легко рассуждать о плаваниях кругом света и к полюсам, северному и южному, в теплых покоях среди семейств, приятелей, знакомых, но чувствовать десятикратную смерть, зияющую пастью глядящую на и без того [за] живо во гроб погруженных мореходцев, едва ли с тою живостью себе тот представит, кто не бывал в море между ужасными ледяными колоссами, превышающими вышину мачт, движимое силою яростной бури и течений морских вод на произвол судьбы оставленное судно! Петропавловская гавань на полуострове Камчатке было то благотворное место, где многие из наших со товарищей изринуты из пасти алчной смерти. Областной начальник Камчатки, капитан 1-го ранга и кавалер, и супруга его, Людмила Ивановна, всем трем судам нашей дивизии доставляли нужное и даже излишнее, даровали жизнь и здравие.

Неусыпным старанием северного отряда, определены и описаны наилучшим образом берега Ледовитого моря и иных мест: порта

¹ Имеется в виду Александр I.

² Так в подлиннике.

Святого Франциска и реки, впадающей в сей залив, и называемой Рио-дель Сакраменто, гавани Гонаруры на острове Вагу, Ново-архангельского порта со входами, восточного, среднего и западного предместий Капитанской гавани на острове Уналашке, пролива Сарычева, между северною и южною частью острова Святого Матфея, острова Святого Лаврентия, Рио-Жанейрского порта; открыты: мысы Головнина и Рикорда в Ледовитом море, остров Нуинивак или Открытия с мысами Игнатьева и Бойля (названные в честь лейтенантов Игнатьева и Бойля), три каменные столба севернее острова Святого Лаврентия и залив Дачик в Камчатском море, группа островов шлюпа «Благонамеренного» в южном тропике; уничтожены сомнительные острова: Патманова, Maria Lahara или Nuestra Schora de la Gorta (Horta), Rica Ora, Rica Plata и Преображения; не усмотрены: господином Коцебу назначенная группа островов Ралика, вероятно западнее или восточнее положение имеющая, так называемые ледяные горы губы Эшшольца; сделаны многие наблюдения и открытия астрономические, географические, физические, до мореплавания и естественных наук касающиеся. Познакомится впредь публика [с] издаваемыми подробными описаниями путешествия, начальствовавшим дивизиею, г.к.л. и кав.¹ Васильевым некоторыми менее известными островами, странами, народами и проч. Посещены: Синие горы или Алаура в Новой Голландии, миссионерства: Святого Франциска, Святой Клары, Святого Иосифа, Святого Иоанна Крестителя, Святого Креста, San Carlos Montevey или del Carmelo, la Soledad, Святого Антония и президио де-Монтерей, в Новой Калифорнии; испытаны: Аракчеевские горячие ключи в заливе Ситхе, Фитингговские горячие и холодные серные ключи в Новой Калифорнии, горячие ключи Сарычева в Макушинском заливе острова Уналашки, горячие ключи Паратунки, Начики и Мальки, называемые Александровскими целебными ключами, и баанон реки на полуострове Камчатке, горькие ключи Шерера в Новой Голландии; осмотрены: две именитые горы огнедышащие в отдаленнейшем крае обширной Российской империи, т. е. гора или сопка Александра I на острове Уналашке и Стреловая или Коряцкая сопка на полуострове Камчатке; горы: Верта, Теряева, Петрова и Григория Панонера в Королевской столовой земле, Новой Южной Валлижской земле, гора Авинова на острове Гагенмейстера, горы: Голицина, Кочубея и гора серная Ситренцевича Богуша в Новой Калифорнии; пещеры: Васильева и Шишмарева на острове Уналашке, Левсона (Lawson) в пропастях Королевской столовой земли, пик Розенберга в окрестности порта Добрых Вестей, познакомится ученый свет с недавно открытою огнедышащею горою Вильнея и так далее. Совершенно плавание неслыханное малого мореходного, длины не более 46 с 1/2 футов имеющего, бота поперек всего Камчатского моря, от берегов Америки до Петропавловской гавани на полуострове Камчатке, известным флотским офицером, капитан-лейтенантом, что ныне капитаном 2-го ранга Авиновым. В день Преображения 1821 года вытерпело не столь малое и мелкое судно такой шторм, который бы и большего размера [судну] угрожал опасностью и гибелью!

¹ «Г. К. Л. и Кав» — «Господином капитан-лейтенантом и капитаном».

Огнедышущая гора на острове Уналашке или Гуналаске как кагуланцы, природные жители сего острова, его называют, из давних времен известная, посещаемая была ежегодно для добывания серы..... но никто из путешественников, бывших в разных временах на сем острове, не избрал сию гору предметом своего изыскания. Посему я, почтя довольно любопытным посещение огнедышущей горы, недавно (в марте месяце 1820 года) извергавшей [ся], во время стояния судов, составляющих северную экспедицию, на якорь в восточном предместьи Капитанской гавани, отправился в августе месяце 1820 года водою на двух байдарках, с тремя алеутами, к сей достопамятной горе.

Прибывши 25 августа рано поутру к северному мысу, названному мною мысом Елисаветы, острова Уналашки, где в прежние времена стояло алеутское селение Егорка, взяли мы все нужное с собою для путешествия. Сначала шли по левой стороне довольно крутоберегового ручейка, вытекающего из-под верхушки сопки, от таяния льда и снега происхождение возымеющего, перешли многие малые ручьи и холмы, обсеянные большими каменными скалами, кабанами и кругляками, местами довольно обширные снежные поля, засыпанные вулканическим пеплом. Большая часть ручейков покрыта была снегом и льдом. Число прозябений весьма малое и те карликовые: морощка, шикша, толокнянка, северная береза, лиственница северная, пияншиник камчатский, менциезия белочетная, багульник и некоторые мелкие тальники (ивы) были единственные кустарники тех пространств, коих мы коснулись. Опираясь беспрестанно на песты и удерживая тем равновесие на сих скользких местах, переходя множество рывтин и крутых конических холмов, глубоким пеплом и кругляками наполненных, приближались к большой наклонной площадке, покрытой весьма глубоким и чистым льдом, имеющим чрезвычайно глубокие бразды и трещины, вероятно от бывшего извержения или землетрясения происшедших. Местами составляются целые ледники, наподобие крутовершинных холмов, на коих большие камни и кругляки разных видов лежали. Инде отвалились большие ледяные громады и низринулись с чрезвычайным треском и шумом в зияющие пропасти. Царствующее вокруг нас молчание прерывалось то чим [чьим-то] шумом, то журчаньем множества ручьев.

Преодолевая разные препятствия в течение 4 часов, достигли, наконец, до подошвы огнедышущей горы, возвышающейся наподобие гребня, посреди многих горных хребтов и конических холмов. Гора, казавшаяся сначала преблизкою и не столь значительною, представилась, к удивлению моему, во всем ее величии.

Представьте себе, почтеннейшие читатели, крутую, островершинную, наподобие петушьего гребешка, разделенную глубокою браздою, как бы надвое гору, усеянную чрезвычайно великими утесистыми скалами, большими валунами и кругляками, имеющую во множестве рывтины и овраги, наполненные потоками лавы, кучами пепла и глубоким льдом, испускающую прегустой дым из жердов своих, опоясанную около середины высоты озлащенными облаками, окруженную множеством буераков, потоков, конических холмов, усеянную разными произведениями и извержениями сопки, расписанную и распещренную, так сказать, пеплом, глубокими браздами и пропастями!

Шум водопадов и падающих льдин, каменных и земляных глыб, журчание ручейков, с одной стороны, и открытое море, колеблющееся от грозного Борея, с другой стороны, ободрили дух усталый и унылый от трудного пути и окружающих, картину разорения представляющих предметов. Базальт, обсидиан, обсидиановой порфир, оливин, миндальный и глинистый порфиры, стекловатая и дырчатая лава, пемза, изверженная и возгнанная серая, гринштейншифер, пиотацит, цеолит, известковый шпат, кубичит, железный колчедан, млечный опал, халцедон, базальтический миндальный камень обращают внимание и вулканистов и нептунистов, равно к решению важных геогностических и геологических задач, между тем как физику, химику и естествоиспытателю гром сей подземельный, горнило сие потаенное вулкана, раздуваемое в недрах огнедышащих гор, извержение адское, которое во мгновение ока цветущие города, селения и страны благополучные разрушает, истребляет, потопляет или поглощает, огненные сии реки, ищущие себе путь из верха, из самого жерла или делая проходы на стороне, поглощающие и истребляющие все то, что ни встречают, тучи вулканического пепла, покрывающие и засыпающие большие пространства, острова, города и селения, служат неисчерпаемым источником изысканий, исследований, открытий, умозрений и предположений. Горы и целые хребты проваливаются, новые возвышаются, являются местами озера, местами пропадают, засыхают, образуются новые острова, другие проваливаются, потопляются. Целые страны получают новое совершенно образование, новый вид. Груды раскаленных каменных громад, кругляков разного рода, изгарин и старой лавы, пемзы, иногда потоки воды, жидкого ила, множество рыбы выбрасываются с чрезвычайным шумом, треском и громом; из светлейшего дня делается темнейшая, молнией и огненными из жерлов вышедшими столпами, мгновенно освещенная ночь, гром, град, проливнейший дождь, свирепая и страшная буря, ураган присоединяются, дабы картину в борьбе находящихся стихий совершить. Колеблются и сотрясаются самые подпоры и основы земные на значительные пространства, суда, на море вблизи находящиеся, сотрясаются, сокрушаются, выбрасываются или выкидываются на высокие холмы и утесы; горы, утесы, скалы, юрты и землянки падают, обрушиваются, море колеблется необычайным образом. На морском дне делаются иногда, при чрезвычайных отливах, в сие время случающихся, видимы рифы и скалы, до тех пор не зримые, море изливается с чрезвычайным стремлением при приливах необыкновенных, на близлежащие берега, острова и угрожает опасностью и гибелью¹ всем органическим творениям.

¹ Зри Путешествия Хвостова и Давыдова, II часть, стр. 154, изданные его превосходительством, вице-адмиралом и кавалером, президентом Российской академии Шишковым. «Вышеупомянутые земли (Курильские и Алеутские острова, остров Кадьяк и берега Северо-западной Америки) носят на себе явные знаки действия подземного огня (на что я приводил уже доказательства). И теперь все они подвержены землетрясениям, бывающим на Кадьяке ежегодно. В 1788 году остров сей и окрестные земли претерпели сильное землетрясение, продолжавшееся в течение 17 дней. В сие время

Ежели сим ужасным и великолепным зрелищем разоренных стихий не поражается и сердце и ум, тому чуждо всякое впечатление от красот природы...

«Что может быть поразительнее,— говорит г. Спасский,— для ума и сердца человеческого сих высот, воздвигнутых силою времени—сих памятников обитаемого нами мира? Здесь дух наш мгновенно переходит от одного чувствования к другому, он оставляет плотские узы, имея одну только природу своим путеводителем. Утесистая крутизна гор, вершины их, увенчанные то острыми сопками и пирамидами, то гребнями и безобразными кабанями, покатою и междугорья, убеленные снегом, представляющие царство зимы среди лета,—все сие приводит нас в некоторый ужас и недоумение. Напротив того прелесть долин, покрытых коврами зелени, озлащаемых солнцем и попеременно закрываемых движущимися тенями облаков, ручьи, извивающиеся как ленты, как линии географической карты, и холмы, то украшенные кустарниками, то гладкие и круглые, наполняют душу таким удовольствием, которого напрасно будут искать во всех подражательных произведениях искусства».

Достигший до верха сопки, имел я пред очами неописанное зрелище. Крутовершинные окружающие хребты гор, близлежащие острова, проливы, скалы, зеркало океанское, и ежели бы мрачность горизонта не препятствовала, то, наверно, и конические горы полуострова Аляски увидел бы я с сей высоты. Все лежало как картина, как географическая карта пред моими глазами. На краю пропасти, среди густого дыма, выходящего из внутренности жерлов горы, окруженный озлащенными облаками до 8 000 футов, перпендикулярной высоты над поверхностью моря, наблюдал я 25 августа 1820 года 3 градуса мороза, хотя внизу по R. Th. 11 градусов теплоты было. Присутствие серно-солянокислого и угольного газов показывали мне противодействующие средства. Для лучшего

у огнедышущей горы, что на Аляске за Камышатскою губою, сделалось в боку новое отверстие, из коего почыне дым выходит.

Землетрясение на Кадьяке было ужасно. После первых ударов море вдруг отступило от берегов, тогда коняги и русские побежали в горы. Через несколько минут вода с великим стремлением и как бы горою полилась на берег. Сим приливом сорвало с швартовов судно, и поставило оное на крышку юрты, некоторые же юрты водою совсем снесло. В тот же день случилось еще два подобных прилива и отлива. В продолжение 17 дней происходили по временам жестокие удары, от коих горы и берега обвалились, а от обрушения мывов сделалось много отдельных скал. «На Курильских островах однажды землетрясение было еще ужаснее. Море отступя от берегов, хлынуло опять к оным с такою стремительностью, что потопило много людей, не успевших взбежать на горы, а стоявшее у берега русского купца судно бросило на три или четыре версты от берега, где оное и осталось навсегда». Путешествие Сарычева, часть II, стр. 31. «Примечания достойно, что против острова Унатхоха, на Аляскинском берегу видна высокая огнедышущая гора («Чишехшкок»), у которой в 1786 году при возгорении с чрезвычайным громом взорвало верхнюю часть и обрушило».

обозрения жерла спустился я внутрь оною; местами показывался чрез расщелины огонь и выходил прегустой задушающий дым. Потоки вновь вытекшей лавы направили путь свой к юго-востоку и только что на поверхности совершенно охлаждались. Сера находилась в величайшем изобилии во всех ущелинах и трещинах, видели мы ее большими кусками. Все близлежащие камни казались перегорелые или высокую степень огня претерпевшие. Южная сторона сопки таким же образом, как и северная, покрыта большими ледниками, растреснувшими на большие кабаны, имеющими преглубокие расщелины.

Более половины сопки вовсе лишена всякого прозябения: одни мхи и лишай достигают до оной и то на весьма редких местах. *Mhium Victinhoffi*, *Umbilicaria Grandicliera*, *Umbilicaria hasmatorina*, *Hypnum Unalaschenze*, *Orthofricum cupulatum* и некоторые другие были единственные произрастания тайнобрачные, могшие укорениться в сих диких, разрытых и хладных местах.

В вечеру покрылось все небо темными и густыми облаками, предвещающими сильный дождь, который нас и до последней нити во время спуска с сопки в темнейшей ночи промочил; совершенно усталые, пришли в начале двенадцатого часа к бараборке или юрте, служащей нам убежищем от дождя и холодной ночи.

Сопка сия кагуланцами называется Айягын, или Айгань, т. е. хозяйка (ибо алеуты добывают на сей горе серу и обсидиан, несправедливо некоторыми здесь лавою называемый, для наконецников к стрелам, и потому сие имя россиянами прочно именовалось огнедышущею горою или горелою сопкою; я осмелился... сопку сию наименовать огнедышущею горою Александра I или Александровскою сопкою, так как я первый из российских натуралистов посещал и рассматривал сию гору. Остров Уналашка, как российская колония, с давних времен принадлежит российскому скипетру, счастие быть участником российской экспедиции собственно для открытий в сии моря, так далеко от столиц отстоящие, подало смелость и оправдывает мое дерзновение...

июня 16-го числа 1823 года.

*Федор Штейн — бывший натуралистом
Северной дивизии экспедиции императорско-российской кругом света и к полюсам:
южному и северному.*

ЦГА ВМФ

Приложение 20

Из журналов плавания шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный» от 27 июня по 25 октября 1820 года.

27-го числа июня со шлюпом «Открытие» вышли из гавани Петра и Павла, а 28-го из Авачинской губы в море; легкий северный ветер продержал нас на параллели Шипунского мыса три дня. 29-го числа встретили военный наш транспорт «Дионисий»; командир оною — лейтенант Захарин, идущий из Нижней Камчатки с лесом для строения новой церкви в Петропавловске. 1 июля получили свежий от S ветер, который при ясной погоде благо-

приятствовал нам дойти до острова Св. Лаврентия, где северные ветры с пасмурностью опять заставили нас лавировать у западной оконечности острова Лаврентия. Видели на якоре купеческий американский бриг. Желая иметь сведение о шлюпе «Благонамеренный», которого отрядил я на Уналашку за переводчиками, придерживались к нему, но нашедшим туманом скрыло его от нас. После полудня видели тот бриг под парусами. Опросивши его, узнали, что он из Сандвичевых островов для торговли ходит в сих местах. Шлюпа «Благонамеренный» не видел. 14 июля прошли мы Берингов пролив. Хорошая погода. Находясь от мыса Валлиса не более 5 миль итальянских, видели острова Гвоздева и восточный мыс Чукотской земли. От мыса Валлиса взяли курс к северу, вдоль американского берега, шли по глубине 6, 7 и 8 сажен, не упуская берега из виду. В залив Коцебу вошли 16-го числа и у островка Шамисо соединились со шлюпом «Благонамеренный».

Капитан-лейтенант Шишмарев по разлучении с нами, мая 13-го числа, направил курс свой к Алеутской гряде на Уналашку, куда и прибыл 3 июня. По предписанию директоров американской компании следовало получить от уналашкинской конторы алеут, знающих язык американцев, обитающих к северу за Беринговым проливом, но контора отозвалась, что алеуты нисколько не разумеют языка американских жителей. Шишмарев взял шесть алеут для управления байдарками и четыре байдарки. Приготовив шлюп свой к плаванию, вышел из Уналашки. 19-го числа июня, проходя по восточную сторону острова Св. Лаврентия, видел к НО лед. Берингов пролив прошел 1 июля, продолжал плавание свое к заливу Коцебу, где назначено ему было от меня место соединения. Вход в залив нашел покрытый льдом; полагая, что мы туда не приходили, пошел в Берингов пролив осмотреть остров Ратманова, виденный Коцебу в ясную погоду, прошел то место, где назначен на карте сей остров, но его не видал. Дойдя до Восточного мыса, обратился к заливу Коцебу; лед уже был разошедши, и он прибыл к назначенному месту 11 июля.

По соединении нашем с «Благонамеренным», снабдив его дровами, взятыми для него из Камчатки, 18 июля вышли из залива, взяли курс к мысу Крузенштерна, от коего имел я намерение итти вдоль американского берега, к северу. На утро 19-го числа увидели мыс Крузенштерна; ветер был переменный, тихий, потом нашел густой туман с мокротою, коим закрыло от нас берег. На следующий день, 20-го числа, слышали бурун от берега, но за пасмурностью берега было не видно, и от 8 сажен глубины поворотили и легли на W. Туман стал несколько прочищаться, видели берег и возвышенности голой земли, продолжающейся к северу от мыса Крузенштерна, легли опять вдоль берега. Около полудня 21-го числа туманом закрыло от нас все видимые места. Находясь на глубине 9 сажен, шли по лоту, придерживаясь берега. В пасмурность сию разлучились со шлюпом «Благонамеренный», несколько пушечных выстрелов сделано было от нас для показания своего места, но ответа не получали. Весьма трудно в Ледовитом море при беспрестанных туманах, переменных ветрах, имея по обстоятельствам разные курсы, быть в соединении двум судам. К вечеру увидели первые льды на NO; казалось, они были отнесены от берега, ибо видно было на них несколько земли; ветер позволял итти на N, но простирающиеся льды от О к N заставили

переменить курс к W. Когда лед стал пореже, взяли попрежнему курс на N, но вскоре опять от густоты льда должны были поворотить. 22-го числа около полудня прояснило так, что могли в полдень сквозь облака взять высоту солнца, нашли себя в широте $69^{\circ} 11'$. После полудня туман нашел густой, слышали к O пушечные выстрелы со шлюпа «Благонамеренный», на которые и мы отвечали. Может быть, мы иногда и близко были между собою, но не могли в тумане друг друга видеть. К вечеру слышно было близко прибор, волнения об льды к O, мы лежали к NW. От глубины 28 сажен 23-го числа поутру, при ветре NO, поворотили к берегу, пред полднем прочистился горизонт от пасмурности, мы не видели ни «Влагонамеренного», ни берега, ни льдов; вскоре туман опять пошел. После полудня показались льды между румбами NO и NW, ветер отошел к OSO, легли на S, туман стал пореже, льды имели направление от N к W. После полуночи ветер сделался от SO, мы легли на NO, к берегу. На утро 24-го числа прошли близко мимо льда на ветре, потом увидели еще на ONO льды, поворотили от оных к SW. 25-го числа ветер от SO тихий, потом отошел к ONO, мы лежали на SO+S, 9 часов утра с салинга виден был лед от N к O, подойдя ближе к оному, казался быть сплошным и простирался от румбов NWtW до SO+O. Сквозь туман увидели берег, но не успели осмотреть, как густым туманом закрыло его от нас. В полдень от глубины 14 сажен поворотили и легли на N. Солнце показывалось иногда в пасмурности, по полуденной высоте считали себя в широте $69^{\circ} 5'$. При ветре NO мы лежали к берегу на OSO, туман был с мокротою. С полуночи на 26 число ветер отошел к ONO, шли на N. На утро туман очистился, увидели берег; судя по широте, в коей мы находились, видели мыс Лисбурн; берег по обеим его сторонам высокий, самый мыс оканчивается отрубом, от оного к северу берег идет сначала на NO, потом несколько склоняется к O, продолжается низменностью и скрывается, как с салинга было видно, во льдах. Перед полднем прояснило, по двум высотам солнца, приведя к полдню, широта нашего места была $69^{\circ} 16'$. Ветер сделался восточный, погода пасмурная, с дождем. Мы шли на NNO, к вечеру увидели льды от берега между румбами ONO и NNW, составляющие одну массу; вскоре нашедшим туманом закрыло от нас берег, и, подойдя ко льдам, поворотили. На 27 число, по прочищении тумана, погода была с утра довольно хорошая; мы от берега находились не более 6 миль итальянских, глубина была 14 и 12 сажен. От мыса Лисбурна к северу берег хорошо был виден, и далее с салинга виден был лед у берега. Я послал офицера на гребном судне осмотреть, не отделяется ли лед от берега, промерять глубину, но за нашедшим туманом приужден был его возвратить на шлюп. Ветер сделался от SW, тихий. Мы продолжали лежать к берегу на NOtO, вскоре нашел густой туман, пронесло мимо нас несколько льдин, и слышали шум во льдах от волнения. Ветер застыл, течением нас прижимало ко льду, отбуксировались гребными судами от оного к W. 28-го числа туман несколько прочистился, увидели льды к W, сделалось маловетрие, между N и W легли на NNO. Солнце было видно, по полуденной высоте находились в широте $69^{\circ} 37'$. Тихий ветер, от W лежали на N, погода облачная, льды были видны от N к SO, за которыми видна с салинга была вода; к вечеру пово-

ротили, ветер был переменный, к утру 29-го числа ветер установился от NO, сделался марсельный, мы шли на NWtN, горизонт был чист, погода была довольно хорошая, временем шел снег, реомюров термометр стоял на точке замерзания. В полдень по обсервации нашли себя в широте $71^{\circ} 1' 54''$ и, по взятым до полудня высотам солнца шестью наблюдениям, нашли по хронометру, приведя к полдню, долготу $166^{\circ} 8'$ западную от Гринвича. Вскоре увидели вперед лед, а во втором часу пополудни подошли к самым льдам; они занимали пространство от румбов O к N до W + N, и сколько зрение с салинга могло простираться, вперед по горизонту был все лед не раздельный; тогда мы находились в широте $71^{\circ} 6'$. Можно было идти на W, вдоль льдов, но как мы находились выше Ледяного мыса, определенного Куком на 35 миль итальянских, по долготе до 41° западнее, то желательно мне было осмотреть самый Ледяной мыс. Поворотили от глубины $24\frac{1}{2}$ сажен на другой галс, легли на OSO; ветер сделался риф-марсельный и стал отходить к N, погода пасмурная со снегом, термометр опустился до 2° , ниже точки замерзания. 30-го числа поутру увидели в пасмурности впереди лед; видя невозможность осмотреть берег, поворотили и легли на WNW, предполагая пройти еще к северу, но от крепкого ветра не могли удержаться и на прежней параллели. К полудню прояснело, по обсервации нашли себя в широте $70^{\circ} 36'$. Долгота была почти та же, что и прошедший полдень, но уже и по горизонту не было нисколько льда, иногда находила пасмурность, и шел снег. Во весь день термометр показывал от $\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}^{\circ}$ ниже точки замерзания. Снасти были обледеневши, при сем ветре нельзя было подняться, пройти к северу. 31-го числа спустились на S, поутру увидели лед от SW до S, мы легли вдоль оного; прохода близко, живописец снял несколько видов. Льды, омывавсь волнениями, представляли из себя разные фигуры: иные были высотой над водою до 15 футов, по наблюдению нашему оканчивались они в широте 70° , но за ними льдами виты были к W еще другие. Поутру погода была хорошая, а потом сделалась пасмурность, и шел снег; курс взяли к мысу Лисбурну; ветер был северный, но немного тише прежнего. К 8 часам утра, по прояснении пасмурности, увидели мыс Лисбурн и от оного лед от ONO до NNO, к берегу. Термометр сего дня возвысился от точки замерзания до $2\frac{1}{2}^{\circ}$ теплоты. Я не могу сказать, чтоб льды, виденные нами от Лисбурна, к северу, у берега были неподвижные. Но с 22-го числа июля и по сей день, когда мы только видели берег выше Лисбурна, при разных ветрах всегда встречали у оного льды. Посылать гребное судно для подробного осмотра опасно было, ялики у нас 4- и 6- весельные и баркас 8- весельный. Грунт поблизости берега — мелкий камень, для якоря неудобный. Погода бывала хорошая, и чистый горизонт, но через один час иногда находила пасмурность, либо туман, и делались переменные ветры, невозможно со шлюпом держаться одного места. В 10 часов пополудни увидели шлюп «Благонамеренный» на SWtS и соединились с ним. Курс взяли к мысу Лисбурну. 1-го числа августа подошли к берегу. Погода была ясная, ветер северный стал стихать и к полдню заштилел, течением прижимало нас к мысу, мы остановились на верпе на $12\frac{1}{2}$ саженях, грунт — мелкий песок. Несколькими наблюдениями пред сим и сего дня сделанными нашли широту мыса Лисбурна $68^{\circ} 55' 42''$, долготу

166°4'20" западную от Гринвича. После полудня ветер сделался от NW в N, снялись с верпа и пошли к S вдоль берега. Сей день и следующий, 2-го числа, пользуясь хорошей погодой, описывали берег; к ночи ветер сделался крепкий и отошел к N, продолжался и другой день 3-го числа, мы могли только нести марсели, одни, всеми рифами взятые, лежали к W. С полуночи на 4-е число ветер стал тише, погода сделалась пасмурная с дождем, потом ветер был переменный, иногда туман находил, и до 6-го числа мы не могли подойти к берегу за пасмурностью, а в сей день, при ясной погоде, тихий ветер от W позволил делать к S опись берега, на ночь отошли от берега. Следующее 7-е число продолжали осматривать берег; хорошая погода, и самый тихий ветер, потом заштилело; остановились на верпе на 8½ саженьях, грунт — мелкий песок от берега не более 4 миль итальянских. К вечеру ветер сделался от NO, снялись с верпа, легли на W. Ветер отошел к S и стал рифмарсельный; погода пасмурная, шел дождь, закрыло горизонт и берег; курс взяли на S. 8-го числа погода была несколько лучше, ветер тише, но за пасмурностью берега было не видно. 9-го числа поутру пришли к мысу Валлиса, в сей день вышли из Ледовитого моря, быв в оном 26 дней. От мыса Лисбурна до Крузенштерна берег довольно хорошо осмотрен, окромя не могли за пасмурностью видеть самого мыса Мульграфа, также не определили мыс Крузенштерна по обсервации. От широты 69 до 67° у американского берега заливов никаких нет, не видали и рек, впадающих в море; в некоторых местах видна была за низменным берегом вода, но я ездил на берег в широте 67°52', где более было любопытно; виденное нами в сем месте озеро оказалось небольшое пространство воды на низменном месте за берегом, вероятно, крепкими ветрами нагнанной; вода так же соленая, как и в море. В Ледовитом море течение нами замечено на NO и SW, до ½ узла в час; подле берегов в направлении своем несколько изменялось и было быстрее, склонение компаса найдено у мыса Валлиса 26°00', в заливе Коцебу 29°1'0, далее к мысу Лисбурна 35°0 и в самой большой широте было 35°45'0. Несколькими компасами наблюдали по азимутам. Наклонение магнитной стрелки находили, идя от мыса Крузенштерна к северу, около 82° было самое большое, в широте 71° было 78°30'; барометр во все время пребывания нашего за Беринговым проливом стоял между 30.08 и 29.6. Термометр реомюров показывал от 11½ тепла, что было редко, опускался до 2½° ниже точки замерзания в самой большей широте, но большей частью было 5 и 6° тепла; глубина моря у берега 5 и 7 сажень, грунт — мелкий камень, далее до 15 сажень мелкий песок, от 20 сажень и глубже грунт — ил; мы более глубины не находили 30 сажень, отдавшись от берега к западу около 80 миль итальянских. Земля голая, местами в долинах растет мох. Леса растущего нисколько нет, но выкидного по берегам множество, тополя и ель, большие деревья с корнями. Первых жителей и землянки их видели от севера в широте 68°30', по берегу местами сделаны сушильни, вдали кажутся как мачта с реями; далее к югу видели жителей по берегу промыслами занимающихся. Неудобные у берега якорные места, иногда дурные погоды; не имея переводчиков, сношения с жителями не имели.

От мыса Валлиса я взял курс к восточному мысу Чукотской земли, погода была пасмурная, но иногда очищалась, ветер северный. В Беринговом проливе видели два острова Гвоздевы и к

югу третий малый; прошли мимо их в 10 милях итальянских, но виденный остров Коцебу Ратманова, проходили по карте от него менее трех миль, не нашли. В самый полдень были у Восточного мыса, от оного взяли курс к губе Св. Лаврентия, вдоль берега. К вечеру увидели лед у берега, коим устье всей губы было заперто, и простирался длинной косой. Этот лед должно быть из Ледовитого моря вынесенный NO ветром, за сим льдом видна была в губе вода. Видя невозможность войти в залив, ночь пролежали в дрейфе. На утро 10 августа погода пасмурная с дождем, ветер свежий от N, взяли курс к восточной оконечности острова Св. Лаврентия, прошли близко того места, где в «Путешествии» у Кука и Клерка видели остров в 19 лигах севернее острова Лаврентия, но мы его не видели. 11-го числа поутру, при ясной погоде, легкий от N ветер, увидели возвышенности острова Лаврентия; пользуясь хорошим днем, я поручил г. Шишмареву докончить опись северного берега острова Лаврентия, им начатую; когда он из Уналашки шел в Берингов пролив, мы взяли курс на O, к американскому берегу, между Нортонovým Зундом и Бристольской губою. От восточной оконечности Лаврентия глубина от 17 сажен постепенно уменьшалась; на следующее утро 12-го числа, с глубины 10 сажен, вода переменила свой цвет, прежде бывший, зыби уже не было; дойдя до глубины 8½ сажен, казалось, мы были закрыты банками, ибо при свежем северном ветре не было нисколько волнения; мы тогда от берега находились по департаментской карте на 58 миль итальянских, берега было не видно; от сей глубины поворотили на W, пролежав до глубины 12 сажен, спустились на S; вскоре глубина опять стала чувствительно уменьшаться, поворотили на W; отойдя на глубину 12 сажен, взяли курс к островам Павла и Георгия. 15 августа увидели остров Павла, в полдень по обсервации нашли широту, сходную как на карте департаментской назначена; по долготе, кажется, он должен быть положен на 10 миль восточнее, остров же Георгия в натуре севернее 9 минутами, восточнее 16 миль, нежели как на карте положен. От сих островов взял курс на Уналашку, куда пришли 19 августа, шлюп «Благонамеренный» пришел 22-го числа, возвращая в контору Уналашкинскую алеут и байдарки, не бывшие вовсе в употреблении. 30 августа вышли из гавани, Алеутскую гряду прошли 31 августа, между островами Акуном и Унимаком.

Бывши в Ледовитом море, я видел необходимость в малом парусном судне, которое бы могло держаться весьма близко берега, а также для сношения с жителями переводчиков. На шлюпе «Благонамеренном» положечы из С.-Петербургского Адмиралтейства члены разобранного бота, но как они лежали на самом дне интрюма, шлюп, до 600 тонн имеющий грузу, чтобы построить этот бот на самом месте надобности и приготовить шлюп к плаванию, требовалось времени по крайней мере одного месяца, а там и плавание удобного не более сего времени.

Прошед Алеутскую гряду, я взял курс к Ситхе, где надеялся от главного правителя американских селений испросить к следующему лету приготовить переводчиков, и в продолжение зимнего времени построить бот. До меридиана Кадыка мы имели хорошие погоды и попутные ветры. 5 сентября ветер сделался от O крепкий, погода пасмурная с дождем, в сие время разлучились со шлюпом «Благонамеренным». От сего числа мы более не видели хоро-

ших погод, пасмурность с дождем, либо туман ежедневно нас сопровождали.

К Ситхе подошли 10 сентября, но за густым туманом до 15-го числа не могли войти в залив. «Благонамеренный» пришел после нас семью днями. Выгрузивши со шлюпа «Благонамеренного» разобраный бот и все материалы к нему принадлежащие в Ново-Архангельске. В продолжение зимнего времени я поручил построить его лейтенанту Игнатьеву, оставя ему мастеровых восемь человек, приготовив шлюпы к плаванию к 25 октября. Намереваюсь отсюда итти в Калифорнию, запастись сухарями, коих при отправлении нашем из России взято на два года, из сего числа по сырости интрьума и брод-камер пришло в совершенную негодность до 300 пудов, для будущего лета необходимо требуется запастись хотя некоторое количество. Потом отправлюсь к исполнению по инструкции возложенной на меня обязанности.

Капитан-лейтенант *Васильев*.

ЦГА ВМФ, ф. 166, д. 660, ч. II, лл. 259—265.
Подлинник.

Приложение 21

Р а п о р т

*начальника Камчатки капитана I-го ранга
П. И. Рикорда морскому министру о встрече
американского судна со шлюпами «Благонамеренный»
и «Открытие» около Зунда Коцебу
и о благополучии команды.*

10 ноября 1820 г.

Зная, сколь любопытно должно быть всякое известие о находящейся в здешних морях экспедиции для открытий под начальством капитан-лейтенанта и кавалера Васильева, имею честь донести вашему высокопревосходительству, что от шкипера заходившего в здешний порт иностранного американского судна, в прошлом августе месяце, я получил следующие о ней известия. В следовании своем для коммерческих видов американское оное судно встретилось сначала 20 июля в Беринговом проливе с фрегатом «Открытие», при прекрасной совершенно летней погоде, на просторном и чистом горизонте Старого и Нового света, берега были в виду. Американец не без изумления увидел прекрасное военное судно, салютовал развевающемуся российскому флагу. Это, разнося ответные выстрелы с фрегата «Открытие» по горам видимых берегов, повторяло в первый еще раз россиянами ознаменованное владычество на водах несчастным, но по заслугам бессмертным Берингом открытых; по требованию Васильева американский шкипер ездил к нему на фрегат, от коего, отбрав, что нужно ему было знать, продолжал свой путь в назначенное им рандеву с фрегатом «Благонамеренный» в Зунд Коцебу: за ним последовал и американец, где шкипер опять имел свидание с начальником экспедиции и командиром фрегата «Благонамеренного». Офицеры и экипаж на обоих

фрегатах находились в хорошем здоровье и в самом бодрственном расположении духа. Июля 25-го оба фрегата вышли из Зунда, направляя путь свой прямо к северу, от самого же Васильева не привез шкипер никаких бумаг потому, что объявил ему о неизвестности будущего своего плавания и что приход его в Камчатку последовал случайный.

Начальник Камчатки, капитан 1-го ранга
и кавалер *Рикорд*.

ЦГА ВМФ, ф. 166, д. 660, ч. II, лл. 269—270.
Подлинник.

Приложение 22

Р а п о р т

капитан-лейтенанта М. Н. Васильева морскому министру
о плавании шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный»
от Ситхи до порта Св. Франциска.

Февраль 1821 г.

Оставивши Ситху 27 октября, я взял курс к Новой Калифорнии, крепкие ветры и пасмурная погода разлучила нас со шлюпом «Благонамеренный». В ночь на третьи сутки нашего выхода соединились с ним уже в порте Франциска. В сие плавание мы имели несколько дней штормы прежде от О, а потом от SW; чрезвычайное волнение, можно сказать, обливало весь шлюп, шквалы находили иногда так жестоки, что ни одного штормового паруса нельзя было нести, нередко сопровождаемы градом. Отойдя от берегов Америки на 12 градусов к W, я намеревался пройти по параллели 45° широты к О, где, мне сказывали, есть признаки земли, но при сих жестоких ветрах невозможно сделать было никакого осмотра. В порт Франциска прибыли 12 ноября, а шлюп «Благонамеренный» пришел днем прежде нас. Первый еще порт, где я мог по достаточному времени расположиться, дать отдых экипажам обоих судов с выхода из Камчатки. Более четырех месяцев большею частью стояли туманы, сырая погода и дожди, немного было хороших дней, необходимо надобно было подкрепить здоровье служителей.

Исправив все работы, просушили провиант, пересмотрели материалы, запаслись на 6 месяцев хлебом, часть перепекли в сухари и часть взяли пшеницей. К 10-му числу сего месяца готовы к выходу в море. Служители, кроме одного больного, все совершенно здоровы.

Бывши в Ново-Архангельске в октябре месяце, отдал капитан-лейтенанту Муравьеву отправить на корабле «Бородино» с командиром оного капитан-лейтенантом Понафидиным рапорты и экстракт из журналов плавания нашего в прошедшем лете в Ледовитом море для представления вашему высокопревосходительству.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 121, л. 1.
Отпущк.

*Предписание капитан-лейтенанта М. Н. Васильева
командиру шлюпа «Благонамеренный»
капитан-лейтенанту Г. С. Шишмареву
о плане плавания его в Ледовитое море.*

1821 г.

Короткое время, удобное [для] плавания в Ледовитом море, заставляет меня нынешнее лето, для успешнейшего исполнения высочайшей инструкции, разделить с вами и заняться каждому особым предметом.

По выходе из Уналашки я предполагаю напервые итти к мысу Невенгаму, взяв с собою и мореходный бот, осмотреть берег от сего мыса до Нортон-Зунда, потом в Ледовитое море, вдоль берегов северо-западной Америки искать прохода в Северное море. Встретив препятствие, сделать покушение, где льды позволят, к северу, достигнуть сколь возможно большей широты и, наконец, возвратиться к 15 сентября в Камчатку. Вам предлагаю, отправясь из Уналашки, следовать напервые в широту N 58°48', долготу 176°36' западную от Гринвича, осмотреть, существует ли остров Преображения на карте Арросмита, с русских карт назначенный, а как сей остров положен на карте к SW от южной оконечности острова Св. Матвея, то от упомянутой широты и долготы возьмите курс к сей оконечности. Лейтенант Синд видел остров на сем румбе, в 70 милях итальянских от Матвея.

Прошедшего лета вы определили широту и долготу южной оконечности острова Св. Матвея, ныне пройдите к северной оконечности. Ежели позволит погода, определите широту и долготу как оной, так и островка к OW, подле лежащего. Оттуда возьмите курс к острову Св. Лаврентия, желательно бы было сделать опись всего берега сего острова, некоторую часть вы уже оного имеете, осмотрите, нет ли удобных якорных мест. Ежели позволит вам время, любопытствуйте о произведениях сей земли, об образе жизни обитающих на сем острове, о числе жителей, какой имеют промысел, с кем производят торговлю, их обряды, составьте словарь, хотя нескольких более употребительных слов. Находясь у острова Св. Лаврентия, заметьте, существует ли Куком названный по восточную сторону Лаврентия остров Андерсона, также и к северу в 19 милях виденный остров Клерком.

Продолжая плавание свое к Берингову проливу, зайдите в губу Св. Лаврентия, где может быть получите какие сведения о северо-восточном берегу Азии, либо не сделано ли каких новых открытий, кои бы и вы могли руководствоваться. Берингов пролив вы должны пройти не позже 7 июля, а потому все вышеописанное надобно вам согласовать со временем, что можно — выполнить, а другое оставить. Главный предмет предстоит вам, пройдя Берингов пролив, согласно высочайшей инструкции, искать прохода вдоль северо-восточного берега Азии и в Северное море. Ежели встретятся какие препятствия в сем пути, предпримите курсы к северу по разным направлениям, буде найдете итти невозможным, постарайтесь берег Азии описать подробно до широты, какой вы можете достигнуть. Кук сходил только до 69°17', на карте депар-

таментской названный мыс Шалицион, который еще никто не обходил.

Эта одна часть Чукотской земли остается (не осмотрена; весьма бы лестно было, ежели бы вы могли успеть осмотреть неизвестную часть берега нашего государства.

Вышедши из Ледовитого моря, судя по времени, расположитесь так курсами, чтобы окончить осмотр тех мест, в предписании сем означенных, кои вы, идя к Берингову проливу, еще не сделали, и к 15 сентября придите в Камчатку в Петропавловскую гавань.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 131, лл. 1—2.
Подлинник.

Приложение 24

Предписание капитан-лейтенанта М. Н. Васильева лейтенанту А. П. Авинову об описании северо-американского берега.

3 июля 1821 г.

Поручая вам опись берега на мореходном боте от мыса Невенгама Бристольской губы до мыса Дарби Нортон-Зунда, предлагаю следующее:

С получением сего предписания немедленно отправиться для исполнения порученной вам описи. Я буду вас ожидать до семнадцатого числа сего месяца у острова Стурда, либо у мыса Дарби в Нортон-Зунде для соединения.

Главный предмет предстоит вам тот, чтобы вы осмотрели весь сей берег и определили его положение, как оный до сих пор никем из путешественников не был еще за мелководием описан.

Мореходный бот, на коем вы делать будете опись, сидит в грузу 4 фута, к нему со шлюпа дается вам четырехвесельный ял, и ежели сочтете за нужное, выменяйте у жителей лодку. На сих судах вы можете идти подле самого берега, или, по крайней мере, в виду оного. Желательно бы было, чтобы вы исследовали, как далеко простирается мелководье от берега в море.

Пространство вдоль берега вы должны пройти до 30 миль итальянских. Ежели найдете острова, заливы и реки, по краткому времени, конечно, невозможно будет сделать всему подробную опись; осмотрите и определите хотя положение, входы и устья оных.

Промеривая везде по тракту вашему глубину, при удобном случае сделайте наблюдение над приливом и отливом моря.

Со шлюпа «Открытие» назначаю к вам переводчика Климовского, который бывал в Бристольской губе и понимает язык американцев, живущих к северу от оной. При свидании с жителями через них можете получить сведения как о положении описываемого вами берега, так и островах, заливах и реках, буде оные найдутся.

Хотя переводчик Климовский удостоверяет, что жители сих мест дружелюбны, но за всем тем вы должны иметь все меры осторожности от нечаянного их на вас нападения; приближаясь для

пристанища к берегу, избирать такое место, где бы посланный на берег ял был под выстрелами бота.

С жителями, где вам случится видеться, обходиться дружелюбно, отличая между ними старшин, и одарить их из отпущенных вам подарочных вещей. Что найдете любопытного, как-то: оружия, украшения, одежду их, изделия и прочее, выменивайте. Как наивозможно, старайтесь все делать ласкою, чтобы найти в них доверенность. В новых местах, где еще европейцы не посещали, в знак памяти дарите медали. Строго должны смотреть за подчиненными, чтобы не выходило между ними и «дикими» какой ссоры, подтвердить, чтобы они снисходили на незначущие шалости «диких», для того без вашего позволения никто не должен делать мены вещей и не накладывать цены.

Старайтесь узнать, какой народ обитает по сему берегу, что производит им земля, какой промысел имеют, с кем имеют торговлю, кто их соседи; полюбопытствуйте их жилища, какой они ведут образ жизни; составьте словарь, хотя самых употребительных слов, что можно поручить переводчику, как он разумеет их язык.

От американской компании в 1818 и в 1819 годах были приняты экспедиции на байдарках из Кадьяка в Бристольскую губу и к северу; они не дошли до реки Кускохан, лежащей к северу от мыса Невенгама, на один день ходу; много раз видались с жителями сих мест, кои будто говорили им, что к северу по сему берегу живет народ особенный от американцев и по всем их рассказам походят на русских. Вы, бывши на самом месте, не упустите узнать о сем истину. Переводчик Климовский был также в сей экспедиции.

С вами отправляется натуралист, доставьте и ему случай, по возможности, собрать по его части, что он найдет любопытного.

По окончании порученного вам дела доставьте ко мне журнал вашего плавания, опись берега и замечания ваши по прочим предметам, также и любопытные вещи, какие вы могли выменять у жителей для музея.

Вам известно, что настает удобное время плавания в Ледовитом море, а потому порученную вам опись берега желательно бы было, чтобы вы окончили к назначенному мною числу или хотя к 20 до которого . . .¹ вам дожидать, ибо мореходный бот весьма бы был полезен и вам в этом море, но чтобы, с другой стороны, не оставить и сей берег не осмотренным, в таком случае останьтесь для окончания вашего дела до 15 августа. Ежели, сверх моего ожидания, вы к сему числу по каким-нибудь причинам не можете прибыть, возвращаясь из Ледовитого моря, я зайду к мысу Дарби около половины августа месяца; не нашед вас и тогда, отправлюсь вдоль Камчатского берега в Петропавловскую гавань, где соглашено нам со шлюпом «Благонамеренным» соединение. Вам же представляю избрать зимовку на Уналашке, либо в Камчатке.

Капитан-лейтенант *Васильев*.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 137, лл. 1—4.

Подлинник.

¹ Слово не разобрано.

*Господину флота лейтенанту и кавалеру
Авинову.*

В пополнение последнего пункта данного вам предписания, предлагаю вам, ежели вы, занимаясь описью берега, усмотрите, что никоим образом в назначенное мною число соединиться не можете, ниже до 20-го сего месяца, до числа, коего я решаюсь вас дожидаться, то в таком случае останьтесь до 15-го числа августа, продолжая свою опись. Исследуйте в Нортон-Зунд реку, к северу текущую, не соединяется ли она с Спафарьевой губой в Зунде Кацебу и не составляет ли этот берег Америки особый остров. Возвращаясь из Ледовитого моря около половины августа, я буду стараться, пришед в Нортон-Зунд, между мысом Дарби и островком Стуард осмотреть берег, где надеюсь с вами соединиться, после же 15 августа, ежели вы не соединитесь со мною, следуйте на зимовку, куда найдете удобнее, как в предписании сказано. 20-летняя опытность ваша на море, всегда с отличной похвалой продолжая свю службу, удостоверяет меня, что вы все усердие приложите к исполнению предписания, вам данного, и как искусный морской офицер сбережете порученных вам чинов и служителей и вверенный мореходный бот.

Капитан-лейтенант *Васильев.*

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. № 137, л. 4.
Подлинник.

*Из журналов плавания шлюпов «Открытие»
и «Благонамеренный» в Восточном океане
и Ледовитом море.*

от 12 февраля до 14 октября 1821 г.

12 февраля вышли мы из порта Св. Франциска. До наступления удобного времени итти на север я намеревался плыть к W трактом, мореплавателями мало посещаемым. Расположились со шлюпом «Благонамеренный» держаться на траверсе один другого в таком расстоянии, чтобы могли ясно видеть сигналы. Ветры, между NW и SW беспрестанно дующие, большей частью крепкие. Продолжительные ночи делают плавание в зимнее время для открытий весьма трудным. Находясь в широте 30°, на картах Аррсомита, по коим прокладываем плавание свое, назначен около широты 28° N в долготе 139°26' западной от Гринвича с испанских карт остров Мария Лазара и у капитана Кука в той же широте, в долготе 149°12' W остров Мария Лагорта. Желая осмотреть их, взяли курс к острову Лазара. Ветер от S позволял итти по одной параллели. В ясную погоду и чистый горизонт мы прошли от долготы 132°30' до 150°26' те места, где назначены острова. С обоих шлюпов по 30 миль итальянских по горизонту было видно, но островов сих не нашли и признаков земли не заметили. 15 марта на север итти было рано, взяли курс к Сандвичевым островам, запастись свежей провизией, не имея для сего в виду на севере других пор-

тов. 25-го числа марта пришли к острову Вагу. Прекрасный климат Сандвичевых островов; мы нашли в изобилии на оных все, что только нужно для освежения мореплавателю в короткое время.

7 апреля оставили остров Вагу, направили свой путь к Ситхе, проходя поблизости тех мест, где некоторые мореплаватели находили признаки земли между широтами от 33 до 43°, но мы земли не видали.

8 мая, в пасмурную погоду и крепкий ветер, разлучились со шлюпом «Благонамеренный»; он прибыл 14-го числа, а мы 18 мая в Ново-Архангельск. Мореходный бот был уже построен; приготовив его к плаванию, запаслись дровами, водою и, получив от главного правителя капитан-лейтенанта и кавалера Муравьева переводчиков для северных жителей Америки. 30 мая отправились из Ситхи. Мореходный бот не мог со шлюпами держаться, взят был на бакштов к шлюпу «Открытие». Подходя к Алеутской гряде, имели крепкие ветры, и холодная стояла погода; прошли Унимакским проливом Алеутскую гряду.

Мореходный бот требовал некоторого исправления для дальнего плавания, почему и взяли курс на Уналашку, куда пришли 22 июня. Короткое время (для) удобного плавания в Ледовитом море, [поэтому] на сие легло я почел за лучшее разделить с со шлюпом «Благонамеренный», дабы заняться каждому особым предметом, поручив капитан-лейтенанту Шишмареву по выходе нашем из Уналашки, пройдя Берингов пролив, следовать вдоль северо-восточного берега Азии, искать прохода в Северное море, встретив препятствие, взял бы направление к северу, буде найдет и то невозможным, то, до какой широты он может достигнуть, описать берег Чукотской земли.

Мореходный бот оставил я у себя, предполагая планом описать берег между Бристольской губой и Нортон-Зундом. потом итти в Ледовитое море вдоль северо-западного американского берега искать прохода в Атлантический океан, 27 июня вышли мы из Уналашки, шлюп «Благонамеренный», следуя по своему курсу, в пасмурности закрылся от нас; мы взяли курс к острову Георгия, как в прошедшее лето, нашли, что оный на карте департаментской неверно положен, и хотели его определить. На следующее утро в 6 часов по счислению находились у самого северо-восточного мыса острова Георгия по карте, но берега было не видно.

30-го числа, по очищению пасмурности, увидели остров Георгия, определили SW оконечность возвышенного берега, ту же самую, что и в прошедшее лето видели. Она лежит по нашим наблюдениям в широте 56°36'17''8 N, долготе 169°41'42''8 западной от Гринвича. Сего дня, по обыкновению, в полдень, заводя хронометры Арнольда, хронометр 506 остановился. От острова Георгия взяли курс к мысу Невенгаму, 6 июля подошли к оному по южную его сторону, легли на якорь. На мореходный бот назначил я лейтенанта Авинова, поручив ему описать американский берег от мыса Невенгама до мыса Дерби, что в Нортон-Зунде. 20 июля положил соединиться ему со шлюпом у упомянутого мыса Дерби, либо островка Стуарда. В случае же, когда он увидит, что к сему времени не успеет осмотреть всего берега, то чтобы остался до 15 августа до окончания своего дела; после сего числа, ежели мы не соединимся в Нортон-Зунде, предоставил ему избрать зимовку на Уналашке, либо в Камчатке. Снабдив бот всем для описи нужным, в

помощь Авинову дал мичмана Галла и штурманского помощника Коргуева. Того же числа, к вечеру, мы снялись с якоря, с нами вышел и мореходный бот; он взял курс к мысу Невенгаму, в ночь от нас скрылся.

7-, 8- и 9-го числа мы лавировали к NW; желание мое было обойти отмели, лежащие между мысами Невенгамом и Стефенсом, кратчайшим путем для соединения с ботом в Нортон-Зунде, а другое и то, чтобы пройти новым трактом. 10-го числа ветер сделался от OSO тихий, нашел густой туман, мы лежали па NW. 11-го числа в 6 часов утра глубина была 16 сажен, через полчаса оказалась 8. Тотчас взяли курс к W, но как цвет воды несколько не переменялся, я полагал, что мы находились близко каких-нибудь открытых банок, туман препятствовал оные осмотреть, глубина стала увеличиваться; дойдя до 15 сажен, стали придерживаться опять к NW. В 10 часов утра туман несколько прочистился. Увидели в правой стороне снег, вскоре и высокий берег, вдоль которого мы шли не более десяти миль итальянских от него. Туман совершенно прочистился. Привели к берегу, дойдя до глубины 8 сажен, грунт-песок. Положили якорь от берега на три мили итальянских расстоянием. Пока пригтовляли гребные суда ехать на берег, увидели едущего к нам одного американца на байдарке. Через переводчика от него узнали, что виденный нами берег есть остров, называемый Нуний-вак, обитаем. В ясную погоду, с восточной стороны оного, видят высоты и снег матерого берега. Лежит между реками Кускохан и Куюхт-пак; до сего времени не приходило к ним ни одного судна, и никто из европейцев их не посещал. С матерого берега кускоханцы нынешнее лето приезжали к ним гостить и первые им показали употребление железа, вероятно, вымененное в Бристольской губе, где ныне заведено селение Американской компании.

В полдень по обсервации определено нами якорное место, широта оного 59°54'57"N, долгота по хронометру № 953 193°17'2" восточная от Гринвича, склонение компаса 23° O, течение замечено $\frac{3}{4}$ узла к O по компасу, а прибывь и убыль воды кажется небольшая. После полудня я с офицерами, свободными от должности, съехал на берег, американец проводил нас к своему жилищу. Как никем из европейцев остров сей до сего не был найден, то назвал оный островом Открытие, именем нашего шлюпа. Положение его NW и SO до 40 миль итальянских в длину; по словам жителей, около половины сего в ширину. Вообще берег средней высоты, якорных мест закрытых не имеет, изредка виден растущий небольшой лес. Островитяне живут в землянках, в разных местах по берегу расселившиеся; промысел их олени, лисицы, киты и рыба. Обдарив из них, которых мы на берегу видели, отправились на шлюп и к вечеру снялись с якоря, пошли к NW. Южный мыс острова назвал я в честь первого лейтенанта на шлюпе Игнатьева, а северный именем лейтенанта Бойля.

12-го числа, в полдень, остров от нас закрылся, мы тогда находились от него на 28 миль итальянских. Курс взяли в Нортон-Зунд, прошли то место в ясную погоду, где Кук видел остров и назвал Андерсеном, но мы его не видали. К мысу Дерби пришли 19 июля, 20-го числа простояли на якорю, не нашед бота, 21-го числа снялись и пошли в Ледовитое море. После полдня встретили бриг «Головнин», принадлежащий Американской компании, идущий в Нортон-Зунд. От командира оного, мичмана Хромченко, узнал, что

15 июля лейтенант Авинов вышел из залива Добрых Вестей вместе с ним и разлучились 15-го числа поутру. Хромченко сказывал, что нашел того числа остров низменный, покрытый лесом, положение его NO и SW, длиною $18\frac{1}{4}$ миль итальянских, полагает его в широте $59^{\circ}28'38''$, долготе $164^{\circ}56'3''$ западной от Гринвича.

25-го числа прошли мы Берингов пролив, взяли курс вдоль американского берега, пользуясь иногда стоявшей ясной погодой, описывали берег от мыса Крузенштерна к северу, что прошедшего лета не удалось видеть. В широте $68^{\circ}1'00''$ N, долготе $165^{\circ}28'00''$, западной от Гринвича, и в широте $68^{\circ}21'15''$ N, долготе $166^{\circ}40'00''$ выдаются два приметных мыса, которые капитаны Кук и Кларк не видали; я назвал первый мысом Рикорда в честь Камчатского областного начальника Рикорда, а другой именем капитана Головнина, совершившего в северных сих морях два вояжа.

31 июля подошли к мысу Лисбурну, от оного берег имеет направление к O, но с салинга видно было, что оный потом заворачивается к N. Туман, либо переменные ветры и штиль препятствовали подойти ближе, видели местами одни только высокости. 2 августа поутру встретили несколько льдин, на коих много лежало моржей. Ветер сделался от S. Взяли курс к Ледяному мысу. Лед хотя становился гуще, но еще можно было идти к северу. 3 августа в полдень находились по обсервации в широте $70^{\circ}40'$ N, долготе $161^{\circ}27'56''$ западной от Гринвича; глубина от 13 сажен увеличилась до 21 сажени; судя по широте, в коей мы находились, были прошедши Ледяной мыс. Лед виден был от N к W сплошь, от N к O реже, а к S не было льда. Желая видеть берег, стали лавировать к S. Ветер отошел к SW, от W несло нас на льдину, которой с салинга не видно было оконечностей. Свежий брамсельный ветер без волнения, и добрые качества шлюпа, несколькими поворотами обошли ее по южную сторону и ночью видели уже под ветром за кормою. 4 августа в 9-м часу утра увидели к O берег, [который] казался выдавшимся мысом, покрытый во многих местах снегом, средней высоты и ровный, имеющий к воде местами осыпь и у берега лед. С ветру несколько льдин прнесло мимо нас к берегу. В полдень по обсервации находились в широте $70^{\circ}27'26''$, в долготе по хронометру $161^{\circ}9'29''$ западной. В сии сутки течением к O отнесло нас на 25 миль итальянских. Северная оконечность сего мыса, по нашему наблюдению, находится в широте $70^{\circ}23'40''$ N, долготе $160^{\circ}50'41''$ западной от Гринвича; полагаю тот самый, что Кук назвал Ледяным мысом, ибо мы севернее сего мыса берега более не видали. 6-го и с полудни 7 августа ветер продолжался от SW, отходя несколько к W, иногда к S, был риф-марсельный. Лежа в бейдевинд, один галс делали к берегу, от глубины 9 и 8 сажен поворачивали, другой к сплошным льдам, простирающимся от W к N и O до глубины 20 сажен, со стороны ветра только не было льда. Течение, по замечанию нашему, относило нас к O до одного узла в час, и мы на него почти не могли вылавировать. После полудня 7-го числа заштило, потом подул от N тихий ветерок, легли на SSW, к мысу Лисбурну. Вскоре впереди увидели лед, конечно, продолжительными SW ветрами принесло оный от азиатского берега. Ветер стал свежее, погода пасмурная с дождем, лед проносило по обоим сторонам нашего курса. Сначала он был редок, потом надобно было обходить, от одной льдины спускаться, а от другой приводить к ветру. В 11 часов пополудни по горизонту вокруг был лед. Убрав паруса, остались под одними

рифлеными марселями. К N, со стороны ветра, казалось, несколько лед был реже. Привели в бейдевинд на левый галс. В половине 12-го часа затерло нас льдом, закрепили марсели. Правой стороной шлюп был прижат ко льду, спустили доски, люки и какой был мелкий рангоут, обложили весь борт, чтобы льдом не повредило обшивки. Служители были употреблены сколь возможно удерживать льды, облегчать удары; однако иные были столь сильны, что трехдюймовые доски ломало. Иные льдины казались небольшими на поверхности воды, но были длинны под водой. Ветер сделался риф-марсельный, беспрестанный дождь вымочил все совершенно; с ветру лед сделался реже. В надежде, что оный пронесет под ветер, положили якорь с железным канатом на глубине 21 сажени, но лед несло по течению к О, и мы более прежнего оным были сжаты. Поднять якорь было невозможно, принуждены выпустить канат на 64 сажени и тем несколько облегчились, дав свободу льду поворачивать шлюп по своему направлению, упразднили фок-стакселями и бизанью. 8 августа, в 4 часа утра, под ветром лед стал реже, а в половине 6-го часа, поставив фор-марсель и крюсель, зарифленные выбрались из густоты льда. Обходя встречающиеся льдины, от одной не успели привести к ветру, она ударила в подводную часть с шести узлов ходу; удар был сильный и последний. Впереди виден был еще лед, казался в пасмурности сплошным, но с салинга видно было промежутки, туда и правили. Ветер крепчал с чрезвычайности, шел мокрый снег. Закрепили фор-марсель и крюсель, поставили грот-марсель, всеми рифами взятый, оставя его на эзельгофте, и два передних штормовых стакселя. Через час мы очистились совершенно от льда, попортили местами медь, помяли обшивку, но шлюп течи нисколько не оказал. Погода стала проясняться, термометр реомюров показывал $\frac{3}{4}^{\circ}$ ниже точки замерзания. После сырой погоды чувствительно было холодно. Снасти и паруса обледенели, ветер сделался тише, перед полднем показалось солнце. По обсервации в полдень находились в широте $70^{\circ}18'15''$, долготе по хронометру $163^{\circ}27'17''$. 9 августа ветер северный риф-марсельный, временно находила пасмурность со снегом. В 4 часа утра увидели мыс Лисбурн, покрытый снегом. В полдень по обсервации находились в широте $68^{\circ}55'30''$ N, долготе по хронометру $167^{\circ}9'54''$ W, от мыса Лисбурна были в 23 милях итальянских, взяли курс к восточному мысу. Сего дня поутру термометр реомюров опускался до $2\frac{1}{2}^{\circ}$ ниже точки замерзания, но при хорошей погоде холод был не так чувствителен. 10 августа в 7-м часу утра увидели азиатский берег Чукотской земли. В полдень находились от восточного мыса в $10\frac{3}{4}$ милях итальянских; заметили, что у сего берега течение сильнее бывает к NW, нежели в противную сторону. Сего числа вышли из Ледовитого моря. После полудня к S увидели шлюп «Благонамеренный». Капитан-лейтенант Шишмарев донес мне, что, пройдя Берингов пролив, 16 июля направил курс свой вдоль видимого азиатского берега. В широте $67^{\circ}8'$ льды воспрепятствовали итти близ берега; он взял направление к северу, но в $70^{\circ}13'$ был остановлен сплошным льдом, предпринимал в разных широтах приблизиться к берегу, [но] находил всегда невозможность от льда. Из Ледовитого моря вышел 9 августа.

По предписанию, от меня ему данному, оставалось ему еще описать остров Св. Лаврентия. Мы взяли курс к мысу Валлиса, оставив его для исполнения своего дела. 11-го числа поутру, в

4 часа, подошли к самому мысу. Северный ветер и ясная погода способствовали нам описывать американский берег, к Нортон-Зунду лежащий. Не доходя мыса Дерби, к W есть залив, который на картах не означен, и в сей залив впадает река, называемая жителями Икатервик; в устье она мелководна, но далее обширнее обеих рек, лежащих на восток оной, от севера в Нортон-Зунд впадающих.

13 августа к вечеру пришли к мысу Дерби, от жителей узнали, что мореходный бот не приходил. На следующий день, 14-го числа, пошли к острову Стюарту, к ночи подошли к острову; ветер был от NO, потом отошел к N, сделался риф-марсельный. На ночь привели в бейдевинд и держались всю ночь под малыми парусами. 15-го числа спустились к острову Стюарту, дойдя до 8 сажен глубины, легли на якорь, грунт—ил с песком. Я послал лейтенанта Бойля на вооруженном баркасе осведомиться о нашем мореходном боте. На утро 16-го числа, возвратясь, лейтенант Бойль донес мне, что на острове Стюарте нашел американцев, приезжих с мыса Стефанса для промысла. Сказывали, что никакого постороннего судна к ним не приходило и никогда иностранцев не видали. От них узнал, что южнее мыса Стефанса впадает большая река в море, называемая Кухют-так, от которой далеко в море простираются отмели; не найдя бота, снялись с якоря, взяли курс к W, шли по глубине 7 и 8 сажен; обошед отмели, взяли курс к восточной стороне острова Св. Лаврентия, прошли по северную сторону острова Св. Матвея, потом между островами командора Беринга и Атту. 8 сентября прибыли в Камчатку. [в] Петропавловский порт, где нашли мореходный бот. Лейтенант Авинов донес мне, что 6 июля, на порученном ему мореходном боте, вышел из Бристольской губы, взял курс к мысу Невенгаму. 8-го числа ветер от NW усилился, развело большое волнение; не могши держаться, спустился за мыс Невенгам и в залив Гагенмейстера, стал на якорь. Исправив на боте, что было нужно. 10-го числа вышел из залива. Пользуясь хорошей погодой, описывали берега до мыса Невенгама и от оного к северу. В залив Добрых Вестей пришел 11 июля. По 10-му пункту данного ему от меня предписания собрал достоверные сведения от тамошних жителей, что по всему американскому берегу к северу, сколько им известно, обитает один народ. Показания же бывшей в сих местах береговой экспедиции 1818 и 1819 годов, предпринятой Американской компанией из Кадьяка, будто к северу от реки Кускохан по матерому берегу живет какой-то европейский народ, оказались совершенно ложны. 13 июля вышел из залива Добрых Вестей, промеривая по тракту своему глубину, придерживаясь к северу, находил во многих местах мелководные банки, а некоторые должны в малую воду обсыхать. Бывши в заливе Добрых Вестей, заметил между повышением и понижением воды разность до 13 футов. 15-го числа ветер сделался от O крепкий, потом отошел к S; погода была пасмурная с дождем, развело большое волнение. Между банок легли на якорь, простояли 16 и 17-го числа, находя плавание по близости банок опасным. Бот в грузу ходит 4 фута, при боковых ветрах и с малым волнением не может удерживаться к ветру. Грунт неудобный для якорного места в открытом море. От сырых погод и тесноты на боте у служителей стали оказываться признаки цынготной болезни. Во избежание худых последствий, решили 18 июля оставить опись. Взяли курс к Камчатке, в Петропавловский порт прибыл 19-го числа августа... Шлюп исправили кренгованием, пере-

меняли сколько было в запасе у нас медных листов и ниже по подводной части видели местами поврежденную медную обшивку, для чего надобно было килеваться. Но как шлюп течи не имеет, а в здешнем порте меди для обшивки нисколько нет, то я и оставил сию работу.

Шлюп «Благонамеренный» пришел 19 сентября в Петропавловский порт. На пути своем к Мечигменской губе, плотник Степан Наумов, быв одержим цынготною болезнью, 11 августа умер, больные имели штаб-лекаря Заозерского, нижних чинов три человека, двух цынготных и одного [с] застарелой чахоткой.

В продолжение месячного времени, пользуясь береговым воздухом и свежей пищей, большая часть цынготных выздоровела, а другие облегчились, кроме штаб-лекаря Заозерского, который по болезни своей не может продолжать на море путешествия, остается в Камчатке для пользования, на место коего назначен камчатским начальником капитаном 1-го ранга Рикордом лекарь, коллежский ассессор Любарский... К 14-му числу октября шлюпы готовы к выходу в море.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 352,
лл. 9—17.

Приложение 27

Р а п о р т

*капитан-лейтенанта М. Н. Васильева морскому министру
о плавании шлюпов в Ледовитом море.*

1821 год.

О первом плавании вверенного мне отряда шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный» прошедшего лета в Ледовитом море я имел честь отправить вашему высокопревосходительству выписку из журналов из Ситхи на компанейском корабле «Бородино». Ныне имею честь препроводить другую такую же выписку с картами об окончательных сего лета в сем нашем Ледовитом море успехах, которые заключаются в открытии одного, довольно обширного, обитаемого острова, лежащего в широте 59°54'57" северной, долготе 193°17'2" восточной от Гринвича, и в верном определении Ледяного мыса. Я осмеливаюсь вашему высокопревосходительству донести и удостоверить, что дальнейшее к северу преследование было остановлено не недостатком моего усердия, либо рвения офицеров и нижних чинов, коими я имею счастье командовать, но непреодолимым оплотом льдов, может быть, современных миру.

Находясь в Ледовитом море, я располагал всеми моими действиями по точному смыслу данной мне инструкции и не терял из виду, ежели бы была возможность, провести там зиму, но как по всему пространству американского берега от мыса Крузенштерна до Ледяного не заметили заливов, удобных для зимовки, то я должен был довольствоваться по краткости лета, по крайней мере, определением приметных только мысов. Капитан-лейтенанту Шишмареву поручил на сие лето исследование парохода вдоль азиатского берега. Отыскав ледяной мыс, я старался для верного определения настоящего положения его, сколько возможно, подойти ближе к оному. От испытанного течения к востоку с трудом, и то по преимущественным качествам шлюпа, удалось нам освободиться от подветренного берега, между тем, как все пространство видимого гори-

зонта от N к N и до O покрыто было сплошным льдом. Подле самого мыса лед казался с малыми промежутками движущимся, пробираться сквозь который представляло очевидную опасность. С 7 на 8 августа при бурной погоде шлюп был остановлен и совсем затерт наносным льдом; для спасения шлюпа от напора льдов были спущены вокруг него толстые, из Ситхи для сего случая взятые, доски и другие деревья, которые однакож слабую представляли защиту против огромных напирających льдин, и в продолжение восьмичасового времени большая часть была переломана. [Из]меряя воду, к великой нашей отраде, течь по особо крепкому скреплению шлюпа, нимало не прибывала, и производимой с большим рвением деятельной работой экипажа и содействием всех офицеров освободили без значительных повреждений шлюп из окружавшего льда.

Шлюп «Благонамеренный» прибыл в Петропавловск 21 сентября. Командир оного, капитан-лейтенант Шишмарев, в службе примерно-ревностный, встретив подобные нам препятствия от неподвижных льдов, для выполнения данных ему от меня повелений, с пользою употребил остальное время к точнейшей описи острова Св. Лаврентия. Сообразив двухлетнее наше покушение в Ледовитом море по предмету отыскания северо-западного и северо-восточного прохода с постыянными весьма мало изменяющимися препятствиями от льдов, я, хотя не отваживаюсь решительно объявить моего мнения о невозможности отыскания оных, осмеливаюсь однакож подтвердить испытанным нами опытом невероятность в существовании таковых проходов, и, удивившись в сем мнении, я признал для службы бесполезным оставаться с вверенным мне отрядом еще на один год в здешних морях. И стоя теперь в готовности к отправлению в море, я займусь в предстоящем мне путешествии исследованием предметов, в инструкции мне предписанных, сообразно с успехами коих, по времени года, я изберу тракт в обратный путь, какой по обстоятельствам окажется выгоднейшим, мимо мыса Горна, либо Доброй Надежды. Мореходный бот, бывший для описи мелководных берегов, по неимению ныне более в нем надобности, сдан к здешнему порту вообще с другими для порта нужными, а для нас излишними, материалами и припасами.

Справедливость требует с признательностью донести вашему высокопревосходительству, что старанием начальника Камчатки заготовлено было для нас довольное число рогатого скота, ощутительно освежившего экипаж обоих шлюпов.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 141,
лл. 5—8.

Приложение 28

Р а п о р т

лейтенанта А. П. Авинова капитан-лейтенанту М. Н. Васильеву о плавании бота от мыса Невенгама до мыса Доброй Надежды, с 6 июля до 19 августа 1821 г.

С порученным мне ботом 6-го числа июля вышел из Бристольской губы, взял курс к мысу Невенгаму. 8-го числа ветер от NW усилился, развело большое волнение, не могли держаться, спустились за мыс Невенгам и в проливе Гагенмейстера стали на якорь.

Исправив на боте, что было нужно, 10-го числа вышел из пролива, пользуясь хорошей погодой, описывали берег до мыса Невенгама и от одного к северу. В залив Добрых Вестей пришли 11-го числа июля, по 10-му пункту данного мне предписания, собрал достоверные сведения от тамошних жителей, что по всему американскому берегу к северу, сколько им известно было, обитает один народ. Показания же бывшей в сих местах береговой экспедиции 1818 и 1819 годов, предпринятой Американской компанией из Кэльяка, будто к северу от реки Кускохан по матерому берегу живет какой-то европейский народ, оказались совершенно ложны. 13 июля вышел из залива Добрых Вестей, промеривал по тракту своему глубину, придерживаясь к северу, находил во многих местах мелководные банки, а некоторые должны в малую воду обсыхать. Бывши в заливе Добрых Вестей, заметил между возвышением и понижением воды разность до 13 футов. 15-го числа ветер сделался от О крепкий, потом отошел к S; погода была пасмурная с дождем, развело большое волнение, между банок легли на якорь, постояли 16 и 17-го числа. Находя плавание по близости банок опасно, бот в грузу ходит 4 фута, при боковых ветрах и с малым волнением не может удерживаться на ветру, грунт неудобный для якорного места в открытом море. От серых погод и тесноты на боте у служителей стали оказываться признаки цынготной болезни. Во избежание худых последствий решился 18 июля оставить опись, взяли курс к Камчатке, в Петропавловский порт прибыли августа 19-го, о чем вашему высокоблагородию честь имею донести. Выбранный из журнала экстракт и карту описи от острова Гагенмейстера до залива Добрых Вестей с означенными на оной банками при сем препровождаю.

Лейтенант *Авинов*.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 138, л. 1.

Подлинник

Приложение 29

Р а п о р т

*капитан-лейтенанта М. Н. Васильева начальнику
морского штаба контр-адмиралу А. В. Моллеру
о прибытии шлюпов «Благонамеренный» и «Открытие»
в Кронштадт.
1822 г.*

16 октября прошлого 1821 года с вверенным мне отрядом, следуя в обратный путь, оставил Камчатку, гавань Петра и Павла.

В высочайшей инструкции предписано мне было стараться отыскать некогда виденный испанскими мореплавателями остров, который полагают лежащим около 37° северной широты. А как в сем году, в феврале месяце, по выходе моем из Калифорнии порта Св. Франциска мне не удалось сего исполнить по причине противных западных ветров, господствующих в восточном океане в зимнее время, ныне же, имея удобный на это случай, я вознамерился, взяв курс на S, дойдя до помянутой широты по параллели к О, до меридиана Сандвичевых островов. Шишмареву предписал держаться с вверенным ему шлюпом на траверсе шлюпа «Открытие» в таком расстоянии, чтобы ясно можно было видеть сигналы. 19-го числа в шторме мы разлучились со шлюпом «Благонамеренный»; полагая,

что Шишмарев возьмет параллель, ему предписанную для осмотра, то, чтобы обоим не идти одним путем, мы прошли несколько южнее, от долготы 161° восточной от Гринвича, шли между 34°31' широты и 33°00' N, проплыли по долготе 38°, но не видели никакой земли и признаков не заметили близости оной. От долготы 199°20' О пошли к Сандвичевым островам, где назначил я рандеву шлюпу «Благонамеренный» на случай нашего разлучения. 27 ноября прибыли мы к острову Вагу, шлюп «Благонамеренный» днем прежде нас пришел к сему острову, Шишмарев по разлучении с нами, дойдя до широты 37°00', направил курс свой к О, склоняясь несколько к S, и также не видал никакой земли. Запасшись свежей провизией, 19 декабря отправились из Сандвичевых островов. Я предпринял пройти тропиками, трактом, которым известные мне мореплаватели не ходили. Экватор прошли в долготы 193°44'54" восточной от Гринвича, никакой земли на пути нашем не видели; обойдя вокруг мыса Горна, в Рио-Жанейро пришли 12-го числа марта.

Исправив шлюпы к следующему плаванью и получив через пребывающего в Рио-Жанейро нашего генерального консула Лангсдорфа разную морскую провизию и порционные деньги офицерам, в коих я имел надобность на переход до России, 4 мая отправился из Рио-Жанейро, 16 июля пришли в Копенгаген, 22-го числа вышли из оного и 1 августа прибыл на Кронштадтский рейд.

На пути нашем из Камчатки до выхода из Рио-Жанейро лишился на шлюпе «Открытие» мичмана Галла, который в Рио-Жанейро умер от нервной горячки на восьмой день болезни, и плогника, вскоре по выходе из Камчатки умершего от нервной же горячки, на шлюпе же «Благонамеренный» умерли три матроса, двое от горячек и один от изнурительной лихорадки.

С отбытия нашего из Бразилии трудных больных не имели, ныне на шлюпе «Открытие» болен один канонир с ранами на руке, прочий же экипаж обоих шлюпов здоров.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 149,
лл. 6—7.

Приложение 30

Краткая записка о плавании вокруг света шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный»

под командой капитан-лейтенанта М. Н. Васильева.

1822 г.

Шлюпы сии, оставя Кронштадтский рейд июля 3-го 1819 года, заходили в Копенгаген, а оттуда в Портсмут, где получали хронометры, астрономические инструменты, книги, морские календари и карты, оставили порт сей 31 августа и прибыли благополучно в Рио-Жанейро ноября 1-го дня.

Запасшись в Бразилии свежей провизией и дровами, оба шлюпа вступили под паруса, и хотя мне предписано было от мыса Доброй Надежды идти для обозрения к Южному полюсу, но я, расчисляя, что сим самым пропущу время для перехода в тот же год в Камчатку, решился, миновав мыс Доброй Надежды, пройти прямо в Новую Голландию, куда и прибыли по 86-дневному благополучному плаванью.

Из порта Жаксона, 16 марта 1820 года, направили мы путь свой к Камчатке и плыли между поворотными кругами по таким направлениям, кои не посещались прежними мореплавателями. В сей раз провидению угодно было ознаменовать путь наш новым открытием в широте южной 8° и восточной долготе от Гринвича $178^{\circ}20'$ нескольких обитаемых островов, которые наименованы мною островами Благонамеренного, по имени сопутствовавшего мне шлюпа. Жители островов сих среднего роста, стройны, цветом тела темномедного, и поелику они не имели прежде сего никаких сношений с европейцами, то, подъехав к судам нашим, никак не решились взойти на оные. Данные им подарки приняли охотно и восхищались особенно зеркалами и платьем.

Достигнув до 30° северной широты, предписал я капитан-лейтенанту Шишмареву плыть на своем судне к острову Уналашке для получения переводчиков, а сам поплыл к Камчатке, куда прибыл 3 июня. Шлюп и команда в сие время находились точно в том же положении, в каком они оставили Кронштадтский рейд.

Простояв в Петропавловском порте 25 дней и приготова шлюп, мне вверенный для плавания в больших широтах и между льдами, выступил я в море 28 июня.

П плавание от берегов Камчатки до залива, описанного Коцебу, сопровождалось большей частью неблагоприятной погодой: туманы, изморозь, мрачность были спутниками нашими. Осмотрев Гвоздевы острова, вступили 16-го числа в помянутый залив, где нашли капитан-лейтенанта Шишмарева и, снабдив его заготовленными в Камчатке дровами, вышли оба 18 июля в море.

Направляя путь наш по следам знаменитых мореплавателей Беринга и Кука, льстили мы надеждою, что решим, может быть, важнейшую географическую задачу существования северо-западного прохода. Офицеры и экипаж с радостью готовились на все предстоявшие опасности. Продолжая плавание вдоль берегов Америки, беспрестанно встречали мы новые преграды нашему предприятию: туман, густая мрачность на всем горизонте закрывали от нас берега, беспрестанно умалаяющаяся глубина моря принуждала очень часто удаляться от предположенного пути. Преодолевая, однакоже, все препятствия и пролагая путь между льдами, достигли мы, наконец, широты $71^{\circ}6'$, где встретили уже непроницаемые, сплошные льды, принудившие нас воротиться, не взирая на все покушения проникнуть далее. Успех сего плавания состоял в том, что в Беринговом проливе поднялись мы на 22 мили выше капитана Кука и определили положение берегов от мыса Лисбурна до мыса Крузенштерна. Обозревая направление берегов сих, имел я предмет сыскать удобное место для зимовки, но на всем пространстве сем не нашел, где бы можно было провести надежно зиму и предохранить команду от губельного влияния цынготной болезни. По сим причинам, решаясь оставить Берингов пролив, направил я путь мой к Нортонову заливу, а капитан-лейтенанту Шишмареву предписал определить положение северной части острова Св. Лаврентия.

Кук, плавая по Нортонову заливу, должен был удалиться от берегов сих по причине выдавшихся далеко в море отмелей, то же препятствие встретили и мы, а посему поплыли к Уналашке и, дождавшись там капитан-лейтенанта Шишмарева, пошли с ним вместе в Ново-Архангельский порт, главное заселение Российско-Американской компании.

Цель прибытия моего сюда состояла в том, чтобы получить толмачей, знающих наречие северных американцев, и построить бот, на коем бы можно обозреть берег между Бристольской губою, Нортон-Зундом и при Ледяном мысе. Поруча построение бота лейтенанту Игнатьеву, пошел я с обоими судами в порт Св. Франциска, дабы дать команде нужный отдых и запастись сухарями, которых взято было на суда только на 2 года.

Проведя в порте Св. Франциска три месяца и восстановив изуровненные силы команды, вышел я оттуда 12 февраля и поплыл для отыскания островов Рико-де-Оро и Рико-де-Плата.

Прошед по параллелям 35 до 28° широты и сделав разности долготы на 32°, не нашел я ни малейших следов существования оных, или, лучше сказать, испытал ту же неудачу, как и все прежние мореплаватели. Поелику в марте месяце рано еще было плыть на север, то и решился я провести несколько дней у Сандвичевых островов, оттуда апреля 7-го направил я путь свой в Ново-Архангельск и плыл по тем местам, где прежними мореплавателями видны были признаки земли, но мрачная и туманная погода была причиной, что на всем пространстве сем не сделали мы никакого открытия. Прибыв 18 мая в Ново-Архангельск, увидели мы с удовольствием, что бот наш был достроен и переводчики приготовлены.

Мая 30-го вступил я под паруса со всеми тремя судами и зашел 22 июня к острову Уналашке, дабы сделать здесь предварительные распоряжения для плавания в Беринговом проливе и новых покушений к достижению нашей цели. Капитан-лейтенанту Шишмареву предписал я разделиться со мною, плыть вдоль северо-восточных берегов Азии, приложить возможные усилия, описать остров Св. Матвея, искать следов острова Преображения и достигнуть, ежели можно, Шалагского мыса, а сам с ботом предположил плыть вдоль северо-западного берега Америки для новых покушений к отысканию прохода в Атлантический океан. Июня 27-го вышли мы в море, поплыли прямо к островам Павла и Георгия, определив положение оных. Июля 6-го прибыли к мысу Невенгаму. Отсюда отрядил я лейтенанта Авинова на боте для описания берега Нортонова залива, предписав ему по выполнении сего ждать меня у мысов Дерби или Стефенса; сам пошел восточнее Кукова пути, дабы скорее достигнуть мыса Дерби.

Июля 11-го имели мы счастье сделать второе и гораздо важнейшее открытие: в широте 59° 54', долготе 193° 17' нашли остров длиною в 40 миль, и хотя жители одного никогда не видели европейцев, но были так смелы, что приехали к нам на судно. Через толмачей узнали мы, что обитаемый ими остров называется Нуний-Вак, что он находится не в дальнем расстоянии от матерого берега Америки, коего жители, по пазванию кукоханцы, имеют с ними торговые сношения. Жители Нуний-Вака среднего роста, телом стройны, видом похожи на жителей прочих частей Северной Америки, весьма миролюбивы, подобно тем, имеют в нижней губе несколько дырочек и носят платье одинакового с ними покроя, из оленьих и птичьих кож; главный промысел их составляют олени, лисицы, песцы, зайцы, киты и рыба разного рода. Одарив жителей разными вещами и дав им несколько медалей с изображением государя императора, назвал я остров сей по имени шлюпа Открытием и направил путь к северу.

Продолжая путь вдоль берега Америки, определили мы мысы Мульграва и Крузенштерна, около них имели сношения с жителями, но по неразумению толмачами языка их, сношения сии были незначительны. Плывучи отсюда прямо к Ледянскому мысу, встречали на пути покрытые моржами льды, но как оные носились неплотно, то мы довольно успешно пролагали путь между ними. Августа 3-го, найдя себя по наблюдению в широте $70^{\circ}40'$ и по сему заключая, что миновали уже Ледяной мыс, спустились к югу и на пути претерпели большие препятствия от льдов, но благодаря отличным качествам нашего шлюпа, мы от них отделались.

На другой день, приближаясь к Ледяному мысу, нашли, что оный положен Куком на один градус западнее. Мыс сей состоит из ровного высокого берега, покрытого в разных местах снегом. Природа здесь совершенно мертва, не производит никаких растений, и мы, проведя близ оного три дня, не заметили ни земных, ни водяных животных, даже киты, обыкновенные обитатели полярных стран, в сих местах не показывались.

Во время осмотра берегов сих прежде пройденные нами плавающие льды примкнули к востоку и образовали между берегом и собою узкий канал, следуя которым к югу, имели мы несчастье попасть в такую густоту плотных льдов, что положение наше было весьма сомнительно. Крепкий северный ветер, мрак, стужа и изморозь, покрывшая палубу и такелаж ледяною оболочкою, напор льда, окружившего судно, привели нас в весьма опасное состояние, но благодаря providению успели мы, при неутомимых трудах и ревности офицеров и хладнокровном усердии всей команды, предохраняя себя от трения льдов досками, запасным рангоутом, деревьями, какие у нас были, выйти из сего гибельного места и с великими усилиями добились до мыса Лисбурна. Не успев обозреть всего Ледяного мыса, имел я в предмете подняться в середине пролива до большой широты и потом следовать на восток, но сильные северные ветры, низкое положение термометра (стоявшего несколько дней ниже точки замерзания), непрерывная изморозь, а более всего опасение подвергнуть вверенную мне команду, пробывшую 28 морских месяцев в море, цынготной болезнью, признаки которой, не взирая на все усилия и употребление свежей пищи, начали распространяться, были сильными причинами, заставившими отказаться от желания выполнить сие предприятие и взять обратный путь в Камчатку. Чтобы употребить в пользу остальную часть осени, описал я Нортонев залив.

На обратном пути, близ Гвоздевых островов, встретились мы с «Благонамеренным», и капитан-лейтенант Шишмарев донес мне, что, следуя к берегам Азии, встретил он везде льды, а посему, уклонясь от оных, достиг до широты $70^{\circ}13'$, где остановлен был сплошным льдом, и что на пути к Берингову проливу не нашел острова Преображения, а описал острова Св. Матвея и Лаврентия.

Сентября 8-го прибыли мы благополучно в Камчатку и нашли там бот наш. Лейтенант Авинов донес, что описал часть Бристольской губы, — мыс Невенгам, откуда намерен был следовать к мысу Стефенсу, но множество песчаных отмелей, затрудняя плавание на столь малом судне, заставили его, обозрев места сии, плыть к Камчатке.

Простояв в Петропавловске пять недель для отдохновения людям, изнуренным продолжительными плаваниями в больших ши-

ротах, оставил я порт сей 16 октября и поплыл в обратный путь, а вместе с сим искать снова острова Рико-де-Оро и Рико-де-Плата; пройдя по параллелям 37°36'35" и 33°, сделав разности долготы на 38°, не нашли здесь ни малейших признаков земли, даже не видели птиц. Отсюда направили путь к Сандвичевым островам и прибыли туда благополучно 27 ноября.

Простояв здесь три недели, пошли мы к мысу Горну, и хотя пролагали путь по таким местам, кои не посещались прежде мореплавателями, однако не сделали никакого открытия и по 82-дневном благополучном плавании прибыли в Рио-Жанейро.

Путь наш от сего места до Кронштадта не представляет ничего любопытного для географии; мы совершили оный, не заходя в Англию, благополучно остановясь в Копенгагене на 6 дней, августа 1-го прибыли на Кронштадтский рейд. На шлюпе «Открытие» умерло в течение всего плавания 2 человека и 1 офицер-мичман Галл, а на «Благонамеренном» 6 человек нижних чинов. Справедливейшей обязанностью поставлю отдать должную признательность капитан-лейтенанту Шишмареву, всем офицерам, прочим чиновникам и нижним чинам служителей вверенного мне отряда. Примерное их усердие, искусство и строгое исполнение возлагаемых на них поручений заслуживают милостивого воззрения высшего начальства.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 349, лл. 15—18.

Подлинник.

Приложение 31

Р а п о р т

*капитан-лейтенанта М. Н. Васильева начальнику
морского штаба контр-адмиралу А. В. Моллеру
о заслугах участников экспедиции и представлении их
к награждению¹.*

Окончив с отрядом двух судов, мне вверенных, благополучно кампанию, успехом которой обязан я сослуживцам своим, священным долгом считаю донести в. п., что в продолжение трех лет и одного месяца бытности моей в море офицеры обоих судов вообще, усердием своим к службе, отличной деятельностью, неусыпными попечениями и готовностью на все трудности, предстоявшие в сей экспедиции, совершенно оправдали мнение начальства, их избравшего. Труды понесенные ими в продолжение столь долгого времени в климатах большей частью суровых, убеждают меня, представив заслуги их перед в. п., обратиться в сем случае ваше особенное внимание на продолжительность сей, поистине трудной кампании. Между тем с сердечным удовольствием и по долгу начальника нахожу себя в приятной обязанности, упоминая об усердии офицеров вообще, представить в. п. об особых трудах и попечениях капитан-лейтенанта Шишмарева, разделявшего со мной начальство экспедиции, который, не взирая на недостаточные качества своего судна, деятельностью и благоразумием, свойственным отличному морскому офицеру, вспомоществовал мне совершенно во всех предприятых, для выполнения данных мне предписаний от начальства; равным образом, капитан-лейтенант Авинов службою своею, отличными способностями и во многих случаях решительностью духа

¹ Дата не установлена.

заслуживает особенного внимания начальства; ревизор же лейтенант Стогов, сверх возложенной на него должности, отправляющий с прочими офицерами вахту и занимавшийся в продолжение похода астрономическими наблюдениями подавая о себе впредь великую надежду, заслужил всякую похвалу радением о должностях своих, особенно о сохранении столь долгое время безвредно провизий на судне не совсем сухом. О прочих чиновниках, как-то лекарях, штурманах и их помощниках, астрономе, живописце, натуралисте и священнике, могу с признательностью отозваться, что каждый по своей обязанности выполнял должности с особенным усердием и похвалою. О команде же, оказавшей в продолжение трех лет совершенную подчиненность, неизменное усердие и неусыпную готовность на все труды, имею честь в. п. донести, что испытанное благоправие и примерное поведение каждого заслуживают всякое уважение, особенно отличные заслуги шкиперского помощника унтер-офицерского чина Антона Агажонова, потерявшего даже здоровье свое на усердной службе в сие время, равно и баталера сержантского чина Гаврила Кулаева.

Представляя в. п. на вид усердие сослуживцев моих к службе отечеству и препоручая их в милостивое покровительство ваше, осмелюсь заключить сие донесение тем, что вся награда, все мое счастье будут состоять в вознаграждении по заслугам разделявших со мною труды и попечения, и хотя успех или неудача кампании могут зависеть от начальника, но подчиненные офицеры ревностью, усердием, точным выполнением и неусыпными трудами в продолжение трех лет в обоих случаях имеют право на внимание начальства.

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 169,
лл. 3—4.

Приложение 32

Д о к л а д

начальника морского штаба контр-адмирала А. В. Моллера Александру I с просьбой о награждении капитан-лейтенанта М. Н. Васильева.
1823 г.

Доводя до высочайшего в. и. в. сведения, что путешествие к Северному полюсу флота капитан-лейтенантом Васильевым совершено с успехом и принадлежит к числу знаменитейших в сем роде как по трудностям, встречаемым мореплавателями, желавшими доселе пройти к Северному полюсу, куда капитан Васильев доходил далее всех известных мореходцев и далее Кука на 22 мили, так и по учиненным им наблюдениям и тем открытиям, которые шлюпами, ему вверенными, сделаны к чести российско-императорского флага, — также что и вояж к Новой Земле флота лейтенанта Литке, дошедшего до самой северной ее оконечности в широте около 76° 35', делает честь сему офицеру, всеподданнейше испрашиваю всемогущественнейшего дозволения представить в. и. в. о сравнительном награждении участвовавших в сих вояжах, по примеру отряда капитан-командора Беллинсгаузена.

Начальник Морского Штаба
Моллер 2-й.

ЦГА ВМФ, ф. 166, д. 660, ч. II, л. 531.
Подлинник.

Военные шлюпы в. и. в. «Открытие» и «Благонамеренный», вверенные в 1819 году начальству флота капитан-лейтенанта Васильева и отправленные для открытий к Северному полюсу, совершили благополучно и с успехом плавание, быв в море 3 года и 27 дней¹.

Следование отряда сего до порта Жаксона, что в Новой Голландии, ничего особенного в себе не заключает, но оттуда по пути к Камчатке шлюпы плыли между поворотными кругами по таким направлениям, кои не посещались прежними мореплавателями. Сие покушение их ознаменовано счастливым открытием нескольких обитаемых островов в широте южной 8° и восточной долготы $178^{\circ} 20'$. Жители оных островов росту среднего, стройны, цвет лица имеют темномедный; не быв до того никем посещаемы, они никак не решились войти на шлюпы, к которым подъезжали, но подарки приняли миролюбно и в особенности восхищались зеркалами и платьем. По имени одного из шлюпов острова сии названы Благонамеренными.

Достигнув потом 30° северной широты, шлюпы разлучились: один пошел по назначению к острову Уналашке для получения переводчиков, а другой в Петропавловский порт для подкрепления себя нужным к плаванью в больших широтах и между льдами. По выходе оттуда, осмотрев на пути Гвоздевы острова, оба шлюпа соединились для дальнейших поисков.

С 18 июля 1820 года, направляя путь свой по следам знаменитых мореплавателей Беринга и Кука, отряд шлюпов имел целью решить важнейшую географическую задачу—существования северо-западного прохода. В плаваньи вдоль берегов Америки беспрестанно встречаемы были им новые преграды сему предприятию: туманы и густая мрачность на всем горизонте закрывали берега, а умаляющаяся глубина моря принуждала очень часто удалиться от предположенного пути. Преодолевая однакоже все опасности и пролагая плавание между льдами, шлюпы достигли $71^{\circ} 6'$ широты, далее чего не было уже возможности пройти за непроницаемыми сплошными льдами, кои при суровости климата и изнуренном состоянии всего экипажа и принудили их прекратить дальнейшие вперед покушения. Успех сего плаванья, составляющего главнейшую цель оной экспедиции, заключается в том, что отряд шлюпов вашего императорского величества, под начальством капитана Васильева, проходил в Беринговом проливе далее всех известных мореходцев и далее Кука на 22 мили. Им определено притом положение берегов от мыса Лисбурна до мыса Крузенштерна, также островов Св. Павла, Георгия, Матвея и Лаврентия и некоторых иных примечательных мест.

11-го числа июля (1821 г.) providению было угодно сделать сим шлюпам второе, важнейшее первого, открытие обитаемого острова средней высоты, простирающегося в длину на 40 миль, жителями называемого Нуний-Вак. По наблюдениям остров сей лежит в широте $59^{\circ} 54'$, долготе восточной от Гринвича $193^{\circ} 17'$. Он находится не в дальнем расстоянии от матерого берега Америки; жители имеют с американцами торговые сношения, европейцами никогда

¹ Они снялись с Кронштадтского рейда 3 июля 1819 г. и пришли обратно на оный 1-го числа августа 1822 г.

посещаемы не были, однакож оказали довольно смелость войти на шлюпы и сделанные им подарки приняли удовольствием. Остров сей от имени одного из шлюпов называх Открытие. На нем зарыта медная доска с приличной надписью и поставлен флагшток с поднятием на оном военного флага в ознаменование принадлежности сего острова империи Российской.

После того отряд шлюпов имел плавание вдоль берегов Америки между льдов до 70° 40', определил мысы Мульграфа, Крузенштерна, также описал Ледяной мыс, который по наблюдению найден на один градус западнее, нежели положен Куком. Отряженным от шлюпов ботом описаны часть Бристольской губы и мыс Невенгам. Во время осмотра помянутых берегов плавающие льды примкнули к востоку и образовали между собою и берегом узкий канал, следуя которым к югу плователи попали в такую густоту сплошных льдов, что положение их было весьма сомнительно. Крепкий северный ветер, мрък, стужа и изморозь, покрывшие палубы и такелаж ледяной оболочкой, напор окружившего льда привели их в очевидную опасность, но, предохранив себя от трения льдов, при неутомимых трудах и усердии офицеров и команды, досками, запасным рангоутом и деревьями, какие у них были, вышли из сего гибельного положения и с великими усилиями достигли до мыса Лисбурна, откуда направили путь свой к Петропавловскому порту, прибыв в оный в сентябре месяце 1821 года¹.

И на обратном пути из Камчатки капитан Васильев не оставлял из виду употребить все усилия к пользе и чести Российского флага: он проходил по параллелям от 37 до 33 и 30°; сделав разности долготы на 38° для отыскания островов Рико-де-Оро и Рико-де-Плата, но не нашел ни малейших признаков земли. Направляя потом путь к мысу Горну, шел нарочито по таким местам, кои не были посещаемы мореплавателями, однакож никакого нового открытия сделать не мог. Отсель обратный путь до Кронштадта не заключает в себе особенно для географии любопытного. Оный совершен благополучно, не заходя в Англию. В течение трехгодичного плавания умерло на сем отряде 1 мичман и 8 человек матросов из числа 144, весь экипаж, впрочем, возвратился в хорошем состоянии.

Важнейшим из помянутых открытий не благоугодно ли будет в. и. в. в память сего путешествия оставить для означения на карте приданное командиром отряда название островов Благонамеренный и Открытие.

Начальник Морского Штаба

Моллер 2-й. ЦГА ВМФ, ф. 166, д. 660, ч. II, лл. 532—533.

Подлинник.

Приложение 34

Список участников экспедиции, награжденных орденами.

Владимира 3-й степени — капитан-лейтенанту Михайлу Васильеву. }

Владимира 4-й степени — лейтенантам Алексею Лазареву, Роману Войле

¹ Один из шлюпов прибыл 8-го, а другой 21 сентября.

Николаю Шишмареву
Ивану Стогову
штаб-лекарям — Ивану Ковалеву
Григорию Заозерскому
лекарю коллежскому ассессору — Моисею Любарскому
в должности астронома 9-го класса — Павлу Тарханову
академику живописи 10-го класса — Емельяну Карнееву
в должности натуралиста штаб-лекарю — Федору Штейну
Св. Анны 3-й степени мичманам — Карлу Геллесину
и Григорию Пагаве

ЦГА ВМФ, ф. 213, д. 173, л. 6.
Подлинник.

Приложение 35

П и с ь м о

капитан-лейтенанта М. Н. Васильева начальнику
морского штаба контр-адмиралу А. В. Моллеру
о несправедливом присвоении Северо-Американской
компанией открытия острова Нуний-Вак.

1 декабря 1822 г.

В. п., милостивый государь Антон Васильевич!

Избранный начальством для командования северной экспедицией, я старался в продолжение трех лет трудами, с опасностью жизни сопряженными, оправдать внимание и доверенность, которыми был удостоен, и по внутреннему убеждению совести моей казалось, что действия мои, если и не заслужили похвалы, то, по крайней мере, не заслужили и порицания. Но ныне главное правление Американской компании, напечатав в газетах и в «Русском инвалиде» объявление об открытиях, сделанных судами сей компании, явно оскорбляет честь мою, присваивая несправедливым образом принадлежащее мне открытие, что, по малоизвестности моей экспедиции, может действительно послужить к потере доверенности, коготорой я всегда льстилсся. Прилагая при сем для в. п. копию с моих на то возражений, которые намерен я для публики напечатать, и дорожа еще более добрым мнением начальства, которое, вследствие таковых несправедливых объявлений компании, может думать, что я обыжно делал свои донесения, прошу в. п., как милости, назначить комиссию, которая, рассмотрев мои действия, в отношении к сему обстоятельству, или признала бы оное несправедливым, или восстановила бы поколебленную доверенность к офицеру, которому пятно чести прискорбнее всякого несчастья...

Михаил Васильев.

На подлинном имеется карандашная помета: «В Адмиралт. Департамент на рассмотрение и просить, уведомления о его мнению».

ЦГА ВМФ, ф. 166, д. 660, ч. II, лл. 513—514.
Подлинник.

Приложение 36

Сравнительная выписка, составленная в чертёжной из журналов, веденных во время плавания около северо-западных берегов Америки 1821 года коронного шлюпа «Открытие», под командою флота капитан-лейтенанта Васильева и мореходного бота, под командою мичмана Хромченко и катера «Баранова», под командою морехода Авинова, брига «Головинна», под командою лейтенанта Хромченко из упомянутых судов, при каком именно месте или в какой широте и долготе находилось¹.

Месяц и число	Шлюп «Открытие» под командою Васильева	Мореходный бот под командою Авинова	Бриг «Головинна» под командою Хромченко	Катер «Баранов» под командою Этолина
1	2	3	4	5
Июня 29.			Увидел мыс Невенгам на OLS в 20 милях. В полдень широта Гагенмейстера. В полдень Невенгам на 47° в 20 милях. Мыс Невенгам в 14 милях.	В половине 4-го часа утра вышел из пролива Гагенмейстера. В полдень широта 58°31'11".
Июня 30.			Полоудни в половине 3-го часа бриг встретился с катером и по условию первый пошел в залива Гагенмейстера, а последний в залива Добрых Вестей, где долженствовал дожидаться брига.	В 10 часов полоудни в заливе Добрых Вестей стал на якорь.

¹ Заголовок подлинника.

1	2	3	4	5
Июля 2.			В 1 час утра в проливе Гагенмейстера стал на якорь.	
6.	У мыса Невенгама шлюп находился с ботом вместе и того ж числа разлучились.		В Александровский ре-терналы, пошел в море.	До сего времени
7.	7-го и 8-го числа лавировал к NW между мысами Невенга-мом и Стефенсом для свидания с ботом в Зун-де.	Мореходный бот с бригом «Головинна» встре-тились в море, первый, шедши к острову Гаген-мейстера, а последний к заливу Добрых Вестей, и 7-го же числа пополудни в 8 часов в залив Добрых Вестей соединились с катером «Баранова», став на якорь		Этолин описал зали-ва. А по соединении с Хромченко на оконеч-ности делой кошки, ле-жащей при устье зали-ва, по наблюдениям ска-ли широту 59°3'54", долготу по лунным рас-стояниям 161°52'48".
10.			Пришел в залив Доб-рых Вестей и соединил-ся с бригом и катером.	Определил залива ши-роту 59°2'35" и долготу по хронометру 161°47'38"W.
11.		В 10-м часу утра уви-дел высокий берег, вдоль которого шли в расстоянии 10 итальян-ских миль, потом, пово-ротя к оному в 3 итальянских милях, стали на якорь.		
		Через американица, приехавшего на байдаре,		

Месяц и число	Шлюп «Открытие» под командою Васильева	Мореходный бот под командою Авинова	Бриг «Головин» под командою Хромченко	Катер «Наранов» под командою Эголина
1	2	3	4	5
Июля 11.	узнали, что сей берег есть остров Нуний-Вак и что они первые из всех европейцев оный посетили. В полдень по наблюдениям якорного моста широта $59^{\circ}54'57''$, долгота $193^{\circ}17'2,5''$ восточная от Гринвича. Длина острова по направлению к NW простирается до 40 миль, а ширина по словам жителей в долину длины, который назвал Васильев островом Открытие, поставил флагшток и поднял военный флаг, признавая сей остров принадлежащим России. Описав западную сторону острова, в тот же вечер снялся с якоря и пошел в Нортон-Зунд.			

1	2	3	4	5
12.	В половине 8-го часа пополудни снялись с якоря и вышли в море. В полдень широта $58^{\circ}55'55''$, долгота $162^{\circ}6'$; в 3 часа пополудни поворотили все три судна в море и сим курсом Этолин лежал до полуночи.			
13.	В полдень широта $59^{\circ}22'42''$, долгота $163^{\circ}4'$ «Голозинна» и мореходного бота не видел. В 5 часов пополудни полдень 13-го числа увидел низменный берег, широта места по наблюдению $59^{\circ}2'13''$. Пополудня около 15 миль и, полагая оной за мыс матерого берега Америки, по мелководью стал на якорь в широте $59^{\circ}35'$ северной и долготе по хронометру $163^{\circ}8'$ западной SW. Оконечность помянутого берега в широте $59^{\circ}42'$ северной, долготы $163^{\circ}24'$ западной.			

Месяц и число	Шлюп «Открытие» под командою Васильева	Мореходный бот под командою Васильева	Бриг «Головин» под командою Хромченко	Катер «Варанов» под командою Эголина
1	2	3	4	5
Июль 14.	Условясь с Авинным держаться до залива Нортон-Зунд, в 5 часов вступили под паруса и вскоре, в густой пасмурности, потеряли из виду мореходный бот. Во время соединения с бригам Хромченко объя-га широта 59°48'N, дол-вид, что ввечеру 13-го гота 165°1'W на SOTS. числа, став на якорь, ви-В одной миле увидели дел он низменный бе-восточный мыс Нуний-рег, который почитает за Вак, который вскоре по-остров, широта оного, настрени тумана поте-по его счислению, рали из виду, и тогда 59°28'46", долгота держались к западу, 163°9'28", по счислению откула пошли в Нор-тон-Зунд. В 11 часов рота 59°48'30", долгота вечера на ОНО, в рас-163°21'30", в 9 1/2 милях стоянии 1 1/2 мили впе-реди себя, видели берег, от которого и поворо-тили на другой галс. В 11 часов утра, нахо-даясь по счислению в широте 59°31' и долоте			
Июль 15.	В полдень вычислена широта якорного места 59°36'45", долгота по счислению 162°9'12".			

1	2	3	4	5
17.			по хронометру 165°36'W, усмотрели к NW берег, простиравшийся к NO миль на 10 от самого западного мыса; тогда находились к западу на SiO в 4 милях. Хромченко несколько уже не сомневался в том, что берег сей принадлежал к тому острову (Hunnah-Bak), который ему известен был из журнала северных экспедиций.	С 7-го до 12-го часа утра шли к селению Набавягмут и 3/4 мили от берега стали на якорь в широте 59°39'50", долготы 161°56', 57 1/2" по счислению.

Месяц и число	Шлюп «Открытие» под командою Васильева	Мореходный бот под командою Авинова	Бриг «Головин» под командою Хромченко	Катер «Барин» под командою Этолина
1	2	3	4	5
Июля 19.			В полдень находились, по обсерватории, в широте $63^{\circ}10'39''$ северной, долготы $165^{\circ}19'20''W$.	
20.	Находясь в Нортон-Зунде, после полудня встретил бриг «Головин», от командира коего узнал, что он на пути из Нортон-Зунда. 14-го числа видел берег островов в широте $59^{\circ}28'38''N$ и долготы $164^{\circ}56'3''W$ от Гринвича, берег по направлению от NO к SW на $18\frac{1}{4}$ миль, что и записано в журнал, а Васильев объявил Хромченко об открытии им острова, дав ему выше означенную широту и		В полдень был по обсервации в широте $64^{\circ}15'16''$ долготы $164^{\circ}4'41''W$, в 3 часа полудни встретился со шлюпом «Открытие» и от капитана Васильева узнал, что он открыл остров, именуемый жителями Нуний-Вак, в широте $60^{\circ}10'$ в долготы $167^{\circ}18'$ и назвал оный Открытием, а в 8 часов с ним расстался. В 4 часа после полудня вошел в залив Точик, находящийся по западную сторону мыса Дебри.	

1	2	3	4	5
	долготу якорного места при оном. После сего сведения растался с бригам и 3 августа был в Беринговом проливе у Ледяного мыса.		стал на якорь; тогда мыс от них находился на SO 51° в 8³/₄ милях в широте 64°20'39"N, долготы 163°2'49"W.	

ШЛА ВМФ, ф. 166, д. 660, ч. II, лл. 520—523.
Посланный.

Уведомление
начальника морского штаба контр-адмирала А. В. Моллера
капитан-лейтенанту М. Н. Васильеву
о признании за ним открытия острова Нуний-Вак.
29 декабря 1822 г.

На отношение ваше от 1-го сего декабря касательно сделанных Главным правлением Американской компании объявлений об открытиях, кои принадлежат вверенной вам экспедиции, сим уведомляю, что как Адмиралтейский департамент по рассмотрению сравнительной выписки из ваших плаваний и компанейских плавателей не нашел, чтобы сии последние приписывали себе какие-либо открытия, принадлежащие вверенной вам экспедиции, и признает честь открытия острова Нуний-Вак, вам принадлежащую, то и положил оный Департамент под сим названием означить оный и на картах.

ЦГА ВМФ, ф. 166, д. 660, ч. II, л. 525.
Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Экспедиция О. Е. Коцебу на бриге «Рюрик» была отправлена в 1815 г. с научно-исследовательскими целями. Снаряжена она была на средства графа Н. П. Румянцева — крупного русского государственного деятеля и дипломата (1754—1826). В основные задачи экспедиции входило: отыскание западного (Тихоокеанского) начала морского прохода в обход Северной Америки (после Дж. Кука, т. е. с 1778 г. такая попытка никем не предпринималась); съемка на карту берегов Аляски; изучение подходов к берегам Америки и северо-восточной Азии, в особенности в устьях рек; ознакомление с народами, населяющими север Аляски, их хозяйством и бытом; географические открытия в Тихом океане, точное определение географического положения островов в нем и описание их; изучение морских течений и водной массы океанов (ее физических и химических свойств), а также климатических и метеорологических условий плавания, органического мира океанов, островов и материковых побережий.

Начальник экспедиции — флота лейтенант О. Е. Коцебу, будучи еще кадетом, участвовал в первом русском кругосветном плавании под начальством И. Ф. Крузенштерна на военном корабле «Надежда» (вторым кораблем этой экспедиции — шлюпом «Нева» — командовал Ю. Лисянский). Второе кругосветное плавание на корабле «Рюрик» (1815—1818) Коцебу совершил в качестве начальника экспедиции; в третьем плавании вокруг света он командовал военным шлюпом «Предприятие» (1823—1826).

Во время плавания на «Рюрике» Коцебу открыл в архипелаге Паумоту неизвестные острова Сомнительный, Румянцева, Свиридова, цепь островов Рюрика, о-в Крузенштерна; на десятой параллели с. ш. открыл острова Суворова и северные группы в цепи островов Радак в Маршалском архипелаге.

В первый год плавания в Арктике, направляясь на Восток от Берингова пролива, Коцебу открыл залив Шишмарева и при входе в него о-в Сарычева, а затем обширный залив Коцебу с ископаемым льдом на его берегах. На обратном пути Коцебу обследовал залив Св. Лаврентия на азиатском берегу и остров Уналашку,

а затем прошел в Сан-Франциско и на Гавайские острова, производя здесь впервые съемку на карту гавани Гонолулу. Отсюда Коцебу направился к открытым им о-вам Кутузова и Суворова и на пути к ним открыл обитаемый остров Нового года, группу о-вов Румянцева, о-ва Чичагова, Аракчеева, Траверзе и Крузенштерна.

Вторичная попытка проникнуть севернее Берингова пролива (1817) оказалась невозможной, ввиду болезни Коцебу, начавшейся, вследствие удара грядью о снасть такелажа, во время сильного шторма на пути к Аляске. На обратном пути в Россию Коцебу открыл группу островов Гейдена, собрал новые сведения о Каролинских островах и завершил кругосветное плавание в обход Африки.

Несмотря на то, что О. Е. Коцебу не удалось отыскать северо-западный проход, успех экспедиции оказался выдающимся как по открытиям, так и по новым собранным ею материалам об известных морях и землях. Открытый Коцебу залив на севере Аляски носит имя знаменитого русского мореплавателя.

Участникам экспедиции Васильева и Шишмарева были известны результаты работ Коцебу. Плавание Коцебу на «Рюрике» описано им в книге «Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода», изданной впервые в 1821 г. Вторым изданием (через 127 лет) этот труд О. Е. Коцебу издан Географизмом в 1948 г. в книге: О. Е. Коцебу — «Путешествия вокруг света».

2. Лодейное поле — место кораблестроения, верфь, основанная Петром I в 1702 г. на р. Спире, на тракте из Петербурга в Архангельск и названная Петром «Олонецкою». В 1703 г. здесь были построены первые 6 фрегатов, на одном из которых Петр I пришел в Петербург. Это были первые русские корабли в Балтийском море. Существовала верфь до 1830 г. Возникший здесь город в 1780 г. был назван Лодейным полем.

3. Средняя гавань Кронштадтского порта — одна из гаваней, в которую корабли входили обычно с Малого Кронштадтского рейда через вход, называвшийся Средними воротами.

4. Охтенская верфь — одно из старейших мест, где строились русские корабли. Располагалась она в Охтенской части Петербурга, при впадении р. Охты в Неву.

5. Траверзе Иван Иванович (1754—1831), адмирал; с 1811 по 1828 г. был морским министром; французский эмигрант, принятый в русский гребной флот из капитанов французской морской службы; с 1802 г. был главным командиром Черноморских портов. В истории русского флота сыграл весьма отрицательную роль, приведя его в упадок; строительство черноморского и других флотов было поднято после Траверзе знаменитым русским адмиралом М. П. Лазаревым и его морской школой.

6. Номерованные члены палубного мореходного бота — части мореходного бота, взятого на шлюп «Благонамеренный» в разобранном виде. Бот был собран в Ситхе и плавал через Берингов пролив для описания берегов Аляски под командованием лейтенанта Авинова.

7. Штивер — прежний английский денежный знак достоинством около 3 коп. на русские деньги того времени.

8. Термином «дикие» в прошлом звались все народности северо-восточной Азии, Аляски, островов Тихого океана и других мест, стоящие на низком уровне культуры.

9. Коробка М. П. — контр-адмирал, состоявший тогда «флотским начальником» Кронштадтского порта.

10. Кроун Роман Васильевич (1754—1842), адмирал русского флота. В боях с шведским флотом, будучи командиром, взял фрегат «Венус» и линейный корабль «Ретвизан».

11. Эстер-Гарисгольм (Естр-Гарнгольм, Эстергарнхольм) — небольшой остров близ о-ва Готланда, с маяком.

12. Эланд — меридионально вытянутый остров у юго-восточного берега Скандинавского полуострова, отделенный от последнего Кальмарским проливом.

13. Борнгольм — небольшой остров в Балтийском море у южного побережья Скандинавского полуострова.

14. Кегебухта (Кёге) — бухта в Дании на восточном берегу о-ва Зеландия, к югу от Копенгагена и о-ва Амагер.

15. Драко — небольшой остров у северной окраины бухты Кёге с лощманским селением.

16. Сальтгольм — остров к востоку от Копенгагена при входе с юга в пролив Эре-зунд.

17. Нейгольм — крепость при входе на Копенгагенский рейд, охраняющая подход к Копенгагену.

18. Николай Павел Андреевич (1777—1866) — русский дипломат, бывший в должности посланника в Копенгагене с 1816 по 1847 г.

19. Пина — мера объема жидких и сыпучих тел, равная около 33 ведер, или около 540 литров.

20. Анкерок — небольшой боченок, вместимостью от 1 до 3 ведер.

21. Кронборг — крепость близ Гельсингера, при выходе из Эре-зунда к северу в пролив Каттегат.

22. Талер — старая немецкая монета, равная трем маркам.

23. Шкагенский маяк (правильнее Скагенский) — маяк на северной оконечности Ютландского полуострова — мысу Шкаген (Скаген).

24. Крюйс-пеленг — способ определения места корабля посредством двух засечек с корабля на один и тот же предмет с учетом линейного перемещения корабля за время между двумя засечками (пеленгами). Место корабля на карте получают графическим построением. Применяется при невозможности определить расстояние до предмета и получить по нему сразу место корабля.

25. Разность — расстояние, на которое корабль отнесен течением от пункта, куда он должен был прийти по курсу.

26. Галоперский (пловучий) и Нордфорландский (Норт-Форландский) маяки — на мысах при входе в Английский канал (Ламанш) с востока в самое узкое его место, называемое Дуврским проливом. К югу от них вход в канал обозначен Зюйдфорландскими маяками.

27. Английский канал или Инглиш Чаннел, или Ламанш, — пролив, отделяющий от материка остров Великобританию.

28. Донженес (Данженес) — маяк на южном берегу Англии, западнее Дувра.

29. Бичигед — мыс на южном берегу Англии между Дувром и Портсмутом.

30. «Камчатка» — военный 28-пушечный корабль 130 футов длиной, 32 фута 8 дюймов шириной, построенный в Петербурге судостроителем Стоке в 1816—1817 гг. В 1822 г. обращен в транспорт, а в 1828 г. — под таможенную брандвахту в Кронштадте. С 1817 по

1819 г. шлюп «Камчатка» находился в кругосветном плавании под командованием капитана В. М. Головачина.

31. Головин Василий Михайлович (1776—1831), капитан 2-го ранга, знаменитый русский мореплаватель, впоследствии вице-адмирал и генерал-интендант флота. В 1809 г. плавал на «Диане» в Тихий океан. В пути был захвачен в плен англичанами в Бухте Столовой у южной оконечности Африки, но ушел в море и совершил беспрецедентный переход к Камчатке без захода в порты. При исследовании Курильских островов был вероломно захвачен в плен японцами и 26 месяцев содержался в японском плену в очень тяжелых условиях.

В 1817—1819 гг. совершил второе кругосветное плавание на корабле «Камчатка».

32. Принц-регент — впоследствии король Георг IV.

33. «Несчастный английский король Карл II» — здесь в оригинале рукописи описка; речь идет о короле Карле I (1600—1649) из династии Стюартов. При нем феодальные и нарастающие капиталистические социальные отношения достигли антагонистических противоречий и привели к английской революции. Карл I по приговору верховного суда парламента был 30.1.1649 г. казнен как тиран, убийца и враг государства. Перед казнью он содержался в замке в Ньюпорте на острове Уайт (Вайт), а затем в замках Херст и Виндзор.

34. Шиллинг — разменная монета, составляющая $\frac{1}{20}$ фунта стерлингов.

35. «Кутузов» — судно Российско-Американской торговой компании, осуществлявшее морскую связь метрополии с русскими владениями в Америке.

36. Гагемейстер Леонтий Андреянович (1780—1833), капитан-лейтенант, русский мореплаватель. В качестве командира корабля совершил три кругосветных плавания. Во время плавания на «Кутузове» служил во флоте Российско-Американской компании. Исследователь Камчатки. Впоследствии капитан I ранга.

37. Ситха (Ситка) или Новоархангельск, главный город и порт в русских владениях в Америке; местопребывание главного правителя владений. Располагался на западном берегу о-ва Ситха при обширном Ситхинском заливе, под 52° с. ш. и $177^{\circ}38'$ з. д. Поселение было основано в 1796 г. А. И. Барановым, главным правителем русских владений в Америке. Вскоре поселение было разрушено местными жителями (колошами). В 1814 г. здесь же было построено Барановым при помощи Лисянского укрепление, под защитой которого селение восстанавливалось. Расположена Ситха в живописной горной и лесистой местности, неподалеку от недавно потухшего вулкана Эджекумб, на берегу незамерзающей гавани, на высоком, крутом мысе. Долгое время Ситха играла важную экономическую и административную роль.

38. Баранов Александр Андреевич (1746—1819) — иркутский купец, родом из Каргополя, образованный и весьма предприимчивый самоучка, твердой воли и характера. По предложению Гр. Шелехова он в 1792 г. принял на себя управление делами Российско-Американской компании на о. Кадьяк и на Аляске. Главным правителем русских владений в Америке состоял до 1819 г., когда был уволен. Умер 16 апреля 1819 г. на пути в Россию на корабле «Кутузов» в Зондском проливе. «Бесщиповный и простой гражданин отечества»

много способствовал расширению российских владений в Америке, их экономическому укреплению и развитию. Основал город Ситху (Новоархангельск).

39. Батавия — порт на северо-западном берегу о. Явы. Административный, экономический и культурный центр Индонезии. Расположен на берегу большой бухты и удобной для стоянки кораблей.

40. Секстан, телескоп, окружный инструмент, трубы — оптические инструменты, служащие для астрономических наблюдений и гидрографических работ при описи берегов и составлении карт.

41. Брайден Джамс (1692—1762) — английский астроном, изучавший абберацию света и установивший нутацию земной оси. Составил звездный каталог, определяя положение звезд более точным, чем прежние, способом.

42. Донкиново мясо — мясо, приготовленное в консервированном виде для длительного хранения.

43. Коралловые — коралловые острова в Тихом океане (см. прим. 113).

44. Портландские маяки — маяки на мысе Портленд на южном берегу Англии, западнее Портсмута.

45. Лизардские маяки — маяки на мысу Лизард (Лизард-гэд), между заливами Моунте и Фалмус полуострова Корнуэльс, при выходе из Ламанша в Атлантический океан.

46. Здесь имеется в виду переход в счислении времени от полудня, как начала суток, — к астрономическому счислению от полуночи.

47. «Птица из рода мартишек» — птица семейства чайки (Laridae). Многих представителей этого семейства называют мартишками, например чайку обыкновенную, чеграву или красноносуя чайку подсемейства крачек, крачку черноклювую и др.

48. Бониты — рыбы из семейства макрелей (Thynnus pelamis и Pelamis sarda). По внешнему виду напоминают тунца (Thynus thynnus) крупных размеров. Мясо отличается хорошими качествами. Живут они в открытом море вдали от берегов и держатся преимущественно на большой глубине.

49. Прожорами называли акул.

50. Фазтоны — морские птицы из отряда аистообразных, подотряда веслоногих. Семейство фазтоны (Phaetonidae) состоит из 6 видов, из которых наиболее распространен вид красноклювого или обыкновенного фазтона. Это одна из красивых морских птиц по оперению и полету. Оперение белое, с розовато-красным оттенком. Наружные опахала у больших маховых перьев черные. Хвостовые перья белые или карминно-красные, длиною — до 75 см, в силу чего общая длина птицы до 1 м. Размах крыльев до 1 м 4 см. Пальцы ног соединены перепонками. Водятся во всех морях между тропиками. Летают фазтоны обычно днем вблизи берегов. Питаются рыбой и морскими беспозвоночными животными верхних слоев морской воды.

51. Температура воды и воздуха в начале экспедиции измерялась термометрами со шкалой Фаренгейта, а позднее — со шкалой Реомюра. Шкала Фаренгейта применяется главным образом в США и в Англии.

В шкале Фаренгейта температура таяния льда соответствует 32°, а кипения воды 212°. По шкале Реомюра таяние льда — при 0°, а кипение воды при 80°, т. е. 1° Р соответствует 2,25° Ф. Если

имеется показание температуры по шкале Фаренгейта, то соответствующее число градусов шкалы Реомюра равно: $(t - 32) \times \frac{4}{9}$. Шкалы Цельсия, применяемой ныне, где таяние льда соответствует 0° , а кипение воды 100° , тогда еще не было. Для перевода показаний температуры, данной по шкале Фаренгейта, в градусы Цельсия следует из этого показания вычесть 32 и остаток помножить на $\frac{5}{9}$. Например: $212^\circ\text{Ф} = (212 - 32) \times \frac{5}{9} = 100^\circ\text{Ц}$.
 $180^\circ\text{Ф} = (180 - 32) \times \frac{5}{9} = 82,2^\circ\text{Ц}$.

52. Свечение воды происходит от наличия в ней множества мельчайших организмов, испускающих слабый свет, подобно бактериям в гниющем дереве или светлячкам, светящимся ночью. Это простейшие организмы (жгутиконосцы) величиной с булавочную головку. Раньше их относили к мелким медузам, что неправильно.

53. По религиозным предрассудкам древних народов (римлян) Нептун был богом моря (преимущественно бурного); вооружен трезубцем. Брат Юпитера, Нептун соответствовал богу моря древних греков — Посейдону.

54. Меркурий, по верованиям древних римлян, — бог торговли и дорог. В верованиях древних греков ему соответствовал Гермес.

55. Чинovníки — чины, морские чины, служащие на корабле, команда.

56. Явление это не случайно привлекло внимание моряков. Корабль перешел в южное полушарие, в область южного пассата, идущего от тридцатых параллелей южного полушария к экватору. Ветер от севера здесь явление необычное, однако вблизи экватора на небольшом пространстве вполне возможное. Дело в том, что южный пассат, подходя к экваториальному поясу (полосе штиля) все более поворачивает в южном полушарии влево (в северном — вправо), направляясь параллельно экватору с востока на запад. Местная барическая ситуация может сложиться так, что воздушные массы направляются от севера к югу, но как правило это ветры неустойчивые.

57. Огненный шар, повидимому, — шаровая молния, явление в низких широтах нередкое. Как видно из дальнейшего, это явление наблюдалось командой неоднократно.

58. Телеграфа в современном смысле в те времена еще не знали, а беспроволочного тем более. Морской телеграф-передача слов посредством сигналов. Этот морской телеграф незадолго перед отплытием экспедиции был изобретен русским морским офицером капитан-лейтенантом А. Бутаковым и в 1815 г. им же усовершенствован. Телеграф состоял из ящика «с 14 шхивами и планки со стольким же числом шхив, с основными круглыми фалами, с привязанными к ним флагами, для поднимания на бизань-рею». Бутаков же издал «Морской телеграфный словарь». Для переговоров кораблей на дальних расстояниях изобретение А. Бутакова имело очень большое значение.

59. Инсургент — повстанец, участник восстания. В годы плаванья экспедиции М. Н. Васильева происходили бурные общественно-политические события в Испании и ее американских колониях. Французская оккупация Испании, испанская революция 1808—1812 гг. и затем реставрация Бурбонов создали обстановку, благоприятную для революций в испанских колониях в Америке, начавшихся в 1809 г. и продолжавшихся до 1824 г. Политическое и экономическое развитие колоний в Америке, влияние на них Североамериканской и

французской революций вызвали активную борьбу испано-американских колоний за отделение их от Испании. Ла Плата (Аргентина, Уругвай и Парагвай) отделились от Испании в 1816 г., Чили — в 1818 г., Мексика, Калифорния, Техас, Центральная Америка — в 1822 г., Колумбия, Эквадор — в 1819—1822 гг. Испания пыталась силою оружия подавить восстания и пресечь стремления своих американских земель к отложению от метрополии, но усилия ее были тщетны. Борьба с отложившимися колониями окончательно подорвала ее силы. Инсургенты на своих кораблях сторожили побережье Америки и боями встречали корабли, шедшие из метрополии.

60. Автор указывает громадные размеры «плоских рыб» — 30 футов в длину и 12 футов в ширину, с «лапками на боку». Это были, вероятно, какие-то морские млекопитающие.

61. Дельфин — не рыба, а широко распространенный хищный морской зверь из подотряда зубастых китов, млекопитающих животных. Из 81 вида зубастых китов многие обитают только в морях высоких широт, другие — только в теплых морях низких широт. Наиболее хищный из всех дельфинов — косатка (*Orca gladiator*), длиной до 5 м, живущая в северных морях. Широко распространен дельфин обыкновенный (*Delphinus delphis*) из семейства настоящих дельфинов. Стаи его следуют за кораблями в открытом море. Благодаря своей грациозной игре в волнах это наиболее излюбленный морскими представителями всего отряда китообразных.

62. Бурные птицы (буревестники) — семейство птиц отряда трубконосых, близких к альбатросам. Известно много видов. Наиболее крупные длиной до 90 см, с размахом крыльев до 2 м. Разные виды распространены во всех океанах и частях света. В жизни своей большей частью связаны с морем. Сушу посещают во время кладки яиц и вывода птенцов. К семейству буревестников относятся глупыши и качурки. Род настоящих буревестников или пuffedинов состоит более чем из 20 видов.

63. Пеликаны — семейство морских птиц из отряда аистообразных, веслоногих, состоящее всего из одного рода пеликанов (баба-птица). От других аистообразных пеликан отличается наличием кожного мешка на нижней створке клюва. Все 9 видов этого рода широко распространены в жарком и частью в соседних умеренных поясах; обитают не только на морях, но и на озерах. Длина птицы до 1,8 м, размах крыльев до 2,6 м. Некоторые виды пеликанов легко приручаются и дрессируются для ловли рыбы и птиц (в Индии, Китае).

64. Фрегаты — морские птицы, составляющие семейство в отряде аистообразных, веслоногих. Отличаются исключительной выносливостью и легкостью в полете. Вес птицы невелик — около 1,5 кг, но длина более 1 м, размах крыльев до 2,3 м. Оперение буровато-черное с металлическим зеленым или пурпурным блеском, или с серым отливом. Полет парящий. На суше беспомощны. Водятся фрегаты в тропических частях Тихого и Индийского океанов. Плавающими их не наблюдали. Главная пища их — летучие рыбы. Едва ли указание автора на фрегатов в данном случае правильно.

65. Мыс Фрио (Фриу) — расположен на восточном берегу Южной Америки, примерно на 22 параллели ю. ш., к востоку от Рио-де-Жанейро.

66. Арровсмитова карта — карта, составленная Ароном Арросмитом (правильнее — Эрросмитом, 1750—1823), — английским геогра-

фом, основателем картографической фирмы, изготовлявшей морские карты.

67. Остров при входе в порт Рио-де-Жанейро.

68. Лангсдорф Григорий Иванович (1774—1852) — русский ученый, академик. Участвовал в первом русском кругосветном плавании под начальством Крузенштерна и Лисянского на шлюпе «Нева». С 1812 по 1825 г. был русским генеральным консулом в Бразилии. С 1821 по 1828 г. руководил ряд лет крупной русской научной экспедицией в Бразилию. Экспедиция Лангсдорфа собрала богатые биогеографические коллекции, ныне хранящиеся в музеях Академии наук СССР. Имея опыт дальних плаваний, Лангсдорф способствовал снаряжению русских экспедиций в Рио-де-Жанейро и научной работе русских мореплавателей.

69. Гарди Томас (Харди) был флаг-капитаном адмирала Нельсона в Трафальгарском бою.

70. Нельсон Горацио (1758—1805) — английский адмирал. В 1798 г. разгромил французский флот у берегов Египта (при Абу-кире). В 1799 г., командуя английской эскадрой, принял участие в подавлении революционного движения в Неаполе. Во время войны Англии с Наполеоном поддерживал блокаду французского и испанского побережий в Средиземном море, а в 1805 г. разбил франко-испанский флот при Трафальгаре у южного побережья Испании. В бою был смертельно ранен.

71. Сарачинское (сарачинское) пшено или сарачинское зерно; раньше так называли рис.

72. Крысий остров — современное наименование Фискальный остров (Fiscal Island).

73. Beau mond (бомонд) — аристократические круги общества, так называемый «высший свет».

74. Здесь показания термометра даны по шкале Реомюра.

75. Пиастр — денежный знак в Египте и Турции. В торговом обмене между Западной Европой и Южной Америкой название «испанский пиастр» нередко употребляли вместо официального «пезета». В то время испанский пиастр составлял около пяти русских рублей.

76. «С фамилиями» — значит с семьями.

77. Дублон — денежный знак, в то время равнялся приблизительно 75 русским рублям.

78. Манго — *Mangifera indica* — дерево семейства ананасовых. Родина его в Ост-Индии; завезено и культивируется во многих сортах почти во всем тропическом поясе ради крупных, сладких, ароматичных плодов.

79. Остров Редонда раньше иначе назывался Круглым, а остров Рацца обозначался на картах именем Резеро или Раза.

80. Ядра — снаряды, которые вместе с порохом составляли заряд орудия. Ядра были разного веса, по которому обозначались и пушки.

81. Де Кобрасс (Лас-Кобрас) — остров, название которого в переводе значит змея, змеиный.

82. Мулаты — потомки смешанного происхождения от белых и негров. Они составляют значительную часть населения Бразилии и южных штатов США. По внешности среди мулатов имеются все переходы между белыми и неграми. Часто установить по внешности смешанное происхождение невозможно.

83. Гвардион — полицейский.

84. Этот периодически дующий ветер называется бризом. Днем он дует с моря на сушу, так как на суше давление воздуха, в силу нагревания и восходящих токов, ниже, а на море — выше. Ночью — движение воздуха обратное, — с суши на море; ночью суша охлаждается больше, чем море, и давление воздуха на море оказывается меньше.

85. По шкале Реомюра. Далее, почти до конца сочинения показания термометра даются в этой шкале.

86. В тропической Америке и всей Африке распространена так называемая песочная блоха (*Sarcopsilla penetrans*). Живет она на песке и нападает на человека, млекопитающих животных и птиц. Самка впивается под кожу, под ногти и становится не временным, а постоянным паразитом и вызывает болезненные опухоли.

87. Колошанки — женщины племени колошей (тлинкитов), жившего в Аляске и на некоторых островах около нее. Воинственное племя это в течение долгого времени нападало на русские селения в Америке, пока правителям русских колоний не удалось договориться с ними о добрососедских отношениях. Впоследствии поселки колошей нередко располагались рядом с русскими селениями. Колошанки украшали себя тем, что прорезывали себе нижнюю губу и вставляли в нее кусочек дерева или кости. Описание колошей приводится во многих источниках, — например Сарычевым, Коцебу, Загоскиным и многими другими русскими исследователями, а также Григорием Шелеховым.

88. Содержатели компании — лица младшего начальствующего состава службы снабжения корабля. Несут обязанности по материальному снабжению корабля.

89. Араба — мера сыпучих тел, вмещающая, например, картофеля, около 36 фунтов (14 кг).

90. Альбатрос — морская птица из семейства буревестников отряда трубконосых. Альбатросы составляют группу из 15 видов. Самый обширный род этой группы — настоящие альбатросы (*Diomedea*). Вид, например, обыкновенного альбатроса имеет чисто белое оперение, кроме черных маховых перьев. Длина птицы до 1 м 15 см, размах крыльев до 3,5—4 м. Родина всех альбатросов океаны южного полушария, где они живут между 30 и 45 параллелями, редко залетая в северное полушарие. Имеют красивый полет, неутомимы и прожорливы. Большую часть жизни проводят в воздухе. На суше беспомощны и малоподвижны.

91. Опыт с пустой бутылкой — применение бутылки в качестве батометра для получения проб воды с глубины. Пустую, но закупоренную бутылку опускают с грузом до намеченной глубины и там открывают пробку посредством прикрепленного к ней шнура. Идея получения проб воды с глубины этим простым прибором, от которого пошло изобретение батометров, принадлежит русским гидрографам.

92. Новой Голландией тогда называли Австралию. Порт Жаксон (Джексон) — бухта на юго-восточном побережье Австралии, в которой расположен самый крупный в те времена и ныне город Австралии — Сидней.

93. Парамате (Паррамата) — пригород Сиднея.

94. Фунт стерлингов — английский основной денежный знак, подразделяющийся на 20 шиллингов. Плата в размере 7 фунтов стерлингов по тем временам была высокой.

95. Синие (Голубые) горы — горная система к западу от Сиднея в штате Новый Южный Уэльс. Вытянута параллельно восточному берегу Австралии. Высота около 1200 м. Глубоко расчленена долинами рек (каньонами) с зарослями в них древовидных папоротников и других эндемичных и реликтовых растений Австралии.

96. Двуутробки (двуутробные) — подкласс (и отряд) млекопитающих, обладающих на брюшной стороне кожной сумкой: в ней находится и кормится потомство, рождающееся в недоразвитом виде. Представители очень древней фауны (реликты). В данном случае были кенгуру.

97. Какаду — птицы из семейства попугаев, имеющие белое или розовое оперение и хохол на голове. Живут в лесах Австралии, легко приручаются и учатся подражать звукам.

98. Вандименова (Дименова) земля — остров Тасмания к югу от Австралии, отделенный от последней проливом Басса. Открыта в 1642 г. голландцем Тасманом, назвавшим ее именем губернатора голландских колоний. Англией окончательно захвачена в 1803 г. и в течение 50 лет использовалась как место ссылки преступников. Местные жители были полностью истреблены. Остатки тасманийцев вымерли на острове Флитерс, куда они были насильно выселены. С 1901 г. — штат Австралийского Союза с главным городом и портом Хобарт (Гобарт).

99. Песчаный камень — горная порода песчаник, распространенная на востоке Австралии. Употребляется в качестве строительного материала.

100. Ссылные из Англии в Ботани-бей (Ботанический залив) впервые были привезены сюда в 1788 г. в числе 750 человек экспедицией Филиппа, первого губернатора колонии, основавшего город Сидней. Колонизация и захват Великобританией Австралии, открытой голландцами, начались вскоре после плавания Дж. Кука в 1769—1770 гг. (Кук обследовал восточное побережье материка) и сразу после окончания войны между Англией и ее американскими колониями. До этого времени местом ссылки преступников служили американские колонии. Потеря земель в Америке толкнула англичан на захват Австралии. За превращение Австралии в колонию для ссыльных впервые высказался в 1779 г. Джозеф Банкс. Проводил колонизацию вначале министр колоний виконт Сидней, именем которого был назван первый поселок в Австралии, в бухте Жаксон, оказавшейся более удобной, чем Ботани-бей. Сюда же были направлены затем «лойдисты», землевладельцы, поддерживавшие Великобританию в борьбе против американского народа и изгнанные из Америки. После восстания 1798 г. в Ирландии сюда же было выслано много ирландских повстанцев. Ссылка преступников была основным методом первоначальной колонизации Австралии.

101. «Произведения» — то, что «производит» природа, т. е. естественные ресурсы какой-либо местности.

102. «Натуральной историей» в то время называлась наука о природе, естествознание. Слово история совсем не означало изучение природы в смысле ее развития. В естествознании тогда еще господствовала метафизика и идеи о развитии природы высказывались лишь отдельными передовыми мыслителями, — в XVIII в.

М. В. Ломоносовым, И. И. Лепехиным и другими русскими, а также и некоторыми иностранными учеными. Термин «натуральная история» появился в очень давние времена.

103. Петрели — морские птицы, буревестники (см. прим. 62).

104. Порт и город Св. Франциска — залив на Тихоокеанском побережье Северной Америки с городом Франциско. Одна из лучших в мире естественных гаваней, глубоко вдающихся в материк между двух полуостровов, защищенная от штормов. Площадь 1,4 тыс. кв. км. Первые поселения основаны на берегах залива испанскими миссионерами в 1770 г. В 1812 г. здесь возникло русское поселение форт Росс. США территория приобретена в 1846—1848 гг. Быстрый рост С. Франциско начался после открытия золота в 1848 г. Ныне портовый город С.-Франциско — один из крупнейших городов США, порт на Тихом океане, важная военноморская и авиационная база.

105. Норфолк — два небольших скалистых острова, лежащих северо-западнее Новой Зеландии. Площадь 44 кв. км. Ныне принадлежат Австралийскому Союзу. Острова обладают плодородными почвами и климатом, в котором хорошо произрастают, например, растения из цитрусовых.

106. Острова Дружбы ныне называются островами Тонга. Это архипелаг, состоящий из 180 вулканических и коралловых островов, расположенных на подводном цоколе у западной окраины глубочайшей впадины морского дна (свыше 9 тыс. м). Общая площадь архипелага около 997 кв. км. Наибольший остров Табу — 430 кв. км. Населены острова главным образом полинезийцами. Колония Великобритании.

107. Сандальное (сандаловое, санталовое) дерево — род деревьев из семейства санталовых, дающих сильно ароматичную, богатую эфирными маслами древесину. Используется санталовое дерево в парфюмерии, медицине и технике. Произрастает на Гавайских островах и в Ост-Индии.

108. Смерч — движение воздуха в виде вертикального вихря. Возникает при сильном нагревании воздуха и его восходящем движении. На суше смерч поднимает на большую высоту пыль, на море — воду. Имеет поступательную скорость движения 5—20 м в секунду. Обычно смерч сопровождается ураганом. В жарком поясе и в южной половине Тихого океана смерч нередко обладает большой разрушительной силой.

109. Бугенвилль Луи-Антуан (1729—1811) — начальник первой французской кругосветной экспедиции. Адвокат по образованию. Сначала был на военной службе, потом — на дипломатической, в составе французского посольства в Лондоне. Перейдя на службу во флот, плавал из Франции в Канаду. После отделения Канады от Франции и перехода ее во владения Англии Бугенвилль выступил с проектом «компенсации» для Франции этой потери захватом Фальклендских островов. В 1763 г. снарядил два корабля — «Орел» и «Сфинкс» — и перевез первых колонистов на эти острова из числа жителей Канады, не желающих оставаться под английским владычеством. В 1766 г. Испания заявила свои претензии на Фальклендские острова. Уступив их Испании, французское правительство снарядило экспедицию на фрегате «Сердитый» и транспорте «Звезда» под начальством Бугенвилля для открытия в Тихом океане. Обогнув Южную Америку, Бугенвилль открыл в Тихом океане четыре

Остров Семисопочный (По Сарычеву — Уях) — самый восточный в группе Крысыих островов Алеутской гряды, округлой формы, около 20 км в поперечнике, с высотами до 1 000 м. На острове не 7, а 10 сопок; самая высокая на юго-востоке — 950 м.

Остров Горелый — в Алеутской гряде к востоку от Семисопочного, в группе Андриановских островов. По форме — величественный действующий вулкан, пирамида высотой 1 626 м с игловидной вершиной. Пролив между островами Семисопочным и Горелым около 85 км шириной, лучший для пересечения судами Алеутской гряды.

130. Морская капуста — бурые водоросли из семейства ламинариевых (*Laminariales*), занимающие «сублиторальный пояс» с глубинами до 40 м. Среди них многие по длине достигают гигантских размеров (*Nereocystis*, *Macrocystis* — до 50—60 м). Наиболее распространены виды *Laminaria japonica* L. *sacharina*. Водоросли обычно окружают острова Алеутской гряды полосой в одну-две мили в ширину. Растительная масса водорослей столь велика, что с 1 кв. м ламинарии дают 10—28 кг свежего веса. Водоросли служат источником пищи для многих морских животных; в зарослях их укрываются икра и рыбная молодь. В хозяйстве из них получают иод, золу для удобрения полей, добывают альгиновую кислоту и ее соли, целлюлозу, клеевое вещество высокого качества; для кондитерской промышленности — агар-агар. Некоторые виды ламинарий в Японии употребляются в пищу. Питательное значение их важно ввиду содержания в них иода и витаминов.

131. Район Алеутской гряды в те времена был обилён китами, сивучами и другими морскими зверями (морским котиком, бобром морским и др.). Поголовье беззубых китов сильно уменьшено истреблением их промышленниками. Сивучи — ушастые тюлени *Eumetopias Stelleri*, до 4 м длиной и до 200 кг весом, в прошлом устраивали на многих островах гряды многочисленные лежбища; теперь и они сильно выбиты.

132. Атха (Атка) — самый крупный в группе Андриановских островов Алеутской гряды. По форме, рельефу и другим природным условиям напоминает Уналашку и Умнак. На севере — высшая точка — вулкан Коровинский (по имени морехода Ив. Коровина) с двумя снежными вершинами около 1 480 м; второй по высоте — вулкан Ключевский с горячими ключами на склонах; третий — вулкан Сарычева, давший сильное извержение с землетрясением в 1812 г. Остров сложен вулканическими породами с морскими отложениями третичного времени в низинах между вулканами. Остров был одним из опорных пунктов Российской-Американской компании на Алеутских островах. США здесь была устроена «зона резервации», для посещения которой требовался специальный пропуск, выдававшийся в Вашингтоне. По переписи 1910 г. на о. Атха проживало 77 алеутов. США используют остров как военно-морскую базу.

133. Мыс Алякс — раньше так именовался мыс Аляска.

134. Крюков Иван Васильевич — агент Российско-Американской компании, управитель о. Уналашка. Родом из мещан Вологодской губернии.

135. Этот «остров Горелый» — не тот, что упоминается автором ранее и описан в примечании 129. Здесь и ниже речь идет об острове, которому А. И. Баранов, впервые посетив его, дал в 1804 г. имя «Ивана Богослова» по имени судна, на котором он плывал. Алеуты называли его «Агашагок». Ныне его именуют островом Богослова.

Это один из интереснейших островов, возникших на глазах людей 7 мая 1796 года. Вулканическое извержение, создавшее остров на месте едва выдававшейся из воды скалы, наблюдал с о. Умнака управляющий Уналашкой Крюков. Как очевидец этого явления, он и рассказывал А. П. Лазареву и другим о ходе извержения. Первое описание извержения дал со слов жителей Уналашки Лангсдорф (см. прим. 68), плававший с Крузенштерном и видевший в 1806 г. остров со стороны. Подробно записал рассказ Крюкова об этом Коцебу в 1817 г., будучи в Уналашке. В последующие времена извержения вулкана Богослова повторялись многократно и вызывали значительные изменения в очертаниях берегов острова и форме вулкана. Подробно история развития острова изложена в книге З. Н. Зубковой — «Алеутские острова», 1948 г., изд. Географгиз, стр. 185—201.

136. Ф. Штейн, пытавшийся исследовать остров с А. П. Лазаревым, впервые сделал его рисунок и опубликовал о нем статью — «Изъяснение рисунка, представляющего вулканический остров Св. Иоанна Богослова или Агашагоха», 1825, СПб. Штейн назвал вулкан именем Крузенштерна. В книге З. Н. Зубковой ошибочно сказано, что шлюп «Благонамеренный» подошел к острову 20.VI (ст. ст.) 1820 г. Шлюп был у острова 1.VI, а попытка высадиться на него была сделана 2.VI.

137. «... от прорвания Умнака» — от извержения вулкана на о. Умнак. Уналашка и Умнак — главные острова в Лисьей группе Алеутской гряды. На Умнаке несколько высоких вулканов, действовавших на памяти людей. Самые высокие вулканы здесь: Туликский — 1250 м, Всевидово — 2210 м, Речешный — около 2200 м и др. Извержение на о. Богослова в 1796 г. было связано с сильным землетрясением на Умнаке, 2 марта 1817 г. Туликский вулкан дал сильное извержение, во время которого пепел покрыл весь Умнак, Уналашку и другие острова до Унимака включительно. Пепел, лапили, вулканические бомбы покрыли острова слоем до 15 см. Видимо, это извержение имеет в виду А. П. Лазарев, говоря о слое пепла на о. Богослове, расположенном недалеко от Умнака.

138. Веселовский мыс — мыс на северном берегу о. Уналашки, образующий окраину Веселовских гор.

139. Иллюлюк (Ильлюлюк) или Согласие (на современных картах чаще называется селение Уналашка) — старинное селение на восточном берегу Капитанского залива острова Уналашки. Селение расположено на конце косы между берегом моря и протокой из озера Уналашка. Иллюлюк — главный населенный центр о. Уналашки и всей Алеутской гряды. Первые русские поселились здесь в 1760—1770 гг. После продажи Аляски США (1867 г.) до начала второй мировой войны селение оставалось алеутским. Американцы жили временно (чиновники, торговцы). В 1942 г. здесь было 296 чел. В июле 1942 г. все алеуты были выселены и отправлены на Адмиралтейские острова, а их помещения заняты войсками. Дома деревянные. У пристани на берегу до сих пор стоят две старинные русские пушки на деревянных лафетах конца XVIII — начала XIX в. Селение было торговым центром, из складов которого снабжались все остальные селения островов.

Против селения Иллюлюк расположен о. Амахнак, который вместе с о. Экспедиции входит в систему военно-морской базы США

«Детч-Харбор», т. е. «Голландская гавань». Название это появилось в конце XIX века.

140. Главная гавань о. Уналашки — часть обширного Капитанского залива, разделенного на части двумя островами — Амахнак и Свиной. На современных американских картах залив называется Уналяским («Unalashka bay»), что исторически неверно (см. об этом в книге «Алеутские острова» З. Н. Зубковой, стр. 127—128). Впервые название дано капитаном Сарычевым.

141. Торбаса — обувь из оленьей или сивучьей шкуры у северных народностей Азии и Америки. Ее можно сравнить с сапогами, но она делается именно из шкуры, мехом внутрь, и на легкой подошве. Обувь эта очень хорошо сохраняет тепло и делается столь тщательно в швах, что не промокает.

142. Макушинская губа — глубоко вдающийся в берег обширный залив на северо-западной стороне о. Уналашки. Вместе с противолежащим на востоке заливом Бобровым отделяет северную часть острова от южного его пространства. С севера залив ограничен мысом Макушинским, с юга — мысом Старичков. В глубине залива имеется несколько хороших бухт: Старая гавань, Тарасовская, Перевальная (к Бобровому заливу), Коннери, Иксятах.

143. Амалгама самородная — соединение некоторых металлов с ртутью. На свойстве ртути соединяться с металлами (образовывать амальгаму) основан один из способов извлечения золота из руд (амальгамация).

144. Острова Прибылова — группа из двух значительных островов — Св. Павла и Св. Георгия и двух мелких островов — Моржевого и Бобрового, — расположенная севернее Алеутской гряды на 170 меридиане восточной долготы (от Гринвича). Отсюда корабль направился к о. Св. Лаврентия, открытому Берингом в 1728 г. на севере Берингова моря, близ входа в пролив Беринга.

145. Однолючная байдара — небольшая легкая лодка с деревянным каркасом, обтянутым кожей тюленя. Величина байдар определяется числом люков, т. е. отверстий, сделанных в кожаной покрышке для размещения гребцов: одно-, двух- и трехлючные.

146. Капитан Биллингс состоял начальником русской Географической и Астрономической экспедиции для изучения Северо-восточной части Сибири, Ледовитого и Тихого океанов с 1785 по 1793 г. Биллингс сам ничего не опубликовал. За него вел записи его секретарь и переводчик Мартин Зауер, опубликовавший описание путешествия в 1802 г. в Лондоне, на английском языке (в том же году, — на французском и немецком).

Во время путешествия Биллингс побывал в Мечигменской губе. Расположена она на западной стороне Берингова пролива под 65°30' с. ш. и глубоко вдается в берег, имея узкий вход между двумя «кошками». На кошках располагались селения чукчей — Игуак и Мечигм. В составе экспедиции Биллингса был Г. А. Сарычев, впоследствии знаменитый адмирал, руководитель Адмиралтейства. Экспедиция и ее результаты описаны им и опубликованы в классическом труде «Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение восьми лет, при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 год», с тремя атласами. Труд этот пользуется мировой известностью и славой.

147. Парка — меховая одежда алеутов, изготовляемая из шкур морского зверя.

148. Берингов пролив имеет в самом узком месте ширину 48 морских миль (89 км). Группа островов Гвоздева, или Диомид, расположена посреди пролива в этой его наиболее узкой части. Один из островов был открыт Берингом в 1728 г. Всего здесь три острова: 1) западный — Ратманова, иначе его называют Большой Диомид, а прежде называли еще Имаклит. Длина его 5 км, ширина 1,75 км, высота 536 м; 2) средний остров — Малый Диомид, или о. Крузенштерна, площадью втрое меньше; 3) небольшая скала Фальрвей в 18 км южнее о. Крузенштерна; по-эскимосски она называется Угияк. Впервые острова видел С. Дежнев и, может быть, высаживался на них. В 1778 г. их отметил Дж. Кук, не давший им никаких названий. В 1791 г. их осматривал Сарычев и описал во второй части своего замечательного труда (см. прим. 146). Затем острова описал Коцебу в 1816 г. в числе четырех, приняв при плохой видимости восточный мыс Азии также за остров. Неполнота сведений об островах, неясность количества их и сомнение в точности нанесения на карту продиктовали Шишмареву направление именно к о. Ратманова, за который Коцебу ошибочно был принят берег Азии (см. прим. 154).

149. «Сделано от полудня 18 миль» — от полудня значит с юга на север.

150. Зунд Коцебу — обширный залив, вдающийся в Аляску с запада, севернее Берингова пролива, на широте 66—67°. Длина его в направлении к юго-востоку 140 км. Он был открыт и исследован О. Е. Коцебу в 1816 г. Ограниченный мысами Эспенберга и Крузенштерна, он заканчивается в глубине материка четырьмя бухтами: Доброй Надежды, Спафарьева, Эшольца и Готам. Коцебу исследовал залив и его берега, дал наименования его основным географическим элементам, большей частью по фамилиям участников плавания.

151. Залив Шишмарева открыт О. Коцебу в 1816 г. Расположен к северо-востоку от мыса Принца Уэльского, близ полярного круга. Перед входом в него расположен остров Сарычева, также открытый Коцебу. Сведения о них см. у Коцебу — «Путешествия вокруг света», 1948, Географиз, стр. 81.

152. Мыс Крузенштерна — вдающаяся в море низменная коса с невысокими холмами и многими озерами, ограничивающая с севера залив Коцебу. Ширина около 67° 10'. Мыс открыт и описан О. Е. Коцебу в августе 1816 г. и назван им в честь первого русского кругосветного мореплавателя И. Ф. Крузенштерна.

153. Мыс Эспенберга — холмистый выступ берега к востоку от залива Шишмарева. Он ограничивает залив Коцебу с юга. Мыс открыт Коцебу в августе 1816 г. и назван им в честь его друга Эспенберга, врача, плававшего с Крузенштерном вокруг света. См. Коцебу — «Путешествия вокруг света», 1948, Географиз, стр. 94.

154. Островом Ратманова ныне называется самый большой по площади из трех островов Гвоздева или Диомид. Иначе он называется Б. Диомид. Коцебу это название дал острову, за который он принял берег азиатского материка, считая, что в группе Диомиды 4 острова. О. Ратманова безуспешно и разыскивался Шишмаревым на «Благонамеренном». Имя Ратманова было впоследствии

присвоено западному из островов в группе Диомида и закрепилось за ним.

155. Еврашка — полярный суслик *Citellus empetra*. Вид, близкий к якутской «еврашке» (*C. evermanni buxtoni*). Еврашечья парка — одежда, сшитая из шкурок еврашки.

156. Остров Шамиссо открыт Коцебу и назван по имени естествоиспытателя Адальберта Шамиссо, плававшего с Коцебу, француза по происхождению; он больше известен как поэт-романтик. Остров находится в заливе Коцебу. Краткое описание его имеется у Коцебу — «Путешествия вокруг света», 1948, Географгиз, стр. 85.

157. Губа Эшшольца (Эшшольца) — один из заливов, которыми на востоке заканчивается обширный залив Коцебу. Открыта и исследована губа Эшшольца Коцебу в августе 1816 г. и названа по имени врача и натуралиста Эшшольца Ивана Фридриховича, плававшего на «Рюрике» и обратившего внимание на ископаемый лед на берегу этой губы. Впоследствии Эшшольц был профессором анатомии в Дерптском университете и еще раз плывал с Коцебу вокруг света на шлюпе «Предприятие».

158. Фальконет — легкое чугунное орудие, заряжавшееся карточью.

159. «Ледяные горы» были открыты Коцебу и участниками его экспедиции в заливе Эшшольца. Коцебу писал, что Эшшольц первым обратил внимание на то, что высокий, обрывистый берег губы состоит из льда, прикрытого тонким слоем рыхлой горной породы. Коцебу назвал это открытие «достопримечательным». Действительно, это было, повидимому, первое описанное учеными открытие ископаемого льда. «Мы видели здесь, — писал Коцебу, — громады чистейшего льда в 100 футов вышины, которые были покрыты слоем, поросшим мхом и травой. То место, которое обрушивалось, подвержено теперь влиянию воздуха и солнечных лучей. Множество мамонтовых костей и клыков (в числе которых нашел я один прекраснейший), выступавших на поверхность таявшего льда, служат неоспоримым доказательством, что лед первородный. Покрывающий эти горы слой имеет не более полуфута в толщину и состоит из глины, смешанной с песком и землей. Лед мало-помалу тает под этим слоем, так что он скатывается вниз, продолжая и там питать приятнейшую зедень. Можно предвидеть, что по прошествии многих лет эта гора вовсе исчезнет, а ее место займет зеленеющая долина. По достоверному наблюдению мы определили широту косы 66°15'36"» (Коцебу — «Путешествия вокруг света», 1948, Географгиз, стр. 87).

А. П. Лазарев указывает, что «натуралисты, бывшие на брига «Рюрик», заключили было, что вышеописанный лед есть наносный с давнего времени, замывтый песком и обросший мхом». Он имеет в виду объяснение, данное Эшшольцем и Шамиссо и не соглашается с ними. При наблюдении на месте А. П. Лазарев и др. не обнаружили обнажения льда до 100 футов мощностью, а видели толщину льда всего до 15 футов. Ввиду сравнительно малой мощности льда Лазарев не считает его «первородным». Образование льда он объясняет тем, что вода летом проникает в слой мха и горной породы и сохраняется там в виде льда. Ископаемый лед он отождествляет с вечной мерзлотой, утверждая, что лед этот составляет «может быть, половину Америки».

В отождествлении ископаемого льда и вечной мерзлоты грунтов Лазарев неправ. В действительности существует ископаемый лед, сохранившийся на севере Сибири, в Аляске и на островах Арктики с эпохи четвертичного оледенения. Им сложены некоторые острова Арктики, исчезающие на памяти людей. «Вечная мерзлота», как известно, явление другого порядка.

Наряду с этим Лазарев дал правильное объяснение одному из явлений, также имеющему место в Сибири. Так называемые «булгуниахи» — торфяные бугры с ледяным «ядром» — образуются именно таким путем, т. е. проникновением воды в толщу торфа; при замерзании вода создает «ледяное ядро», прикрытое мхом и торфом, которое постепенно со временем «нарастает» и образует бугор (булгуниах).

160. В русском переводе 1810 г. — «Путешествия в Северный Тихий океан» это место находится в девятой главе четвертой книги, на стр. 188. Кук писал: «Все американцы, которых мы пред сим видели, малорослы, круглы и толстолицы с высокими скулами».

161. А. П. Лазарев описал население севера Аляски гораздо подробнее, нежели Джеймс Кук (см. «Путешествия в Северный Тихий океан» Дж. Кука в русском издании 1810 г.).

162. Крыльца — лопатки спины. Это слово и до сих пор бытует в русском языке в некоторых областях СССР, например в Кировской.

163. Этот случай с Лазаревым упоминается и в сочинении К. Гильсена (Гиллесема) в «Отечественных записках» за 1849 г.

164. Гудзонская (Гудзонова) компания точнее «Компания Гудзонова залива» — английская торгово-промышленная компания, организованная с целью захвата и колонизации земель, расположенных вокруг Гудзонова залива, а также для отыскания северо-западного морского пути из Атлантического океана в Тихий, и транспортного строительства. Лазарев, как и Коцебу (см. — «Путешествия вокруг света», стр. 95), полагал, видимо, что агенты Гудзоновой компании проникли близко к заливу Коцебу, чего на самом деле не было. «Компания Гудзонова залива» существует поныне.

165. Выкидной лес — деревья, принесенные реками и морским течением иногда очень далеко от мест их произрастания и выброшенные на берег. Теперь такой лес называется плавником.

166. Голяки — стволы деревьев или кустарников, обычно ивы (тальника) со снятой корой и лубом.

167. Губа Спафарьева — небольшой залив в Зунде Коцебу, расположенный между губой Эшшольца и губой Доброй Надежды.

168. Губа Доброй Надежды (Гудхоуп) самая западная из трех бухт в глубине залива Коцебу. На юго-востоке отделена мысом Обманчивым (Десит) от губы Спафарьева, на северо-западе ограничена мысом Эспенберга. Ширина ее около 65 км. Южный берег губы крутой, со скалистыми сланцевым мысом Гульгед. Вдали, на материке, Чортовы горы.

169. Капитан П. И. Рикорд — знаменитый русский мореплаватель. В 1807—1809 гг. он участвовал в кругосветном плавании под начальством В. М. Головнина на шлюпе «Диана». После захвата Головнина в плен японцами Рикорд продолжал гидрографические работы в Охотском море и хлопотал об освобождении Головнина из плена. В 1810 г. он производил вместе с штурманом Хлебниковым опись берегов Аляски (пролива Шелихова и др.). Затем несколько

лет был начальником Камчатки; в 20-х годах принимал участие в военных действиях на Средиземном море в чине контр-адмирала.

170. Обмана (Обманчивый, Десит, Deseit) — мыс на южном берегу залива Коцебу на Аляске. Разделяет губы Доброй Надежды и Спафарьева. Круто поднимается над морем. Высшая точка его — обрывистая скала из известняка. Открыт и назван О. Е. Коцебу. Десит в переводе значит Обманчивый.

171. Большие плавающие льдины мощностью около 8 саж. над водой — айсберги, обломки материковых ледников, плавающие в море с течениями или перегоняемые ветром.

172. Мыс Лисбурн (Лисберн) расположен севернее залива Коцебу под $69^{\circ}5'$ с. ш. Состоит он из двух отдельно выдающихся скал из известняков и сланцев. Открыт и назван Куком в 1778 г.

173. Мыс Головинна открыт М. Н. Васильевым в июле 1821 года. Расположен севернее мыса Крузенштерна, по определению Васильева, в северной широте $68^{\circ}21'15''$ и в западной долготе $166^{\circ}40'00''$ (см. приложение 26).

174. Отрувь — крутой обрыв берега.

175. Мысы Рикорда и Мульграва находятся на западном побережье Аляски. Оба они значительно выдаются в море. Мыс Рикорда открыт М. Н. Васильевым в июле 1821 г. Он круто поднимается над узким низменным побережьем. По определению Васильева широта его $68^{\circ}1'00''$ (см. приложение 26). Мыс Мульграва (под $67^{\circ}45'$), низменный, вдали от берега возвышаются холмы, носящие имя Мульграва.

176. Мыс Принца Валийского (Уэльского) — самая западная точка Аляски, расположенная против мыса Дежнева и вместе с ним образующая самую узкую часть Берингова пролива с островами Диомида (Гвоздева). Открыт этот мыс Дж. Куком в августе 1778 г. Он описал его следующим образом: «Низкий берег простирался на NW и был от нас на NOto в трех милях; позади представлялись высокие холмы. Оконечность сия особенного примечания достойна потому, что она самая западнейшая часть из известных до сего времени берегов Америки и названа мною мыс Принца Валийского. Широта $65^{\circ}46'$, долгота $191^{\circ}45'$ (Кук — «Путешествие в Северный Тихий океан», 1810, ч. II, стр. 185).

177. Мыс Ечком (Эджкомб, Трубицына) на острове Баранова, близ Ситхи. Мыс образован вулканом. Имя Трубицына получил от Баранова в честь боцмана с корабля Чирикова.

178. Лазаря — небольшой остров вблизи острова Баранова, при подходе к Ситхе.

179. Куличкова — небольшой остров при входе в залив Ситха на острове Баранова.

180. Тойон — старшина; у некоторых народностей местный правитель вроде князька.

181. Спрюсовое пиво — настой на еловых шишках или хвое. Это пиво, способ изготовления которого был изобретен А. И. Барановым, употреблялось в качестве противоцинготного средства.

182. Понафидин (правильнее Панафидин) — моряк, служивший в то время на кораблях Российско-Американской компании. В 1816—1818 гг. в чине лейтенанта он плавал вокруг света на корабле Российско-Американской компании «Суворов» под общим начальством Гагемейстера, командовавшего кораблем «Кутузов».

В 1819—21 гг. Панафидин ходил вокруг света на корабле Российско-Американской компании «Бородино».

183. Душное дерево, повидимому, так называлась какая-то из хвойных древесных пород с крепким запахом хвон.

184. Водяная малина — тундровый ягодный кустарничек из семейства малинных (*Rubeal*). Это мог быть один из видов этого рода: мамура (паленика, княженика — *Rubus arcticus*), морошка (*Rubus chamaemorus*) или другие виды, обитающие на Аляске.

185. Вертлюги — подвижной механизм на вертикальной оси, позволяющий вращать орудие в горизонтальной плоскости.

186. Новой Калифорнией в то время называли побережье в районе залива Сан-Франциско. Это была провинция Мексиканского вице-королевства, управлявшаяся губернатором, жившим в военном укреплении (президио) Монтарея. Новая Калифорния (или Новый Альбион) делилась на 11 миссионерств, в каждом по 2—5 монахов и до 40 солдат. Весь гарнизон Новой Калифорнии составлял до 500 солдат. Кроме того, в Сан-Франциско и Монтерее с их крепостями было еще 150 человек пехоты и артиллеристов. Упоминаемые далее мысы Лос Естерес, Роко и скалы Фаралонес ограничивают залив и служат приметным местом при входе в него.

187. Порт Сан-Франциско — один из лучших в мире по географическим условиям. Залив Сан-Франциско расположен в умеренных широтах (около 38° с. ш.) на западном берегу Америки. Он представляет собой вытянутое вдоль побережья и затопленное морем понижение между горными хребтами. Площадь его 750 кв. км. С океаном он соединен проливом Золотые Ворота длиной 5 км, шириной в самом узком месте всего 2 км. Порт Сан-Франциско находится на внутреннем южном берегу Золотых Ворот, в месте, защищенном от волнения и приливо-отливных течений, с глубинами до 10 м и более вблизи берега. Во времена плавания М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева корабли становились на якорь у южного берега пролива, где было устроено испанское укрепление (президио).

188. Миссионерства — испанские поселения в Америке. Миссионеры, жившие в них, «приводили в христианскую религию» местных жителей — индейцев. Будучи совершенно невежественными и алчными искателями легкой жизни и наживы, миссионеры жестоко эксплуатировали и безжалостно расправлялись с индейцами, прибегая к военной силе, сконцентрированной в гарнизонах президий. А. П. Лазарев не случайно говорит, что миссионерства снабжали продовольствием «свои» президио, а войска имеют здесь «свои» миссионерства. Миссионерство было, и теперь еще используется империализмом, одним из методов захвата земель и порабощения туземного населения. К. Гиллесем во второй статье своего сочинения писал, что в 11 миссионерствах Новой Калифорнии было до 10 000 индейцев. Из них «редкие селились сами, а большая часть насильно пойманы арканами испанскими кавалеристами и поселены в миссионерствах. Бежавших и пойманных куют в кандалы. За второй побег вешают. Аркана индейцы боятся более, чем ружья». О кавалеристах Гиллесем говорит, что они «огромны и свирепы». Монахи, указывает он, были и из креолов.

189. За приливами и отливами.

190. Президио — военное укрепление с гарнизоном войск, резиденция правительственного чиновника.

Президио Сан-Франциско была основана испанцами в 1776 г. на южном берегу Золотых Ворот, при входе в залив, на выступе полуострова, около 100 м над уровнем моря, очень удобным для наблюдения и защиты.

191. Форт Росс был основан в 1812 г. по заданию А. И. Баранова Иваном Кусковым. Первоначально Баранов намеревался создать русские поселения в низовьях реки Колумбии, где бывал байдарщик Сысой Слободчиков и земли были более плодородны, чем на Аляске и в районе Ситхи. В 1805 г. население Ситхи оказалось в довольно тяжелом положении ввиду недостатка хлеба. В феврале этого года для осмотра местности в устье Колумбии отправился из Ситхи на корабле «Юнона» Н. П. Резанов (зять Шелехова, камергер и русский посланник в Японию, ходивший туда с Крузенштерном на «Надежде»).

Не подходя к устью Колумбии ввиду штормовой погоды, Резанов прошел к Сан-Франциско и доставил оттуда из испанских миссионерств и президио муку, масло и др. продукты в Ситху. Это был первый русский корабль у берегов залива Сан-Франциско. За ним вскоре ходил туда Слободчиков на корабле «Николай». В 1806 г. Слободчиков привел в устье Колумбии 70 промысловых байдар (оттуда он прошел на Гавайские острова). В 1807 г. байдарщик Швецов снова ходил к устью Колумбии и далее на юг, открыв залив Бодего в 80 милях от Сан-Франциско. Вскоре здесь, на берегу залива Бодего (он же залив Румянцева) было основано русское селение, на высоком береговом утесе. От изб, сложенных из красной сосны (чаги), была видна долина реки Славянки, а близ устья ее — в море — скалы, называвшиеся Славянскими воротами. Вслед за этим появились русские поселенцы на островках Фаралонес при входе в залив Сан-Франциско, а на берегу этого залива был основан форт Росс. Он скоро превратился в важный для русской Аляски торговый порт, снабжавший Ситху и другие селения продовольствием. Управлял им Иван Кусков. Сысой Слободчиков жил в своей избе на берегу Золотых Ворот. Он прекрасно знал залив Сан-Франциско. Русские жители исследовали окрестности форта Росс. Они ходили вверх по долинам пяти рек, впадающих в залив Бодего; исследовали северные побережья залива Сан-Франциско и впадающие в него реки; побывали в верховьях реки Сакраменто, открыли там вершину Шаста.

Природа окрестностей заливов Бодего и Сан-Франциско весьма живописна. Горы были покрыты лесами со множеством дикого зверя. Гиллесем в своем описании природы этого края упоминает, например, следующие виды деревьев: дуб, клен, бук, ясень, лавр, тополь, кедр, сосну, лиственницу и разные другие породы со «цветною древесиной». Из животных он указывает на наличие медведей черного и серебристо-серого, ягуара, оленя, куницу, муравьеда, лисицу, кроликов и множество видов птиц — орлов, коршунов, журавлей, аистов, куликов, гусей, уток и т. д. Из недавно найденных в архивах документов (см. С. Марков — «Летопись Аляски», 1948, изд. Главсевморпути) известно, что Иван Кусков посадил здесь черенки винограда, дважды в год собирал урожай картофеля, на огородах выращивал рельку весом до пуда, на полях сеял пшеницу и ячмень. Было много коров, овец, свиней и лошадей.

С продажей Аляски Соединенным Штатам форт Росс также

утратил свое значение, а Сан-Франциско стал быстро разрастаться после открытия золота в Калифорнии.

192. Случай с тремя матросами подробнее описан Гильсеном (Гиллесеном). Он, однако, иначе освещает его. Матросов послали для отыскания ручья или реки. Они задержались в поисках и не вернулись к назначенному времени. За ними послали, но «люди пришли с водой сами».

193. Антретное расстояние — приближенное, неточно измеренное, прикинутое глазомером.

194. Лаперуз (Ла-Перуз) Жан Франсуа (1741—1788) — французский мореплаватель. Участвовал в войне Англии и Франции за обладание Канадой. В 1785 г. отправился в кругосветное плавание с географическими и разведывательно-торговыми целями, а также для китобойного промысла. Лаперуз исследовал многие острова Тихого океана, восточные берега Азии, где описал пролив, получивший его имя, а также северо-западные берега Америки. Погиб Лаперуз при крушении корабля близ Соломоновых островов.

195. Остров Лахара (Lachaga) был нанесен на карту около 30-й параллели северной широты. Экспедиция Васильева и Шишмарева тщетно разыскивала его довольно долгое время.

196. Монакаа (Мауна-Кеа) и Мона-Роа (Мауна-Лоа) — горы на острове Гавайи в Гавайском (Сандвичевом) архипелаге. Обе они — типичные вулканы Гавайского типа — высокие, но с пологими склонами, сложенными застывшей лавой. В обширных кратерах находятся «озера» расплавленной магмы, которая временами спокойно повышает свой уровень и изливается, наращивая высоту вулканов. Извержение, в отличие от вулканов других типов, происходит без взрывов, без обильного выделения газов, без выбросов пепла, лапиллей и т. д.

197. Каракекуа и Тиататуа — заливы у острова Гавайи.

198. Вагу (Оау, Оаху) — остров, наиболее населенный из всех 20 Гавайских островов (8 из них необитаемы), хотя и не самый крупный. Наибольший по площади остров Гавайи (по Лазареву, — Овагу). Он занимает 10 898 кв. км из 16,7 тыс. кв. км общей площади архипелага. Второй по величине — остров Мауи (по Лазареву, — Муве) — 1 886 кв. км; третий — Оаху (по Лазареву, — Вагу) — 1 548 кв. км; четвертый — Кауи — 1 417, пятый — Молокаи (по Лазареву, — Маратай) — 676; шестой Ланаи (по Лазареву, — Ранай) — 363 кв. км. Вблизи крупных вулканических островов расположено множество мелких коралловых рифов. Туземного (местного) населения на островах в конце XVIII в. было около 300 тысяч. В 1878 г. — 44,6 тыс., в 1927 около 21 тыс. человек и около 30 тыс. метисов. Местное население вымирает. Число иммигрантов, наоборот, все возрастает. В 1939 г. всего было 415 тыс. человек, из них 203 тыс. на острове Оаху (в городе Гонолулу 153 тыс.) и 73 тыс. на острове Гавайи.

199. Сладкий картофель, иначе батат (*Ipomaea batatus*), многолетнее растение семейства бьюнковых. Возделывается ради корневых клубней, идущих в пищу как картофель и на приготовление муки, консервов, перегонку спирта. Возможно, что это были клубни другого растения — ямс или иньям, из семейства диоскорейных.

200. Табу — запрет на что-либо. Обычай табу был широко распространен среди народностей Полинезии, стоящих на низкой ступени культурного развития; кое-где сохранился до сего времени.

201. Тагуреи, Ранай Маратай — острова в Гавайском архипелаге (см. примечание 198).

202. Гоноруру — ныне называется Гонолулу — удобная, защищенная от ветров и волнения гавань на острове Оаху. Ныне на ее берегу расположен административный центр и крупный город Гонолулу. Поблизости от него в гавани Пирл-Харбор американцы создали крупную военно-морскую и авиационную базу, нападением на которую 7/XII—1941 г. Япония начала военные действия против США во второй мировой войне.

203. Тамегамега II — молодой король Гавайских островов. Настоящее имя его Лию-Лио (в переводе — лев). Он унаследовал королевскую власть от отца Тамегамеги I, умершего в 1819 г. В виду малолетства Лию-Лио ему был назначен опекун Край-Моку из старшин острова. А. П. Лазарев называет короля Тамегамега, а во всей новейшей литературе его имя пишется Камегамега или Камеамеа. По Лазареву, имя Камегамега носила королева.

Отец Лию-Лио был первым королем всех Гавайских островов, подчинившим себе до того времени беспрестанно воевавшие между собою племена гавайцев. После него до 1872 г. было еще четыре короля, правивших длительное время; все они носили имя Камегамега. Затем до 1894 г. короли часто сменялись. В этом году, при помощи американских военных судов, Гавайи были объявлены республикой. В 1898 г. они были окончательно захвачены Соединенными Штатами Америки.

204. «Бессмертный Кук, принесший жертву» — Джемс Кук был убит в схватке с гавайцами и разрублен ими на куски.

205. Карафин — графин.

206. Ныне это острова Товарищества.

207. Маты — цыновки, сплетенные из трав или морских водорослей.

208. Полосатая каломянка — материя.

209. Хили — так называли государство Чили.

210. Спермацет — китовый жир (см. примечание 119).

211. Это остров Уэйк, площадью 7,6 кв. км., административно входящий в подчинение Гавайским островам. До последних лет был необитаем.

212. Таро — многолетнее травянистое растение *Colocasia esculenta*, из семейства ароидных. В пищу употребляется в печеном виде корневищный клубень, содержащий много крахмала. Молодые листья используются как салат.

213. Кава — напиток, приготовляемый из растений рода *Piper* (перец) семейства перцевых (*Piperaceae*). Семейство это имеет до 1 000 видов — травы, кустарники, лианы и эпифиты. Некоторые виды дают одну из составных частей «бетеля» — наркотика, употребляемого для жевания. На Гавайях для изготовления напитка каву использовался вид *Piper methysticum*.

214. Нейфундландская собака — собака породы ньюфаундлендов. Гильсен (Гиллесем) также рассказывает об этом случае.

215. Фрегат «Крейсер» ходил в кругосветное плавание в 1822—1825 гг. под начальством М. П. Лазарева.

216. См. Дж. Кук — «Путешествие в Северный океан», 1810, часть II, книга 3.

217. Желание Лио-Лио, конечно, было не случайным. Англичане опередили американцев в миссионерской деятельности; главное же заключалось в том, что американцы своей торговлей и эксплуатацией сандвичан (гавайцев) уже тогда восстановили их против себя.

218. «Поступок доктора Шеферда» (правильнее Шеффера) заключался в том, что он был направлен Баранским из Ситхи на Гавайские острова с целью договориться там об организации плантаций для снабжения продуктами населения Ситхи и других русских селений в Аляске. Шеффер превысил свои полномочия и договорился с королем острова Кауай — Томари о том, что король вступает в русское подданство, а Шеффер поддерживает его в борьбе против Камегамеги I.

219. Гора Доброй Погоды расположена около 60 параллели, под 139° западной долготы от Гринвича, севернее острова Баранова, на полуострове между заливами Чилькут и Беринга. Названа она так Дж. Куком (как и залив Беринга).

220. Новоархангельский порт то же, что и Ситха (см. примечание 37).

221. Капитан Ю. Ф. Лисянский плавал в экспедиции кругом света под начальством Крузенштерна на корабле «Нева». Он производил гидрографические и другие исследования на Аляске, в то время как Крузенштерн изучал Японское и Охотское моря и Курильские острова.

222. Водяная змея — действительно водится у тихоокеанских берегов Америки. Мнение о малом количестве промысловых рыб в силу присутствия в морских водах этой змеи едва ли справедливо.

223. Отсюда показания термометра даются вновь по шкале Фаренгейта. После того как термометр со шкалой Реомюра был разбит, экспедиция пользовалась термометром, взятым из барометра, а он имел шкалу Фаренгейта.

224. Бриг «Головин», принадлежавший Российско-Американской компании, курсировал в Тихом океане, обслуживая нужды русских колоний и промыслов морского зверя, а также производя научно-исследовательские работы по описи берегов и изысканию новых островов.

225. Остров Чирикова — небольшой скалистый островок, расположенный к югу от острова Кадьяк на пути к островам Шумагинским.

226. Острова Кигалги и Аватоноку — небольшие скалистые участки суши между островами Акутаном и Уналашкой в Алеутской гряде.

227. Остров Акун расположен в Алеутской гряде между Унимаком и Акутаном; по сравнению с последними он гораздо меньше по площади.

228. Константиновская бухта — небольшой залив у восточного берега залива Иллюлюк (в свою очередь составляющего часть Капитанского залива). Это тектоническая трещина; у берегов ее разбился шлюп Российско-Американской компании («Константин»), от которого она и получила свое название.

229. Конский щавель — травянистое растение из семейства гречишных (Polygonaceae), рода щавель (Rumex). Вид *Rumex domesticus* (щавель конский или домашний) широко распространен в северных странах.

230. Бристольская бухта — большой залив, омывающий с северной стороны берег полуострова Аляски. Она ограничена мысами Унамак на юге и Невенгам (Ньюэнхам) на севере, между которыми расстояние более 80 миль. В Бристольский залив впадает река Бристольская, вытекающая из озера Шелехова. Название залива и реки дано Куком.

231. Нортонув зунд — обширный залив на Аляске между мысами Румянцева и Принца Уэльского. Назван так Дж. Куком, «в честь г. Нортону, оратору нижнего парламента» на обратном пути Кука в 1778 г. от Берингова пролива к Уналашке (Дж. Кук — «Путешествие в Северный Тихий океан», 1810, часть II, кн. IV, стр. 203).

232. Остров Преображения был показан на карте под координатами 184°24' 0 и 58°48' N со слов промышленников. Тщательные поиски его М. Н. Васильевым, а особенно Г. С. Шишмаревым, установили, что такого острова нет.

233. Остров, отмеченный лейтенантом Синдом был помечен на карте в 70 милях от острова Матвея. В этом месте его не видел проходивший ранее к Уналашке Г. Сарычев, а позднее и многие другие мореплаватели. Синд принял за остров, вероятно, скопление тумана.

234. Островом Андерсона был назван Дж. Куком виденный им 3 августа 1778 г. берег Аляски в широте 62°34' и долготе 192° от Гринвича. Предполагая, что это остров, Кук дал ему имя врача Андерсона, умершего на корабле 3 августа 1778 г.

235. Встретив к северу от мыса Невенгам «песчаный каменистый банк, который в половине отлива был уже виден поверх воды», Дж. Кук назвал северный его конец мысом Мелей и взял курс мористее. Мели образованы здесь выносами реки Кускоквим, устье которой находится в одноименном заливе.

236. Сиделые чукчи — оседлые, не кочующие.

237. Эта версия неверна. Теперь доказано, что жители острова Св. Лаврентия, как и самой Аляски, выходцы из Азии.

238. Селение Ингьягмю — ныне Нуниягмю — расположено на берегу мыса Серого.

239. Ижигой называли селение на северо-западном берегу Охотского моря, в Гижигинской губе, к югу от полуострова Тайгонос, ныне Гижигинск. Путь к «Ижиге» далекий, через горные хребты, по реке Пенжине и далее по берегу Охотского моря.

240. Т. е. острова Диомиды.

241. Возгри — истечение из носа.

242. Сочинение капитана Биллингса, на которое ссылается А. П. Лазарев, не было переведено на русский язык (см. примечание 146).

243. Все описанные А. П. Лазаревым верования и обычаи чукчей ушли в советское время в далекое прошлое, так же как и некоторые местные виды одежды, замененной платьем из материи.

244. Черепоконные, так называли моллюсков.

245. Острова Кулючин ныне наз. Колючин. Находится у западной стороны входа в Колючинскую губу. Большой реки Амылик близ Шелагского мыса нет. Это, как говорит далее Лазарев, небольшая речка «от тающих снегов».

246. Шалацкий нос — мыс Шелагский.

247. «Тигиль (город в Камчатке)» — селение на западном берегу Камчатки на реке Тигиль.

248. По шкале Фаренгейта.

249. На американском берегу плавника («выкидного леса») больше потому, что его много выносятся в море крупными реками, текущими из лесной зоны, а система морских течений у берегов Аляски такова, что плывущие деревья прижимаются течениями к берегу и волнением выбрасываются на берег.

250. «Деревья на высоте около 40 футов» — объяснение А. П. Лазарева неверно. На такую высоту, около 13 м, забросить стволы деревьев на берег здесь не может ни прилив (он здесь меньше), ни волнение. Плавник лежал тут из береговой террасы, так же, как он имеется во многих местах на берегах Сибири и на островах Арктики. Наличие плавника на прибрежных террасах иногда еще более высоких, вдали от моря, свидетельствует, как и самые террасы, о недавнем, молодом подъеме берега.

251. Это объяснение в известной мере правильно. Однако различия в климате зависят не только от характера берега, но и от многих других причин — широты, морских течений, льдов и т. д. На влияние льдов Лазарев далее указывает.

252. Остров Нунивак (Нунивок), возможно, видел и ранее казачий сотник Иван Кобелев, один «из упорных искателей Нового света». Предположение об этом высказал С. Марков в своей «Летописи Аляски» (изд. Главсевморпути, 1948, стр. 43), полагая, что название, употребляющееся в найденных им архивных документах «Укипень-остров» и есть Нунивок. Это, однако, не более как смелое предположение. Во всяком случае М. Н. Васильев описал этот остров, несомненно, первым.

253. Мыс Яндагай ограничивает с севера вход в собственно Мичигменскую губу — узкий глубокий залив южнее губы Св. Лаврентия. От последней Мичигменская губа отделена мысом Крлеутгун, а с юга ее широкая морская часть ограничена мысом Ныгчиган. На северном берегу Мичигменской губы и ныне существует селение Люгрень, на южном — селение Мичигма.

254. Моржевými зубами неправильно называли клыки («бивни») моржа.

255. Кускаханцы — народность Аляски, жившая в бассейне реки Кукоквим.

256. «Китовые усы» — правильное китовый ус — роговые пластинки в полости рта у беззубых китов.

257. Ипатки — морские птицы.

258. Острова Суворова, открытые М. П. Лазаревым в 1814 г., находятся на 13° ю. ш и 163° з. д. от Гринвича.

259. «Выключить сутки времени» значит исключить изчисления времени одни сутки для того, чтобы не возникло разницы в числах на корабле по сравнению с числами календаря. Дело в том, что при кругосветном путешествии, сколько бы времени оно не продолжалось, неизбежно возникает разница в счете времени на одни сутки. Если путешественник движется по направлению движения земли вокруг оси (с запада на восток), то земля сделает N оборотов, а путешественник: $N + 1$. Если двигаться в обратном направлении (с востока на запад), земля сделает N оборотов, а путешественник: $N - 1$. Если бы экспедиция не выключила из своего счета времени одни сутки, то, придя в Кронштадт, она

имела бы число на одни сутки больше, чем жители Кронштадта. Разница в счете времени при кругосветном путешествии была обнаружена после первого же плавания вокруг света Магеллана. Во времена экспедиции М. Н. Васильева еще не было международного соглашения о так называемой Границе дат. Позднее она была установлена и проходит по Тихому океану от Северного полюса через Берингов пролив к Южному полюсу. При пересечении ее каждый капитан обязан прибавлять или выключать одни сутки в своем счете времени, в зависимости от того, в какую сторону он плывет.

260. «Отложение Бразилии от Португалии», т. е. объявление Бразилией своей независимости произошло в 1822 г. после длительной борьбы с Португалией. К концу XVIII — началу XIX века в Бразилии было около 3,5 млн. жителей. Из них было около 1 млн. негров и 500 тысяч индейцев. Эта половина жителей безжалостно эксплуатировалась иммигрантами из Португалии. Бразильская буржуазия и помещики в свою очередь обременялись давлением метрополии. После вторжения Наполеоновских войск в Португалию регент принц Жуан бежал под охраной английского флота в Бразилию. Город Рио-де-Жанейро на некоторое время стал столицей Португалии. В 1815 г. Бразилия была объявлена частью объединенного королевства Португалии, Бразилии и Алгарвы, но гнет со стороны метрополии не уменьшился. В 1817 г. в Бразилии возникло восстание и была провозглашена республика, но повстанцы были разгромлены. После буржуазной революции в Португалии в 1820 г. португальские кортесы предложили королю вернуться в Португалию. Жуан IV оставил в Бразилии своим наместником сына Педру. В октябре 1822 г. Педру был провозглашен императором Бразилии. Португальские войска были изгнаны из Бразилии, и она стала самостоятельным монархическим государством.

261. Экзерциции — военные учения, упражнения, тренировка.

262. Острова Сцилли (Силли) находятся недалеко от мыса Лизард, к западу от него.

263. Скат — рыба из отряда скатов (Batoidei) со сплюснутым сверху вниз телом и жаберными щелями на нижней его стороне. Видов скатов много. В морях, омывающих Европу с севера и запада, скаты вылавливаются в значительном количестве. Из печени скатов добывается жир, обладающий целебными свойствами.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ГЛАВНЕЙШИХ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ¹

Анкерок — небольшой боченок, вместимостью от одного до трех ведер, употребляемый на шлюпках для хранения запаса пресной воды, а также в качестве балласта при плавании под парусами в свежую погоду; на кораблях в анкерах сохранялся запас вина, уксуса и пр.

Апсель — косой парус между грот- и бизань-мачтами.

Ахтер — (правильнее ахтертов) — во времена Беллинсгаузена трюсовый конец, за который у борта держатся гребные суда.

Ахтер-люк — один из главных люков в палубе, расположенный позади грот-мачты и служащий для погрузки внутрь корабля различных грузов.

Ахтерштевень — брус, составляющий заднюю оконечность корабля. К нему подвешивается руль.

Байдара — небольшое гребное судно или лодка у приморских народностей Северо-восточной Азии и Аляски, обычно обтянутая тюленьей кожей по деревянному остову.

Бак — носовая часть палубы от форштевня до фок-мачты.

Бакан — большой пловучий предохранительный знак, устанавливаемый для указания опасных мест: мелей, рифов и пр. Он снабжается световым или звуковым сигналом.

Бакштаг — снасти стоячего такелажа (см. ниже), поддерживающие с боков мачты, стеньги, брам-стеньги, шлюп-балки и пр.

Балласт — жидкий или твердый груз, принимаемый на суда для придания им устойчивости и надлежащих мореходных качеств.

¹ В основу взят аналогичный словарь, сопровождающий книгу Беллинсгаузена — «Двухкратные изыскания в Южном Ледовитом океане» (Географгиз, М., 1949) под ред. контр-адмирала Е. В. Шведе с значительными дополнениями. Кроме источников, указанных Е. Е. Шведе, использован «Морской словарь» флагмана 2-го ранга К. Н. Самойлова (в.-морское изд. НК ВМФ СССР, 1939, М.-Л.) и др.

- Банка** — деревянная доска, служащая для укрепления шлюпки от сдавливания и вместе с тем являющаяся сиденьем для гребцов; скалистая мель.
- Баргоут (бархоут)** — надводные пояса наружной обшивки корабля.
- Баркасы и полубаркасы** — самые большие корабельные шлюпки, служащие для перевозки числа команды, тяжелых грузов, завозки верпов, буксировки парусных судов и пр. Число весел на баркасах до 22.
- Батарея** — совокупность нескольких орудий одного калибра, предназначенных для стрельбы по одной цели. Батареи обычно состоят из 3—4 орудий.
- Бастион** — военное укрепление, где за укрытием располагаются орудия, другие огневые средства и воины.
- Беген-рей (Бегин-рей)** — нижний рей на бизань-мачте (третьей мачте), к которому парус не привязывается.
- Бегучий такелаж** — все подвижные снасти, служащие для постановки и уборки парусов, для подъема и спуска частей рангоута, реев и пр.
- Бейдевинд (бейдевинт)** — (итти бейдевинт) — курс парусного судна, ближайший к направлению ветра и составляющий с последним угол менее 90° (т. е. когда корабль идет при наличии почти противного ветра, дующего несколько справа или слева от носа).
- Бизань** — косой четырехугольный парус на бизань-мачте.
- Бизань-мачта** — третья мачта (считается с носа); бизань-ванты — снасти стоячего такелажа, которыми бизань-мачта укрепляется с боков; бизань-стаксель — косой парус треугольной формы между грот- и бизань-мачтами.
- Бизань-топ** — верхний конец вертикального рангоутного дерева на бизань-мачте.
- Бимс** — поперечный деревянный брус, соединяющий правую и левую ветвь шпангоута; бимсы служат как для поддержания палуб, так и для создания поперечной прочности корабля.
- Битенг** — толстый вертикальный брус (вроде тумбы) для крепления якорных канатов.
- Блокшпы** — старое судно, поставленное на якорь и служащее пловучим складом, пристанью или казармой.
- Боканцы (боканысы)** — деревянные или железные брусья, выдающиеся за борт, для подвешивания шлюпок.
- Бом-брамсельный ветер** — ветер такой силы, когда кораблю представляется возможным нести все свои паруса.
- Бом-брам-рей** — четвертый снизу рей на мачте.
- Бом-лисели** — верхние паруса, привязываемые к бом-лисель-реям с обеих сторон марселей.
- Бом-салинг** — третья площадка на мачте (правильнее круглый железный бугель с железными рожками, надеваемый на брам-стенгю).
- Бот** — небольшое парусное судно.
- Боум-стенгги (бом-брам-стенгги)** — рангоутное дерево, служащее продолжением брам-стенгги и идущее вверх от нее.
- Брам-рей** — третий снизу рей, служащий для привязывания к нему брамселя.
- Брамсель** — прямой парус, подымаемый на брам-стенгге, над марселем (третий парус снизу).

- Брамсельдуг** — парусина, из которой шьются брамсели.
- Брамсельный ветер** — такой ветер, при котором без вреда для рангоута можно нести брамсели. Сила ветра 6 баллов или 9,9—12,4 м/сек.
- Брам-марсельный ветер** — разновидность марсельного ветра (см. ниже).
- Брам-стенга** — рангоутное дерево, служащее продолжением стеньги и идущее вверх от нее.
- Брандвахта (бранвахта)** — караульное судно, поставленное на рейде или в гавани.
- Брандвахтный бриг** — см. брандвахта.
- Брасы** — снасти бегучего такелажа, посредством которых поворачивают рей в горизонтальном направлении.
- Брасопить паруса** — ворочать рей посредством брасов в горизонтальном направлении для того, чтобы иметь угол между реями и диаметральной плоскостью судна для увеличения или уменьшения скорости судна.
- Брейд-вымпел** — широкий короткий вымпел, установленного образца, поднимаемый должностными лицами.
- Броткамера** — помещение на корабле для хранения сухарей, муки или сухой провизии.
- Бриг** — двухмачтовое судно с прямыми парусами на обеих мачтах.
- Брызгас** — рабочий, который исполняет все железные работы по судну, как-то: забивает болты, сверлит для них дыры и пр.
- Брюк** — толстый трос, имеющий назначение удерживать орудия при откате во время стрельбы.
- Буксир** — трос, при помощи которого подтягивают или буксируют судно при аварии или к месту стоянки.
- Бурун** — явление разбивания волн на отмели или подводном рифе в удалении от берега.
- Бурундук** — снасть, идущая от носа выстрела (см.) к корме. На якорной стоянке по этой снасти гребные суда тянутся к выстрелу.
- Бушприт (бугшприт)** — горизонтальное или наклонное дерево, выдающееся с носа судна. Служит для увеличения вращательной силы кливеров и для укрепления фок-мачты. На нем ставятся кливера и фор-стенги-стаксель. Продолжением бушприта служат утлегарь и бом-утлегарь.
- Вадер-шланги (ватер-шланги)** — парусиновый шланг, прикрепляемый к ручной переносной помпе для подачи воды во время пожара.
- Ванты** — толстые смоленые тросы, которыми держатся с боков мачты стеньги и брам-стенги. Поперек вант располагаются выбленки из тонкого троса, служащие ступеньками для влезания на мачты и стеньги.
- Ватервейсы (вадвервельсовые пазы)** — толстые продольные деревянные брусья, накладываемые сверху на концы бимсов и идущие на верхней палубе вдоль по борту судна.
- Ватер-штаг** — трос (или цепь), поддерживающий бушприт снизу и не дающий ему гнуться вверх при поставленных кливерах.
- Вахта** — дежурство на корабле. Стоять на вахте значит отбывать дежурство.

- Верп** — небольшой якорь, употребляемый преимущественно для завозов с судна при помощи шлюпок (для снятия судна с мели, перетягивания с места на место, оттягивания кормы и пр.).
- Взять высоту солнца** — измерить угломерным инструментом высоту солнца над горизонтом.
- Взять рифы** — уменьшить площадь паруса, свертывая его снизу.
- Виндзейль** — длинный парусиновый рукав со вставленными внутри обручами: служит для вентиляции внутренних помещений судна; верхняя часть его поднимается между мачтами, причем верхнее отверстие его устанавливается против ветра.
- Вооружить шлюп** — применительно к парусным судам это выражение означало совокупность всех работ по изготовлению судна к плаванию (установка рангоута, его укрепление, оснастка, укладка трюмов, установка орудий, приемка всего снабжения и пр.).
- Выиграть ветер** — пройти на ветер другого судна, или при помощи лавировки достигнуть максимального хода судна.
- Выйти из гавани по заводу** — положить якорь впереди судна для тяги или хода по заводу.
- Вымпел** — узкий длинный флаг, поднимаемый на грот-мачте всякого военного корабля, находящегося в кампании (в плавании).
- Выстрел** — длинное рангоутное дерево, укрепленное концом снаружи борта против фок-мачты.
- Гак** — железный или стальной крюк, употребляемый на судах.
- Гакаборт** — верхняя часть борта корабля в корме.
- Галс** — курс судна относительно ветра: если ветер дует в первый борт, то говорят, что судно идет правым галсом, если в левый — то левым галсом; сделать галс — пройти одним галсом, не поворачивая.
- Гальюн** — носовой свес на парусных кораблях, на котором устанавливалось носовое украшение; на этом же свесе по обоим бортам судна устраивались отхожие места (штульцы) и места для сбрасывания нечистот.
- Гардемарин** — звание воспитанников старших рот морского корпуса царской России.
- Гафель** — рангоутное дерево, висящее на мачте под углом и направленное к корме корабля; к гафелям прищуровываются три-четыре бизань.
- Гитовы** — снасти, которыми убирают паруса; «взять на гитовы» — собрать или подобрать паруса гитовыми, не убирая полностью.
- Гичка** — легкая быстроходная парадная 5-8-весельная шлюпка, имеющая корму с транцем (т. е. не острую, а как бы обрубленную); служит для посылок и разъездов.
- Гребной катер** — гребное судно.
- Греп** (грев или греф) — нижняя часть водореза или первый от килей деревянный брус форт-штевня.
- Грот** — 1) прямой, самый нижний парус на второй мачте от носа (грот-мачта); 2) слово, прибавляемое к наименованию реев, парусов и такелажа грот-мачты.
- Грот-брамсель** — прямой парус на бизань-мачте.
- Грот-брам-стенга** — рангоутное дерево, идущее вверх от мачты. Расположено на грот-мачте.
- Грот-марса-фал** — снасти, с помощью которых поднимаются грот-марса-рей, второй снизу рей на грот-мачте.
- Грот-марсель** — второй снизу прямой парус на грот-мачте.

- Грота-Рей** — поперечное дерево, подвешенное за середину на грот-мачте, к которому привязываются прямые паруса.
- Грот-руслень** — руслень против грот-мачты.
- Грот-стаксель** — штормовой парус.
- Грот-топ** — верхний конец всякого вертикального рангоутного дерева.
- Грот-трисель** — косой четырехугольный парус, ставящийся вдоль грот-мачты, причем верхняя часть его пришнуровывается к гафелю (рангоутному дереву, висящему под углом на мачте в сторону кормы корабля).
- Гюйс** — флаг, поднимаемый на военных кораблях на носу (на бушприте), только когда они стоят на якоре.
- Даглист** — левый становой якорь.
- Дек** — так на парусных военных кораблях называли палубу, причем этот термин более применялся к тем из палуб, на которых была установлена артиллерия (двухдечный линейный корабль, трехдечный), кроме того, деком называлось и пространство между двумя палубами, где размещен личный состав для жилья.
- Держать бейдевинд под марселями** — дать судну наибольший ход.
- Диферент** — угол продольного наклона судна; разность в осадке носа и кормы; говорят «диферент на нос» — если углубление носа больше, чем углубление кормы.
- Дрейф** — явление сноса судна с его курса под влиянием ветра.
- Лечь в дрейф** — остановить в море движение корабля, для чего располагают паруса таким образом, чтобы от действия ветра на один из них судно шло вперед, а от действия на другой имело бы задний ход; во время лежания в дрейфе судно имеет то передний ход, то задний.
- Дрейфовать** — перемещаться под влиянием ветра или течения, когда отдан якорь, но он недостаточно хорошо забран и ползет по дну.
- Дрек** — небольшой якорь для шлюпок, весом до 48 кг.
- Драёк (драйка)** — деревянный инструмент для такелажных работ.
- Заигрывать** — шкаторина (кромка паруса) заигрывает, т. е. трепещет под влиянием ветра.
- Зарифленные паруса** — паруса, у которых взяты рифы (см. ниже), т. е. уменьшена площадь парусности при свежем ветре или в шторм.
- Зунд** — пролив (иногда — залив, например Зунд Коцебу).
- Зыбь** — волнение без ветра, иногда довольно крупное.
- Итти к ветру** — направление судна по направлению ветра.
- Иллюминация** — расцветивание флагами в честь праздника. Ночью зажигаются специальные огни.
- Интрум** — то же самое, что трюм (см.), однако принято говорить «глубина интрюма».
- Кабельтова** — 1) толстый канат, привязываемый к якорю верп во время завоза; 2) мера расстояния меньше мили. В 1 морской миле 10 кабельтовых.
- Камбуз** — судовая кухня.
- Карронада** — короткая чугунная пушка.
- Катер** — гребная шлюпка средних размеров.
- Кекур** — отдельная скала или столообразная гора.

Килевание — искусственное наклонение судна на бок настолько, чтобы киль его вышел из воды; производится для того, чтобы проконопатить, исправить, осмолить или покрасить подводную часть корабля.

Клетинг (клетень) — тонкая веревка, которой обматывают трос для предохранения его от трения.

Клотик — точеный шар или кружок, надеваемый на вершину мачты. Сквозь него пропускают тонкие веревки, служащие для подъема флагов.

Клюзы — круглые отверстия по обеим сторонам форштевня, через которые проходят якорные канаты к якорям.

Кница — деревянная часть корабельного набора, имеющая форму угольника, стороны которого составляют между собой тупой угол; кницами соединяют бимсы со шпангоутами и другие брусья, скрепляющиеся между собой под углом.

Кокоры — пни и деревья, плавающие, или лежащие на дне моря.

Комингсы (комельсы, камельцы) — толстые брусья по сторонам люков, препятствующие попаданию воды внутрь судна.

Констапельская — кормовая каюта в нижней палубе, простирающаяся от кормы до грот-мачты; в ней обычно хранились артиллерийские припасы, состоящие в ведении констапеля, т. е. прапорщика морской артиллерии.

Контргалс — курс корабля относительно ветра, противоположный данному курсу.

Концы — веревки, канаты.

Корвет — трехмачтовое военное судно.

Кошка — узкая полоска суши, обычно сложенная из наносного галечника или песка и заключенная между морским берегом и текущей параллельно ему рекою.

Крамбол — толстый короткий деревянный брус, служащий краном для подъема якоря. Выражение «на крамболе» указывает направление на предмет, находящийся примерно на продолжении линии крамбола.

Кранец, кранцы — 1) приспособление, служащее для смягчения удара корабля о борт другого корабля или о стенку пристани (обычно это или короткий тросовый обрубок, деревянный брус, или парусиновый круглый мешок, набитый пенькой и оплетенный каболкой; 2) кольца, сделанные из троса, служащие для укладки ядер у пушек (или деревянные толстые доски, с вырезанными для ядер отверстиями).

Крейсировать — плавать в море между определенными местами.

Крен — наклон судна на бок; измеряется в градусах инструментом, называемым кренометром.

Кренговать — то же, что килевать (см. килевать).

Крюсель (крюсель) — прямой парус на бизань-мачте, ставящийся между крюсель-реем и бегин-реем.

Крюйс-брамсель — прямой парус, ставящийся между четвертым и вторым снизу реем.

Крюйс-пеленг — при невозможности определить точно расстояние до предмета и получить по нему сразу место корабля, берут два пеленга одного и того же предмета через некоторый промежуток времени и, учтя линейное передвижение корабля между пеленгами, пользуются графическим построением и находят

- место корабля. Этот метод определения места корабля на карте и называется крюйс-пеленгом.
- Крюйс-стенъ-стаксель** — косо́й парус треугольной формы между грот-мачтой и бизань-мачтой (ставится выше бизань-стакселя).
- Крыж** — поперечные шлагы (веревки).
- Кубрик** — самая нижняя жилая палуба на корабле; ниже нее расположен трюм.
- Курс корабля** — угол, составляемый диаметральной — продольной вертикальной плоскостью корабля с меридианом (см. румбы); направление, по которому идет судно.
- Лавировать** — продвигаться на парусном судне к цели переменными курсами по ломаной линии, вследствие неблагоприятного направления ветра (ложась то на правый, то на левый бейдевинд).
- Лag** — мореходный инструмент, определяющий скорость движения корабля
- Леер** — туго натянутый трос, у которого оба конца закреплены; применение лееров на корабле весьма разнообразно.
- Лейка** — деревянный совок, служащий для откачивания воды из шлюпок.
- Лечь на юго-запад** — направить корабль на юго-запад.
- Линейный корабль** — 2- и 3-парусное судно, имеющее пушки, расположенные в линию на палубах.
- Лисели** — добавочные паруса, ставящиеся по бокам прямых парусов для увеличения их площади.
- Лисель-спирты** — тонкие деревянные брусья на реях, выдвигаемые в качестве их продолжения для увеличения парусности постановкою дополнительных парусов-лиселей.
- Лот** — свинцовая или чугунная гиря у ручного троса, служащего для измерения глубины.
- Лотильн** — белый пеньковый трос, длиною 45 саж., разбитый на сажени.
- Лощман** — лицо, хорошо знакомое со всеми условиями подхода к данному порту.
- Люк** — вырез, отверстие в палубе судна; в то же время под термином люк понимают всю конструкцию, позволяющую закрывать это отверстие, грот-люк — люк, расположенный впереди грот-мачты, фор-люк — впереди фок-мачты.
- Марс** — первая снизу площадка на мачтах.
- Марса-фалы** — веревка, привязанная за середину реи и служащая для подъема паруса при постановке марселя.
- Марса-шкоты** — веревки на марселе, при помощи которых растягиваются нижние углы марселя при его постановке.
- Марсель** — второй снизу прямой парус, ставящийся между марсареем и нижним реем. «Иметь марсель на эзельгофте» — поставить марсель так, чтобы ветер дул в его переднюю сторону и нажимал его на эзельгофт (применяется для придания кораблю заднего хода; см. также «положить марсель на стеньгу»).
- Марсельный ветер** — ветер такой силы, когда представляется возможным нести только марсели, а брамсели уже не ставят, опасаясь за целостность рангоута.
- Мартингал** (мартин-гик) — небольшой деревянный брусочек, подвешенный под бушпритом вертикально вниз (служит для разнесения снастей в сторону).
- Мичман** — первый офицерский чин в старом русском флоте.

- Мористее** — дальше от берега.
- Морской узел** — особым образом завязанный узел.
- Наветренная (надветренная) сторона** — сторона судна, непосредственно подверженная действию ветра; например, если судно идет правым галсом, то правая сторона (борт) и будет в этом случае наветренной.
- Наполнить паруса** — после лежания в дрейфе поставить паруса так, чтобы вздулись от действия ветра.
- Нактоуз (цахтоуз)** — шкапчик из тикового или красного дерева, на котором устанавливается компас на корабле.
- Найтовы, найтовить** — перевязка тросом нескольких рангоутных деревьев или других предметов; снайтовать или наложить найтовы — прочно связать или привязать.
- Нок** — оконечность всякого горизонтального (или почти горизонтального) дерева, например, рея, бушприта, утлегаря, выстрела и пр.
- Обрасопить реи** — повернуть реи с помощью брасов в горизонтальном направлении.
- Обсервация** — наблюдение небесных светил или береговых предметов, на основании которых определяется графически, или путем вычислений, место корабля на карте.
- Обух** — болт, у которого вместо головки сделано кольцо.
- Оверштаг** — поворот судна на другой галс, при условии, что линию ветра переходит нос судна, в это время ветер дует с носа (в отличие от поворота фордевинд, при котором линию ветра переходит корма).
- Опись островов (или берега)** — определение расстояния до видимых предметов на берегу углами и пеленгами для того, чтобы в дальнейшем нанести их на карту.
- Ост** — восток. Название одного из главных румбов.
- Отдать грот-марса-фалы** — распустить грот на марсе.
- Отлив и прилив** — периодические изменения уровня воды в море, вызываемые действием на частицы воды сил притяжения луны и солнца.
- Паз** — продольная щель соприкасающихся досок наружной обшивки корабля или палубной настилки. Пазы конопатятся и заливаются смолой.
- Паруса** — соединение нескольких полос парусины, сшитых вместе, поверхности которых вследствие сопротивления ветру двигают судно.
- Пассатный ветер (пассат)** — постоянный ветер силой в 3—4 балла, дующий по обе стороны экватора в удалении от берегов. В северном полушарии он имеет северо-восточное направление, в южном — юго-восточное.
- Пеленг** — угол между истинным меридианом и румбом, по которому виден какой-либо предмет.
- Пеленговать** — взять направление на какой-нибудь предмет.
- Переборка** — всякая вертикальная перегородка на корабле (бывают продольные и поперечные).
- Пиллерс** — деревянная или металлическая колонка, подпирающая бмс снизу.
- Подветренная сторона** — сторона судна, противоположная той, в которую дует ветер; если судно идет правым галсом, то его

- левая сторона будет называться подветренной, а правая — наветренной.
- Подняться под парусами** — привести, держать круче, ближе к ветру (см. «спуститься»).
- Положить марсель на стеньгу** — поставить марсель так, чтобы ветер дул в его переднюю сторону и нажимал его на стеньгу; судно при таком положении парусов будет иметь задний ход.
- Положить руль** — команда повернуть перо руля для поворота судна право на борт — на правую сторону. Лево на борт — то же, на левую сторону.
- Полоскание парусов** — колебание парусов от ветра, когда последний не надувает их вполне или дует по направлению плоскости паруса.
- Помпы** — название насосов на корабле.
- Порт** — на судне: окно или амбразура в борте судна; бывают оружейные, грузовые и пр.; приморский город.
- Поручни** — род перил на верхней палубе, мостике и надстройках.
- Превентер-брасы** — добавочные брасы.
- Прибавить парусов** — увеличить площадь парусов.
- Привести бейдевинд на правый галс** — поставить корабль таким образом, чтобы угол между диаметральной плоскостью судна и направлением ветра был менее 90° и направлен был направо.
- Привести корабль к такому-то курсу** — взять круче, взять курс относительно ветра ближе к линии ветра.
- Привести по компасу, например, на север** — направить курс корабля точно на север.
- Разоружить шлюп** — привести судно в состояние для ремонта или для долговременного хранения: снять с него все запасы, предметы снабжения, шлюпки, орудия, такелаж, спустить рангоут, вычистить трюмы.
- Рангоут** — мачты, стеньги, рей, гафели, гики, бушприт, утлегарь и пр. приспособления, на которых ставят паруса.
- Рей** — горизонтальное рангоутное дерево, привешенное за середину к мачте или стеньге и служащее для привязывания к нему парусов. Наименование реев на различных мачтах (считая снизу): 1) на фок-мачте — фока-рей, фок-марса-рей, фок-брам-рей, фок-бом-брам-рей; 2) на грот-мачте — грота-рей, грот-марса-рей, грот-брам-рей, грот-бом-брам-рей; 3) на бизань-мачте — бегинь-рей, крйсель-рей, крйис-брам-рей, крйис-бом-брам-рей.
- Рейд** — более или менее значительное водное пространство у берегов, представляющее собой удобную якорную стоянку для судов, закрытую от ветра и волнения.
- Рейдерсы (ридерсы)** — так назывались толстые деревянные поперечные брусья, связывающие кузов корабля в трюме; обычно их бывало шесть и между ними укладывался балласт.
- Рифы (взять рифы)** — поперечный ряд продетых сквозь парус завязок, посредством которых можно уменьшить его площадь; этих завязок бывает на каждом парусе по несколько рядов: у марселей — 4, у нижних парусов — 2; в зависимости от силы ветра берут один, два, три или четыре рифа; по мере ослабления ветра — поочередно отдают рифы.
- Рифленные грот-марсели** — убранные грот-марсели.
- Рифленные марсели** — убранные марсели.

Риф-марсельный ветер — ветер настолько свежий, что полных марселей без рифов нести нельзя.

Риф-сезни — завязки на парусе.

Росторы (ростры) — совокупность запасных рангоутных деревьев на парусном судне, как-то: стеньг, реев и проч., сложенных на шкафуте, все эти запасные деревья обычно крепятся на шкафутах в виде помоста на специальных стойках и лежнях.

Руль-тали — приспособление для управления рулем при его повреждении.

Румбы, курсы и пеленги — румбами называются направления на различные предметы, измеряемые углами между линией север-юг (N—S) и этими направлениями. Во времена парусного флота истинный горизонт (как и картушка компаса) делился на 32 румба, причем румбами называлось как каждое из этих направлений, так и углы между двумя ближайшими целыми румбами. Исходя из того, что каждая окружность подразделяется на 360° , величина одного румба в градусах составит $11^\circ 15'$, т. е. $11\frac{1}{4}^\circ$. Петр I ввел в русском флоте голландские наименования румбов. Истинный горизонт и картушка компаса делятся на четыре четверти: норд-остовую, зюнд-остовую, зюнд-вестовую и норд-вестовую. Буква «т» обозначает сокращенное голландское слово «тен», т. е. «к», так что румб NOtN следует произнести «норд-ост-тен-норд»; если при обозначении какого-либо направления требуется большая точность, чем $11\frac{1}{4}^\circ$, то добавляется в соответствующую сторону дробная часть румба, с точностью до $\frac{1}{4}$ румба, например «WNW $\frac{1}{4}$ W, т. е. «вест-норд-вест четверть к весту». Пользуясь вышеуказанным делением истинного горизонта на румбы, говорят «корабль идет по такому-то румбу» (т. е. курс корабля будет такой-то), или «маяк виден по такому-то румбу» (т. е. пеленг маяка будет такой-то).

Румпель — рычаг, насаженный на голову руля, посредством которого происходит перекладка руля.

Рундук — деревянное покрытие над головой руля.

Рундуки — закрытые нары, ящики или лари во внутренних помещениях корабля, в которых команда хранит свои личные вещи.

Руслени — площадки снаружи борта судна, на высоте верхней палубы, служащие для отвода вант; с русленей обычно бросают ручной лот.

Салинг — рама, устанавливаемая на верхнем конце стеньги, состоящая из продольных и поперечных брусьев. С нее ведут наблюдение за горизонтом; служит для отвода брам- и бомбрам-бакштагов; в зависимости от принадлежности к той или иной мачте носит название фор-салинг, грот-салинг, крьюйс-салинг.

Свежий ветер — ветер силою в 5 баллов и скоростью 7,5—9,8 м в сек.

Свит-сарвинь (Швиц-сарвень) — строп, которым стягиваются между собою противоположные ванты ниже марса.

Сей-тали — тали, применяемые для подъема тяжестей, гребных судов, для тяги стоячего такелажа и вообще для тяжелых судовых работ.

- Секстан** — морской угломерный инструмент, служащий для измерения: 1) высот небесных светил в море и на берегу; 2) углов между видимыми с корабля земными предметами.
- Сектора** — толстые железные прутья (или столбики), служащие для привязывания фалрепов, поддержки гика и т. п.
- Сетки коечные** — специальные ящики на верхней палубе по бортам судна для хранения в дневное время командных коек.
- Служители** — команда.
- Снасть** — всякая веревка на судне, служащая для постановки и уборки парусов и управления ими.
- Содержатели** — лица младшего начальствующего состава службы снабжения корабля.
- Сплес (плес)** — открытый район между островами.
- Спорное течение** — место, где сходятся два течения.
- Спуститься под парусами** — уклониться от ветра, идти полнее, отходить от ветра, составить большой угол между курсом и направлением ветра.
- Стаксели** — треугольные косые паруса; называются в зависимости от расположения: впереди фок-мачты фок-стаксель и фок-стенги-стаксель, впереди грот-мачты — грот-стенги-стаксель и т. д.
- Стаксель-фал** — снасть, с помощью которой поднимается стаксель.
- Стаксель штормовой** — стаксель меньшего размера из самой прочной и толстой парусины, поднимается в случаях очень свежей погоды.
- Стандерс** — поддерживающая стойка; брус, идущий по борту параллельно шпангоутам и скрепленный с ними; он служит для подкрепления набора в местах вырезов для портов.
- Старпост** — то же, что нахерштейвень.
- Стень-ванты** — ванты, удерживающие стеньгу с боков.
- Стеньга** — рангоутное дерево, служащее продолжением мачты и идущее вверх от нее. В зависимости от принадлежности к той или иной мачте, различают фор-стеньгу, грот-стеньгу и крьюйс-стеньгу (на бизань-мачте).
- Степс** — деревянное или железное гнездо, в которое вставляется мачта или бушприт своим шпором (нижним концом).
- Стоп-анкер** — самый большой (тяжелый) из судовых верпов (см. верп).
- Стоячий такелаж** — снасти, служащие для поддержки и укрепления рангоута; будучи раз заведенным, стоячий такелаж всегда остается неподвижным (в отличие от бегучего такелажа).
- Стульцы** — см. шульцы.
- Супер-карго** — лицо, заведующее на судне приемом и выдачей грузов.
- Счисление** — определение места корабля при плавании в океане не астрономическими наблюдениями, а по формулам счисления, т. е. вычисляя широту и долготу по известному курсу корабля, его скорости и времени, прошедшем между последним астрономическим определением и заданным моментом; получаются «счисляемые места», менее точные, чем «обсервованные места».
- Такелаж** — все снасти на судне, служащие для укрепления рангоута и управления им и парусами; различается стоячий такелаж и бегучий такелаж (см.); **тянуть такелаж** — натягивать ослабевшие снасти.

Тали — грузоподъемное приспособление, состоящее из двух блоков (подвижного и неподвижного), соединяющихся между собой тросом; при подъеме тяжести теоретический выигрыш в силе зависит от числа шкивов.

Телеграф — набор флагов военно-морского свода сигналов.

Телескоп — оптический прибор, предназначенный для рассматривания или фотографирования небесных тел.

Тендер — небольшое одномачтовое парусное судно.

Тент — парусина, растягиваемая над палубой судна для защиты от солнца и дождя.

Тимберовать (тимбировать) — исправлять деревянную обшивку.

Тиммерман — старший корабельный плотник.

Толчая — неправильное волнение, являющееся результатом интерференции двух или нескольких систем волн; часто бывает в центре тропических циклонов.

Топ — верхняя оконечность каждого вертикального рангоутного дерева — мачты, стеньги, брам-стеньги.

Траверз (траверс) — направление, перпендикулярное к курсу судна.

Трисель — косой четырехугольный парус, ставящийся за каждой мачтой и примыкающий к ней, причем верхняя часть паруса пришнуровывается к гафелю (на бизань-мачте этот парус называется бизанью).

Трюм — внутреннее помещение корабля, лежащее ниже самой нижней палубы.

Ундер-зейль (ветер) — крепкий ветер, в который судно может нести только нижние паруса.

Ундер-лисель — нижний лисель, ставится сбоку фока.

Утлегарь — рангоутное дерево, служащее продолжением бушприта.

Фалы — снасти, служащие для подъема реев, гафелей, парусов (кливеров, стакселей), флагов и пр.

Фалреп (фалгреб) — трос или штерт, заменяющий поручни у входных трапов.

Фальшфейер — пиротехническое сигнальное средство (тонкая бу-
мажная гильза, наполненная пиротехническим составом, имею-
щим свойство гореть ярким пламенем белого цвета).

Фальконет — небольшое чугунное орудие.

Фарватер — проход между опасностями, обставленный предупреди-
тельными знаками, или определенный обследованный путь для
плавания судов.

Фелюк — род быстроходного парусного судна.

Фертоинг — способ стояния судна на двух якорях; применяется
там, где имеются сильные приливы и отливы.

Флагдук — легкая упругая шерстяная материя разных цветов, из
которой шьют флаги.

Фок — прямой парус, самый нижний на передней мачте судна
(фок-мачте).

Фок-ванты — ванты, удерживающие фок-мачту.

Фока-галс — снасть, идущая от нижнего наветренного угла паруса
фока и проходящая через отверстие в борту, в носовой части
корабля (в отверстие вставлены два медных колеса).

Фок-мачта — передняя мачта, начиная с носа корабля.

Фока-рея — нижний рей на фок-мачте.

Фок-бом-брам-рея — четвертый снизу рей.

- Фок-бом-брам-стенга** — рангоутное дерево, служащее продолжением фок-брам-стенги.
- Фок-брамсель** — прямой парус, поднимаемый на фок-брам-стенге.
- Фок-брам-стенга** — рангоутное дерево, служащее продолжением фок-стенги.
- Форзейл (форзель)** — быстроходный парусный корабль, высланный впереди флота или отряда для разведки или в целях навигационного обеспечения.
- Фор-марсель** — второй снизу прямой парус на фок-мачте.
- Фор-салинг** — рама из продольных и поперечных брусьев на передней мачте (фока-мачте).
- Фор-стенга** — рангоутное дерево, служащее продолжением фок-мачты.
- Фор-стен-штаг** — штаг (снасть), удерживающая фор-стенгу спереди и идущая от топа фор-стенги к бушпригу.
- Фор-трисель (гафель)** — рангоутное дерево, висящее на грот-мачте под углом; к нему прищуровываются паруса (трисели и бизань).
- Фор-штейвень** — деревянный брус, образующий переднюю оконечность судна (продолжение киля в носовой части).
- Фордевинд** — 1) итти фордевинд — итти, имея попутный ветер прямо в корму; 2) поворот фордевинд — поворот на другой галс при условии, что линию ветра переходит корма (при повороте оверштаг — нос).
- Форстенги-стаксель** — косой парус впереди фок-мачты.
- Форт** — сильно вооруженное укрепление, способное к самостоятельной круговой обороне.
- Фрегат** — быстроходный трехмачтовый парусный корабль.
- Хронометр** — пружинные часы тщательной выделки, служат для точного определения промежутков времени.
- Цепной канат** — якорная цепь.
- Цитадель** — крепость.
- Шек** — надводная часть передней грани форштейвня.
- Шканцы (шханцы)** — часть верхней палубы судна между грот-мачтой и бизань-мачтой (считались главным почетным местом на корабле).
- Шквал** — внезапно, налетевший ветер большей или меньшей силы, продолжающийся короткое время.
- Шлюп** — трехмачтовый военный корабль, по своему внешнему виду, размерам и парусному вооружению больше всего схожий с фрегатами среднего размера или корветами. В русском флоте шлюпами называли главным образом парусные корабли, предназначенные для кругосветных плаваний.
- Шлюпка (шлюбка)** — общее название всех небольших гребных судов.
- Шпангоуты** — ребра судна, придающие ему поперечную прочность.
- Шпация** — промежуток между двумя смежными шпангоутами.
- Шпуртовый паз** — выемка в бресе, в которую притыкаются обшивные доски.
- Шкафут (шкафут)** — части верхней палубы корабля между фок-мачтой и грот-мачтой; середина его занята рострами (см.).
- Шкафутная сетка** — коечная сетка на шкафуте.

- Шкив** (шкив) — бакаутовое или медное колесо, вращающееся между щеками блока; по шкиву проходит трос, для чего на окружности шкива имеется жолоб.
- Штандарт** — флаг особых рисунков и расцветки, присвоенный царствующим особам; на судах поднимается на грот-мачте.
- Штульцы** — боковая наделка, свес с боков кормы судна.
- Шхеры** — скалистые острова самой разнообразной величины, окаймляющие берега фиордового типа.
- Шхуна** — парусное судно с двумя и более мачтами и преимущественно косыми парусами.
- Эзельгофт** (езельгофт) — деревянный или железный брус, служащий для соединения мачты со стеньгой, стеньги — с брам-стенгой и брам-стенги — бом-брам-стенгой (а также бушприта — с утлегарем, и последнего с бом-утлегарем).
- Ют** — кормовая часть верхней палубы, сзади бизань-мачты.
- Якорь** — приспособление для удержания корабля на месте при стоянке на свободной воде.
- Ялик** — небольшая лодка, имеющая одну или две пары весел, служащая для перевоза людей на небольшие расстояния.
- Яхта** — яхтой называют самые разнообразные парусные суда.
-

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ЛИЧНЫХ

(встречающихся в «Записках» А. П. Лазарева)

- Авинов Александр Павлович, лейтенант, а затем контр-адмирал и командир Черноморской флотской бригады. 332 и прим.
Адамс, управляющий о-вом Оваги 251, 273, 275.
Александр Павлович, царь 100, 183.
Аллен, командир судна «Маро» (Марии) США 265, 267.
Арнольд, мастер хронометра 112.
Арровелист, картограф 158, 163, 168, 170, 173, 174, 249, 278, 316, 339, 344.
Арросмит, карта 124.
Баранов, главный правитель Российско-американской компании 112.
Боррод, изобретатель хронометра 112.
Батаков, штурман 321.
Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич, контр-адмирал 96.
Бенжеман, мореходец 228.
Беринг, русский мореходец 95.
Бикли, гавенмейстер Ганаруру (Ганолулу) 253, 256, 257, 258, 264, 267.
Биллингс, капитан 191, 301, 304, 306.
Бингам, миссионер США на Сандвичевых о-вах 259, 260, 261, 262, 263, 283.
Бирон, командор 339.
Брандлей, астроном 112.
Броун, шкипер 337.
Брукс, священник 261.
Бугенвиль, капитан 162.
Бучка, старшина 254.
Буксард, капитан 275.
Бухан, английский мореходец 96.
Буллесс, капитан 163.
Банкувер, мореплаватель 245, 252, 276.
Басильев Михаил Николаевич, капитан-лейтенант, затем контр-адмирал, капитан Кронштадтского порта. 2, прим, 96, 106, 113, 30. А. П. Лазарев.

119, 123, 126, 144, 214, 221, 229, 242, 257, 260, 264, 265, 288,
 289, 320, 340.
 Варрен, лоцман 336.
 Венцен Ганс, лоцман 105.
 Виено, вице-адмирал португальского флота в Бразилии.
 Выборов Николай, матрос, 110.
 Гагенмейстер, капитан-лейтенант, командир судна «Кутузов» 111, 237.
 Галл, мичман шлюпа «Открытие» 170, 242, 343.
 Гарди, командир английской эскадры 127, 341.
 Гиллесем Карл Карлович, мичман на шлюпе «Благонамеренный» —
 97, 99, 242.
 Головин В. М., капитан, мореплаватель 108.
 Грей, капитан, американец 214, 215.
 Девис, капитан американского судна 268.
 Де-Траверсе Н. Н., министр морских сил, адмирал 98, 100.
 Джонс, консул США 337.
 Доббель, консул России в Маниле 214, 259, 274.
 Доналис, английский лекарь 154.
 Дон-Луиза Аргуелло, комендант порта св. Франциска 243.
 Дон-Педро, принц Португалии 341, 342, 343.
 Жеранд, художник 183.
 Заозерский Григорий Алексеевич, штаб-лекарь на шлюпе «Благо-
 намеренный» 99.
 Зеленый, лейтенант 300.
 Иванов Михаил, священник 98, 99.
 Игнатьев Иван Николаевич, лейтенант 98, 99, 232.
 Иоркский, герцог 111.
 Ипатьев, матрос 120, 121.
 Им-ле-рате, старшина 301.
 Калмаков, промышленник 327.
 Камбель Г. Полномочный министр США, адмирал 108, 109.
 Камега-Мега, правитель острова Вага, старшина 258, 267, 336.
 Карл II, английский король 109.
 Карнеев, живописец 129, 263.
 Картерет, капитан 163.
 Кеге-Кукуй, старшина 273.
 Кельхен Г., русский вице-консул в Бразилии 126, 127, 129,
 135, 341.
 Кинг, английский лейтенант 154.
 Кларк, капитан 96, 311, 313, 325.
 Кларк, приказчик у консула Доббеля 214.
 Коробка М. П., контр-адмирал 100.
 Котильян, колошенский тайон 232.
 Край-Моку — Тамегамега 253.
 Красновский, промышленник 327.
 Кроун Р. Н., адмирал 101.
 Крюков, управитель Уналашки 176, 181, 183, 185, 289.
 Коцебу Г., лейтенант, 96, 97, 99, 170, 181, 192, 194, 195, 198,
 199, 201, 212, 214, 215, 243, 244, 298.
 Кузьмин, матрос 169.
 Кук Джеймс 96, 158, 191, 205, 217, 220, 255, 270, 286, 292, 311,
 313, 316.
 Кунингам, натуралист английский, 154.

Лавенори, датский контр-адмирал, гидрограф 105.
 Лазарев Алексей Петрович, лейтенант 99.
 Лазарев Иван, матрос 1 статьи 335.
 Лазарев Михаил Петрович, контр-адмирал 96, 112, 269, 334.
 Лангсдорф Г., генеральный консул в Бразилии 127.
 Лаперуз, путешественник 245, 249.
 Ласси — 127.
 Лей-Гайгу, старшина из Мечигменской губы 301, 323, 324, 325.
 Лейтен, генерал-штаб-доктор 98, 113.
 Лещинский, лоцман 231, 285.
 Лисянский, капитан 235, 239, 283, 284.
 Лихта, матрос 162.
 Маквари, генерал-майор, губернатор Новой Голландии, 150, 151, 154.
 Марини, испанец, 273, 275.
 Мерс, капитан 171.
 Мик Джон, капитан американского Брига «Падлер» — 214, 267—268, 283.
 Муравьев Матвей Иванович, капитан-лейтенант I ранга, главный правитель Российско-американской колонией 234, 235, 238, 281, 282, 283, 284.
 Мусин-Пушкин 127.
 Наваретто — доктор в Бразилии 342.
 Наумов Степан, плотник шлюпа «Благонамеренный» 322.
 Николаи П. А., посланник России 104, 105.
 Нельсон, лорд — 127.
 Пайгдау или Пильгайгым, старшина селения южного берега губы св. Лаврентия 299, 302, 306, 307, 308.
 Пайнер, лейтенант 149, 150.
 Панфилов, матрос 187.
 Парри, английский мореходец, 96, 122.
 Петегашу, 299, 300, 301.
 Петр I — 214.
 Петров Владимир Васильевич, штурман шлюпа «Благонамеренный» 97, 99.
 Пигот, американский торговец 214.
 Пой 271.
 Понафидин, капитан-лейтенант шлюпа Российско-американской компании «Бородино» 233, 235.
 Потапов Феоктист, матрос 163.
 Прескотт, капитан 341.
 Рацин, адмирал 169.
 Риверс, секретарь короля Рио-риу 274.
 Рикорд Петр Иванович, контр-адмирал, начальник Камчатки 214, 215, 216, 274, 301, 333, 334.
 Рио-Рио (Лио-Лио), (Тамегамеа II), король Сандвичевых островов 269, 271, 272, 273.
 Росс, английский мореплаватель 96.
 Румянцев Николай Петрович, граф, государственный канцлер 95, 214, 216.
 Рыболовцев Марк, матрос I статьи шлюпа «Открытие», 342.
 Рыдалев, штурман шлюпа «Открытие» 242, 245.
 Сальников, матрос 209.

Сарычев Г. А., вице-адмирал, 101, 105, 173, 192, 194, 230, 286, 291, 328, 330.
Сагинак, колошенский тайон 232.
Сенявин Дмитрий Николаевич, адмирал. Предисл. 127.
Синд, лейтенант 289, 290, 291.
Камегамега, король Сандвичевых островов, 255, 261, 271, 275.
Тамегамеа II (см. Рио-Рио)
Тарасов Семен, матрос 339.
Тейль—фон—Сераскеркен, генерал-майор, русский посланник в Бразилии — 127, 129, 130.
Тульмуургин, старшина селения Люгрень 322, 323.
Тилкиму, старшина (Тилилеу) 324.
Томас Мик, капитан американского судна 268.
Торнер, капитан 258.
Трофимов Александр (Симион) 300.
Филипс, командир 154.
Форстер, натуралист 156.
Франклин, английский мореплаватель 96.
Хлебников, управляющий Новоархангельской конторой 281.
Шашкидо Антип, алеут 327.
Шеферд, доктор 274.
Шелехов 321.
Шишмарев Глеб Семенович, капитан-лейтенант 96, 98, 99, 119, 121, 129, 144, 146, 150, 157, 164, 177, 195, 203, 212, 215, 243, 244, 246, 249, 251, 253, 257, 260, 294, 295, 298, 300, 301, 306, 318, 324, 336.
Шишмарев Николай Дмитриевич, мичман шлюпа «Благонамеренный» 99.
Шмаков, промышленник 238.
Штейн Ф. Н., натуралист 100, 124, 203.
Яновский, лейтенант — 186.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аватоноку, о-в 286.
 Авачинская губа 331, 334.
 Августина св., мыс 123.
 Акун, о-в 227, 286, 287.
 Акутан, о-в 227, 286.
 Алеутские, о-ва 173, 175, 177,
 180, 183, 184, 185, 188.
 Аляска, мыс 76.
 Амакнах, о-в 185, 227, 229,
 230, 288.
 Американские штаты (см. Соед.
 штаты).
 Амакнак, о-в 110.
 Амаснака, о-в 184.
 Амелик, река 308.
 Американская гавань
 Амчитка, о-в 173, 174.
 Английский канал 104, 108, 344.
 Англия 98, 99, 108, 110, 115,
 122, 132, 139, 151, 152.
 Ангола (в Африке)
 Ангольский маяк 106.
 Анны св., о-в 124.
 Антония св., о-в 116.
 Андерсон, о-в 289, 291, 292,
 293.
 Архангельск 122, 130.
 Астрахань 150.
 Атувай, о-в 277.
 Атхи, о-в 176.
 Аякс, о-в 192.
 Батавия 112, 341.
 Батарейный о-вок 231, 236,
 240.
 Беринга, о-в 169.
 Берингов пролив 96, 122, 181,
 192, 193, 223, 225, 289, 290,
 293, 294, 295, 296, 297, 301,
 302, 303.
 Бичигад, мыс 310, 332.
 Бичигед 108.
 Благонамеренные, о-ва 168,
 170, 338, 339.
 Блейнес, о-в 168.
 Борнгольм, о-в 102.
 Бостон, г. 206, 262.
 Ботани-бей порт 152, 154.
 Брава, о-в 116.
 Бразилия 114, 122, 127, 128,
 135, 137, 139, 140, 141, 142,
 341, 342.
 Бристольская бухта (на Уна-
 лашке) 289.

* Принятые сокращения: о-в — остров; св.—святой; предисл.—
 предисловие; о-вок — островок; р-ка — река; дер-ня — деревня; г—
 город.

Бронен-бей 152.
Бюрки (Биорки), о-в 231, 235.
Вага, о-в 248, 251, 252, 254,
258, 260, 261, 262, 269, 271,
273, 279, 336, 337.
Вага, селение 255, 283.
Вайт, о-в 109, 110.
Валлийского принца, мыс 194,
195, 198, 199, 223, 310.
Вандименова земля 150, 154.
Веселовского, мыс 180, 227.
Веселовское, селение 287.
Виндзор г. 152, 153.
Виц-Карк, о-ва (Вицкара) 236,
279.
Восточный мыс 311, 314, 317,
318.
Восточный океан 265, 267, 325.
Ворваркен, река 305.
Гаванский, мыс 335.
Гавкабури, р-ка 152.
Галоперский маяк 107.
Ганаруру, гавань 251, 252, 253,
255, 258, 265, 269, 275, 336,
338.
Ганаруру, о-в 337.
Гвоздевы, о-ва 193, 194, 197,
198, 199, 223, 302.
Гельзинор 106.
Георгия св., о-в 184, 186, 227,
289.
Гибралтарский пролив 115.
Головина, мыс 219, 221.
Горелый, о-в 173, 175, 176.
Горн, мыс 127, 339.
Гудзонов залив 122, 130.
Дагерорский маяк 101.
Дильская банка 108.
Добрая Надежда, губа 212,
213, 215.
Доброй Надежды, мыс (Лож-
ная губа) 119, 143, 144.
Добрая погода, гора 277, 278.
Дондженес, маяк 108.
Драго, деревня
Драко, о-в 102.
Дранишниково, селение на
Ситхи 238.
Дружбы, о-в 158.
Дружества, о-ва 157, 159, 160.
Естер-Гарисгольм, о-в 102.
Ечком, мыс (см. мыс Эчком).

Жаксон, порт (Сидней) 143,
144, 148, 149, 151, 152, 153,
154, 156, 158.

Загористовый, мыс 193.
Западная Индия 135.
Зеленого мыса, о-ва 116, 343.
Зюйд-Форландские маяки 108.

Ижига 300, 308, 309.
Иллюлюк (Согласие), селение
179, 181, 227, 288.
Ингнягмю селение (на о-ве св.
Лаврентия) 299.
Иосифа св., миссионерство 243.
Иохима св., крепость (порт св.
Франциска) 245, 246.

Кагумано, крепость (на Санд-
вичевых о-вах) 253, 271.
Кадыак, селение 228, 234.
Кадыак, о-в 305.
Калахта, мыс (Калента) 181,
227.

Калифорния 157, 163, 234, 240,
243, 244, 245, 263, 273, 274.
Камчатка, п-ов 157, 213, 214,
245, 274, 304, 309, 329, 330,
331, 332, 333, 335, 337.
Камчатское море (Берингово)
222, 317, 325.

Кантон, г. 258, 275.
Кантонская гавань 275.
Капитанская гавань 179, 182,
227, 229, 230, 287, 289.
Каракекуа, губа 250.
Каттегат, пролив 105.
Кегебухта 102.

Кекур, о-в 226.
Кигалги, о-в 286.
Клары св., миссионерство 243.
Кобрас (de Kobrass), о-в 137,
340.

Колыма, река 300, 301, 302,
303, 308, 309.
Константиновский, мыс 181.
Константиновская бухта 288.
Копенгаген, г. 95, 102, 103,
104, 107, 112, 142.
Копенгагенский рейд 102, 104,
106.

Коральные, о-ва 112.
Королевский фарватер 103.

Коцебу-зунд 181, 194, 196, 197,
199, 213, 214, 215, 218, 220,
233, 323.

Коребу-зунд, мыс

Кошка, о-в 188.

Краймока, о-в 271.

Красная горка 101.

Кронсбургская крепость 106.

Кроноцкая сопка 331.

Кронштадт 95, 96, 99, 100, 101,
104, 111, 113, 148.

Кронштадтский рейд 95, 98, 100,
108.

Крузенштерна, мыс 196, 197,
198, 200, 201, 216.

Крысий, о-в 128.

Кука, о-в 168.

Куленс, маяк 106.

Куличиков, о-в 231, 236.

Кулюгин, о-вок 308, 315, 316.

Купаема, селение 306.

Купеческая гавань 100.

Курильские, о-ва 254.

Лаврентия св., о-в 187, 188,
189, 191, 193, 195, 202, 213,
214, 225, 226, 240, 289, 292,
293, 294, 295, 297, 302, 305,
308, 310, 318, 321, 325, 326,
327, 328, 329, 330.

Лаврентия св., губа 223, 291,
296, 297, 299, 301, 302, 308,
311, 322, 323.

Лаврентия св., мыс 326.

Лагорфакс, о-в 170.

Лазаря св., о-вок 231, 236, 278,
279.

Лахора, о-в 249.

Левенштерна, мыс 195.

Ледяная гора 201.

Лизардские маяки 104, 113, 114.

Лизард, мыс 344.

Лизбурн, мыс 217, 219, 220,
221.

Лима, г. 127.

Лисья гряда 234.

Лодейное поле 96.

Ложная губа 119.

Лондон 99, 109, 110, 112, 154,
258.

Лос-Естерес, мыс 241.

Львиная гора (в Африке) 144.

Люгрень, селение (Мечигмен-
ская губа) 322.

Макушинская губа 184, 228.

Макушинская сопка 227.

Манвелле или Сбевцонс.

Манила 214.

Маратай, о-в 251, 252, 336.

Марии св., о-в 344.

Матвея св., о-в 226, 289, 290,
291, 329, 330, 318.

Мексика 265.

Мечигменская губа (на о-ве
св. Лаврентия) 191, 296,
301, 302, 321—322, 322.

Мидельгрунт 105.

Монакаа, гора 250.

Мона-Роа, гора 250.

Монтерей (на Новой Калифор-
нии) 275.

Морио, о-в 125.

Мсуно, о-в 102.

Муве, о-в 250, 254, 267.

Мульграва, мыс 222.

Надежда, о-в 168.

Наргин, о-в 101.

Нева, река 128.

Невенгам, мыс 292.

Нейгольм, г. 103, 104.

Немецкое (Северное) море 105.

Нидлигенские маяки 106, 109,
113.

Новая Голландия 143, 150, 152,
153, 154.

Новая Зеландия, о-ва 153.

Новая Калифорния 230, 241,
275.

Новоархангельский 230, 277.

Новогорелый, о-в 156, 177.

Норвегия 105.

Нортонов зунд 289, 321.

Норфольк, о-в 158, 159.

Нордфорландские маяки 107.

Нунивок, о-в (Нунивака) 319,
320, 321, 322.

Ньюпорт, городок на о-ве Вайта
109.

Обмана, мыс 216.

Общества, о-ва 260.

Оваги, о-в 250, 251, 260, 261,
337.

Оверс, банка 108.

Огненная Земля, о-в 265.

Опасность, о-в 339.

Ораниенбаум, г.

Отувай, о-в 261.
Охотск, 245, 334.

Павла св., о-в 118, 186, 187.
Павла св., селение на п/о Калифорния 244.
Парамата, г. 150, 152.
Патагония 265.
Пейчгет, о-в 148.
Петербург 97, 98, 117, 123, 128, 157, 232, 259.
Петерсон, о-в 170.
Петропавловская гавань 329.
Петропавловск и/Камчатке 157, 214, 310, 332, 333, 334, 337.
Петрякова, мыс 227.
Пинакл, о-вок 291.
Попугаева голова, гора 136.
Портландские маяки 113.
Портсмут, город 104, 109, 110, 111, 112.
Португалия 341, 342.
Преображения, о-в 181, 289, 290.
Прибыловы, о-ва 186.
Ралос, о-в 126, 128.
Ранай, о-вок 251.
Ратмановы, о-ва 181, 194, 197, 198, 199.
Раццо, о-в 131, 137, 390.
Редонда, о-в 137.
Рикорда, мыс 221, 222.
Рио-Жанейро, порт и город 114, 119, 122, 125, 127, 128, 131, 132, 133, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 154, 171, 332, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344.
Родшхер, мель 101.
Роко, мыс 241.
Росс, селение 244.
Росток
Рафаэля, св. Миссионерство 243.
Сальтгольма, о-в 103.
Сандвичевы, о-ва 248, 249, 255, 257, 258, 260, 261, 262, 263, 265, 266, 267, 269, 271, 273, 274, 275, 277, 280, 285, 332, 335.
Сандвичевское царство 271.

Санта-Круц, крепость 125, 130, 131, 137, 343.
Сарычева, пролив 310, 330.
Сахарная голова, гора 126, 137, 343—344.
Северный мыс 155, 184, 296.
Семисопешный, о-в 173, 174, 175.
Сент-Еленский рейд 108.
Сердце-Камень, мыс 311, 314, 315, 316, 317.
Сеснарский маяк 101.
Сибернес, мыс 101.
Сидельх Чукочь, селение 297.
Сидней, г. 148, 149, 150, 152, 153, 154, 155.
Сиднейков залив.
Синие горы в Новой Голландии 150, 152, 154.
Ситха (Ситка) 111—112, 228, 231, 233, 234, 235, 237, 238, 239, 240, 244, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 322, 327.
Ситхинский залив 235, 237.
Соединенные штаты 214, 259, 260, 265, 273, 337.
Спафарьева губа 212, 213.
Спидгед 109.
Спидгедский рейд 108.
Средиземное море 127.
Старт, мыс.
Стокгольмские шхеры 102.
Столб 180.
Столовая гора (в Африке) 144.
Столовая губа 119, 144.
Столовой, о-вок 285.
Стефенсона, мыс 292.
Стрелочная сопка 331.
Суворова, о-ва 339.
Сцилли, о-в 344.
Тагурен, о-вок 251.
Тексель 341.
Тиататуа, бухта 250.
Тигиль, г. 309.
Тихий океан 260.
Товарищества, о-ва 157.
Угамок, о-вок 286.
Умнака, о-в 185.
Умнак 176, 184.
Уналашка, о-в 99, 171, 176, 177, 179, 181, 182, 183, 184, 185, 187, 188, 211, 213, 225, 226,

227, 228, 230, 267, 277, 285,
286, 287, 288, 289, 290, 291,
318, 322.

Уналага, о-в 286.

Унга, о-в 176.

Унимак, о-в 184.

Унимакский пролив 286, 287.

Унимакская сопка 287.

Фалстербоу, маяк 102.

Фаралунас, камни 241, 247, 248.

Фиджи, о-ва 159, 160, 161.

Франция 108.

Франциска св., залив

Франциска св., миссионерство
243, 244, 246, 280.

Франциска св., порт 157, 230,
240, 241, 242, 243, 244, 245,
248, 301.

Фрио, мыс 124, 125.

Христиансер, маяк, 102.

Хили (или Чили), гос-во 265.

Чавака (см. Шалацкий нос)

Чирикова, о-вок 286.

Чукотский нос 308, 325, 326.

Шалацкий нос 305, 308.

Шамиссо, о-в 201, 203, 211, 212,
213, 214.

Шипунский, мыс 331.

Шишмарева, залив 198, 199,
214, 215.

Шкаген 107.

Штагенский маяк 107.

Эдистонский маяк.

Эланд, о-в 102.

Эойвушен (см. о-в Лаврентия
св.)

Эспенберга, мыс 197, 199, 200.

Эчком, гора 236, 278, 285.

Эчком, мыс 231, 235, 240,
255, 272.

Эштольц, губа 201, 211.

Южное море 141, 164, 165, 272.

Ютландия, полуостров 107.

Яндагай, (чукотское название
с.-з. мыса Мечигменской
губы) 322.

Япония 254, 265, 336,

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Вступительная статья	11
Инструкции	67

Глава первая

Назначение экспедиции. — Выход на Кронштадтский рейд и пребывание на оном. — Отплытие из Кронштадта. — Приход в Копенгаген	95

Глава вторая

Пребывание на Копенгагенском рейде. — Плавание от Копенгагена к Портсмуту. — Нахождение в сем порте и путь Английским каналом к Лизардским маякам	104

Глава третья

Плавание Атлантическим океаном в Бразилию. — Прибытие в Рио-Жанейро и замечания о сем порте	114

Глава четвертая

Плавание от Рио-Жанейро до мыса Доброй Надежды и оттуда на юг для открытий. — Прибытие в порт Жаксон. — Некоторые замечания о сей стране и об английских колониях в Новой Голландии	143

Глава пятая

Отплытие из порта Жаксон. — Разлучение по предписанию с шлюпом «Открытие» и нечаянное с ним соединение. — Открытие группы островов «Благонамеренного» и свидания с их жителями. — Исследование острова Новогорелого. — Вторичное разлучение с шлюпом «Открытие». — Плавание к Уналашке и пребывание у сего острова	156

Глава шестая

Прибытие в порт Уналашку и сведения об оной. — Плавание к Берингову проливу и в зунд Коцебу. — Нечаянное свидание с дикими американцами. — Исследование ледяных гор. — Закрытие островов Ратманова и Преображения, найденных лейтенантом Коцебу. — Соединение с шлюпом «Открытие»	181

Глава седьмая

Прибытие шлюпа «Открытие». — Продолжение плавания во льдах. — Вторичное посещение острова Св. Лаврентия. — Свидание с жителями оного и некоторые о них известия. — Возвращение в Уналашку	213

Глава восьмая

Плавание от Уналашки к Новоархангельскому порту. — Известия о российских колониях в Северной Америке. — Приуготовление палубного бота к плаванью у берегов. — Отплытие в Новую Калифорнию к порту Св. Франциска. — Некоторые замечания и путешествие берегом по разным миссионерствам	230

Глава девятая

Плавание от порта Св. Франциска к Сандвичевым островам. — Приход к острову Ваге. — Пребывание на сих островах и замечания об оных	248

Глава десятая

Плавание от Сандвичевых островов до Новоархангельского порта. — Спуск бота. — Отплытие к Уналашке и в Берингов пролив	277

Глава одиннадцатая

Продолжение плавания Беринговым проливом и за оный. — Свидание с чукчами. — Плавание на обратном пути к острову Св. Лаврентия и в пролив Сарычева. — Прибытие в Петропавловский порт	310

Глава двенадцатая

Пребывание в Петропавловском порте. — Плавание от оного к Сандвичевым островам, в Рио-Жанейро и возвращение в Кронштадт	332
Приложения	349
Примечания	421
Краткий словарь главнейших морских терминов, встречающихся в тексте	451
Указатель имен личных	465
Указатель географических названий	469
	475

Редактор *С. В. Узин.*
Редактор карт *Н. С. Кузнецов.*
Худож. редактор *В. В. Осокин.*
Технич. редактор *Д. А. Глейх.*
Рисунки художника *И. А. Мицкевича.*

А 16402. Сдано в производство 17/X-49 г.
Подписано к печати 10/XII-49 г. Формат
84×108¹/₃₂. Печатных листов 29 ³/₄+0.75 вкл.
Учетно-издательских листов 29,43. Тираж 20.000.
Заказ 2156. Цена 11 р. 75 к. Переплет 1 руб.

Типография «Известий
Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова.
Москва, Пушкинская площадь, 5.

СПИСОК ЗАМЕЧЕННЫХ ОПЕЧАТОК

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
10	8 снизу	А. А. Демину	Л. А. Демину	Издательства
10	6 снизу	Калоянову	Кальянову	
389	10 снизу	Это	Эхо	
448	6 снизу	224	244	Типографии
461	24 снизу	мечты	мачты	

12 р. 75 к.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Москва — 1966